РУСИСТИКА

2018

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА. СОВРЕМЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ

ХИМЕРА
HIMERA

Русистика 2018

Материалы международного научного симпозиума „Экология языка и современная коммуникация“,
посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского,

26–29 апреля 2018 г.

издателство
ХИМЕРА
HIMERA

Шумен, 2018

Сборник выполнен в рамках научного проекта коллектива кафедры русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского, поддержанного фондом «Русский мир», на тему: “*45 лет русистике в Шуменском университете*“ (№ 1796Гр/II-073-17). Научный руководитель проекта – проф. д-р Е. Стоянова. Материалы сборника рецензировались анонимно.

Редакционная коллегия:
проф. д-р Елена Стоянова (отв. ред.), Болгария
доц. д.ф.н. Светлана Алексанова, Россия
проф. д-р Татьяна Чалыкова, Болгария
проф. д-р Валентина Аврамова, Болгария

Технический редактор:
Христина Христова
Дияна Николова

Русистика 2018: материалы международного научного симпозиума „Экология языка и современная коммуникация“ 26–29 апреля 2018 г. (Шумен–СОК Камчия), посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария). / Отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: изд-во „Химера“, 2018 – 446с.

Доклады участников международного научного форума включают актуальные проблемы современной лингвистики, экологии языка и литературы, вопросы функционирования языка в различных типах дискурса, лингводидактические проблемы преподавания русского языка. Ответственность за аутентичность цитат и соблюдение законов интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник адресован исследователям в области современной русистики, преподавателям русского языка, аспирантам, студентам-русистам.

ISBN 978-619-7218-43-5

ХИМЕРА
HIMERA

печат: “Химера” ООД - Шумен
Издателство: “Химера” ООД, тел.: 054/ 830 585
e-mail: print@himeraltd.com, www.himraltd.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Димитрова Стефана	Лингвистика и здравый смысл.	9
Поморцева Наталья	Современные подходы к преподаванию русского языка как иностранного вне языковой среды.	17

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аврамова Валентина	*Путь* и *път* в русской и болгарской ментальности.	24
Байзакова Гульмира	Двуязычная языковая личность на примере поэм Олжаса Сулейменова.	31
Врачу Марина	К истории изучения липованских (русских старообрядческих) говоров Румынии.	37
Георгиева Стефка	Внутренняя мотивировка образной основы фраземы как способ выражения ментальной картины мира.	41
Захарова Мария	Особенности современной языковой ситуации в контексте истории русского литературного языка.	47
Иванов Андрей **Иванова Римма**	Побудительные конструкции в русском тексте Евангелия от Матфея.	53
Кравцова Юлия	Актуальные проблемы лингвоперсонологических исследований.	60
Мартынюк Анна	Правовое поле в межкультурной коммуникации: крымский контекст.	64
Матвеева Елена	Лингвокультурология медиатекста в системе современного российского языкознания.	69
Митев Дамян	Новые слова в русском языке в их отношении к деривационной системе.	74
Михайлова Ирина	Представление о радиксоидах русского языка как основа экокультуры современной языковой личности.	81
Николова Дияна	Современные аспекты терминологического исследования.	86
Старостин Константин	Из опыта изучения коллективной языковой личности сибиряка-фронтовика.	90
Стоянова Елена	Жаргон как феномен современной лингвокультуры.	95
Чалыкова Татьяна **Алексиева Елена**	Редукционные процессы в русском, болгарском и турецком языках как основа интерференции	100

	при обучении русскому произношению.	
Чурилина Любовь	Концепт «православная цивилизация» как доминанта национальной картины мира.	105
Швецова Виктория	Коммуникативное моделирование семантики слова в художественном тексте.	110

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Бобок Марта-Теодора	Избыточность эквивалентных англицизмов в общеупотребительной лексике современного русского языка.	117
Ван Цзинхуэй	Пополнение лексического состава русского языка с точки зрения экологии языка.	122
Васильева Инна	Концепт «душа» в творчестве А. С. Грина.	127
Гажева Инна **Еременко Ирина**	Концепт чистоты в творчестве Ф. М. Достоевского.	131
Гончарова Наталья	Иноязычные слова в родной речи: обогащение языка или символ чужой культуры?	135
Десюкевич Ольга	Кодовые переключения в белорусском интернет-пространстве: стереотипизация участников коммуникации в ситуации двуязычия.	138
Ионова Светлана	Экология языка и человека: к вопросу об объекте воздействия.	144
Карпенко Илья	Роль языковой личности в истории прозы Серебряного века: Алексей Ремизов (лингвистический аспект).	149
Кныш Елена	Экология речевого пространства города.	156
Красовски Аксиния	В поисках точного слова: поэтический язык Серебряного века.	161
Лапаева-Ристеска Наталья	«Отраду слов скупых и ясных прошу я господа мне дать…»: поэтическое слово как объект рефлексии в лирике Владимира Набокова.	167
Новикова Татьяна	Слово как носитель «великой духовной энергии.	171
Пивоварчик Тамара	Девиантное использование местоименных лексем в коммуникативных практиках интернет-сообществ.	176
Салиева Людмила	Проблема экологии души в романе Владимира Набокова "Дар".	181
Солодовникова Наталия	Лингвоэкология: курс на эмоциональный интеллект или роль эмоций в экологическом конструктивизме.	186
Старостина Людмила **Колотилова Наталья**	Трансфер терминологии из экологии в эколингвистику.	191

		195
Стеванович Раиса	Проблемы экологии языка эвристического научного текста (межъязыковой аспект).	
Стрельникова Наталия	Специфика употребления слов-паразитов в современном русском языке.	200
Шарандин Анатолий **Сотникова Анна** **У Мэн**	Экология языка и речи в оценке русских и китайских студентов как отражение национальной ментальности (на материале социологического анкетирования).	205

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

Варинская Алла	Репрезентация экоконцептов в профессиональном морском дискурсе.	208
Вермишова Полина	Практика нейминга как фактор изменения ментальности современной российской молодежи.	213
Дамянова Христина	Жаргон в русских и болгарских спортивных комментариях.	217
Димитрова Нина	Антонимия в терминологии транспортного экспедирования.	222
Жунусова Жаныл	Современное коммуникативное пространство: сетевое взаимодействие в аспекте язык-культура-интернет.	227
Задонская Галина	Эволюционность развития архитектуры и ее вербализация в научном искусствоведческом дискурсе.	232
Петкова-Калева Стефка	Языковая агрессия экзонимов в форумных комментариях в контексте экологии языка.	237
Ризова Теодора	Профессиональный русский язык специалистов в области сервиса и туризма.	241
Ромашова Инна	Дискурсивные технологии легитимации в корпоративном дискурсе.	246
Свитич Луиза	Динамика ценностей в российском телевизионном контенте.	251
Стойкова Надежда	Вульгарные никнеймы как часть современного интернет ономастикона	262
Терзиева Татьяна	Автомобильный жаргон в сфере профессионального общения.	266
Хоригути Даики	Дефисация синонимических глаголов.	272
Шарандин Анатолий	Сквернословие и его влияние на русскую ментальность.	277

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ

Архангельская Юлия Манчев Владимир Савогина Инна	Русский язык как нерусский: ошибки в употреблении слов и фразеологизмов в современных текстах рекламы и СМИ и проблемы перевода.	282
Бугаева Ирина Сидорченко Кирилл	Языковая игра в СМИ как часть лексического фона в аспекте межкультурной коммуникации.	287
Вакулова Елена Боронкин Павел	Политические тексты СМИ в аспекте категории оценочности.	291
Васина Елена	Ловушки и провокации языковых игр новых медиа.	295
Дрей Виктория	Эстетизация специализированного совокупного журнального текста как медиалингвистическая проблема.	299
Занько Татьяна	К вопросу о некоторых видах семантической трансформации фразеологизмов в публицистическом контексте: на материале русских и чешских газет.	303
Калдыкозова Сандугаш Лесбекова Ляззат Рыскелдиева Жамиля Ахметова Айгуль Туребекова Бахыткуль	Стилистические особенности заголовков газетных публикаций Казахстана.	308
Петкова Силвия	Метакоммуникативные извинения в дискурсе массмедийного интервью.	312
Раденкова Елена	Деструкция фразеологической единицы как способ конструирования печатного заголовка в российских СМИ.	317
Савинкова Тамара	Лексические маркеры ложной информации в современном медиапространстве.	322
Селютин Андрей Селютина Елена	Демократизация языка экспертов сетевых медиа в контексте развития коммуникативного поля виртуальной среды.	326
Цветова Наталья	Русская речь в эпоху перемен.	330
Шарафутдинова Олеся	Речь политического лидера в СМИ: норма, социум, индивидуальность.	333
Яковлева Юлия	Эвфемизм как разновидность речевого штампа в текстах современных российских СМИ.	340

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Бронская Тамара Бронская Ольга	Фактор экотоксичности в аспекте русского языка как иностранного.	345
Грудок-Костюшко Марина	К вопросу о развитии навыков диалогической речи на занятиях по русскому языку как иностранному в свете эколингвистики.	350
Евграфова Анастасия	Норма и система русского языка в аспекте преподавания в иностранной аудитории.	353
Конова Марианна	Специфика перевода дипломатических нот.	357
Милевская Татьяна	Новые подходы к выбору текстов для обучения русскому языку в высшей школе.	364
Морару Михаэла	Динамика русского молодежного жаргона (его влияние на «грамотность» румынских студентов).	368
Налимова Татьяна	Вопросы экологии языка в преподавании дисциплины «Русский язык и культура речи» в вузе.	373
Наумова Наталья	О репрезентации концепта „здоровье-болезнь“ в русской и чешской лингвокультурах.	378
Петрова Ирена	К вопросу о преподавании русского языка для специальных целей.	383
Сафонова Виктория	Учебник РКИ как инструмент межкультурной подготовки студентов: экологические и социокультурные проблемы проектирования.	388
Стоянова Таня	Фразеологизмы в обучении РКИ (на базе публицистических текстов).	392
Фомина Инесса	К вопросу о развитии навыков образной речи на занятиях по русскому языку как иностранному в свете эколингвистики.	396
Цеков Петрослав	Проблемы перевода на русский язык болгарских художественных текстов незрячими учащимися.	401
Шулежкова Светлана	Историко-лингвистический комментарий к современному русскому языку как массовый образовательный онлайн-курс.	404

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Владова Илиана	Явление переводной множественности в переводоведении.	411
Иванова Людмила	История русской школы художественного перевода. В. А. Жуковский.	415

Карасаева Халам	Проблемы образовательного процесса и межкультурной коммуникации в условиях политики триязычия в Казахстане.	420
Кирилова Илиана	Способы передачи реалий при переводе художественной прозы.	423
Наумович Гордана	Лингвистические проблемы перевода и межкультурная коммуникация в Сербии.	428
Солнцева-Накова Екатерина **Манчев Владимир**	О специфике перевода как феномена межкультурной коммуникации (на примере русского и болгарского языка).	431
Черненькая Светлана **Буралкин Михаил**	Межкультурная коммуникация: ограничения и возможности.	437
Юзвяк Иоланта	Перевод имен собственных в контексте экологии языка.	442

ЛИНГВИСТИКА И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ

Димитрова Стефана
профессор, доктор филологических наук,
Doctor Honoris Causa Шуменского университета
им. епископа Константина Преславского, Болгария

Предложенная в настоящем докладе тема „Лингвистика и здравый смысл“ волнует меня давно, задолго до возникновения нового научного направления, обозначаемого термином ***эколингвистика***. Ознакомление с этим направлением убедило меня, что данная тема имеет некоторое отношение к проблематике, которая в нем разрабатывается.

С середины двадцатого века в мировом масштабе намечается переход от индустриального общества к обществу информационному. В лингвистике это чувствуется по появлению массы междисциплинарных работ, сформировавшихся на стыке социального, психологического и философского направлений в языкознании. Одним из проявлений этой тенденции можно признать возникновение эколингвистики, стремящейся к параллельному изучению социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза, учитывая проблемы речевого воздействия (так называемого обратного влияния языка) и проявление в языке предельно общих свойств эволюции общества и познания. При этом следует отметить, что само понятие *экология* расширило неимоверно свой объем и превратилось в название некоей интегративной науки.

Любая новая наука, особенно если она претендует на интегративность, всегда является особенно привлекательной и ее представители порой склонны в той или иной степени преувеличивать ее значимость. Чтобы избежать лишних слов восторга, я предпочитаю занять следующую позицию: рассказать о некоторых своих убеждениях, сложившихся за рамками эколингвистики, но определенно имеющих отношение к тому, чем теперь она занимается.

Создателем понятия ***экология языка*** признается американский ученый Эйнар Хауген, который, кроме всех прочих лингвистических проблем, не оставил без внимания также многие проблемы социолингвистики. В 1966 году он опубликовал в первом варианте статью *Экология языка,* которую в виде доклада перед широкой лингвистической аудиторией прочитал в 1970 г. и в окончательном виде опубликовал в 1972 году. „Экологию языка, – пишет он, – можно определить как науку о взаимодействиях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается его общество, использующее язык как один из своих кодов. Язык существует только в сознании говорящих, на нем и функционирует только при взаимоотношениях с другими говорящими и их социальным и природным окружением. Частично экология языка имеет физиологическую природу (т.е. взаимодействие с другими языками в сознании говорящего), частично социальную (т.е. взаимодействие с обществом, в котором язык используется как средство коммуникации). Экология языка зависит от людей, которые учат его, используют и передают другим людям“ [11, с. 11]. Эта мысль Э. Хаугена часто цитируют в качестве программы-минимум для изысканий в области экологии языка.

Искушенному в лингвистической теории исследователю абсолютно ясно, что в этих словах ничего нового реально нет. Но в то же время также абсолютно ясно, что такой подход к языковому материалу может быть стимулом к новым изысканиям, к

созданию новых гипотез и теоретических построений и к расширению лингвистической тематики или, как теперь принято говорить, к обновлению лингвистических сюжетов. На самом деле это так и произошло. Началось все с создания новой терминологии. В 1985 г. французским востоковедом Клодом Ажежем было введено понятие ***эколингвистика*** [1]. Вслед за ним появились и быстро получили распространение термины ***языковая экология, экология языковой личности, эмотивная лингвоэкология*** и мн.др.

Всем этим направлениям все еще предстоит отстоять и доказать свое право на существование в лингвотеоретическом пространстве. Но и теперь можно сформулировать то основное исходное положение, которое их объединяет – это признание факта, что язык является самым великим и самым естественным продуктом человеческого мозга.

Соглашаясь с этим, следовало бы ожидать, что язык не может быть антиподом здравого смысла и что в науке о нем нет и не может быть ничего на первый взгляд нелогичного и парадоксального. Но в действительности все обстоит сложнее. В любой науке есть спорные зоны и одной из них является ее взаимодействие со здравым смыслом.

Здравый смысл представляет собой совокупность житейских убеждений, сформировавшихся под влиянием ежедневной практической деятельности людей. Он возникает стихийно, поэтому в философии его часто определяют как необходимый результат ***Великой бессознательно-логической истории человечества***. Здравый смысл опирается на человеческий опыт, а опыт сильнее всего связан с нашими первичными восприятиями. Они лежат в основе накопления огромной информации о мире, но они же и являются причиной возникновения целого ряда заблуждений, преодолевание которых воспринимается обычно как возникновение парадоксов. Здравый смысл сильно отличается от научного мышления. Он не стремится к высокой степени абстракции и не проникает глубоко в сущностные характеристики процессов и явлений. Здравый смысл не является новым знанием. Это комплекс готовых знаний. Все это делает его весьма консервативным, неспособным к восприятию нового, необычного, противоречащего широко распространенным взглядам. Георг Вильгельм Фридрих Гегель утверждает, что любая философия отходит далеко от здравого смысла, поскольку он вообще не может считаться философией, а Теодор Тидеманн напоминает, что уже в древности ритор Горгий перешел границы здравого смысла. Здравый смысл не терпит парадоксов, хотя именно они обеспечивают преодоление наших наивных представлений о мире. В науковедении давно принято убеждение, что ***парадоксальность*** является серьезным доказательством научности теорий и гипотез. Известен случай, когда Нильс Бор, узнав о возникновении одной из новых гипотез в физике, спросил: „Достаточно ли она парадоксальна, чтобы быть научной?“.

Интерес ученых к так называемым парадоксам не является изолированным, эпизодическим явлением. Он связан с изменениями в способах мышления людей вообще, с ***моделями научного мышления*** и с разными видами логики, которые определяют его развитие с древних времен и до наших дней.

Модели научного мышления могут быть в дополнительных, комплиментарных отношениях, но могут быть и контрастивными. Самым характерным примером контрастивных моделей являются ***Аристотелианская*** и ***Галилеанская модель.*** Считается, что при всех своих достоинствах Аристотелианская модель в определенной степени задерживала развитие науки. На самом деле, только после появления Галилеанской модели наблюдаются значительные успехи и ускоренное движение вперед в биологии, физике и в гуманитарных науках – прежде всего в логике, психологии и языкознании. Вот один из типичных примеров галилеанского мышления

в языкознании. В 1952 г. вышла статья Сабастьяна Константиновича Шаумяна *Вопрос о фонеме.* В ней он категорически заявляет, что „основные понятия фонологии являются абстракциями, кажущимися странными с точки зрения так называемого здравого смысла. Но эти абстракции неопровержимы, так как их подтверждают факты исследовательской практики“ [12, с. 336].

Аристотелианская модель сильнее связана со здравым смыслом. Было бы неточно утверждать, что она его полностью принимает и подчиняется ему. Но все же у сторонников Аристотелианский модели трудно заметить строгое отграничение от здравого смысла. Основными понятиями этой модели являются ***локусная детерминация*** и ***каузальность.*** Локусной детерминацией называется сильная зависимость объекта от среды, в которой он существует. Ей аристотелианцы противопоставляют его имманентные свойства. По их мнению причины способа функционирования и формы существования объекта, т.е. каузальность, заложены только в природе самого объекта и не обусловливаются средой. Роль среды оценивается ими по преимуществу негативно. Она определяется как „досадный фактор“, ведущий к „нарушениям“ в поведении объекта. Не требуется больших усилий, чтобы заметить, что такое противопоставление не могло быть принято сторонниками эколингвистики даже в ее самом первоначальном варианте.

Дихотомия ***объект – среда*** не является единственной в Аристотелианской модели. В ней присутствуют и другие дихотомии: противопоставление небесного и земного процесса, противопоставление нормального человека ненормальному, интеллигентного человека неинтеллигентному и т.д.

В языкознании была поставлена сравнительно недавно дихотомическая тема ***язык в норме и в патологии.*** Второй аспект исследуется сравнительно молодой еще наукой нейролингвистикой, созданной в середине прошлого века Александром Романовичем Лурия. Ее появление было равнозначно революции в лингвистике. Но все еще слабее всего исследуются переходные состояния языковой личности, особенно если они не связаны с каким-либо специфическим заболеванием или мозговой травмой. Причин для этого немало. Самой серьезной из них является трудность наблюдать колеблющиеся, нестабильные состояния. Но причиной можно признать и априорную настроенность исследовать крайние пункты дихотомии – норму и патологию. Если исходить из объекта нейролингвистики и его противопоставления объекту традиционной лингвистики – языку в норме, можно утверждать, что нейролингвистика зародилась в парадигме Аристотелианского мышления. Но более углубленное ознакомление с методикой работы в рамках самой нейролингвистики убедительно показывает, что она полностью соответствует Галилеанскому мышлению. В области патологии нейролингвистика не довольствуется исследованием дихотомических структур. Наоборот, она разрабатывает сложные нетрадиционные подходы для изучения патологии речеупотребления, способные раскрыть динамику процессов в семантической памяти человека в разных состояниях, связанных с заболеваниями мозга.

Упомянутые выше дихотомии не были так точно сформулированы в древности. В качестве исследовательской модели они возникли значительно позже в рамках психофизических исследований человеческой личности и обрели констативный характер, что делает их статичными, стационарными. Но Аристотелианская модель не ограничивается одной только статикой. Она направлена и на исследование движений, т.е. развития объекта. В этой области сочетаются точные физические наблюдения с ежедневными оценочными характеристиками. При этом некоторые виды движения определяются как хорошие и высшие – к ним относятся круговое и прямолинейное движение, т.е. движения с ярко выраженными векторными характеристиками.

Движения с более сложными траекториями (зигзагообразные, турбулентные) получают негативные оценки. Этот образ мышления имеет проекцию в психологии и конкретнее в очень строгом разграничении нормального и патологического поведения. Нормальное поведение всегда со знаком плюс, патологическое же со знаком минус. Он имеет отражение и в осмыслении языковых явлений, например в полном и доведенном до абсурда противопоставлении литературного языка диалектам, в пренебрежении фактом, что литературный язык является самым искусственным творением языковедов и что он сконструирован небольшой группой кодификаторов с благородной прагматической целью обеспечить неамбивалентную и нетавтологическую коммуникацию. Но эта благородная цель никому не дает права забывать об источниках самого литературного языка, при осушении которых постепенно исчез бы и он. По крайней мере таковы данные о мертвых или отмирающих на наших глазах языках. И поныне, когда мы все еще изучаем латинский язык и теоретически хорошо знаем связанные с ним факты, не можем представить себе реально, как на этом языке велись оживленные споры, произносились блестящие речи и пледуарии, создавались бессмертные произведения, а тем более как на этом языке мамы поучали своих детей, а парии проклинали патрициев, поскольку перед нашими глазами раскрывается совсем иная картина: неспециалисты с трудом читают даже самые элементарные латинские тексты, на которых все еще составляются некоторые почетные документы, и при этом носители разных языков находятся в плену у фонетический и акцентологической базы своих родных языков. Целый ряд примеров можно найти и в славянском мире, где наблюдаются нечеловеческие усилия для сохранения верхне- и нижнелужицкого языка, полабского языка и др., но перспектива ясна всем. Здравый смысл протестует против таких утрат, но экстралингвистический фактор – среда в самом широком смысле слова оказывается более сильной и неумолимой.

В Галилеанской научной логике сложилось новое понимание объекта и среды. Важным фактором признается их взаимодействие, поскольку как объект, так и среда имеют интерактивные характеристики. Галилеанские физики объясняют поведение объекта не его „предрасположением“, а его функциональным взаимодействием со средой. Согласно Галилеанской логике поведение всех объектов, в том числе и людей, ситуативно обвязано, его специфические проявляния ситуативно обусловлены. События и действия не должны наблюдаться изолированно. В центре внимания ученых оказались условия, в которых определенные события или действия становятся только возможными или же реально осуществляются. Что касается языкознания, то сразу приходит на ум созданное пражцами понятие ***конситуация*** (контекст + ситуация), отражающее основные характеристики языковой коммуникации. Вряд ли нуждается в доказательстве тот факт, что вся прагматическая ***теория речевых актов*** является теорией ориентации говорящего и слушающего в условиях речевого общения. Речевое поведение участников речевых актов является величиной переменной. Галилеанская логика признает континуитетную природу переменных величин. Такая исходная позиция характеризует современную лингвистическую прагматику во всех ее вариантах. Но для корректности надо признать, что континуитетная природа использования языка была точно и недвусмысленно отмечена еще Вильгельмом фон Гумбольдтом в предложенном им рассмотрении языка как ***ergon*** и ***energeya.*** Разработанная неогумбольдтианцами и современными последователями Гумбольдта ***энергетическая теория языка*** [см. напр. 9] базирована целиком на признании его континуитетной природы.

Одной из наиболее важных характеристик Галилеанской логики является то, что она не оценочна. Именно здесь возникает ее конфликт со здравым смыслом. Возможно ли видеть, слышать, наблюдать что-то и не оценивать его? Как будто подобный протест

против такого парадоксального объективизма содержится и в современной прагматике, объявившей ***оценку*** одним из своих важнейших понятий [см. напр. 2]. Но, по существу, этот протест одна только видимость. Когда прагматики исследуют оценку, они отграничиваются от позиций интерпретатора или адресата речи. Оценка принадлежит только им, интерпретатору и адресату. А исследователь фиксирует ее, анализируя ее языковую реализацию. Для него участники речевого акта не могут быть ни хорошими, ни плохими – точно так же, как для логика галелианца люди не могут быть ни нормальными, ни ненормальными и оцениваюся как проявляющие ***определенную степень нормальности и интеллигентности.***

По ходу этих рассуждений естественно возникает вопрос: возможно ли, чтобы в перспективе человечество постепенно отказалось от постулатов здравого смысла в целях достижения строго научного анализа и познания окружающего мира? И если этот вопрос звучит максималистски, его можно было бы переформулировать как-то более скромно и редуцированно: возможно ли, чтобы если не все человечество, то хотя бы ученые отграничились полностью от здравого смысла? И еще конкретнее: возможно ли, чтобы лингвисты полностью от него отказались? Вряд ли, а скорее всего нет. До тех пор, пока ученые будут живыми людьми, они будут испытывать чисто человеческую потребность опираться на здравый смысл. Пока ученые, в том числе и лингвисты, являются живыми людьми, они будут жить своей профессионально детерминированной двойной жизнью, в которой странным и трудно моделируемым способом сочетаются ***научная и наивная картина мира.*** Это положение поддерживается языком, на котором они говорят.Поэтому ни один астроном не отказывается говорить о восходе и заходе солнца, о том, как оно поднимается по небосклону, хотя прекрасно знает, что не солнце всходит и заходит, а мы вертимся вокруг него, что небосклона вовсе не существует и что солнце никуда не поднимается. Но наивная картина мира убеждает нас, что в языке зафиксированы давно ***недействительные истины,*** а они лежат в основе здравого смысла. Человечество давно привыкло к этим ложным „истинам“ и часто склонно оценивать события и факты с позиций их признания и использования в определенных целях.

Таково положение и в лингвистике. Ни для кого не тайна, что звуки речи не могут быть добрыми и злыми, нежными и грубыми, твердыми и мягкими, женственными и мужественными, железными и деревянными – это все свойства, присущие некоторым предметам или живым существам. Но эксперименты психолингвистов показывают, что сотни людей оценивают почти однотипно фонетические сегменты именно при помощи таких определений [см. 8; 7]. Человеческое мышление имеет свойство переносить реальные качества одного объекта на другой объект, который в сущности их не имеет. Эта ***метафоричность человеческого мышления*** является его имманентной характеристикой и объясняет сильную привязанность некоторых лингвистов к ежедневной лексике и их желание включать ее в свой терминологический код. Самым ярким примером в этом отношении является Дуайт Лий Мартан Болинджер, бесспорно признаный самым талантливым адептом здравого смысла в лингвистических разработках.

Находя элементы здравого смысла в трудах Болинджера, следует сделать одну оговорку. В них особым способом переплетаются строго научные констатации и оценочные моменты в стиле наивной языковой картины мира. Позиция Болинджера при создании лингвистических описаний вполне ясна: с одной стороны, он ратует за строго научный подход в наблюдении и анализе фактов, а с другой стороны находит уместным вводить стилистические инновации в описание материала. Поэтому элементы здравого смысла тут остаются на поверхности. Их следует воспринимать как характерную черту весьма метафоричного авторского идиолекта. Созданные в течение

долгих лет – с 1933 по 1991 г. – лингвистические работы Болинджера построены живо и образно и он, по свидетельству биографов, очень этим гордился. Болинджер описывал предложения, в которых „ударение ныряет в фразу, как каноэ в волны“ [4, с. 39] и сравнивал язык с машиной, имеющей две структуры: „Структура социальной деятельности ... отражает житейские контрасты и поддерживает машину в состоянии постоянного ремонта; структура индивидуальной деятельности ... удерживает его на поверхности блаженного гомогенного состояния, которое все-таки подвергает говорящего испытаниям, по крайней мере тогда, когда он пытается вспомнить, что именно хотел сказать. Но устройство языка облегчает нас в качестве говорящих и наши дети ежедневно трудятся упорно над своими индивидуально придуманными и воспринятыми I doet it и You was a orange“ [Цит. по 10, с. 101]. По мнению Роберта Стокуэла, противоречивые требования внешней согласованности и внутренней свободы никогда и никем не были показаны лучше. В чем на самом деле проявляется связь Болинджеровых описаний со здравым смыслом? Ни в коем случае не в привязанности к его консервативности и формальной непротиворечивости. Речь идет совсем о другом: об убеждении Болинджера, что пропущенные через самое мелкое сито здравого смысла сильно житейски обобщенные наблюдения могут иметь и на самом деле имеют проекции в отдельных, единичных фрагментах употребления языка. Поиск таких проеций характеризует каждого склонного к самонаблюдению носителя языка. Безусловно такой личностью был и сам Болинджер. „Быть своим собственным информантом, – пишет он, – это все равно, что быть композитором. Человек вслушивается в ньюансы речи и одновременно с этим придумывает их, судит об их пригодности, надеясь, что другие люди с ним согласятся... [Читатель] затрудняется обнаружить дефекты с помощью определенной гармонии, но я заставляю его оценивать вещи терминами „хорошо“ и „плохо“, но не „правильно“ и „неправильно“ [6]. Оценка по шкале ***хорошо // плохо*** играет большую роль в функциональных исследованиях Болинджера. Он использует ее и в своей концепции звуковых восприятий. Ему не нравилось его так называемое среднее имя Мартан и он никогда им не подписывался. Свою фамилию произносил ...[:балънджър], но не противился, когда сын его стал называться ...[:болингър]. В конце 50-ых годов Д. Болинджер вошел в комиссию, которой руководил президент Южнокалифорнийской журналистической ассоциации Кальвин Смит и которая должна была определить наиболее правильное произношение названия города Лос Анджелис. За исключением Болинджера и еще одного профессора – лингвиста Френсиса Кристенсена – состав этой комиссии был пестрым и непрофессиональным. Оба языковеда имели абсолютно ясное представление, что значит объяснять фонетику людям из светского общества. И хотя подробности всех разговоров, которые велись при закрытых дверях, не были опубликованы, из сообщений в периодике выясняется, что верх одержал Болинджер. С точки зрения лингвистики возможностей было три: [лас:анхелес], [лас:енджълъс] и [лас:енгълъс]. Третья версия с [г] получила предпочтение большинства населения Южной Калифорнии, в том числе и англоязычных жителей – более 1000 из них выразили свое мнение голосованием. Испанцы безусловно предпочли первую версию, наиболее корректную для их языка. Но Болинджер дипломатично убедил жюри утвердить произношение [лос:анджулис], согласованное с английской орфоэпической традицией. В этом решении своеобразным способом переплетаются строго научный подход к соблюдению кодифицированной орфоэпической нормы со здравым смыслом, подсказывающим, что при сильных противоречиях обычно выигрывает не предложенный спорящими сторонами вариант. В таких случаях у нас говорят „Если спорят двое, выигрывает третий“ (болг. „Двама се карат, третият печели“).

Здравый разум и строго научный подход часто сталкиваются в трудах Болинджера и прежде всего в его книге „Език – заряженное оружие“ [5]. Это особенно ясно чувствуется в его толковании языка как коммуникативного средства. Исходя из своего глубокого познания эволюционных фонетических и морфологических процессов, он создал строгие и точные предписания кодификации языка. В то же время наблюдения над речевым поведением носителей заставляют его обратиться к опыту, к здравому смыслу и самым категорическим образом заявить, что борьба против неправильного употребления является только переливанием из пустого в порожнее. Он призывал людей помнить, что язык является всенародным достоянием и должен сохранить свое место рядом с пищей, дорожной безопасностью и ценой жизни, т.е. это то, о чем каждый человек думает и говорит. Если обратиться к болгарскому языковому материалу, сразу же можно найти иллюстрации к этой мысли. Только лингвисты знают, сколько страниц было исписано против употребления глагола *касая* („касаться“) в значении *засягам* („затрагивать“). И несмотря на это, мы слышим каждый день „Това не ме касае!“. На эту тему Валерий Петров написал специальный монолог в пьесе *Театр – любовь моя!,* который незабываемая Славка Славова исполняла со всей силой своего дарования. Публика взрывалась от восторга и выходя из театра иронично повторяла отрывки из монолога. Но на следуюший же день опять повсеместно можно было услышать „Какво те касае!“, „Касае ли те това?“, „Това не ме касае“, „Ако това те касае, то аз не зная какво не те касае“ и т.д. – точно так, как это звучало со сцены, но уже на полном серьезе. Нечто подобное сейчас происходит с глаголом *случва се,* который неизвестно почему стал употребляться в значении „происходит“, „осуществляется“, „реализуется“. Аналогичен случай с наречием *безмислено*, которое семантически необоснованно стало вытеснять наречие *безсмислено* и с существительным *вкусотия,* которое окончательно утратило суффикс **-н-** и, следовательно, связь с мотивируюшим прилагательным *вкусно.*

В языковой эволюции происходят перемены, которые на первый взгляд кажутся порождением низкой языковой компетенции носителей. К ним можно отнести так называемое меканье в болгарском языке, т.е. произтошение глаголов с тематической гласной **-е** или **-и** с финальным **-е**: *ходИмЕ, знаЕмЕ.* На вопрос „Почему Вы так говорите?“ большинство носителей отвечают „Все так говорят“. Типичная ориентация на здравый смысл. Общественный опыт испытывает сильное влияние массовости явления, а именно он, опыт, лежит в основе здравого смысла. И как бы нас ни раздражало такое произношение, следует признать, что тут здравый смысл („Все так делают!“) не является единственным фактором. Явление может быть и научно объяснено. Самый мощный и всеохватывающий морфологический процесс называется ***аналогией***. По аналогии сначала объединились отдельные типы староболгарского склонения, что явилось первым серьезным шагом к утверждению аналитизма в болгарской именной системе. По аналогии все польские глаголы получили в первом лице множественного числа финаль **-му**. По аналогии с продуктивными глаголами с суффиксальным **-а** в русском языке (*читАю, делАю*) образовались вторичные формы непродуктивных бессуфиксальных глаголов (*чихАю < чишу, махАю < машу*). По аналогии с одной моделью сильных глаголов в немецком языке даже такой мастер слова как Теодор Фонтане в нескольких местах в романе *Эфи Брист*, притом в авторском тексте, образует претеритум *frug* вместо *fragte* от глагола *fragen.* Обычный носитель языка этого не знает. Ему не известно определение языка как ***саморегулирующейся и самообучающейся системы***. Он знает только одно: так говорят другие, так говорят все. А по существу здесь имеем дело с точкой пересечения здравого смысла с законами языка, превращающими язык в ***отделимую от человека систему***, обладающую относительной самостоятельностью. Да, обычный носитель не

знает и не обязан знать все это. Но лингвисты знают. Поэтому проф. Петр Пашов, хотя и с болью в сердце, как сн сам говорил, предложил наряду с формами глаголов с тематической гласной **-а-** (*казвАм – казвАмЕ*) признать „мекающие“ формы от других глаголов дублетами: *правИм* и *правИмЕ, четЕм* и *четЕмЕ* и т.д. В оценке этого предложения более консервативными оказались мы, лингвисты. А неспециалисты принимают его с радостью и облегчением, ведь никто не может обвинить их в неграмотности. А у нас сжимается сердце, потому что все наши усилия сохранить разграничение глаголов на основании характера тематической гласной основы становятся все более напрасными.

Упомянутый случай с новой финализацией глаголов относится к обширной области лингвистической футурологии. Эта научная дисциплина находится на точке пересечения здравого смысла с нетрадиционными интерпретациями языковых фактов. Самым известным подтверждением этому является фонологическая таблица Николая Сергеевича Трубецкого, в которой находят место реально зарегистрированные в разных языках и все еще не обнаруженные, но потенциально возможные фонемы. В данном случае мы имеем право говорить именно о подтверждении, так как в наши дни описываются все еще не изученные языки и в некоторых из них действительно обнаруживаются не известные доселе фонемы. К ним относятся, например, вошедшие в лингвистические описания со своим немецким названием Clicklaute (я называю их условно **перещелкивающими звуками**), характерные для изолированной группы африканских языков. Из-за герметичного характера их артикуляции по логике здравого смысла их следовало бы признать невозможными. Но фонологи не только априорно их предвидели, они их зафиксировали и таким образом подтвердили гипотезу о возможном пополнении пучков дифференциальных признаков. Едва ли необходимо напоминать, что подобные научные предсказания, подрывающие основы здравого смысла, наблюдались и в других науках – к ним относятся таблица химических элементов Дмитрия Ивановича Менделеева, теория относительности Альберта Эйнштейна, квантовая теория Нильса Бора, и в особенности ее матричная интерпретация, предложенная Вернером Гейзенбергом и названная по месту создания копенгагенской – и т.д., и т.д.

Столкновение здравого смысла и сложных дедуктивно построенных схем научного познания часто играет задерживающую роль и создает в лингвистике методологические препятствия для осознания языковой субстанции и ее формы. Но, с другой стороны, оно стимулирует аппробацию всех априорно созданных абстрактных моделей целостной архитектоники языковых уровней и обеспечивает условия верификации новых идей и методов в лингвистике, парадоксально таким образом становясь гарантом ее поступательного движения к постоянному прецизированию исследовательских методик и к все более корректной проблематизации научных сюжетов.

Литература

1. *Hagège Claude.* L'Homme de paroles. Fayard, 1985.
2. *Арутюнова Н. Д.* Оценка, событие, факт. Москва: Прогресс, 1988.
3. *Bolinger D. M. L.* Language. // „Topeka State journal“, 08.08.1935.
4. *Bolinger D. M. L.* The Melody of Language. „Modern Language Forum“, 1955, v. XL, № 17: 39.
5. *Bolinger D. M. L.* Language – the Loaded Weapon. New York University Press, 1980.
6. *Bolinger D. M. L.* The Phrasan Verb in English. London – New York: Longman, 1987.
7. *Журавлев А. П.* Фонетическое значение. Москва: Прогресс, 1968.
8. *Lenneberg E. H.* Biological Foundations of Language. New York University Press, 1967.
9. *Рамишвили Г. В.* Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси: изд-во Тбилис. ун-та, 1978.
10. *Stockwel R. P.* Dwight L. Bolinger // Language, 1993, v. 69, 1: 87–123.
11. *Haugen E.* The Ecology of Language // Language science and national development. № 1, 1997.
12. *Шаумян С. К.* Проблема фонемы // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1952, т.11, вып. 4: 21–47.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО ВНЕ ЯЗЫКОВОЙ СРЕДЫ

Поморцева Наталья
профессор, доктор педагогических наук,
Российский университет дружбы народов, Россия
pomortseva_nv@rudn.university

MODERN APPROACHES TO TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE ABSENCE OF THE LANGUAGE ENVIRONMENT

Pomortseva Natalya
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russia

Abstract: *The article regards the specifics of teaching Russian in the absence of the language environment. Ethnic oriented, integrative and cultural, technological and learner-centered approaches of RFL are presented. The methodological ways of these approaches realization in teaching Russian as a foreign language, instructional techniques of compensation for the absence of the language environment are considered.*

Key words: *Russian as a foreign language, methods of RFL teaching, compensation for absence of the language environment.*

Методика преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного в частности переживает этап активного развития, переосмысления целей, задач и принципов обучения иностранному языку, поиска новых способов и средств обучения. Практика обучения иностранным языкам диктует необходимость интеграции методики преподавания иностранных языков с другими гуманитарными науками, такими как психология, социология, этнография. В последние годы появляется все больше сторонников понимания процесса обучения иностранному языку как процесса межкультурной коммуникации, то есть «общения языковых личностей, принадлежащих различным лингвокультурным сообществам» [2, с. 51]. Целью обучения иностранному языку (в частности русскому как иностранному) в этом случае становится, прежде всего, формирование у учащихся коммуникативной и, в ее составе, межкультурной компетенции как умения общаться с представителями другой культуры, включающее умение переключаться на не только языковые, но и неязыковые формы поведения.

Задачей преподавателя русского языка становится не просто обучение иностранных учащихся языковой системе русского языка: фонетике, лексике, грамматике, но формирование у них способности правильно оценивать коммуникативную ситуацию при общении с носителями языка, считывать культурные коды, содержащиеся в речи носителей русского языка, адекватно воспринимать сигналы невербальной коммуникации (жесты, мимику и т.п.) собеседника. Кроме рецепции, целью обучения русскому языку является формирование готовности продуцировать речевые произведения в соответствии с культурными, этикетными и речевыми нормами русского лингвокультурного сообщества.

Преподавание любого иностранного языка вне языковой среды сопряжено со множеством трудностей как для учащегося, так и для преподавателя. Русисты из разных стран мира определяют следующие наиболее частотные проблемы:

- специфика различных систем образования и предпочитаемые в конкретной стране методы преподавания иностранных языков;
- ограниченное количество аудиторных занятий при большой наполняемости учебных групп в средних и высших учебных заведениях;
- отсутствие (или ослабление) у учащихся внутренней и внешней мотивации;

- недостаточная подготовка преподавателя русского языка как иностранного (РКИ) к осуществлению межкультурной коммуникации в условиях отсутствия русскоязычной среды.

Список вышеперечисленных трудностей, безусловно, не является полным, однако показывает актуальность рассмотрения современных подходов к обучению РКИ, объединенных необходимостью решения вопроса о компенсации отсутствия языковой среды, ее воссоздания в лингводидактических целях.

Л. В. Московкин выделяет шесть актуальных направлений современной методики преподавания русского языка как иностранного: лингвистическое, коммуникативное, культуроведческое, антропоцентрическое, тестологическое, технологическое, и предлагает рассмотреть понятие «направление в методике» в качестве особой методологической категории. «Из всех известных современной методике категорий к понятию «направление в методике» ближе всего понятие «подход к обучению». Ясно, что в основе каждого из описанных направлений лежит подход к обучению, определяющий целевую ориентацию методических исследований, их теоретические основы, объект и предмет, понимание трудностей в обучении, отношение к ошибкам и т.д.» [6, с. 76].

Подход, являясь базисной категорией методики, определяет стратегию обучения языку и выбор метода обучения, реализующего эту стратегию [1, с. 200]. На наш взгляд, актуальность выделения определенной классификации подходов к обучению русскому языку как иностранному диктуется необходимостью учета такого важного для построения методической системы фактора, как языковая среда, а точнее, ее отсутствие.

В аспекте развития теории межкультурной коммуникации возрождается интерес к национально ориентированной методике и растет потребность в национально ориентированных учебниках и пособиях. Однако очевидно, что в изменяющихся общественных и профессиональных условиях национально ориентированная методика тоже трансформируется.

Если в учебниках предыдущего поколения авторы в основном ограничивались опорой на данные контрастивной лингвистики и анализировали совпадение – различие, прежде всего, всех уровней систем родного и изучаемого языка: фонетики, графики, словообразования, морфологии, лексики, синтаксиса, то сейчас назрела необходимость активного привлечения данных психолингвистики, этнолингвистики, этнодидактики. Научные исследования последних десятилетий наглядно показали, что национальная специфика связана не только и не столько со структурными различиями языковых систем, но с различиями в системах национального мышления, национального характера. Языковая личность формируется системой родного языка, культурными и социальными традициями, национальной системой образования и т.п. Все это сегодня учитывается при создании национально ориентированных учебников. В методике преподавания РКИ стали активно использоваться такие термины, как этнометодика или этноориентированное обучение. Принципиальным отличием этноориентированного обучения от традиционной национально ориентированной методики является опора на данные этнопсихологии и этнографии.

Т. А. Кротова предложила дополнить методическую модель обучения РКИ этнокультурным компонентом, исходя из утверждения, что «каждая нация имеет свое национальное сознание, выражающееся в сложной совокупности социальных, политических, экономических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, и убеждений, характеризующих определенный уровень ее духовного развития» [5, с. 41]. Индивидуум как представитель определенной нации, определенного этноса несет в себе специфические психологические, поведенческие и

иные черты, влияние которых сказывается в процессе межкультурной коммуникации, в том числе и в рамках учебного общения.

Для разработки методических рекомендаций, учебников, пособий преподавателю РКИ необходимо иметь описание некоего обобщенного образа учащегося, представляющего определенный этнический контингент. При этом необходимо выявить проявления национальной специфики на нескольких уровнях: физиологическом, эмоциональном, поведенческом, когнитивном и др.

Этнокультурный компонент методической системы представляет собой комплексное описание контингента учащихся в целях обучения РКИ, включающее в себя совокупность характеристик: родной язык учащихся (лингвистическая и социальная составляющие), религия, система воспитания (в семье и обществе), система образования, структура гендерных ролей в обществе, особенности речевого и поведенческого этикета. Данное описание способствует оптимизации процесса преподавания РКИ в связи с тем, что этнокультурный контингент представляет собой определенную общность людей, связанных генетическим родством, общностью происхождения и исторической судьбы, единством языка, единством территории, устойчивой межпоколенческой преемственностью, общностью культуры и традиций, общим самосознанием, имеющих оригинальный стереотип поведения и противопоставляющих себя другим подобным коллективам.

По мнению Т. А. Кротовой, этноориентированное комплексное описание контингента учащихся способствует решению следующих лингвометодических задач:

– прогнозировать трудности конкретного этнического контингента;

– ориентировать преподавателя и формировать у него комплекс этнометодических знаний, навыков и умений, необходимых для создания эффективного и психологически комфортного педагогического взаимодействия в образовательном процессе;

– выбирать эффективные для конкретного контингента формы работы (интерактивные, устные или письменные и т.п.), способы организации группового и коллективного взаимодействия; определять содержание обучения, ориентированное на определенный этнический контингент с целью минимизации трудностей изучения русского языка;

– детально прорабатывать темы, наиболее ярко отражающие межкультурные различия (религиозные, гендерные, табу и т.д.) в процессе индивидуальной и самостоятельной работы;

– выбирать средства обучения, эффективные в работе с данным этническим контингентом учащихся, создавать с учетом этноспецифики вариативные фонетические, лексические и грамматические задания, ориентированные на сопоставление или презентацию фактов русского языка и культуры, которые представляют особую сложность для данного контингента иностранных учащихся;

– разрабатывать учебные пособия по русскому языку с опорой на данные об этнокультурной специфике контингента учащихся [4].

«Культуроведческое направление выдвигает в качестве одного из ведущих объектов исследования обучение элементам российской культуры. Оно не является единым, так как, во-первых, культуроведческие исследования в методике опираются на разные источники – лингвострановедение (исследование единиц языка с этнокультурным компонентом семантики) и лингвокультурологию (исследование единиц национального менталитета и их отражение в языке), а во-вторых, эти исследования ориентированы на реализацию разных целевых установок: 1. Язык – цель обучения, культура – средство обучения языку. 2. Общение – цель обучения, культура – средство обучения общению. 3. Культура – цель обучения, язык и общение на языке –

средства обучения иноязычной культуре. Разные целевые установки обусловливают разное понимание не только объекта исследования, которым является соизучение языка, общения и культуры, но и его предмета – отбора, организации, введения, организации усвоения и контроля усвоения культуроведческого материала. Общим же в работах специалистов культуроведческого направления является признание того, что основная трудность в обучении – это понимание чужой культуры, поэтому они уделяют большое внимание объяснению ее особенностей» [6, с. 75].

Становление культуроведческой парадигмы методики преподавания РКИ, включающей как ценную в лингводидактическом аспекте культурологическую теорию, так и эффективно работающую методическую модель обучения межкультурному взаимодействию, межкультурному диалогу в преподавании РКИ, стимулирует создание новых педагогических технологий, основным принципом которых является принцип единства обучения языку и культуре. Большим потенциалом для реализации принципа соизучения языка и культуры обладают интегрированные технологии обучения, использование которых позволяет внедрить в методику обучения РКИ современные достижения лингвокультурологии, лингвострановедения, педагогики, психолингвистики и других наук.

Интеграция представляет собой фундаментальный организационный принцип образования как целостного феномена культуры. Интеграция – это характерный для культуры в целом и для образования в особенности способ работы с информацией, знаниями, обеспечивающий развитие обучающегося сознания [3]. Применительно к методике обучения русскому языку вне языковой среды необходимость интеграции содержания образовательного процесса объясняется, с одной стороны, педагогической задачей целостного становления и развития языковой личности, с другой – единством, целостностью окружающего мира. Интеграцию содержания образования можно рассматривать как принцип современного образовательного процесса. Данный принцип реализуется посредством интегрирующих факторов, т.е. таких компонентов содержания, которые способны к включению в другое содержание.

Гуманитарные науки объединяет то, что все они изучают культуру, особые формы исторической жизни этносов. Воссоздание культурной реальности способствует тому, что каждый текст может изучаться в соответствующем ему культурном контексте. «Согласование разнопредметных учебных программ на проблемно-хронологической основе приводит к тому, что, изучая социальное поведение людей определенного времени в курсе истории, учащиеся параллельно знакомятся с произведениями литературы и других видов искусств, которые оказали заметное влияние на их образ мысли философскими и религиозными идеями, формировавшими нормативно-ценностную основу их сознания, с их бытом, формами межличностных отношений, с их предрассудками, страхами, радостями и ожиданиями» [3, с. 415]. В культурологическом контексте средствами разных учебных дисциплин (наук и искусств) реконструируется ментальность, предопределяющая поведение людей в тех или иных исторических условиях. Синхронизация учебных программ по отдельным гуманитарным дисциплинам превращает разрозненное множество гуманитарных текстов в последовательность, формирует общекультурный контекст. Наш выбор *слова* в качестве единицы интегрированного культурологического содержания гуманитарных предметов обосновывается тем, что, национальные особенности языка ярче всего проявляются в лексике, которая тесно связана с исторически конкретным миром вещей и понятий, значимых для того или иного общества. При этом *слово* рассматривается как фундаментальный образовательный объект, выходящий за рамки обычных учебных предметов, как средство вхождения человека в мир культурных ценностей. Интегрированное изучение *слова* как образовательного объекта посредством

дисциплин гуманитарного цикла осуществляется по следующей схеме: история – историческая эпоха возникновения слова, этимологические анализ; культурология – связь с реалиями культуры, связь с именем собственным; русский язык – современное лексическое значение слова, орфография; литература – употребление слова в художественном произведении в контексте изучаемой культуры; родной язык учащихся – сравнение с целью выявления общего и различного в способе наименования данного предмета (явления) действительности.

Культуроориентированное изучение русского языка при интеграции гуманитарных дисциплин позволяет произвести филологический анализ слова в контексте не только художественного произведения, но и всей культуры в целом, в свете философии, истории, традиции и т.п. Интеграция гуманитарных дисциплин, основанная на синхронизации учебных программ, позволяет воссоздать в образовательном пространстве средствами разных гуманитарных наук одновременно образ определенной национальной культуры, тем самым обеспечить возможность анализа слова в контексте всей культуры в целом.

Необходимость изучения невербальных средств коммуникации, их национально-специфических особенностей неоднократно отмечалась в работах многих исследователей (А. А. Акишина, В. Н. Вагнер, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и др.). Невербальные средства общения входят в коммуникативную систему любого языка и должны быть включены в содержание обучения русскому языку как иностранному.

При обучении невербальному поведению как компоненту межкультурной коммуникации учащемуся надо овладеть знаниями, умениями и навыками адекватно реагировать на форму поведения, основанную на ином видении мира. В связи с этим актуальна разработка упражнений, направленных на формирование у учащихся навыков адекватного понимания русского невербального коммуникативного поведения (рецептивный аспект) и частичное овладение ими релевантными нормами русского невербального коммуникативного поведения (продуктивный аспект). Сложившаяся культура невербального поведения определяет особенности его интерпретации. Наличие при этом общих межкультурных элементов может служить базой межкультурного общения, хотя оценка значимости и роли невербального поведения в межличностном, групповом и межнациональном общении также может приводить к сбою в коммуникации, поэтому работы по русскому языку и русскому жестовому поведению должны быть конкретными, содержать большое число фактов и правил употребления жестов, учитывать: общее, совпадающее во многих культурах; культурно-специфическое (свойственное только культуре русского лингвокультурного сообщества); профессионально-ориентированное (свойственное будущей профессии студентов).

Система упражнений для обучения невербальному коммуникативному поведению должна разрабатываться с учетом следующих методических принципов: наглядности, ситуативности, имитации, корреляции с речевым материалом, учета родной культуры учащихся и др. Именно для реализации данных принципов особым методическим потенциалом обладают креализованные тексты, имеющие как непосредственно текстовую, так и иконическую составляющую.

Актуальность использования в методике РКИ креализованных текстов обусловлена их способностью к созданию культурного фона. Схема работы с кинофрагментом над невербальными средствами коммуникации (НСК) может представлять собой следующую последовательность: просмотр фрагмента (например, экранизации литературного произведения), содержащего НСК (позиция учащегося «я наблюдаю»); повторение учащимися продемонстрированных НСК со зрительной

опорой, замедленный повтор («я имитирую»); воспроизведение в парах («я пытаюсь это сделать сам»); анализ, сравнение с образцом, корректировка неточностей воспроизведения («я осознал свои ошибки»); закрепление каждой парой учащихся с параллельной демонстрацией фрагмента («я умею это делать»).

Невербальное коммуникативное поведение лингвокультурного сообщества может быть представлено в учебном процессе с учетом следующих принципов: принцип системности (не ограничиваться лишь представлением лакун), принцип контрастивности (общие и несовпадающие признаки невербального коммуникативного поведения двух лингвокультурных общностей – отсутствие или наличие национальной специфики), принципа разграничения и учета общественной нормы и общественной практики (на рефлексивном уровне – уровне теоретического знания личности о норме или правиле, на бытийном уровне – уровне практического знания и исполнения нормы или правила). Источниками изучения невербального коммуникативного поведения являются: визуальные наблюдения, фото- и видеозаписи; русские устные и письменные тексты различных жанров и стилей, отражающие такое поведение (литературные тексты, иллюстративные примеры); тексты русской культуры; словарные материалы, содержащиеся в языковых (толковых, фразеологических и др.) и жестовых словарях разных языков и культур. Системное представление невербальных средств общения на занятиях по русскому языку в условиях отсутствия языковой среды способствует формированию готовности к включению в реальную коммуникацию.

Технологический подход представляет технологическое направление в методике обучения русскому языку как иностранному и развивается под влиянием информационно-телекоммуникационных технологий. Актуальными становятся вопросы исследований методических возможностей использования сети Интернет, разработки мультимедийных образовательных ресурсов. Преподаватели русского языка как иностранного различных образовательных организаций отмечают необходимость использования учебных или художественных фильмов, предоставляющих возможность погрузиться в мир живой разговорной русской речи и методически целесообразно организовывать развитие речевых навыков учащихся.

Для обучения вне языковой среды особым методическим потенциалом обладают мини-фильмы, отражающие «ландшафт реальности» (Ю. Е. Прохоров) (средовоспроизводящие), и фильмы по отдельным дисциплинам, привлекающие множество разнообразных источников для создания насыщенного видеоряда (предметные интегрированного типа), предоставляющие разнообразную информацию об изучаемом факте (явлении) культуры, характеризующиеся плотным информационным (аудио- и видео-) потоком. К достоинствам мини-фильмов можно отнести следующее: отражение реальной российской действительности; тематическая универсальность; информирование в плане познания культуры изучаемого языка; формирование фоновых знаний; плотный информационный поток (за 5–7 минут видеофильма используется множество источников естественного видеоряда: картины, фрагменты художественных фильмов, креализованные тексты, графика, анимация, музыкальное сопровождение).

Следует отметить еще один, на наш взгляд, актуальный подход к обучению РКИ вне языковой среды – антропоцентрический, предполагающий переключение внимания исследователей на личность учащегося. Для этого подхода характерен перенос акцентов на деятельность, индивидуализацию обучения и т. д. Учащийся выступает не как объект педагогического воздействия, а как субъект образовательного процесса, которому отводится ключевая роль в выборе форм обучения, который является активным творцом и учебного процесса, и образовательной среды в целом. Как отмечает Л. В. Московкин, «методические исследования антропоцентрической

направленности ориентированы, главным образом, на развитие личности учащегося. Обучение языку, культуре, общению выступает в данном случае в качестве вторичной цели или одной из задач обучения. В целях развития личности учащихся методисты разрабатывают так называемые инновационные технологии обучения, предполагающие выполнение учащимся какой-либо продуктивной деятельности на изучаемом языке» [6, с. 76].

В связи с этим актуализируется задача включения в образовательный процесс игровой, учебно-познавательной, исследовательской, любой другой деятельности, осуществляющейся на изучаемом языке. Среди инновационных технологий, привлекающих интерес методистов, называются игровая, проблемная, проектная, театральная, экскурсионная, музейная, а также технологии работы с компьютером и портфолио [6, с. 76].

В мировом образовательном пространстве понимание актуальности выбора подхода к обучению русскому языку как иностранному в условиях отсутствия языковой среды определяется появлением в гуманитарных вузах кафедр межкультурной коммуникации, в целенаправленной работе по созданию новых факультетов межкультурного посредничества. По окончании этих учебных заведений слушатели получают не только профессии преподавателей, переводчиков, журналистов, но и принципиально новые компетенции, необходимые современному специалисту, активно участвующему в международном общении и организующему его. Для этих специальностей разрабатываются новые требования к содержанию обучения и его результату. И результат обучения должен проявляться не только в хорошем практическом владении языком, но и в овладении социокультурными знаниями о стране изучаемого языка, о ее духовных ценностях и культурных традициях, об особенностях национальной ментальности носителей данного языка. В условиях отсутствия языковой среды актуальной является задача построения обучения русскому языку таким образом, чтобы учащиеся научились выбирать не только языковые формы, но и тип поведения в зависимости от ситуации, учитывая сходство и различия между языками, в которых отражается сходство и различия между культурами. Немаловажными становятся и проблемы воспитания терпимости к российской культуре, пробуждения интереса и уважения к ней, преодоления в себе негативного эмоционально-психического состояния в связи с тем, что другая культура отличается от родной. Это требует от современной методики преподавания русского языка как иностранного и выбора оптимальных подходов к обучению, и творческого поиска новых, эффективных методических путей и решений.

Литература

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009.
2. *Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: ИТДГК «Гнозис», 2003.
3. *Данилюк А. Я.* Теория интеграции образования. Ростов н/Д: РГПУ, 2000.
4. *Кротова Т. А.* Принцип учета национальных особенностей как инструмент повышения мотивации изучения русского языка у иностранных учащихся (на примере арабского контингента) // Иноязычное образование в современном мире. Ч. 1. Сборник научно-методических статей. Москва: ООО «Кодекс-М», 2013. С. 224–230.
5. *Крысько В. Г.* Этническая психология. Учебное пособие. Москва: Академия, 2008.
6. *Московкин Л. В.* Направления в методике обучения русскому языку как иностранному с позиций методологии исследования // Мир русского слова. 2014. №3. С.72–77.

ПУТЬ И *ПЪТ* В РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Аврамова Валентина
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
valentav@abv.bg

ПУТЬ AND *ПЪТ* IN RUSSIAN AND BULGARIAN MENTALITY

Avramova Valentina
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The report analyzes the mythological* путь *and* път *in Russian and Bulgarian mentality. The report deals with the dictionary meanings of mythology in the Russian and Bulgarian languages, as well as their specificity in the minds of Russians and Bulgarians. The author points out the general and different perception of these mythologists in the mentality of ethnic groups, depending on the cultural and historical conditions of each nation in different periods of its development. Examples of the specific manifestation of the considered constant in the ethno-mental space of both ethnic groups are given.*

Key words: *mythologem, constant, pilgrimage, wandering, vagrancy, hajily, gurbet.*

Мифологема пути присутствует, пожалуй, в коллективном национальном сознании любого этноса. Идея пути символизирует движение, переменчивость, нестабильность, противопоставленные незыблемости дома. С идеей пути связаны скитания, поиски счастья; путь, дорога может символизировать судьбу, ср. *судьба привела*, *от судьбы не уйдешь*. „Человеку известны три пути: путь знания, самый длинный; путь веры, тоже долгий, но значительно короче; путь действия, в конечном итоге, самый короткий путь. Знак старости тоже связан с дорогой. Знак смерти приходит и уходит по дороге" [12, с. 408–409]. Дорога может вести к храму, как символу надежды, к кабаку, на кладбище, и каждый образ имеет свое значение. В любом случае путь, дорога – это движение, символизирующее перемену внешнего и внутреннего состояния личности.

Идея пути присутствует в национальной ментальности, она имеет свое прочное место в менталитете каждого представителя этнического общества. Исследователь русской ментальности В. В. Колесов пишет: „Ментальность возникла на фоне менталитета. Ментальность в нашем смысле – нечто душевно мягкое, понятие скорее этическое, чем логическое, и даже не понятие, а представление, которому определение дать столь трудно, что никто его не дает. Это взгляд на мир той человечьей породы, которая ratio ставит на присущее ему место, предпочитая logos – то неуловимое единство мысли и чувства, которое и создает, и крепит русские „общинные предрасположения. Национальный способ выражения и восприятия мира, общества и человека в формах и категориях родного языка, способность истолковывать явления как их сущности и соответственно этому действовать в определенной обстановке – это есть ментальность" [2, с. 12–13]. Исследователь соотносит понятие ментальности с понятием духовности, подчеркивая их неразрывность, ср. „…многие черты характера, духовности-ментальности, описанные здесь как русские, в разной степени интенсивности встречаются и у других народов" [Там же].

В концепции В. В. Колесова под менталитетом понимается „наивно-целостная картина мира в его ценностных ориентирах, существующая длительное время независимо от конкретных экономических и политических условий, основанная на этнических предрасположениях и исторических традициях; [она] проявляется в чувстве, разуме и воле каждого отдельного члена общества на основе общности языка и

воспитания и представляет часть народной духовной культуры, которая создает этноментальное пространство народа на данной территории его существования” [2, с. 11].

Исследователь ментальности народов мира Г. Гачев считает, что национальный характер определяется синтезом трех составляющих: Космо–Психо–Логоса. Он пишет: „... моя работа – определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы – как музыкальные инструменты, один – скрипка, другой – гобой, третий – орган и т.д. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяю” [1, с. 440].

Представление о пути, дороге, путешествии, странствии находит отражение в исследованиях по философии, культурологии, психологии, религиоведении, этнографии и др., в описании национальных обрядов и ритуалов, в фольклоре различных жанров, в высокой и церковной книжности, в художественных поэтических и прозаических текстах, в живописи, музыке и т. д.

„Во всех концептах складываются, суммируются идеи, возникшие в разное время, в разные эпохи, – историческое время, „хронология” вообще не играет при этом роли. Важны лишь ассоциации, сложения гармонирующих друг с другом идей [7, с. 81].

Исследователи подчеркивают семантическую разницу между понятиями *путь* и *дорога*, устоявшуюся в русской ментальности. „Неустроенность, конфликтность, бесприютность нашей жизни актуализировала в нашем подсознании концептуальный архетип *дороги, пути* как пространства хаоса, противостоящего стабильности дома, освоенного культурой пространства. С дорогой связаны скитания, поиски судьбы, счастья, дорога – это фантом, держащий нас в плену часто бессмысленного движения, не дающий перейти к разумной стабильности жизни” [8, с. 30]. Менталость эта проявлялась в сознании и действиях различных групп русского этноса, создающих разнообразие проявления феномена пути-дороги. Исследовательница Т. Б. Щепаньска пишет: „Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого. Испокон веков в жизни русских присутствовали странники, „калики перехожие”, странствующие богомольцы, „нищебороды”, коробейники, отходники-промысловики, охотники, беглые крестьяне и каторжники, ушкуйники и разбойники, ямщики, уходившие в дальние извозы, переселенцы, отправлявшиеся где и кому „на Руси жить хорошо” [9, с. 102–103].

Связь идеи судьбы с идеей пути отчетливо видна в таких выражениях, как *путеводная звезда, путеводная нить.* Во время развития христианской Руси сформировалось русское странничество – олицетворение духовного поиска. Современное содержание константы „путь-дорога” объединяет многие сферы русского национального сознания – это пути жизни, творчества, науки, любви, духа и т.п.

Передвижение в материальном мире, перемена мест связано с явлением странничества – „это и уход физический, и уход ментальный, но и тот, и другой реальны” [7, с. 184]. Странник – вечный образ русской жизни, как пишет Ю. Степанов, причисляя это понятие к константам. Странничество – это сложный образ русской ментальности: „в странничестве и паломничестве присутствует комплекс идей – бродяжничество, нищенство и щедрость, подача милостыни; убогость, покалеченность и богатырство; нищета тела и святость духа” [7, с. 186].

Вплоть до революции в России было популярно паломничество в Палестину. Христианский обычай основывается на стремлении верующих поклониться местам и святыням, связанным с Иисусом Христом и Пресвятой Богородицы. Одним из мест поклонения – Гроб Господень в Иерусалиме, а также места, связанные с детством Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы.

В болгарской истории паломничество в Святые земли связано с понятием *хаджилък*. Понятие это появилось лишь в XIX веке, когда в болгарских землях начиналось оформление сословия богатых купцов, возможности которых позволяли посетить святые земли и поклониться Гробу Господнему. Паломничество осуществлялось в условиях еще не освободившейся от турецкого ига Болгарии, поэтому данное явление получило название *хаджилък* от тур. hadj *хадж* (посещение мусульманами Мекки, Медины и совершение там предписанных ритуалов). Разумеется, содержание понятия *хаджилък* для болгар соответствовало христианским ритуалам и посещению христианских святынь. Имевшие возможность посетить Палестину получали звание *хаджия* и право добавить слово *хаджи* к своей фамилии. Позднее на основе этого добавления возникла фамилия Хаджиев.

Эта традиция сохранилась и в современном обществе Болгарии и России.

В начале XX века в болгарском обществе оформляется новое понятие, связанное с передвижением в пространстве, с дорогой. Неустроенность государства, особенно в сельской местности, заставило многих мужчин податься в другие края и в другие страны на заработки. Так появилось понятие *гурбет*. Гурбет – это работа, обыкновенно в чужих странах, для зарабатывания денег; поездка на заработки. Слово было заимствовано в болгарский язык из араб. через тур.яз. – gurbet „чужбина; заграница" [4, с. 457]. Этот путь был связан с неизвестностью, опасностью, особенно если пустившийся в это начинание едет в дальние края. Нередки случаи потери следов уехавших на заработки в чужие края.

Современный вариант вышеназванных понятий – это эмиграция, путь неизвестности, дорога без обратного билета. О сущности эмиграции в различные исторические периоды существует богатая литература и в русской, и в болгарской культурной истории.

Ментальное значение лексемы *путь* в русском языке представлено двумя лексемами – *путь и дорога*, имеющими общеславянское происхождение, но различающимися значением мотивирующих корней. Именно этим обусловливается и характер функционирования данных слов в современном русском языке и их сочетаемость с другими лексическими единицами.

По данным этимологических словарей, лексемы *путь* и *дорога* имеют существенные различия в своем смысловом объеме и в условиях функционирования. Так, корень слова *путь* принадлежит к индоевропейскому лексическому пласту (ср. др.-инд. pánthās – „тропа, дорога, путь" [11, с. 413]; в то время, как *дорога* – общеславянское по происхождению образование от основы *dorgh-, связанной со значением глагола „дергать" и означает „продранное в лесу пространство" [10, с. 530].

Оба слова являются доминантами этого концептуального ряда: они обнаруживают этимологическую глубину своей внутренней формы. Слова *путь* и *дорога* – полисемичны: уже В. И. Даль закрепляет за лексемой *дорога* 8 семем, а за лексемой *путь* – 10.

Путь – полоса земли, служащая для езды и ходьбы; дорога. Значения лексемы *путь* объединяются в следующих семантических группах:

Пространственное значение: *воздушный путь*, *далекий путь*, *Северный морской путь*, *идти по пути*, *проложить новый путь*, *пойти коротким путем*, *ехать в далекий путь*, *сбиться с пути*; *пути было километра три*; *мне по пути*; *товарный поезд на путях*; в анатомическом зн. – *дыхательные пути*, *выделительные пути* и др.

Временное значение: *в пути.*

Перен. значение: (1) доступ куда-л., возможность проникнуть куда-л.: *путь к человеческому сердцу*; *пробить себе путь* (добиться успехов), *проложить (себе) путь/дорогу*, *быть на пути* (к успеху); *идти по ложному пути*; *стоять на*

хорошем/плохом пути; *сбиться с пути* (и прямое значение); *окольным путем* (неблаговидным способом); (2) направления деятельности, развития чего-л.: *путь русской литературы*, *путь к новой жизни*, *путь к успеху* и др.; (3) *путь спасения, путь праведности, путь истины правильный путь*, *законный путь.*

В русском языке особо выделяется группа устойчивых сочетаний, смысл которых выражается в следовании нормативному поведению, глубинным смыслам человеческой жизнедеятельности, ср. *за Богом пойдешь, добрый путь найдешь. Слушайся добрых людей, на путь наведут. Нужный путь Бог правит. Бог пути кажет. Кровь путь кажет. Вору по делу, потаскухе по пути. Кто мотает, в том пути не бывает. Хоть дорого купи, только было бы в пути.* Определение *путный* в значении дельный, полезный, толковый, годный, изрядный, порядочный, хороший, надежный является высокой нравственной оценкой русского человека, например, *путный человек, мастер, дело, книга* и пр. Отклонение от праведного пути рассматривается как грех, преступление, ср. *Ровно путное что говорит, а все врет! Непутное дело. Дай Бог деток, да дай Бог и путных. Беспутный человек.* В приведенных примерах путность определяет качество путного, годного, доброго человека.

Этическое наполнение понятия *путь* реализуется в таких паремиях, как *Сбить кого с пути, с толку* (расстроить, совратить); *Сбиться с пути* (путать, плутать; спутаться, смешаться в речи; совратиться, развратиться); *Направить, наставить кого-л. на путь, на путь истины* (научить, посоветовать, вразумить); *Всеми путями прошел* (пройдоха, бывалый).

Семиотическое пространство жизни обнаруживается в таких выражениях, как *жизненный путь.* В устойчивых сочетаниях: *жизненный путь* (= жизнь); *последний путь* (о похоронах); *путь следования* (маршрут).

Пожелания: *Счастливый путь! Счастливого пути!*

Путь – это ход, движение и, следовательно, не обязательно по реальной дороге. Выражение *соступиться с пути* означает „ошибиться", а не „сойти с дороги"; отсюда становятся возможными выражения *распутье* и *беспутье* – отсутствие всяких возможностей; много позже *беспутник* и *распутник* оказываются персонами равного качества: по жизни идут без цели, без внутренней духовной *стези.* В разговорной речи слову *путь* соответствовало более привычное *стезя.*

Лексема *путь* в отличие от лексемы *дорога* имеет дифференциальную сему направление, ср. *Пути жизни. Пути Божьи, пути Провидения неисповедимы. Пути праведников, грешников. Ходи всегда путем правды. Он достиг этого путем ходатайства, поклонов, подкупа. Польза, прок, толк, успех, выгода. В этом деле пути не видится, не будет. Без пути ходить, попусту; напрасно. Из этого человека выйдет путь. Говори путем, разумно, толком. Не путем делаешь, непутно или неладно.*

Религиозно-книжная обобщенность и символичность слова *путь* с некоторыми трансформациями сохранилась до настоящего времени во фразеологии. Ср.: *неисповедимы пути Господни, тернистый путь, путь на Голгофу, жизненный, исторический путь* и т.д.

Дорога – полоса земли, служащая для езды и ходьбы. Для лексемы *дорога* характерны следующие значения:

Пространственное значение: *проселочная дорога*, *шоссейная дорога*; *выйти на дорогу*; *пенистая дорога корвета*; *воздушная дорога*; *сбиться с дороги*.

Временное значение: *в дороге, по дороге*, *всю дорогу он проспал, дорогой.*

Переносное значение: *дорога в большой свет*, *дорога в науку*, *дорога жизни* (ср. также известное выражение, связанное с блокадой Ленинграда: *дорога жизни*), *широкая дорога.*

Специальные названия: *железная дорога*, *канатная дорога* и др.

Устойчивые сочетания с лексемой дорога выражают, в основном, общее значение „достичь, добиться успехов" или „помешать другому в его стремлении добиться успехов", ср. *идти своей дорогой*, *выбиться на дорогу*, *пробить себе дорогу*, *проложить себе дорогу* и *перейти/перебежать дорогу кому-л.*, *стать/стоять на дороге чьей-л.*, *стать/встать поперек дороги кому-л.*

Стезя и ***тропа*** составляют второй уровень тех же обозначений путей и дорог. Современные, сохраненные традицией выражения типа *торить тропу* или *жизненная стезя*, выявляют исконный смысл этих слов.

Современные словари синонимов дают следующее синонимическое наполнение рассматриваемой лексемы.

В русском языке: путь, дорога, трасса, артерия, путешествие, поездка, путь-дорога, путь-дороженька, проселок, просека, стезя, вояж, турне, поход, ход и путь, и дорога, и тропа, и тракт, и след, и шоссе.

В болгарском языке: път, друм, друмище, пътека, пътечка, улица, шосе, булевард, авеню, магистрала, орбита.

Особенно частотными при этом являются метафоры *путь / дорога* – жизнь, судьба, доля, линия поведения (часто нравственного, духовного) и др. *Путь / дорога* связывает две противоположности – „свое" и „чужое", обжитое и неизвестное, безопасное и опасное пространства (репрезентантом первого выступает константа *дом*), а также реализует оппозицию *жизнь – смерть*, актуализируя связь с дорогой в потусторонний, загробный мир.

В последние два столетия, по утверждению О. А. Черепановой, наблюдается концептуальное и семантическое сближение лексем *путь* и *дорога*, выразившееся в „перетекании" семантического содержания лексемы *путь* в семантическое пространство лексемы *дорога* [8, с. 35]. Исследователь подчеркивает идентичность современного семантического пространства между ними. Обнаруживается также различие обеих лексем на концептуальном уровне, которое наблюдается в метафорическом употреблении этих лексем (напр. *жажда дороги*, но не *пути*; *держать путь*, но не *дорогу* и т.д.).

Для русского человека путь-дорога – это не только некий промысел, торговля, паломничество, военный поход. Это также и бегство от напасти, бродяжничество, с положительным или отрицательным значением, или просто уход. Русский человек странствует, а не путешествует, он иногда выходит из дома, не имея перед собой никакой материальной цели, никакого конкретного пункта назначения. За века развития христианской Руси сформировалось многоликое русское странничество, олицетворение именно этого значения.

В болгарском языке лексема **път** имеет значение „дълга ивица земя, предназначена за придвижване на превозни (транспортные) средства и пешеходци; улица". Семантическое содержание данной лексемы распределяется по следующим группам:

Пространственное значение: *вървя по пътя*, *коларски път* (гужевая дорога), *изровен път*, *морски и въздушен път*; *проправям си път в навалицата* (в толпе); *Сторете път!* (Дорогу!); *път на прелетните птици*; *потеглям на път* и др.; в анатомическом значении – *дихателни пътища*, *пикочни* (выделительные) *пътища*.

Временное значение: *по пътя се разприказвахме.*

Переносные значение: (1) способ совершения действия – *законен път*, *път за спасение*, *по пътя на логиката*, *информация по заобиколен път*; (2) направление деятельности, развития чего-л. – *пътя на познанието*, *друг път за нас няма* и др.

В устойчивых сочетаниях: *жизнен път*, *творчески път*, *земен път*, *изминат* (пройденный) *път*, *последен път*, *царски път* и др. [6, с. 1197–1199].

Синонимичное слово **друм** – „путь, дорога, тропа”, от греч. δρόμος; народно-поэтическое слово используется в фольклорных текстах и поэзии для создания соответствущей стилистической окраски. *Малки моми из друм тичат, / цвете берат, китки кичат*. Ц. Церковски. Семантически данное слово имеет ограниченное употребление.

В устойчивых сочетаниях: *поемам широкия друм на живота*, *той бе завършил своя друм* (о смерти), *житейски друм*, *бродя в своя друм*.

В переносном значении используется в книжной речи в значении „направление, поле деятельности или развития”, синонимичном тому же значению слова *путь*: *широк друм пред творчеството*, *открити друмища за спорна работа*, *отвори се друм за цял народ*; *извеждам на широк друм няког/ нещо* „вывести на широкую дорогу кого-что-л.”, *поемам друм* поэт. „отправляться в дорогу, в путь”.

Употребляется также в диалектах, ср. *тегли ме друмът* – „тянет меня дорога, хочется путешествовать” и *хващам друма за някъде* – „трогаться в путь”. Разговорная окраска характеризует выражения *царски друм* – „царская дорога, широкий путь” и сочетание с пренебрежительным оттенком *широк ти друм* – „уйди отсюда”. В болгарском языке присутствуют также существительные данного словообразовательного гнезда со значением „народно-поэтическое” – *друмник*, *друмница* и *друмниче,* соотвественно, для м., ж. и ср. родов и шесть диалектных форм (глаголов и отглагольных существительных) с тем же значением [5, с. 445–446].

Паремиологический фонд языка убеждает в том, что в нем с подчеркнутой выразительностью и точностью запечатлены национальные особенности этноса. Вместе с тем наблюдается и то общее, что роднит и сближает народы и этносы. Религиозно-книжная обобщенность и символика понятия и лексемы *путь – път* с незначительными потерями и трансформациями сохранилась до настоящего времени в обоих языках: *пътя Господен – неисповедимы пути господни, трънлив път – тернистый путь, пътят към Голгота – путь (дорога) на Голгофу, жизнен, исторически път – жизненный, исторический путь* и т.д.

Мифологема *път* в болгарской культуре имеет несколько иное значение в отличие от мифологемы *путь* в русском национальном сознании. Отсутствие огромных расстояний на территории страны приводит к иным измерениям мифологемы *път* в сознании болгар. Бродяжничество, странничество было непопулярным в былые времена в болгарской жизни. Тем более, что во времена многовекового турецкого ига было небезопасным передвигаться по дорогам, так как там хозяйничали янычары и кырджалии, а также различные группы разбойников. Поэтому болгары предпочитали группами подаваться в горные районы, недалеко от места проживания, где могли справлять вместе некоторые праздники или отдыхать на природе. Этот обычай сохранился в болгарской культуре, и поэтому после Освобождения Болгарии от турецкого ига трансформировался в создании туристских обществ, объединенных в национальную туристскую организацию, которая существует и по сей день. Массовые переходы групп на природе создали особый настрой болгарской ментальности, характеризующейся благоговением перед природой и созданием ряда традиционных ритуалов, существующих до сих пор.

В обоих языках константа *путь/път* употребляется на различных уровнях культуры: в обрядах и ритуалах, в фольклоре различных жанров, в высокой и церковной книжности, в художественных поэтических и прозаических произведениях, в живописи, музыке и т.д. В современном состоянии обе лексемы – *путь* и *път* – обладают семантическим свойством пространственно-временного синкретизма. Он

обнаруживается в различных текстах – клишированных конструкциях, устойчивых сочетаниях разного типа, в отдельных словоформах: *в пути, в дороге, по дороге, дорогой. «Одному ехать – и дорога долга»; Долог путь, да изъездчив (посл.), «Дорога длиною в жизнь»; проправям си път в навалицата, по пътя се разприказвахме, творчески път*, *земен път.*

Вся совокупность понятий, образов, символов, связанных с идеей пути, имеет как общее, так и специфическое значение в коллективном национальном сознании русского и болгарского народов. Синтезированный образ „мифологемы пути" имеет общие и специфические пункты соприкосновения в обеих культурах. Общие образы данной мифологемы связаны с общим цивилизационным выбором и настроем русского и болгарского этносов. Специфика проявляется, в основном, в результате природных условий, характеризующих жизнь людей, исторической судьбы обоих народов и оформившейся в результате данных обстоятельств национальной ментальности.

Литература

1. *Гачев Г. Д.* Ментальность народов мира. Москва: Эксмо, 2003.
2. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006, 624 с.
3. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. Москва: Языки русской культуры, 1996, 464 с.
4. *Речник на българския език.* Том 3. София: Изд. БАН, 1981, 770 с.
5. *Речник на българския език.* Том 4. София: Изд. БАН, 1984, 868 с.
6. *Речник на българския език.* Том 14. София: Акад. изд-во „Проф.Марин Дринов", 2012, 1223 с.
7. *Степанов Ю.* Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. Москва: Академический Проект, 2004, 992 с.
8. *Черепанова О. А. Путь* и *дорога* в русской ментальности и в древних текстах. // Доклады III научной конференции „Рябининские чтения 99". Сборник научных докладов. Петрозаводск, 2000.
9. *Щепаньска Т. Б.* Культура дороги на Русском Севере. // Русский Север, 1992, с. 102–103.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Москва: Прогресс, 1964, 562 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 3. Москва: Прогресс, 1971, 827 с.
12. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем.* Москва: Локид-Миф, 1999, 576 с.

ДВУЯЗЫЧНАЯ ЛИЧНОСТЬ НА ПРИМЕРЕ ПОЭМ ОЛЖАСА СУЛЕЙМЕНОВА

Байзакова Гульмира
Международное информационное агентство «Казинформ»,
город Астана, Республика Казахстан
gulmira-baizakov@mail.ru

BILINGUAL INDIVIDUAL BASED ON THE EXAMPLE OF OLZHAS SULEIMENOV'S POEM

Baizakova Gulmira
"Kazinform" Internatinational News Agency, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract: *The article attempts to explore an individual that appears at the intersection of two languages, worlds – native Kazakh and Russian. The article examines its peculiarities illustrated by examples from Olzhas Suleimenov's poems.*

Key words: *linguistic identity, a poem, a bilingual person, national mentality, linguistic view of the world.*

Влияние культуры на язык осуществляется через языковую личность. Языковая личность проявляется во всех сферах человеческой деятельности. Понятие «языковая личность» восходит к психологическому аспекту определения индивида как субъекта отношений и сознательной деятельности.

Существуют различные точки зрения на изучение языковой личности: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В. П. Нерознак), этносемантическая личность (С. Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О. Б. Сиротинина, Т. В. Кочеткова), семиологическая личность (А. Г. Баранов), русская языковая личность (Ю. Н. Караулов), языковая и речевая личность (Ю. Е. Прохоров, Л. П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т. Н. Снитко), словарная языковая личность (В. И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В. И. Шаховский) и т.д.

Языковая личность – социальное явление, но в ней есть и индивидуальный аспект. Личность должна рассматриваться в перспективе культурной традиции народа. Понимание языковой структуры личности дает представление о характере связей языка и культуры на каждом уровне. Лингвокультурная личность – закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности. Под языковой личностью в языкознании понимается «совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений, языковая компетенция, характеризующаяся глубиной и точностью отражения действительности, степенью структурно-языковой сложности, при этом интеллектуальные характеристики языковой личности выдвигаются на первый план» [2, с. 32].

«Языковая личность» – понятие, определяющее совокупность способностей и характеристик человека, создающего и воспринимающего речевые произведения.

Языковая личность – определенная совокупность способностей и характеристик человека, создающего и воспринимающего речь. Понятие «языковой личности», то есть человека в его способности совершать речевые поступки, впервые в науку было введено В. В. Виноградовым. Ученый подошел к понятию языковой личности путем исследования языка художественной литературы. Первое описание конкретных

языковых личностей также принадлежит перу В. В. Виноградова (глава «Опыты риторического анализа» монографии «О художественной прозе»).

В работе А. А. Леонтьева акцентируется внимание на говорящей личности. Само понятие языковой личности начал разрабатывать Г. И. Богин, который создал модель языковой личности; человек рассматривается с точки зрения его «готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 178]. В широкий научный обиход ввел это понятие Ю. Н. Караулов, который считал, что языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся по степени структурно-языковой сложности; глубине и точности отражения действительности; определенной целевой направленностью.

Наиболее ярко языковая личность проявляет себя в созданных текстах, и, особенно, в текстах художественной литературы. У поэтов, писателей, журналистов складывается свой индивидуальный стиль написания произведений, который обладает особенностями.

Языковая личность относится к определенной, чаще всего национальной языковой картине мира. Хотя в условиях глобализации современного мира, зачастую, человек владеет несколькими языками одновременно. Тем не менее, основным, определяющим его принадлежность к национальной языковой картине мира, является тот язык, на котором он говорил с рождения. На постсоветском пространстве существует проблема двуязычной (билингвальной) личности, так как русский язык был и остается языком межнационального общения. И многие представители разных национальностей с детства слышали только русский язык, который стал для них родным, в тоже время они по нации принадлежат своему народу, в них есть впитанные с молоком матери понятия и ценности, не присущие русским.

О. Сулейменов в докладе на симпозиуме ассоциаций писателей стран Азии и Африки в 1977 году говорил о проблеме билингвов. Это интеллигенция, рожденная на границе двух миров, – результат культурного этнического синтеза. В этом, считает О. Сулейменов, и состоит позитивное значение билингвальной личности: «Она сама и произведение, и знак интеграла между двумя средами. Пограничная полоса не только разделительная линия, но и линия соединения». Такое явление «всегда будет, пока народы взаимодействуют». Пограничная среда выдвигала деятелей науки, литературы и политики: «И понимание своей природы необходимо для осознания долга и призвания – проводников процесса взаимодействия культур» [4, с. 93].

Ю. М. Лотман рассматривал билингвальный механизм, возникающий на границе двух семиотических миров, обеспечивающий перевод сообщения одного семиотического мира в другой. В этом контексте актуальна точка зрения Г. Д. Гачева: «Двуязычие – это диалог мировоззрений, систем мира. При нем получается стереоскопичность зрения, объемность мышления» [2, с. 138].

Художественный билингвизм возникает при духовном взаимотяготении культур. Художественный билингвизм, как факт литературного творчества, известен с давних пор в различных странах Западной Европы и Востока. На территории стан СНГ много писателей, пишущих на двух языках или только на русском. У двуязычного писателя, пишущего на родном и неродном языках, различия в знании этих языков оказываются минимальными. Основные направления художественного билингвизма в истории казахской литературы выявлены Б. Хасановым, исследование которого охватывает преимущественно социолингвистический аспект проблемы.

Развитие национально-русского художественного билингвизма объясняется языковой ситуацией на территории бывшего СССР. Исследователь художественного билингвизма Н. Г. Михайловская выделяет два фактора, способствующих появлению художественного билингвизма: общее взаимодействие национальных литератур

народов бывшего СССР; значение русского языка как средства межнационального общения. Г. Гачев полагает, что «писатели в своем родном языке не имеют такой развитой системы, и потому родной язык их сковывает» [1, с. 145]; они часто переходят на русский, пусть даже и владея им хуже, чем родным. Исследуя философские основы художественного билингвизма, Г. Гачев подчеркивает, что «двуязычие – это диалог двух мировоззрений, систем мира, обусловливающий стереоскопичность зрения, объемность мышления» [1, с. 445]. С другой стороны, на этом уровне появляется плодотворная самокритика мысли и слова. И в текстах на родном или чужом языке доминирует этот двуединый стиль.

В Казахстане изучению проблемы языковой личности посвящены исследования ученых – Н. И. Гайнуллиной, Т. Е. Пшениной, Г. С. Омарбаевой, О. Ф. Кучеренко, А. Б. Жуминовой, А. Б. Тумановой и других.

Такие понятия, как «языковая личность», «идиостиль писателя», «языковая картина мира» тесно связаны с авторской лексикографией. Описание языка писателя является целью авторской лексикографии.

Поэт Олжас Сулейменов представляет собой уникальную языковую личность, в его творчестве тесно переплелись культуры Востока и Запада, Казахстана и России. Языковое сознание обусловлено этнической и социальной принадлежностью языковой личности. В своем творчестве Олжас Сулейменов большое внимание уделял отдельным эпизодам истории человечества. Одним из таких примеров является поэма «Глиняная книга» [7, с. 163], в которой поэт описывает хана Ишпака из кочевого племени ишкузов и ассирийскую храмовую блудницу Шамхат. В поэме тесно переплетаются различные жанры и линии: основной мотив – страсть, любовь хана к Шамхат, а также сюжет связан с историческими событиями: говорится о великих законах степи, наблюдаем связь прошлого и настоящего. Эта взаимосвязь прослеживается и в культурном плане. Интересна игра с именем собственным – Ишпака, которое в современности принадлежит чабану, студенту и ученому из племени ишкузы. В них пытается вселиться великий дух предка – аруах, который останавливается на ученом.

На страницах поэмы причудливо переплетаются и сравниваются тенгрианство и поклонение богу Шамашу, цивилизации кочевников, живущих войнами, и городское оседлое население. Героиня поэмы Шамхат с самого начала сравнивается с богиней Ишторе (Иштар, Исида), которая изображалась у египтян, финикийцев с рогами и диском между ними – . В древнейший период Египта богиня Хатхор, предшествовавшая Изиде, почиталась как небесная корова, родившая солнце. Древние греки отождествляли Хатхор с Афродитой. Апис – бог плодородия, почитавшийся в образе быка, также считался земным воплощением Птаха, бога-творца, повелителя искусств и ремесел. Центром культа Птаха и Аписа был город Мемфис. Рога – это характеристика божественности быка, и они изображаются даже тогда, когда это сверхъестественное существо представляется в человеческом виде.

В поэме Ишпака – предводитель волчьей стаи превращается в покорного быка, отказываясь от Тенгри. От этого он стал «забытым волком на небо выть…». А затем в противоположность ему возникает знак – солнце, корова. В Ассирии корова считалась священным животным: «Задел он корову святую, несущую диск в рогах….». То есть, как поясняет – исследователь корова – это убитый бык.

«Я сделаю тебя коровой бык, перечеркну рога твои мечом….» [7, с. 188]. И тут, в бое с быком можно посмотреть, как поэт удачно играет со знаками: рога с мечом соединились: Уй! Вид перечеркнутых рогов – вопили галлы: Ви! Им вторили арамы: – Аль-ви! Хо-ви – собачились эллины! Надсаживался кто-то: – Ви-та! Ви-та! [7, с. 194].

В примечании дается сноска: Соединение рогов (у, в) с чертой (и) давало священный знак «убитые рога» (не бык), в эпоху матриархата – основной символ бога-женщины. Название бога-женщины (жизни, любви, рождения), распространялось по миру, обрастало артиклями: семит. – аль, греч. – хо, индоевр. – то, та (аль-ви, хо-ви, ви-та, фи-та) [4, с. 180]. Именно во время боя бык и стал коровой: *Сходило Солнце между двух холмов, как бы в рога багровый диск садился* [7, с. 197].

Таким образом, О. Сулейменов проследил развитие символа в различных культурах. Он смог найти и вывести общие знаки, символы в письменностях различных культур. В поэме «Глиняная книга» можно рассматривать и другие символы.

Итак, для языковой личности О. Сулейменова характерно употребление лингвокультурем как казахской ментальности, так и русской ментальности и восприятие мира не только как национальным поэтом, но и поэта всего человечества, заботящегося о судьбах всех без исключения народов.

Лингвокультурному полю языковой личности О. Сулейменова присущи следующие лингвокультуремы: «мать», «Родина», «степь», «кочевье», «любовь», «свобода», «конь», «храбрость», характерные для кочевых народов, прошедших путь по великой степи с Востока на Запад и отражающие ментальность. Языковая личность творчество О. Сулейменова, его ментальность основывались на традициях различных культур, вбирая в себя самое лучшее. Жизненным кредо поэта является фраза: *«Возвысить степь, не унижая горы!»* [6, с. 243]. Стихотворения О. Сулейменова наполнены яркими метафорами, историческими образами, прошлое оживает в его творчестве. Все же являясь представителем казахского народа (ментальность, вложенная с рождения, впитанная с молоком матери), он впитывает традиции предшественников А. С. Пушкина, Абая. Символика мира в казахской прозе ориентирует на ценности традиционного мировосприятия, прежде всего на созерцание как способ отношения к миру и с миром. Созерцание, как исконная культурная традиция казахского этноса, предполагает многоуровневое содержание. Это и способ освоения природы, и восприятие красоты Вселенной, ее бесконечности, и осознание движения.

Поэма «Земля поклонись человеку!» – первое произведение о полете человека в космос. Стихи, позже – поэму «Земля, поклонись человеку!», известную всему миру, написал наш соотечественник Олжас Сулейменов. 12 апреля 1961 года советский космонавт Юрий Гагарин на космическом корабле «Восток» стартовал с космодрома «Байконур» и впервые в мире совершил орбитальный облет планеты Земля.

Полет в околоземном космическом пространстве продлился 108 минут. Для Казахстана этот праздник – особенный. Именно с казахстанской земли полетел в космос первый космонавт Юрий Гагарин. Именно Байконур стал главной гаванью, откуда уходили в космическое плавание советские, а затем российские и иностранные корабли. И именно здесь родилось первое произведение, посвященное полету человека в космос. 11 апреля, осведомленный о событиях на Байконуре редактор газеты «Казахстанская правда» Федор Боярский заказывает О. Сулейменову стихи про полет человека в космос. За ночь он набросал несколько строк и 12 апреля, когда объявили о первом полете человека в космос, стихи уже вышли в газете, и листовки с этим текстом разбрасывали с самолетов над Алма-Атой и другими городами Казахстана.

Впечатленный эпохальным событием, поэт за неделю превратил эти стихи в поэму, и уже в мае она вышла в свет. Успех был ошеломляющий. Сулейменов впоследствии говорил: «Мою поэму передавали по центральному телевидению и радио, печатали в газетах, почти каждую неделю я выступал в каком-то городе: на заводах, фабриках, в студенческих аудиториях. Вот такой был успех».

В поэме «Земля поклонись человеку!» все народы и их многовековая история сливаются воедино, объединяются и видятся из космоса уже единой планетой, Земля предстает в историческом разрезе и лирический герой понимает, что главное – это жизнь и любовь, понимает страдания и муки Земли.

Мир,
Земля,
шар земной –
Сочетание слов, народов и судеб,
Сколько твердых копыт над тобой пронеслось!
Все пустыни твои
Нас, безжалостных, судят.
Мы, железные карлы, топтали тебя,
Мы, батыры Чингиза, дошли до Двуречья,
Мы, великие воины, пошли по степям
И с тобой говорили на страшном наречье.
Мы разрушили Рим,
Мы убили Тараз,
Мы бесчестили белых и желтых красавиц,
Мы смотрели на мир
Сквозь бойницы глаз,
Наши руки при встречах –
В ударах касались.
Гунны, монголы,
Кипчаки и персы!
Лязг крестоносцев!
Столетние войны!
Падали флаги
древних культур.
Волны – с Востока,
С Запада – волны,
Что океаны в сравнении с этим потоком? » [7, с. 30].

В поэме затрагиваются и великие переселения народов, прошедшие по всей планете, еще раз подчеркивается, что человечество едино, нет ни одного народа, живущего обособленно и не впитавшего какие-либо черты соседей.

В поэме употребляется местоимение мы, мы – это «и железные карлы, и батыры Чингиза, и великие воины, гунны, монголы, кипчаки и персы, крестоносцы». То есть все человечество, «мир, Земля, шар земной – сочетание слов, народов и судеб». И культуры сменяли друг друга, наплывали «волны – с Востока» и «с Запада – волны».

Идеалом представляется неотделимость культуры от жизненного мира человека. Всеобъемлющей идеей национального самосознания традиционного толка является идея общения, воспринимаемого как творческое начало. И самое главное: деяния человека должны вдохновлять его, в стремлении к этому заложено неодолимое влечение человека уйти от хаоса к гармонии, от тени к свету. Своеобразие эстетической сферы кочевнического казахского этноса стало архетипом его современного художественного мышления. Эта поэма написана в стиле толгау – раздумья (толгау – это анализ, подведение итогов на определенном этапе), раздумья о жизни, Земле, любви, войнах, нашей истории, ошибках и истории человечества.

Таким образом, можно сделать вывод, что поэт Олжас Сулейменов – это поэт всего человечества, всей Земли. Красной нитью в произведениях проходит тема единства человеческих судеб. Автор осознает ответственность каждого человека, любого его слова, дела перед лицом вечности.

Литература

1. *Гачев Г. Д.* Путешествие в казахский космос. Библиотека журнала AMANAT. Алматы, 2002, 224 с.
2. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб, заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2001. 208 с.
3. *Сулейменов О. О.* Трансформация огня. Алматы, 1983. 238 с.
4. *Феномен Олжаса*. Сборник статей, посвященных творчеству О. О. Сулейменова. Алматы: Издательский дом «Библиотека Олжаса», 2011. 496 с.
5. *Сулейменов О.* Но людям я не лгал…, Алматы: Изд. дом «Библиотека Олжаса», 2011. 360 с.
6. *Сулейменов О.* Преодоление. Стихи и поэмы. Алма-ата: Жазушы, 1987. 416 с.
7. *Сулейменов О.* Собрание сочинений в 7 томах. Т. II. Поэмы. Алматы: Атамұра, 2004. 344 с.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИПОВАНСКИХ (РУССКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ) ГОВОРОВ РУМЫНИИ

Врачу Марина
Ясский Университет им. А. И. Куза, Румыния
marina.vraciu@uaic.ro

SOME ROMANIAN CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF THE RUSSIAN DIALECT OF CHRISTIAN ORTHODOX OLD-BELIEVERS

Vraciu Marina
Alexandru Ioan Cuza University of Iași, Romania

Abstract: *This paper gives an outline of the beginnings of academic research of Russian heritage speakers in Romania (Christian Orthodox Old Believers, 'Lipovans'). It focuses on linguistic research carried out on the southern Russian dialect spoken in this community as researched by Romanian linguists. It aims at integrating these (less known) contributions into Russian studies. The author believes that there is an urgent need to preserve the linguistic data offered by the Russian heritage speakers in Romania, in the light of and apart from the 'integrative' study of their culture.*

Key words: *Russian dialectology, history of Russian studies in Romanian, minority studies, confessional studies, Christian Orthodox Old-Believers.*

История изучения русских старообрядческих говоров румынскими лингвистами насчитывает более пяти десятилетей. Однако определенная осведомленность румын относительно данного этническо-конфессионального меньшества является значительно более ранней. Первым обоснованным историографическим трудом, посвященным русским старообрядцам в Румынии является работа епископа Мельхиседека Штефэнеску (1822–1892) *Липовенизм или русские схизматики, сиречь раскольни и еретики* [19]. Исследованиям "секты" старообрядцев были посвящены работы румынских историков, писателей и богословов [5; 7; 11; 26]. В селе Мануиловка, на севере Румынии, была написана Ф. Е. Мельниковым история Древлеправославной Церкви [13].

В силу исторических и социалных преобразований общества, в результате ослабления сплоченности и строгих рамок, определяющих идентичность общины в целом и каждого из ее членов в отдельности, к середине XX в., после около 250 лет пребывния на территории Румынии, селения русских-липован начали открываться миру [31; 33; 34].

В начале 1960 гг., на кафедрах русской филологии Бухарестского, Клужского и Ясского университетов была разработана программа, и началась последовательная работа по изучению языка старообрядцев, проживающих в Румынии, в основном, с лингвистической и фольклорной, менее с этнографической точек зрения. Это стало возможно благодаря тому, что ученые происходили в основном из среды этнического меньшенства. В старейшем румынском научном журнале *Romanoslavica* [18] были опубликованы работы по данной тематике: Э. Врабие о говоре липован с. Соколинцы, Сучавского района [27; 28]; В. Нестореску по вокализму [14]; Аллы Винцелер по лексике липованского фольклора [23]; Магды Надь *Морфология липованского говора в Черкесской Славе, уезд Тульча*, Клуж-Напока, 1976; М. Маринеску *Устное лирическое творчество у липован* [12]; Ф. Кирилэ по синонимии в говоре села Караклиу (уезд Тульча), 1976; А. Иванова [9] и других [2; 3; 15; 17].

В дальнейшем, в 1960–1980 гг., усилиями лингвистов-русистов Бухарестского, Клужского и Ясского университетов, были положены основы диалектологических исследований русских говоров Румынии, и началось последовательное изучение говоров в селах, где компатно проживали и проживают липоване в Добрудже.

Основные направления работы румынских лингвистов, изучавших липованские говоры в указанный период, затрагивают разные области: лексикологию в целом, терминологию, связанную с занятиями и бытом липован – рыболовством, домом, хозяйством (И. Евсеев, М. Думитреску), вопросов лексической синонимии (Ф. Кирилэ), морфологии, фонетики и фонологии (В. Нестореску, Г. Болокан, Э. Врабие, П. Кириллов), диалектологии (А. Иванов, Ф. Кирилэ, Т. Олтяну, В. Васченко), фольклора (М. Маринеску, А. Винцелер, О. Винцелер) [12, 23].

В сататьях профессора Бухарестского университета Э. Врабие [25, 26] приводятся данные о населенных пунктах с носителями славянских говоров на территории Румынии, из которых самыми многочисленнми липованскими "колониями" в Добрудже были: Журиловка, Сарикей, Русская Слава, Слава Черкесская, Периправа, Свиштовка, Килия-веке, Мила 23, Махмудия, Сулина, Тульча, Караклиу, Исакча, Мэчин, Гиндэрешть, Нэводарь, 2 Май, Бордушань. Самое раннее упоминание присутвия липован связано с северноым поселение – либо с. Соколинцы-Липовень, уезд Сучава (1724 г.), либо, того же года с. Митокул Драгомирней [25]. Э. Врабие дает ценное методологическое указание относительно небходимости установления возраста говора не в соответсвии с древностью поселения, где данный говор используется в коммуникации, а в зависимости от периода покидания родины носителями говора; так, например, в 1880 гг. в с. Гиндэрешть, жители которого являются потомками с. Плоское Великомихайловского района Одесской области, где население формировалось из старообрядцев, пришедших туда более двух столетий назад [26, с. 119].

Южновеликоруский характер липованского говора был доказан также исследованиями, проведенными профессором Бухарестского университета А. Ивановым (Andrei Ivanov, 1937–2005). Лингвист установил слудующие основные черты: а. фонетические: фрикативное *γ*; переход согласного *в* в *у* неслоговой в Ѣ-определенных позициях (*Иваноу, столоу*); употребление групп *кы, гы (крепку*, *строгы*); аканье и яканье *(барада, зямля*); б. морфологические: синкретизм падежных форм при склонении местоимения (*тебе* род. и дат.); окончание *-ть* 3.л. ед. мн.ч. настоящего и будущего времени и в форме будущего времени глагола *быть (он есть, они ядять, она будеть*); в. синтаксические (напр. *За что ты плачешь? Поругались с ними, за ето они не приходють к нам. Свет был потушимый и у хате было темно. Я не знаю, если он придет* [7, с. 84]. В словаре наблюдается сохранение русской обиходной лексики. Характерной особенностью липованских говоров является наличие в словарном составе заимствований из украинского, болгарского, турецкого, немецкого, польского языков и особенно из румынского языка.

В другой работе того же лингвиста [8] исследуется процесс утраты категории среднего рода существительных в говоре шести добруджских сел и связанные с ним изменения в плане парадигматики и синтагматики. Полуторавековое существованиие на иноязычной территории привело к усилению и нередко завершению процесса утраты среднего рода существительными и перехода их в категорию существительных ж.р. и м.р. При этом, традиционная морфемная, в данном случае "флективная итеративность" (т.е. повторение в плане выражения в другом имени или глаголе каких-либо сем, соответственно тех или иных грамматических категорий) как отражение в плане выражения согласования между именами или между последними и глаголами на уровне синагматики либо меняется, либо исчезает в им.п. и вин.п. С одной стороны, вследствие утраты среднего рода существительных в результате изменения конечных безударнх гласных *-о* и *-е*, данные существительные и их определители приобретают в им. и вин. падежах ед.ч. новую флективную итеративность в качестве средства выражения рода и числа (ср. *бальшАйа балОта – бальшУйу балОту)*; с другой стороны, утрачивается флективная итеративность вследствие либо сохранения у

существительных конечного ударного *-о* неизменным (ср. *тАйа калисО – прАвуйу крылО*), либо общей непоследовательности утраты среднего рода существительными (ср. *майУ γОрла*).

Вопрос исследовался также профессорами Клужского университета А. и О. Винцелер [23, с. 89], пришедшими к выводу о том, что положение среднего рода в языке липованского фольклора отличается от положения, представленного в статьях, посвященных среднему роду в говоре. Употребление среднего рода в языке фольклора более близко к его употреблению в литературном языке, чем к его употреблению в разговорной речи. Существительные на *-о* более многочисленны, но с меньшей частотностью; существительные на *-е* меньше, но их частотность больше. Исследование корреляции между языком фольклора и диалектом, показывает, что ареал распространения фольклора значительно шире, чем диалекта. С другой стороны, соответствующий диалект влияет на язык фольклора, а фольклор на ономастику. Ономастика липованского фольклора вкупе с прочими языковыми данными и исторической информацией помогает восстановить пройденный русскими старообрядцами путь до достижени территории Румынии и улучшению их взаимодействия с румынским населением [22; 23].

Интерес к фольклору русских липован проявляется в работах профессоров Бухарестского университета М. Маринеску (1927–1995), создавшего уникальные работы по липованскому фольклору, собранному по всем местам обитания членов общины [12; 32] и Ф. Кирилэ [1].

В Ясском университете исследования говора и культуры русских старообрядцев стали предметом работ профессора Аритона Врачу (1927–1987) по терминологии русских говоров [29], автора и научного редактора коллективного труда, первого в Румынии учебника по исторической грамматике русского языка [30]. Учебник включает раздел по вопросам русско-румынской диалектологии, в котором автор, В. Ротунду, называет основную, конфессиональную, причину сохранения липованского говора на протяжении более двух столетий: самоограничение и консерватизм их религиозной жизни [30, с. 99–101]. Сегодня такое заключение в меньшей степени соответствует действительности, т.к. разговорный русский язык липован перестал оставаться вдали от влияния русского литературного языка.

Перечисленные достижения, другие труды в области изучения русских говоров и собственные изыскания дали В. Васченко основания говорить о специальной области румынской русистики и славистики, “Rossica Lipovana”, предметом которой является изучение липованских говоров с лингвистической и фольклорной точек зрения [20; 21].

Понимание необходимости “комплексного” изучения культуры липован, сформулированной В. Васченко и А. Ивановым привело к развитию интереса румынских лингвистов и совпало с научными интересами российских лингвистов, историков, искусствоведов, авторов сборников по народной культуре в местностях проживания русских-липован [35].

В Ясском университете интерес к изучению старообрядческих говоров и культуры развивался в течение 20 лет. Подаватели-русисты Э. Йордаке, И. Данилов, Л. Иванов и М. Врачу являются авторами статей по истории, историографии, менталитету, искусству этнической группы, публикаций по истриографии старообрядцев, документов и переводов [4; 13; 31]. В 2007 г. был составлен проект по созданию архива русских-липован Румынии, на основе работы в направления: этнография и этнология, этнолингвистика и социолингвистика, филология, социология и пр. [6]. Составление библиографии румынской “липовенистики” первого поколения русистов, исследовавших русские говоры в Румынии [23; 32], является обязательным для осуществления проекта.

Литература

1. *Chirilă F., Ivanov A., Olteanu T.* Probleme de dialectologie. Graiurile ruseşti lipoveneşti din România. Bucureşti, 1993.
2. *Chirilov P.* Говор липован в Писке (Брэила) – фонетика, фонология, морфология, лексика. Автореферат. Бухарест, 1975.
3. *Croitoru O.* Лексика липованского говора в селе Черкесская Слава, уезд Тулча. Автореферат. Бухарест, 1977.
4. *Danilov I.* Paremiologia rusă din perspectivă comunicativă, lingvistică și stilistică. Veliko Turnovo, 1995.
5. *Demetriu D.* Lipovenii în Bucovina // Candela, Cernăuți, 1894.
6. *Gîrlan M.* A. Metodologia cercetării etnopsihologice. Iași, 2011.
7. *Hasdeu B. P.* Istoria toleranței religioase în România. Bucureşti, 1868.
8. *Ivanov A.* Despre iterația morfematică (cu referire specială la genul neutru în unele graiuri lipoveneşti)// Analele Universității Bucureşti. Limbi slave". Anul XVIII. Bucureşti, 1969. P. 57–63.
9. *Ivanov A.* Categoria gramaticală a genului: graiurile divergente. Bucureşti, 1988.
10. *Кельсьев В. И. О*черк старообрядцев в Добрудже // Славянский сборник, Санкт-Петербург, 1875.
11. *Lukacz L., Croitoru O., Nagy* M. Particularități în declinarea substantivelor la lipovenii din Jurilovca și Sarichioi (reg. Dobrogea) // Cercetări de lingvistică", XIII, 1, 1968, p. 39–41.
12. *Marinescu M.* Cântecul rusesc lipovenesc, I. Bucureşti, 1988.
13. *Mel'nikov F. E.* Scurtă istorie a Bisericii de Rit Vechi. Partea I. Schisma în Biserica Rusă. Editie de Leonte Ivanov. Bucureşti, 2013; перевод *Мельников Ф. Е.* Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999.
14. *Nestorescu V.* Липованские говоры Румынии. Вокализм. Автореферат. Bucureşti, 1972.
15. *Olteanu T.* Говор липован в с. Мила 23, Тульча (Лексическая система). Автореферат. Бухарест, 1977.
16. *Pasternak C., Lukacs L., Nagy M.* Tendința de dispariție a genului neutru la lipovenii din Jurilovca și Sarichioi (reg. Dobrogea), „Studia Universitatis Babeș-Bolyai", fasc.I, 1965. P.120–124.
17. *Petica M.* Словообразование в русских говорах Добруджи. Автореферат. Бухарест, 1980.
18. *Romanoslavica.* nr.2, Bucureşti, 1963. / URL: https://drive.google.com/file/d/0B_uQ9vm9C5K6ZUtNX3hLQW5iT0E/view.
19. *Ştefănescu Melchisedec.* Lipovenismu, adică schismaticii sau răscolnicii și ereticii rusesci, dupre autori ruşi şi izvore naţionali române. Bucureşti: Tipografia Imprimeria Naţională, 1871.
20. *Vascenco V.* Observații asupra graiului rusesc al lipovenilor din satul Pisc, raionul Brăila // Romanoslavica, VII, 1963.
21. *Vascenco V.* Lipovenii. Studii lingvistice. Bucureşti, Editura Academiei Române, 2003.
22. *Alla Vinţeler.* Corelația dintre limba folclorului și dialect // Studia Studia Universitatis Babeș-Bolyai. Serie Philologica. Fasciculus 1. 1968. Cluj. P.63–67.
23. *Vinţeler A.* Onomastica folclorului lipovenesc // Studia Universitatis Babeş-Bolyai. Serie Philologica. Fasciculus 1. 1974. Cluj. P.125–133.
24. *Vinţeler O., Vinţeler A.* К вопросу о составлении словаря липованских говоров, IX International Congress of Slavists, 1983. Киев, 1987.
25. *Vinţeler A., Vinţeler O.* Genul neutru în limba folclorului lipovenesc. Cluj, Studia Universitatis Babeș-Bolyai. Series Philologica. Fasciculus 2. 1971. P.81–89.
26. *Vorobchievici I.* Schisma și lipovenii sau staroverii din Bucovina și România // Candela nr. 7, Cernăuți, 1883.
27. *Vrabie E.* Observații asupra unui grai rus de pe teritoriul RPR // Romanoslavica, IV, 1960. P.118–119.
28. *Vrabie E.* Graiul lipovenilor din satul Socolinți, comuna Mitocul Dragomirnei, regiunea Suceava. Rezumat. Bucureşti. 1964.
29. *Vraciu A.* Note de dialectologie slavo-română. Observații asupra unui grai ucrainean și asupra unui grai rusesc din RPR // Romanoslavica nr. VII. 1963. P. 131–146.
30. *Vraciu A., Ionașcu A., Rotundu V., Tauberg E., Vaida V., Trocin D., Volf S.* Историческая грамматика русского языка, Editura Didactică și Pedagogică, Buc, 1963.

ВНУТРЕННЯЯ МОТИВИРОВКА ОБРАЗНОЙ ОСНОВЫ ФРАЗЕМЫ КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Георгиева Стефка
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария
stefka3@abv.bg

INTERNAL MOTIVATION OF THE PHRASEMA IMAGE BASIS AS A WAY OF REFLECTING THE MENTAL PICTURE OF THE WORLD

Georgieva Stefka
Plovdiv University of Paisii Hilendarski, Bulgaria

Abstract: *The paper treats the image basis of phraseology which is founded on a specific act; it is characteristic of a specific people and reflects the specific view of the native speakers. It is connected both with objective factors such as the geographical location of the country, its climate, specific way of life, its history, etc., and with the mentality of the peoples.*

Key words: *phraseme, image basis, national culture, ethnicity, mentality, national picture of the world.*

Каждый язык имеет в своем составе фонд языковых единиц, которые родились в определенной национальной среде, связаны с рядом экстралингвистических факторов и характерны только для этого народа. Во фразеологии ярче, чем в какой-либо другой системе языка проявляются особенности национального мышления, ментальность народа, восприятия мира, его категоризация и концептуализация. «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [2, с. 85].

Фразема – это устойчивое экспрессивное словосочетание с закрепленной структурой, семантикой и значением, воспроизводимое в готовом виде. Семантическая монолитность (цельность номинации) и имплицитная семантическая членимость (выводимость значения) такого сочетания рассматриваются нами как нерасторжимые противоположности диалектического единства фразеологического знака. Фраземы выполняют функции знаков «языка» культуры, они не только выражают, но и формируют культурное самосознание этносов.

Фраземы составляют фразеологический фонд языка, а в нем отражена своеобразная картина мира, взгляд человека на природу, время, пространство, его оценки событий и фактов и др. Это могут быть как утвердившиеся десятилетиями и даже столетиями языковые единицы, зафиксированные в словарях, так и новые, бытующие активно в языке последние годы. Фразеологический состав каждого языка ярко демонстрирует закодированную этнокультуру языковыми средствами, поскольку в образной основе фразеологизмов отображаются характерные особенности мировосприятия носителей того или иного языка.

Последние исследования фразеологических фондов разных языков убеждают, что моделирование устойчивых единиц подчинено законам теории языковой личности, что когнитивные механизмы универсальны, поэтому осуществляемое в них моделирование этих механизмов даже не предполагает учета этнокультурных особенностей близкородственных языков. “Современная концепция национальной специфики фразеологических систем разных языков основывается на признании того факта, что познание человеком действительности имеет интернациональный характер, в котором нет каких-либо национальных ограничений” [1, с. 74]. Национально-культурная специфика структур проявляется при их вербализации, тогда проявляется не только универсальное, но и специфическое в способах и средствах

фразеологической концептуализации в разных языках, моделируются отдельные фрагменты языковой картины мира.

Национальная специфика фразем наиболее ясно выделяется при сопоставлении разных языков. Она обуславливается двумя факторами – объективным и субъективным. “Объективный заключается в природных и культурных реальностях, свойственных жизни данного народа и не существующих в жизни другого. Субъективный фактор состоит в произвольной избирательности, когда слова, отражающие одни и те же реальности, представлены различно во фразеологии разных языков [3, с. 206].

Контрастивное описание фразеологизмов помогает раскрыть этническую логику, предопределяющую различия «наивных» культурно-языковых картин мира, так как именно во фразеологии наиболее ярко отражается осязаемый предметный и чувственно-эмоциональный мир человека. В процессе фразеологического семиозиса окружающая реальность кодируется с помощью фразеологических знаков. Специфика такой номинации заключается в том, что фраземы именуют фрагменты действительности (лакунарные пространства действительности) уже названные однажды (первичная номинация), и, таким образом, являются знаками вторичной или косвенной номинации. Сопоставление механизмов косвенной номинации в разных языках способствует выявлению тех идиоэтнических особенностей вербального мышления и восприятия действительности языковыми коллективами, которые находят отражение во фразеологической картине мира. Кроме того, такие исследования позволяют выявить не только широкий набор тождественных черт разноязычных фразем, но также и раскрыть идиоэтническую специфику плана выражения фразем, своеобразие механизма их образного переосмысления, чем и объясняется очевидная значимость проводимых конфротативных фразеологических исследований.

На всем протяжении развития этносов в их языках накапливался и продолжает накапливаться самобытный и неповторимый духовно-практический опыт народа, воплотивший в себе все перипетии его исторической судьбы и закодированный в образной основе устойчивых единиц. Например, русские фраземы *погиб как швед под Полтавой; во всю ивановскую; коломенская верста; есть березовую кашу; ни пуха, ни пера* и т.п. и болгарские *днес везир, утре резил; минава през турски гробища; овчарчето Калитко; Марко Тотев; Гюро Михайлов* и др. самобытны, их образная основа связана с конкретным событием, речевой ситуацией, бытом людей, значения которых встречаются в других языках, но образная основа другая.

Реконструкция образа, ведущей когнитивной структуры в семантике фраземы, направлена на выявление типичного представления, лежащего в ее основе. Носителями такого типичного представления являются входящие в их компонентный состав символы – этнокультурные эталоны мировосприятия. В них заложен выработанный веками опыт коллективного представления о познаваемом объекте, сфокусированный в языковом сознании данного народа. Поэтому систему фразеологических значений как интерпретированного в ценностно-смысловой парадигме субъективного компонента национальной ментальности „можно соотнести с лингвокультурной компетенцией человека, в основе которой лежат а) стереотипность, символичность и б) образность фраземы. Это, в свою очередь, обуславливает лингвокультурную специфику на разных этапах формирования фразеологической семантики, важнейшими механизмами которой являются процессы взаимодействия и отражения“ [6, с. 154].

Язык хранит информацию о жизни “ментального мира”, то есть о том, как человек воспринимал мир, постигал окружающую действительность, осознавал себя, свою роль, место в ней. Фраземы по сути своей антропоцентричны, а их образная основа позволяет видеть в них некоторую модель национального менталитета. “Контрастивное направление оперирует более широким контекстом –

избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтврждение их связи с окультуренным мировосприятием" [9, с. 15]. Например, /р/ *у него не все дома* и /б/ *хлопа му дъската* – знач. „глупый". Данные метафоры используются для обозначения „отсутствия ментальных способностей человека", они базируются на общем принципе `отклонения от нормы`. Принцип метафоры позволяет новой ментальной сфере представить себя через другую, уже известную сферу, т.е. это способ думать об одной содержательной области понятиями другой, уже усвоенной человеком областью. По словам Дж. Лайкофа, способность метафоризации лежит в основе эволюции сознания, так как абстрактные когнитивные структуры формируются на основе метафорических переносов и отрыва от конкретной предметности мироощущения людей.

Вопрос о внутренней форме фразеологических единиц (ФЕ) рассматривается в исследованиях В. П. Жукова, Л. И. Ройзензона, В. Н. Телия, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Н. Ф. Алефиренко, Д. О. Добровольского, А. Н. Баранова, С. С. Волкова, В. Кювлиевой, С. Калдиевой-Захариевой и др. По их мнению, изучение внутренней формы ФЕ необходимо для уяснения образности, специфики фразеологического значения и путей его развития. Внутренняя форма ФЕ закодировала как универсальные, общечеловеческие особенности, так и специфические для каждого языка и народа явления. Наблюдения над внутренней формой ФЕ позволяют сделать следующие выводы, связанные с ментальностью народов.

1. Образная основа построена не на квазивизуальных представлениях, а на знаниях и операциях над ними, на обиходно-бытовом опыте народа – носителя языка. Например, *без сучка без задоринки* (*идти, проходить; быть) – (всичко върви) като по вода* – знач. "какое-либо дело или событие совершается очень гладко, без каких-либо затруднений, препятствий". Русский оборот возник в профессиональной речи столяров. Слова *сучок* и *задоринка* в этом выражении обозначают "остаток от срезанного бокового отростка ствола в бревне, доске" и "шероховатость, зацепина на гладкой поверхности доски". Смысл выражения *без сучка и задоринки* обозначал "очень гладко". Гладкая отделка дерева с помощью различных инструментов была показателем высокого качества работы [10, с. 559]. Болгарский оборот связан со свойством *воды* уносить все без затруднений. Образная основа лежит в процессе номинации значения фраземы, предопределяет мотивацию, а также функционально-стилистические особенности устойчивой единицы.

2. Особенности образной основы проявляются на уровне наивной концептуализации мира. Например*, зарубить на носу – сложа/ окача си обица на ухото* – знач. "хорошо запомнить что-либо". В русской ФЕ представление о прочном запоминании связано с зарубкой, которую наносят для памяти, а в болгарской ФЕ – с серьгой на ушах. Актуальное значение фразем, в данном случае, связано со спецификой их образного компонента, который в обоих языках разный, но выполняет одну и ту же функцию.

3. Обыденные знания служат основой формирования актуального значения ФЕ. Например, *биться как рыба об лед – мятам се като риба на сухо* – знач. "безуспешно добиваться чего-либо". В обоих языках безрезультатность действий связана с поведением рыб: в русской ФЕ – пойманные рыбы брошены на лед, а в болгарской – на безводное место, от нехватки кислорода рыбы судорожно изгибаются. Мотивация фразем является концептуальным мостом между „буквальным" и „образным" в языке.

4. Внутренняя основа закодировала разные способы осмысления одного и того же явления, события, факта и т.п. Эти способы интерпретации зафиксированы в языке и являются частью мировосприятия данного языкового и культурного сообщества. Таким

образом, ФЕ образуют синонимический ряд. На основе внутренней формы когнитивой структуры, можно осуществить семантическую дифференциацию разных ФЕ. Например, доминанта “малолетний”: /р/ *молоко на губах не обсохло у кого* – /б/ *още му мирише устата на мляко; желторотый птенец – още има жълто около устата/ на гагата/ под мустака; с жълто е около устата* – знач. “Кто-либо еще слишком молод, неопытен” (Образная основа раскрывает представления о внешних отличительных свойствах, это *молоко* и *желтизна*); /р/ *пешком под стол ходит; от горшка два (три) вершка; от земли не видать /не видно кого* – /б/ *педя човек/ две педи човек (човеченце)* - знач. “Кто-либо еще слишком маленький, еще не вырос” (Образная основа раскрывает представления о росте); *молодо-зелено – млад и зелен е* – знач. “Кто-либо по молодости, неопытности слишком легкомысленно относится к чему-либо” (Образ связан с переносным значением компонента *зеленый* – “очень юный, неопытный вследствие молодости”); *нос не дорос у кого* – знач. “Кто-либо еще слишком молод, неопытен, чтобы понять что-либо, справиться с чем-либо” (Образ построен на эвфонии и связан с анатомическим кодом культуры). Наблюдения показывают, что люди часто не могут разграничить буквального от образного значения фразем, а это говорит о том, что для говорящих буквальный сысл представлен ментально, даже в случаях, когда фраземы используются только в их образной функции.

5. Внутренняя форма влияет на значение фраземы. Например, *быть у кого-либо под башмаком/ каблуком/ под шпилькой – под чехъл съм* – знач. “быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении” (*башмак* в глубокой древности был символическим знаком власти. Компонент *чехъл* (/р/ шлепанцы) в болгарской фраземе указывает, что это касается скорее всего статуса членов семьи и употребляется в ситуациях, когда муж находится в подчинении жены); *доводить/ довести до белого каления (кого*) *(белое каление* – состояние металла, когда он готов расплавиться) – *изкарвам/ изваждам някого от кожата* му – знач. “сильно рассердить кого-либо” (эмоциональное состояние, когда человек теряет самообладание и сильно злится).

Некоторые устойчивые единицы вызывают в сознании образы, которые базируются исключительно на прямых значениях компонентов соответствующих фразем. Для выделения внутренней формы фраземы необходимо целостное переосмысление конкретного словосочетания, которое, сохраняя связь с единичной ситуацией, в то же время, воспринимается отвлеченно от нее как типизированное, применимое и к другим обстоятельствам, чем-либо напоминающим те, в которых оно возникло. А. М. Мелерович выявляет специфику внутренней формы ФЕ, сравнивая ее с внутренней формой слова. Если внутренняя форма слова способна отражать лишь мысль об отдельном, изолированном явлении, то внутренняя форма фразеологизма отражает конкретную, единичную и вместе с тем мыслимую обобщенно ситуацию. Следовательно, значение фразеологизма формируется не на основании мысли об изолированном явлении, а на базе представления об определенной ситуации. “Внутренняя форма фразеологизма – это его ближайшее этимологическое значение, всегда отличное от простой суммы значений образующих его компонентов” [7, с. 66]. В отличие от значений свободных словосочетаний и предложений, значения фраземы входят в семантическую систему языка. Денотатами ФЕ в системе языка служат не индивидуальные, субъективные, а социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях. “Со своими денотатами ФЕ соотносятся через посредство сигнификатов, закрепленных языковым узусом. Вне контекста ФЕ обладают способностью соотноситься с разнообразными явлениями и ситуациями, подводимыми под определенные денотаты. Благодаря наличию у них социально закрепленного денотативно-сигнификативного содержания, они могут быть отнесены к любым явлениям и ситуациям определенного рода” [7, с. 12]. В процессе общения на

первый план выдвигается актуальное значение ФЕ. Вместе с тем, у многих фразем ясно осознается внутренняя форма, которая обуславливает понимание значения фразеологизма. Фразеологическое значение всегда осознается в сопоставлении с внутренней формой, с внутренним образом. Внутренний образ создается при взаимодействии свободного словосочетания с переосмысленным, а значение ФЕ мотивируется внутренним образом (внутренней формой). По мнению В. П. Жукова, "внутренняя форма присуща лишь фразеологизмам, которые могут быть наложены на свободное словосочетание такого же лексического состава и на его фоне дают семантический и метафорический эффект", например: *брать быка за рога, бросать камень в чьей-либо огород, висеть на волоске, выносить сор из избы* и др., а значение ФЕ типа *на дружеской ноге* "быть в близких, дружеских отношениях" выводится из значения компонентов. Так, значение фразеологизма *палец о палец не ударить* "совершенно ничего не сделать" мотивировано, ибо ясно осознается его внутренняя форма, но это же значение фразеологизма нельзя вывести из значения каждого компонента в отдельности, ибо они деактуализированы в семантическом отношении. "Мотивировка и выводимость – явления различного порядка в области фразеологии" [5, с. 8].

Внутренняя форма ФЕ определяет национально-культурную специфику устойчивого словесного комплекса, его национально-культурный параметр. Этот параметр связан с определением видения картины мира носителями языка и может быть полезен не только для изучения языка, но и этнографии, обычаев и верований, а также жизненных ситуаций, связанных с типом мышления, образом жизни и проч. Так, например, русская ФЕ *в Тулу со своим самоваром не ездят* (т.е. проявлять излишнее старание там, где не нужно) основана на ситуации, связанной с тем, что в Туле делали лучшие русские самовары. Болгарская ФЕ *каня някого с бъклица* (знач. „упрашивать кого-либо на коленях") свидетельствует о традиционном болгарском обычае уважаемых гостей приглашать с "бъклица" (с баклагой, флягой для вина), наполненной вином или ракией; *бъклица ли чакаш* (букв. ждешь особого приглашения, что ли?) и т.п. Русской ФЕ *язык до Киева доведет* соответствует болгарская – *с питане до Цариград се стига*. Значение обеих устойчивых единиц "спрашивая, можно получить нужную информацию", модель словосочетаний одинаковая, различаются только компоненты - города Киев и Цариград – административные центры Руси и Турции, это связано и с географическим расположением данных стран. Данные фраземы имеют параллельные структуры в обоих языках, построены по одной модели, имеют одинаковый образ, т.е. имеют одинаковый концептуальный потенциал, но каждая фразема обладает спецификой, связанной с объективными факторами.

Не всегда легко можно определить характер внутренней формы устойчивых словосочетаний, кроме того, все группы ФЕ имеют неоднородный характер образных основ, которые закрепились в языке. Трудно выявить общие закономерности иллюстрации образных основ без этимологического анализа, так как и немотивированные для современного человека (социума) устойчивые словосочетания, когда-то соотносились с конкретной реальной ситуацией и конкретными причинами закрепления определенного значения за этим когда-то свободным словосочетанием, к тому же, слова меняют свое значение.

Денотат ФЕ – это его внутренняя форма, которая отражает реальные отношения между явлениями действительности. Культурный компонент – часть семантики языковой единицы. «Внутренняя форма ФЕ в языковом сознании народа коррелирует с культурным концептом – основной ментальной единицей национальной картины мира» [1, с. 24].

Мы присоединяемся к мнению исследователей, которые считают, что "характер внутренней формы фразеологических сочетаний зависит от семантической структуры

стержневого компонента и от соотношения семантики слов-компонентов ФЕ с фразеологическим значением" [7, с. 22]. Компоненты устойчивых словосочетаний играют разную роль при формировании фразеологического значения.

Внутренняя форма ФЕ в языковом сознании народа коррелирует с культурным концептом – основной ментальной единицей национальной картины мира. Поэтому внутренняя форма ФЕ выполняет мотивирующую функцию, выступая своего рода опосредствующим звеном между значением ФЕ и обозначаемой предметной ситуацией. Она определяет национально-языковую специфику фразеологического значения, что обнаруживается в процессе сопоставления соотносимых ФЕ в разных языках.

Комплексный лингвистический анализ отдельных фразеологических микросистем русского и болгарского языков убедительно свидетельствует о том, что и в структурном, и в семантико-коннотативном плане их фразеология обнаруживает много общего. Эта общность особенно бросается в глаза, когда исследованию подвергается максимально полный материал не только литературных языков, но и диалектов и сопоставление ведется методом структурно-семантического моделирования [8, с. 49–95].

При сопоставительном анализе русской и болгарской фразеологии необходимо исходить из семантической и структурной многомерности фразеологизмов и строить сопоставление именно на базе этой многомерности, являющейся наиболее специфичным признаком фразеологизма в отличие от слова. В принципе эта многомерность определяется тремя признаками: а) переносным (обычно целостным) фразеологическим значением; б) исходным (обычно расчлененным) значением свободного сочетания, ставшего основой фразеологизма; в) синтаксической конструкцией (моделью), на базе которой происходит интеграция значений компонентов фраземы [4, с. 37].

При воспроизведении фразеологического значения всякий раз "происходит отталкивание, абстрагирование от образа, связанного с конкретной ситуацией (т.е. от внутренней формы)" [7, с. 63]. Нетождественность внеязыковой ситуации отражается на денотативном уровне высказывания. Смысл таких высказываний не может быть воспринят адекватно иностранцем без обращения к фоновым знаниям. Иностранцы, изучающие неродной язык, говорят, что знают значение отдельных слов в ФЕ, но не могут понять общего смысла подобных выражений. Фактически это означает несформированность у них фоновых знаний, представлений о социокультурных ситуациях, отражающих современный уклад нашей жизни. Вне их компетенции оказываются глубинный смысл высказываний: коннотации, которыми они обладают, ассоциации, которые они вызывают.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва, 2008.
2. *Бердяев Н. А.* Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Москва, 1994.
3. *Гак В. Г.* Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. Москва, 1999.
4. *Георгиева С. И.* Русская фразеология в зеркале болгарского языка. София, 2011.
5. *Жуков В. П.* Семантика фразеологических оборотов. Москва, 1978.
6. *Золотых Л. Г.* Проблемы когнитивно-семантического моделирования фразеологического значения // Идиоматика и когнитивная лингвокультурология. Т.2, Белгород, 2008.
7. *Мелерович А. М.* О внутренней форме фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц. Ч. I. Новгород, 1971.
8. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология. Москва, 1989.
9. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. Москва, 1999.
10. *Этимологический справочник*. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1998.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Захарова Мария
Московский городской педагогический университет, Россия
mary-zaharova@yandex.ru

THE FEATURES OF A MODERN LANGUAGE SITUATION IN THE CONTEXT OF THE HISTORY OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE

Zakharova Maria
Moscow City University, Russia

Abstract: *The article is devoted to the modern linguistic situation in the context of diachronic linguistics. The author analyzes the ideas about the crisis of language and the crisis of literary language. The current language situation is compared with similar situations of the past. Models of the analysis of similar situations are offered.*

Key words: *language situation of the era, history of the Russian language, literary language.*

Оценка современной языковой ситуации в русском языковом пространстве колеблется в пределах весьма противоречивых мнений:

- *Нынешнее состояние языка вызывает обеспокоенность. Язык болен. Сейчас остро возникла угроза не только сохранению лучших традиций в языковой культуре, но и чистоте русского языка. А мы слишком расточительны, владея таким богатством! Любезно позволяем словам из других языков бесцеремонно врываться в наш лексикон. <…> Самая значительная проблема в том, что большая часть говорящих на русском языке утратила ощущение нормы. В первую очередь это касается молодежи: бесчинствует сквернословие, без всякой меры используются агрессивные, засоряющие и обедняющие нашу речь жаргонизмы* [8].
- *… случилась как раз гигантская перестройка <…> языка под влиянием сложнейших социальных, технологических и даже природных изменений. И выживает тот, кто успевает приспособиться. Русский язык успел, хотя для этого ему пришлось сильно измениться. Как и всем нам. К сожалению, он уже никогда не будет таким, как прежде* [2, с. 16].
- *… никакого кризиса в языке сейчас нет. Наоборот, русский язык сейчас переживает период интенсивного развития. Интенсивные изменения в языке всегда тесно связаны с изменениями социальными. Чем значительнее последние, тем более интенсивно происходят изменения в языке. И о кризисе языка здесь нет речи – язык отражает окружающую действительность, окружающие процессы в обществе* [7, с. 10].

Первое из приведенных суждений принадлежит учителю русского языка высшей категории из Белгородской области, второе и третье – крупнейшим лингвистам современности, которые, отмечая все те же явления и тенденции, оценивают их иначе, маркируя не как порчу, разрушение, а как эволюцию, изменение языка. Тот же Максим Кронгауз иронически маркирует это противопоставление антитезой позиция «просвещенного обывателя» - позиция «просвещенного лингвиста» [2, с. 7–9], в то же время акцентируя внимание на том, что профессиональная позиция базируется на оценке наблюдаемых явлений в контексте общей эволюции языка: «Русский язык «переварит» все это, что-то сохранив, что-то отбросив, выработает, наконец, новые нормы, и на место хаоса придет стабильность. Кроме того, даже в хаосе можно найти положительные стороны, поскольку в нем ярко реализуются творческие возможности

языка, не сдерживаемые строгими нормами» [2, с. 7]. Тогда как противоположная позиция оценивает происходящее с точки зрения настоящего момента, в сравнении с предыдущим состоянием, а не со всей историей языка в целом. Называть такой взгляд на проблему дилетантским, очевидно, не вполне верно, так как подобная оценка языковой ситуации характерна не только для рядовых носителей языка, но и для так называемых практических филологов: учителей, журналистов, библиотекарей, специалистов издательской сферы и т.д. Однозначно не являясь дилетантами в языковой сфере, они тем не менее оценивают языковые явления вне диахронной парадигмы и, предлагая грамотный системный анализ современных языковых процессов, соотносят их не с аналогичными состояниями предшествующих эпох, а с характеристиками языка предыдущего периода.

Между прочим, такой взгляд на проблему был характерен и для собственно лингвистических исследований первой половины 90-х гг. XX века, когда внимание виднейших лингвистов концентрировалось на проблеме «демократизации» языка: «…в нашей стране в эпоху гласности публично заговорили многие люди, не имеющие опыта ораторского искусства. И, конечно, в их речи много шероховатостей и даже ошибок – нарушений норм литературного языка. Однако это не гибель русского языка, а недостаток языкового воспитания. И тревога за состояние русского языка объясняется не тем, что в эпоху посттоталитаризма люди стали говорить «хуже», чем раньше, а тем, что раздвинулись рамки публичной речи и мы услышали, как реально говорит «обычный» человек, не имеющий навыков публичной речи. Многие из прежних ораторов стали делать ошибки, потому что из «человека читающего» они превратились в «человека говорящего»» [4, с. 15–16]. Однако этап наблюдения и описания синхронных наблюдателю языковых процессов затем сменился этапом системного анализа наблюдаемых явлений, что привело к встраиванию современных процессов в общую парадигму сначала мировых языковых процессов, а затем в целостную историю русского языка: «…точнее для характеристики этих весьма бурно развертывающихся процессов подходит термин либерализация, ибо они затрагивают не только народные пласты общенационального русского языка, но и образованные, оказавшиеся чуждыми литературному канону последних десятилетий. В целом литературно-языковая норма становится менее определенной и обязательной; литературный стандарт становится менее стандартным.

В известной мере повторяется ситуация 20-х годов, когда послереволюционный розовый оптимизм порождал желание глубоко преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство, но и культуру, но и литературный языковой канон»[1, с. 6].

Наиболее важным для нас в приведенном замечании В. Г. Костомарова является, безусловно, параллель между современным состоянием языка и языковой ситуацией первой трети XX века, поскольку наблюдаемые явления не просто обнаруживают заметное сходство в своих формальных проявлениях, но и системно представляют собой, бесспорно, реализацию одних и тех же языковых процессов.

В частности, проводя параллели между языковой ситуацией 20-ых и 90-ых годов XX века И. А. Стернин выделяет такие характерные явления, как политизация языка, выраженное оценочное отношение к словам, превращение многих слов в символы принадлежности человека к определенной общественно-политической группе, расшатывание языковых норм в массовом употреблении и речи заметных общественных деятелей, рост взаимного недопонимания между различными социальными группами [6, с. 84–85]. Эти и другие сходные черты фактически являются проявлением характерных для русского языка процессов, восходящих к языковому сознанию его носителей и, далее, к их общественно-политической жизни и психологии,

в целом. Актуализируя известную метафору «Язык – зеркало жизни народа», И. А. Стернин пишет: «Если больной или переживающий душевный кризис человек смотрится в зеркало, то в зеркале, естественно, отражаются проявляющиеся у него внешне признаки болезни или душевного кризиса» [5, с. 3–4]. Развивая метафору, хотелось бы добавить, что это зеркало отражает всегда одного и того же человека, все состояния, болезни, жизненные ситуации которого всегда системно связаны друг с другом, если не причинно-следственными связями, то, как минимум, единством психических, физических и социальных реакций индивида на возникновение и протекание этих состояний, болезней и ситуаций.

В той же работе И. А. Стернин приводит такие параллели: «Развитие отражает приспособление языка к изменяющимся (под влиянием внешних факторов) условиям его функционирования. <…> Слабое развитие – в период стабильного социально-экономического развития общества. В XX веке - это 50-70-е гг.

Интенсивное развитие – в период крупных социально-политических и экономических перемен, интенсивного культурного развития, общественного подъема. Ср. эпохи Петра I, Ломоносова, Пушкина.

Бурное развитие – в эпоху смены общественно-экономических формаций (20-30-е гг. XX века, 80-90-е гг.)» [5, с. 3–4].

Подобное сопоставление языковых явлений с общей ситуацией в стране и обществе в сочетании с выявлением сходных проявлений в другие исторические периоды позволяет, абстрагировавшись от частных особенностей, увидеть общие закономерности развития и эволюции языка. Вообще, хотелось бы заметить, что выявление, рассмотрение и анализ подобных параллелей, на наш взгляд, и есть основная задача современного диахронного языкознания, так как только в этом ракурсе проблемы и явления конкретных периодов предстают проявлениями значимых черт языка в его истории.

Конечно, в истории языка национального и в истории языка литературного, т.е. нормированной кодифицированной общепризнанной версии национального языка (или иного языка, выполняющего эту функцию), это проявляется по-разному, и для полноты и достоверности картины необходимо четко понимать это различие. ***С одной стороны***, именно язык общенациональный напрямую связан с жизнью социума и чутко реагирует на изменение потребностей своих носителей. Наиболее заметно это проявляется на самом мобильном языковом уровне – в лексике: появление новых явлений в любой сфере жизни социума приводит к быстрой реакции языка: появляются, усваиваются извне или создаются, новые слова, устаревают, начинают отторгаться носителями, старые. Это явление характерно для языка в любой период его жизни, например: стремительное вхождение в русский язык слова *селфи*, спровоцированное возникновением описываемого им культурного явления, которое постепенно вытесняет на периферию возвратное значение русского глагола *фотографироваться (*Ср. *делать селфи с Пушкиным* вместо *фотографироваться с Пушкиным / на фоне памятника Пушкину)*. В периоды же бурных изменений в общественной, политической, социальной жизни лексические процессы принимают столь же бурный характер. Изменение лексического фонда идет разными путями в зависимости от того, что происходит в жизни носителей языка, так:

- татаро-монгольское иго привело к усилению контактов с татарами в разных сферах жизни и, как следствие, к заимствованию множества тюркизмов;
- петровские реформы, связанные с европеизацией России и снижением роли церкви, – к массированному заимствованию западноевропейской лексики и архаизации многих церковнославянизмов;

- революция, с одной стороны, происходившая в русле актуальных европейских политических и социальных процессов, в том числе и противопоставления науки и религии, а с другой, приведшая к изменению социального устройства России и повышению социальной значимости широких слоев населения, – вновь к европейским заимствованиям и архаизации маркированных славянизмов и лексики предшествующей социально-политической формации, но уже в сочетании с активным проникновением в общенациональный вариант языка диалектизмов и просторечий и активным окказиональным словотворчеством в рамках «новояза».

На фоне этих наблюдений оценка современной языковой ситуации в лексическом плане, естественно, должна вестись не в парадигме «сохранение – порча языка», а русле осмысления причин актуализирующих / архаизирующих тот или иной лексический пласт. Произошла смена общественно-политической формации с изменением типа государственного устройства, структуры и территории государства, типа общественной жизни. Произошедшие процессы маркированы как «демократизация по западному образцу». Абсолютно логичным представляется в данном случае отказ большей части носителей языка от слов и конструкций, ассоциирующихся с предшествующей формацией, и волна заимствований из западных языков, преимущественно, из английского. Изменения социальной структуры общества, разочарование социума в предыдущих элитах, активизация средне- и малообразованных слоев общества привели к актуализации сниженных лексических пластов, в том числе, и табуированных (арготическая лексика, нецензурная лексика).

С другой стороны, все вышеописанные процессы, происходящие в общенациональном языке, становятся массовыми лишь в том случае, если ослабевает контроль со стороны нормы, т.е. если статус нормативного литературного языка, тормозящего актуальные процессы в языке общенациональном для сохранения самоидентичности социума его носителей, падает в такой степени, что уже не может служить барьером для назревших изменений. Если говорить о кризисе национального языка с научной точки зрения вполне бессмысленно (по остроумному замечанию И. А. Стернина «само зеркало никакого кризиса не переживает» [5, с. 3–4]), то кризис языка литературного – вещь не только осмысленная, но и вполне традиционная. Литературный язык как нормированный, кодифицированный, имеющий высокую социальную значимость вариант национального языка практически не подвержен естественной эволюции, так как изменения в нем должны быть закреплены сознательной деятельностью уполномоченных людей, т.е. внесены в соответствующие кодификаторы, словари, учебники, учебные и экзаменационные программы. С одной стороны, это, как уже было отмечено, обеспечивает устойчивость национального сознания, связь поколений и т.д., но, с другой стороны, расхождения между нормой и языковой картиной мира носителя языка не должны быть принципиальными / значимыми для носителей. В стабильной языковой ситуации так и происходит. Движения национального языка компенсируются их хаотичностью, изменения, прошедшие испытание временем, постепенно вносятся в норму, статус нормы носителями языка сомнению не подвергается.

В периоды общественно-политической нестабильности движение национального языка подчиняется ключевым тенденциям эпохи и, следовательно, обретает вектор; изменения становятся многочисленными – расхождение между нормой и языковой картиной мира начинают ощущаться носителями языка. Статус нормы падает. Особенно очевидным кризис литературного языка становится в те исторические моменты, когда в то же время падает статус государства и/или культурной элиты, которые и являются гарантами языковой нормы в стабильном

социуме. Стремление носителей языка привести норму в соответствие с собственной языковой картиной мира приводит на начальном этапе к отрицанию существующей традиции значимым числом носителей языка, росту числа ошибок и ненормативных употреблений, падению значимости образованных людей и языковой правильности в целом. Носители языка начинают активные эксперименты с языковым материалом и нормой (языковая игра), мерилом правильности становится личный языковой вкус при наличии языкового чутья или, что встречается чаще, распространенные в социуме тенденции (языковая мода).

В то же время сохраняется недовольство определенной части общества нарушениями норм литературного языка (и, в первую очередь, это именно практические филологи, о которых мы упоминали ранее (учителя, журналисты и т.д.) и иные представители образованной части социума, для которых языковая норма и высокие стандарты речи входят в систему личностных ценностей). Когда национальное сознание стабилизируется на новом этапе, возникает внутренний запрос носителей языка на восстановление стабильности и литературного языка, и с опорой на «архаистов», «славянофилов», «ретроградов», «традиционалистов», «непродвинутых», т.е. защитников нормы, происходит стабилизация литературного языка и языкового сознания на новом этапе развития.

Любопытно отметить, что изначальные «новаторы», требовавшие пересмотра нормы, в этот момент превращаются в защитников прошлого, т.к. стремятся сохранить традиции эпохи кризиса, тогда как их противники, защищавшие традиции докризисной эпохи, фактически становятся «новаторами», формируя на базе исходной нормы и устойчивых новых тенденций норму нового времени. Например, «архаист» А. С. Шишков, вставший на защиту норм литературного языка XVIII века, в том числе включавших и строгую стилистическую дифференциацию языка по жанрам, фактически отстаивал внежанровое представление о стиле и его прямую зависимость не от формальных показателей, а от семантики и прагматических задач конкретного текста, что, очевидно, уже было характерно для устной речи. Тогда как его оппоненты, отстаивая формулу «писать, как говорят», требовали именно формального подхода к отбору языковых средств, вне зависимости от конкретных задач конкретного текста, что соответствовало французским салонным образцам, но существенно отличалось от запросов современного им русского социума, ценившего возможность быстрой смены стилистической окраски сообщаемого путем изменения набора языковых средств. В результате А. С. Пушкин, вполне заслужено считающийся, пожалуй, главным нормализатором русского литературного языка этого периода, фактически высказывает мысли, опровергающие положения «новаторов» и совпадающие, по ключевым положениям, с идеями «архаиста» А. С. Шишкова: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному... Чем богаче язык выражениями и оборотами, тем лучше для искусного писателя. Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отрекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным – значит не знать языка» [3].

Ситуацию противостояния защитников нормы и сторонников нового отмечает и В. Г. Костомаров, но уже применительно к событиям начала XX века: «…социальная ситуация хорошо согласуется с идеями А. А. Шахматова о расширении границ литературного языка, и именно так мыслили и действовали представители, как выражался С. И. Ожегов, *новой советской интеллигенции*. Методисты, в частности, утверждали, что <…> требуется «расширять изучение стандартного языка… изучать диалекты, которыми наш стандартный язык окружен, от которых он питается <…>

«Старая интеллигенция», по большей части в эмиграции, стояла за неприкосновенность литературного языка, возмущаясь наводнением его диалектизмами, жаргонизмами, иностранщиной, даже изменением правил правописания, особенно изгнанием буквы *ять*. Этот диаметрально противоположный подход победил и внутри страны, наметившись в 30-е и безусловно восторжествовав в 40-е годы <…> дискуссия 1934 года наметила путь к массовому окультуриванию речи, требуя писать *по-русски, а не по-вятски, не по-балахонски*. Сознательная *пролетарская языковая политика* проходила под лозунгом преодоления разноязычия, прежде всего крестьянского» [1, с. 6–7] Любопытно отметить, что и в этой борьбе результаты соответствовали не позициям спорящих, а новым требованиям национального языкового сознания, в результате чего новый литературный язык, с одной стороны, был существенно приближен к народной речи, избавлен от многих элитарных черт языка предшествующей эпохи, но, с другой стороны, базировался на традициях русской классической литературы и практически полностью вытеснил диалектные различия на периферию национального языкового сознания.

Конечно, объективно оценить современную языковую ситуацию в приведенной модели пока еще сложно, так как процесс нормализации еще очень далек от завершения. На данный момент очевидно лишь, что запрос на возвращение нормы в языковом сознании носителей языка уже сформирован: языковые эксперименты вновь сместились в сферу элитарной языковой деятельности, активность рядового носителя в языковой сфере существенно снизилась, растет нетерпимость к ошибкам в публичных текстах, поднимается статус носителей литературного языка, заметно уменьшение количества заимствований и изменение отношения к ним у рядовых носителей языка. Все это, в контексте истории русского литературного языка, позволяет надеяться на переход языковой ситуации в стабильную фазу. Конечно, если общенациональная история позволит…

Литература

1. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб.: Златоуст, 1999.
2. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
3. *Пушкин А. С.* Письмо к издателю. URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/articles/article-100.htm
4. *Русский* язык конца XX столетия (1985–1995) М., 2000. С. 15–16.
5. *Стернин И. А.* Кризис или развитие? // Русский язык конца XX века. Воронеж, 1998. С. 3-4.
6. *Стернин И. А.* Общественно-политические процессы в России и изменения в русском языке и общении // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей - словесников. Ч.2. Воронеж, 1996. С.84–85.
7. *Стернин И. А.* Русистика. Сб. научных трудов. Вып.4. Киев, 2004.
8. *Сураилова В. Г.* Проблемы речевой культуры в современном обществе. 2010. URL: http://pandia.ru/text/79/028/95049.php

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ТЕКСТЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ

Иванов Андрей, Иванова Римма
Нижегородский государственный лингвистический университет, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия
ivanov@lunn.ru, holzmann2009@yandex.ru

HORTATORY CONSTRUCTIONS IN THE RUSSIAN TEXT OF ST. MATTHEW'S GOSPEL

Ivanov Andrey, Ivanova Rimma
Linguistics University of Nizhny Novgorod, Russia
National Research University Higher School of Economics, Russia

Abstract: *This paper deals with studying the semantic structure and inventory of the means of linguistic objectification of the hortativity category in the Russian text of the Gospel according to St. Matthew. Functional-semantic analysis of the linguistic means united by the common seme of hortativity allows one to describe the structure of the hortativity field and single out its nucleus, center, and periphery.*

Key words: *category of hortativity, imperative, semantics, functional-semantic analysis, St. Matthew's Gospel.*

В систему выражения модальных значений ирреальности включается функционально-семантическая категория побудительности, основной смысл которой состоит в указании на поворот событий от потенциальности к актуальности, то есть к осуществлению события и последующему восприятию этого события как факта объективной действительности.

Определение сущности функционально-семантической категории побудительности основывается на принципах, сформулированных Бондарко, ряд работ которого посвящен выявлению и описанию функционально-семантических категорий русского языка. В концепции Бондарко [1, с. 18], «критерием выделения таких категорий является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов».

Совокупность средств выражения, относящихся к разным языковым уровням (лексическому, морфологическому и синтаксическому), но объединенных общей семантикой побуждения, образует семантическое поле побудительности. Неоднородность средств выражения побудительности связана со спецификой самого побудительного значения. Именно сложность плана содержания побудительности обусловливает сложность плана ее выражения (см. табл. 1).

Ядро семантического поля побудительности формирует морфологическое средство – повелительное наклонение глагола (императив). В исследуемом тексте Евангелия от Матфея, представляющего собой рассказ о жизни и деятельности Иисуса Христа, категория побудительности находит свое яркое выражение благодаря широкому инвентарю актуализирующих ее грамматических средств, в первую очередь, императивных глагольных форм.

Ядерное положение императива в поле побудительности может быть объяснено наличием у него следующих признаков:

1) императив является основным способом передачи побудительности в силу однородности его семантической функции. Эта форма наиболее однозначно передает значение побудительности и наименее зависима от контекста;

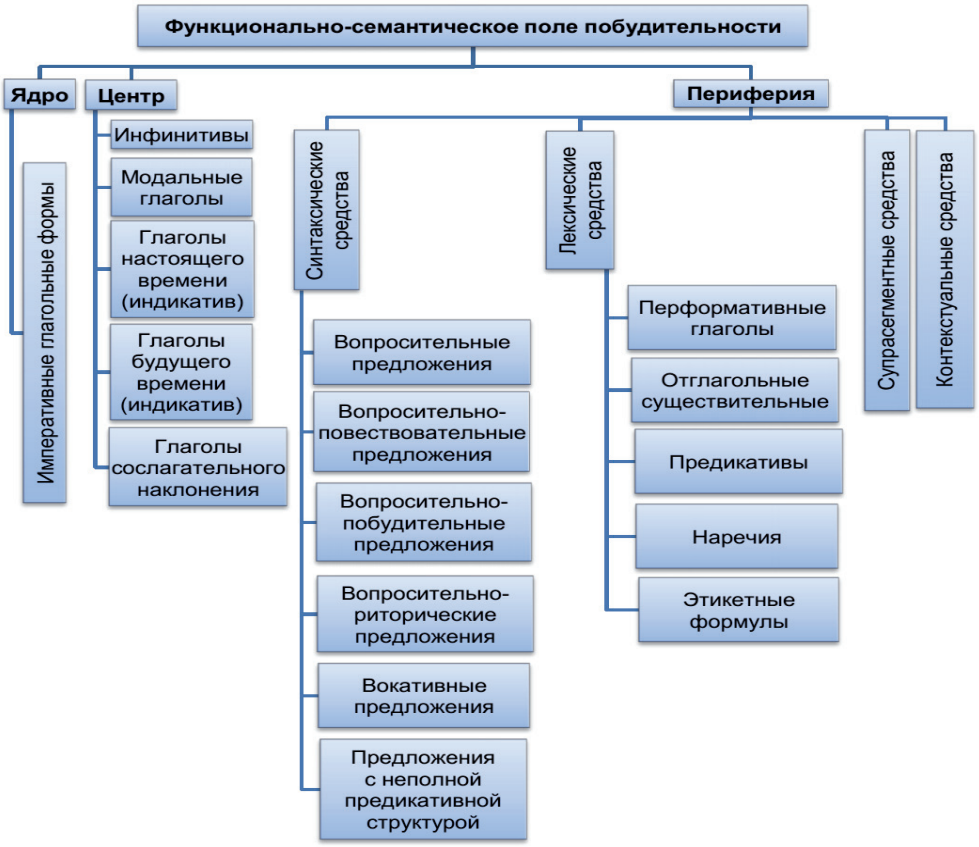


Таблица 1. Средства выражения поля побудительности

2) императив отличается особой регулярностью употребления;

3) императив обладает способностью выразить различные типы побуждения – от категорического приказа до просьбы.

К *центру* семантического поля побудительности относятся следующие грамматические средства: инфинитивы, способные выражать широкий спектр побуждений различного характера – от резкого приказания до совета, модальные глаголы, глагольные формы настоящего и будущего времени в изъявительном наклонении, глагольные формы в сослагательном наклонении, способные выражать в смягченной форме пожелание, совет или просьбу.

Периферию средств, актуализирующих семантику побудительности, образуют:

1) лексические средства, к которым относятся перформативы, выражающие различные формы побуждения, от просьбы до запрета,

2) синтаксические средства, в состав которых входят вопросительные предложения, предполагающие обязательный ответ, вопросительно-повествовательные предложения, выражающие сообщения в форме отрицания или утверждения, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические предложения, вокативные предложения и предложения с неполной предикативной структурой, выражающие побуждение к действию;

3) супрасегментные средства актуализации семы побудительности;

4) контекстуальные средства актуализации семы побудительности.

1. Императив как ядерное средство актуализации семы побудительности

Грамматические формы повелительного наклонения обладают признаками залога, вида, лица, числа, однако не обладают признаками времени и рода. Категории залога, вида и числа в повелительном наклонении реализуют в основном те же значения, что во всех других глагольных формах. Категория лица в повелительном наклонении указывает на адресата побуждения. Формы повелительного наклонения – это личные формы единственного и множественного числа: форма второго лица выражает побуждение к действию, обращенное к одному или нескольким лицам; формы совместного действия, свойственные только повелительному наклонению, эксплицируют побуждение, обращенное к группе лиц, включая говорящего.

Формы повелительного наклонения имеют особые способы образования, которые ниже иллюстрируются примерами из текста Евангелия от Матфея на современном русском языке[1].

1. Если основа настоящего времени, образованная от инфинитива оканчивается на '-j' (*стоj-у, моj-у*), то данная основа является производящей для формы 2-го л. ед.ч. повелительного наклонения.

(1) *А ты, когда постишься, помажь голову твою и* ***умой*** *лице твое…* (6:17)

В глаголах на '-ить' (*служить*, *любить*) повелительная форма оканчивается на '-и'.

(2) *Тогда Иисус говорит ему:* ***отойди*** *от Меня, сатана…* (4:10)

2. У глаголов *бить*, *вить*, *лить*, *пить*, *шить* и их префиксальных дериватов форма императива 2-го л. ед. ч. совпадает с основой инфинитива.

(3) *И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал:* ***пейте*** *из нее все…* (26:27)

В текстах, написанных высоким стилем, нередко вместо частицы *пусть* используют частицу *да*; в исследуемом же тексте Евангелия высокий стиль является преобладающим.

(4) ***Да придет*** *на вас вся кровь праведная, пролитая на земле…* (23:35)

Нередким является употребление в тексте частицы *так*:

(5) ***Так будут*** *последние первыми, и первые последними…* (20:16)

В конструкциях такого типа сема перемещения в пространстве оказывается вторичной, утрачивая смысловую самостоятельность, в то время как первичной выступает сема побудительности. Результатом перемещения в пространстве, как вспомогательного действия, становится действие-цель, ради которого осуществляется движение. Данное действие выражено глагольной формой с теми же морфологическими признаками, что и глагол движения. Здесь едва ли можно согласиться с мнением Флах, доказывающей первичность семы движения в аналогичных конструкциях на материале английского языка: «Если мы допускаем, что в структуре значения конструкций с глаголом *go* содержится сема побудительности, то представляется, что побудительная сила отходит здесь на второй план, в то время как на первый план выдвигается сема движения» [7, с. 237].

Исследование показывает, что формы повелительного наклонения, актуализирующие категорию побудительности, имеют определенные особенности в аспекте образования. Эти особенности оказываются свойственны как однословным, так и аналитическим императивным формам. Большая грамматическая емкость повелительного наклонения отчасти связана с десемантизацией и последующей грамматикализацией отдельных его форм в составе аналитических конструкций, таких как *смотри* и *возьми*, которые могут выступать в роли модально-экспрессивных частиц. Формы типа *возьми* встречаются в классических грамматиках, но, как

[1] Цитаты из евангельского текста приводятся по изданию [2]. В теле ссылки первая цифра указывает на соответствующую главу Евангелия, вторая цифра – на номер стиха. Номер главы и номер стиха разделяются двоеточием.

установлено в ходе анализа, эти формы не являются характерными для русского текста Евангелия от Матфея.

Следует отметить, что в тексте Евангелия встречаются как положительные (*иди*, *следуй (за мной)*, *возьмите* и т. п.), так и отрицательные (*не бойся*, *не берите* и т. п.) формы императива. При этом, «глаголы несовершенного вида с отрицательной частицей обозначают запрещения, а глаголы совершенного вида с отрицательной частицей обозначают предупреждения» [8, с. 256; 9, с. 81].

(6) *...**иди** за Мною, и **предоставь** мертвым погребать своих мертвецов* (8:22)

(7) ***Не берите** с собою **ни** золота, **ни** серебра, **ни** меди в поясы свои* (10:9)

Категория побудительности реализуется благодаря широкому инвентарю средств выражения, относящихся либо к центру, либо к периферии семантического поля побудительности. Они пребывают в различных отношениях друг к другу, обладают различной иллокутивной силой и специализацией в аспекте передачи общего побудительного значения, отличаются особенностями употребления. Все неядерные средства являются императивными лишь содержательно: они распознаются в тексте как формы, имеющие общее значение – значение побудительности.

1. Основной грамматической формой повелительного наклонения является 2-е лицо, по этой причине семантика будущего времени передается императивом. По мнению: Ярцевой [6, с. 58], глагольная форма будущего времени представляет собой одну форму в двойственном (омонимичном) употреблении – футуральном и императивном.

(8) *Родит же Сына, и **наречешь** Ему имя Иисус…* (1:21)

2. Формы сослагательного наклонения.

(9) *Учитель! **хотелось бы** нам **видеть** от Тебя знамение* (12:38)

3. Оптативные формы.

(10) *...если хочешь быть совершенным, **пойди**, **продай** имение твое и **раздай** нищим; <…> и **приходи** и **следуй** за Мною* (19:21)

К ряду оптативных средств, актуализирующих сему побудительности, примыкают конструкции, содержащие предикативы и наречия в сравнительной степени в сочетании с частицей *бы* и без таковой.

(11) *... **лучше было бы** этому человеку **не родиться**.* (26:24)

4. Модальные глаголы.

(12) *Господи! если **хочешь**, **можешь** меня очистить* (8:2)

5. Глаголы говорения - перформативы.

(13) *Иосиф поступил, как **повелел** ему Ангел Господень, и принял жену свою* (1:24)

6. Вопросительные предложения различных типов: вопросительные предложения, требующие обязательного ответа, вопросительно-повествовательные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические предложения.

(14) *А рабы сказали ему: «хочешь ли, мы пойдем, выберем их?»* (13:28)

Поле побудительности включает грамматически неоднородные формы, часто используемые в других глагольных (неимперативных) парадигмах. Инвентарь этих форм с имплицитной побудительной семантикой весьма широк. Однако доминирующим средством овеществления семантики побуждения остается императив – ядро системы средств выражения побудительности [5; 1]. Все прочие центральные и периферийные средства функционально дополняют императив, но, тем не менее, остаются за пределами его парадигмы.

2. Семантическая структура категории побудительности

Факты действительности и их связи, являясь содержанием высказывания, могут мыслиться говорящим как реальность, как возможность или желательность, как

долженствование или необходимость. Посредством категории наклонения устанавливается оценка реальности или ирреальности высказывания. Категориальное значение форм каждого из трех наклонений может быть совмещено с дополнительными модальными характеристиками – решимости, готовности, допущения, долженствования и иными благодаря применению различных лексико-семантических, синтаксических и интонационных средств. В предложении формы одного и того же наклонения могут выражать различные модальные значения, а также употребляться вместе с вторичными значениями в функции других наклонений.

Императив является наклонением глагола, формы которого представляют процесс как требуемый или желательный, поэтому акт волеизъявления может быть реализован говорящим в форме мольбы, просьбы, требования, приказа, мягкого или настойчивого побуждения к действию. Эти оттенки значения актуализируются при помощи специальных морфологических показателей. Кроме того, в процессе моделирования оттенков значения большую роль играют также семантические особенности глагола: одна и та же форма может передавать различные модально-экспрессивные оттенки.

(15) *...идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (25:41).

Другим важнейшим условием реализации форм императива является семантика глагола, которая оказывается определяющей при выборе прагматической установки говорящего. В этом смысле преобладающую роль в актуализации категории побудительности играют глаголы с ведущей семой говорения. «Главное в значении этих лексических единиц – достижение результата, воздействия на эмитента, установление вневременных качественных отношений между объектами реальной действительности, а не конкретизация процесса коммуникации» [3, с. 33].

Евангелический текст является религиозным сводом жизненных правил, заповедей, где главное действующее лицо, Иисус Христос, дает наставления окружающим, поучает их, советует, увещевает, приказывает. С этой точки зрения наиболее функционально и прагматически значимым среди глагольных наклонений в евангельском тексте можно признать императив, поскольку его формы, прежде всего, реализуют значения требования, желательности или волеизъявления говорящего [10, с. 1032].

В тексте Евангелия от Матфея глагольные формы реализуют весь репертуар модальных значений. Анализ семантической структуры следует начать с форм желательного наклонения, поскольку оно передает отвлеченную устремленность к какой-либо действительности, причем эта действительность может мыслиться как неопределенно отнесенная и в будущее, и в настоящее, и в прошлое. Эти различия могут эксплицироваться дополнительно соответствующими модальными частицами *пусть*, *да*, *так* и рядом других частиц, оформленных также определенным интонационным рисунком.

(16) *...если кто разведется с женою своею,* ***пусть даст*** *ей разводную* (5:31)

Побудительное наклонение также включает сему выражения воли, направленной на осуществление чего-либо. Этот элемент значения объединяет ряд более частных значений, совмещающих значение повеления со значением пожелания, требования, допущения, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения.

(17) ***Встаньте, пойдем****: вот, приблизился предающий Меня* (26:46)

Как уже говорилось выше, общее значение форм повелительного наклонения заключается в выражении побуждения к определенным действиям, в котором могут быть вычленены более тонкие эмоционально-психологические оттенки. К их числу относятся следующие.

1. Просьба

(18) *Господи! если это Ты,* ***повели*** *мне прийти к Тебе по воде* (14:28)

2. Наставление.

(19) *Но Иисус <…> сказал:* ***ободритесь****; это Я,* ***не бойтесь*** (14:27)

3. Требование.

(20) *Он же сказал:* ***иди****. И, выйдя из лодки, Петр пошел по воде…* (14:29)

4. Приказ.

(21) *И Он сказал им:* ***идите****. И они, выйдя, пошли в стадо свиное* (8:32)

Различные оттенки побуждения определяются ситуацией речи, намерением и эмоциональным отношением говорящего, и в этих случаях формы императива играют ведущую роль.

Целесообразно подчеркнуть, что формы императива, выражая побуждение к действию, имплицитно подразумевают еще не совершившееся действие, то есть действие, которое должно или может произойти в будущем. По причине того, что выражается не само действие, а только желание, побуждение к его совершению, императивные формы не являются формами временн***ы***ми. Они обозначают действия, которые могут произойти только после соответствующего высказывания [4, с. 247].

Еще одной частотной разновидностью императива признается долженствовательное наклонение, среди основных значений которого выделяются обязательность, вынужденность, предписанность осуществления какого-либо действия:

(22) *Также, когда поститесь,* ***не будьте унылы****, как лицемеры…* (6:16)

Предложения в указанном наклонении могут передавать долженствование как вынужденность в условиях единичной ситуации или же как долженствование, диктуемое обычаем или привычным укладом жизни. Трнвак справедливо замечает в связи с этим, что употребляя императив долженствования, «говорящий тем самым выражает мысль о том, что есть некая сила, иная, чем он сам, которая побуждает слушающего выполнить действие. Этой силой может быть некое лицо, социальная норма или ситуация» [9, с. 84].

В семантическую структуру категории побудительности включаются также коннотативные значения. В отдельных побудительных высказываниях можно заметить постепенный переход от собственно побуждения к наставлению, пожеланию.

(23) *…если хочешь быть совершенным,* ***пойди****,* ***продай*** *имение твое и* ***раздай*** *нищим; <…> и* ***приходи*** *и* ***следуй*** *за Мною* (19:21)

Сочетания *пусть* + глагольная форма, адресованные к 3-му л. ед. или мн. ч., обозначающие побуждение к действию или пожелание, обычно употребляются с местоимениями *он*, *она*, *они* или с существительными, называющими лицо или предмет.

(24) *Уповал на Бога;* ***пусть*** *теперь* ***избавит*** *Его, если Он угоден Ему* (27:43)

Достаточно высокую степень частотности в тексте Евангелия обнаруживают повелительные глагольные конструкции ‘*смотри* + глагол в императиве’, возникающие в результате десемантизации глагола ‘смотреть’. Использование таких глагольных форм усиливает необходимость выполнения даваемых советов, рекомендаций.

(25) ***Смотрите, не творите*** *милостыни вашей пред людьми…* (6:1)

Частицы *да* и *так* придают высказыванию оттенок желательности.

(26) ***да*** *сбудется реченное через пророков…* (2:23)

Семантика отрицательных форм повелительного наклонения может и не содержать сему прямого запрещения. По своему значению такие формы близки к пожеланию, совету, предупреждению, просьбе.

(27) *Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам* ***не ходите****, и в город Самарянский* ***не входите*** (10:5)

Анализ семантической структуры категории побудительности показывает, что сема побуждения может быть актуализирована благодаря применению различных морфологических средств, основными из которых выступают формы повелительного наклонения, способные выражать множество оттенков значения, так или иначе связанных с принуждением к действию. При этом семантика отдельных средств актуализации побудительности может модифицироваться, отражая различную степень интенсивности выражаемого побуждения.

Значимыми семантическими компонентами языковых форм, входящих в семантическое поле побудительности, оказываются семы побуждения или принуждения к действию, волеизъявления и долженствования. Побудительная модальность выступает в тексте Евангелия от Матфея в качестве одного из основных видов модальности.

Литература

1. *Бондарко А. В*. К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. 1967. № 2. С. 18–31.
2. *ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ* на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.: Гнозис, 1993. 232 с.
3. *Иванова Р. А*. Логико-семантическая категория делиберативности как герменевтический признак сакрального текста // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. 2011. Вып. 14. С. 27–34.
4. *Лекант П. А*. Современный русский литературный язык. М., 2001. 462 с.
5. *Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и прагматике // Новое в зарубежной лингвистике. Т. XVII. М., 1986. С. 363–373.
6. *Ярцева В. Н*. Контрастивная грамматика. М., 1981. 112 с.
7. *Flach S.* Let's go look at usage: A constructional approach to formal constraints on *go*-VERB / Vol. III. 1. Berlin. 2015. P. 231–252.
8. *Forsyth J.* A Grammar of Aspect: Usage and Meaning in the Russian Verb. Cambridge, 1970. 400 p.
9. *Trnavac R.* Aspect and Subjectivity in Modal Constructions: proefschrift ter verkrijging van de graad van Doctor an de Universiteit Leiden. Utrecht, the Netherlands: LOT, 2006. 176 p.
10. *Xrakovski V. S*. Hortative constructions // Language Typology and Language Universals: An International Handbook / Walter de Gruyter, 2001. P. 1028–1038.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кравцова Юлия
Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Украина
kravtsovaju@ukr.net

THE TOPICAL PROBLEMS OF LINGUOPERSONOLOGICAL RESEARCH

Yuliia Kravtsova
National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

Abstract: *The topical problems of linguopersonology as a new integrative branch of linguistics are determination of an essence of a language personality, establishment and description of its various types, elaboration of unified principles, methods, technique of analysis of this phenomenon, its modeling. Further intensification of linguopersonological research in various aspects will contribute to a comprehensive study of linguistic personality.*

Key words: *linguopersonology, language personality, model of language personality.*

В современной лингвистике одной из важнейших проблем является исследование языковой личности, теоретические основы которого были заложены в трудах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Н. С. Трубецкого, Л. Вайсгербера, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура и др. Теория языковой личности продолжает плодотворно развиваться в работах Ю. Н. Караулова, В. П. Нерознака, Л. П. Клобуковой, К. Ф. Седова, С. Г. Воркачева, Е. В. Иванцовой, Л. А. Шестак, Н. Д. Голева, В. И. Карасика, И. А. Синицы, Л. Н. Чурилиной и др. Языковая личность, изучаемая в разных аспектах, стала базовым объектом новой междисциплинарной отрасли языкознания – лингвистической персонологии [8], что обусловлено, с одной стороны, “интегративными процессами в области гуманитарного знания, антропоцентризмом современной науки в целом”, а с другой – “объективной логикой развития языкознания” [5, с. 78]. Лингвоперсонология, возникшая на рубеже XX–XXI вв., активно формируется как самостоятельная научная дисциплина, однако существует еще немало дискуссионных вопросов.

Анализ лингвоперсонологических исследований позволил выделить следующие их направления: 1) лингводидактическое: языковая личность, рассматриваемая в коммуникативно-деятельностном аспекте, исследуется во взаимодействии с социальной средой, которая стимулирует ее развитие и формирует готовность к самосовершенствованию (Г. И. Богин, Л. П. Клобукова, Г. И. Быкова и др.); 2) лингвокультурологическое: языковая личность носителя лингвокультуры (полилекта) трактуется как совокупность определенных (языковой, когнитивной, прагматической) характеристик и разработываются ее различные модели (Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, Т. Н. Снитко, С. Г. Воркачев и др.); 3) лингвопоэтическое: изучается языковая личность писателя как носителя идиолекта (Н. А. Кожевникова, Н. С. Болотнова, Л. Н. Чурилина, Ю. В. Кравцова и др.); 4) социолингвистическое: исследуется языковая личность носителя какого-либо социолекта (Л. П. Крысин, О. А. Казакова, Е. В. Иванцова, И. А. Синица и др.); 5) психолингвистическое: анализируются психические свойства языковой личности (А. А. Залевская, В. П. Белянин и др.). Необходимо отметить, что в последнее время в рамках разных направлений лингвоперсонологии все чаще рассматриваются различные типы языковых личностей [2; 3; 4; 7], представляющие собой определенный социолект (языковая личность учителя, ученого, политика и др.), обобщенный языковой “портрет” той или иной социальной категории – профессиональной, возрастной, гендерной и т. п.

К актуальным проблемам лингвоперсонологических исследований, на наш взгляд, относятся следующие: определение сущности языковой личности; установление и описание различных ее типов; разработка общих принципов и методов, единой методики анализа языковой личности; моделирование данного объекта.

Понятие языковой личности, введенное В. В. Виноградовым, получило теоретическое обоснование в современном языкознании, однако имеются различные точки зрения на ее сущность и соответственно разные дефиниции: совокупность способностей и характеристик человека, обусловливающих создание и восприятие им речевых произведений (Ю. Н. Караулов); человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности (С. Г. Воркачев); человек, участвующий в коммуникации (В. И. Карасик); многокомпонентная парадигма речевых личностей, владеющих разными коммуникативно-языковыми подсистемами и пользующихся ими в зависимости от тех или иных социальных функций общения (Л. П. Клобукова) и др. В связи с неоднозначностью толкования этого понятия в лингвоперсонологических исследованиях наблюдается разнородность изучаемых объектов (предметов): это разные типы языковых личностей – идиолектные (конструкты, формируемые исследователями на основе определенных идиолектов, дискурсов) и полилектные (“коллективные” языковые личности той или иной социальной группы). Выбор объекта, как правило, детерминирован научными интересами и квалификацией исследователя. В целом, определяя личность как языковую, ученые характеризуют способности человека (субъекта, индивида, носителя языка) к речемыслительным действиям, поэтому данные определения не исключают, а скорее дополняют друг друга и подчеркивают те или иные свойства этого сложного феномена.

За последнее время появились различные понятия, раскрывающие природу языковой личности как лингвистической категории: полилектная и идиолектная личность (В. П. Нерознак); языковая и речевая личность (Л. П. Клобукова, Ю. Е. Прохоров); этносемантическая (словарная, собственно языковая), речевая и коммуникативная личность (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных); элитарная языковая личность (О. Б. Сиротинина, Т. В. Кочеткова) и др. Такая дифференциация составляющих компонентов языковой личности, или ее типов, относительно условна и вызвана в большей мере потребностью в специальном научном исследовании разных проявлений носителя языка. Как отмечают некоторые лингвисты [1; 4; 5], человек в момент речевой деятельности выступает одновременно как этносемантическая (собственно языковая), речевая и коммуникативная личность.

В лингвоперсонологии сложились определенные подходы к изучению языковой личности как таковой и разных ее типов, однако вопрос о методологии новой отрасли лингвистики пока остается открытым. Работы, посвященные этой проблеме, немногочисленны, поэтому “не сформирован круг методов данной области знания, отсутствует их единая трактовка и систематическое описание” [4, с. 80]. К методологическим трудностям изучения языковой личности на основе анализа ее индивидуальной речи, по нашему мнению, относятся: критерии выбора объекта (предмета) исследования и отбора эмпирического материала; методы и методики изучения языковой личности. В настоящее время методология лингвоперсонологии базируется на традиционных общенаучных, собственно лингвистических и заимствованных из смежных дисциплин методах, которые приемлемы для изучения данного феномена.

Важнейшей проблемой теории языковой личности является методика ее анализа и описания. Так, еще в трудах В. В. Виноградова были представлены отдельные “опыты описания” языковой личности автора (А. С. Пушкина, А. Ахматовой и др.).

Методика моделирования языковой личности, разработанная Г. И. Богиным (1984) в лингводидактическом аспекте, отличается сложностью и недостаточной четкостью параметризации. Его модель включала шестьдесят компонентов, полученных путем перемножения трех параметров: языковые навыки (фонетические, лексические, грамматические); виды речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо); параметры развития языковой личности, предложенные ученым (правильность, интериоризация, насыщенность, адекватный выбор, адекватный синтез). Кроме того, он выделил два основных признака языковой личности – языковую способность и коммуникативную (речевую) компетенцию. Таким образом, в концепции Г. И. Богина языковая личность ("человек говорящий") рассматривалась в коммуникативно-деятельностном аспекте.

Наиболее распространенной в лингвоперсонологии является методика моделирования языковой личности Ю. Н. Караулова (1987, 1989). В его модели, как известно, выделяется три базовых уровня: 1) вербально-семантический; 2) лингвокогнитивный; 3) мотивационный. В качестве критериев их выделения выступают типовые единицы – слова, концепты и коммуникативно-деятельностные потребности, отношения между этими единицами и стереотипы их объединения в определенные комплексы. Эта трехуровневая модель позволяет рассматривать разнообразные качественные признаки языковой личности в рамках трех существенных характеристик – собственно языковой (вербально-семантической), когнитивной (познавательной) и прагматической (мотивационной). Данная модель, имеющая определенную степень абстракции, широко используется в разных исследованиях. Необходимо отметить, что практически все современные концепции языковой личности – это интерпретации модели Ю. Н. Караулова, так как она дает возможность осуществлять исследование той или иной языковой личности путем построения национальной, социальной или индивидуальной модели. Так, на ее основе автором статьи разработана модель языковой личности писателя (в частности, поэта-прозаика, владеющего двумя формами словесного искусства), которая включает следующие параметры: 1) собственно языковой (языковая компетенция: уровень владения языком; индивидуальный выбор языковых средств; ориентация на "память" слова; использование "близнечных" контекстов и др.); 2) лингвокогнитивный (интеллектуальные способности: особенности познавательно-мыслительной деятельности; уровень и специфика образного мышления); 3) лингвокультурологический (этно- и социокультурная компетенция: степень освоения концептосферы данного этнокультурного сообщества; умение адекватно интерпретировать значимые для социума события; способы репрезентации действительности в поэзии и / или прозе); 4) художественно-эстетический (система художественных ценностей и творческих принципов: следование определенным литературным традициям; способность к индивидуально-специфическому видению мира; разнообразие способов художественного отражения действительности в поэзии и / или прозе; использование тех или иных стилистических приемов); 5) мотивационный (специфика творческой интерпретации приобретенного опыта: умение выразить личностное отношение к различным социокультурным явлениям; выбор объектов художественного осмысления; субъективная оценка описываемого) [6, с. 140–141]. Таким образом, разработка универсальной методики анализа языковой личности продолжается.

Постепенное накопление теоретического и эмпирического материала, его анализ и систематизация, обобщение и совершенствование методик описания языковой личности, последующая их унификация в дальнейшем должны привести к окончательному становлению данной отрасли языкознания. Кроме того, в стадии

формирования находятся специфические методы лингвоперсонологии: моделирование языковой личности, получившее теоретическое обоснование в работах Ю. Н. Караулова, и языковое (речевое) портретирование, характерное преимущественно для лингвопоэтических и социолингвистических исследований. Перспективным представляется описание как идиолектных языковых личностей, так и разных этнокультурных или социальных их типов. Для большинства работ, в которых затрагиваются различные аспекты данного феномена, характерным является тот факт, что сам объект научного осмысления анализируется и описывается уже в статике, поэтому динамическое описание формирования языковой личности, выявление и обоснование условий и факторов, определяющих этот процесс, также может иметь перспективы.

К важнейшим задачам лингвоперсонологии можно отнести следующие: унификация терминологии и уточнение дефиниций; комплексное исследование языковой личности и определение ее национально-культурной специфики; выявление индивидуальных особенностей проявления исследуемого объекта на материале различных идиолектов; сопоставительное изучение языковых личностей на материале разных этнокультур.

Таким образом, языковая личность как объект лингвоперсонологии изучается в лингводидактическом, лингвокультурологическом, лингвопоэтическом, социолингвистическом и психолингвистическом аспектах. Разработаны основные принципы и методы, различные методики анализа и описания языковой личности, сформирован категориально-понятийный аппарат, накоплен определенный эмпирический материал, однако вследствие сложности и многогранности данного феномена многие вопросы остаются открытыми и требуют дальнейшего осмысления. К актуальным проблемам лингвоперсонологических исследований относится установление сущности и типов языковой личности, разработка единой методики ее анализа и моделирования. Перспективным представляется изучение идиолектных языковых личностей, разных этнокультурных и социальных их типов.

Литература

1. *Воркачев С. Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
2. *Иванцова Е. В.* Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 80–86.
3. *Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск, 2010.
4. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва, 2004.
5. *Карасик В. И.* Дискурсивная персонология // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, 2007. Вып. 7. С. 78–86.
6. *Кравцова Ю. В.* Метафорическое моделирование мира в художественном тексте: семантико-когнитивный анализ. Киев, 2014.
7. *Лингвоперсонология:* типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение / под ред. Н. Д. Голева, Н. В. Сайковой, Э. П. Хомич. Барнаул; Кемерово, 2006.
8. *Нерознак В. П.* Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. Москва, 1996. Вып. 426. С. 112–116.

ПРАВОВОЕ ПОЛЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ: КРЫМСКИЙ КОНТЕКСТ

Мартынюк Анна
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского,
Республика Крым, Россия
annamart07@rambler.ru

LEGAL FIELD of INTERCULTURAL COMMUNICATION: CRIMEAN CONTEXT

Martynyuk Anna
Vernadsky Crimean Federal University, Republic of Crimea, Russia

Abstract: *Language policy provides not only favorable language and political climate, but also creates the conditions for effective intercultural and interpersonal communication. Language policy should be seen as a policy of cultural and linguistic tolerance, promoting the unity of peoples to preserve their languages and cultures.*

Key words: *language policy, language situation, system of education, intercultural communication.*

В современном многонациональном обществе язык играет важную роль, становясь не только средством межкультурного взаимодействия, но и способом манипуляции, границей, разделяющей членов общества на «своих» и «чужих», способом консолидации людей с общими социополитическими интересами. **Цель** предлагаемой статьи – установление правового поля межкультурной коммуникации в Республике Крым как многонационального и, как следствие, многоязычного региона.

Ни одна культура не способна функционировать в изоляции от культурных достижений других народов, впрочем, как и отдельный человек не может нормально существовать вне общества. На протяжении всей жизни люди постоянно обращаются или к своему прошлому, или к опыту других культур. Любой народ одновременно открыт для восприятия культурного опыта других общностей и готов делиться со всеми продуктами собственной культуры. Такое обращение к культурам других народов получило название «межкультурная коммуникация» [11, с. 264], которая определяется как особая форма взаимодействия культур, отличающаяся собственными свойствами. При таком подходе она означает не только межэтническую коммуникацию, но и коммуникацию между различными видами культур [10, с. 7]. Межкультурная коммуникация, как отмечают исследователи, − это всегда межперсональная коммуникация в специальном контексте, когда один участник обнаруживает культурное отличие другого и так далее [11, с. 265]. В более узком смысле этим термином называется достижение адекватного взаимопонимания двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [2, с. 26].

Язык народа представляет собой важнейший компонент его национальной культуры, который формируется вместе с образованием этноса, являясь одновременно предпосылкой и условием его существования. Поэтому неудивительно, что в процессе обретения нациями своей реальной государственности языковая политика самым активным образом служит достижению данной цели. Каждое современное государство в процессе своего становления и развития, так или иначе, сталкивалось с языковым вопросом, который в разных странах решается почти одинаково – на государственном уровне.

В Российской Федерации языковой политике уделяется особое внимание, поскольку Россия является полиэтническим и полилингвальным государством. Данный тезис обусловил тот факт, что национальное самосознание и характер каждого

российского этноса формировались на протяжении веков, взаимодействуя с русским национальным характером и мировидением. Именно на этом и строится языковая политика России [7, с. 24]. Принципы языковой политики изложены в законе «О языках народов Российской Федерации» и соответствующих законах республик – субъектов РФ, в которых предусмотрены социальные, юридические и экономические меры, направленные на поддержание потребностей существования языков, развитие коммуникативных ресурсов каждого языка этносов России. Важным концептуальным документом в области государственной языковой политики следует считать Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Первым из числа основных вопросов государственной национальной политики РФ, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов, названы «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности». Подчеркивается, что «культурное и языковое многообразие народов России защищено государством. В Российской Федерации используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения», а также что «Российское государство создавалось как единение народов, системообразующим ядром которого исторически выступал русский народ. Благодаря объединяющей роли русского народа, многовековому межкультурному и межэтническому взаимодействию, на исторической территории Российского государства сформировались уникальное культурное многообразие и духовная общность различных народов. Современное Российское государство объединяет основанный на сохранении и развитии русской культуры и языка, историко-культурного наследия всех народов России единый культурный (цивилизационный) код, который характеризуется особым стремлением к правде и справедливости, уважением самобытных традиций населяющих Россию народов и способностью интегрировать их лучшие достижения в единую российскую культуру» [3].

Государственная политика России в отношении языков способствует формированию бережного отношения как к родному, так и другим языкам, чувству уважения к культуре и истории. Русский язык относится к наиболее распространенным языкам мира. По числу говорящих на нем, он занимает пятое место в мире после китайского, хинди (вместе с близким ему урду), английского и испанского языков. Русский язык по числу владеющих им (свыше 500 млн человек) занимает в мире третье место после китайского (свыше 1 млрд) и английского (750 млн). В той или иной мере русский язык изучают в вузах и школах более чем в 140 странах мира и является официальным или рабочим языком множества международных организаций [5].

По убеждению Г. Ю. Богданович, «парадигма языкового образования многокомпонентна. Для того чтобы правильно выстроить парадигму языкового образования, важно:

– изучать лингвокультурную ситуацию региона;

– опираться на продуманную языковую политику, в т.ч. к государственным языкам;

– формировать лингвокультурологическую компетенцию учащихся;

– правильно выбрать методику преподавания языка изучения и языка обучения;

– формировать культуру устной и письменной речи;

– создать научно-методическую базу (учебники, учебные пособия, словари, справочники, дидактический материал);

– обозначить кодекс языковой компетентности личности» [1, с. 5].

Крым – многонациональный регион, на территории которого издавна проживало множество этнических групп, принадлежащих к различным культурным общностям, большинство из которых относилось к двум мировым цивилизациям: исламской и восточно-христианской. Основную часть населения Крыма составляют три этнических группы: русские (65,31 %), украинцы (15,08 %) и крымские татары (10,17 %) [9].

В культуре всех народов имеется много общего, того, что и называется «общечеловеческими ценностями». И если таким ценностям отдается приоритет, тогда и развиваются культурные межнациональные отношения. Для любого полиэтнического государства важной является проблема сохранения межнационального и межконфессиального мира. Межнациональные и межконфессиальные конфликты сотрясают те государства, где пренебрегают национальным вопросом. Неумение или нежелание жить рядом с людьми других национальностей и народностей часто приводит к тому, что культурные отличия становятся главным источником нестабильности, межнациональных и межэтнических конфликтов. Предотвратить отмеченные негативные последствия общественного развития могут взвешенная национальная политика государства, обоснованные методологические принципы организации учебно-воспитательного процесса в условиях поликультурной ученической и студенческой среды. Крым был всегда и остается сегодня полиэтнической и поликонфессиальной территорией, где считаются актуальными вопросы межнациональных отношений и наличие научно разработанной последовательной национальной политики.

Способствует укреплению межнациональных отношений в Крыму ряд законов направленных на гармонизацию межэтнических отношений (Федеральный закон РФ № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изменениями и дополнениями), Указ Президента РФ №268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития»). Одну из основных ролей в правильном формировании культуры межнациональных отношений в сознании подрастающего поколения играет организация мероприятий в учреждениях образования, в которых учащиеся могут проявить себя с национальной стороны или больше узнать о культуре своего и других народов.

Выгодное географическое расположение Крымского полуострова, особенности его природно-климатических зон, культурная специфика часто становились причинами конфликтов за право политического и, как следствие, языкового доминирования в Крыму. За длительную историю полуострова на нем проживали представители различных этносов, религиозных образований. В результате смешения культур произошло формирование уникальной идентичности крымчан, национальность которых определяется скорее ареалом проживания и причастностью к истории полуострова.

В разные исторические периоды Крым оставался сложным, с этнополитической точки зрения, многонациональным регионом с большой концентрацией русскоязычного населения, где языковой вопрос всегда стоял особенно остро.

По данным переписи населения 2014 г., большинство населения Республики Крым и г. Севастополя, родным языком считает русский (84 %); крымскотатарский − 7,9 %, татарский − 3,7 %, украинский − 3,3 %. При этом русский язык родным считают 79,7 % украинцев, 24,8 % татар и 5,6 % крымских татар. Для 0,1 % русских родным языком является украинский язык [9].

После референдума 2014 г. и присоединения Крыма к Российской Федерации начался процесс интеграции полуострова в законодательное поле России. Согласно

Статье 68 Конституции Российской Федерации, республики имеют право устанавливать свои государственные языки.

Закон «О функционировании государственных языков Республики Крым и иных языков в Республике Крым», принятый 24 мая 2017 года, закрепляет право граждан на выбор языка общения и образования, определяет язык нормативных правовых актов и правила использования языков в работе органов госвласти Крыма, учреждений и организаций, закрепляет общий порядок определения языка написания наименований географических объектов и надписей и т.д. Согласно Закону, госязыками Крыма являются русский, украинский и крымско-татарский. Язык межнационального общения – русский. Языки представителей иных народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Крым, пользуются всесторонней поддержкой государства.

Законодательное закрепление трех государственных языков на территории Крыма является важным шагом на пути реализации интересов основных этнических групп, проживающих в республике. Статус государственного предполагает широкое применение языка в различных сферах, использование его всеми государственными институтами.

Немаловажным является аспект сохранения национального языка и его передача поколению. Некоторые аспекты культурного наследия – устное творчество, обычаи и традиции − полностью зависят от языка, что и определяет необходимость мер по сохранению всех, многочисленных и малочисленных языков. Важным проводником языковой политики является система образования как сфера реализации определенных стратегий, концепций, программ. Одним из аспектов языковой политики в Крыму является ее взаимодействие с образовательной политикой РФ, реализуемой в сфере общего и высшего образования и науки.

Выбор языка обучения в Крыму предоставляется родителям учащихся или лицам их заменяющим, что закреплено на законодательном уровне. Согласно закону, «образовательная деятельность осуществляется на государственном языке РФ – русском. При этом граждане республики также имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на украинском, крымскотатарском языках и на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования» [4].

На сегодняшний день в Крыму обучение более чем на 90% осуществляется на русском языке (данные Министерства образования, науки и молодежи республики Крым) [8]. В Республике действует ряд национальных школ и общеобразовательных учреждений, где открыты классы с обучением на родном языке меньшинств или факультативы для его изучения. Так, на начало 2016–2017 учебного года в Республике Крым действовало 15 крымскотатарских национальных школ. В других общеобразовательных учреждениях с 1 сентября 2016 г. открыто на основании заявлений родителей (их должно быть не менее 8) 29 классов с обучением на крымскотатарском языке [8]. Выбор языка обучения (крымскотатарский) в каждом классе осуществляется с учетом пожеланий и заявлений родителей и в соответствии с учебно-методическим, кадровым обеспечением.

В ряде других общеобразовательных учреждений Симферополя также осуществляется обучение крымскотатарскому языку. В рамках факультативов проходят занятия по украинскому, крымскотатарскому, армянскому, немецкому и др. языкам. Использование принципа толерантности, межкультурности в образовательном процессе становится залогом его эффективности и создает благоприятные условия для дальнейшего его распространения в другие сферы социальных отношений.

Крым − полиэтничный, поликультурный, многоконфессиальный и многоязычный регион. Сегодня, житель Крыма непроизвольно становится носителем

общечеловеческой (универсальной) культуры и набора элементов национальных и региональных субкультур. Властные структуры РФ и региональные политики, как и каждый проживающий в Республике Крым, должны понимать ценность региональных языков и доминирующую роль русского языка как консолидирующего элемента крымского сообщества.

Литература

1. *Богданович Г. Ю.* Нужен ли языковой кодекс? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Симферополь: КФУ им. В. И. Вернадского. Том 1. №1 (67), 2015. С. 3–7.
2. *Верещагин Е. М.* Язык и культура: лингвостранроведение в преподавании русского языка как иностранного: методическое руководство / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, 4-е изд. перераб. и доп. Москва, 1990. 246 с.
3. *Закон «О языках народов Российской Федерации*. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=160106;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.9760272062420793.
4. *Закон «Об образовании» Республики Крым* URL: http://rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252464.pdf (дата обращения 02.12.2016).
5. *Зязиков М. М.* России нужна системная "языковая" политика // Российская газета. 2016. № 6898. 12 февр.
6. *Калинина Е. Н.* Государственная языковая политика Российской Федерации: технологии реализации в условиях этнокультурного разнообразия: дисс. на соискание ученой степени к.полит.н. Нижний Новгород: НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2006. 203 с.
7. *Караулов Ю. Н.* Этнокультурная и языковая ситуация в современной России: лингвистический плюрализм. 2001. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_106.
8. *Министерство образования, науки и молодежи Республики Крым*. URL: http://monm.rk.gov.ru/rus/info.php?id=652570.
9. *Перепись населения в Крымском федеральном округе*. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html.
10. *Садохин А. П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. Москва, 2005. 310 с.
11. *Садохин А. П.* Культурология. Теория культуры: учебное пособие для вузов. изд.2, перераб. и доп. Москва, 365 с.
12. *Численность, национальный состав: население Крыма и Севастополя* / Statdata.ru // Statdata.ru – сайт о странах и городах: URL: http://www.statdata.ru/naselenie-krima-i-sevastopolya.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ МЕДИАТЕКСТА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Матвеева Елена
Московский филиал СПБ гуманитарного университета профсоюзов, Россия
e.o.matveeva@gmail.com

LINGVOKULTUROLOGY OF THE MEDIA TEXTS IN THE SYSTEM OF MODERN RUSSIANS LINGUISTS

Matveeva Elena
Moscow branch of the SPb Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Russia

Abstract: *The article is devoted to the analysis of specificity of linguoculturology of media text. The article traces the interrelation of language and culture, the tasks of linguoculturology of media text are highlighted. Particular attention is paid to the influence of precedent texts on the nature of communication.*

Key words. *Lingvokulturologiya, mediastext, linguistics, culture, communication, idioms, information.*

Начало XXI века отмечено динамичным развитием лингвокультурологии, сопрягающей два экзистенциальных явления, стержневых для развития человека и существования человечества. Эти явления, бесспорно, язык и культура. Анализ актуальных процессов, характеризующих современный этап эволюции русского языка с позиций отражения в нем культурных реалий и влияния на языковую личность не только высокой, но и массовой культуры, массовой коммуникации, позволяет выделить в рамках лингвокультурологии новые направления исследований, связанные с рассмотрением способов репрезентации культуры в текстах, относящихся к различным сферам социальной практики. Чрезвычайно актуально звучит сегодня утверждение Г. О. Винокура о том, что "всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык"[1;с. 10].

Лингвокультурологический анализ позволяет установить параллели между особенностями развития культуры и господствующими в данный исторический период моделями коммуникации, выявив, описав и оценив процесс формирования языковой личности, рассмотрев динамику языка с лингвокультурологических позиций.

Если принять за аксиому, что доминирующая в данный исторический период культурная парадигма является важнейшим фактором развития языка, неизбежно возникает вопрос о связи коммуникации с национальной психологией, национальными стереотипами, ментальными особенностями человека. Размышляя о культурологический специфике языка, В. В. Воробьев справедливо подчеркивает: "Будучи одним из признаков нации, язык представляет собой главную форму выражения национальной культуры и ее существования. Он акцентирует внимание на том, "как думают". Язык, будучи сложной знаковой системой, может быть средством передачи, хранения и преобразования информации. Культура, как и язык, также является поисковой (семиотической) системой, способной передавать информацию"[2, с. 6].

Специфика современного российского социума такова, что одним из значимых факторов развития языковой личности являются разного рода медиатексты. Мышление, речь, стиль коммуникации россиян сегодня, к сожалению, формируют в основном не произведения искусства слова, но лингвистические феномены, справедливо ассоциирующиеся с массовой культурой: тексты сети Интернет, рекламные и PR-послания, статьи из массовых изданий. Анализируя влияние средств массовой информации на языковые процессы, Т. Г. Добросклонская правомерно подчеркивает:

"Динамичное развитие традиционных СМИ – печати, радио, телевидения, построение и распространение всемирной паутины – Интернета – привели к созданию единого информационного пространства, особой виртуальной среды, образованной совокупностью множества медиапотоков. Все это не могло не сказаться на процессах производства и распространения слова, на особенностях речеупотребления и характере языковых изменений. Основной объем речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает объем речи в прочих сферах человеческой деятельности"[3, с. 8].

Небезосновательно можно утверждать: в последние два десятилетия формируется новая отрасль науки о языке – лингвокультурология медиатекста, предмет которой – влияние языка медиа на лингвистическую культуру личности и общества. С этих позиций к важнейшим задачам лингвокультурологии медиатекста необходимо отнести:

– определение лингвистических и социокультурных предпосылок возникновения новой отрасли науки о языке, сопрягающей динамику развития языка со спецификой средств массовой информации в России – и шире – в мире, поскольку российская медиаречь и медиакоммуникация испытывает ощутимое влияние американизированного варианта английскому языка, называемого сегодня " латынью 21 века ";

– описание связи лингвокультурологии медиатекста с другими лингвистическими дисциплинами: психологией, социологией языка, социолингвистикой, а, следовательно, и выявление общих методологических подходов, характерных для различных отраслей языкознания;

– анализ связи и взаимодействия лингвокультурологии медиатекста со смежными направлениями научного исследования языка, культуры, мира человека и человека в обществе. В данном случае речь, прежде всего, идет о психологии, философии, истории, а также о науках, описывающих специфику средств массовой информации, рекламной, интернет и PR-коммуникации, довольно динамично развивающихся сегодня в России. По утверждениям психолингвистов, формирование языковой личности начинается сегодня не с фольклорных произведений, а со слоганов и рекламных диалогов;

– анализ динамики и специфики развития средств массовой информации, выделение новых групп медиатекстов (например, тексты блогосферы), их научный анализ, определение специфики их влияния на коммуникацию;

– определение влияние медиатекстов на характер коммуникации в различных возрастных группах и субкультурах: например, субкультуре подростков, студенческой молодежи. Эти возрастные и социальные группы, на наш взгляд, представляют особый интерес, поскольку подростки и юношество весьма позитивно воспринимают новые информационные технологии и активно используют новые средства информации, становясь новаторами языка и коммуникации;

– рассмотрение динамики развития мировой культуры в ее связи с коммуникацией, анализ влияния элитарной и массовой культуры на медиатексты и лингвистическую культуру общества;

– определение периода бытования и культурного влияния медиатекстов на язык и стиль коммуникации. Неоспоримо, что большинство медиатекстов проживают короткую жизнь: тексты – призывы, агитки, плакаты созданы, чтобы привлечь наше внимание к определенной проблеме, побудив принять участие в социальной акции, проголосовать, купить. Их задача – эмоционализировать восприятие, заставив человека

не размышлять, но действовать, подчиняясь аффективным импульсам. Вместе с тем, существуют и медиатексты - "долгожители". Вспомним, например, стихотворения Владимира Маяковского, ставшие классикой российской рекламы;

– к важнейшим задачам лингвокультурологии медиатекста следует отнести рассмотрение языковой и культурной прецедентности как лингвокультурного фактора, в значительной степени влияющего на сюжеты и образы медиапосланий, на специфику репрезентации в них культуры.

Далее остановимся подробнее на рассмотрении реализации культурной прецедентности в медиатексте. В первую очередь, обратимся к лингвокультурогическим возможностям идиом. Многоаспектный анализ реализации культурного кода в языке довольно подробно представлен в работах М. Л. Ковшовой. Особое значение для исследования устойчивых фраз в медиатекстах имеет положение о пространстве культурных смыслов, высказанное исследователем. В частности, М. Л. Ковшова подчеркивает: "Культура в ракурсе данного исследования понимается как пространство культурных смыслов, или ценностного содержания, вырабатываемого человеком в процессе миропонимания, и кодов, или вторичных знаковых систем, в которых используются разные и материальные и формальные средства для означивания культурных смыслов... Одним из универсальных, баковых кодов является язык, и поэтому в естественном языке культура находит знаки (знаковые тела) для воплощения своих смыслов, имеющих ценностное содержание" [4, с. 70].

Исследования представителей научной школы В. Н. Телия, в первую очередь М. Л. Ковшовой, подводят к идее культурной обусловленности устойчивых фраз в медиатекстах, их тесной психологической связи с ментальными представлениями народа, формировавшимися в течение столетий, идее, чрезвычайно продуктивной для языкознания.

Культурная обусловленность идиом во многих случаях позволяет успешно достичь целей медиакоммуникации: привлечь внимание адресата, создать у него образное, эмоциональное представление о проблеме, мотивировать читателя, зрителя, слушателя.

Сказанное, в частности, относится к устойчивым фраза о вере. Интерес к идиомам такого рода в российских средствах массовой информации обусловлен несколькими социокультурными факторами: во-первых, вниманием значительной части россиян к религиозному аспекту жизни, интересу, чрезвычайно усиливавшемуся с конца прошлого века. Во-вторых, заметной конкуренцией на информациюнном рынке, когда авторы медиапосланий вынужденно прибегают к различным способам влияния на целевую аудиторию. Кроме того, образность идиом помогает добиваться целей коммуникации при явной экономии языковых средств.

Идиомы, семантика которых раскрывает значение веры в жизни человека, воспроизводят в российских медиатекстах следующие философские и культурные оппозиции: "вера-безверие", "добродетель-греховность, порочность, способность переступить ради сиюминутной выгоды и сомнительных целей нравственные заповеди". Важнейший для мировой культуры концепт "Бог" понимается авторами как некий нравственный идеал. Противостоит ему низменное, темное начало, связанное с мрачными сторонами души и инфернальными проявлениями личности.

Достаточно частое воспроизведение этих культурных, психологических, философских оппозиций, помимо усиления аффективности восприятия, помогает повысить значимость самого медиапослания, поднять иногда весьма стереотипные тексты на иной, более серьезный философский и культурный уровень, связанный с фоновыми знаниями адресата.

Можно выделить несколько аспектов актуализации устойчивых фраз о вере в современных российских медиатекстах. Первый, и вероятно, самый заметный, иронический. В данном случае задача идиом – высмеять человека или социальное явление, к которому авторы пытаются сформировать не просто негативное, но резко отрицательное отношение. Особенно распространен этот прием в политическом PR. Подобные тексты нередко весьма незамысловато структурированы: в первой части послания перечисляются многочисленные прегрешениям главного героя, а затем как резюме возникает устойчивая фраза, призванная подытожить сказанное, подведя адресата к логическому выводу о нравственной и социальной ничтожности персонажа. Вот пример текста такого рода: "Пытаясь вновь обмануть избирателей, депутат от Зареченского района организовал "грандиозное мероприятие"! Теперь он сам ходит по дворам и в мегафон ругает областное правительство, якобы препятствующее его замыслам. Только вот веру этому горе-парламентарию, охотно обвиняющему в своих провалах кого угодно, но только не себя, больше нет. Остается напомнить красноречивому демагогу народную мудрость: "Бог любит праведника, а не ябедника". Заметим, что существительное "ябедник" имеет в русском языке крайне отрицательную коннотацию. Ябедник – это и доносчик, и сутяга, и крючкотвор, одним словом, человек, доставляющий (чаще всего несправедливо) массу неприятностей окружающим. Импликатура данного послания весьма прозрачна: голосовать за подобного человека неразумно и даже опасно. Однако авторы текста, актуализировав идиому, где ябедник противопоставлен праведнику, затронули нравственные представления о поведении человека, безусловно, восходящие к христианскому миропониманию. Нравственно много работать на благо ближнего и общества, не перекладывая ответственность на другого. Таким образом, устойчивая фраза, актуализирующая фоновые знания адресата и ментальные особенности его восприятия, помогает добиться образности и выразительности послания.

Устойчивые фразы о вере в медиатексте помогают и позитивной оценке образа жизни или человека. Довольно много таких примеров можно найти на интернет-форумах, где различные идиомы усиливают аргументацию автора комментария. Например, один из комментариев о детях известных актеров, избравших профессию родителей, гласит: "Люди, зачем же вы все время ругаете богатых и знаменитых! Не стоит так подчеркивать собственную несостоятельность. Думаю, что среди этих детей много талантливых, Богом поцелованных людей. Например, Райкины (отец, дочь, сын), дирижеры Юровские, актеры Мироновы. Была же ведь когда-то династия композиторов Штраусов".

Примечательно, что автор данного комментария, полемизируя с оппонентами, противопоставляет их негативным оценкам представления о Божьей воле, высшем промысле, которому неразумно и бессмысленно противиться. Такие воззрения весьма характерны для русской культуры и русского менталитета.

Развитие рекламной практики, значительное место рекламы в информационном пространстве способствует актуализации идиом о вере в рекламных посланиях. Устойчивые фразы о вере органичнее всего воспринимаются в текстах социальной рекламы, где авторы обращаются к исторической памяти, социальной ответственности адресата. Нередко идиомы эмоционализируют восприятие благотворительных акций, проектов восстановления церквей: "Без Бога – ни до порога“, – говорили наши предки. Исторический путь России в минувшем столетии подтвердил эту истину. Поддержите восстановление собора Казанской Божией матери – уникального памятника архитектуры 19 века. Пусть улица, ведущая к собору, вновь станет дорогой к Храму".

Интересно, что в данном, довольно небольшом тексте, актуализированы две идиомы. Первая хорошо знакома носителям языка ("Без Бога – ни до порога"), а вторая,

восходящая к фильму "Покаяние", известна, скорее, интеллектуалам, она обусловлена культурной коннотацией текста, когда восстановление разрушенных в минувшие десятилетия святынь – это покаяние общества перед Богом, невинно пострадавшими людьми, перед русской историей и культурой.

Лингвокультурология медиатекста, будучи молодой отраслью отечественного языкознания, тем направлением иссследования языка, чье возникновение обусловлено информационной революцией последних десятилетий, находится сегодня в стадии становления, однако ее перспективы весьма серьезны, поскольку в культуре начала нового тысячелетия доминируют средства массовой информации, оказывающие значительное влияние на эволюцию языка и коммуникации.

Литература

1. *Винокур Г. О.* Русский язык. Исторический очерк. Москва: Учпедгиз, 1959.
2. *Воробьев В. В.* Культурологическая парадигма русского языка. Москва: РУДН,1994.
3. *Добросклонская Т. Г.* Язык средств массовой информации. Москва: КДУ, 2015.
4. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. Москва: ЛЕНАНД, 2016.

НОВЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В ИХ ОТНОШЕНИИ К ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ

Митев Дамян
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
dmitev@abv.bg

NEOLOGISMS IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR RELATION TO THE WORD-BUILDING SYSTEM

Mitev Damyan
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The paper studies typical for the contemporary Russian language neologisms and their relation to the word-building system. The two basic types of neologisms – words borrowed from a foreign language and the actually Russian new formations – are divided and then analyzed in four groups depending on the way and the extent to which they are related to the system of Russian word-building. The conclusions point at a possibility for a fuller description and profounder study of the phenomenon within the system of education.*

Key words: *borrowing, word-building system, derivative, word-building nest.*

Современное состояние и динамика развития русского языка характеризуются высокими темпами пополнения лексической системы новыми словами, своеобразием соотношения собственно системных образований и наименований заимствованного характера, особенностями языкового творчества в разных социальных сферах и жанрах коммуникации. Активные процессы в развитии языка связаны с динамикой изменений в общественной жизни. Новые слова в языке являются отражением потребностей общества в выражении новых понятий, постоянно возникающих в результате развития науки, культуры, техники, общественных отношений. Вместе с тем наблюдаются и такие процессы и тенденции, как склонность к употреблению иноязычных слов и выражений там, где есть собственные языковые средства, ослабление нормативных правил образования и употребления языковых единиц, усиление роли языковой игры, жаргонизация современного русского языка [7, с. 1].

Постоянный рост количества новых слов с присущими им особенностями и необходимость их описания обусловили создание неологии – науки о неологизмах. Из всей сложной проблематики неологии особое внимание привлекает вопрос об отношении новых слов к словообразовательной системе русского языка. Особенности появления и функционирования однословных неологизмов в русском языке рассматривались многими авторами (Е. А. Земская, В. В. Колесов, Л. П. Крысин, Т. В. Попова, О. В. Григоренко, Е. В. Петрухина и др.). Несмотря на несомненные достижения исследователей, часть выдвинутых ими проблем продолжает быть актуальной, требующей решения с учетом особенностей вновь появляющегося языкового материала.

Основные пути возникновения слов-неологизмов в современном русском языке это заимствование из других языков и образование новых словесных единиц на базе существующих с использованием средств, способов и моделей словообразовательной системы. Многие неологизмы иноязычного происхождения, однако, обладают разными структурными и функциональными свойствами, что обусловливает неодинаковую их возможность адаптации к словообразовательной системе принимающего языка.

Задача настоящего анализа – выявить отношение новых слов к системе русского словообразования и охарактеризовать обнаруженные формально-семантические связи с основными единицами организации системы. Ввиду невозможности охватить весь

существующий материал для решения этой задачи подобрана часть неологизмов, наиболее характерных для современной речи.

По признаку наличия/отсутствия связи, а также по степени и способу обнаруживаемой связи с системой русского словообразования можно выделить несколько основных групп слов-неологизмов: 1) неологизмы-заимствования, полностью не связанные с системой русского словообразования; 2) неологизмы-заимствования, имеющие строение не связанное с системой русского словообразования, но допускающие определенную степень членимости; 3) неологизмы-заимствования, на базе которых образованы производные слова с участием русских или заимствованных аффиксов. 4) неологизмы, образованные на базе русской (или ставшей уже привычной иноязычной) основы при помощи русских или заимствованных аффиксов. Поскольку иноязычные по происхождению неологизмы обладают разными структурными и функциональными свойствами, а также неодинаковым словообразовательным потенциалом, они имеют место во всех указанных разрядах.

1. Неологизмы-заимствования, полностью не связанные с системой русского словообразования.

Речь идет о неологизмах-заимствованиях, которые, даже приспособившись к фонетической, морфологической и прочим подсистемам русского языка, остаются в стороне от средств, моделей и правил словообразовательной системы в силу тех или иных своих свойств. Слова такого рода не обнаруживают никакой связи с системой русского словообразования: не являются производными, не имеют общих элементов с производными словами, не выступают в качестве производящих. Приведем несколько примеров.

Онлайн (англ. *online*, букв. „на линии”) – связано с работой в интернете; дополнительное значение: „прямая трансляция”. Употребляется как прилагательное/наречие, например: *онлайн перевод, онлайн фильмы, онлайн магазин*.

Слоган (англ. *slogan*, из др. шотл. „боевой клич”) – рекламный лозунг или девиз, содержащий сжатую, легко воспринимаемую, эффектную формулировку рекламной идеи. Ср. употребление: *корпоративный слоган, имиджевый слоган, слоган макдональдса*.

Дресс-код (англ. *dress code* „кодекс одежды”) – требуемая, представительная форма одежды. В русском языке - имя существительное: *фирменный стиль и строгий дресс-код*.

Хай-тек (англ. *high-tech* „высокие технологии”) – первоначально со значением стиля в архитектуре и дизайне, потом с расширенным значением. В русском языке употребляется как существительное и как прилагательное: *хай-тек в интерьере, хай-тек стиль, дом хай-тек* и т.п.

Джоггинг (англ. *jogging* „шаркающий” бег) – бег трусцой со скоростью 7–9 километров в час. Употребляется как существительное и как (аналитическое) прилагательное: *джоггинг для похудения, особенности джоггинга; джоггинг брюки*.

Не обнаруживает связи с системой русского словообразования и целый ряд неизменяемых заимствований нового времени типа ***ноу-хау, папарацци, банджи, шоу, диско, поп*** (муз.), хотя ср.: *джакузи – джакуз-н-ый день, душ*; *топ – топ-ов-ый процессор* и т.п.

К новейшим заимствованиям в современном русском языке можно отнести и ряд междометий: ***Вау!*** (*Wow*!) – обычно выражает удивление, смешанное с восхищением; в русском языке может быть передано восклицаниями *Удивительно!, Невероятно!, Вот это да!, Ух ты!* и пр.; ***Упс!*** (*Oops!*) – произносят обычно при ошибочном действии или оговорке, ср. русск. *Ой!* и т.п. Это в основном восклицания, характерные для речи подростков и молодежи. В русском языке они имеют признаки варваризмов, их русские

эквиваленты нередко являются более выразительными в соответствующей ситуации употребления. Встречаются в русском языке также некоторые ставшие международными частицы, например: *Окей!* (англ. *Okay*!), в написании еще *О'кей!*, сокращенно *Ок!*

Слова рассмотренного типа сохраняют признаки иноязычности, хотя многие из них и получили довольно широкое употребление в определенных лексических сферах. Наличие заимствованных слов, структурно и функционально не связанных с системой словопроизводства, подчеркивает динамический характер остальных процессов приобщения заимствований к системе русского языка, в которых ярко проявляется гибкость словообразовательной системы, ее широкие возможности для усвоения и реализации иноязычных элементов.

2. Неологизмы-заимствования, имеющие строение не связанное с системой русского словообразования, но допускающие определенную степень членимости.

Процесс интенсивного заимствования достиг в русском языке (как и во многих других языках) такого уровня, что нередко в нем начинают функционировать ряды слов с повторяющимися элементами строения (ср., например: *скейтборд – борд – сноуборд – бордист – скейтбординг – сноубординг*). Это явление создает возможность членения многих из них на составляющие компоненты [2; 6; 8]. Возможно ли признание в них словообразовательной производности в русском языке?

Членимость иноязычных неологизмов зависит от того, насколько возможно при сравнении выделить основу (корень) и элемент типа аффикса. Членимы те слова, в которых возможно выделение обоих компонентов, причем не только формально, но и семантически [6, с. 260]. Этого, однако, недостаточно для признания словообразовательной производности. Решающим фактором в этом плане является степень осознания, устойчивого понимания значений выделяемых компонентов структуры, на что „работает" функциональный фактор, в частности, употребительность заимствований в определенных лексических сферах [5; 4; 7].

Рассмотрим в качестве примера несколько заимствованных неологизмов.

В слове ***копирайтер*** (англ. *copy writer*) потенциально возможно выделение элемента ***-ер*** в качестве суффикса, ср., с одной стороны, *копирайтинг* (*copywriting*) с возможным усечением элемента ***-инг***, с другой стороны: *дешифр-ёр, ретуш-ёр, селекцион-ер* и т.п. Сравнение слова *копирайтер* с указанными словами свидетельствует о его членимости, но признанию этого слова производным мешает его „новизна": наличие ярких внешних признаков иноязычности и специфика значения, редкое и специальное употребление.

Подобное рассуждение применимо и к слову ***копирайтинг*** (*copywriting*). Сравнение с другими словами показывает возможность выделение элемента ***-инг*** (*копирайт**-инг,** маркет**-инг,** крек**-инг***). Очевидно, что подобные термины-заимствования в русском языке, несмотря на свою структурную связь в английском, не обнаруживают достаточно признаков производности, т.е. прямой связи с системой русского словообразования.

Заимствованное слово ***имиджмейкер*** (*imagemaker*) в английском языке связано отношениями производности со словом *image* (*имиджмейкер* – специалист, разрабатывающий стратегию *имиджа*), в русском же языке оба слова – ***имидж*** и ***имиджмейкер*** – являются параллельными заимствованиями и не имеют словообразовательной связи между собой. Это так, потому что, с одной стороны, слово *имиджмейкер* содержит незнакомый русскому языку компонент *-мейк- (*-mak-*), с другой, подобно слову *копирайтер,* оно допускает при сравнении с другими словами (*контрол-ер, селекцион-ер*), выделение компонента ***-ер***, но этой членимости

недостаточно для обнаружения каких-либо словообразовательных связей и зависимостей. Причины те же, что в указанных выше случаях.

Слово ***попса*** имеет общий корень со словом ***поп*** (= поп-музыка) и (ср. англ. *pop-music, pop, pops*), который легко выделяется и в русском языке. Вместе с тем их словообразовательную соотносительность нельзя доказать, так как элемент ***-са*** в слове ***попса*** при сравнении выделяется весьма условно (ср. *тырса, хамса, директр-исс-а, плак-с-а*), т.е. в нем он не является формантом. Производность данного слова не доказывает и предположение, что оно возникло при совмещении двух иноязычных слов: *pops* (англ. „популярный, эстрадный, модный”) + *асса* (цыг.).

Иное дело, что как непроизводное слово ***попса*** обросло в русской жаргонной речи рядом производных, которые входят в состав словообразовательного гнезда (см. ниже, п. 3).

Особенности строения заимствований указанного типа приводят иногда к возможности их неодинакового истолкования – как слов производных или как членимых, но непроизводных (ср. *сноуборд-инг, шоп-инг; рэп-ер, скан-ер*). Проблема решается самой системой – частотой и устойчивостью функционирования в ней самих слов и компонентов их структуры.

3. Неологизмы-заимствования, на базе которых образованы производные слова с участием русских или заимствованных аффиксов.

Довольно много неологизмов-заимствований „включается” в русскую систему словообразования в качестве производящих основ новообразований. При этом сами производные необязательно воспринимаются как собственно неологизмы, так как порождены системой – их формант и сама типовая модель образования знакомы носителям русского языка. Например:

Копирайтер (англ. *copy writer*) – *копирайтер-**ск-ий*** (*копирайтерское искусство*), ср.: *пионер-ск-ий, преподаватель-ск-ий* и т.п.

Имиджмейкер (англ. *imagemaker*) – *имиджмейкер-**ск-ий*** (*имиджмейкерские стратегии*), ср. *консультант-ск-ий, книгоиздатель-ск-ий*).

Бренд (англ. *brand* „выжигать клеймо; отпечатываться в памяти”) – торговая марка, комплекс характеристик, представлений и ассоциаций о продукте в сознании потребителя. Производное: *бренд-**ов-ый*** (*брендовый магазин, брендовый парфюм*), ср. однотипные: *дар-ов-ой, культ-ов-ый* и т.п. Сходное явление представлено в паре ***тренд*** (англ. *trend* „направленность, тенденция”) – *тренд-**ов-ый*** (*трендовые товары*).

Имидж (англ. *image* – образ, представление о ком-/чем-л. в обществе).

Производные:

– ***анти***- *имидж* (*антиимидж делового стиля*)

– *имидж-**ев-ый*** (*имиджевая статья, составляющая*), от него:

– ***анти***-*имиджевый* (*антиимиджевые фразы, стереотипы*).

Брексит (англ. *brexit*) – ***анти***-*брексит* („*Работа по антибрекситу продолжалась долго”*), ср.: *анти-революция, анти-восприятие* и т.п.

Инаугурация (англ. *inauguration*) – *инаугураци-**онн-ый*** (*инаугурационный бал, инаугурационный парад*), ср.: *операци-онн-ый, конституци-онн-ый*.

Импичмент (англ. *impeachment* „порицание, обвинение”) – правовая процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства. Производные:

– *импичмент-**ов-ый*** (*импичментовые козни против Трампа*);

– *импичмент-**ова-ть*** („*Понравилось бразильцам импичментовать – теперь не остановить”; „Думе сейчас невыгодно импичментовать Ельцина”*).

Мониторинг (англ. *monitoring*) – собирание информации, отслеживание результатов развития; в молодежном жаргоне еще „подглядывать”, “подсматривать”. Производные на первой ступени словопроизводства:

– *мониторинг-**ов-ый*** (*мониторинговый центр, мониторинговый доклад*);

– *монитор-**и-ть*** („осуществлять *мониторинг*”; усеч. ***-инг***); Производные на второй ступени:

– ***про-**мониторить* („осуществить действие *мониторить*”);

– ***от-**мониторить* („окончательно реализовать действие *мониторить*”).

Заимствованные неологизмы, имеющие расширенную частеречную характеристику:

Топ (англ. *top* „верхний, первый, лучший”). В русском языке получило большое употребление и широкую сочетаемость – как (аналитическое) прилагательное или как существительное, ср.: *топ новость дня, топ мода, наука топ 100; находиться в топе, попасть в топ* и т.п. Производное слово: *топ-**ов**-ый* (*топовый процессор, топовый шмот*).

Китч (нем. *Kitsch* „безвкусица, халтурка, дешевка”) – употребляется в сфере архитектуры, искусства, моды, например: *китч в искусстве, дом „Сто вод” в Вене долго считался настоящим китчем, стиль Китч в одежде*. Прозводные слова:

– ***архи**-китч* („Это *не модное направление – архикитч какой-то”*);

– *китч-**ев**-ый* (*китчевый интерьер*).

Среди производных слов от некоторых неологизмов-заимствований встречаются новообразования с узкой сферой употребления и характером окказионализмов. Ср.:

Сникерс (англ. *snickers*) – шоколадный батончик, ср. производные:

– *сникерс-**ов-ый*** (*сникерсовый торт, коктейль, крем*);

– *сникерс-**ну-ть*** („*Не тормози – сникерсни*” – рекламный текст), ср. отглагольные производные с тем же формантом: *тормоз-ну-ть, коп-ну-ть*.

Селфи (англ. *selfie*) – разновидность фотографии, своего рода автопортрет, ср. *сделать селфи*. Производные новообразования встречаются обычно в речи молодежи:

– ***супер**-селфи* (*суперселфи шоп, набор для суперселфи*)

– *селф-**ну-ть-ся*** („*Давайте селфнуться на башне”*).

Наряду с преобладающим количеством небольших гнезд в русском языке встречаются заимствования разных стилей, образующие гнездо из множества производных. Ср.:

Пиар	- *пиар-**щик***	- *пиарщиц-**к-ий***	
(от PR	- *пиар-**н-ый***		
< *public*	- *пиар-**и-ть***	- *пиарить-**ся***	
relation)		- ***про**-пиарить*	- *пропиарить-**ся***
		- ***от**-пиарить*	- *отпиарить-**ся.***

Попса – название популярных эстрадных номеров (обычно низкого качества, неоригинальных); имеет отрицательную коннотацию, субъективно-оценочный характер.

Попса - *попс-**н-я*** (ср. *фиг-н-я, брех-н-я*)
- *попс-**ень*** (ср. *дребед-ень, руга-нь*)
- *попс-**ух-а*** (ср. *пивн-ух-а, голод-ух-а*) - *попсуш-**к-а*** (ср. *пичуж-к-а, дым-к-а*)
- *попс-**ятин-а*** (ср. *стерв-ятин-а*)
- *попс-**арь*** (ср. *ложк-арь, чебот-арь*)
- *попс-**ов-ый*** (ср. *ерунд-ов-ый*) - *попсов-**ик*** (ср. *массов-ик, пищев-ик*)
- *попс-**и-ть*** (ср. *шут-и-ть, рыс-и-ть*).

Заимствованные слова данного разряда многочисленны. Благодаря своей грамматической адаптированности, актуальности и употребительности в разных сферах речевой реализации русского языка они приспосабливаются к словообразовательной системе, принимая на себя роль исходных слов словообразовательного гнезда. Система же комплексных единиц русского словообразования настолько прочна, что „легко

перерабатывает заимствованные корни, образуя производные с русскими аффиксами" [7, с. 2]. Полнота гнезд у разных исходных слов различается в зависимости от стилей и сфер их употребления.

4. Неологизмы, образованные на базе русской (или ставшей уже привычной иноязычной) основы при помощи русских или заимствованных аффиксов.

К данной группе относятся неологизмы, которые полностью являются продуктом словообразовательной системы русского языка. Обычно это производные слова, являющиеся компонентами словообразовательных пар и цепочек в составе достаточно объемных гнезд этой системы. Неологизмы образуются не только на базе исконно русских непроизводных слов. В качестве исходных производящих выступают и более старые слова иноязычного происхождения или относительно новые заимствования, но уже устоявшиеся в системе русской лексики. В примерах ниже приводятся те участки гнезд, в которых имеются неологизмы.

Одно из старейших заимствований ***ракурс*** (устар. *ракурси* из фр. *raccourcir*) обросло в современном русском языке рядом производных, часть из которых присуща профессиональной речи художников и имеет разговорный характер. Ср.:

Ракурс - *ракурс-**ик*** („*Ракурсик вышел славненький"*)
- *ракурс-**ищ-е*** (ср. *фильтр-ищ-е; самый что ни на есть ракурсище*)
- ***над**-ракурс* (ср. *над-система; комиксы по теме „Надракурсы"*)
- *ракурс-**ова-ть*** („*Ты что, опять ракурсуешь?"*)
- *ракурс-**н-ый*** (*ракурсные варианты*).

Привычное уже заимствованное слово ***кафе*** имеет в русском языке свыше 10 производных, среди них одно новообразование, характерное для разговорной речи, ср.:

Кафе – ...
- *кафе-**ш/к-а*** (ср. *читаль(ня) – читал-к-а, ср. также курилка, парилка*).

В словообразовательных гнездах с исходным употребительным заимствованием может оказаться множество новообразований, что обычно связано со сферой употребления. Приведем два примера.

Слово ***фотография*** – давнее заимствование, имеющее в русском языке свыше 170 производных. Здесь отметим только несколько новообразований:

Фото(графия) – ...
- *фото* (усеч.) (*фото красивых девушек; прикольные фото*)
- *фот-**ну-ть-ся*** („*Решил фотнуться! Пошел по фотосалонам..."*)
- *фот-**к-а*** (*сделать фотку; классные фотки получились*)
- *фотк-**а-ть-ся*** („*Они* [модели] *красятся и фоткаются*")

С появлением в мире нового технического средства в русском языке стало уже привычным слово *компьютер* (англ. *computer*). От него возникло несколько новых, но весьма употребительных слов – в терминологии и в речи молодежи, ср.:

Компьютер - ***супер**-компьютер*
- *комп* (усеч.) - *комп-**ик***
- *компьютер-**щик***
- *компьютер-**н-ый***

Исконно русские слова как вершины словообразовательного гнезда могут свободно реализовать свой потенциал в плане новообразований. Новые слова легко образуются для нужд разговорной речи, художественной литературы и публицистики.

В довольно большом и богатом производными гнезде русского глагола *крыть* слово *крыша* получило дополнительное переносное значение „обеспечение защиты" (ср. жарг. „*Держать крышу над кем-н.*"), на базе которого возникли новые слова:

Крыть – ...
-*кры-**ш-а*** - *крыш-**ева***-ть - *крышева-**ниј-е***

(перен.) (ср. *межа – меж-ева-ть*)

Стилистически окрашенные новообразования наблюдаются и во многих других продуктивных словообразовательных гнездах русского языка. Например:

Вести – ...

- *вод-**и-ть***
- *води-**тель***
- *води-**л-а*** (разг., ср. *кутить – кути-л-а*)

Учить – ...

- *учи-**тель***
- *учитель-**ниц-а***
- *учи-**л/к-а*** (жарг., ср. *воспитать –воспита-л/к-а*, жарг.)

Лицо – ...

- ***на**-лицо*
- *налич-**н-ый***
- *налич-**к-а*** (разг., напр.: „*Наличка кончилась*”; ср. *спешный – спеш-к-а*)

Орать – ....

- *ор-**ев-о*** (жарг. „шум, крики какого-л. множества”, ср. *курить – кур-ев-о*).

Производные неологизмы данного разряда могут составлять значительную часть гнезда (например, у слова *ракурс*), но в большинстве случаев они лишь дополняют состав многочлен-ного гнезда, заполняя „пустые ячейки” и отражая потребности носителей русского языка в средствах выражения. Новообразования обычно являются контекстно и ситуативно обуслов-ленными, а их употребление связано с профессиональной, разговорной или жаргонной речью.

Рассмотренные явления отражают общую тенденцию в речевой практике современного российского общества к заимствованию и образованию новых слов. Причины такой тенденции заключаются в объективной необходимости пополнения языка „недостающими” наименованиями, в возможности видоизменения или расширения функций заимствований в системе русского языка, в стремлении говорящих к языковой экономии и, не на последнем месте, в желании определенных кругов носителей языка „блеснут” новым словом, показать себя знающими, интересными, стильными.

Помимо образования собственно русских производных словообразовательная система русского языка предоставляет все условия и средства для реализации словообразовательного потенциала заимствований, в особенности тех иноязычных по происхождению слов, которые адаптировались к фонетической и морфологической системам русского языка.

Выявленные при анализе свойства неологизмов представляют интерес не только для научного описания, но и для более углубленного изучения этих явлений в системе образования.

Литература

1. *Гревцева Т. А.* Структурно-семантическая организация словообразовательных гнезд с исходным морфологически несклоняемым существительным в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. Липецк, 2004.
2. *Григоренко О. В.* URL: http://www.km.ru/referats/335398-novye-slovoobrazovatelnye-gnezda-c-vershinoi-neologizmom-so-znacheniem-litsa.
3. *Колесов В. В.* Русская речь. Вчера. Сегодня. Завтра. СПб, 1998.
4. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. // Языки славянской культуры. М., 2004.
5. *Крысин Л. П., Ю Хак Су.* О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филол. науки. 1998, № 3, с. 15–21.
6. *Добродомов И. Г.* Проблемы заимствования морфем // Актуальные проблемы русского словообразования. Ч. 1. Самарканд, 1972. С. 259–265.
7. *Петрухина Е. В.* Новые явления в русском словообразовании. / URL: https://www.portal-slovo.ru/philology/45939.php#_ednref1.
8. *Сологуб О. П.* Усвоение иноязычных структурных элементов в русском языке // Материалы III научной конференции. Новосибирск, 2002. С. 130–134.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РАДИКСОИДАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОСНОВА ЭКОКУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Михайлова Ирина
Московский городской педагогический университет, Россия
m_irina17@list.ru

PRESENTATION OF RUSSIAN LANGUAGE RADIXOIDS AS THE BASIS OF ECOCULTURE OF THE CONTEMPORARY LANGUAGE PERSON

Mikhaylova Irina
The Moscow City Teachers' Training University, Russia

Abstract: *A large number of word derivatives can be combined in derivational nests based on radixoids. These bilateral associated roots of the procedural semantics are in a weak position, which makes it difficult to determine their meanings, and causes in a large amount of morphs. The idea of radixoid Russian language can help language personality to preserve important meanings of Russian mentality, to penetrate deeper into the derivational structure of the traditional Russian word to see the derivational relationship of single-root words, derived systematically learn the vocabulary of the modern Russian language.*

Key words: *radixoids, associated root, derivational nest-ensemble, linguistic personality, culture.*

Корни русского языка, как и любого другого языка, являясь обязательной частью слова, содержат основные смыслы жизни, истории, деятельности народа, хранят традиции как бытовой, так и в целом всей ментальной культуры. В этой связи понимание совокупности корней русского языка как системы, имеющей не только связи, но и отношения, может позволить сохранить базовые основы русской культуры и культуры языковой личности.

На современном этапе развития русского языка мы фиксируем наличие слов с корнями двух типов – свободными и связанными. Свободными называем корни, которые хотя бы в одной форме одного из однокоренных слов равны основе (***лес**, **лес**ной, пере**лес**ок, **лес**ничий, **лес**овик*). Долгое время о корнях другого типа речи не шло, что отразилось в ряде уважаемых лексикографических изданий. Так, в вышедшем в 1985 г. «Словообразовательном словаре русского языка» в 2-х томах [8] А. Н. Тихонов, собравший всю производную лексику русского языка в словообразовательные гнезда (СГ), учел только один тип корней – свободный. За вершину СГ лексикограф избрал исходное слово. В результате такого подхода слова *отнять* и *занять* или *обуть* и *разуть* оказались в разных СГ, то есть получили статус разнокорневых. Тем не менее лингвистическое чутье дериватолога подсказало ему поместить в указанном словаре маркеры большинства радиксоидов: рядом с исходным словом СГ, имеющим неоднозначную членимость, А. Н. Тихонов поместил синонимичные глаголы с другими префиксами, являющимися исходными словами других СГ. В большинстве случаев это и есть слова с радиксоидами.

В конце XX в. появилась монографическая работа А. В. Ивановой, которая описала историю и современное состояние СГ с вершиной *-каз-* и продемонстрировала семантическую и структурную общность производных расщепленных (в интерпретации А. Н. Тихонова) гнезд и на современном этапе развития русского языка. Именно тогда были развиты идеи Г. П. Павского [6], Г. О. Винокура [1], Е. А Земской, И. А. Ширшова [9] и других дериватологов, ставивших вопрос о наличии в современном русском языке и корней другого типа – связанных.

Связанным называем корень, который ни в одной форме ни одного из однокоренных слов в настоящее время не равен основе, всегда употребляется вместе с префиксами и/или суффиксами или же другими корнями. Нами были выявлены и описаны пять разновидностей подобных корней [3], ядерную зону которых составляют

радиксоиды – двусторонне связанные корни исконно русского происхождения с процессуальной семантикой. Таких корней в русском языке несколько десятков, но именно на их базе образован огромный пласт производной лексики.

К ним относятся такие корни, как …бав… (*до**бав**ить, при**бав**ить, у**бав**ить*), …верг … (*из**верг**ать, под**верг**ать*), …вык… (*при**вык**ать, от**вык**ать, от**вык**ание, на**вык***), …де… (*о**де**ть, раз**де**ть, на**де**ть*), *...каз...* (*у**каз**ать, при**каз**ать, от**каз**ывать*), …лаг/лож… (*пред**лаг**ать, из**лож**ить*), …луч… (*от**луч**ить, раз**луч**ить*), *...мык/мк...* (*за**мык**ать, ото**мк**нуть*), *...ник...* (*в**ник**нуть, про**ник**нуть, при**ник**нуть, с**ник**нуть*), …ня… (*от**ня**ть, у**ня**ть, за**ня**ть, при**ня**ть, пере**ня**ть*), …пряг/пряч… (*в**пряч**ь, вы**пряч**ь, рас**пряч**ь*), …стег… (*за**стег**нуть, от**стег**нуть, рас**стег**нуть*), …стиг/стич… (*до**стиг**нуть, на**стиг**нуть, по**стич**ь*), …у… (*об**у**ть, раз**у**ть*), …твор… (*рас**твор**ить, за**твор**ить, о**твор**ить*) и др. Отточие в обеих сторон указывает на связанный характер корня.

Исходные слова-глаголы исторических СГ имели свободные корни. Радиксоиды – это их отголоски. Е. А. Сухова реконструирует модели траекторий движения лексики с будущим связанным корнем на основе системно-диахронического подхода к изучению этимологического гнезда (ЭГ) и предлагает рассматривать пять моделей траекторий, пройдя которые, корневые морфемы некоторых единиц ЭГ стали двусторонне связанными [7]. Глаголы всегда обладали большим словообразовательным потенциалом, поэтому к моменту своего исчезновения непроизводное слово имело уже большое количество производных разных ступеней деривации. Сам же корень оказался в семантически слабой позиции. Именно поэтому большие трудности вызывает, во-первых, семантизация таких корней, а, во-вторых, узнавание их в структуре слова и точное вычленение, так как вследствие срабатывания компенсаторных механизмов иногда сложно выявить радиксоидный морф и корректно отнести его к нужной корневой морфеме.

Значение радиксоида можно определить, выделив из общего толкования значения других корней и всех аффиксов, так как в словах со связанными корнями основная функциональная и смысловая нагрузка падает на аффиксы. Причем легче это делать, сопоставляя префиксы-антонимы (***на**деть* – ***раз**деть*): значение связанного корня *...верг/верж...* ‘движение, направленное на подавление’, *...вык//выч...* ‘сохраняющее традиционное, постоянное’, *…лаг/лож...* ‘размещение на горизонтальной поверхности’, *...лук/луч...* ‘нежеланное расстояние, дистанция на некоторое время’, *...пряч...* ‘соединение, скрепление’, *...стег...* ‘скрепить части чего-либо’, *...стиг...* ‘добраться, дойти, установить контакт’ и т.д. Семантизация связанных корней – сложная задача: мы можем лишь описательно дать толкование действия, здесь невозможно мотивационное толкование. Лексикографы обычно дают толкование словам с радиксоидами через синонимы, в том числе другие слова со связанными корнями: так, А. Н. Тихонов в СГ № В–411 предлагает сопоставить исходное слово *впрячь* с глаголами *выпрячь, запрячь* и др., а заголовочное слов СГ № В–467 *выпрячь*, напротив, с глаголами *впрячь, запрячь* и др. [8]. Грамотно рассмотренная парадигма первой отрадиксоидной ступени деривации, где объединяются префиксально-суффиксальные одноструктурные глаголы, и дает наглядное представление семантической общности корня, общности абстрактного грамматического значения инфинитивного суффикса -ть и тематической гласной глагола. Дифференциальные признаки слов заложены в префиксах, то есть префиксы в таких словах перетягивают на себя семантическое ядро значения всего глагола.

Разветвленная сеть морфов отдельных радиксоидов (см., например, морфему-радиксоид *...ня…*, представленную такими морфами, как *-я-/-н-/-нят-/-им-/-ым-/-ин-/-ним-/-ем-/-емл-/-ем-/-йм-*) является реализацией компенсаторной функции отдельных

морфем в структуре производного слова с радиксоидом. Компенсаторные механизмы включаются через различные морфонологические явления, которые сопровождали образование слова, а в настоящее время характеризуют структуру производных. К морфонологическим явлениям относятся изменение акцентологической характеристики слова (места ударения), чередование на морфемном шве (финальный согласный корня), чередование гласных и согласных в самом радиксоиде, интерференцию (наложение) морфем, интерфиксацию. Все эти явления по отдельности или в комбинации друг с другом мы наблюдаем в сильноразвернутом СГ с радиксоидом *...ня...*, объединяющем 450 дериватов из проанализированных 26 гнезд «Словообразовательного словаря» А. Н. Тихонова в единое гнездо с радиксоидом *...ня...*. На первой ступени деривации префиксально-суффиксальным способом образовалось 20 глаголов, которые в свою очередь на второй ступени деривации создали свои парадигмы, производные второй ступени деривации создали 63 парадигмы третьей ступени и т.д. Такое большое количество членов в одной комплексной единице затрудняет на первый взгляд осознание единой структуры, но четкое узнавание значения радиксоида ‘брать/взять’ и формальные совпадения позволяют в сознании языковой личности гармоничнее сложить элементы (производные слова) и сохранить их в виде базового неразделенного смысла, а, значит, и усвоить глубже фрагмент лексической системы русского языка.

Радиксоиды создают гомогенные парадигмы и однотипные словообразовательные цепочки. Но тип комплексной единицы словообразования, соразмерной СГ, в отрадиксоидных гнездах носит, на наш взгляд, характер единицы словообразования более высокого уровня. Мы ее условно назвали словообразовательное гнездо-ансамбль с ядром-радиксоидом и закольцованными парадигмами разных ступеней деривации. В качестве исходного элемента таких СГ-ансамблей, называемого в дериватологии вершиной СГ, мы рассматриваем не отдельное слово, а корень, изменивший свой статус. СГ с вершиной-радиксоидом становятся структурами особого типа – гнездами-ансамблями [4]. Пространственно-геометрически их можно представить не только в виде парадигм (вертикальных рядов равноправных элементов – производных одной ступени деривации, имеющих общее производящее слово) и цепочек (линейных, горизонтальных, последовательно развертывающихся структур), как в традиционных словообразовательных словарях, но и в виде круга первой ступени деривации с общим центром-доминантой, являющимся двусторонне связанным корнем.

Гомогенность подобных парадигм подтверждается тем, что даже в Словаре А. Н. Тихонова при каждом заголовочном слове мы видим отсылку к синониму с таким же корнем. Префиксы, слева закрывающие один и тот же радиксоид, синонимичны, поэтому в словаре толкование дается через синонимы. Так, в З-№ 117 – СГ с вершиной *застичь* (5 членов), ср. *настичь* и др. [7: I, с. 361]. В СГ № П-1325 А. Н. Тихонов предлагает сравнить исходное слово *проложить* с исходными словами других СГ (ср. *вложить, отложить* и др.), тем самым подчеркивая их семантическую общность и тождество словообразовательной структуры. Этот параллелизм присутствует в структуре многих словарных статей словообразовательного словаря, в котором оказались разделенными ранее единые СГ.

Гнезда-ансамбли с радиксоидом в качестве ядра (доминанты) включают в свой состав в основном синтаксические, модификационные и грамматические дериваты, что обусловлено глагольным происхождением связанного корня и дефектным характером его структуры. Для рассматриваемых гнезд-ансамблей характерно лишь незначительное семантическое наращение в процессе линейного словообразования, новых словообразовательных смыслов добавляется формантами немного: значение синтаксических дериватов практически не меняется по сравнению с производящим,

добавляется специфика частеречной семантики, в грамматических и модификационных дериватах за счет морфонологических наращений и акцентов, морфного «удлинения» корня осуществляются компенсаторные функции данных структур.

Такой краткий обзор специфики систем, связанных с радиксоидами, позволяет вписать в словообразовательную систему современного русского языка эти единицы, со структурных позиций находящиеся на периферии языка, но с семантической – все еще занимающие ядерную зону. Сохранить то, что еще может быть соединенным, как целостное образование – миссия современного носителя русского языка. Представление о радиксоидах позволит и инофонам эффективнее осваивать и лексический, и словообразовательный, и текстовый уровень языка.

Первых две составляющих мы планируем зафиксировать в «Словаре радиксоидов русского языка», концепция которого уже описана [5]. Носители языка или изучающие русский язык смогут применять к анализу текста методику фиксации развертывания СГ в художественном пространстве любого текста, учитывая наличие радиксоидов, что, без сомнения, усилит реализацию коммуникативной и когнитивной функций языка. Анализ последних, их отбор, сведение различных словарных толкований отдельных слов является одним из приемов исследования текста, включенности в его идейное содержание и проблематику в целом.

Так, развертывание одного СГ с вершиной-радиксоидом в конкретном тексте или софункционирование производных с радиксоидом в одном тексте можем проиллюстрировать на примере повести Игоря Фролова «Ничья» (2011 г.) о военных летчиках, о современной войне, о любви. Воспоминания в поезде лингвистически поддержаны словами с процессуальной семантикой, в том числе производными с радиксоидами. Динамизм текста подкрепляется подобными единицами. Это автобиографическое произведение. И. Фролов служил бортмехаником на вертолете МИ-8. Текст заканчивается словами: «Война, любовь моя…». А в первом абзаце части, называющейся «Вместо предисловия», и эпилоге наиболее частотными оказываются слова со связанными корнями. Взаимодействие нескольких текстовых СГ с вершинами-радиксоидами процессуальной семантики становятся контрапунктами всего сюжета: СГ с вершиной *…лаг//лож…* ‘размещение на горизонтальной поверхности’ (как важно для летчика не падать вертикально и даже в полете чувствовать твердую опору, землю, горизонтальную поверхность), СГ с вершиной *…ня…* ‘брать/взять’ (речь идет как о физическом, внешнем, так и о внутреннем действии), СГ с вершиной *…вык//выч…* ‘сохраняющее традиционное, постоянное’. В начале текста мы встречаем корневой повтор связанного корня *…лаг//лож…*: *Он пишет на простом клочке бумаге, под**лож**ив, подстелив под него коленку… он спешит, пока не иссяк интерес к у**лож**ению пред**лож**ений.* Второе гнездо – значимое – определено последним словом первого абзаца – глаголом со связанным корнем *…мн…* ‘исчезающий след’: *… и теперь самое время вспо**мн**ить* (в эпилоге слова с данным корнем употреблены 7 раз). Выделение СГ с вершиной-радиксоидом становится значимым в ходе анализа текстов.

Представление о радиксоидах русского языка позволит обеспечить кумулирование смыслов в сознании языковой личности, экокультуру лингвистического восприятия системных отношений производной лексики современного русского языка, зафиксировать и сохранить историческую и современную структурно-семантическую общность разделенных производных. А именно процессуальность, хранимая в большом объеме радиксоидами, является базовой категорией русской ментальности.

Литература

1. *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. Москва, 1959. С. 419–438.

2. *Иванова А. В.* Гнездо с вершиной …каз… как системно-структурное образование: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 1999.
3. *Михайлова И. Д.* Радиксоид как вершина словообразовательного гнезда // Вестник МГПУ. Москва, 2014. № 1. С. 77–84.
4. *Михайлова И. Д.* Словообразовательный ансамбль как средство идентификции родственных слов и декодирования радиксоида // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй научно-практической конфе ренции (Москва, 24–25 апреля 2015 г.). Т. 1 / Отв. ред. Д.А. Крячков. М.: МГИМО–Университет, 2015. С. 380–384.
5. *Михайлова И. Д.* Концепция «Словаря радиксоидов современного русского языка» // Русистика и компаративистика: сб. науч. ст./ под ред. М.Б. Лоскутниковой. Вып.XI. Москва, 2016. С. 60–72.
6. *Павский Г. П.* Филологические наблюдения над составом русского языка. Москва, 1841–1842.
7. *Сухова Е. А.* Восстановление траектории движения лексики этимологического гнезда как способ выявления комплекса исторических причин, ведущих к связанности корня // Метеор-Сити: наука развития. 2016. № 1. С. 22–25.
8. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. Т. I. Москва, 1985.
9. *Ширшов И. А.* Толковый словообразовательный словарь русского языка: Комплексное описание русской лексики и словообразования. Москва, 2004.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Николова Дияна
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
d.nikolova@shu.bg

MODERN ASPECTS OF TERMINOLOGY RESEARCH

Nikolova Diyana
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *New linguistic directions of the late XX and early XXI centuries are considered in the article. These scientific approaches gave a new impetus and a new direction in the development of research on the theory of terminology. Particular attention is paid to the cognitive and linguistic and cultural aspects, as part of modern anthropology and intercultural communication, for the study of computer terminology.*

Key words: *cognitive terminology, anthropolinguistics, linguistic and cultural aspect, computer terminology.*

В конце XX и в начале XXI вв. актуальным в лингвистике, и в частности в терминологии как одной из структур общенационального языка, является антропоцентрический подход. Сущность данного научного подхода выражается в смещении направления исследований с объектов познания на субъект, т.е. выявления роли человека в языке и языка в человеке [18, с. 39]. Взаимообусловленность мышления человека и языка, а также особенности национальных языковых картин мира и познания занимают ведущее место в исследованиях современных ученых. Заметным становится повышенный интерес исследователей к проблеме становления терминологий с точки зрения терминологической антрополингвистики, что выводит терминоведению на одно из ведущих мест в системе лингвистических дисциплин. Антропоцентрический аспект исследования терминологии находит свое отражение в трудах многих ученых: Д. С. Лотте (1931), С. В. Гринева-Гриневича (2008, 2009, 2016), Э. А. Сорокиной (2008), Л. А. Чернышовой (2010) и др. Новый подход позволяет выявить особенности употребления определенного набора терминов, учитывая различия в отдельных языках, что предопределяется культурными и историческими факторами, влияющими на развитие языков, с одной стороны, и роль человека при выборе определенной единицы, с другой стороны. Новые явления в языке в XXI веке послужили причиной выделения новой научной отрасли – терминологической антрополингвистики, открывая тем самым возможности более глубокого анализа, в том числе в контексте межкультурного диалога.

Активная роль современной компьютерной терминологии в русском и болгарском языках, проявляется в ее выходе за пределы специализированной области и в обогащении лексического состава языков. Неологизмы в данной терминологии появляются в результате необходимости номинации новых продуктов и понятий и входят в оба языка одновременно с ИТ-продуктами. С каждым днем возрастает влияние и зависимость пополнения терминологического состава языка от ИТ-технологий, что сказывается на межкультурной коммуникации. В наши дни общение и обмен информацией между производителями, программистами и пользователями ИТ становится все более значимым, что делает исследование данной терминологии актуальным. Под воздействием данной профессиональной сферы уже складывается новое, глобальное информационное общество, состоящее из меньших сообществ со своими языковыми, культурными традициями, национальной самобытностью и со своей особой коммуникацией, обменом информацией и знаниями, а роль компьютерных терминов приобретает все большую значимость в развитии

коллективной научной памяти, способствуя развитию познавательной деятельности и осуществлению межкультурной коммуникации.

В конце прошлого века, наряду с логическим, ономасиологическим, сопоставительным, функциональным, прикладным и др. подходами в исследовании терминологии, начинает использоваться и новый – когнитивный. По словам З. Д. Поповой и И. А. Стернина, в качестве предмета когнитивной лингвистики воспринимаются „особенности усвоения и обработки информации с помощью языковых знаков“ [17, с. 3]. Намечаются цели данного научного направления, а именно „понять, как осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией“ [18, с. 39].

Об интенсивном развитии когнитивной лингвистики свидетельствуют болгарские и зарубежные школы. Интерес терминологов к данной научной отрасли приводит к формированию *когнитивного терминоведения* (термин С. В. Гринева). Более того, С. В. Гринева называет указанное направление одним из наиболее перспективных направлений современных терминологических исследований [цит. по 5, с. 13–14]. Оно является важным не только для изучения особенностей развития научного познания, но и путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом [7, с. 33]. Когнитивное терминоведение развивается в трудах В. М. Лейчика, В. Ф. Новодрановой и др. Его теоретические и прикладные вопросы решаются с позиции дискурсивно-когнитивного подхода [9, с. 7]. Все чаще в научные исследования включаются вопросы концептуально-фреймовой структуры термина и его категориальной модели.

На базе когнитивных теорий Е. И. Голованова выделяет „важнейшие идеи терминоведения“, связанные с изменением взгляда на содержание термина и характер соотношения термина и понятия, а также с введением в терминоведческий оборот понятий *концепт*, *концептуальные структуры*, *форматы знания*. В рамках когнитивного терминоведения за термином закрепляется первостепенная значимость его когнитивных функций; он рассматривается в качестве динамического образования, включенного в процесс профессионального познания и профессиональной деятельности, и понимается как результат сложного взаимодействия когниции и коммуникации в особом семиотическом пространстве определенной области знания и деятельности; происходит углубление научных представлений о процессах формирования и эволюции содержания термина: от концепта как стихийного обобщения специального знания к понятию как его теоретическому обобщению [5, с. 14].

Под влиянием когнитивной лингвистики изменяются цели терминологических исследований – от изучения свойств термина к изучению его внутренней сущности, устанавливается взаимосвязь с сознанием профессиональной языковой личности, с профессиональным знанием вообще и его динамикой, с профессиональной коммуникацией. Современное терминоведение не только описывает термин, но стремится объяснить явления, связанные с многогранностью научного знания.

Наряду с когнитивной лингвистикой, одним из актуальных и активно развивающихся направлений в русле антропоцентризма является лингвокультурология, которая концентрирует свое внимание на особенностях отражения в языке культурной информации и менталитета того или иного народа [19, с. 106]. Целью данного междисциплинарного научного направления является „изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру“ [14, с. 30]. Базовым понятием лингвокультурологии является культура, а язык „есть важнейшее средство общения и выражения мысли, кроме того, язык аккумулирует знания культуры“ [1, с. 12], т.е. язык понимается как орудие культуры, ее неотъемлемой частью и

обязательным условием для ее существования. Не можем не согласиться с В. М. Шаклеиным, что с позиции современной лингвокультурологии, язык не существует вне культуры как социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни [24, с. 51]. Язык и культура так сильно связаны и взаимопроникают друг в друга, взаимоопределяются, что нельзя выделить лидирующую роль одного из них. Однако по языковым знакам можем судить о культурных особенностях, об образе жизни, о мировоззрении его носителей, определять сходство и различие в культурах. Язык „выступает своеобразной формой концептуализации мира, в нем отображается мировидение и мировосприятие той или иной национально-культурной общности“ [19, с. 108].

Современные терминологи обращаются к лингвокультурологическому подходу при исследовании термина. Например, М. Н. Володина, указывает на его кумулятивный характер (накопление когнитивно-культурологической информации). Автор воспринимает термин как источник социального знания, проявляющегося «на двух основных уровнях: горизонтальном (интернациональная общность, в основе которой лежит общечеловеческая сущность мышления) и вертикальном (национальная специфика языкового выражения социального знания)» [3, с. 13]. Основываясь на словах П. А. Флоренского, что термин „будучи предметом данной области культуры, принадлежит к этой культуре“ [цит. по 4, с. 171], А. Х. Мерзлякова предлагает дополнить дефиницию термина С. В. Гринева еще одним признаком, а именно, наличием или отсутствием лингвокультурной специфики [15]. Автор приходит к выводу, что являясь „языковым выражением специального концепта, термин не может не отражать национально-специфическое содержание концепта“ и, являясь вербализированным вариантом особого концепта специального знания, он является элементом концептосферы, социума и культуры [15].

Лингвокультурное и когнитивное направления реализуют интегративный подход к терминологическим единицам. На базе работ Дж. Лакоффа и М. Джонсона в исследованиях терминологии высоко оценивается роль концептуальной метафоры, что позволяет установить сходство или различия между языками. Проблемы межкультурного профессионального общения, лингвокогнитивные и лингвокультурные механизмы формирования языковой картины мира, национально-культурная специфика терминологии и профессиональной коммуникации т.д. поднимаются в современных работах по терминоведению.

Сравнительно-сопоставительные исследования специальной лексики играют важнейшую роль в определении путей ее формирования в сопоставляемых языках. Терминосистема сферы ИТ является открытой и находится в постоянном развитии, в связи с чем остро стоит проблема адекватного описания семантических и стилистических преобразований, присущих специальной лексике. Формирование любой терминосистемы находится в прямой зависимости от человека, точнее от процесса его мышления, знания в научной области ИТ, восприятия и интерпретации нового знания, что, в конечном счете, определяет облик терминологии. Таким образом, следует понимать, что именно обыденное и индивидуальное сознание людей, участвующих в процессе создания и заполнения лакун компьютерной терминологии или любой другой терминосистемы, а также культурные различия оказываются основными предпосылками при становлении терминологии.

Итак, антропоцентризм современной науки открывает новые возможности в терминологических исследованиях, в центр которых ставится человек и его профессиональная деятельность. Современные подходы дают возможность не просто описать термин, а объяснить многие явления в контексте полипарадигмальности

знания, вписать термин в междисциплинарный контекст, чтобы постичь его сущность в аспекте когниции и коммуникации.

Литература

1. *Аврамова В.* Лингвокультурология. Шумен: УИ „Е. К. Преславски“, 2007. 244 с.
2. *Апресян Ю. Д.* Теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. т.58. №4. С. 39–54.
3. *Володина М. Н.* Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: Дисс... д. филол. н. Москва, 1998. 345 с.
4. Буянова Л. Ю. Термин как единица логоса. Москва: Флинта, 2012. 218 с.
5. *Голованова Е. И.* Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. №24(315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.
6. *Гринев С. В.* Когнитивное терминоведение // Научно-техническая терминология. Москва, 2002. Вып. 1. С. 11–15.
7. *Гринев С. В.* Терминоведение на пороге третьего тысячелетия // Научно-техническая терминология. Москва, 2000. Вып. 1. С. 31–34.
8. *Жирова И. Г.* Лингвистическая категория эмфатичность в антропоцентрическом аспекте: автореф. дисс... д. филол. н. Москва: Изд-во МГОУ, 2007. 40 с.
9. *Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: ЧеРо, 2003. 349 с.
10. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. Москва: Гнозис, 2002. 284 с.
11. *Кубрякова Е. С.* Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1999. т.58. № 5–6. С. 3–12.
12. *Кубрякова Е. С.* Язык пространства и пространство языка (к постановке проблемы) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. т.56. 1997. №3. С. 22–31.
13. *Лейчик В. М.* Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. Москва; Рязань: ИРУ, 2007. С. 121–133.
14. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие. Москва: Академия, 2001. 202 с.
15. *Мерзлякова А. Х.* Лингвокультурные аспекты терминологии (на примере ряда терминов по социологии) http://www.rusnauka.com/5_NMIV_2009/Philologia/40848.doc.htm (дата обращения: 29.07.2015).
16. *Новодранова В. Ф.* Формирование языковой картины медицины (когнитивный аспект) // Современные тенденции в лексикологии, терминоведении и теории LSP: Сб. научных трудов. Посвящается 80-летию Владимира Моисеевича Лейчика. Москва: Изд-во МГОУ, 2009. С. 269–273.
17. *Попова З. Д., Стернин И. А.* Очерки по когнитивной лингвистике Воронеж: Истоки, 2002. 191 с.
18. *Светоносова Т. А.* Когнитивная лингвистика и лингвокультурология: черты и различия // Филологические науки в МГИМО: сборник науч. трудов. № 27(42). Москва: МГИМО-Университет, 2007. С. 39-46.
19. *Стоянова Е.* Лингвокультурное направление в научных исследованиях в Болгарии // Болгарская русистика. Альманах. София, 2017. С. 104–118.
20. *Стоянова Е.* Лингвокультурное направление в научных исследованиях: преимущества и возможности. // Четвертая белградская встреча славянских русистов. Современное изучение руссского языка и русской культуры в инославянском окружении. Руски језик као инословенски. Русский язык как инославянский. Выпуск IV (2012), Белград, 2012, с. 103–119.
21. *Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2000. 146 с.
22. *Чернышова Л. А.* О профессиональной языковой картине мира // Вестник Поморского ун-та, 2009, №7. С. 251–257.
23. *Чернышова Л. А.* Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. Москва: Изд-во МГОУ, 2010. 206 с.
24. *Шаклеин В. М.* Лингвокультурология: традиции и инновации: монография. Москва: Флинта, 2012. 301 с.

КОЛЛЕКТИВНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ФРОНТОВИКА ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ЭТИКО-РЕЧЕВОЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Старостин Константин
Сибирский федеральный университет, Россия
kostyastarostin@yandex.ru

COLLECTIVE LANGUAGE INDIVIDUALITY OF FRONT-LINE SOLDIER DURING THE TIME OF THE GREAT PATRIOTIC WAR: THE ETHIC-SPEECH ASPECT OF RESEARCH

Starostin Konstantin
Siberian Federal University, Russia

Abstract: *Article's observations concerning the use of etiquette speech signs/indications in letters from the front line of the Great Patriotic War represent a fragment of a research devoted to the study of the collective language personality of a combatant. The author comes to the conclusion that the epistolary speech of this linguistic personality is characterized by a simultaneous appeal to several addresses and existence of etiquette speech indications of one thematic group.*

Key words: *linguistic personality, collective linguistic personality, language personality of a front line soldier, front line letter, speech etiquette, speech etiquette indication.*

Любой языковой личности присущи индивидуальные и социальные характеристики, которые, как отмечает Г. Д. Голев, диалектически взаимосвязаны. Эти характеристики позволяют «квалифицировать группы носителей языка <…> в двух планах: социальном – когда группы представляют собой **коллективную языковую личность** (далее – КЯЛ), и лингво-ментально-психологическом – когда группы (ментально-психологические **типы языковой личности**) конструируются по их внутренним особенностям, определяющим их речевое поведение» [3, с. 19]. Поэтому исследователи ЯЛ могут говорить, например, о коллективной ЯЛ юриста, учителя младших классов, подростка-фаната футбольного клуба, фронтовика и др. и о типе языковой личности интроверта, балагура, манипулятора. **Объектом** нашего исследования является КЯЛ сибиряка-комбатанта времен Великой Отечественной войны. Если признать, что народ в целом как КЯЛ в реальности дифференцирован на подтипы КЯЛ (по месту жительства, по роду занятий и т.п.) [8, с. 36], то подтип КЯЛ сибиряка-комбатанта определим как обобщенный образ носителей национального языка, объединенных по месту призыва и участию в боевых действиях на фронте и реконструированный на базе созданных ими текстов и использованных в них языковых и речевых средств.

Предметом исследования является прагматический (или мотивационный, мотивационно-прагматический) уровень КЯЛ сибиряков-комбатантов, выраженный при помощи языковых и речевых средств речевого этикета во фронтовых письмах к родным и близким.

Существуют публикации, посвященные анализу этикетных формул в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX века [4], а также эволюции русского речевого этикета на материале художественной литературы XIX – XXI веков [2]. Однако работы, посвященные этикету писем времен Великой Отечественной войны, нам не известны. Эпистолярный стиль тех времен рассматривается либо с позиции эпистолярного романа [7], либо жанра «письма властителю» [10]. Таким образом, **актуальность** исследования обусловлена: недостаточной изученностью речевого этикета солдатских писем времен Великой Отечественной войны; значимостью представления образа КЯЛ комбатантов как составляющей исторической

памяти народа; необходимостью понимания психологии поведения людей, их ценностной картины мира в ситуации войны; перспективностью введения в научный оборот обширного и малоизученного комплекса неопубликованных ранее эпистолярных источников (фронтовых писем).

Цель статьи – представить описание особенностей функционирования речевых этикетных знаков в письмах с фронта времен Великой Отечественной войны.

Анализу подвергались речевые этикетные знаки, представленные в письмах жителей Красноярского края, мобилизованных на фронт Великой Отечественной войны (2-4 периоды Второй мировой войны). Подлинные фронтовые письма собирались лично автором исследования совместно с инициативной группой студентов Сибирского федерального университета на территории городов Красноярского края (Канск, Назарово, Енисейск, Уяр и др.). Помимо обращения к частным лицам с просьбой предоставить уникальный материал для исследования, автор также привлекал материал, хранящийся в музеях, библиотеках и исторических центрах региона. Часть писем была предоставлена нам Красноярским краевым Дворцом пионеров, их собирали школьники в рамках краевой социальной акции «Великие люди Великой Победы», организованной Красноярским региональным детско-юношеским общественным движением «Краевой Школьный парламент». Всего проанализировано 200 писем.

Методы и приемы исследования. Этикетные формулы извлекались из писем методом сплошной выборки; в процессе исследования использовались аналитико-описательный метод с его основными компонентами (наблюдением, обобщением и классификацией), методы контекстуального, композиционного и стилистического анализа текста.

Необходимо отметить, что слова и устойчивые сочетания слов в функции выражения этикета терминируются по-разному: «единицами речевого этикета» [11], «этикетными речевыми знаками» [12, с. 140], «формулами речевого этикета» [6, с. 15]. Мы отдаем предпочтение термину **«этикетный речевой знак»**, поскольку функционально-семантическое поле единиц речевого этикета включает в себя как отдельные слова, так и устойчивые выражения.

В анализируемом нами материале представлены как клишированные этикетные знаки, так и индивидуально-авторские (о разграничении клишированных и авторских формул речевого этикета пишет А.И. Бирюлина [2, с. 7]). Конечно, «индивидуальные нормы языкового поведения отражают индивидуальную культуру и языковой опыт индивида и представляют собой индивидуальное преломление общекультурных и ситуативных коммуникативных норм в языковой личности» [9, с. 145]. Однако в рамках исследования КЯЛ комбатанта нас будут интересовать наиболее частотные клишированные знаки-формулы, поскольку именно они являются типичными (ядерными) для КЯЛ комбатанта.

Во фронтовых письмах сибиряков-комбатантов встречаются следующие тематические группы этикетных речевых знаков: наиболее часто (с учетом повторяющихся) – приветствие (324 единицы), обращение (214), прощание (54), благодарность (49); реже – поздравление (8) и просьба (8); фактически единично – извинение (3) и совет (1). Таким образом, типичными для фронтовых писем сибиряков-комбатантов являются этикетные знаки приветствия, обращения, в меньшей степени – прощания и благодарности. Рассмотрим эти тематические группы.

В качестве наиболее частотных этикетных **знаков, выражающих приветствие**, выступают слова: *«здравствуй(те)»,* восходящее к старославянскому глаголу *«здравствовать» (*129 единиц), и *«привет(ствую)»* (195 единиц). Эти этикетные знаки являются общепринятыми и свойственными в целом для эпистолярного письма как речевого жанра. Интерес представляют этикетные знаки, связанные непосредственно с

ситуацией коммуникации – войной. Например, в двух письмах используется этикетный знак-формула *«Боевой привет с фронта!»*, в четырех – *«Горячий фронтовой привет!»,* в девятнадцати – *«С красноармейским приветом».* На выбор этих речевых знаков приветствия повлияли условия, в которых находились комбатанты. Их использованием автор подчеркивает свое территориально-военное нахождение. Невысокая частотность этикетных знаков, маркирующих ситуацию общения («*Боевой привет с фронта!»; «Горячий фронтовой привет!»*) связана, очевидно, с заботой о родных и близких – желанием оберегать их от волнения. Эти клишированные конструкции выражают не только дружеское приветствие адресанту, но и сообщают местонахождение автора письма (фронт).

Более чем в 60 % проанализированного материала наблюдается цепочка речевых знаков приветствия, их формальная плеонастичность – подряд идут два и более речевых знака, например: «*Боевой привет с фронта! Здравствуйте дорогие родители: мать, отец братья Али и Роба сестренка Зина»* (Х. Кагиров)[1], «*Привет с фронта!!! Здравствуй дорогой брат Александр, а также дорогая Мамаша, Бабушка! С приветом Ваш Володя» (В. Д. Солонченко).*

Реже встречаются приветствия, указывающие на время суток – конструкция *«Добрый день»* использована 13 раз. Прерывистым характером хода коммуникации объясняется использование этикетной формулы «*Добрый день или вечер!»*: «*Добрый день или вечер! Здравствуйте, дорогая мама, бабушка и дорогие братья!» (В. Д. Солонченко).*

Рассмотрим тематическую группу этикетных речевых знаков «**Обращение**». 87 % проанализированных фронтовых писем адресованы двум и более адресатам – либо родственникам (родители, жена, дети), либо друзьям. Обращение с использованием эпитетов «дорогой», «милый», «многоуважаемый» и т.д., как отмечает А. Г. Балакай [1, с. 147], влияет на стилистическую окраску непосредственно самого обращения. В проанализированном материале чаще других используются эпитеты «дорогой», «уважаемый»: *«Здравствуйте дорогие родители: мать, отец братья Али и Роба сестренка Зина»* (Х. Кагиров), *«Здравствуйте уважаемые сестрицы Аксинья Григорьевна и Дуся!»* (Я. Г. Кирюхин). Стоит отметить, что в обращении «Папа и мама!» первым всегда упоминается отец. Чаще к адресату сибиряки-комбатанты обращаются по имени в уменьшительно-ласкательной форме, что связано с выражением особой симпатии: *«Жанулик, здравствуй, родная!»* (П. И. Иванов), *«Здравствуйте мои любимые Томик, Толик, Вовик и Валерик»* (Б. Т. Вихров).

Разово представлено обращение к коллективному адресату, поэтому его нельзя считать характерным для КЯЛ фронтовика: *«Девушки г. Уяра и всего района! Мы призываем вас работать с удвоенной, утроенной энергией, давать фронту в изобилии продукты питания»* (сестры Бреславские).

Этикетные речевые знаки прощания, встречающиеся во фронтовых письмах сибиряков, разнообразны. Среди стандартных клишированных – «*Прощайте*» (5 единиц), *«До* (прилагательное-эпитет) *свидания!»* (17 единиц), *«Ваш сын/брат/муж»* (40); встречаются также единичные примеры, указывающие на условия Великой Отечественной войны: *«Ваш фронтовик»* (Х. Кагиров). Для фронтовых писем характерно одновременное использование в тексте двух этикетных знаков прощания или повтор одного и того же знака (встречается в 65% проанализированных писем), например: *«Писать больше нечего. Пока до свидания и прощайте. Жду ответа»*

[1] Речевые иллюстрации приводятся в оригинальном орфографическом и пунктуационном оформлении.

(Г. И. Соковнин), *«Но а сичас пока досвидания. Целую нежно свою доченьку Катюшу. Писал 20–3–45г. досвидания»* (Я. К. Коваленко).

Этимологическое значение этикетного знака *«До свидания»*: «свидание предстоит, расстаемся до новой встречи» [2, с. 11]. Для усиления этого значения и подчеркивания надежды на скорую встречу во фронтовых письмах используется формула *«До скорого свидания»,* например: *«Пока до скорого и счастливого свидания, остаюсь горячо любящий вас Вася муж и отец»* (В. И. Обручев), «*Приеду, расскажу подробно, а пока до скорого свидания»* (И. Широков).

Как отмечает Е. К. Куварова, исследуя заключительную этикетную формулу в письме как речевом произведении (на материале, охватывающем переписку разных корреспондентов XVIII–XX веков), прощанию в письме почти всегда предшествует типичный содержательный компонент, это «поздравления, пожелания, приветы родным и знакомым, просьбы писать чаще» [5, с. 293]. Во фронтовых письмах сибиряков-комбатантов подобные компоненты встречаются в 70% проанализированных писем, они как предшествуют этикетному знаку прощания, так и обрамляют его: *«Сейчас Маня как получишь письмо сразу же пиши ответ как ты живешь сколько получили за трудодни хлеба, затем досвидания Маня, Нина, Шура. Передовай Маня Маме мой адрест что писать мне некогда с праздником вас 8-ое Марта»* (Г. Я. Мордвинов).

Интересно, что в качестве этикетного речевого знака прощания в 73% фронтовых писем также выступает знак, используемый и в значении приветствия: «С горячим пламенным приветом!» (этот факт – но не применительно к фронтовому письму – отмечается также в [1, с. 405]).

Самой распространенной формой выражения **благодарности** является речевой знак «спасибо» [Там же, с. 405]. Однако в проанализированных фронтовых письмах он встречается 14 раз и употребляется либо самостоятельно, либо в сочетании со словами-распространителями, причем почти во всех случаях это выражение признательности за написанное ранее письмо, например: *«Получил сестрицы Ваше письмо, за которое вас сердечно благодарю, большое вам спасибо, что не забываете своего защитника на фронте борьбы с паразитами фрицами в дни суровой отечественной войны»* (Я. Г. Кирюхин), «*Также братское спасибо тебе за письмо, которое ты мне написал, я был очень рад твоему письму»* (Л. С. Драгуневич).

Стоит отметить, что речевой знак *«благодарю»* встречается во фронтовых письмах гораздо чаще *«спасибо»,* несмотря на то, что в словаре русского речевого этикета он дается с комментарием, что «употребляется преимущественно в составе официально-возвышенных риторических формул благодарности [Там же, с. 47]. Почти все 35 представленных единиц связаны с выражением благодарности за поддержание коммуникации с родными и близкими: *«Мама я жив и здоров того и вам жилаю быть здоровым. Мама я ваше письмо получил за которое благодарю и даю ответ»* (Я. К. Коваленко), *«Вашу открытку получил. Благодарю за добрые пожелания»* (П. Н. Никитин), *«Я очень благодарен за то, что ты про меня не забыла»* (М. Иванов).

Подведем итог исследования. Анализ функционирования речевых этикетных знаков в письмах с фронта времен Великой Отечественной войны показал, что КЯЛ комбатанта этого периода наиболее ярко характеризуют такие особенности, как указание нескольких адресатов и цепочки этикетных речевых знаков одной тематической группы (приветствия, прощания, обращения). Помимо этикетных знаков приветствия и прощания, естественных для любой вежливой коммуникации, эпистолярной речи комбатантов свойственно использование этикетных знаков выражения благодарности за полученные отклики на письма, то есть обратную связь, ценность которой в ситуации войны особенно высока. Невысокая частотность этикетных речевых знаков, указывающих на фронт как местонахождение адресанта

(«*Боевой привет с фронта!»; «Горячий фронтовой привет!»*), связана, очевидно, с заботой комбатантов о родных и близких – желанием оберегать их от волнения.

Литература

1. *Балакай А. Г.* Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. Москва: АСТ-ПРЕСС, 2001. 692 с.
2. *Бирюлина А. И.* Эволюция русского речевого этикета: дис. …канд. филол. наук. Тамбов, 2009. 200 с.
3. *Голев Н. Д.* Типология языковой личности и лингводидактика // Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку: Учеб. пособие / Под. ред. Н.В. Мельник. Кемерово, 2009. С. 7–28.
4. *Катаржина С. Л.* Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в.: дис. … канд. филол. наук. Орск, 2001. 156 с.
5. *Куварова Е. К.* Заключительная этикетная формула в письме как речевом произведении // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 24 (63). 2011. № 4. Часть 2. С. 289–295.
6. *Кузнецов А. В.* Речевой этикет народов Волго-Уралья: монография. Москва: Федеральное агентство по культуре и кинематографии Российской Федерации; Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2008. 320 с. URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkni_0_0001058.pdf (дата обращения: 12.01.2018).
7. *Логунова Н. В.* Русская эпистолярная проза XX – начала XXI века: эволюция жанра и художественного дискурса: дис. … д-р. филол. наук. Москва, 2011. 447 с.
8. *Мамаева С. В.* Речевой портрет коллективной языковой личности школьников 5-7 классов: дис. …канд. филол. наук. Лесосибирск, 2007. 202 с.
9. *Ресенчук А. А., Рябова М. Ю.* Формулы речевого этикета в эпистолярном романе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2. Т. 2. С. 144–148.
10. *Суворовцева Е. В.* «Письмо властителю» как жанр эпистолярной литературы (на материале русской словесности XIX – XX веков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (39). С. 162–165.
11. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Русский язык, 1987. 158 с.
12. *Цветкова И. В.* Русский речевой этикет: некоторые изменения последних лет. / URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26535971 (дата обращения: 15.01.2018).

ЖАРГОН КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Стоянова Елена
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
elvikstoyanova@shu.bg

JARGON AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY LANGUAGE AND CULTURE

Stoyanova Elena
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The paper is devoted to the consideration of specific features of jargon in the conditions of modern linguistic and cultural situation. The purpose is to identify the main trends in its functioning.*
Key words: *jargon, general jargon, language game, linguistic and cultural situation.*

Активизация жаргона в языке и речи является причиной исследовательского интереса к данной разновидности субстандарта (Е. И. Галанова, М. Я. Гловинская, Д. Б. Гудков, Е. А. Земская, В. В. Колесов, В. Г. Костомаров, Е. Ю. Скороходова, Р. И. Розина, С. Г. Скляревская, В. И. Шапошников и др.). В науке происходит становление и частного научного направления *жаргонология* как учения о жаргонизмах. Однако указанная научная область социолингвистики продолжает оставаться недостаточно исследованной, особенно в сопоставительной ее части. Жаргон как объект исследования все больше привлекает внимание современных ученых, прежде всего, своей проницаемостью и интердисциплинарностью (научное направление развивается в тесной взаимосвязи с такими отраслями, как этнолингвистика, онтолингвистика, гендерная лингвистика, а также когнитивная лингвистика, лингвокультурология и др.). Социолект как лексико-фразеологическая подсистема интересен и с точки зрения влияния и столкновения нормы и традиции.

Целью данной статьи является рассмотрение жаргона как специфической характеристики современной лингвокультуры, а также квалификация основных тенденций процесса жаргонизации русского языка и выделение особенностей функционирования жаргона как языкового субстандарта. Материалом исследования послужили современные медиатексты на основе случайной выборки, а также Национальный корпус русского языка.

Жаргонизацию языка и речи называют „жаргонной революцией“, „жаргонологическим бумом“ или „жаргонным наводнением“. Подобный интерес к жаргонизмам обусловлен детабуизацией существовавшего запрета на данную лексику в советскую эпоху, а также общими тенденциями развития языка в русле демократизации, экспрессивизации и неологизации, а также является следствием изменений в коммуникативной парадигме. Утверждение нового языкового вкуса эпохи происходит на фоне нестабильности общества. Жаргонизация, как свидетельствуют наблюдения лингвистов и писателей, становится одной из доминант современного состояния языка. Такое положение дел периодически наблюдается в развитии лингвокультуры и квалифицируется в качестве *варваризации*, или *концентрического развертывания* (термин Б. Ларина), когда язык в целях пополнения словаря обращается к субстандарту. Б. А. Ларин подчеркивал, что эволюционные процессы любого литературного языка могут быть представлены последовательными снижениями, варваризацией [5, с. 176]. В развитии русского языка исследователями фиксируются четыре таких периода.

О. А. Лаптева в статье „Двуединая сущность языковой нормы“ указывает на возможность языковых изменений не во всей языковой системе сразу, но в некоторых

ее кризисных точках” [4, с. 4.]. Именно на первом этапе активизируется роль средств массовой информации (далее СМИ), которые выступают трибуной и инструментом латентного воздействия (на подсознательном уровне) на формирование современной языковой личности, в сознании которой постепенно либерализируется понятие нормы (узуса, стандарта). В языковой системе происходит лихорадочное заполнение смысловых лакун, в том числе и посредством жаргонной лексики. Семантико-номинационные процессы в конце XX века приводят к формированию так называемого *общего жаргона*, или *общего сленга*[1], когда жаргонизмы, утрачивая свою специализацию, из социолекта становятся „достоянием“ национально-культурной общности. В большинстве своем активизируются и актуализируются жаргонные единицы уголовной и молодежной сфер, а также быстро распространяющейся и расширяющей свою аудиторию компьютерной сферы. Наблюдается проявление системности данного явления, связанного с появлением синонимов, антонимов, расширением деривационных рядов, в том числе возникновением производных с абстрактным значением. Таким образом, происходит изменение функционально-прагматических характеристик жаргонной лексики и формирование межстилевого пласта. Функциональная ограниченность жаргона как социолекта и целенаправленное кодирование информации при столкновении коммуникантов постепенно стираются. На первый план начинают выходить инновативные и стилистические характеристики жаргона как субстандарта. Формирование общего жаргона в аспекте инновативности, по мнению И. А. Стернина, в стилистических парадигмах языка в какой-то степени может быть отнесено к явлению эволюции русского языка [9, с. 16].

В начале XXI века жаргонизация замедляет темпы – из количественной переходит в качественную стадию, т.е. трансформируется в инерционную стадию языковой игры. Н. Д. Бурвикова и В. Г. Костомаров описывают лингвокультурную ситуацию следующим образом: «Современная полифония индивидуального разнообразия, формируемая на дистанции: от либерализации языка к его карнавализации – характеризуется символикой, снятием запретов, безрассудством, шалостями, чудачествами, всеобщим пародированием, одновременным утверждением нового и отрицанием старого, смешением стилей, самоутверждением личности, выросшей в мире традиционных ценностей» [2, с. 23]. Осмысление действительности начинает осуществляться посредством игрового парадокса, при этом немаловажная роль отводится прецедентности как форме семантической моделируемости. Активизация стилистических параметров в языке обусловливается потребностью языковой личности в самоидентификации, стремящейся к индивидуализации речи и нетривиальности речевых форм. СМИ продолжают выполнять ведущую роль в обществе. Привлечение внимания адресата достигается путем расширения коннотативной значимости лексических единиц, усилением оценочности и экспрессии. В этой связи популярным остается обращение к субстандарту в реализации воздействующего эффекта и целей эмоционально-прагматического словотворчества. Использование жаргонизмов формирует необходимую креативность и образность медиатекста, реализует эстетическую потребность в обновлении.

Особенности функционирования жаргона в условиях современной лингвокультурной ситуации связаны с системными изменениями на лексико-фразеологическом уровне. Когнитивное осмысление жаргонизмов реализует терминологическую направленность (*хвост, чайник, фанера, смайлик*).

---

[1] В последнее время все большее предпочтение отдается термину *сленг* (вместо *жаргон*), по причине отсутствия пейоративности в семантике данной единицы.

- Жаргон как средство пополнения лексического фонда

Процесс заполнения лакун имеет двоякую сущность. С одной стороны, происходит создание номинативного конструкта, формирование так называемого общего жаргона, который понятен и доступен носителям лингвокультуры, а затем – намечается постепенное стирание стилистической яркости жаргонных элементов. Например, у жаргонизмов *тусовка, кусок, бабки, разборка, крыша, малина, мент, липа (липовый)* наблюдается потеря жаргонной окраски, современные словари уже начинают фиксировать данные единицы без стилистической пометы. Слово *братки* все больше воспринимается в качестве номинации определенной социальной группы. А жаргонизм *липа* 'фальшивка, подделка' в лексикографических источниках фиксируется с пометой *разг.* [1].

Стилистическая нейтрализация жаргонной лексики характерна и для английских заимствований в области ИТ: *смайл* (от англ. smily) – специальным образом подобранный набор символов, выражающий определенную эмоцию, предназначенный для общения в текстовой форме при отсутствии визуального контакта и невозможности выразить эмоциональное состояние лично, а также для единиц вторичной номинации при ретерминологизации: *железо* – аппаратное обеспечение компьютера; собирательное обозначение спортивного инвертаря (гири, гантели, штанги). Наряду со стилистической нейтрализацией жаргонизмов оказывается возможной антонимическая модификация коннотативного значения. Лексема *мент* приобретает положительную коннотацию (Ср. сериал «Улицы разбитых фонарей»), в силу утраты номинациями (*милиционер, сотрудник милиции, сотрудник ГАИ, гаишник*) позитивного ореола в лингвокультуре [3].

Свидетельством утверждения слова в системе языка является развитие парадигматических отношений (синонимы: *липа, фанера*) и установление синтагматических связей, формирование деривационных рядов: *чат, чатиться, чатланин, чатбот, чат-мот, приват-чат, веб-чат; лох, лохануться, лохотрон, лохиня, лошара.*

- Жаргон как средство пополнения фразеологического фонда

К сходным процессам можно отнести и заполнение лакун во фразеологии (*крыша поехала, черная наличность / черный нал, сесть на иглу, в натуре, в тренде, воровской авторитет, мокрое дело, новые русские, расставить приоритеты* и др.). Некоторые фразеологические единицы, созданные на основе жаргона, движутся по пути жаргонной нейтрализации и превращаются в речевые клише, функционирующие в роли междометия как нерасчлененное выражение чувств, ощущений, душевных состояний и других реакций (*в шоке, класс, круто, жесть, кайф*).

- Универбация или компрессивное жаргонообразование

Функционирование жаргонизмов-универбатов в системе языка связано с действием естественных законов экономии языковых и мыслительных усилий: курсовая работа – *курсовик*, социальное пособие – *социалка*, методическое пособие – *методичка,* оперативная память –*опера*. Данный процесс воспринимается не только в качестве способа жаргонообразования: антивирусная программа – *антивирус*, но и инструмента компрессии речи при функционировании в языке лексем или жаргонизмов: наличность – *нал*; *лимон* (в значении 'миллион') – *лям*, а также в качестве разновидности языковой игры, основанной на контаминации языковых средств (*хрущоба* из *хрущевка* + трущоба; *лимард* из *лимон* + *лярд*).

- Активизация жаргонного значения и его превалирование

Подобные процессы отмечались в лингвокультурной ситуации 80-х годов XX века (ср. значение глаголов *давать, выбрасывать* в эпоху дефицита). В период современной ЛКС превалирование жаргонного значения над основным демонстрируется употреблением сексуальных жаргонизмов: *дать, давать, стоять, кончить, трахнуть* и др. [10, с. 36]. Кроме того, при функционировании ряда лексем (*доставать, сливать, авторитет* и др.) ощущается влияние жаргонного значения и экспрессивной коннотации, что обусловливает необходимость дополнительного комментирования ситуации. Например, лексема *авторитет* хорошо известна в лингвокультуре в своем криминальном значении: *Присяжные согласились с версией следствия о том, что криминальный* ***авторитет*** *Лом-Али Гайтукаев был организатором преступления, а Рустам Махмудов – киллером* (Известия, 09.06.2014); *А слово «****авторитет****» имеет другое значение, которое уместнее отнести к хозяевам овощебазы* (Известия, 22.10.2013) и др. Проведенный статистический анализ на материале Национального корпуса русского языка демонстрирует, что из 687 примеров медиатекстов 2014–2013 гг. с лексемой *авторитет* 167 являются иллюстрацией жаргонного значения, что представляет собой функционирование в соотношении 1:4.

- Расширение семантической структуры жаргонизма

Активное функционирование жаргонизмов в рамках ЛКС создает предпосылки расширения семантики данных лексем. Например, *фанера* все чаще используется для обозначения разного рода имитации, фальши, чего-либо поддельного, а не только в его первоначальном жаргонном значении ‘фонограмма’: *Началась* ***фанера****, появилась имитация работы вместо работы…* (Комсомольская правда, 02.11.2012); *Политическая* ***фанера****. Генеральную репетицию нового майдана Юлия Тимошенко назначила на субботу* (Комсомольская правда, 02.04.2007).

- Жаргон как средство адаптации и ассимиляции заимствований, в частности терминологических

В настоящее время быстрыми темпами развивается компьютерная терминология, в которой жаргонизмы играют важную роль не только в качестве социолекта в сфере информационных технологий, но и способа усвоения русским языком английских терминов. С расширением числа пользователей персональных компьютеров происходит внедрение жаргонной терминологии в систему языка, при этом многие жаргонизмы получают терминологическую нагрузку: *картонка* (PC card) – плата расширения; *мыло, емеля* – электронная почта (e-mail). Более того, некоторые исследователи считают, что компьютерный жаргон постепенно утрачивает признаки жаргона и становится стилем. Иными словами, происходит становление „интернетовского языка“, который обслуживает дисплейную коммуникацию [6, 8].

Итак, изменение условий функционирования языка в рамках современной лингвокультурной ситуации приводит к переосмыслению жаргона как субстандарта, что выливается в семантико-номинативную и стилистическую его реализацию. Использование жаргона при заполнении лексико-фразеологических лакун сопровождается семантическими изменениями и коннотативными модификациями языковых единиц, имеет терминологическую направленность, приводит к формированию так называемого общего жаргона и его последующей стилистической нейтрализации. Стилистическая эксплуатация жаргона как субстандарта продолжает оставаться активной и реализует инновативный и экспрессивный потенциал лексем в условиях языковой игры.

Литература

1. *Большой толковый словарь* русского языка (БТСРЯ) / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998.
2. *Бурвикова Н. Д., Костомаров В. Т.* Особенности понимания современного русского текста // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.
3. *Кудинова Т. А.* Языковой субстандарт: социолингвистические, культурологические и лингвопрагматические аспекты интерпретации. Дисс. ... доктора фил. наук. Нальчик, 2011.
4. *Лаптева О. А.* Двуединая сущность языковой нормы. // Журналистика и культура русской речи. 2003, № 1.
5. *Ларин Б. А.* История русского языка и общее языкознание: (Избр. работы). Москва: Просвещение, 1977.
6. *Лихолитов П. В.* Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. №3.
7. *Новиков В. И.* Новый словарь модных слов. Языковая картина современности. АСТ-Пресс, 2016.
8. *Смирнов Ф.* Юзер-гад по культуре речи, или как правильно интернетиться по-русски. Мир ПК. 2004. №4. / www/klubok.net.
9. *Стернин И. А.* Социальные факторы и развитие современного русского языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С. 4–16.
10. *Стернин И. А.* Возникновение сленга в русском языке. // Общественные процессы и развитие современного русского языка. Изд. 4, доп. и перераб. Воронеж, 2004. С.40–45.
11. *Толковый словарь* русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. / Под ред. Г. Н. Скляревской. Москва: Эксмо, 2006.

РЕДУКЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ, БОЛГАРСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ КАК ОСНОВА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Чалыкова Татьяна, Алексиева Елена
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
t_chalakova@abv.bg, aleksieva.lena@abv.bg

REDUCTION PROCESSES IN RUSSIAN, BULGARIAN AND TURKISH LANGUAGES AS THE BASIS FOR INTERFERENCE IN TEACHING RUSSIAN PRONUNCIATION

Chalakova Tatyana, Aleksieva Elena
Konstantin Preslavski University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *This article discusses the basic phonetic factors causing the reducing processes, which may be one of the reasons for the interference of mother tongue in teaching Russian pronunciation.*
Key words: *phonetics, reduction, phonetic processes.*

Цель настоящей статьи – наметить основные фонетические факторы в русском, болгарском и турецком языках, обусловливающие различия в характере редукционных процессов в сопоставляемых языках.

Выявление характера и системных причин подобных речевых модификаций будет способствовать более полному описанию речевой реализации данных систем и прогнозированию интерференции родного языка при обучении русскому произношению.

Под редукционными процессами в настоящей работе понимаются полное и частичное выпадение гласных и согласных, а также целых звуковых комплексов в потоке речи. Термин редукция происходит от лат. reductio – отодвигание назад; ср. – лат. reductio – уменьшение, сокращение) – изменение артикуляционных и акустических характеристик звука, вызванное сокращением его длительности или ослаблением напряженности. Редукции подвергаются главным образом гласные, однако встречается и редукция согласных или более сложных звуковых образований (слогов, слов) [3; 5].

Гласные подвергаются количественной и качественной редукции в русском, болгарском и турецком языках вплоть до их полного выпадения. Вместе с тем, гласные, этих языков, соотносимые по своим артикуляторно-акустическим характеристикам имеют свои особенности как в сильной позиции, так и в позициях, где их артикуляторные характеристики значительно ослаблены, а сами гласные сокращаются вплоть до их полного выпадения. При этом различают *количественную* редукцию – уменьшение длительности звука, вызванное его безударностью, и *качественную* редукцию – изменение характера артикуляции вследствие сокращения длительности. Так, в русском языке редукции подвергаются все безударные гласные, длительность которых в слове всегда меньше длительности ударных, следствием чего является и качественная редукция: все безударные гласные характеризуются как гласные с нереализованной до конца артикуляторной программой: [бʌло´тъ], [ко´лъкъл], [лѝслви´к], [мѝте´жный].

Относительно ослабления артикуляторных усилий и сокращения разных участков длительности согласных до их полного выпадения используются различные термины, отличающиеся от термина *редукция.* Тем не менее, как вышеописанные процессы, характерные для реализации гласных в потоке речи, так и процессы, характерные для реализаций согласных, групп согласных и целых слогов обусловлены одним и тем же фактором – принципом экономии произносительных усилий. Ярче

всего этот принцип, без сомнения, характерен для разговорного стиля и неполного стиля произношения [11].

В основе принципа экономии лежит представление о том, что человеческая деятельность носит целенаправленный характер и предполагает достижение конечной цели с наименьшей затратой усилий [6]. Языковая экономия даже, как более общее явление в лингвистике, именовалась терминами, синонимическими термину ***редукция***: сжатие, совмещение, стяжение, редукция, элиминирование, свертывание, эллиптические предложения и т.д. и являлась предметом исследования различных авторов [1; 7; 4, с. 137–139 и др.], что объясняется конечным результатом языковой экономии – сокращения речевой цепи в результате экономии усилий и времени.

Известный русский ученый И. А. Бодуэн де Куртене среди причин и факторов развития языка называл „стремление к удобству выражающееся:

а) в переходе звуков и созвучий, более трудных в более легкие, для сбережения мускулов и нервов,

б) в стремлении к упрощению форм (действие аналогии более сильных на более слабые)“ [2, с. 58].

Согласно принципу А. Мартине, говорящие стремятся прилагать как можно меньше усилий для производства речи до тех пределов, пока это не препятствует распознаванию речи адресатом [6]. Этим, в частности, можно объяснить многие фонетические процессы, такие как редукция, афереза, синкопа, апокопа, упрощение групп согласных, стяжение. Этот принцип считается универсальным – он характерен для всех естественных языков, в том числе и для рассматриваемых в настоящей работе. Тем не менее, результаты этого универсального процесса различны, что может объясняться системными особенностями, как и собственными характеристиками гласных и согласных, особенностями организации слогов в слова (фонетической природы словесного ударения), а также его наличия либо отсутствия, и ритмики в целом. Сокращение временных характистик вплоть до полного выпадения отдельных сегментов, происходящее в результате экономии произносительных усилий можно определить как ***редукционные процессы***, постоянно происходящие в живой речи носителей языка. Кроме случаев полной редукции („выпадения“) гласных сюда можно отнести „выпадение“ согласных, так называемые непроизносимые „немые“ согласные, синкопу (что на др.греч. означает – «обрубание, сокращение»), выпадения группы звуков, или даже целого слога в середине слова, аферезу (выпадение звука или слога в начале слова и апокопу (от др. греч. ἀποκοπή «усечение») – выпадения звука или нескольких звуков в конце слова. Редукционные процессы более характерны для разговорного неполного произносительного стиля, неподготовленной спонтанной речи в условиях неофициального общения, чаще всего диалогического. Последнее объясняется возможностью визуального контакта, прочтения невербальных сигналов, возможности уточнить мысль (свою или собеседника).

Кроме системных факторов эти явления имеют еще ряд других причин, обусловливающих характер и степень их выраженности, но в данном случае нас будут интересовать прежде всего системные особенности, обусловливающие разную вероятность редукции гласных и согласных в русском языке на фоне болгарского и турецкого.

Предварительные наблюдения показывают, что различия, касающиеся редукционных процессов в сопоставляемых языках касаются как характера редукции соотносимых гласных, обусловленном их собственными артикуляторно-акустическими особенностями, характером словесного ударения, наличием/отсутствием сингармонизма, а в области согласных – степенью их собственной напряженности,

скоплением согласных и их артикуляторными характеристиками, а также позицией в слове.

Русский, болгарский и турецкий языки являются типологически различными языками и, в то же время, русский и болгарский языки – генетически близкие языки. Фонетические различие между русским и болгарским, с одной стороны, и турецким – с другой, заключаются прежде всего в том, что русский и болгарский являются акцентными языками, а турецкий характеризуется наличием гармонии гласных и согласных (палатальной и лабиальной). Ударение в этих языках, имеет различия в фонетических параметрах, которые его конституируют. Так русское словесное ударение характеризуется прежде всего выделением длительности ударного слога, а такие его компоненты как интенсивность и частота основного тона варьируют в большей степени в зависимости от собственных характеристик гласного, его положения в слове и во фразе, эмоционального состояния говорящего, коммуникативной нагруженности слова и т.д. В болгарском языке ударный слог выделяется прежде интенсивностью, а длительность и частота основного тона варьируют. Вопрос же о словесном ударении в турецком языке можно считать спорным, т.к. разные исследователи выражают мнения от полного отрицания наличия словесного ударения в турецком языке до наличия в двух ударений в рамках одного слова – музыкального в начале слова и динамического – на последнем слоге или на суффиксе *yor* в глаголах и корневой морфеме, предшествующей отрицательной частице *mi*. Ударение, компонентами которого кроме изменений частоты основного тона, являются интенсивность и длительность отражает направленность произносительных усилий, их сосредоточенность на одном слоге слова, в то время, как остальные произносятся более вяло, ненапряженно, что создает условия для редукции (полной и неполной) как гласных и согласных, так и целых слогов. Если в русском и болгарском языках в акцентно-ритмических структурах огибающая интенсивности имеет чаще всего восходяще-нисходящий характер, по причине того, что ударение чаще всего реализуется на 2 или 3 слоге в середине слова, то в турецком в изолированно произнесенном многосложном слове реализуются два ударения: первое, музыкальное, характеризующееся повышением частоты основного тона – на первом слоге, а второе, динамическое – на последнем слоге слова. Слабой позицией, с точки зрения произносительных усилий, таким образом, оказывается середина слова, а огибающая интесивности чаще будет иметь не восходяще-нисходящий характер как в русском и болгарском, а восходяще-нисходяще-восходящий. Именно поэтому редукция гласных (преимущественно узких) до их полного выпадения происходит именно в середине слова. Исследователи указывают на градацию звуков по вероятности их выпадения. Так, Э. Севортян пишет, что в середине турецкого слова звуки выпадают в следующей градации:

- узкие гласные [I], [i];
- сонанты [r], [l], [n];
- согласная, близкая по своим акустическим характеристикам к сонантам – [v];
- фрикативный ларингальный [h] и другие фрикативные согласные;
- фарингально-ларингальный сонант [ğ];
- заднеязычные [k], [g]. [8, с. 55].

Все перечисленные гласные и согласные характеризуются более слабым артикуляционным напряжением, особенно это касается узких гласных [I], [i] и согласных [h] и [ğ]. Фрикативные согласные также характеризуются затратой меньших произносительных усилий в сравнении со смычными. Относительно согласных [k] и [g], которые, как бы „не вписываются“ в указанную группу, следует отметить, что они

также характеризуются небольшой артикуляторной напряженностью, поскольку смычка при их артикуляции образуется значительно глубже по сравнению с соответствующими русскими и болгарскими согласными, что становится причиной их спирантизации в интервокальной позиции и особенно при присоединении аффиксов. Именно этими особенностями артикуляторной базы можно объяснить чередования k//ğ, k//y: erkek > erkeği [erkeyi], kapak > kapağı.

В русском и болгарском языках, различающихся как фонетической природой словесного ударения, собственными артикуляторно-акустическими характеристиками гласных а также различиями орфоэпического и орфофонического характера, разные гласные отличаются не только качеством редукции гласных и их относительной длительностью, но и возможностью их полного выпадения. Так в русском языке все безударные гласные после твердых согласных стремятся к звукотипу [ъ], а после мягких – к звукотипу [ь/и], а в болгарском – безударное [о] редуцируется по направлению к [у], а [у] в безударной позиции по направлению к [о]. В болгарском литературном произношении почти отсутствует редукция [е] по направлению к [и], зато безударное [а] приближается к безударному звукотипу [ъ], что несколько сближает характер последней редукции с русским языком. Тем не менее, полное выпадение гласных более характерно для русского языка (разговорной речи) по сравнению с болгарским языком, что вероятно, обусловливается более сильноцентрализующим характером русского словесного ударения.

Без сомнения, словесное ударение – точнее распределение произносительных усилий в рамках слов, играет значительную роль, поэтому при характеристике редукционных процессов необходимо учитывать особенности реализации ударных и безударных гласных. Известно также, что качественная редукция характерна для языков с более «вялой», ненапряженной артикуляцией гласных как в русском языке и менее характерна для языков с более напряженной артикуляцией гласных как в турецком языке [9, 10].

Относительно редукционных процессов в области согласных, с точки зрения экономии произносительных усилий, можно рассматривать собственную интенсивность согласных в рассматриваемых языках как следствие общей артикуляторной базы и, соответственно, артикуляторной реализации соотносимых согласных в сопоставляемых языках. По предварительным наблюдениям, ряд согласных различается степенью напряженности артикуляции в русском, болгарском и турецком языках.

Если рассматривать согласные, входящие в корелляцию по глухости/звонкости, то можно отметить, что в турецком языке поляризация различий между традиционно определяемыми согласными как звонкие и соответствующими глухими меньше чем в русском и болгарском языках. Если в русском и болгарском языках звонкие согласные определяются как полнозвонкие (т.е. чаще реализуются как таковые), то в турецком согласным, артикулирующимся без участия голоса, соответствуют неполнозвонкие. Это означает, что большинство согласных, как и гласных турецкого языка характеризуются большей напряженностью [9]. С другой стороны, в турецком языке существует ряд согласных, для которых характерна разная степень напряженности – от слабой (как при артикуляции [h]) до более сильно выраженной, но, тем не менее, слабой по сравнению с другими согласными [9]. Именно эти согласные чаще всего выпадают в позиции середины слова при произнесении турецких слов.

Без сомнения, существуют и другие факторы интра- и экстралингвистического характера, которые на данном этапе не будут являться объектом нашего внимания. Эти исследования могут быть проведены в будущем.

Литература

1. *Адмони В. Г.* Основы теории грамматики. Москва-Ленинград: Наука, 1964.
2. *Бодуэн де Куртене И. А*. Избранные труды по общему языкознанию. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1.
3. *Бондарко Л. В.* Звуковой строй современного русского языка. Москва: Просвещение, 1977.
4. *Головач О. А.* Принцип экономии в лингвистике // Вектор науки ТГУ. Тольятти, 2011. № 3 (17). С. 137–139.
5. *Зиндер Л. Р.* Общая фонетика. Москва: Высшая школа, 1979.
6. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. Москва: Издательство иностранной литературы, 1960.
7. *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. Москва: Центр, 1998.
8. *Севортян Э.* Фонетика турецкого литературного языка. Москва, 1955.
9. *Чалыкова Т.* Дифференциальный признак *звонкость/глухость* в русском и признак *otumlu/otumsuz* в турецком языке. // Русский язык в сопоставлении с другими языками. Перевод – взаимодействие языков и культур. / XI Конгресс МАПРЯЛ. Т. 5. Sofia: HERON PRESS, 2007. С. 214–221.
10. *Чалыкова Т., Акиф Х.* Плавные сонанты в современном турецком литературном языке в сравнении с русским языком. // Годишник на Шуменския университет „Епископ Константин Преславски”, Т. XXA, Факултет по хуманитарни науки. Шумен: Университетско издателство „Епископ Константин Преславски”, 2007. С. 143–155.
11. *Щерба Л. Л.* О разных стилях произношения и о идеальном фонетическом составе слов. Архив петербургской русистики. / URL: http://www.ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba21.htm.

КОНЦЕПТ «ПРАВОСЛАВНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» КАК ДОМИНАНТА НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Чурилина Любовь
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия
lchurilina@gmail.com

THE CONCEPT OF "ORTHODOX CIVILIZATION» IN NATIONAL WORLDVIEW

Churilina Lyubov
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia

Abstract: *The content of the article includes the results, getting during the observation over the specific character of the lexical means, representing concept «civilization» in newspaper discourse and homiletics and interviews of the Patriarch Kirill of Moscow. The author reveals the actual level of the concept and defined its structure.*

Key word: *newspaper discourse, religious discourse, concept «civilization», corpus, concordance.*

Мы попали в кризис идентичности –
старой советской уже нет,
новая идентичность не состоялась.
(«Известия», 2013 г.)

Введение: к постановке проблемы. Вынесенное в эпиграф высказывание журналиста претендует на вполне безапелляционную оценку уровня самоидентификации жителей современной России. Диагноз неутешительный, если под *национальной идентичностью* понимать некую универсальную константу человеческой цивилизации, содержательным ядром которой является «объединяющее этнос начало, связанное с достижением общей цели» [5, с. 198], а также «общая память о прошлом, сознание преемственности, общей судьбы … и культуры» [4, с. 156].

Кризис национальной идентичности представителями обществоведческих наук оценивается как прямая угроза безопасности, причем не только и не столько безопасности государства (этот аспект проблемы рассмотрен нами в [9]). Отсутствие у нации / личности сформированного и осознаваемого представления о ценностях и целях собственного существования неизбежно ведет к саморазрушению. Значимостью феномена *идентичность* объясняются многочисленные попытки его исследования представителями разных наук – политологии, социологии, культурологии, истории и др. Уникальные возможности в изучении результатов процесса идентификации предоставляет язык.

В рамках когнитивной лингвистики предметом научного анализа становится национальная картина мира, отраженная в языке, признаваемом максимально объективным источником информации о сознании своих носителей. В качестве единицы национальной картины мира рассматривается *концепт* как структура знания, реконструкция которой оказывается возможной только в случае обращения к материальным «продуктам» человеческой деятельности, в нашем случае эту роль выполняют продукты речи – тексты: концепт реконструируется на основе формулирования специфических для каждого текста правил сочетаемости языковых единиц.

Проводимое нами исследование имеет целью выявить актуальный на современном этапе функционирования слой концепта «цивилизация» как фрагмента русской картины мира. В общем контексте рассуждений необходимо оговорить, что слово *(само)идентификация* не может претендовать на роль имени национального концепта, поскольку является элементом различных терминологических систем и в

этом качестве не включается в словники лингвистических (толковых) словарей. При этом содержание термина *национальная (само)идентификация* входит в структуру лексического значения лексемы *цивилизация*, коль скоро предполагается попытка соотнесения субъектом себя с некоей социальной группой; ср.:

– *цивилизация* – «1. Уровень общественного развития, материальной и духовной культуры, достигнутый той или иной общественно-экономической формацией» и «2. Современная мировая культура и технические достижения, свойственные ей» [2];

– *национальная самоидентификация* – «чувство приобщенности человека к конкретной национальной (этнической) культуре, при котором он постоянно отождествляет себя с определенной группой, этносом, нацией, расой» [6].

Выявление типичных для современного русскоязычного дискурса языковых способов объективации концепта «цивилизация» позволит реконструировать его как элемент национального самосознания и на основании полученной модели определить содержание «мы-концепции» (самоидентификации) современного российского социума.

Материал исследования и методы. В качестве источника материала исследования использованы два ресурса.

(1) Газетный подкорпус Национального корпуса русского языка [7] (далее – *ГК*). По результатам запроса были отобраны около 3,5 тысяч документов.

(2) Другим источником языкового материала послужил созданный автором статьи с использованием специальной программы – конкордансера (версия [1]) – корпус текстов проповедей патриарха Кирилла, произнесенных в период с 25.02.2009 года по 24.12.2017 года и размещенных в соответствующем разделе на официальном сайте Московского Патриархата [8], а также опубликованные на этом сайте расшифрованные тексты данных патриархом в тот же период интервью (далее – *КП*).

Таким образом, проводимое концептуально ориентированное исследование строится на материале двух современных русскоязычных дискурсов – *газетном* и *религиозном* (православном). При кажущейся «несопоставимости» избранных дискурсов, объединяющим началом является для них так называемая *персуазивная стратегия*, трактуемая как исторически сложившаяся, закрепленная в общественной и коммуникативной практике «особая форма ментально-речевого взаимодействия индивидов», реализующая «попытку речевого воздействия одного из коммуникантов (адресанта) на установку своего коммуникативного партнера / партнеров (реципиента / аудитории) с целью … добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [3]. В нашем случае речь идет о ментальном воздействии – побуждении к принятию транслируемой точки зрения.

Основным в исследовании является корпусной метод (corpus-based), корпусной контент-анализ, а также сочетание аналитических методик – статистического, контекстного, дистрибутивного и компонентного анализа.

Этапы исследования и полученные результаты. На этапе формирования исследовательской базы – отбора текстовых фрагментов, в структуру которых входит лемма *цивилизация* и ее производное – *цивилизационный*, был выявлен показатель частоты их встречаемости в каждом из рассматриваемых дискурсов – газетном и религиозном (православном):

– ГК: 5447 вхождений (*цивилизация* – 5019, *цивилизационный* – 428) при общем объеме газетного подкорпуса 228 521 421 слово;

– КП: 259 вхождений (*цивилизация* – 236, *цивилизационный* – 23) при общем объеме конкорданса 871 436 слов.

Приведенные статистические показатели свидетельствуют о безусловной значимости анализируемого концепта. Дополнительным источником информации может служить и график распределения частотности леммы *цивилизация* в газетной публицистике по годам текущего века, предлагаемый ресурсом НКРЯ [7], который позволяет наблюдать достаточно устойчивый интерес к проблеме.

Следующий этап исследования предполагал анализ ближайшего контекстного окружения соответствующих лексем в каждом из вариантов дискурсивного материала.

Анализ материалов ГК позволяет говорить об актуализации нескольких смысловых зон.

(1) Глобальный, или "космический", уровень концепта объективируется за счет появления в ближайшем контексте лексемы *цивилизация* признаковых слов: *земная*, *внеземная*, *человеческая*, *постчеловеческая*, *чуждая*, *враждебная*, *инопланетная*.

(2) Следующий уровень концепта связан с представлением об этапах развития истории человечества и материально-духовных достижениях: *египетская*, *греческая*, *древнегреческая*, *римская*, *византийская*, *волжская*, *шумеро-аккадская*, *бронзового века*, *майя*, *суши*, *моря*, *морская*, *сухопутная*, *письменная*, *техническая*, *техногенная.*

На этом уровне концептуальной структуры проявляет себя оппозиция *природа – цивилизация*, для которой типичны следующие контексты: *Из благ цивилизации – электрочайник и микроволновка*; *Деревня находится в труднодоступной местности и связана с цивилизацией одной-единственной 55-километровой дорогой*.

(3) Дальнейшая категоризация в рамках реконструируемой структуры знания проходит на основе учета различных ориентиров:

– "географический": *мировая*, *западная*, *восточная*, *анатолийская*, *евразийская*, *европейская*, *западноевропейская*, *азиатская*, *ближневосточная*, *дальневосточная*;

– "религиозный": *христианская*, *протестантская*, *исламского радикализма*, *православная*, *Сатаны*, *Серафима Саровского*;

– "национальный": *китайская*, *славянская, русская*, *западноукраинская*, *украинская*, *галицийская*, *американская*, *наследников Фауста*; *Пушкина и Гоголя*;

– "социальный": *варварская*, *советская*, *российская*; *государство-цивилизация*, *страна-цивилизация*;

– "временной": *архаичная*, *древнейшая*, *современная, старая*.

Наиболее востребованным в рассматриваемом типе дискурса оказывается третий из выделенных – культурно-исторический – уровень концепта. Собранный текстовый материал непротиворечиво свидетельствует, что структурирован этот кластер знания на основе нескольких двухчастных оппозиций, при этом доминантными оказываются фактически синонимичные: «запад – восток» и «Европа – Россия».

В центре внимания находится вопрос о характере отношений между двумя цивилизациями – европейской / западной и русской / российской. При наблюдаемом расхождении в оценках очевидны стремление к утверждению собственной национально-культурной специфичности и нежелание поступаться собственными «цивилизационными достижениями»:

– ***материнская*** *европейская цивилизация*; *при всем почтении к западной цивилизации, бесспорной* ***частью которой*** *мы являемся*; *нельзя не понимать, что СССР (как политический проект и как утопия)* ***есть часть*** *европейского цивилизационного проекта и европейской утопии*; *по-прежнему считает Европу – от Лиссабона до Владивостока – единым организмом, причем* ***цивилизационно единым организмом***;

– *У России с Западной Европой сегодня конфликт, который можно было бы назвать* ***конфликтом*** *цивилизационным*; *между китайской и русской цивилизационными парадигмами не существует таких* ***критических противоречий****,*

как между русской православной и западной протестантской цивилизациями; ***русская цивилизация*** *вобрала в себя множество влияний, создала уникальное пространство общения различных вер, культур и традиций.*

Проведенный анализ текстового материала позволяет зафиксировать факт формирования в рамках концепта «цивилизация» новой зоны – «русский мир»: *исконная часть того цивилизационного пространства, что принято сейчас именовать* ***Русским миром***.

Модель концепта «цивилизация», реконструированная на основе анализа материалов религиозного дискурса, оказалась предсказуемо более простой: в контекстах актуализирован только культурно-исторический уровень. Однако и в этом случае мы сталкиваемся с отмеченной ранее структуроформирующей оппозицией «запад – восток».

Ближайший контекст лексемы *цивилизация* и ее производных эксплицирует мысль об автономии, закрытости, уникальности исторического пути, причем не России только, но восточнославянского мира как целого: *Отсюда берет начало единая для всей* ***восточнославянской цивилизации*** *традиция*; *здесь родилась наша Церковь, которая стала основой* ***восточнославянской православной цивилизации***; *и это формирует определенный костяк, определенную основу бытия. Речь идет действительно о единой* ***православной цивилизации****: люди принадлежат к разным этносам, к разным культурам, а вот* ***цивилизационный код*** *– единый; и это особенно ясно выражается в том, как люди встречают проблемы; агрессия против нашего культурного ядра, против нашего* ***цивилизационного кода***.

Признание факта наследования цивилизационного кода (лексема *Византия* и ее производные встречаются в дискурсивном материале 42 раза) не исключает убежденности в его противопоставленности миру как таковому и другим цивилизациям: *через вхождение в* ***христианский мир*** *мы соприкоснулись со всей Европой – Византией, Римом, и с Иерусалимом, который всегда был частью этого* ***единого христианского пространства***; *к единой цивилизации древней Киевской Руси, которая расцвела, развилась и стала мощным фактором* ***мировой цивилизации***. При этом внимание акцентируется на утверждении: (мы) *носители* ***собственного исторического и культурного кода***.

В рамках религиозного дискурса доминантой становится кластер «православная цивилизация» как основа формирования «русского мира»: *те ценности, которые и очерчивают параметры очень важного* ***культурного и цивилизационного понятия****, которое я бы сформулировал как* ***Русский мир***; ***Русский мир*** *не означает «российский». Тем более это не мир Российской Федерации. Это тот самый мир, который вышел из нашей общей купели – Киевской купели Крещения. Это тот самый мир, который существует на уровне* ***веры***, ***интеллекта***, ***духовности*** *и* ***культуры***. Как видим, в этом варианте национального концепта «цивилизация» политический аспект минимизируется за счет переноса акцента из собственно социальной в духовную сферу.

Необходимость и возможность диалога между цивилизациями не отрицается, но во главу угла ставится мысль о сохранности *цивилизационного кода* как гаранта собственного существования: *Если тысячу лет Константинопольская и Русская Церкви уже прошли вместе, то что может стать препятствием для дальнейшего совместного свидетельства?*; *они вместе могут участвовать в диалоге с другими цивилизационными и культурными моделями*. Разрушать эту *матрицу народной жизни* нельзя: *Потому что если мы разрушим ее, то перестанем быть русскими или, как теперь говорят, россиянами, украинцами, белорусами… Это будет огромная* ***цивилизационная катастрофа***.

Выводы. Корпусной метод, по признанию его многочисленных сторонников, способен дать максимально объективную информацию о правилах / специфике функционирования языковых единиц в речи. В случае обращения к исследованию такой сугубо когнитивной сущности, как концепт, эта способность метода имеет чрезвычайную ценность. Результаты нашего исследования позволяют представить дискурсивно ориентированную модель концепта «Цивилизация» как иерархическую структуру. Причем иерархия имеет двунаправленную ориентацию: *историко-территориальную* (от *Киевской Руси* к *новой России*) и *духовную*, или цивилизационную. Именно духовная составляющая рассматривается как цивилизационная скрепа и в историческом, и в территориальном аспектах.

Литература

1. *AntConc3.2.4w* / URL: http://www.antlab.sci.waseda.ac.jp/antconc_index.html (дата обращения 8.06.2017).
2. *Большой* толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург, 2000.
3. *Голоднов А. В.* Персуазивность как универсальная стратегия текстообразования в риторическом метадискурсе (на материале немецкого языка): автореф. дисс. на соискание ученой степени д. филол. н. / 10.02.04. – германские языки. Санкт-Петербург. 2011. URL: http://www.dissercat.com/content/persuazivnost-kak-universalnaya-strategiya-tekstoobrazovaniya-v-ritoricheskom-metadiskurse-n (дата обращения 21.01.2018).
4. *Зотова О. М.* Идея европейского единства и национальная идентичность // Вестник МГУ. Сер. социологии и политологии. 1999. №3. С. 154–162.
5. *Кокумбаева Л. А.* Национальная идентичность как междисциплинарное понятие современной гуманитаристики. / URL: http://izvestia.asu.ru/2007/4-2/poli/TheNewsOfASU-2007-4-2-poli-04.pdf (дата обращения 29.01.2018).
6. *Крысько В. Г.* Этнопсихологический словарь. Москва. 1999. URL: https://vocabulary.ru/slovari/etnopsihologicheskii-slovar.html (дата обращения 29.01.2018).
7. *Национальный* корпус русского языка: газетный подкорпус. / http://ruscorpora.ru/search-paper.html
8. *Русская православная церковь*: официальный сайт московского патриархата. – URL: http://www.patriarchia.ru/
9. *Чурилина Л. Н.* Кризис самоидентификации россиян: лингвистический аспект // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3(53). С. 95–102.

КОММУНИКАТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Швецова Виктория
Мичуринский государственный аграрный университет, Россия
vmsh72@yandex.ru

COMMUNICATIVE MODELING OF THE WORDS SEMANTICS IN THE ARTISTIC TEXT

Shvetsova Viktoria
Michurinsky State Agrarian University, Russia

Abstract: *The article focuses on the problem of text and aesthetic transformation of the language; determines the part of the methods in the process of forming of the semantic potention of language's units and text.*

Key words: *communicative modeling, semantics, hologram, stimulators, text semantics of a word, associative dominant of the text.*

Моделирование в науке – это выяснение свойств какого-либо предмета при помощи построения его модели, образцов. Используется в структурной лингвистике при описании языка и его отдельных аспектов (фонологических, грамматических, лексических и других систем) для уточнения лингвистических понятий и связей между ними, что помогает выявить структуры, лежащие в основе бесконечного разнообразия языковых явлений [2; 3; 5; 9 и др.].

В современном языкознании понятие «*модель*» применяется не только и не столько с целью получения объяснений различных явлений, сколько для предсказания интересующих исследователя явлений. Эти аспекты учитываются в случае использования данного понятия при изучении способов и приемов развития семантики слова в тексте как основного средства языковой коммуникации.

Моделирование лексической системы языка необходимо рассматривать в условиях семантического расширения слова в тексте на уровне лингвистического моделирования, способного передать специфику динамических преобразований слова и текста, их коммуникативном пространстве.

Моделирование языковых процессов, направленных на расширение семантического пространства слова в тексте, имеет коммуникативный характер [10, с. 146]. Это объясняется следующими факторами. Развитие лексической системы осуществляется через процесс порождения и восприятия того или иного содержания языковой единицы, ее информационного и коммуникативного потенциала от сознания одного коммуниканта к другому (например, от автора текста к читателям, от одного участника общения к другому и т.д.) посредством знаков, зафиксированных в конкретном языке или на каких-либо материальных носителях. При этом уровень адекватности получаемой информации, приводящей к организации семантического пространства слова в тексте, определяется возможностями продуцента (автора текста или читателя, передающего содержание или собственные впечатления о прочитанном другому лицу) эффективно реализовать собственные коммуникативные намерения.

Коммуникативное моделирование осложнено условиями общения, наложением разнокодовых систем, состоянием коммуникантов, уровнем их компетенции.

Коммуникативное моделирование лексической системы как способ развития семантического пространства в тексте активизируется в результате взаимодействия внутренних, потенциально значимых ресурсов всех типов единиц с продуктивной текстовой реализацией. В нем принимают участие *текстовая голографическая единица* (компонент системы – слово, элемент нового предложения, предложение, элемент

нового словосочетания, часть текста и т.д. – который получает собственное развитие за счет других компонентов. Он характеризуется внутренней полевой структурированностью) и *стимулятор* (компонент системы, определяющий развитие текстовой семантики на основе лексико-ассоциативных связей, обладающий в большей степени информационным потенциалом, который может послужить источником развития нового текстового содержания, а также функционального коммуникативного значения конкретного слова в тексте).

Коммуникативное моделирование семантики представляет полифункциональный процесс, который реализуется в несколько этапов. Начальный этап связан с процессом актуализации текстовой единицы, под которым понимается процесс маркирования ее внутреннего потенциала в смысловом поле конкретного текста в целях дальнейшего развития [10, с. 146]. В результате в сознании коммуниканта происходит идентификация голографической единицы и стимуляторов.

При актуализации семантики языковой единицы в сознании коммуниканта через смысловое поле конкретного текста осуществляется маркирование ее лексико-семантических, ассоциативных и других ресурсов. На уровне психики человека механизм развития этого процесса можно представить следующим образом. В смысловом поле текста выявляются возможные связи между его единицами; определяются принципы и способы взаимодействия их ресурсов. На этой основе устанавливается характер возникающих связей, их результативность, а именно: способствует ли развитие данных отношений выделению нового понятия, его признака в пространстве смыслового поля конкретного текста. Далее в сознании коммуниканта определяется единица, выполняющая функцию возможной семантической доминанты маркированного понятия, то есть выступающая в тексте в качестве голографической единицы.

Актуализация значения текстовых единиц как составной этап коммуникативного моделирования приводит к тому, что в ходе текущей языковой деятельности возникают и начинают жить своей жизнью новые значения, которые в дальнейшем интерпретируются носителями языка. Данный процесс маркирования провоцирует развитие *процессов моделирования* ее семантики, под которым понимается прямая семантико-ассоциативная реакция, возникающая на основе взаимодействия системы ресурсов голографической единицы и стимуляторов. Завершающий этап коммуникативного моделирования связан с формированием механизмов данных процессов (под которыми понимается прямая семантико-ассоциативная реакция, возникающая на основе взаимодействия системы ресурсов голографической единицы и стимуляторов).

Процессы моделирования развиваются в ядерной и периферийных частях поля голографической единицы, когда вступают во взаимодействие все типы единиц с продуктивной текстовой реализацией. В итоге формируются *базовые значения*, то есть участки обобщенной семантики, которые возникают в результате совокупной реализации лексико-семантических ресурсов текстовых единиц. Число базовых значений зависит от возможностей стимуляторов и особенностей структурирования пространства лексико-семантического микрополя, которое формирует ядерную часть поля голографической единицы. В периферии поля голографической единицы организуется ее ассоциативное значение, под которым понимается упорядоченная система вербализованных ассоциаций, порожденных в сознании коммуниканта различными видами взаимодействия единиц с продуктивной текстовой реализацией, например, внутрисловными или межсловными связями. На базе синтеза базового и ассоциативного значений формируется текстовая семантика конкретного слова.

Коммуникативные модели представляют собой типичные, наиболее частотные лингвокоммуникативные структуры, отражающие организацию смыслового поля текста, а также внутреннее устройство голографической единицы. Например, на основе пересечения ресурсов только голографической единицы реализуется *линейный тип коммуникативных моделей развития текстовой семантики слова.* Взаимодействие ресурсов осуществляется только в определенной точке, где актуализируется доминантное значение признака, действия и т.п., выражаемого при участии структурных компонентов данной единицы.

В качестве единицы с актуализируемым исходным или семантически дополнительным смыслом, образующимся в данном виде модели, выступает индивидуально-авторская конструкция. Ее значение «складывается» из семантики образующих компонентов. В этом случае процесс текстового развития слова в тексте осуществляется в рамках данной модели следующим образом.

По словообразовательной природе голографическая единица представляет сложное устройство. Взаимодействие значений ее компонентов, характеризующихся изолированностью собственного пространства, осуществляется только в определенной точке поля, называемой *общим семантическим участком.* Он представляет *информационный центр,* в котором фиксируется пересечение компонентов голографической единицы, обладающих общим значением. Это место формирования новой, текстовой семантики. Пересечение значений компонентов голографической единицы становится возможным в силу того, что они обладают определенной синонимичностью. Кроме того, вербализованные текстовые ассоциации, спровоцированные их взаимодействием, расширяют сформировавшееся базовое значение.

В линейном типе модели стимуляторы и их ресурсы не принимают прямого участия. Они подтверждают адекватность данной трансформации исходного содержания. В месте пересечения базовой и ассоциативной семантики организуется новое, текстовое значение.

Особенности развития текстовой семантики голографической единицы в рамках линейного типа коммуникативной модели иллюстрируются следующим примером: *Еще у нее улыбка какая-то* ***рассеянно-дерзкая, задумчиво-вызывающая.*** *Но ведь это и тянет...* [8, с. 102].

Определяется следующее значение каждого компонента в индивидуально-авторских единицах ***рассеянно-дерзкая, задумчиво-вызывающая***: ***рассеянный*** – «невнимательный, плохо реагирующий на окружающее из-за неумения сосредоточиться на чем-н. одном или, наоборот, отвлечься от одной какой-н. мысли» [4, с. 613]**,** то есть «невнимательный, не сосредоточенный на чем-то»; «не умеющий сосредоточиться на чем-либо; невнимательный» [7, с. 796]; ***дерзкий*** – «непочтительный, оскорбительно грубый» [4, с. 131]; «грубый, непочтительный, неучтивый» [6, с. 730]; ***задумчивый*** – «погруженный в думы, размышления; мечтательный» [4, с. 173]; ***вызывающий*** – «содержащий вызов, обращающий на себя внимание дерзостью, наглостью» [4, с. 84]; то есть «безрассудно провоцирующий; наглый». Компоненты данных единиц характеризуют разнородные, но взаимосвязанные между собой признаки.

Сложные по словообразовательной структуре лексемы ***рассеянно-дерзкая*** и ***задумчиво-вызывающая,*** получая одно общее информационное направление в организации значений в смысловом поле данного текста, приобретают статус голографических единиц. В силу общности семантического развития их необходимо рассматривать параллельно друг другу. Вторые компоненты данных единиц обозначают условно синонимичные признаки: *дерзкий* человек всегда бросает вызов

чему-либо; то есть бывает *вызывающим;* то есть *вызывающий* человек ведет себя *дерзко* по отношению к чему-то или кому-то. Первые компоненты двух сложных конструкций выражают несовместимые признаки – ***рассеянный*** и ***задумчивый.*** Однако человек может казаться окружающим *рассеянным*, когда *задумывается* о чем-либо и происходящее вокруг воспринимает отчужденно. Но возможна и другая ситуация. *Рассеянный* человек выглядит отстраненно; может показаться, что он просто размышляет о чем-то важном. Он далек от реальности.

В целом каждая конструкция выражает условно синонимичные, параллельные признаки. На основе пересечения значений голографических единиц ***рассеянно-дерзкий*** и ***задумчиво-вызывающий*** определяется их базовая семантика: «неспокойный в эмоционально-психологическом плане; провоцирующий на что-либо». Вербализованные ассоциации, возникающие при взаимодействии данных текстовых единиц, расширяют значение в следующим образом: человек, одновременно впадающий в два противоположных по эмоциональному плану состояния, пытается скрыть что-то неприятное; то, что доставляет ему боль или тяжелые воспоминания. Стимулятор *какая-то* (то есть «непонятная») подтверждает данное направление в развитии текстовой семантики голографических единиц: подобное состояние легко уловить, но трудно объяснить. В процессе общения с таким человеком часто возникают непростые ситуации. Столь нестабильное психологическое состояние отражается не только в его поведении, но на его лице, в его улыбке.

При взаимодействии выявленных базового и ассоциативного значений моделируется следующая текстовая семантика голографических единиц ***рассеянно-дерзкая*** и ***задумчиво-вызывающая*** (улыбка): «улыбка человека, который пытается скрыть следы неуверенности, незрелости за маской взрослого, сформировавшегося человека; волнующая, привлекающая улыбка». Стимулятор *Но ведь это и тянет …*, не участвующий напрямую в процессе формирования текстовой семантики, подтверждает данное расширенное значение: «поэтому столь необычная улыбка завораживает и как бы приковывает взгляд другого человека». Графически процесс развития текстовой семантики голографических единиц ***рассеянно-дерзкий, задумчиво-вызывающий*** в линейном типе модели может быть представлен следующем образом (рис. 1):

Рис. 1. Коммуникативная модель развития текстовой семантики голографической единицы *рассеянно-дерзкая* и *задумчиво-вызывающая*

Процесс поэтапного наращения стимуляторами текстовой семантики голографической единицы через систему информационных ярусов и уровней смыслового поля текста реализуется в рамках *вертикального типа коммуникативных моделей.* В целях уточнения содержания единицы смысловое поле текста структурируется в горизонтальном и вертикальном направлении. Каждая зона, или смысловой участок (он представляет собой совокупность каркасных структур текста в виде его ключевых слов, формирующих смысловое поле текста) определяет значение одного из стимулятора. В качестве ключевых слов выступают голографическая единица и стимуляторы. Количество *смысловых участков* (зон) определяется их содержательно-смысловыми ресурсами.

В каждой зоне последовательно актуализируется значение голографической единицы через семантико-ассоциативные отношения различного вида (противительные, причинно-следственные и др.). В границах определенного участка, так называемый *уровень обобщенного значения*, репрезентируется новая семантика, которая представляет собой синтезированную по характеру информацию.

У*ровень обобщенного значения* – смысловая полевая зона текста, в которой реализуются системы потенциальных ресурсов его единиц в виде базовых значений (их может быть несколько). Попадая в данную зону, сформировавшиеся значения объединяются на основе ассоциативных связей, лексических соответствий. Как правило, семантика, смоделированная на такой основе, носит либо обобщенный, абстрактный характер, либо характеризуется конкретностью. В рамках одного или нескольких предложений сами единицы в вертикальной плоскости моделируют смысловое поле текста. *Уровень информационного центра* представляет собой более сложную смысловую структуру, так как в ней осуществляется синтез нескольких типов значений голографической единицы. На этой основе осуществляется развитие семантики слова в тексте.

В текстах В. Аксенова достаточно продуктивно реализуется *вертикальный тип коммуникативных моделей* развития текстовой семантики. Например: *Они шли, словно* ***патруль,*** *рука в руку, посреди фестивальной толпы; деловито, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом, прочесывали взглядами холл* [1, с. 35].

В данном тексте семантика общеизвестного слова *патруль* (ср.: «небольшая группа от воинского подразделения, от милиции, от общественной охраны для наблюдения за порядком, за безопасностью в определенном районе» [4, с. 447]) актуализируется стимуляторами *рука в руку, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом, посреди фестивальной толпы, прочесывали взглядом холл,* что приводит к формированию его текстового значения. Данный процесс реализуется следующим образом.

Смысловое поле данного текста вертикально зонируется на следующие смысловые участки:

1) голографическая единица ***патруль*** – стимулятор *рука в руку* – стимулятор *квадрат за квадратом* – стимулятор *сегмент за сегментом*;

2) голографическая единица ***патруль*** – стимулятор *посреди фестивальной толпы* – стимулятор *прочесывали взглядом холл.*

В них прослеживается указание на два вида действий, совершающихся одновременно, но направленных на выполнение разных функций. Ср.:

1) через стимуляторы *идут рука в руку, квадрат за квадратом, сегмент за сегментом* – репрезентируется признак «сплоченности; некоего единства» стимулятор (зона 1);

2) через стимуляторы *идут посреди фестивальной толпы* и *прочесывали взглядом холл* – репрезентируется признак «разъединения; разрушения» (зона 2).

В зоне 1 формируется значение: «внутренняя и внешняя объединяющая и довлеющая сила людей, несущих дозор»; «каменная глыба, твердыня»; в зоне 2 актуализируется семантика: «крушение, моральное подавление». При этом наблюдается следующая закономерность в развитии содержания голографической единицы: чем интенсивнее протекает процесс объединения людей (зона 1), тем активнее совершается действие, связанное с разрушением общества (зона 2). На данной основе формируется система базовых значений голографической единицы ***патруль*** *в уровне обобщенного значения:*

зона 1 – «двигаются, тесно сомкнув ряды, создавая ощущение монолитности, непробиваемости» (базовое значение 1); «каменная стена» (базовое значение 2;

зона 2 – «двигаются, разбивая, разрушая все на своем пути» (базовое значение 3).

В *уровне информационного центра* организуется текстовое значение голографической единицы ***патруль***: «тоталитарная, разрушающая сила» (рис. 2):

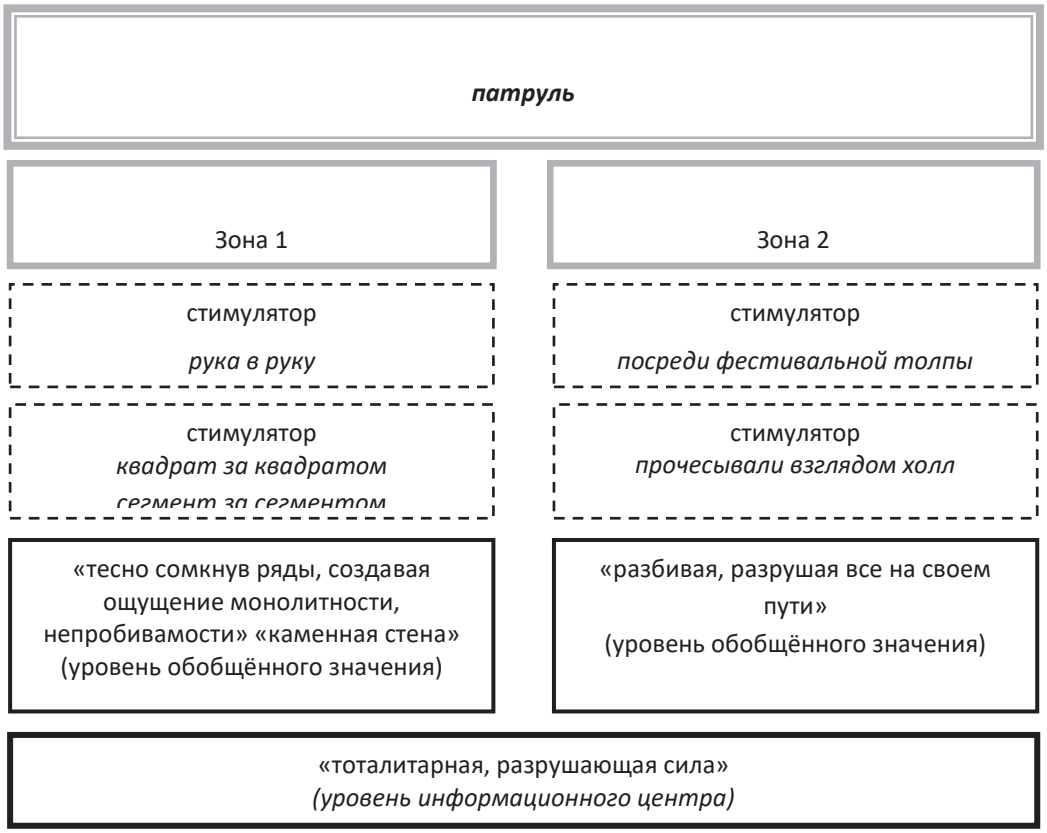


Рис. 2. Коммуникативная модель развития текстовой семантики голографической единицы *патруль.*

Таким образом, коммуникативное моделирование лексической системы языка – способ развития семантического пространства слова в тексте, представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в рамках которого определяются принципы организации семантической структуры текста в целом. Оно реализуется в виде моделей, которые имеют аналитический характер.

Насколько современный читатель способен овладеть теми знаниями, которые зафиксированы в русских художественных текстах зависит от многих условий. К ним

следует отнести соответствующий уровень владения русским языком, умением пользоваться полученными навыками создания текстов и способностью их анализировать. Первое восприятие единиц языка, их правильное применение способствует сохранению языковой культуры и культуры речи как экологической проблемы. В случае когда текст вступает в качестве посредника в процессе общения, он способен порождать совершенно новую информацию, актуальную для творчества, научных открытий.

Литература

1. *Аксенов В.* Скажи изюм. Москва: Изогриф, ЭКСМО Пресс, 2000.
2. *Алимурадов О. А.* Особенности моделирования семантики терминоединиц. Терминологические оппозиции (на материале англоязычной военной терминологии) // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2005. № 3 (11). С. 6−15.
3. *Веденов А. А.* Моделирование элементов мышления. Москва: Наука, 1988.
4. *Лопатин В. В.* Русский толковый словарь: около 35000 слов: 70000 словосочетаний. Москва: Рус. яз., 2001.
5. *Руделев В. Г.* Принципы сегментации поэтической речи: в 6 т. Т. 6. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2002.
6. *Словарь* современного русского литературного языка. Т. 3. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954.
7. *Словарь* современного русского литературного языка. Т. 12. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1961.
8. *Солженицын А. И.* Раковый корпус. Москва: ИНКО НВ, 1991.
9. *Фролов И. Т.* Гносеологические проблемы моделирования. Москва: Наука, 1961.
10. *Пискунова С. В., Швецова В. М.* Принципы семантического расширения слова в тексте и индивидуальной языковой системе А. И. Солженицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 8: в 2-х ч. Ч.1. С. 145–147.

ИЗБЫТОЧНОСТЬ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ АНГЛИЦИЗМОВ В ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Бобок Марта-Теодора
Бухарестский Университет, Румыния
theodoraboboc@yahoo.com

THE REDUNDANCY OF ENGLISH EQUIVALENTS IN COMMON MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Boboc Marta-Teodora
University of Bucharest, Romania

Abstract*: In the last two decades the number of English loanwords in Russian language has significantly increased, sometimes making it difficult to understand the given text. This is the case of "excessive loanwords", that are modern terms which become only a double of an already existing Russian notion. Our paper aims to discuss both the influence and the functions loanwords have in common speech.*

Key words: *common speech, loanwords, redundancy, nonequivalent vocabulary, foreign language expansion.*

Заимствований в русском языке во все времена было много, но в последние два десятилетия они появились в таком изобилии, что часто даже затрудняют понимание текста. Особое место занимают «избыточные» заимствования, то есть слова, которые дублируют по смыслу уже существующее в русском языке слово. Чаще всего это модные слова типа *комьюнити – рус.* сообщество, *интервью* в новом значении вместо исходно-русского собеседования, *лофт* – вместо чердака, обязательно *презентация*, а не какое-то банальное представление и т.д. Сама ситуация очень похожа на ту, что имела место в XVIII-ом веке, когда русский язык «*пережил французское наводнение*» [14, с. 3]. Но необходимо отметить, что языковое мышление нынешней эпохи, резко отличается от пушкинской эпохи. Сегодня нельзя говорить о «русско-английском двуязычии» в той степени, в какой это происходило двести с лишним лет назад. В наши дни рост иноязычной экспансии (в основном англо-американской) протекает в условиях «*так называемой монолингвистичности языкового сознания*» [8, с. 54].

Для 90-ых годов прошлого века характерен расцвет так называемой русской *американомании* [5, с. 17]. Объяснением этого явления надо считать, по словам Костомарова, «*установку на западный образ жизни, на некую ассимиляцию с американской культурой и цивилизацией, в результате чего американизмы стали приходить в русский язык уже не как экзотизмы*» [5, с. 11]. Костомаров также отмечает, что сегодня меняется языковой вкус и в связи с этим происходит и замена слов французского происхождения, типа: *жаргон, спектакль, экран, макияж, манекенщица* англицизмами: **сленг, шоу, дисплей, мейкап, топ-модель.**

Уже к середине 90-ых можно наблюдать явление «перенасыщения» словарного запаса русского языка (как и румынского) англицизмами не только из экономико-торговой сферы (где феномен является обоснованным), но больше из других областей, особенно из американского сленга: *баксы, рэп, хит, топ, имидж, масс-медия, триллер, герла, шопинг* и многие другие.

Заимствование слов часто воспринимается носителями языка *избыточным* и даже неоправданным явлением. Это касается в первую очередь таких иноязычных слов,

которые имеют общеупотребительные эквиваленты в русском языке, как например: *тинейджер, мейкап, суицид, электорат, консенсус* и т.п., т.е. «*слова, поступающие в язык в качестве вторичных номинаций существующих реалий и понятий*» [2, с. 15].

Однако, если проанализировать формы некоторых производных слов, то становится очевидным, что словообразование также, как и заимствование, может стать источником синонимичных номинаций, т.е. слов, которые не являются единственными обозначениями предметов: *рекламист – рекламщик* (наименования одного и того же лица; *факсный – факсовый* (один и тот же признак); *авизо – авизовка* (тот же предмет); *диджействовать – диджеить*; *лоббизм – лоббирование* (то же действие) и т.д.

Следовательно, в стремлении создать большой запас разнообразных средств выражения, сам язык не отвергает избыточности, а напротив, тяготеет к ней.

Необходимо, однако, отметить, что русский язык, по сравнению с румынским, например, при заимствовании иноязычной лексики почти всегда уподобляет ее, ассимилирует (слова получают русское грамматическое оформление в виде аффиксов, окончаний, возвратной частицы и др.): *сканировать, отксерить, лоббировать* и т.д. Но, стремительная русификация слова (его включение в систему русского языка, обработка на всех языковых уровнях) еще не делает его полноценной единицей языка в том смысле, который вкладывался в это понятие традиционной теорией заимствования, т.е. общеупотребительным, стилистически нейтральным словом. Для закрепления слова в ядерной части лексики значимыми являются следующие факторы: актуальность, высокая распространенность и частотность употребления, вхождение слова в состав интернациональной лексики [9, с. 118].

И заимствование, и словообразование являются одними из основных источников пополнения и обновления лексического состава языка. В языке у них общая функция – прежде всего *номинативная*, в результате этих процессов язык пополняется новыми номинативными единицами, обозначениями новых реалий и т.п. [4, с. 19]. В зависимости от того, являются ли слова единственными номинациями предметов и, следовательно, не имеют эквивалентов в русском языке, или же представляют собой вторичные номинации предметов или понятий, для обозначения которых в русском языке уже имеются однословные наименования, слова *иноязычного происхождения* делятся на *безэквивалентные*[1] и *эквивалентные* лексические единицы.

К безэквивалентной лексике относятся, например, такие слова, как *интернет, клип, лифтинг, сайт, спам, файл, чат* и др.; к эквивалентной лексике – слова *анимация* (ср. мультипликация), *тинейджер* (ср. подросток), *тур* (ср. путешествие), *суицид* (ср. самоубийство) и др. *«В 'момент' заимствования эквивалентные иноязычные лексемы представляют собой неологизмы, у которых новизной обладает лишь одна из сторон слова – фонетическая (план выражения), тогда как семантика (план содержания) не является новой и известна носителям языка. Если же иноязычный неологизм относится к безэквивалентной лексике, новизна 'затрагивает' обе стороны слова – и фонетическую, и семантическую*» [10, с. 196].

В отдельных случаях и заимствование, и словообразование выполняют также и другую функцию (*компенсирующую*), так как в некоторых случаях заимствуемые единицы или новые производные слова оказываются компактными наименованиями предметов или понятий, не имеющих в языке однословных обозначений, например:

[1] Термин безэквивалентная лексика активно используется в современной теории перевода, в лингвистической культурологии и в некоторых других областях науки, связанных с межкультурной коммуникацией, для обозначения экзотической лексики (например, в работах Л. С. Бархударова, Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова).

КПК ‘карманный персональный компьютер’, факс, ксерокс, ноутбук, принтер, таймер и др.

Другой важной функцией и словообразования, и заимствования является *стилистическая*: создавая вторичные номинации объектов и понятий или заимствуя их, «*говорящие получают возможность использовать ту или иную номинацию (из ряда параллельных) в соответствии с потребностями речевой ситуации, в определенных речевых условиях, в тексте определенного стиля, жанра и т.п.*» [13, с. 91].

В некодифицированных сферах языка доминирующей функцией сопоставляемых процессов является *экспрессивная*, сравните: *супер!, вау!, сервак ‘сервер’, клипец ‘клип’* и т.п.

Среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов, *англицизмов*[2] (в подавляющем большинстве), с точки зрения их употребления, исследователи выделяют несколько групп:

1. Слова, связанные с политико-административной жизнью: наименования политических учреждений, исполнительных, консультативных органов, высших и местных организаций, должности и т.д.: *спикер, менеджер, лидер*;

2. Экономические термины: *лизинг, брокер, аудит, офшор, бартер*;

3. Технические термины: из сферы технологии и оборудования: *адаптер, пейджер, видеоукман*; из компьютерной сферы: *модем, хаккер, интерфейс*;

4. Законодательная терминология: *бодигуард, киллер, рэкет, киднепинг*;

5. Военная лексика: *маркер, рейнджер, коммандос*;

6. Спортивная лексика: *бодибилдинг, хула-хуп*;

7. Медицинская терминология: *боди-белт, хоспис, гербалайф*;

8. Музыка и мода: *фан, брейк, рэппер, фэшен-шоу, диджей, караоке*;

9. Бытовая сфера жизни: *виски, стейк, барбекю, чизбургер, хот-дог*;

10. Сфера СМИ: *видеоклип, паблисити, римейк, брифинг, видеопродукция*.

Многие считают, что такого рода англицизмы имеют ограниченную сферу употребления, то есть имеются в виду те слова и выражения, которые употребляются группами людей, связанными между собой по профессиональному признаку, роду деятельности [7, с. 66].

С этой точки зрения, можно высказать мысль, что первоначально эти англицизмы были знакомы небольшому кругу людей, а именно только тем как банкиры, спортсмены, специалисты в области моды и другие, но так как многие из них постепенно стали широко употребляться в газетах, в рекламах, афишах, они перешли в группу обиходных и частотных и в последнее время активно используются в средствах массовой информации.

Например (примеры даются по журналу *Аргументы и Факты* за 1999 год):

хит: «*В прошлом году ее Осенний поцелуй стал* ***хитом*** *года*» (№ 3)

клип: «*Первый советский политический* ***клип*** *был изготовлен еще...*» (№ 13)

имидж: «*А вообще-то мы все рабы своего* ***имиджа***» (№ 34)

«*Президент всерьез намерен заняться своим политическим* ***имиджем***» (№ 44)

дилер: «*Через сеть* ***дилеров*** *и дистрибьютеров.*» (№ 14)

«*Приглашаем вас к сотрудничеству в качестве регионального* ***дилера***» (№ 49)

шоу: «*В Москве разворачивается грандиозное* ***шоу*** *Никиты Михалкова*» (№ 9)

---

[2] В научной литературе этот термин имеет широкое и узкое толкование: в широком смысле «*англицизм – это понятие лингвистическое, поэтому исходным считается язык, а не национальные, этнические особенности того или иного языкового ареала. На этом основании в группу англицизмов включены и слова из американского, австралийского и других вариантов английского языка*» [1, с. 134]; в узком смысле, «*термин англицизм – это только исконно английское слово*» [11, с. 96].

«*Рассказывает нам о политике как о* ***шоу***» (№ 22)

фаст-фуд: «*Чипсы относятся к разряду* ***фаст-фуда****, т.е. быстрой еды*» (№ 4).

Понятие *заимствование* рассматривается и как процесс, и как результат этого процесса. Мнения исследователей и лингвистов неоднозначны по этому вопросу, а иногда даже расходятся в связи с определением межъязыкового процесса как такового, и в связи с определением самого слова разной степени освоенности. Аристова, например, определяет заимствование как «*единый процесс, в котором пересекаются две языковые системы*» [1, с. 38], а Беляева подчеркивает, что «*заимствование – это сложное преобразование иноязычного материала в новой языковой среде*» [3, с. 36]. Таким образом, можно заметить, что заимствование идентифицируют с процессом освоения иноязычного слова. Е. М. Чарикова дает короткое, но ясное определение понятия заимствования: «*результат контактирования языков и их носителей*» [15, с. 87]. Становится очевидным, что «*при вхождении в язык заимствованное слово подвергается адаптации в системе нового языка и получает статус освоенного слова*» [15, с. 89].

По этому вопросу интересную мысль высказывает М. Н. Черкасова, которая предлагает следующую классификацию иноязычных слов: **графически освоенные**, «*которые употребляются в языке более редко и, как правило, лишь на первом этапе вхождения в язык; чаще всего это ономастическая лексика*» и **графически неосвоенные**, т.е. в русском написании «*слова, которые употребляются в различных контекстах и часто ведут к искаженной речи*» [16, с. 112].

Рассмотрим следующий пример: «***Продаю вайтовые трузера на зипперах с файновым лейблом на лефтовом покете***». Такое объявление в газете наверняка остается непонятным для большинства русских читателей. Из восьми знаменательных слов этого предложения семь с английскими корнями или представляют собой обычную транскрипцию:

вайтовые ..... *white* ..... *белые*
трузера ..... *trousers* ..... *брюки*
зиппер ..... *zipper* ..... *молния*
файновый ..... *fine* ..... *красивый*
лейбл ..... *lable* ..... *этикетка*
лефтовый ..... *left* ..... *левый*
покет ..... *pocket* ..... *карман*

Перевод «с русского на русский» данного текста абсолютно необходим, вот он: «*Продаю белые брюки на молнии с красивой этикеткой на левом кармане*».

В заключении можно сделать вывод, что заимствований в наше интернациональное время в русском языке из других языков не избежать. Это обусловлено в первую очередь тем, что люди разных стран все более активно *контактируют*, т.е. сотрудничают друг с другом, с другой стороны, как с этим ни борись – узус языка постоянно меняется, в речи появляются новые иноязычные слова, которые постепенно вытесняют исконно русские. Иностранное слово перестает быть чужим (варваризмом) в общеупотребительной лексике лишь тогда, когда становится всеобщим достоянием, когда впитывает в себя смыслы коренных русских слов, обкатывается в разговоре и становится в коммуникативном акте необходимым [2, с. 15]. Существует еще одна причина такого большого количества иностранных слов в современном русском языке. Принято считать, что зарубежные технологии и товары намного превосходят российские. Поэтому в СМИ (особенно в рекламе) часто используются заимствования. Например, *паб* вместо «пивная», *мэйкап*, вместо «макияж» и пр. Множественность обозначений одного и того же денотата в условиях стремительно усложняющейся действительности расширяет стилистические

возможности языковой системы, дает возможность выбора языкового средства выражения в тех случаях, когда носитель языка выступает коммуникантом в самых разных сферах общения [10, с. 47].

Проблема состоит не в самих заимствованиях, а в том, кто и как их употребляет. Употребление иноязычных слов, как и других, регулирует лексическая норма. Поэтому, выбирая слова, люди должны обращать внимание на значение, стилистическую окраску, употребительность, сочетаемость с другими словами. Нарушение хоть одного из этих критериев может привести к речевой ошибке, а также заметно ослабить традиционные языковые формы и средства выражения и привести к лингвистической асимметрии и нарушить культурно-языковую преемственность в развитии общества [6, с. 117].

«*Будем надеяться, что русский язык и на сей раз останется самим собой и сумеет сохранить 'неистребимым' свое национальное языковое лицо*» [12, с. 98].

Литература

1. *Аристова В. М.* Трансформация английских слов в русском языке. Москва: МГУ, 1972.
2. *Аристова В. М.* Англо-русские языковые контакты и заимствования в XVI-XX вв. Ленинград, 1980.
3. *Беляева С. А.* Английские слова в русском языке XVI-XX вв. Владивосток, 1984.
4. *Даниленко Б. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. Москва: Наука, 1977.
5. *Костомаров В. Г.* Русский язык в диалоге культур // Русский язык за рубежом. 1994. № 2–3.
6. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медия. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999.
7. *Кристалл Е.* Новейшие англицизмы в русском языке. Москва: Наука, 2011.
8. *Крылов А. И.* Термин и контекст. Языковые единицы и контекст. Ленинград, 1973.
9. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. Москва, 1968.
10. *Крысин Л. П.* Словообразование или заимствование? Лики языка. Москва, 1998.
11. *Меньшикова М. А.* Английские экономические термины. Новосибирск, 1983.
12. *Морару М.* Русский язык и культура: проблемы, феномены, перспективы. Бухарест, Изд-во Бух. Унив., 2017.
13. *Суперенская А. В.* Общая терминология. Вопросы теории. Москва: Наука, 1989.
14. *Успенский Б. А.* Краткий очерк истории русского литературного языка. Москва: Гнозис, 1994.
15. *Чарикова Е. И.* О терминах заимствование и освоение при взаимодействии языков. Москва, 1989.
16. *Черкасова В. М.* Новейшие англицизмы в современном русском языке. Москва, 1997.

ПОПОЛНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Ван Цзинхуэй
Московский педагогический государственный университет, Россия
jinghuiw@mail.ru

ENRICHMENT OF THE VOCABULARY IN RUSSIAN LANGUAGE FROM THE POINT OF THE ECOLOGY OF LANGUAGE

Wang Jinghui
Moscow State University of Education, Russia

Abstract: *The article deals with the ways of enrichment of the vocabulary in Russian language from the point of the ecology of language. The main ways of enriching its vocabulary is word-building and borrowings. The analysis evidenced the language diversity and the interaction of language and environment. We should protect the Russian language from language impurity and incorrect word-formation.*

Key words: *ecolinguistics; ecology of language; language ecology; enrichment of the vocabulary; linguistic borrowings; word-building; Russian language.*

Экология – раздел биологической науки о взаимоотношениях между организмами и средой обитания [5, с. 13]. Под экологическими вопросами мы обычно понимаем вопросы охраны окружающей среды. В настоящее время многие ученые исследуют экологию и в междисциплинарной сфере: экологическую культуру, экологическую психологию и экологическую лингвистику (эколингвистику).

«Эколингвистика» является новым разделом языкознания, который сформировался на стыке социального, психологического и философского направлений в лингвистике. Термин «эколингвистика» был введен современным французским лингвистом Клодом Ажежем в 1985 году. С тех пор понятие «эколингвистика» последовательно используется в качестве охватывающего обозначения «все научные области исследования, которые связывают экологию с лингвистикой» [7, с. 891]. В ближайшие 30 лет не только в России, но и во всем мире наблюдается бурное развитие эколингвистики.

В русской лингвистике существует 4 термина, связанных с характеристикой отношения языка и экологии: эколингвистика, лингвоэкология, экология языка, языковая экология. Одни ученые [3; 10] рассматривают термины «экология языка» и «языковая экология» как абсолютные синонимы, а другие же считают, что следует различать их. Сопоставляя мнения русских и зарубежных лингвистов, Н. А. Курашкина сделала такой вывод: термин «эколингвистика» является общим для наименования всех направлений исследования, объединяющих экологию и лингвистику [4, с. 143]. По мнению А. А. Полухина и Д. А. Нурушевой, «экология языка и языковая экология представляют собой два направления эколингвистики. Экология языка «отталкивается» от экологии и метафорически переносит на язык и языкознание экологические термины, принципы и методы исследования, языковая экология рассматривает выражение в языке экологических тем, опираясь на языкознание и его методы» [7, с. 892; 8, с. 70]. Таким образом, «перед эколингвистами стоит двоякая непростая задача – защита и развитие языка, который подвергается негативным воздействиям, и защита природы с помощью речевых воздействий на общество» [12, с. 139].

В нашей статье мы рассматриваем пополнение лексического состава русского языка с точки зрения экологии языка. Термин «экология языка» впервые предложил американский социолингвист Эйнар Хауген в 1972 году в докладе «Экология языка» («The ecology of language»). Э. Хауген определяет экологию языка как науку о взаимоотношениях между языком и его окружением [6, с. 325]. Итак, экология языка

исследует взаимодействие разных языков с целью сохранения их разнообразия.

В экологии «природные ресурсы, используемые человеком, многообразны, многообразно их назначение, происхождение, способы использования» [5, с. 137]. Соответственно, в экологии языка языковые ресурсы, используемые человеком, многообразны, многообразно их назначение, происхождение, способы использования. Это прежде всего отражается в лексике, которая разделяется на исконно русские слова и заимствованные слова (пришедшие в русский язык из других языков) по признаку происхождения. Основными источниками пополнения лексического состава русского языка являются словообразование на базе существующих в языке слов и заимствование слов из других языков. В связи с этими русский язык становится все богаче и разнообразнее.

Бурное развитие социально-экономических и культурных связей между народами способствует взаимодействию языков и их обогащению. Как отмечает Е. А. Казак, «изменение словаря – естественное движение в языке. Новые реалии вносят в язык свои наименования» [2, с. 188]. В настоящее время заимствования в русском языке составляют примерно 10 % общеупотребительной лексики [11, с. 6].

Заимствования в русском языке приходят из разных языков, по источнику происхождения они разделяются на две группы: слова, заимствованные из близкородственных языков и слова, пришедшие в русский язык из неблизкородственных языков. К близкородственным языкам относятся восточнославянский (белорусский и украинский), южнославянский (болгарский, македонский, словенский и др.) и западнославянский языки (чешский, польский, словацкий и др.). Например, *робот* (чеш. – обозначение машин, выполняющих человекоподобные действия), *мазурка* (польск. – польский народный парный танец), *хоро* (болг. – народная массовая пляска в круговом построении, распространенная в Болгарии) и др.

В состав неблизкородственных языков входят западноевропейский (английский, французский, немецкий и др.) и восточный языки (китайский, японский, арабский и др.). Например, *бренд, маркетинг, тайм, прайст*, *кофе-брейк* (англ. *brand, marketing, time, price, coffee break*), *слесарь, штраф, ландшафт, рюкзак, бутерброд* (нем. *der Schlosser, die Strafe, die Landschaft, der Rucksack, das Butterbrot*), *караоке, суши, цунами, судоку* (яп. *カラオケ karaoke, 寿司 sushi, 津波 tsunami,数独 Sudoku,*), *лагман, чай, ушу, фэн-шуй* (кит. *拉面 lāmiàn, 茶 chá, 武术 wǔshù, 风水 fēngshuǐ*) и др. В настоящее время основным источником становится английский язык по причине мощного экономического развития США.

Следует обратить внимание на то, что появление заимствований, которые обладают определенным лексическим значением, не тождественным значению исконного слова, вызывается необходимостью, вытекающей из коммуникативной функции языка [2, с. 187], обычно они заимствуются вместе с новыми для русского сознания вещью, предметом, понятием. Одновременно появляются и заимствованные слова, которые обладают лексическим значением, тождественным значению исконного слова, например, *супермаркет* (*магазин*), *комфорт* (*уют*), *ассортимент* (*выбор*) и др., в этом случае они являются более выразительными, более точными языковыми единицами. Некоторые заимствованные слова уже входят в словари русского языка.

Многообразие языка наблюдается и при образовании новых слов на базе уже существующих слов. В 1985 году в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова из 145 000 слов лишь 19 000 являются непроизводными [11, с. 5]. В русском языке большинство слов является производными. Производящая база может быть представлена основами мотивирующего слова, мотивирующим словом в целом и

основами нескольких слов. Производящими словами служат не только исконно русские слова, но и заимствования. Безусловно, новообразованные слова путем словообразования появляются также под воздействием внеязыковых и социальных факторов. Например, в связи с современными научно-техническими изменениями на базе таких заимствованных слов, как *медиа, видео, интернет, бизнес* и др., образуются производные с помощью сложения: *медиаобразование, видеоматериал, интернет-магазин, бизнес-среда* и др. В результате активизации участия женщин в общественной и культурной жизни на базе наименований мужского рода путем суффиксации образуются наименования женского пола, *водитель → водительница, чиновник – чиновница, комиксист → комиксистка* и т.д.

Исследование производных слов позволяет выделить особый тип производных, производящей базой которых служит фразеологическая единица. Например, имя существительное *небокоптитель* образовано путем сложения двух компонентов фразеологической единицы *небо коптить* с помощью соединительного гласного *-о-* и прибавления суффикса *-тель*. Глагол *нахлебничать* образован на базе фразеологической единицы *на хлебах* добавлением к его основе префикса *на-* и суффикса *-нича-*. Имя прилагательное *толстокожий* образуется на базе фразеологической единицы *толстая кожа* с помощью сложения и нулевой суффиксации. Отфразеологические дериваты часто имеют оценочные и эмоциональные свойства, выражают характеристику поведений и поступков человека, в основном отрицательную.

Посредством словообразования в русском языке образуется много однокоренных слов, которые выступают в качестве выразителей тончайших оттенков значения и способствуют отграничению одного слова от другого. Например, на базе слова *экология* создаются два однокоренных слова *экологичный* и *экологический,* имеющие разные значения. *Экологичный* имеет значение «не оказывающий вредного влияния на природу, живую среду», *экологический* означает «соотносящийся по значению с существительным *экология*».

Многообразие русского языка проявляется и в его социальной дифференциации. Существование социальной дифференциации языка обусловлено социальными различиями между носителями и условиями речевого общения, воздействующими на функционирование и развитие языка. В русском языке обычно выделяют пять подсистем языка: литературный язык, территориальный диалект, городское просторечие, социальные жаргоны и арго.

В экологии деятельность человека оказывает большое влияние на природные условия всей планеты. Одновременно изменения природных условий оказывают неблагоприятное влияние на жизнь и деятельность человека [5, с. 76–77]. В экологии языка, соответственно, деятельность человека влияет на появление заимствованных слов и производных слов, причем языковые изменения иногда приносят неблагоприятные последствия.

В СССР выходившие книги, фильмы, телепередачи подвергались контролю, было запрещено употребление ненормативной лексики в публицистике. После распада СССР согласно Конституции РФ цензура запрещена, не только представители творческой интеллигенции, но и простые люди получили полную свободу слова. Наряду с этим в русский язык вошло слишком большое количество заимствований из английского языка и в ряде случаев возникли неоправданные новообразования.

В последние годы русский язык сильно подвергается влиянию англоязычных слов, такое явление особенно наблюдается в речи молодежи. Молодежь считает употребление английских слов признаком современности, но употребление жаргонизмов делает речь грубой и непонятной в некоторых ситуациях. Например, *бой (мальчик), флэт (квартира), бай бай (до свидания), фейс (лицо)*, *тинейджер*

(подросток) и мн. др. Наблюдается и смешение английских слов и выражений в русской речи, которое засоряет речь и снижает ее чистоту. Например, «*– Думайте что хотите, но там, за дверью...* ***Be quick!*** *В знак протеста мальчишки застучали ногами, загудели...*» (Г. Полонский. Доживем до понедельника (1966–1968)).

Словообразование служит для наиболее точного выражения мысли. В настоящее время, как уже отмечалось, наблюдаются неоправданные новообразования, которые нарушают литературные нормы и делают речь непонятной. Например, в предложении «*С детства у нее были* ***приклонности*** *к музыке»* ошибочно используется единица *приклонность* вместо нормативной *склонность* из-из неправильного выбора словообразовательного средства [1, с. 404]. При образовании дериватов на базе фразеологической единицы образуются такие слова, как *ничегонеделательница, вороносчитатель, шапкозакидальщик, носозадиральщик, спустярукавщик* и др. [9, с. 226, 228], которые употребляются в социальной сети, но нуждаются в определении его нормативности.

Целью экологии является защита природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий [5, с. 119]. Соответственно, целью экологии языка является защита нравственного здоровья общества и национальной безопасности государства и сохранение языковой идентичности этноса. Следовательно, необходимо защищать русский язык, как защищают природные богатства.

В языке постоянно появляются новые слова и отмирают устаревшие. Заимствование и словообразование выступают в качестве основных источников пополнения русского языка. С одной стороны, появление заимствований и производных слов обусловлено необходимостью номинации новых предметов, новых понятий, в этом случае отражается многообразие языка. В результате действия естественного отбора в популяции увеличивается количество слов, которые лучше всех приспосабливаются к изменениям, поэтому нельзя полностью отказаться от заимствований. С другой стороны, чрезмерное и неумелое употребление заимствования и неудачных образований засоряет «великий, могучий» русский язык и приводит к ухудшению его понимания. В этом случае, следует принять необходимые меры, направленные на здоровое развитие языка, на совершенствование знаний о русском языке и на борьбу с загрязнением языка. О защите русского языка должен заботиться каждый из нас, нам надо беречь русский язык от засорения вульгаризмами и жаргонизмами, от ошибок и ненормативных форм, от всего, что ведет к его обеднению.

Литература

1. *Евсеева И. В.* Ошибки в словообразовании // Эффективное речевое общение (Базовые компетенции). Красноярск, 2014. С. 404.
2. *Казак Е.* А. Роль заимствований в формировании русского литературного языка // Русский язык в современном обществе (функциональные и статусные характеристики): Сб. обзоров. 2005. С. 185–192.
3. *Кравченко А. В.* Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику// Экология языка и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 90–99.
4. *Курашкина Н. А.* Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. №2. С. 143–156.
5. *Макаров В. М., Иозус А. П.* Основы экологии. Волгоград, 2014.
6. *Haugen E.* The ecology of language // Ecology of language: essays by Elinar Haugen. California: Stanford University Press, 1972.
7. *Нурушева Д. А.* Эколингвистика как раздел языкознания // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–4. С. 890–893.
8. *Полухин А. А.* Современное языкознание и экологическое мышление // Опыты-2008: сб. науч. работ

преподавателей и студентов факультета филологии. Санкт-Петербург, 2009. С. 65–73.
9. *Пристайко Т. С.* Образование отфразеологических номинаций лиц в русском языке последних лет // Реквием филологический. Памяти Е.С. Отина. Сборник научных труд. 2015. С. 223–232. URL: http://azbuka.in.ua/wp-content/uploads/2015/04/prist.pdf
10. *Сковородников А. П.* Лингвоэкология, или эколингвистика // Эффективное речевое общение. Словарь-справочник. Красноярск. 2014. С. 284–285.
11. *Тихонов А. Н.* Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. Москва, 2014. 639 с.
12. *Шляхов В. И., Никонов А. Л.* Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и время. 2011. № 4. С. 138–144.

КОНЦЕПТ «ДУША» В ТВОРЧЕСТВЕ А. С. ГРИНА

Васильева Инна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия
ivasi67@mail.ru

THE CONCEPT OF THE SOUL IN THE CREATIVITY A. S. GREENA

Vasilyeva Inna
Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Russia

Abstract: *The concept of "soul" in Russian literature is one of the most significant elements for creating an image. The inner world of the hero, his thoughts and feelings - the creative process of the XIX and XX centuries. In the works of A. S. Green's very concept of the soul, becoming a standard, determines the status of the hero. The purpose of this article is to consider the features of the claimed concept in the work of A. S. Green.*

Key words: *image, character, concept, the image of the world, work.*

Важной частью любой культуры является язык, передающий особую национальную сущность мировосприятия. Образы, символы, а иначе говоря, концепты, представляют собой содержательную, заключающую в себе глубокий смысл, идею, «особенно важную и показательную для отдельно взятой культуры» [2, с. 282]. Для русской ментальности одним из наиболее значительных и частотных представляется концепт «душа», нашедший многогранное отражение в литературе как XIX, так и XX веков. В основе этого понятия лежит народная мудрость, выраженная в устном творчестве, определяющим душу как «важнейший элемент человеческой сущности, без которой невозможен человек» [9, с. 125]. В связи с этим и этническая обусловленность мировосприятия зиждется на традиционных национальных образах и типах. Душевные бури, так характерные для героев русской литературы и определяющие их духовную романтическую сущность, являются «источником поэзии в жизни (…) сокровенной жизнью сердца» [1, с. 44]. Писатель и его герой, наделенные возвышенной природой, романтики по натуре, обладают «таинственной почвой души и сердца, откуда поднимаются все неопределенные стремления к лучшему и возвышенному (…) находят себе удовлетворение в идеалах, творимых фантазией» Белинский [1, с. 44].

Творчество А. С. Грина воплощает в себе «глобальный образ мира» [8, с. 21], где душевная и духовная чуткость героев связана с умением покориться несбывшемуся, чудесному, почувствовать его дыхание среди скудного и будничного бытия. Несбывшееся – это внезапное отчетливое создание, контрастирующее с уродливыми отражениями жизненного закона, своеобразное воплощение души самого писателя. Главным в его творчестве представляется понятие «истинной совести», заключающее в себе те впечатления и опыт, которые основаны на нравственности и благородстве и «живой» душе. Лучшие герои произведений Грина обладают особым мировосприятием, постоянным «волнением», внутренней искрой. «Несчастен тот, кто недоступен этому изысканному чувству» – так характеризует героя сам А. С. Грин в романе «Золотая цепь» [4, с. 124].

Проблемы и образы, появляющиеся в произведениях писателя, взяты им из реального мира: герои принадлежат к разным социальным группам, но всех их объединяет одна важная черта – «они страдающие жертвы» [10, с. 115], рожденные современным им обществом. В связи с этим и задача, стоящая перед разными образами, в основе своей единая – поиск выхода из «удручающей скуки обывательщины» [10, с. 115]. Поэтому все чаще появляются в его произведениях реально-романтические герои, которые способны воплотить идею писателя. Передать не только его жизненные личные впечатления, но и эстетические идеалы определенной эпохи. Это и стало одной

из важнейших причин появления в русской литературе начала XX столетия особого, нового романтизма, в основе которого лежат изменения в отношении к миру как динамичному, многообразному, неисчерпаемому, непознанному явлению бытия. А. С. Грин, опираясь в какой-то мере на романтические основы конца XVIII – начала XIX веков, стремится изобразить действительность через динамику и движение, создавая мир героя от внешнего к внутреннему, от событий к переживаниям. Однако во всем этом процессе важную роль сыграла новая эпоха, серьезно повлиявшая на весь ход гриновского мироощущения, утверждая неоромантические тенденции в его творчестве. Писатель видит своей основной задачей максимально полное и глубокое исследование человеческой души со всем многообразием ее оттенков и переливов, то есть, по сути то, что уже не присуще романтическим текстам, а свойственно русской реалистической литературе и определяется как «диалектика души». При этом «социальные мотивировки, среда обозначены художником очень бегло, приблизительно, словно по необходимости, тогда как в изображении психологических состояний господствует крупный план…» [7, с. 243]. Поэтому и герои его произведений в первую очередь делятся на честных и бесчестных, подлецов и героев, причем определяющей является романтическая мечта, противопоставленная обывательщине и мещанству, вера и желание в человеке оказываются самыми значимыми источниками преобразования мира, его своеобразного романтического обоснования. Истинные герои писателя, люди, живущие по законам чести, «тщательно охраняют угол своей души» [5, с. 165] таинственной, непостижимой и ценной. Душа – это то личное, что должно характеризовать каждого человека, наделенного внутренним пространством, в которое не допускаются чужие. Один из героев романа «Бегущая по волнам» Ариногел Кук воплощение именно такого человека. Он не только тщательно оберегает свой внутренний мир, но и намеренно надевает на себя неприглядную маску, давая себе самые нелицеприятные характеристики. «Я вас стесню. Предупреждаю заранее. Бесстыдно сообщаю вам, что я – сплетник. Сплетня – моя болезнь, я люблю сплетничать и, говорят, достиг в этом деле известного совершенства» [5, с. 112]. «Но я также и неврастеник» [5, с. 149]. Его истинная сущность раскрывается лишь почти в самом конце романа, когда повествователю становится известно, что Кук погибает, защищая статую Фрези Грант от сильных мира сего, жестоких людей с «серыми» душами, воплощением которых в романе является Грас Паран. Кук с его двойственностью, саркастической мрачностью самоотверженно и «тщательно охраняет свой угол души» [5, с. 173], мир, являющийся несмотря ни на что, самой значимой частью личности.

Душа героя в творчестве А. С. Грина неразрывно связана с темой мечты, надежды, поиском смысла жизни, психологическими и философскими аспектами. Важное место в раскрытии внутреннего мира героя занимает и образ природы. В романе «Бегущая по волнам» первое прикосновение Гарвея к светлой мечте – Фрезе Грант происходит ночью, когда практически исчезает противостояние между реальностью и вымыслом и возникает возможность проникнуть в таинства душевного состояния. «Я вышел, заметив, как пристально смотрела на меня девушка, когда я уходил. Что это было? Отчего так занимала ее история, одна половина которой лежала в тени дня, а другая – в свете ночи?» [5, с. 92]. Девушка в кружевном платье, «не боящаяся ступить ногами на бездну, так как и она видит то, чего не видят другие», является надеждой и примером для этих других, предоставляя им шанс проникнуть в тайны мира и понять друг друга. Легкая фигура бегущей по волнам ассоциируется с ангелом, указывающим путь во тьме ночи, это своеобразная персонификация концепта «душа».

Природа представляется воплощением внутреннего состояния героя и в раннем произведении А. С. Грина «Таинственный лес», созданном в 1913 году. Мир, изображаемый автором реалистичен, хотя некоторые фрагменты текста уже больше напоминают фантазию художника. Восприятие природы помогает герою пережить сложный жизненный период, связанный с любовными переживаниями, и ощутить прилив сил, новою жизненную энергию. Созерцая мир вокруг, Тушин возрождается душой, обретает цель. «Углубляясь в лес, Тушин думал, что сделал хорошо. «Если он крепок и хорошо себя ценит, то вывернется из-под удара душой, и вновь закипит в нем жизнь (…). Белый без солнца свет наполнил лес. В нем было тихо, как в душе младенца, и весело» [6, с. 148]. Золотой петушок, который повстречался герою во время путешествия по лесу представляет собой образ-символ манящего и неприкосновенного прекрасного мира, счастья и исполнения мечты.

С началом 20-х годов XX века понятие «душа» приобретает в творчестве А. С. Грина высокую частотность. Так, в феерии «Алые паруса», созданной 1922 году, оно употребляется более 25 раз, становясь важным элементом для характеристики образов. Ассоль и Грэй – герои с «живой», глубокой душой, «способной беседовать с жизнью» [3, с. 27], чтобы понять в первую очередь себя. Внутренний мир, противопоставленный внешнему, безнравственному и жестокому, сосредоточение глубоких эмоциональных переживаний, соединяет героев, утверждает силу человеческого духа, просвеченное любовью к жизни и верой в то, что человек способен совершать чудеса.

В рассказе «Крысолов», относящемуся к 1924 году, еще ярче раскрываются особенности творчества писателя в области исследования внутреннего мира героев, их мыслей, чувств, переживаний. В этом сложном процессе писатель, отталкиваясь от внешних, часто совершенно обыденных событий, использует их в качестве завязки сюжета. От внешних обстоятельств А. С. Грин уходит во внутренние процессы, и под действием свойственных ему ассоциаций погружается в мысли и восприятия героя рассказа (кстати сказать, во многом похожего на самого автора). Этот уход во внутренний мир оказывается настолько глубоким, что исходные факты, в частности эпизод с телефоном, оказываются вовсе утраченными. Конкретика и детализация сменяется резким переходом в своеобразное фантомное пространство, рождаемое вначале галлюцинациями, связанными с болезнью героя, а затем состоянием его напряженной души. С той минуты, когда герой попадает в опустевший, «мертвый» банк, заваленный бумагой, которая «взмывает у стен, висит на подоконниках, струится по паркету» [4, с. 371], он оказывается в особом замкнутом пространстве, которое гнетет и мучает его. Огонь же, разведенный героем в камине, не согревает, а еще больше терзает его: «бесплодно тайно горел этот случайный огонь. Он не озарял привычных предметов, рассматривая которые в фантастическом отсвете красных и золотых углей, сходим мы к внутреннему теплу и свету души. Он был неуютен, как костер вора. Я лежал, подпирая голову затекшей рукой, без всякого желания задремать» [4, с. 375]. Герой мужественно ищет выход из ситуации, чуть не теряет рассудок от обнаруженных съестных припасов. Однако, находясь между жизнью и смертью, он преодолевает себя, не давая серым крысам взять над ним власть, закружить его «душу в звуках марша», который звучит в пустом холодном доме. Герой справляется с искушением, сохраняя истинные человеческие чувства, обретая реальное воплощение мечты по имени Сюзи.

Любовь в произведениях А. С. Грина – неотъемлемая часть души его героев. Способность или неспособность любить – одна из важнейших характеристик внутреннего мира персонажей. Поэтому еще одним проявлением концепта «душа» является своеобразная оппозиция, нашедшая свое отражение в романе «Блистающий

мир». В основе этого произведения – противостояние двух типов людей: Руна ослепительно прекрасна и всесторонне развита, но живет без привязанностей и любви; Друд – сильный, прекрасный, добрый человек, считающий, что величие возможностей человека проявляется, прежде всего, в его способности победить зло, но не силой, а добром: «У меня нет честолюбия. Вы спросите – что мне заменяет его? Улыбка» [3, с. 126]. Это первый гриновский герой, который идет на серьезное столкновение с миром эгоизма. В этой борьбе он ищет и находит своих единомышленников, но все же Друд – одинок в мире людей. Они травят его за индивидуальность, за его непохожесть на них. Герой мучительно переживает свою изолированность от мира, его постоянно тянет к человеческому теплу, душа его страдает и томится в замкнутом пространстве. Обретя, наконец, близкого человека в лице Тави, девушки из простой, бедной семьи, герой, казалось бы, должен ощутить радость жизни, счастье бытия, но финал романа неожиданно трагичен: Друд погибает. Земное притяжение оказалось сильнее «подъемной силы» Человека Двойной Звезды и «эта крупная душа легла ничком» [3, с. 225]. На первый взгляд этот финал вполне предсказуем, если рассматривать его в контексте неоромантического мироощущения писателя, но у А. С. Грина гибель героя не означает несостоятельность его помыслов и устремлений, а скорее наоборот доказывает трудность избранного Друдом пути, его горячее сердце и чистую душу.

Подводя итог, можно сказать, что А. С. Грин дает простор мистическим и запредельным стремлениям души, тяготению ее к неясному музыкальному началу, к тайным силам, взрывающим и потрясающим ее, однако этот процесс был бы не возможен без конкретно-сформулированной задачи – поиска смысла существования и реализации мечты.

Литература:

1. *Белинский В. Г.* Взгляд на русскую литературу. Москва, 1988.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. Москва, 1996.
3. *Грин А. С.* Собр. соч. в 6-ти т. Москва, 1980 т.3.
4. *Грин А. С.* Собр. соч. в 6-ти т. Москва, 1980 т.4.
5. *Грин А. С.* Собр. соч. в 6-ти т. Москва, 1980 т.5.
6. *Грин А. С.* Таинственный лес. Москва, 2008.
7. *Ковский В. Е.* Реалисты и романтики. Из творческого опыта русской советской классики. Москва, 1990.
8. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира /Ответственный редактор Б. А. Серебренников. Москва, 1998.
9. *Савина Е. А., Дегтярева Л. Ю.* Житейская психология в русских пословицах и поговорках // Человек. 2001, №5.
10. *Хрулев В. И.* Романтизм А. С. Грина и его развитие. Москва, 1970.

КОНЦЕПТ ЧИСТОТЫ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Гажева Инна, Еременко Ирина
Львовский национальный университет имени Ивана Франко, Украина
arsenjeva.in@gmail.com, irinayeremenko07@gmail.com

THE CONCEPT OF PURITY IN THE NOVEL BY F. DOSTOYEVSKY "THE IDIOT"

Gazheva Inna, Yeremenko Irina
Ivan Franko National University of Lviv, Ukraine

Abstract: *This article is dedicated to the analysis of the "purity" concept in the novel by F. Dostoyevsky "The Idiot." In its modern version, this concept has maintained a set of meanings that are typical for Old Russian literature, but has also been subjected to restructuring: the meanings "sanctity" and "chastity" have lost their dominant position. However, in the artistic worldview of Dostoyevsky, this concept maintains its original characteristics.*

Key words: *concept, meaning, syncretism, linguistic picture of the world.*

Мечта Гоголя об искусстве как «невидимой ступени» к Богу, так и не осуществленная писателем в собственном творчестве, реализовалась в творчестве Достоевского, которое до сегодняшнего дня продолжает оставаться наиболее глубоким выражением православного мировидения в литературе.

В православной аксиологии понятие чистоты занимает одно из центральных мест, не случайно наиболее устойчивое из определений Богородицы – Пречистая. В шестой заповеди блаженства чистота сердца представлена как условие созерцания Господа. Эти же смыслы связываются с чистотой в древнерусской литературе, ведь она носит преимущественно богослужебный характер. Е. С. Яковлева, проанализировавшая структуру концепта 'чистота' в древнерусской языковой картине мире (ЯКМ) и в современном языковом сознании, пришла к выводу о его синкретичности [4]. Это свойство проявляется в возможности одновременной отнесенности данного понятия к сферам физического и духовного, а также обязательной соотнесенности с идеей истинного, хорошего вообще. Эту синкретичность концепт 'чистота' сохранил до настоящего времени. Тезис о смысловой синкретичности 'чистоты' Е. С. Яковлева подтверждает примерами из художественной литературы Нового времени, ср.: *У вод ли чистых Иордана// Востока луч тебя ласкал* (М. Лермонтов), где прилагательное *чистый* реализует одновременно два значения 'незамутненный, прозрачный' и 'священный' [4, с. 212].

Для слова *чистый* толковые словари современного русского языка выделяют до 16 значений, причем почти все эти значения, по наблюдениям Е. С. Яковлевой, были актуальны для этого слова уже в рамках древнерусской ЯКМ [4, с. 208–209]. Различие же между архаическим и современным вариантами касается доминантности тех или иных значений в структуре концепта. Исследовательница отмечает, что значение 'святой, праведный', которое было доминантным для прилагательного *чистый* в древнерусской ЯКМ, утратило этот статус в современной. Это же касается и такого свойства, как эталонность: в современном языковом сознании 'чистое' не обязательно мыслится как безусловно хорошее. Очевидно, что доминантным значением для прилагательного *чистый* в рамках христианской КМ является также значение 'целомудренный, невинный', ведь *(Пре)чистая* – одно из наиболее частотных определений Богоматери. Однако во многих толковых словарях современного русского языка это значение специально не выделяется. Думается, что отмеченная внутренняя переструктурация, связанная с нивелированием доминантности указанных смыслов, а также утратой эталонности, дает основания для определенной корректировки выводов

Е. С. Яковлевой о том, что «в целом картина мало изменилась» [4, с. 208]. Действительно, концепт чистоты «сохранил исходный семантический спектр и ряд архаических черт: синкретичность, целостность» [4, с. 214], однако подвергся переструктурированию, что обусловлено дехристианизацией ЯКМ современного русского языка, как она отражена в словарях. В то же время в художественном мире Достоевского этот концепт сохраняется в своем первоначальном варианте: с доминантным положением в нем актуальных для древнерусского сознания смыслов. Мы постараемся показать это на материале романа «Идиот».

Концепт ‘чистота’ актуализируется в первой сцене романа, в которой происходит знакомство Мышкина и Рогожина и раскрывается идея об их своеобразном двойничестве. Эта идея заявлена буквально во втором абзаце многократным повторением числительного оба, ср.: *... **оба** люди молодые, **оба** почти налегке, **оба** не щегольски одетые, **оба** с довольно замечательными физиономиями и **оба** пожелавшие, наконец, войти друг с другом в разговор. Если б они **оба** знали один про другого, чем они особенно в эту минуту замечательны,..* [1, с. 5] Актуализация же концепта чистоты развивает эту идею. Характерно, что концепт чистоты впервые актуализируется применительно к Рогожину, когда он называет князю свое имя *Парфен*, которое переводится с греческого как «девственник». С этим смыслом перекликается признание князя в конце их беседы в поезде о том, что он по прирожденной болезни своей даже совсем женщин не знает [1, с. 14]. Встреча этих двойников-антиподов представлена как встреча двух девственников: применительно к князю эта идея проведена явно, по отношению к Рогожину – через его имя – скрыто. Девственность здесь, таким образом, актуализирована как черта, единящая их. Однако писателю важно показать не только единство героев, но представить их как противоположные полюса единства, и он реализует этот замысел, характеризуя двух персонажей как *белокурого* (князь) и *черномазого* (Рогожин) до того момента, как герои представятся друг другу и, читателю, соответственно. Одно из значений слово *черномазый* – «грязный», таким образом, здесь опять актуализируется концепт чистоты применительно к Рогожину, но уже со знаком «минус».

Тема «единства противоположностей» применительно к князю и Рогожину продолжена в следующей сцене романа, в которой Рогожин прямо не участвует. В доме Епанчиных князь, демонстрируя свой талант каллиграфа, делает примечательную надпись средневековым шрифтом *Смиренный игумен Пафнутий руку приложил* и, отвечая на вопрос генеральши, рассказывает, что *это Игумен Пафнутий, четырнадцатого столетия*… [1, с. 46]. В упомянутом здесь игумене можно узнать игумена Пафнутия Боровского, одного из предков Достоевского. Характерно, что Преподобного Пафнутия Боровского в крещении звали Парфением, а Пафнутий – это его монашеское имя. Таким образом, Парфений-Пафнутий – это один человек и, в определенном смысле, разные люди, ибо при постриге «умирает» один человек и рождается другой. Так же едины и неслиянны князь и Рогожин. Таким образом, идея полярности-единства персонажей проводится здесь в свете актуализации смыслового компонента ‘святость’ применительно к одному из полюсов. Интересно, что имя *Пафнутий* всплывет еще раз в самом конце романа, где появится имя горничной Рогожина *Пафнутьевна*, и выступит, таким образом, в качестве одного из смысловых компонентов, организующих кольцевую композицию романа.

Характерно, что в этой же сцене раскрывается способность князя глядеть и видеть, которая собственно, по заключению всех собеседников, и делает его счастливым. Этот эпизод написан будто как иллюстрация шестой заповеди, ибо все три концепта, связанные между собой в ее пределах: блаженство, чистота, зрение – актуализируются в нем применительно к князю. В ответ на просьбу Аделаиды

Епанчиной найти сюжет для ее картины князь отвечает: *Мне кажется: взглянуть и писать* [1, с. 50]. И далее на замечание Аделаиды о том, что он выучился глядеть за границей, князь продолжает: *Не знаю; я там только здоровье поправил; не знаю, научился ли я глядеть. Я, впрочем, почти все время был очень счастлив* [1, с. 50]. Реакция Аглаи на эти слова весьма примечательна: *Счастлив! Вы умеете быть счастливым?... Так как же вы говорите, что не научились глядеть?* [1, с. 50]. И действительно, князь на протяжении всего романа проявляет эту удивительную способность – видеть сердце человека по выражению его лица. Примечательно при этом, что князь, обладая этой способностью, оказывается и сам проницаем для чужих взоров. Прежде всего, для взоров персонажа, наиболее близкого ему по своему складу, – генеральши Епанчиной [1, с. 65]. Характерен в этом смысле ее жест выставления лица князя на свет с целью лучше его разглядеть. Проницаемость для света, прозрачность – это еще одна важная составляющая концепта ‘чистота’ особенно относительно его функционирования в духовной литературе. Так, ангелы абсолютно проницаемы для света. Святой Григорий Палама говорит, что они подобны хрусталикам, пропускающим свет через себя и преломляющим его в разные стороны.

Что касается способности князя «глядеть», то необходимо отметить, что она находит соответствие с характеристикой упомянутого выше *смиренного игумена* в Житии, составленном Дмитрием Ростовским, ср.: *всеведущий Бог дал преподобному Пафнутию способность узнавать* ***по человеческому лицу и взору*** (выделено нами – И. Г., И. Е.) *скрытые душевные страсти и немощи…* [3]. Важно, однако, что агиограф, во-первых, четко определяет источник этой способности у Святого (*всеведущий Бог дал…*), а во-вторых, объект (*скрытые душевные страсти и немощи*). У князя эта способность «глядеть и видеть» проявляется не столь однозначно, и это весьма показательно в свете общего замысла романа. Замысел этот заключался, как известно, в изображении «положительно прекрасного человека» – не святого, а светского, как это следует из названия (*идиот* от др.-греч. *ἰδιώτης* – «частное лицо»); первоначально, как это обозначено в черновых записях, – Князя Христа, то есть человека со всеми свойствами Бога, но не обладающего Божественной природой. Однако сам писатель по завершении романа сделал вывод: «И вот идея "Идиота" почти лопнула» [Цит по 2, с. 284], а в другом месте писал: «…он (роман – И. Г., И. Е.) не выразил и десятой доли того, что я хотел выразить, хотя все таки я от него не отрицаюсь и люблю мою неудавшуюся мысль до сих пор» [Цит по 2, с. 284].

Общеизвестно, что роман, включающий четыре части, концептуально делится на две: первая часть и три остальных. Князь первой части – это счастливый человек, чистый сердцем, бездомный, которому *негде голову приклонить* [1, с. 31], верящий в свою миссию спасения и, главное, способный в каждом человеке разглядеть образ Божий. Темного, порочного в людях он не видит. Показательна в этом смысле заключительная в первой части сцена дня рождения Настасьи Филипповны, когда князь зовет Настасью Филипповну замуж. В ответ на ее недоумение, что он берет *рогожинскую*, князь отвечает: *Я вас* ***честную*** *беру … я сочту, что вы мне, а не я сделаю* ***честь****. Я ничто, а вы страдали и из такого ада* ***чистая*** *вышли, а это много…* [1, с. 138]. Здесь, таким образом, актуализируется семантическое тождество ‘чистый-честный’, оправданное этимологически. И затем в этой сцене еще неоднократно актуализируются смыслы ‘честный-чистый’ в их неразрывности. Ср.: *Я тебя, честную девушку, за собой, за распутной, ухаживать заставляла* [1, с. 144] – слова Настасьи Филипповны, обращенные к горничной. Синкретизм значений ‘честный-чистый’ эксплицируется через синонимизацию с прилагательным *распутный*. Важно, что в этой сцене все время муссируется тема невинности, прежде всего, относительно Настасьи Филипповны: то в положительном модусе (князем), то в отрицательном – самой

героиней, ср.: … *Да полно форсить-то! Что я в театре-то Французском, в ложе, как* ***неприступная добродетель*** *бельэтажная сидела, да всех, кто за мною гонялись пять лет, как дикая бегала, и как гордая* ***невинность*** *смотрела, так ведь это все дурь меня доехала! Вот, перед вами же, пришел да положил сто тысяч на стол, после пяти-то лет* ***невинности****…* [1, с. 136]. Концепт чистоты относительно образа Настасьи Филипповны актуализируется в этой сцене также через высказанную ею готовность пойти в прачки [1, с. 138], что тоже может быть прочитано как желание отмыться от греха, очиститься. Примечательно, что высказанная здесь героиней готовность коррелирует с упреком Аглаи, обращенным к героине в сцене «поединка соперниц» в конце романа (*Захотела быть честною, так в прачки бы шла* [1, с. 473]), что дает еще один повод для размышлений над вопросом о том, что препятствует чаемому, казалось бы, героиней очищению.

Тема невинности князя также неоднократно поднимается в сцене дня рождения Настасьи Филипповны самыми разными людьми [1, с. 116–119]. Таким образом, чистота как невинность души и тела сближает не только князя и Рогожина, но и князя и Настасью Филипповну, а следовательно, всех троих. Применительно к князю и Настасье Филипповне эта идея поддерживается, кроме прочего, через образ невинного Агнца, к которому отсылает фамилия героини (Барашкова), и определение «овца», которым наделяет Рогожин князя в своем укоре Гане после нанесенной им князю пощечины. На невинность как главную черту своего героя указывал в черновых записях к роману сам Ф. М. Достоевский: «Герой романа, князь, если не смешон, то имеет другую симпатичную черту – он невинен» [Цит. по: 2, с. 283].

Таким образом, в первой части мы встречаемся с тремя главными героями, в структуре образов каждого из которых важное место занимаем концепт чистоты. Применительно к князю он эксплицирован максимально и в положительном модусе через спектр значений ‘святость’, ‘целомудрие’, ‘честность’, ‘открытость’, ‘прозрачность’. Эти значения, в соответствии с отмеченной Е. С. Яковлевой особенностью, реализуются часто синкретично. Применительно к Настасье Филипповне и Рогожину концепт чистоты актуализируется, во-первых, в аспекте целомудрия: для Настасьи Филипповны – то в отрицательном модусе (*распутная, бесстыжая; рогожинская* – как контекстуальный синоним к двум предыдущим прилагательным), то в положительном (*неприступная добродетель, невинная, ребенок*), а для Рогожина – имплицитно (через имя *Парфен*). Однако во второй и следующих частях романа тон повествования, расстановка персонажей и внутренняя структура их образов меняются: двоящиеся мысли появляются у князя, Настасья Филипповна характеризуется преимущественно как *безумная*; в Рогожине удаль сменяется погружением во мрак и потерей веры. В соответствии с этим, и концепт ‘чистота’, реализованный в первой части романа в такой полноте своих составляющих и с акцентом именно на доминантных для древнерусской православной словесности смыслах, перестает играть определяющую роль в концептосфере романа, перемещаясь из центра на периферию. Выяснение подробностей такого перемещения и его мотивации может стать предметом дальнейшей разработки данной темы.

Литература

1. *Достоевский Ф. М.* Идиот // Достоевский Ф. М. Полное собр. *соч.:* В 30 т. Т. 8. Ленинград, 1973.
2. *Мочульский К. В.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. Москва, 1995.
3. *Свят.* Димитрий Ростовский Житие Преподобного отца нашего Пафнутия Боровского// Свят. Димитрий Ростовский Жития святых. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/385.
4. *Яковлева Е. С.* О концепте *чистоты* в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка: Языки этики. Москва, 2000. С. 200–215.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА В РОДНОЙ РЕЧИ: ОБОГАЩЕНИЕ ЯЗЫКА ИЛИ СИМВОЛ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ?

Гончарова Наталья
ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет», Россия
nata-alexa@mail.ru

FOREIGN LANGUAGES IN NATIVE LANGUAGE: ENRICHING THE LANGUAGE OR SYMBOL OF ALIEN CULTURE?

Goncharova Natalya
Michurinsk State Agrarian University, Russia

Abstract: *General questions of functioning of borrowed words in native language are revealed in the article. The article focuses on the ambiguous attitude of native speakers towards the use of borrowed words in the process of communication.*

Key words: *Native language, borrowing, enriching the language, alien culture.*

Бесспорно, что историю развития любой нации в политическом, экономическом, культурном планах можно проследить по заимствованиям иноязычных слов и выражений. Родная речь любого человека, например, носителя русского языка, в той или иной степени насыщена заимствованиями, отражающими как общий уровень образованности индивида, так и веяния актуального для говорящего человека времени.

Существует небезосновательное мнение, что словарный состав русского языка состоит из иностранных (компьютер, банк, панк, лампа) и исконных русских (дерево, земля, читать, быль) слов, соотношение которых в языке постоянно меняется. Так, при постоянном заимствовании доля иностранных слов стремительно увеличивается, доля русских слов неумолимо уменьшается. Доказано, что такой путь обогащения как заимствование обогащает только иностранную часть языка, в то время как исконная часть остается в нетронутом состоянии. При этом именно исконная часть, по мнению исследователей, является по-настоящему русским языком [4]. В исследованиях замечено, что часто от сторонников иностранных слов в русском языке можно услышать утверждение, что заимствование является обогащением русского языка [4]. Естественно, что возникает вопрос, так ли это?

Заметим, что заимствованные слова воспринимаются носителями языка неоднозначно. Так, слова, прочно вошедшие в обиход, перестают восприниматься как заимствованные. К подобным словам, как показывает изучение этимологии слова, относятся *время, враг, справедливый, сахар, работа, кровать, мудрость*. Будучи единственными для обозначения тех реалий и понятий, которые закреплены за данными словами, данные слова не воспринимаются в процессе коммуникации (устной или письменной) как заимствования.

Не воспринимаются как заимствования и слова, используемые в процессе коммуникации для обозначения реалий и понятий, для которых в родном языке не нашлось «собственного» слова. Зачастую подобный пласт заимствований характеризует название тех предметов, которые присутствуют в жизни человека, но для которых раньше не было названий в языке. По справедливому мнению исследователей, такие слова заполняют собой пустые ниши в языке, поскольку для некоторых таких понятий слов в языке еще не придумано [1].

Однако есть в языке слова, которые полностью воспринимаются носителями русского языка как иноязычные слова. Подобный пласт лексики зачастую обозначает понятия, не всегда понятные для носителя языка. К перечню таких заимствований относятся *квота, генезис, секвестр, имидж, эксклюзивный* и др.

Также среди заимствований выделяются слова, с помощью которых дается описание чужих стран, чужой жизни и нравов: *саби, ваби, сибуй, югэн*. Данные слова, являясь экзотизмами, представляют собой своеобразные «локальные приметы». Употребление подобных слов, зачастую совершенно непонятных для носителей русского языка, способствует ложному погружению коммуникантов в чужую, порой малознакомую или совершенно незнакомую, культуру. Бывает так, что коммуникант, употребивший подобное слово, даже не в состоянии объяснить то понятие, которое скрывается за тем произносимым набором звуков, который в другой культуре является полноценным словом с определенным значением и смыслом.

По мнению исследователей, близки к экзотизмам варваризмы, представляющие собой подлинно иностранные слова и выражения, вкрапленные в русский текст, но не полностью освоенные или совсем не освоенные из-за фонетических и грамматических особенностей русского языка. Варваризмы, как правило, употребляются в несуществующих в русском языке формах и часто передаются средствами языка-источника: *авеню, денди, мосье, фрау, tête-a-tête, cito, ultima ratio* [3].

За варваризмами в русском языке закреплены определенные функции: варваризмы называют то, что по-русски не имеет названия, а также служат средством речевой характеристики персонажей. С помощью варваризмов достигается иллюзия присутствия в чужой культуре. Однако, как справедливо замечено, варваризмы обычно придают тексту юмористический, иронический или сатирический оттенок.

Именно к подобным словам (иноязычным, экзотизмам и варваризмам) наблюдается неоднозначное отношение носителей русского языка. Как справедливо отмечает Л. П. Крысин, иноязычные вкрапления и экзотизмы, в отличие от заимствованных слов, не теряют ничего или почти ничего из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат, подобно заимствованиям, системе использующего их языка, не функционируют в нем в качестве единиц, более или менее прочно связанных с лексическим и грамматическим строем этого языка [2].

Использование иноязычных слов в родной речи, безусловно, несет определенную стилистическую роль, влияющую на частотность употребления подобных слов в различных функциональных стилях. Так, установлено, что научный стиль, изобилующий терминологией, больше всего сконцентрирован на употреблении иноязычных слов и выражений. Публицистический стиль в меньшей степени подвержен влиянию иноязычных слов, в то время как официально-деловой и художественный стили предполагают самую меньшую концентрацию иноязычных слов для передачи смысла, заложенного в тексте.

Безусловно, что необоснованное введение в родную речь иноязычных элементов засоряет родной язык, а использование заимствованных слов без учета семантики приводит к неточностям в высказываниях коммуникантов. Однако, как отмечают исследователи, набирает актуальность идея очищения русского языка, особенно литературного языка, от ненужных заимствований, возникает необходимость употребления иностранных слов в строгом соответствии с их значением, возрастает потребность в разумном предпочтении нерусским книжным словам общеупотребительных эквивалентов русских слов.

Так, в процессе коммуникации на родном языке не следует прибегать к иноязычным словам, если у таких слов есть русские эквиваленты, точно передающие аналогичное значение. Необходимо всегда помнить, что самые грубые ошибки возникают тогда, когда иноязычные слова употребляются без учета семантики слова. Иноязычные слова должны быть понятны и доступны коммуникантам. Бесспорно, что многие иностранные слова, уместные и необходимые в специальной, научной и

технической литературе, являются неуместными в статьях, брошюрах, докладах, лекциях, предназначенных для широкого круга читателей или слушателей и не затрагивающих узкоспециальных научных и технических вопросов.

Деятели науки, культуры, литераторы подчеркивают мысль о том, что только необходимость может сделать целесообразным использование заимствованных слов. В свою очередь В. Г. Белинский писал, что «в русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей», «...охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна здравому смыслу и здравому вкусу» [4].

Только осмысленное отношение к использованию иноязычных слов в соответствии с их точным значением и стилистической коннотацией поможет избежать речевых ошибок, сохранить чистоту русской речи. Чистая речь свободна от языковых элементов, чуждых литературному языку, а также отвергаемых нормами нравственности слов и словесных оборотов. Чистота речи предполагает соблюдение не только языковых (в первую очередь стилистических в области произношения и словоупотребления), но и этических норм.

Согласно вышеизложенному становится очевидным, что заимствования не обогащают русский язык. Будучи веянием времени, заимствования только лишь способствуют ложному погружению в чужую, порой незнакомую, культуру того народа, откуда пришли данные слова. Заимствования обогащают долю иностранных слов в языке, уменьшая при этом долю исконных русских слов, характеризующих истинный русский язык.

Литература:

1. *Кокина И., Мамыркина А.* О проблеме заимствований в русском языке // Молодой ученый, 2016. №7. С. 9–11.
2. *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. Москва: Наука, 1968. 208 с.
3. *Михайловская Н. Г.* Варианты «безэквивалентной» (экзотической) лексики // Литературная норма в лексике и фразеологии. Москва, 1983. С. 120–139.
4. *Родноречие* // URL: http://xn--d1acalxecme5e.xn--p1ai/

КОДОВЫЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ В БЕЛОРУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ: СТЕРЕОТИПИЗАЦИЯ УЧАСТНИКОВ КОММУНИКАЦИИ В СИТУАЦИИ ДВУЯЗЫЧИЯ

Десюкевич Ольга
Белорусский государственный университет, Беларусь
olga_des@rambler.ru

CODE-SWITCHING IN THE BELARUSIAN INTERNET SPACE: STEREOTYPING OF PARTICIPANTS OF COMMUNICATION IN THE SITUATION OF BILINGUALISM

Desyukevitch Olga
Belarusian State University, Belarus

Absract: *The article considers code-switching from Russian to Belarusian, as well as mixed speech (trasyanka) in monological and dialogical speech. The connections between the idiom selected by a speaker and the stereotyped ideas about its bearer are identified. The parameters important for modeling the pragmatic context of code-switching are specified.*

Key words: *bilingualism, diglossia, idiom, interaction, code-switching.*

Исследование функционального распределения идиомов в коммуникации на нескольких языках – одно из направлений этноинтеракциональной социолингвистики [11, с. 7], которая путем наблюдения над участниками интеракции выясняет, какие языковые коды используются говорящими по отношению к разным собеседникам. Код в этом случае является как бы границей, отделяющей одну группу от другой, – в свете такого подхода билингвизм перестает рассматриваться как свойство людей, находящихся в определенной ситуации, выбор кода начинает пониматься как речевое поведение, сознательно избираемое говорящим в зависимости от представлений об адресате своего сообщения. Идею о том, что для билингва выбор того или иного языка связан с осознанным или неосознанным представлением о своей аудитории, о своем адресате, последовательно защищает А. Павленко, в своем исследовании, опирающаяся на идею гетероглоссии М. Бахтина; анализ многочисленных исследований мышления билингвов, результаты которых приводит Павленко, указывает на существование связи между языком, выбираемым говорящим, и интерпретативными фреймами, актуализирующимися в коммуникативном акте [см. 12, с. 230–234].

Исследователи билингвизма в Беларуси рассматривали разные формы кодовых переключений (code-switching) в диалогической и монологической речи, – прямые цитаты, повторы с сохраненной или переосмысленной интенцией. Чередование в пределах одного коммуникативного акта лексических, фразеологических или синтаксических единиц разных идиомов представляет собой «явления смешанного дискурса» [10, с. 178], зависит от ситуации и темы общения, определяется контекстом, в частности, мотивировано стремлением сократить/увеличить дистанцию между автором и адресатом сообщения, характером коммуникации, т. е. направленностью на конфликт или сотрудничество, желанием выразить мысль экспрессивно, сформулировать оценочное суждение.

Непосредственной задачей данной статьи является описание таких контекстов, в которых говорящий использует в своей речи вкрапления из другого идиома для дистанцирования от некоторой части общества, которой, как он думает, данный идиом принадлежит и ценности которого выражает, таким образом, мы сосредоточимся на переключениях с идиома на идиом, мотивированных желанием перейти с мы-кода на

они-код [см. 11, с. 207], сами элементы иного кода в этом случае маркируют идентичность автора сообщения и его реального/воображаемого адресата.

Языковая ситуация в Беларуси. По данным социолингвистических и этнолингвистических исследований, в Беларуси сосуществуют, пребывая в сложном взаимодействии, следующие идиомы: белорусские диалекты (в качестве материнского языка), белорусский литературный язык, русский литературный язык, смешанный вариант русского и белорусского языков (трасянка), а также русское просторечие в молодежной городской среде. Доминирующим считается русский язык, остальные идиомы являются закрепленными за отдельными социальными и территориальными группами. На западе страны в большей степени сохраняются белорусские говоры и язык, тогда как по мере приближения к восточной границе возрастает количество лексических и грамматических русизмов. Городская речь в большей степени ориентируется на русский литературный язык, однако степень его приближения к идеальному сильно отличается у говорящих в зависимости от уровня и характера образования.

Особенность социолингвистической ситуации Беларуси, по мнению Э. Смулковой, заключается в том, что на белорусско-польском пограничье сформировался билингвизм с диглоссией (по Ч. Фергюсону, Дж. Фишману), для которого характерно устойчивое сосуществование в качестве языка повседневного общения простой мовы, интердиалекта, бывшего когда-то средством межнационального общения в Великом княжестве Литовском, являющегося продолжением его разговорного варианта [см. 4, 8], и польского языка, выполняющего функции высокого языка. Ситуация на остальных территориях, однако, осложняется сосуществованием местных диалектов, трасянки и русского языка в случае выхода в общении за пределы круга близких/знакомых, что позволяет говорить скорее о парадиглоссии – ситуации, описанной Дж. Фишманом как пограничной между билингвизмом с диглоссией и диглоссией без билингвизма, которую ученый характеризует как диглоссию сообществ (środowiskowa) [9, с. 93]: поскольку данный тип диглоссии не охватывает общество в целом, выбор одного их двух или трех идиомов обычно диктуется сообществом, в которое входит говорящий или предполагает принадлежащим к данному сообществу адресата своего сообщения. За пределами парадиглоссии, или диглоссии сообществ, ситуацию можно охарактеризовать как билингвизм без диглоссии, поскольку функционально идиомы не закреплены. Проявлением такого билингвизма можно считать кодовые переключения в ходе одного коммуникативного акта, к которым прибегают говорящие, исходя из невысказанного, но всеми разделяемого убеждения в том, что все знают оба языка.

Если, по Дж. Фишману, билингвизму соответствует бикультурализм, то диглоссии сопутствует диэтнизм (di-ethnia), который составляет самую суть белорусской культуры, обогащает ее и составляет ее отличие: польский и русский культурные элементы «переварились» здесь в симбиоз, нечто неделимое, слитное.

Особое внимание у исследователей вызывает трасянка и ее влияние на ситуацию билингвизма в Беларуси: этот идиом отличают от единичных случаев интерференции в речи двуязычных говорящих, подчеркивая, что трасянка представляет собой такую степень взаимодействия двух языков, которая создает отдельное от своих первоисточников явление, существующее, однако, исключительно в идиолектах: «Трасянка замечена у людей малообразованных, причем в качестве единственного средства коммуникации, а также в карикатурной форме у людей образованных, обычно изъясняющихся по-русски, по тем или иным причинам желающим заговорить по-белорусски. Считаю, что трасянка – некий третий вариант, настолько перемешанный, что отнести его к русскому или белорусскому не удается, причем этот вариант не имеет

нормативного варианта, не обладает узусом, в связи с чем описать возможно только его идиолекты» [9, с. 91].

Статус трасянки вызывает споры у ученых, в связи с чем данный идиом получает разные терминологические определения. По мнению Г. Хентшеля, белорусско-русская смешанная речь (ученый последовательно отвергает коннотированный термин «трасянка», сопровождаемый стигматизацией носителей данного идиома) является «одной из форм койнеизации автохтонных субвариантов и доминирующего литературного языка (т.е. феноменом конвергенции между субвариантом и литературным языком)» [10, с. 172], причем в структурно-лингвистическом аспекте белорусско-русская смешанная речь является разновидностью белорусского языка, т.к. фонетика и словоизменение сохраняются свойственными субварианту белорусского языка, в то время как дискурсивные маркеры и синтаксические особенности заимствуются из русского.

На то, что трасянка представляет собой не социолект, а скорее культуролект указывает А. А. Баркович [1, с. 157]. И. В. Лисковец вводит термин *белорусско-русский интер-язык*, а И. В. Калита на фоне двух кодов (русского и белорусского языков) и двух субкодов последнего (наркомовки и «обновленной» тарашкевицы) рассматривает трасянку как транскод, т.е. «редкое психолингвистическое явление, возникающее в результате долгого, неравноправного взаимодействия двух родственных контактирующих языков, находящихся в отношении мажоритарный:миноритарный, где мажоритарный язык распространяет влияние всех своих субкодов в сферу компетенции миноритарного языка, постепенно вытесняя (или заменяя) их, используя при этом идеологический компонент как основной двигатель общей политики воздействия» [5, с. 176] и далее: «Транскод – явление родственное, но не тождественное креольским языкам, пиджинам, социолектам, социолектам, просторечию, сленгу» [Там же].

Трасянка получает контрастные оценки как в научном, так и в поэтическом осмыслении. По мнению С. М. Прохоровой, «трасянка – чудовищная смесь языков – не только показатель низкого культурного уровня страны – это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах» (Аргументы и факты в Беларуси. 1997. №38).

Подтверждения последней точки зрения находим в художественной литературе, где трасянка является способом маркировать не только речевое поведение, но и характер человека, его статус и жизненную позицию. Так, в романе Виктора Мартиновича «Мова», основанном на концептуальной метафоре *беларуская мова – наркотик*, представители власти объявляют любые речевые действия на белорусском языке преступлением и сами говорят на трасянке: *«Гражданин, пачэму вы нарушаеце граждански парадак?» Он пасматрел на меня и гаварит: «Ты чево да миня прычапиўся?" Панимаеця, "да миня", а не "ка мне" и – "прычапиўся". Ну, я тут же снял дубинку и принял меры»* [7, с. 182].

В произведении Андруся Горвата «Радзіва "Прудок"» на трасянке изъясняются малообразованные люди и руководители на местах, их свойство всего опасаться и стремление запретить «крамолу» становится объектом иронии. В следующей – воображаемой – сцене герой общается с руководителем от культуры:

Сяджу на крэсле насупраць Касячок.
– Што ў вас?
– Хачу напісаць тэкст. Прыйшоў па дазвол.
– Пра што тэкст?
– Пра кабачкі.
– Што вы імеяце ў віду?
– Гародніну.

– З якой цэлью?
– Расказаць пра свае кабачкі.
– Пры помашчы якіх срэдств вы будзеце расказваць пра кабачкі?
– Пры дапамозе прыметнікаў: вялікія і ўжо спелыя.
– Эээ, гэта прызыў да несанкцыянаванай акцыі. Давайце без «ужо» [3, с. 105].

Таким образом, в стереотипе говорящего на трасянке актуализируется признак ‘несвободный, лояльный к власти’. Русский – язык официальных сообщений, это язык чиновников как XIX века, так и нынешних и как таковой осложняется дополнительным признаком ‘чужой’, язык власти как маркер этой группы рождает в авторе дневника сопротивление: *Мінскі гарвыканкам неспадзеўкі даслаў эсэмэску: “Убедительно просим убрать снег у машиномест и во дворах”. Я назад засыпаў снегам свою сцежку ў двары* [3, с. 161]. Но, кроме этого, русский – язык части белорусов, они представляются автору теми, кто отказывается быть вовлеченным в общее белорусское пространство и этим вызывает раздражение: *...ну скажы ты: «Ага, з цукрам, з цукрам!» Але не, там жа ў галаве такая пазіцыя: “Я уважаю белорусскоязычных (афробелорусов), но сам разговариваю на русском и не буду марать свою речь белорусскими словами, потому что нужно или так, или так”* [3, с. 173]. Мотивом их отказа мыслится презрение к белорусскому языку, и эта группа упрекается в высокомерии, что подчеркивается ироническим снижением образа *я* с помощью трасянки: *Прасціця-ізвяніця, што нарушыў ваш спакой і пасмеў па-беларускі абраціцца* [Там же].

Показательно, что трасянка как я-код возникает чаще в комическом контексте, и этим противопоставляется кодифицированному белорусскому языку как языку высокой культуры. Михалок, белорусский рок-музыкант, пишет: “Трасянка – кич, несерьезный язык, язык богемы. На трасянке говорят мои друзья – поэты, художники, театралы. Трасянка далась мне легче, чем белорусский. Я не умею иронизировать по-белорусски” (по: Калита, с. 131).

В поддержку такой точке зрения стоит привести мнение белорусского культуролога Максима Жбанкова, рассматривающего трасянку как культурную ценность и как анти-язык, позволяющий выразить сопротивление доминированию русского языка: «Trasjanka, оказывается своего рода тайная, партизанская форма сохранения белорусского языка в контексте колониального лингвистического вмешательства В то же самое время именно через трасянку эти колониальные коды разрушаются. В этом случае трасянка может быть рассмотрена как мощное средство для строительства национального самосознания» [цит. по: 2, с. 310].

В большинстве рассмотренных нами случаев интернет-коммуникации кодовое переключение на трасянку означает пародирование, непрямое выражение несогласия, высмеивание своего предполагаемого адресата, которого говорящий начинает проецировать на типичного носителя не разделяемых им ценностей. Среди таких фрагментов интеракции довольно многочисленны случаи фразовых вкраплений, емко выражающих жизненные максимы: *страна, где усе добра; типичное рассуждение в духе «а можа так і трэба»; поколение абы не была вайны*, а также интертекстуальные вкрапления трасянки, пародирующие речь первого лица: *А всех, кто не входит в рамки, — жэстачайшэ запретить и отправить в спецшколу, как в СССР*.

Лексические и идиоматические включения стандартного белорусского в текст на русском языке могут быть вызваны стремлением подчеркнуть национально-культурный компонент языковых знаков в случае неполной эквивалентности знаков русского языка. В энциклопедии повседневности «Бацькаўшчына» (www.the-village.me/village/cult), созданной на русском языке, включены такие словарные статьи: *беднасць*, *змагар* (толкование: человек, разговаривающий на белорусском языке и

продвигающий белорускую культуру; является сторонником оппозиции; главный пассажир автозака), *па пяццот*, *покуць*, *куфар*, *падабайка* (белоруский лайк; образовано от слова “падабаецца”, т.е. “нравится”), *прысмакі*, *хутка-смачна* (киоски с белорусским фаст-фудом) и др. Мотивация включений в монологической речи не всегда объяснима, но билингвы настолько чувствительны к различиям и настолько дорожат дополнительными коннотативными возможностями включаемых знаков и установлением каких-то дополнительных связей со своим адерсатом, что для некоторых языковых личностей кодовые переключения становятся частью речевого поведения: *Нам ничего не остается, будем* ***спадзявацца****!* (вместо *надеяться*)*; Ну что ты такая* ***нязграбная****!* (вместо *неловкая*)*; Работа может и не самая хорошая, но не такая, что* ***пусці – павалюся*** (из личного разговора). Многие подобные случаи кодовых переключений с однонаправленной интенцией осложняются трудно определимыми прагматическими установками, часто в них присутствует авторская самоирония.

Итак, проведенный анализ позволяет уточнить иконический характер социального значения идиомов в языковой ситуации в Беларуси: случаи кодовых переключений в ситуации диалога с русского или белорусского стандартного языка на трасянку предполагает воображаемого адресата, маркируемого как часть социальной группы, в сильной степени стереотипизированной, наделенной низкой оценкой, кроме того, переключения на трасянку являются маркерами чужого мнения, альтернативной точкой зрения. Вместе с тем, кодовые переключения на белорусский язык в монологическом тексте выполняют совершенно иные функции – заполнения лексических лакун в индивидуальном языке говорящего и повышения экспрессии, предельного уточнения отношения говорящего к теме сообщения в прагматическом отношении.

Отметим, что осмысление языка и языковой ситуации в интернет-коммуникации происходит с помощью военных метафор: *Мова для мяне – гэта тарпеда! Нездарма кажуць, што словам можна забіць... Што датычыцца гэтак званай трэцяй тарпеды – трасянкі. Гэта выключная зброя. У акадэмічных установах яе не вывучаюць – яе прыгажосць, дасканалась, моц можна зразумець толькі ў пэўных аддаленых беларускіх мястэчках і з экранаў дзяржаўнага тэлебачання. Гэтая трэцяя тарпеда самае лепшае, што есць у беларуса! ...у гэтай трэцяй аб’ядналіся калгаснік і шахцер, чыноўнік і бухгалтар, гандлярка і сантэхнік! Калі гэтаі сумесь, дык ейная квінтэсенцыя ўнікальная! Бо гэтую тарпеду напампавалі звадкавым газам хлебных палеў і гарадскіх праспектаў!* (http://zmij-vish.livejournal.com/34114.html [Цит. по: 5, с. 60–61]). Агрессивные военные метафоры могут быть ответом на естественные биологические метафоры. Например, Ян Максимюк пишет: *Інтарэс захаваньня і ўзмацненьня беларускай дзяржавы якраз патрабуе ўлучэньня расійскай мовы ў нацыянальны культурны кровазварот* (svaboda.org/a/24611572.html). В комментариях читаем: *Ступіўшы за парог уласнага жытла “беларускамоўны” аўтаматычна пападае ў траншэю псыхалагічнае вайны, якое ен не пачынаў. І «говорите по-человечески» – не есць тут самай вострае стычкаю*. В целом, такая метафорика, как и кодовое переключение в тексте комментария, говорит о том, что языки выполняют функцию не объединения социума, а скорее, напротив, его атомизации, противопоставления групп, что диглоссия сообществ является осознаваемой нами реальностью, различия идиомов очерчиваются значительно яснее в идеологическом контексте.

Таким образом, для моделирования языковой ситуации в Беларуси оказываются релевантными не только оппозиции *высокий – низкий* язык (престижный – стигматизированный в терминах У. Лабова) и *свой – чужой*, необходимо также учитывать идеологический контекст, который формирует в отношении идиомов

противопоставление *лояльный власти – оппозиционный*. Причем дифференцирует белорусский социум отношение к белорусскому языку, которому приписывают 'внутреннюю оппозиционность' и 'элитарность' [6, с. 17]. Отмеченные оппозиции формируют отношение к говорящим, они же диктуют выбор идиома в зависимости от собеседника.

Литература

1. *Баркович А. А.* Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. Москва, 2015.
2. *Вулхайзер К.* Может ли русский язык быть национальным языком для более чем одной нации? // Перекрестки. 2012. № 1–2. С. 280–313.
3. *Горват А.* Радзіва "Прудок". Мінск, 2017.
4. *Иванов Вяч.Вс.* «По-просту»: языки Великого княжества Литовского. Иванов, Вяс. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. Москва, 2004. С. 101–105.
5. *Калита И. В.* Современная Беларусь: Языки и национальная идентичность. Ústí nad Labem, 2010.
6. *Лисковец И. В.* Русский и белорусский языки в Минске: проблемы двуязычия и отношения к языку. Санкт-Петербург, 2006.
7. *Марціновіч В.* Мова. Мінск, 2014.
8. *Прохорова С., Десюкевич О.* Белорусские говоры (вокруг Новогрудка, Браслава, Миор и Постав) в исторической перспективе // Acta Baltico-Slavica 31. Warszawa, 2007. С. 205–212.
9. *Смулкова Э.* Двуязычие по-белорусски: билингвизм, диглоссия или что-то другое? Język a tożsamość na pograniczu kultur / Red.: E. Smułkowa, A. Engielking. Białystok, 2000. С 90–100.
10. *Хентшель Г.* Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов – Языковой контакт. Минск, 2015. С. 171–185.
11. *Bell A.* The guidebook to sociolinguistics. Wiley-Blackwell, 2014.
12. *Pavlenko A.* The bilingual mind and what it tells us about language and thoughts. Cambridge, 2014.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И ЧЕЛОВЕКА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Ионова Светлана
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия
sionova@mail.ru

ECOLOGY OF LANGUAGE AND HUMAN: THE OBJECT OF INFLUENCE

Ionova Svetlana
The State Institute of Russian Language named after A. S. Pushkin, Russia

Abstract: *In the article the problem of determination of object of ecolinguistcs is examined in different aspects, differentiated depending on their place in the dyad "object & environment". When estimating ecologically meaningful linguistic objects, it is suggested to distinguish two approaches: ecology of language and ecology of a human being. Each of the approaches is mediated by language factors salient in different statuses.*

Key words: *ecolinguistics, object of ecolinguistics, ecological environment, development, positive / negative influence.*

Понятие экологичности / неэкологичности сегодня активно используется лингвистами для обоснования языковой и речевой ситуации в лингвокультуре. По поводу содержания понятия «экология» учеными разных специальностей чаще всего используются слова «забота», «охрана», «сохранение», «защита», «оздоровление» и др. В применении к лингвистическим явлениям вопрос о том, что является объектом защиты и охраны, а что воздействует на него, оказывается сложным, а ответ на него неоднозначным. «Охранные» меры предлагается применять к явлениям разного порядка: от языковых единиц (см. слова, иноязычных единиц, устаревшей лексики, жаргонизмов), языкового строя (тенденций к аналитизму, сохранения языков малых народов и исчезающих языков), норм речи (культуры речи, культуры коммуникации, этики общения, уместности речевых высказываний) до сознания, психического и физического здоровья человека, его коммуникативной адаптации в обществе, формирования мировоззрения молодого поколения. Все это позволяет говорить о том, что эколингвистика сегодня охватывает все более широкий объем материала для объяснения, вследствие чего необходимо формулирование разных аспектов и разделов данной отрасли науки.

Совокупность научных проблем, образовавшихся на стыке экологической и языковедческой научных областей, в отечественной лингвистике не является однородной и дает основание для выделения разных аспектов эколингвистических исследований. Обоснование разделов в неоднородной структуре эколингвистики производится по разным основаниям [1; 3; 5; 6]. Одним из критериев для их выделения может служить соотношение основных понятий экологической науки «объект» и «среда», определяющих системные связи между исследуемыми явлениями в парадигме «объект – среда» [10]**.** Среда – комплекс взаимосвязанных абиотических и биотических факторов, находящихся вне организма и определяющих его жизнедеятельность; объект – организм, существующий в заданной среде и взаимодействующий с ней. В зависимости от того, какой именно «организм» рассматривается в качестве объекта эколингвистического наблюдения и что при этом составляет среду его функционирования, можно выделить два подхода к исследованию лингвистических проблем в рамках эколингвистики*: экологию языка/ речи* и *экологию человека / общества*.

Экология языка / речи. При данном подходе объектом изучения и описания является язык, его чистота, правильность, цельность и последовательность в выполнении основных функций. Он «воспринимается как жертва негативных воздействий», его требуется защищать, охранять и в связи с чем требуется создание охранной службы языка. Именно язык стоит в центе внимания в терминологии, дефинициях основных понятий, ссылочном аппарате, исследуемом материале, названиях работ, конференций и семинаров ученых, придерживающихся названного подхода. Приведем примеры: *«Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи» (Скворцов Л. И.), «Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе» (Сковородников А. П.), «Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики» (Бернацкая Г. А.) «Культура русской речи и экология слова» (Колганова Л. В.) и др.*

В приведенных названиях видно, что экология языка здесь понимается в строгом смысле слова – сохранение национального языка как средства национальной идентичности, хранителя культурной информации и эффективного средства общения. Это отражается в словарных определениях [2; 12, с. 197]. Предметом экологии здесь является взаимоотношение языка с окружающей их средой, в качестве которой выступают природные, социальные и культурные условия, необходимые для сохранения самобытности этнической общности и ее языка: цельность территории, сохранность национальной культуры, традиционных сфер деятельности носителей языка, а также высокий уровень национального самосознания.

Такой подход в эколингвистике является в собственном смысле слова *экологией языка*, внутри которой предлагается выделять *экологию языка* и *речи* [5, с. 78–89]. Не случайно первые исследования в этом направлении в нашей стране касались области культуры речи, стилистики, риторики, усилия которых были направлены на изучение нарушений правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи как фактора проникновения отрицательного узуса в систему (Л. И. Сворцов, А. П. Сковородников, О. Б. Сиротинина, Миловатский В. С., Е. Н. Сердобинцева и др.). Миссия таких исследований, по определению самих ученых, состоит в направлении усилий лингвистов на снятие или ослабление негативных тенденций в использовании языка, предотвращение регресса языка в плане обеднения его выразительных ресурсов. Сегодня ученые говорят о том, что к задачам эколингвистики следует относить «не только сохранение, но и обогащение и развитие языка, изучение способов эффективной коммуникации, борьбы с подстерегающей нас едва ли не на каждом шагу рискогенностью общения» [11, с. 179].

Среда в научных концепциях сторонников данного направления предстает в виде совокупности внешних условий, системы внешнего окружения, свойства которого накладывают отпечаток на объект изучения и сами изменяются под влиянием находящегося в нем объекта. Учитывая многообразный характер внешних воздействий экологическую среду для конкретного национального языка могут составлять антропогенные факторы – все, что связано его узусом, условиями использования языка человеком в разных сферах коммуникации, влиянием научно-технического прогресса и общественных регуляторов (см., например, языковая политика государств).

Другим экологически значимым фактором воздействия на язык можно считать среду других языков, образующих по отношении к нему внешнюю среду и влияющих на его развитие. А. А. Бернацкая предлагает подобной аспект называть транслингвальным: «Он связан с использованием единиц, средств, реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре» [1]. В условиях усилившейся международной интеграции и глобализации данный аспект эколингвистических исследований особенно актуализировался.

Историческая миссия лингвистов этого направления – описать, зафиксировать в исторической памяти человечества каждый язык и его непреходящую культурно-историческую ценность. Объектом заботы и защиты здесь являются не отдельные подсистемы языка, а язык как функционирующая целостная система.

Таким образом, объектом эколингвистики оказывается язык, в том числе в его речевом функционировании, он же воспринимается как жертва негативных воздействий, которую требуется спасать и охранять от воздействия негативной окружающей среды разного масштаба, а также развивать в целях достижения максимально эффективной коммуникации.

Экология человека / общества. Язык, имея материальную составляющую, именуемую в лингвистике планом выражения языковых знаков, носителем содержания, способен выступать в качестве воздействующей среды, масштаб его «энергетического и информационного взаимодействия» для реальной окружающей среды, физической среды обитания человека «отнюдь не безобиден» [4, с. 39]. В научном и обыденном сознании современного человека находят все большее закрепление такие понятия, как «языковая среда», «текстовая среда», «информационная среда», сами названия которых демонстрируют, что в данном случае знаковые образования становятся окружением (средой) для некоего объекта, на который оно воздействует.

Расширительные трактовки содержания эколингвистики указывают на значительную роль речевых практик, речевых произведений, вербализованной в них информация в целом, всего, что создано средствами языка и используется в информационной, коммуникативной, интеллектуальной сферах деятельности человека, на формирование его микро- и макросреды обитания. Такие подходы также отражаются в названиях конференций, выпускаемых книг и статей: *«Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве» (Волгоград, 2013); «Экология языка, речи и информации» (А. Панкеев, 2012), «Медийная экологичность как способ / средство диффамации адресата (В. И. Шаховский);* «*Информационная экология» (Мизинцева М. Ф., Королева Л. М., Бондарь В. В.) и др.*

Анализ работ, выполняемых в данном аспекте, позволяет выделить у них единый подход, который соответствует одному из постулатов эколингвистики: язык является не только инструментом познания окружающего мира, но и средством воздействия на социальную и природную среду обитания.

Семиотическая среда составляет те условия, в которых живет, формируется, изменяется человек, это динамически функционирующее, саморазвивающееся текстовое пространство, воздействующие на членов общества (см. приведенных примерах: *топонимическая среда, медийное пространство региона, медицинский дискурс, коммуникативное пространство* и др.). Основной вопрос, который решается при данном подходе – определение того, насколько экологично информационное, языковое, текстовое окружение человека, насколько гармоничны отношения между человеком и информационной средой его обитания [14]. В этом случае в центр рассмотрения выдвигается проблема установления признаков экологичности в применении к такому сложному явлению, как коммуникативная, текстовая, информационная среда и ее воздействие на сознание адресатов, потребляющих многочисленные текстовые сообщения, живущих в контексте всеобщей диалогичности (по М. М. Бахтину). Благоприятная информационная среда представляет условия для развития субъекта информационного пространства, неблагоприятное информационное окружение угнетает его жизненный и производственный потенциал. Объектом защиты здесь становится конкретный индивид, социальные, национальные и профессиональные группы людей, целые сообщества и социум в целом. Данный подход в эколингвистике предлагаем обозначить как *экологии человека / общества*.

Семиотическое окружение названных объектов предстает соответственно как система расширяющихся контекстов – он минимальной речевой ситуации до глобального вертикального контекста. Знаковые образования воздействуют на человека не непосредственно, а опосредованно, через каналы его сознания и подсознательных механизмов психики, именно посредством психосферы человека осуществляется знаковая функция языка и построение с его помощью картины мира, объясняются психосоматические явления, истоки многих физических и психических недугов. Верна и обратная зависимость: только посредством языка, речи, текстов осуществляется психологическое воздействие на человека, в связи с чем названный аспект эколингвистики, по нашему мнению, должен входить в область исследований языковедов.

Неэкологичное общение основывается на использовании коммуникантами речевых действий, ведущих к деструкциям разного рода (деструкция от лат. *destructio* – разрушение). В межличностном взаимодействии деструкции проявляются в таких формах контактов, которые затрудняют или делают невозможными позитивные отношения между людьми, пагубно сказываются на человеке или обоих партнерах: разрушение дружеских, любовных отношений, искренности, тепла и доверительности общения, утрата личных контактов. В социальных интеракциях нетолерантная коммуникация нарушает или прекращает действие традиций, общественных правил, этических норм, приемлемого стиля взаимодействия, что ведет к появлению беспорядка, хаоса, массовой агрессии, социальной розни, падению нравов. С учетом развивающейся сегодня отрасли эколингвистики – эмотивной лингвоэкологии [15] следует говорить, что подобные воздействия посредством эмоциональной сферы человека способны проникать в глубинные слои национального и индивидуального сознания, в личностные смыслы человека, деструктивные влияния на которые равноценны деформации личности и общества.

Перечисленные выше проблемы согласуются с традиционными и новыми вопросами, решаемыми сегодня лингвистами. Они находят отклик в правительственных документах и законодательных актах. В речевой обиход все увереннее входят термины, касающиеся защиты человека от продуктов информационных обменов. См., например: *информационная безопасность детей; информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей*; *классификация информационной продукции* и др. [7].

Сегодня исследование данных проблем в лингвистике находятся на начальной стадии, и эколингвистика может стать тем мотивирующим фактором, который бы способствовал решению прикладных задач языкознания исходя из их социальной важности, о чем все более активнее пишут ученые: «Резко обозначились медицинские, нравственные, этические, правовые аспекты жизни человека в условиях его нового информационного окружения, т.е. проблема безопасности человека в современной информационной среде» [9, с. 84].

О необходимости аспектного похода в эколингвистике. При рассмотрении двух аспектов эколингвистических исследований следует учитывать, что любое выделение моделей, типов, подходов имеет искусственный характер и служит исследовательским целям. Именно поэтому, вероятно, при определении миссии эколингвистики ученые часто стремятся преодолеть дискретность модели и охватить максимальный объем задач, входящих в сферу ее исследования, где оба рассматриваемых нами аспекта являются важнейшими сторонами этой молодой отрасли науки.

В континууме жизни экология языка / речи и экология человека / общества неразрывны, имеют значительные области пересечения, касающиеся, в частности,

сферы речи и коммуникации. В то же время предложенное в данной статье аспектное рассмотрение лингвистических явлений в плане их экологичности позволяет исследователю более точно определить исходную теоретическую позицию, объект и цель изучения материала. Аспектный подход к рассмотрению проблемы акцентирует внимание на актуальной задаче, позволяет более точно сформулировать методологию и методику лингвистического исследования, принятую в ней систему терминов, единицу анализа.

Литература

1. *Бернацкая А. А.* О трех аспектах экологии языка // Вестник КрасГУ: Гуманитарные науки, 2003. №4. С. 32–38.
2. *Жеребило Т. В.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
3. *Ионова С. В.* К вопросу о признаках экологичности текстовой коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание, 2011. № 1 (13). С. 82–90.
4. *Ким И. Е.* Языковая технология и окружающая среда (к постановке проблемы) // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 1. С. 38–44.
5. *Копнина Г. А.* Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // Экология языка и коммуникативная практика, 2014. № 2. С. 78–89.
6. *Курашкина Н. А.* Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // Экология языка и коммуникативная практика, 2015. № 2. С. 143–156.
7. *«О защите детей* от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск, 2010. № 5376 (297).
8. *О санитарно-эпидемиологическом* благополучии населения. Федеральный закон № № 52-ФЗ // Гарант. Информационно-правовое обеспечение. URL: http://base.garant.ru/12115118 (дата обращения: 20.03.2016).
9. *Пахомова М. Н.* Информационная перегрузка как фактор, влияющий на проявление закона Йеркса-Додсона в потребительском поведении // Психологические науки: теория и практика: материалы междунар. науч. конф. (г. Москва, февраль 2012 г.). Москва: Буки-Веди, 2012. С. 84–86.
10. *Пианка Э.* Эволюционная экология. Москва: Мир, 1981. 400 с.
11. *Сиротинина О. Б.* Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 177–193.
12. *Сковородников А. П.* О предмете эколингвистики применительно к состоянию современного русского языка // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 194–222.
13. *Сущенко Е. А.* Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. Л. Г. Татарниковой. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 424 с.
14. *Шаховский В. И., Ионова С. В.* Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект //Антропология языка: сборник статей. Москва, 2012. С. 137–148.
15. *Эмотивная лингвоэкология* в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. проф. В. И. Шаховский. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ПРОЗЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ (ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Карпенко Илья
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия
ikarpenko@yandex.ru

THE ROLE OF THE LINGUISTIC PERSONALITY IN THE HISTORY OF THE SILVER AGE PROSE: ALEXEI REMIZOV (LINGUISTIC ASPECT)

Karpenko Ilia
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Abstract: *This article examines poetic diction of literary texts of the major Russian writer of the 20th century Alexey Remizov in relation to the literary phenomenon of Russian literature of the Silver Age – ornamental prose, and work of one of its brightest representatives.*

Key words: *Russian literature; Silver Age; literary texts; linguopoetics analysis; poetic diction; artistical technique; ornamental prose; Alexey Remizov.*

Конец XIX – первая треть XX века, заслуженно именуемые Серебряным веком русской литературы, стали особым периодом для развития прозы, поэзии и драматургии в России. В свою очередь, **орнаментальная проза** занимает весьма важное место в литературном процессе того времени. Родившись «на переломе эпохи», она стала уникальным явлением, в котором нашли отражение тектонические сдвиги в истории страны. Эта необычная проза заняла особое место не только благодаря их художественному осмыслению и описанию, но и из-за своей своеобразной поэтики, литературного экспериментаторства, оригинального языка. Прежде всего обращает на себя внимание формальная сторона и изобразительные языковые средства, призванные отразить новую историческую эпоху – поистине тектонические сдвиги периода революций, войн и великих потрясений всех сфер жизни России и мира. Этот литературный феномен, возникший в начале XX века и представленный творчеством Алексея Ремизова, Андрея Белого, Бориса Пильняка, Евгения Замятина и др., дает богатый материал для изучения компонентов «орнаментальной эстетики» и характерных особенностей и своеобразия художественного мышления писателей Серебряного века.

По сути, русская орнаменталистика наметила тот путь эстетического освоения мира, который рождался параллельно с нею на Западе (в лице Джеймса Джойса, Джона Дос Пассоса и других) и впоследствии там успешно развивался. В России же (точнее, в СССР) это направление было уничтожено, кончившись вместе с начавшимся в 1929 году «великим переломом». И как нередко бывало, русская эстетическая мысль, став, по сути, родоначальником нового направления, впоследствии «наверстывала» утраченное запоздалым эпигонством…

Причиной появления этого литературного направления Виктор Шкловский, который и ввел в научный обиход термин **орнаментальная проза**, считал *«ослабление ощущения сюжета и перенесение установки на образ»* [15, с. 227]. Стремление к максимальной выразительности образа в поэтической структуре орнаментального текста изначально обусловило характерные особенности и нового типа художественного мышления, и новой русской прозы вообще.

Орнаментальная проза отказывается от сюжета, фабулы и традиционной повествовательной формы в принципе. Она «монтажна», графически расцвечена, изукрашена сновидениями, мозаичными вкраплениями разнородных текстов, различных отрывков, документов, поэтических новелл и т.д. Художественным текстам этого типа присуща повышенная «ощутимость» образно-речевой формы: их отличает метафоричность, ассоциативность образов, активное использование повторов,

лейтмотивов, активная символизация и «тропеизация», обостренное внимание к слову, его внутренней форме.

Таким образом, орнаментальная проза успешно продолжила блистательную «линию Гоголя» в русской литературе. Лингвопоэтический анализ этих текстов дает богатый материал для изучения характерных особенностей художественного мышления писателей Серебряного века и позволяет говорить об особой **орнаментальной эстетике** данного вида художественных текстов с присущими лишь ей изобразительными компонентами и типологическими особенностями.

В конце 1980-х годов имена и произведения Андрея Белого, Алексея Ремизова, Евгения Замятина, Бориса Пильняка, Артема Веселого, Конст. Вагинова, Ларисы Рейснер и других писателей-орнаменталистов были возвращены широкому читательскому и научному сообществу. Однако при этом имя **Алексея Михайловича Ремизова** (1877–1957) продолжает стоять среди них несколько «особняком».

Марина Цветаева писала: *«Не только самым живым из русских писателей, но живой сокровищницей русской души и речи считаю – за явностью и договаривать стыдно – Алексея Михайловича Ремизова, без которого… не обошелся ни один из современных молодых русских прозаиков. Ремизову, будь я какой угодно властью российской, немедленно присудила бы звание русского народного писателя… Для сохранения России, в вечном ее смысле, им сделано более, чем всеми политиками вместе. Равен труду Ремизова только подвиг солдата на посту»* [7, с. 368].

Как в литературе, так и в жизни Алексей Ремизов все делал на свой особый, свойственный только ему «лад» и «манер». Это признавали и современники Ремизова, и историки литературы, и сегодняшние исследователи, спустя многие десятилетия получившие возможность прикоснуться к его замечательным текстам. Однако при всей их примечательности и «приметности» Ремизов остается писателем до конца неизученным, незаслуженно забытым и далеко не разгаданным. Не зря американский славист и литературовед Владимир Марков называет Ремизова *«неизвестным писателем»* [5]. Увы, минувший год – юбилейный для Ремизова, в июле которого исполнилось 140 лет со дня его рождения, этот прискорбный факт лишь подтвердил…

В первую очередь обращает на себя внимание удивительный язык Ремизова, не похожий ни на чей иной писательский дискурс. Язык, обращенный в XVII век и древнюю допетровскую Русь. Алексей Ремизов и привлекал, и пугал современников своей *языковой чрезмерностью*, выделяясь ею даже среди «пристрастных к слову» своих собратьев по цеху, орнаменталистов.

Сам Ремизов противопоставлял себя **«писателям – поставщикам “литературного чтúва”»**. И 70-летний Ремизов без тени иронии в Париже, в квартире на Буало, 7, где прожил в эмиграции с октября 1933-го по ноябрь 1957 года, пишет в зачине к своей книге ***«Иверень»***, подзаголовком к которой – ***«Загогулины моей памяти»***:

«Они и есть настоящие писатели, “профессиональные” в ряду мастеров другого, не литературного, ремесла. А я и вообразить себе не мог, как это пишутся рассказы “к сроку” или роман за романом – из года в год» [10, с. 265]. Он как бы извиняется и, оставаясь верным своей всегдашней позиции «литературного юродивого», продолжает: *«А ведь не могу я, как равный с равным, и говоря, смотрю снизу вверх, я – не “настоящий”…»* И далее в той же книге ***«Иверень»***, которая вкупе с предшествующей – ***«Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут моей памяти»*** – была задумана и исполнена как дилогия с целью рассказать о своем, таком странном, «не настоящем» писательстве, Ремизов пишет: *«Бельмом в глазу был для критики мой слог – моя некнижная русская речь. А по мне тыкали и других тем же»* [10, с. 267].

Изобразительная система ремизовской прозы сформировалась не сразу. Однако уже с первой книги сказок ***«Посолонь»*** (1906), через фантастический сказочный мир ярко

проявилось особое отношение Ремизова к слову, сокровенным тайникам значений. В «Посолони», как писал Максимилиан Волошин, Ремизов *«разоблачает внутреннюю сущность, древний сон каждой вещи»* [2, с. 509].

Волошин указывает, что *«главная драгоценность ее – это ее язык. Старинный ларец из резной кости, наполненный драгоценными камнями. Сокровища слов, собранных с глубокой любовью поэтом-коллекционером»* (там же, с. 508). Заслуга Ремизова именно в том, что он обновил язык – взял «часть от древних сокровищ, скрытых в тайниках языка», и бросил их в литературу.

Уже в названии первой книги сказок Ремизова – языковая игра: *«посолонь»*, то есть «по солнцу». Именно так, по чередованию времен года, «с весны на зиму», и озаглавлены части книги – ***«Весна-красна», «Лето красное», «Осень темная», «Зима лютая»***. Причем Ремизов сопровождает свою книгу «Примечаниями», в которых не столько стремится объяснить значение слов, сколько – вместе с читателем – вникнуть в их «прасмысл»: *«Церковнославянское слънь (слонь), слънь-це (слоньце), древнерусское сълънь (солонь), сълън-це (солоньце) – солнце, отсюда посълънь (посолонь) – по солнцу»* [13, с. 89].

Большую роль играет звуковая семантика слов: *алалакать* – причитать, от *алала* – вздор, бессмыслица; *таратора* – болтун, таранта, от *тараторить* – болтать, трещать, тарантить; *криксы-вараксы*: *крикса* – крикун, плакса, *варакса* – болтун, пустомеля, *вараксать, варакосить, варакать* – вракать, болтать пустяки, говорить вздор (Словарь Даля). Кроме того, особое значение приобретает их смысловая трансформации в тексте, например, *вытарашка*: *вытараска, вытарасок* – кто ходит, вытараща, выпучив глаза (Словарь Даля).

В «Примечаниях» Ремизова *вытарашка* – также название вечно тревожащегося, мечущегося человека. Ср. в тексте «Посолони»: *«Алая Вытарашка ... знобит неугасимая горячую кровь, ретивое сердце»*, и, соответственно, олицетворение любовной страсти, лишающей человека рассудка [13, с. 35, 96]. Так рождается не просто изобразительная декоративность языка, но особая **орнаментальная образность**, в целом определившая специфику индивидуального стиля Ремизова.

На уровне лексической организации текста Ремизова его характерными образно-речевыми доминантами выступают авторские неологизмы и окказионализмы: отглагольные существительные, образованные при помощи усечения (*«выпуль и вздор»* – от выпуливать; *«хлоп по глазам»* – от хлопать); например: *«И горячо овеяло меня до глуби – до самого сердца и было похоже на содрогавший меня хлыв накатывающих слов»* (ср.: *глубь*, *хлыв*; «Иверень»). А также наречные (*«ударило вшиб»*) и глагольные новообразования ([Петр I] *«лежебок вскнутнет»* – от кнут) и др.

Таким образом, наиболее яркой чертой идиолекта Ремизова является поэтическая актуализация внутренней формы слова и архаических образно-речевых средств, определившая своеобразие его идиостиля. Характерная черта русского языкового сознания – объяснять любую непонятную внутреннюю форму (примером тому может служить народная этимология, «языковая игра», фольклор), в орнаментальной прозе Ремизова проявляется в том, что текст может иметь «метатекстовый» характер, то есть являться объяснением к внутренней форме (ср.: *«огонь планул из сердца неудержимо»* – от пламя).

Алексей Ремизов, хотя и начинал свой путь в писательство с жанра сказки, не был *сказочником* par excellence (как Михаил Бажов, например). Ведь сказки писали многие русские писатели – Лев Толстой, Николай Лесков, Максим Горький, Андрей Платонов, Федор Сологуб, Зинаида Гиппиус, Леонид Андреев (*«Сказочки не совсем для детей»*) и другие. Даже «архитектор ледоколов», корабел по службе и писатель-*орнаменталист* по призванию Евгений Замятин писал сказки (такие как *«Бог»*, *«Ангел Дормидон»*,

«Херувимы», *«Халдей»*, а также *«Электричество»*, *«Бяка и Кака»*, четыре *«Сказки про Фиту»* и другие).

Однако сказки Алексея Ремизова занимают особое место в истории русской литературы: их высоко ценили не только Максимилиан Волошин, но и Андрей Белый, Александр Блок, Валерий Брюсов, Вяч. Иванов и многие другие, а самого Ремизова заслуженно считали лучшим сказочником начала XX века. Нужно отметить, что Ремизов как *сказочник* был чрезвычайно плодовит, написав несколько книг сказок (кроме ***«Посолони» – «Докука и балагурье», «Укрепа», «Сибирский пряник», «Заветные сказы»*** и др.). Но главное, что этим жанром он решал также и несколько иные, чем остальные русские писатели, творческие задачи.

На наш взгляд, сказки для него были, с одной стороны, неким «оселком», на котором он начал оттачивать свой неповторимый стиль, а с другой – «отправным пунктом», с которого он тронулся в путь освоения виртуального пространства своих собственных творческих «амбаров». Придя затем к сновидениям и к своей во многом «сказочно-сновидческой» романной беллетристике (***«Часы», «Крестовые сестры», «Пятая язва»*** и др.), которую именно по этой причине и беллетристикой-то назвать весьма сложно. Именно через сказку Ремизов заглянул в глубины русского слова и старинного русского **лада слов**, став его *проводником* на протяжении всей своей долгой и многотрудной творческой жизни.

Сказки сослужили ему хорошую службу, развив то писательское чутье, сообразуясь с которым он и пошел по своему тернистому литературному пути. Ремизовская **игра**, начавшись со сказок, сопутствует *игре языковой* – его словесной «раскрепощенности», особому отношению к слову, «пра-смыслу», прообразу слова, его внутренней форме. Здесь же кроются и истоки **«без-образия»** Ремизова, о которой он писал в «Иверени»: *«Оно приходит – назовите, как я говорю: “бéз-образие” или по-вашему “безобразием” – всегда без подготовки, никакого замысла, а лишь по наитию и осенению, вдруг. /.../ С «без-образием» жизнь несравненно богаче – это заключение из всей моей жизни. Оно, как сновидение и как поэзия, сестра сновидений»* [10, с. 361–362].

Как определяет эту особенность творчества Ремизова Елена Обатнина, его «без-образие» – это «отказ от предустановленных смыслов»: *«Безобразие соотносится не с пошлым, низким и похабным, но с безóбразным, т.е. спонтанным, непредумышленным, пред-нормативным»* [6, с. 202].

Отсюда проистекает также и маска чудака, «юродивого», о которой говорили многие и о которой воспоминает, воспроизводя слова Зинаиды Гиппиус, Андрей Белый: *«Тень пережитого – в больном юродничанье; это – маска боли его»*. И далее: *«Когда я ближе узнал я большого писателя, первые ж строчки которого встретил со вздрогом, то я его оценил и человечески полюбил»*, – пишет Андрей Белый [1, с. 65].

Как писал Виктор Шкловский, хорошо знавший Ремизова по «русскому Берлину» 1920-х, *«Ремизов живет в жизни методами искусства... Мы юродствует в этом мире, чтобы быть свободными»* [16, с. 296].

Сам облик писателя способствовал устойчивости этой литературной маски чудака, «юродивого»: *«Дверь медленно приотворилась, и в нее тоже медленно, точно боясь наступить на что-то хрупкое, не вошел, а втиснулся невысокий человек. Он сутулился, втягивая голову в широкие плечи, на которых висел толстый байковый шарф. Из-под круглых очков темные глаза смотрели на меня сбоку, но пристально. На широком, скуластом, азиатском лице ползла не улыбка, только усмешка, приподымавшая углы плотно сжатого, не по росту большого рта»* [14]. Так описала свою первую встречу и первое впечатление от Алексея Михайловича Ремизова Ариадна Тыркова-Вильямс.

Маленький, сгорбленный, курносый, «с огромным лбом и торчащими во все стороны вихрами», похожий на «чертяку», крадущийся, вкрадчивый; как будто робкий,

но и насмешливый; как будто жалкий, но и сам склонный подшутить, разыграть, мистифицировать – именно таким врезался Алексей Ремизов в память современников.

Шкловский вспоминал: *«Росту он малого, волос имеет густой и одним большим вихром – ежиком. Сутулится, а губы красные-красные. Нос курносый, и все – нарочно /…/ Комната Ремизова вся в куколках, в чертиках, а Ремизов сидит и шипит на всех: “Тише! – хозяйка”, – и поднимает палец. Он не боится хозяйки – он играет»* [16, с. 295–296].

В продолжение этой **игры** и этого **«юродства»** Ремизов придумал и «основал» (видимо, с издевкой над союзами политическими и в пику им) особое тайное общество *Обезвелволпал* – Обезьянью Великую и Вольную палату. Великолепный художник-график и каллиграф, Ремизов объявил себя «канцеляристом обезьяньего царя Асыки» и жаловал собственноручно исполненные и мифическим Асыкой подписанные грамоты о принадлежности к Обезвелволпалу и присвоении высоких титулов – Блоку, Белому, Замятину, Бунину, Зайцеву, Розанову, Шестову, Иванову-Разумнику, Петрову-Водкину, Анненкову и другим. *«Надо же, Пешковы – стали князьями»,* – радовался «окая» Максим Горький при получении грамоты, подписанной «собственнохвостно» Ремизовым.

Однако главным при этом, конечно, оставалось удивительный ремизовский **«лад слов»** его орнаментальной прозы. По его собственному признанию, Ремизов попытался воскресить Слово, высветить, «вызвучить» в нем его первоначальный смысл, его внутреннюю форму: *«А слово люблю, первозвук слова и сочетание звуков. Люблю московский напевный говор, люблю русские природные опущения слов (эллипс), когда фраза глядится, как медовые соты; люблю путаницу времен – движущуюся строчку, с неожиданным скачком и – сел; чту и поклоняюсь разумному слову – редчайшее среди груды тусклых дурковатых слов безлепицы, но приму с радостью безумную выпуль и вздор, сказанные на свой глаз и голос. /…/ Хочу писать, как говорю, а говорить, как говорится»* [10, с. 271].

Делом своей жизни Алексей Ремизов считал задачу «оживить русским ладом затасканную русскую беллетристику» [12, с. 3]. *«Почему так бледна и неповоротлива фраза русской прозы? От втиска в чужую форму. О какой крепи и яркости может быть речь? Слово в путах, и только в своем ладе свободное слово цветет».* Слово Ремизова – полифонично: *«Слово, звук, цвет – одно. То, что звучит, то и цветет»*, – говорил он. По сути, современное ему и символистски воспринятое содержание Ремизов попытался впаять в древнерусский языковой код. Кредо Алексея Ремизова: *«Хочу писать как говорю, а говорить, как говорится»* [10, с. 271].

…Однако нужно отметить еще один несомненный вклад Ремизова в литературную картину своего времени: он оказал большое влияние – и опосредованное, и непосредственное – на многих молодых писателей. Среди тех, кто испытал воздействие ремизовского слова, были Борис Пильняк, Евг. Замятин, Вяч. Шишков, Вл. Лидин и многие другие. Шишков вспоминал, как Ремизов говорил: *«Каждое, даже и малое, писаное слово есть знак, за которым скрывается большая сущность. Поэтому к словам надо относиться чрезвычайно бережно, умеючи. Многое зависит от расстановки во фразе слов. Надо выбирать и расставлять слова так, чтоб в них зажглись фонарики, чтоб слова светились»* [4, с. 178].

Общение с Ремизовым чрезвычайно обогатило и Бориса Пильняка, которому он посвятил повесть ***«Третья столица» («Мать-мачеха»)***: *«Эту мою повесть, отнюдь не реалистическую, я посвящаю АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ РЕМИЗОВУ, мастеру, у которого я был подмастерьем»* [9, IV, с. 109].

С Ремизовым Пильняк общался в 1922 г., в первый свой выезд за границу в Берлине, куда тот эмигрировал: *«В Берлин приехал 11 февраля, поселился вместе с*

Ремизовым» [8, с. 43]. Видимо, именно Ремизову Пильняк обязан интересом к лесковской традиции, сказу. Сближала Пильняка с Ремизовым подчеркнутая изобразительность прозы, повышенная чуткость к русскому слову. Вскоре после встреч с Ремизовым появится известное пильняковское: *«Слова мне – как монета нумизмату...»*. А также обращенность в XVII век, интерес к языческим истокам русского фольклора, памятникам древнерусской письменности.

Сам Ремизов, который назвал Пильняка «самым изобразительным и охватистым среди молодых птичьих голосов России», подтверждает это влияние. В 1950 г. он писал о Пильняке: *«Мой ученик. В Берлине 1922 г., не покладая рук, отделывал свои рассказы под моим глазом. Я отучал его от школьной грамматики, научил встряхивать фразу, переводя с искусственно-книжного на живую речь; перевертывать слова и разлагать слова – перевертывать, чтобы выделить и подчеркнуть; разлагать – слова излучаются и иззвучиваются. Отвадил от подглагольных и ассонансов: в прозе от них месиво, как гугня в произношении»* [11, с. 124].

В свою очередь, Евгения Замятина «молодым писателем» назвать хотя и трудно (в силу жизненного опыта, возраста – он всего на 7 лет младше Ремизова), но дружба с ним, начавшаяся в 1913 году, после публикации в петербургском журнале «Заветы» повести Замятина ***«Уездное»***, оказала на Замятина огромное влияние. Так, в повести ***«Алатырь»*** (1915) один из героев, протопоп отец Петр, по свидетельству самого Замятина, списан был с Ремизова: *«Какой-то попуганой зверушкой шмыгнул в уголок отец Петр, протопоп: мохнатенький, маленький, как домовой»* [3, т. 1, с. 151]. И дружба эта протянулась до 1937-го, года смерти Замятина в эмиграции, когда из всех авторов и сотрудников журнала «Заветы», как с горечью констатирует Ремизов, «остался один Пришвин – белый, как лунь, с ружьем и собакой…».

Литературное, словесное мастерство Замятина Алексей Михайлович ценил очень высоко: *«"Стоять – негасимую свечу", так в старину о канонницах, читавших псалтырь, так мне сказалось о Замятине, о его словесной работе. Только Андрей Белый так сознательно строил свою прозу, а положил "начал" Гоголь, первый Флобер в русской литературе»* [10, т. 10].

В этой статье ***«Стоять – негасимую свечу: Памяти Евгения Ивановича Замятина»*** Ремизов признавал эту близость их «словесного»: *«Словесное Замятина так неразрывно с моим»*. И продолжал: *«Ведь дело его жизни все эти словесные конструкции русского лада – это наше русское, русская книжная казна! И мастерство. Вы думаете, сел и написал, и напечатали, нет: взять готовый набор и – рассыпать, и уж голыми руками за эти раскаленные добела буквы, чтобы закрепить из тысячи одно слово!»* [там же, с. 302].

…Алексей Ремизов, получивший признание еще в начале века и оставивший огромное литературное наследие, но не печатавшийся годами (хотя и при этом «непечатании» при жизни вышло более его 80 книг), сетовал: *«Не печатают: с 1931-1949 ни один издатель не взял моих книг – 18 лет…»*.

Одинокий, слепой, но продолжавший работать до последних дней, он умер в Париже, на улице Буало 7, в возрасте 80 лет. Могила Алексея Ремизова – на кладбище Сен-Женевьев де Буа под Парижем… *«И моим прдпадом мое слово, музыка, весенний воздух, весенняя песня – куда вы уйдете? И никого на земле, кто меня слышал: /.../ одни немые кресты на могилах да бескрестые…»* [10, с. 272–273].

Таким образом, следует признать важную роль Алексея Ремизова и значимость его вклада в развитие русской орнаментальной прозы XX века. Писателя, «вынужденно забытого» вследствие имевших место в СССР политических катаклизмов. Но, увы, недостаточно изученного в России и до, и после его «открытия» для читателей и исследователей в конце 1980-х–начале 1990-х годов.

Орнаментальная проза Ремизова – возвращение к мифологическому, архаичному сознанию, вплоть до реконструкции концептов языковой картины мира допетровской Руси, с ее ярко выраженным национальным колоритом. Можно сказать, что Алексей Ремизов – «русейший» из всех русских писателей не только Серебряного века (то есть этапа генезиса русской литературы, хронологически ассоциируемого с концом XIX – началом прошлого столетия), но даже и века позапрошлого. При этом нужно отметить, что наиболее ярко художественные эксперименты, а также поиски «корней» и «истоков» в русской литературе проявились именно в прозе Серебряного века. И именно Ремизов, с одной стороны, продолжил пресловутую «линию Гоголя» в русской литературе, а с другой – обратился к тем самым национальным истокам, «пра-смыслам», прообразам и языку древней Руси.

При этом для понимания образных рядов произведений писателя и его **идиокосма** в целом показателен сам творческий путь Ремизова как языковой и творческой личности. Начав от обобщенных поликультурных концептов времени (роман ***«Пруд»***), он в дальнейшем обращается к древним сказочным архетипам (книга сказок ***«Посолонь»*** и др.), а затем, на новом витке творческого познания и осознания мира, переходит к творческому освоению и воспроизведению новых символов, актуализированных эпохой революций и войн (***«Взвихренная Русь»*** и др.).

Кроме того, несомненно велико значение этого замечательного писателя и созданной им оригинальной языковой изобразительной системы для развития поэтических образно-речевых средств, а также значим его вклад в развитие русского **орнаментализма** как художественного феномена. А также неоспоримо влияние его прозы и непосредственно самого Алексея Ремизова как личности и как писателя на творчество современных ему литераторов и на литературный процесс того времени в целом. Безусловно, представление о Серебряном веке – весьма знаковом периоде в истории русской литературы, было бы неполным без Алексея Ремизова, этого удивительного мастера Слова. А вклад, сделанный им как автором провозглашенного им же истинно русского *лада слов,* неоценим для великой русской словесности.

Литература

1. *Белый А.* Между двух революций. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 3. М.: Худож. лит., 1990.
2. *Волошин М. А.* Лики творчества. Л.: Наука, 1989.
3. *Замятин Е. И.* Избранные произведения. В 2-х тт. М.: Худож. лит., 1990. Т.1.
4. *Как мы пишем* (А. Белый, М. Горький, Евг. Замятин и др.) М.: Книга, 1989.
5. *Марков В. Ф.* Неизвестный писатель Ремизов // Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer. Ed. G. Slobin. Columbus (Ohio) 1987. С. 13–18
6. *Обатнина Е. Р.* «Эротический символизм» Алексея Ремизова // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. С. 199–234.
7. *Цветаева М.* Из ответа на анкету журнала «Своими путями» (1925) // Цветаева М. И. Об искусстве. М.: Искусство, 1991.
8. *Пильняк Б.* Первый год революции (Автобиографическая заметка) // Новая русская книга. Берлин, 1922. №12.
9. *Пильняк Б.* Собрание сочинений. ТТ. I-VШ. М. – Л.: Госуд. изд-во, 1929–1930.
10. *Ремизов А. М.* Собрание сочинений [в десяти томах]. М.: Русская книга, 2000–2002.
11. *Ремизов А. М.* Три письма Горького // Грани. 1955. № 25 . С. 117–124.
12. *Ремизов А. М.* Неуемный бубен. Кишинев: Лит.артистикэ, 1988.
13. *Ремизов А. М.* Сочинения. Кн. 1: Звенигород окликанный. М.: ТЕРРА, 1993.
14. *Тыркова-Вильямс А. В.* Тени минувшего. Встречи с писателями // Тыркова-Вильямс А. В. Воспоминания. М., 1998. С. 335.
15. *Шкловский В. Б.* Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Сов. писатель, 1990.
16. *Шкловский В. Б.* Zoo, или письма не о любви, или третья Элоиза // Шкловкий В. Б. Сентиментальной путешествие. М.: Новости, 1990. С. 277–347.

ЭКОЛОГИЯ РЕЧЕВОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА

Кныш Елена
Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова, Украина
elena.vl.knysh@gmail.com

ECOLOGY OF SPEECH SPACE OF CITY

Knysh Elena
Odessa National University, Ukraine

Abstract: *The author considers the urban space as a context that creates a communicative situation that affects their members. The degree of environmental speech interaction is defined as the individual characteristics of the language, and external characteristics of the speech city space.*

Key words: *Linguistic ecology, linguistic personality, communicative situation, speech effects, environmental communication.*

Неисчерпаемая тема города, столь привлекательная для представителей творческих профессий, безусловно, интересует и лингвистов. Антропоцентричный подход к языку, среди базовых категорий которого особое место занимает языковая личность, значительно расширил сферу исследований за счет сопряжения интересов различных научных дисциплин, изучающих человека. Прислушиваясь к запросам нынешней жизни и реагируя на реальные ее вызовы, исследователи концентрируют свое внимание на тех вопросах, значимость которых не представлялась столь существенной ранее.

К XXI веку «лингвистика прошла путь от полного игнорирования внеязыковых влияний – "язык в себе самом и для себя" – до осознания необходимости тщательного анализа социально-культурных, коммуникативных, психологических, ситуативно-контекстных условий языкового общения и помещения их "в светлую точку лингвистического сознания" (Л. В. Щерба). Заметим, что если 70-е годы XX в. были "штурмом семантики", 80-е года – расцветом коммуникативного подхода к языку, конец XX в. – когнитивным бумом, то начало нынешнего века значительно расширило эти границы лингвистики [2, с. 72]**.**

Становление лингвистической экологии и оформление ее в самостоятельную науку подтверждает эту мысль. Если об экологии в обществе заговорили достаточно давно (основателем этой науки считают немецкого ученого Эрнста Геккеля, который в 1866 году впервые употребил и сам термин), то лингвистическая экология начала завоевывать позиции относительно недавно. В русистике нити к ней тянутся от идей Д. С. Лихачева, который сначала в устных выступлениях, а затем и в статьях высказывался об экологии культуры [8, с. 423]: экология как наука об охране и восстановлении окружающей среды не может ограничиваться только задачами сохранения природы. «Для жизни человека не менее важна среда, созданная культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы» [7, с. 11].

Такой же заботы требует и язык, неразрывно связанный с культурой. Многозначность и глубинные смыслы этих понятий, имеющих «коммуникативно-деятельностную, ценностную и символическую природу» [2, с. 76], предопределяют многоаспектность исследований.

«Речевые действия как полноценные проявления деятельности человека со всеми ее компонентами: мотивами (намерением, интенцией), целями, способами и средствами их осуществления, результатами (речевыми произведениями) – также предлагается рассматривать в парадигме экологии существования» [4, с. 87].

При анализе речевого пространства современного города, существования и самочувствия в нем языковой личности мы рассматриваем городскую среду как контекст. «В лингвистике контекст – это любой фактор – лингвистический, физический, общественный, – который влияет на интерпретацию лингвистических знаков. Это может быть языковое окружение, ситуация речевого общения или среда, в которой существует объект» [5, с. 8].

Город как «особый феномен, формирующий культуру городского типа» [10, с. 53], создает свой контекст, определяет программу речевого поведения в разных коммуникативных ситуациях и предполагает соблюдение норм речевого взаимодействия. В условиях современного города виды и формы коммуникации разнообразны и вариативны, и любое нарушение конвенциальности рискует обернуться коммуникативной неудачей.

Что представляет собой речевое пространство города? Это континуум речевых актов, информационных сообщений, креолизованных текстов, рекламных слоганов, вывесок. Особой частью в него входят городские топонимы (урбанонимы) как носители культурологической информации. Зачастую именно они играют роль узнаваемых символов города, своего рода концептов: Елисейские Поля, Монмартр, Красная площадь, Гайд-парк, Тауэр, Манхэттен, Дерибасовская.

Социальные факторы, меняющие соотношение коренного городского населения и приезжих, влияют и на уровень краеведческих знаний. Показателен в этом отношении рекламный слоган, призывающий покупать квартиры в Одессе: «Стань одесситом – купи квартиру в Одессе». При этом значение слова «одессит» справедливо актуализируется как житель города, но не учитывает его коннотативного смысла, столь значимого для истинного одессита. (В этой связи вспоминается существование «Всемирного клуба одесситов», песни об Одессе).

Маркерами речевого городского пространства являются аутентичные урбанонимы, создающие специфическую ауру, хранящие историческую память. Улицы старого города именовались не стихийно, а в соответствии с определенной логикой. Так появились улицы Греческая, Еврейская, Итальянская, Малая Арнаутская, Большая Арнаутская.

На наших глазах происходит процесс опрощения, когда при отсутствии пресуппозиции из названия улиц Большая Арнаутская, Малая Арнаутская исчезает ключевое слово. И дело здесь не столько в законе экономии речевых усилий, сколько в незнании значения слова «арнаут». Вот почему так актуален посыл лингвоэкологов хранить и защищать истинные наименования как контуры городской семиосферы (термин Ю. М. Лотмана). В противном случае пространство города, и не только речевое, суживается, становится беднее.

«Наблюдается известный, не лишенный интереса, параллелизм между характером изменений в «языке собственных имен» и культуре, ориентированной на мифологическое сознание. Достаточно показательно уже то обстоятельство, что именно подсистема собственных имен образует в естественном языке тот специальный пласт, который может быть подвержен изменению и сознательному (искусственному) регулированию со стороны носителя языка» [9, с. 69].

Обывательское отношение к городским наименованиям, лишенное сознательного восприятия, приводит к их деформации или десемантизации. Так, улица Тополевая превращается в устной речи в улицу Тополева, а улица Курчатова становится на указателе улицей Курчатого. Следует поэтому, выверив, унифицировать оформление городских указателей, сделать их заметными и привычными. Особого внимания заслуживает вопрос о переводе микротопонимов при сохранении их аутентичности во избежание фоносемантической деформации и потери апперцепционных регистров.

В ономастическое пространство городской среды входят разнообразные группы эргонимов, именующих деловые сообщества людей. Эти полифункциональные названия – продукт речевой деятельности, которая оказывает влияние на состояние городской лингвоэкологии. В свое время, изучая фильмонимы (введенный нами в 1992 году термин для наименования кинофильмов успешно прижился) и рассматривая каждый из них как речевой акт, мы описали характеристики, которым должно соответствовать это коммуникативное высказывание. Безусловно, имя на вывеске и имя на афише – онимы разных сфер человеческой деятельности, поэтому разных уровней, разной глубины и разного набора функций. Тем не менее, эти онимы – своеобразные высказывания, входящие в речевое пространство города, которые оказывают воздействие на адресата. Поэтому они должны отвечать определенным критериям коммуникации. «Если ты убеждаешь меня в чем-то для моей же пользы так, что я не понимаю, какой мне прок от твоего старания?» – задавался вопросом Цицерон [12, с. 291]. Ратуя за ясность изложения, древний мыслитель предвосхитил коммуникативные постулаты Грайса [3, с. 222].

Бросим взгляд на городские вывески: Дискус, Логос, Марквет, Неон, Усик (зоомагазины), Явис (парфюмерия, косметика), The Дом, Общага №1, Быстрая коровка, Буджиба, Буфетъ, Бульваръ (кафе, рестораны), Еврохата (столовая) Империя плитки, Империя Ламината, Імперія Матраців, Царство чая, Азбука продуктов, Обжора (магазины), Яблоко раздора (компьютеры), Студия волос, Студия загара, Белый клык (кабинет стоматолога), КровМикс (кровельные материалы). Ряд неудачных, нелепых или претенциозных названий можно пополнить не соответствующими коммуникативной ситуации иноязычными наименованиями: Шенонсо (парикмахерская и магазин плитки), Лувр (ювелирный магазин), Вернисаж, Гольфстрим, Фиджи (новые жилые кварталы). И список этот можно расширить.

Обращает на себя внимание хаотичность процесса именования. Поисковые системы интернета пестрят запросами «красивых» названий, при этом эстетические предпочтения адресантов достаточно субъективны и сводятся зачастую к выбору слов – концептов dolce vita (в их представлении). Отсюда «империи», «царства», замки и дворцы, салоны и студии, иностранные топонимы и латиница.

Бессистемность выбора названий подтверждает и стилистический разнобой вывесок, которые легко сокращают дистанцию от королевства («Сырное королевство») до «еврохаты» (столовая «Еврохата») и приводят к «общаге» (кафе «Общага №1»).

В свое время Б. А. Ларин, известный лингвист, изучавший язык города, написал так: «Не раз говорено, что простота – это самое трудное. Она дается лишь напряженным трудом, вниманием к слову, взвешиванием и проверкой каждой детали, отбором и исканием ничуть не меньшим, чем того требует самый вычурный, изысканный стиль» [6, с. 134]. Подойти с таким тщанием к выбору языковых средств способен лишь компетентный адресант, чья языковая личность достигла определенного уровня развития.

Со времен В. В. Виноградова понятие «языковая личность» сохраняет свою актуальность, и внимание к этому концепту в современной лингвистике вовсе не утрачивается. Говоря о типах личностной речевой культуры, О. Б. Сиротинина определяет полнофункциональный тип как высший (так называемый элитарный) и описывает соответствующую ему языковую личность, которую «характеризуют не только более широкие и глубокие знания и умение ими пользоваться, но и привычка во всем себя проверять и непрерывно расширять свои знания, а еще и психологические черты личности, исключающие самоуверенность» [11, с. 35].

Мир окружающих нас в городе слов на вывесках, высказываний на билбордах, рекламные слоганы и речь, которую мы слышим, – все это не может проходить мимо

сознания, и степень погружения в городское речевое пространство напрямую зависит от языковой, речевой, коммуникативной компетенций адресата, типа его речевой культуры.

Что не так в названии «Универсамъ»? Почему хочется переименовать охотничий магазин «Браконьер» или турагентство «Корсар»? Хронологическое рассогласование, этический компонент коннотативного значения адресант не учел, и причин тому может быть несколько. «Качественные изменения касаются прежде всего литературных форм языка, что проявляется в снижении уровня речевой компетенции его носителей» [1, с. 9].

В любом случае дискомфорт от речевого воздействия, неэкологичность коммуникативной ситуации возникает тогда, когда один из ее участников пренебрегает принятыми этикетными нормами речевого поведения. Публичный разговор по телефону в общественном транспорте, к примеру, расценивается как нежелательное речевое воздействие на окружающих, которые лишены возможности прервать его и вынуждены становиться невольными слушателями подробностей чужой жизни. (Невольно вспоминается А. Вознесенский: «Тишины хочу, тишины… Нервы, что ли, обожжены?»). Так же деструктивно может влиять на адресата навязанное ему прослушивание радио или назойливая реклама на городских улицах. Тексты на растяжных баннерах, помимо того что скрывают перспективу городских улиц, не всегда позитивны, поскольку иллокутивный уровень некоторых речевых актов направлен на экспликацию проблемы.

Не думаем, что легко читаемые издалека на растяжной рекламе медицинские термины (эрозия, геморрой, например) способствуют излечению тех, кого беспокоят эти заболевания. Более того, полагаем, что рекламировать медицинскую помощь таким образом неуместно.

Далеко не случайно современные научные исследования уделяют внимание широкому кругу вопросов, связанных с повышением уровня позитивного речевого взаимодействия [13; 1]. Создавать и поддерживать благоприятную речевую среду – это задача, предполагающая системную работу. Требуется осознать ее социальную значимость, обосновать мотивы, предав их гласности, поскольку именно мотивация лежит в основе любой деятельности, в том числе и речевой.

Говорят, что усвоенное в детстве – как высеченное на камне. Вот почему так важно с младых ногтей прививать навыки речевого поведения.

Помимо личностных усилий, повышению уровня речевой культуры может способствовать культивирование в общественном сознании представления о современном успешном человеке, которого невозможно представить косноязычным и безграмотным.

Речевое пространство города, чтобы быть комфортным, требует такой же заботы, что и окружающая среда. В этой связи совет привести в порядок свою планету не устаревает. Лингвистическая экология ставит перед собой благородные задачи, направленные на устранение непонимания, конфликтных ситуаций и сохранения того, что помогает понять и оценить роскошь человеческого общения.

Литература

1. *Авина Н. Ю.* Язык русской диаспоры: культурно-речевые проблемы (на материале Литвы). // Язык в движении: К 70-летию Л. Крысина. Москва, 2007.
2. *Базарова Л. В.* К вопросу о соотношении языка и культуры. // Образование и культура России в изменяющемся мире. Новосибирск, 2007.
3. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. Москва, 1985.

4. *Ионова С. В.* Основные направления эколингвистических исследований: зарубежный и отечественный опыт // Вестн. Волгогр. гос. ун-т. Сер. 2, Языкозн. 2010. № 1. С. 86–93.
5. *Кечкеш Иштван.* Слово, контекст и коммуникативное значение // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2014. № 1. С. 7–17.
6. *Ларин Б. А.* Эстетика слова и язык писателя. // Избранные статьи. Ленинград, 1974.
7. *Лихачев Д. С.* Экология культуры // Памятники Отечества. Москва, 1980, № 2. С. 10–16.
8. *Лихачев Д. С.* Русская культура. Москва, 2000.
9. *Лотман Ю. М.* Миф – имя – культура // Избранные статьи. Таллин, 1992.
10. *Пашинский В. М.* Пространственно-временная динамика человеческих сообществ разного масштаба. Москва, 2011.
11. *Сиротинина О. Б.* Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов, 2013.
12. *Цицерон.* Философские трактаты. Москва, 1985.
13. *Шаховский В. И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград, 2016.

В ПОИСКАХ МЕТКОГО СЛОВА: ПОЭТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Красовски Аксиния
Бухарестский университет, Румыния
axinia.crasovschi@lls.unibuc.ro

IN SEARCHING THE WELLFITTING WORD: ABOUT THE POETIC LANGUAGE OF THE SILVER AGE

Crasovschi Axinia
Bucharest University, Romania

Abstract: *The article deals with the topic that have preoccupied all the literary Russian society during the Silver Age of Russian poetry: the function of the poetic word and the mission of a poet. The attention is focused on the poetics of a few of the most representative authors for whom, being a poet, was equal with life and the position of a Servant of the Word. The way they have used their gift in order to better express feelings, ideas or images is the object of the present investigation.*

Key words: *Poetic word, Akhmatova, Annensky, Blok, Mandelstam, Tsvetaeva, Pasternak.*

Поэт издалека заводит речь,
Поэта далеко заводит речь.

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога» – гласит Священное Писание. Настоящую выдержку из *Евангелия от Иоанна* можно продолжить мыслью, что Бог передал Слово Поэту. Таким образом, Поэт стал Служителем Слова, а по убеждению Марины Цветаевой, чье двустишие мы и привели выше, в качестве эпиграфа, – служителем стихий, особенно стихии Слова. Такое восприятие миссии Поэта, его особой стати, как служителя стихии, работающего с языком, со словом, свойственно настоящим поэтам, чем и была Марина Цветаева. Ее понимание миссии поэта близко символистскому пониманию, согласно которому поэтическое творчество – это вдохновенье, ниспосланное свыше. «Голод по бумаге», который испытывала она с детства – тяга к стихосложению, а значит, к слову, оказались сильнее, чем любовь к музыке, к которой поощряла ее мать, ученица великого Рубинштейна, желающая сделать свою дочь великой пианисткой и тем самым реализовать свои собственные несбывшиеся мечты. Планы матери не сбылись и на этот раз – победило предназначение: Марине Цветаевой суждено было стать Поэтом.

Похожая судьба заставила и ее любимого брата по перу, Бориса Пастернака, сделать выбор в пользу служения слову вместо того, чтобы пойти по стопам своей матери, талантливой пианистки, или отца, известного художника. Но заложенное с детства стало впоследствии одержимостью и сказалось на их отношении к слову как носителю, прежде всего, звучания и образности.

Если обстоятельства вступления в великую русскую литературу двух замечательных русских авторов имеют много общего, то эволюция их поэтического идиостиля оказалась процессом противоположным: у Цветаевой получился рост от простого к сложному подобно росту дерева, а у Пастернака – от сложного к простому, чего он добился благодаря своему восприятию работы над поэтическим словом, как требующей полной самоотдачи. Правда, наше утверждение противоречит цветаевскому, выраженному в статье «Поэты с историей и поэты без истории» (1934), где автор относит Пастернака ко второй группе: «Борис Пастернак – поэт без развития. Он сразу начал с самого себя и никогда этому не изменял».

В совсем ранний период, еще до и во время написания своей знаменитой книги «Сестра моя – жизнь», он искал новые редкие слова и выражения, пытаясь избегать

штампов и «затертых» слов и выражений. Из-за этого становилось довольно сложно понять пастернаковские стихи, в чем упрекал его и Максим Горький, который, признавая поэтический талант их автора, воспринимал его творчество, как утомительную борьбу «с языком, со словом». Известно, что Борис Пастернак, будучи недовольным своими ранними стихами, возвращается к ним позже и перерабатывает многие из них, относясь к раннему этапу своего творчества резко критически. Такая перемена взгляда на поэтическое творчество объясняет его предпочтение ранней Цветаевой, которая, по его мнению, до 1922 года выражалась «по-человечески» и писала «классическим языком». Подчеркивая гармонию цветаевских стихов и ясность их смысла, Пастернак писал: «За вычетом Анненского и Блока и с некоторыми ограничениями Андрея Белого, ранняя Цветаева была тем самым, чем хотели быть и не могли все остальные символисты, вместе взятые. Там, где их словесность бессильно барахталась в мире надуманных схем и безжизненных архаизмов, Цветаева легко носилась над трудностями настоящего творчества, справляясь с его задачами играючи, с несравненным техническим блеском» [6, с. 339–340]. Своей предметностью, ранние цветаевские стихи сближали ее с акмеизмом. Словесная игра, наблюдаемая в поздних стихах похожа на футуристические эксперименты с языком, не затемняя все-таки выраженного смысла. Как замечал И. Н. Сухих: «Меняясь, Цветаева сохраняла основы романтического мировоззрения, его противопоставление искусства и жизни. Искусство было для поэта и оправданием жизни, и защитой от нее» [9, с. 307–308] В основе упомянутой пастернаковской книги «Сестра моя – жизнь» заложена идея светлого, говорящего бытия, исполненного светом. Недаром Цветаева назвала его «световым ливнем», «поэтом светлот», а другой важный поэт Серебряного века, Осип Мандельштам, видел в его стихах не просто Поэзию, а – «лечебное средство». В позднем своем поэтическом творчестве, даже после того, как «снял пелену» с «Сестры моей – жизни», Пастернак сохранил свой взгляд на жизнь, как на сестру, оставаясь гармоническим поэтом, который принимает и оправдывает мироздание, вопреки драмам собственного существования.

В свою очередь, поэтический язык Осипа Мандельштама, как и в случае Цветаевой, познал эволюцию от простого к сложному. Его характеризовала страстная тяга к чистому русскому языку, так как, по его собственному признанию, он должен был с детства метаться между «косноязычием и безъязычием» отца, говорившего на «придуманном языке», и «ясной и звонкой», «литературной великорусской речью» матери, талантливой пианистки, которая научила своего сына любить и понимать музыку. Многие исследователи творчества Мандельштама, отмечают классическую ясность сборника стихов «Камень», в связи с которым можно утверждать словами В. М. Жирмунского, что он «преодолел символизм», хотя в нем еще заметны следы символистской поэтики. Само название сборника указывает на предметность и тяжесть, а также говорит о новом отношении к поэтическому слову, как к материалу, который не поддается легко обработке. Стихи, вошедшие в эту книгу, иллюстрируют акмеистическую поэтику, в центре которой архитектура занимает важное место: она придает миру наглядность и становится памятью об ушедших временах. Поэт-акмеист уподобляется архитектору, то есть мастеру: для него слово такой же материал, как камень для архитектора, а поэтическое произведение – это результат продуманного плана, где и размер, и рифма, и стихотворное построение создаются подобно архитектурному памятнику. Даже создание стихов, составляющих сборник, основано на опыте, накопленном предыдущими мастерами слова. Очевидно влияние великих классиков, которыми поэт восхищался. Особенно чувствуется влияние тютчевской образности на стихи Мандельштама: цитаты и реминисценции в подтексте его

стихотворений очень часты, и они предстают перед читателем, как переосмысление образов или приобретают новое качество. Достаточно вспомнить тютчевские стихи:

С горы скатившись, камень лег в долине
Как он упал? Никто не знает ныне.

или

И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что, море,
И ропщет мыслящий тростник?

Образы *камня* и *мыслящего тростника*, а также и другие образы, которые появляются в поэтическом творчестве Мандельштама, указывают на использование им множества культурных источников. Это позволяет отнести слова, которые он говорил о стихах И. Анненского ему самому: «Иннокентий Анненский уже являл пример того, чем должен быть органический поэт: весь корабль сколочен из чужих досок, но у него своя стать» [1, с. 209]. Наглядное подтверждение сказанному служит и название второй стихотворной книги Мандельштама «Tristia», которое восходит к циклу элегий римского поэта Публия Овидия Назона «Tristia» («Скорбные элегии»), созданного во время ссылки близ устья Дуная.

Все три упомянутые поэта, наряду с другими большими именами (Н. Гумилев, А. Ахматова, В. Маяковский, С. Есенин), пришли в искусство в 1910-е годы и сформировались в творческой атмосфере Серебряного века русской поэзии, который выделяется именно осознанным отношением писателей к своему предназначению, т.е. творчеству, демонстративным поиском новой формы и своего художественного языка. Большинство из них питалось двумя стихиями: традицией русской лирики и мысли своих предшественников и новыми поэтическими веяниями своего времени. Пастернаковское убеждение, что «образ мира в слове явленный» применимо убеждениям многих его современников, которые стремились каждый по своему расширить свои выразительные возможности, устанавливая связь слова с музыкой и с живописными художественными средствами.

Различные пути, избранные писателями эпохи для обновления и расширения художественного языка заставляли их метаться между давно вышедшими из обихода словами и выражениями и вызывающими словесными экспериментами. В статье «Что такое поэзия?» Иннокентий Анненский писал: «Новая поэзия ищет точных символов для ощущений, то есть реального субстрата жизни, которая более всего роднит людей между собой, входя в психологию толпы с таким же правом, как в индивидуальную психологию» [4, с. 216]. Следует подчеркнуть, что вопреки своему символистскому мировосприятию, Анненский не придавал символам значения средств познания «непознаваемого», а считал их соответствиями между психическим состоянием человека и природной средой его существования.

Подчеркивая свойство поэтического слова действовать подобно гипнозу, Анненский считал, что оно «оставляет свободной мысль человека и даже усиливает в ней ее творческий момент» [4, с. 217]. Это напоминает нам понимание слова А. А. Потебней, согласно которому слово «объективирует мысль».

Анненский воспринимал поэзию не только как индивидуальное создание творческого «я», но и как нечто воспринимаемое и объективируемое в другом сознании. Он считал, что задача поэта в «возбуждении в читателе творческого настроения, которое должно помочь ему опытом личных воспоминаний, интенсивностью проснувшейся тоски, нежданностью упреков восполнить недосказанность пьесы и дать ей хотя и более узко-интимное и субъективное, но и более действенное значение» [4, с. 219].

В. В. Мусатов, который посвятил в своей книге целую главу выявлению особенностей лирики И. Анненского, обнаруживает в одном из писем поэта к М. Волошину и другие аргументы для вышеприведенной позиции по отношению к задачам поэта и поэзии. Будучи убежденным, что на читателя сильно действует даже преобразованное будничное слово, способное выразить существование личности в мире, Анненский придает ему особое значение, считая его «самым страшным и властным», не потому что точно называет предмет, а потому что позволяет читателю вспомнить свой личный опыт и этим осознать свое родство с другими людьми.

В статье «О современном лиризме», на которую ссылается и Лидия Гинзбург, Иннокентий Анненский подчеркивал городскую составляющую поэтики символизма: «Символам просторно играть среди прямых каменных линий, в шуме улиц, в волшебстве газовых фонарей и лунных декораций» [3, с. 283]. Подобное высказывание помогает понять процесс превращения внестилевых и непривычных слов в устойчивые атрибуты урбанистического стиля при условии сохранения их контакта с реальностью. Отвергая *ассоциативный* «земной символизм» Анненского, возвращающий читателя из области «*соответствий* к герметически замкнутой загадке того же явления», Вячеслав Иванов противопоставлял ему свой символистский метод, который «пишет на своем знамени *от реального к реальнейшему*». С этими утверждениями Вяч. Иванова в статье «О поэзии И. Ф. Анненского», не согласился бы и сам Анненский, если бы имел возможность познакомиться с ней. Вопреки своим теоретическим высказываниям в пользу поэтики недосказанности и «музыкальной потенции», Анненский писал стихи, в которых многозначность слов не затуманивает понимание его поэтического мира, в котором переплетается предметное с душевным. Например, в стихотворении «Снег» цветовые оттенки эпитетов создают впечатление погружения зрения в природу, где можно заметить переходные состояния (талость, дымность, игра отражений): *Полюбил бы я зиму, / Да обуза тяжка…/ От нее даже дыму/ Не уйти в облака./ Эта резонность линий,/ Этот грузный полет,/ Этот нищенски синий/ И заплаканный лед!/ Но люблю ослабелый/ От заоблачных нег –/ То сверкающе белый,/ То сиреневый снег…/ И особенно талый,/ Когда, выси открыв,/ Он ложится усталый/ На скользящий обрыв,/ Точно ста́да в тумане/ Непорочные сны –/ На сомнительной грани/ Всесожженья весны.*

Любовь Анненского к намекам очевидна и, как замечают исследователи его поэтического творчества, он «опускает звенья поэтической логики. Но эти звенья почти всегда восстановимы» [3, с. 304]. Эпитеты *нищенски-синий* и *заплаканный* применимы ко льду, который уже не покрыт снегом, а значит, находящийся обнаженным на холоде, передают человеческое состояние нищеты, длительности выставления на холоде и несчастья. Контекст помогает восстановить смысл сказанного, даже если звенья мысли пропущены: холодная и длинная зима становится обузой; грань между зимой и весной уже близко, потому и *сомнительная*, так как *сверкающе белый,* порой *лиловый* снег (наверное, от робкого солнца) еще лежит на обрыве. Снег местами уже тает, поэтому он *заплаканный*. Переходное состояние (между зимой и весной) передается еще и *непорочными* снами, которые обычно можно видеть к исходу ночи и наступлению зори. Их не всегда можно ясно вспомнить, поэтому они и уподобляются стаду в тумане.

Рожденная «красотой мысли» поэзия Анненского была не только ассоциативно-психологической, но и глубоко интеллектуальной. Его муза – не «светлая фея», а «старый мудрец» (См. стихотворение «Пусть для ваших открытых сердец...»). Особой выразительностью отличаются стихи, развивающие «поэтику совести» и «сострадания», в которых лирический герой карается не только за соделанное зло, но и за не совершенное добро.

Как мы уже отмечали, символы свойственные стилю Анненского отличаются по своей форме предметностью и психологичностью. Его поэтические образы – это «вещи-мысли», такие как: циферблат, стрелки часов, маятник, будильник. Они символизируют время, которое из будничного может превратиться в «страшное».

Говоря о поэтике декаденства, Лидия Гинзбург объясняет влечение его представителей к прозаизмам восприятием действительности как *страшного мира*. Но прозаизмы порождали не только декаденты, а и другие. Исследовательница замечает: «Трагедия современного городского человека, личная и социальная, и была тем источником, в котором прозаизмы черпали свою поэтическую потенцию» [3, с. 281]. Отталкиваясь от «мистики повседневности», специфичной для декадентов, Александр Блок наделяет используемые прозаизмы в своих произведениях символической нагрузкой для того, чтобы всмотреться через повседневность в «мировую среду» и в личность современного ему человека, как микрокосма, ставшего жертвой страшного мира, и как носителя его зла. Выразительна, с этой точки зрения, последняя строфа стихотворения «Унижение»:

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я – не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце – ***острый французский каблук****!* [выделено нами – А. К.]

Поэт размещает сугубо бытовой предмет в конце строфы и стихотворения, т.е. в сильной позиции, создав, таким образом, необычно экспрессивную метафору для выражения сути продажной эротики. Необычности приема не помешало использование классической модели образа пронзенного острием сердца. Но, говоря словами Лидии Гинзбург, «поэзия Блока вышла за пределы своего времени и до сих пор живет для нас бесстрашием открытий, высоким наследием прошлого, чувством современности и истории (...)» [3, с. 291].

Исследуя стилистику «младших символистов», М. В. Панов замечает: «Семантическая вариативность словесных единиц становится ограниченной. В ткань стихотворения вводятся конкретные слова быта» и выводит: «Акмеисты... продолжают движение по этому пути» [5, с. 100–102]. Наблюдения В. В. Виноградова по этой теме доказывают нечто другое. В своих работах, посвященных языку поэзии Анны Ахматовой, он обращает внимание на стилистическую роль и своеобразие вещных символов, которые существуют не сами по себе как элементы бытовой обстановки, а как эмоциональный фон, который предназначен освещать скачки настроения героини. Исследователь отмечает следующее свойство «вещных символов»: «Их семантический облик двоится: то, кажется, что они непосредственно ведут к самим представлениям вещей..., то чудится интимно-символическая связь между ними и волнующими героиню эмоциями» [2, с. 400].

Развивая эту мысль, Лидия Гинзбург попыталась выяснить отличие Ахматовой от символистов: «Поэзия Ахматовой – не поэзия переносных смыслов. В основном у нее значения слов не изменены метафорически», добавляя оговорку: «У Ахматовой вуаль, перчатки, муфта – отнюдь не символы, но ведь это и не только вещи». Они – «представители ее лирической стихии» [3, с. 344–345].

Сама Анна Ахматова указывала в своих стихах на огромный энергетический потенциал Слова: *Ржавеет золото / И истлевает сталь, / Крошится мрамор – / К смерти все готово. / Всего прочнее на земле / Печаль / И долговечней – царственное Слово.*

Литература

1. *Абелюк Евгения, Поливанов Константин*. История русской литературы 20 века: Книга для просвещенных учителей и учеников: в 2 кн. Москва: Новое литературное обозрение, 2009.

2. *Виноградов В. В*. Поэтика русской литературы. Избранные труды. Москва, 1976.
3. *Гинзбург Лидия*, О лирике. Москва: Интрада, 1997.
4. *Мусатов В. В*. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины 20 века. Москва: Издательский центр РГГУ, 1998.
5. *Панов М. В*. Стилистика // Русский язык и советское общество. Алма-Ата: Проспект, 1962.
6. *Пастернак Б*. Собр. соч. в 5 т. Т.4. Москва: Худож. лит., 1991.
7. *Поэтика.* Труды русских и советских поэтических школ / составители: Д. Кирай и А. Ковач. Будапешт: Tankönyvkiadó, 1982.
8. *Русские писатели* 20-го века. Биографический словарь / гл. редактор и составитель П. А. Николаев. Москва: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», Издательство «Рандеву-АМ», 2000.
9. *Сухих И. Н*. Литература. Учебник в двух ч. Ч. 2. Москва: Издательский центр «Академия», 2008.

«ОТРАДУ СЛОВ СКУПЫХ И ЯСНЫХ ПРОШУ Я ГОСПОДА МНЕ ДАТЬ…»: ПОЭТИЧЕСКОЕ СЛОВО КАК ОБЪЕКТ РЕФЛЕКСИИ В ЛИРИКЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Лапаева-Ристеска Наталья
Университет им. святых Кирилла и Мефодия в Скопье, Македония
natalya_lapaeva@mail.ru

«ОТРАДУ СЛОВ СКУПЫХ И ЯСНЫХ ПРОШУ Я ГОСПОДА МНЕ ДАТЬ…»: POETICAL WORD AS AN OBJECT OF REFLECTION IN THE LYRIC OF VLADIMIR NABOKOV

Lapaeva-Risteska Natalya
Ss. Cyril and Methodius University of Skopje, Macedonia

Abstract: *The article is devoted to the problem of Nabokov's comprehension of the phenomenon of the poetic word. It is proved that Nabokov understood the "verb" as a means by which he can speak of life as a reflection of the Divine. It is asserted that Nabokov was twofold in relation to the word: it must be found by the poet in the course of intense "work", but at the same time it must be easy and free.*

Key words: *the lyrics of Vladimir Nabokov, the poet about the essence of poetry, the content and form of the poem, poet's mission.*

Владимир Набоков (1899–1977), знаковый участник литературного процесса XX века, серьезно размышлял над тем, что такое феномен поэзии. Концептуальным в понимании Набоковым феномена поэтического творчества является его боговдохновенный характер. В стихотворении «Путь» (1925) поэт обращается к Господу с просьбой дать ему больше впечатлений от бытия («…побольше странствий, встреч опасных, в лесах подальше заплутать» [2], которые потом будут переплавлены в стихи – в слова «скупые и ясные». Набоков понимает, что земная жизнь – это отсвет Божественного («Божья тень волнистая сквозь наши / завесы разноцветные видна…» [3, с. 72]). Поэт уверяет, «с детства предан глубокому глаголу» [2], который должен отразить именно такой – пронизанный присутствием Бога – мир.

Философско-лирическим символом, запечатлевающим мысль Набокова о связи поэзии с Божественным началом, является образ бабочки. Поэзия, как понимает ее Набоков, – это живототворящий «напев» среди ужаса и безобразия жизни («В годы грохота и смрада, / еще иссякнуть не успев, / журчит, о бледная отрада, / наш замирающий напев» [2]). Поэзию как «замирающий напев» Набоков сравнивает с «бабочкой жемчужной» («И, слабый, ласковый, ненужный, / он веет тонкою тоской, / как трепет бабочки жемчужной / в окне трескучей мастерской» [2]). Набоков, по мысли Д. М. Бетея, понимает бабочку «как образ искусства в мире изгнания с его постоянно ускользающим смыслом» [1, с. 170]. Но одновременно бабочка у Набокова – это важное звено в великой цепи, связывающей поэта с иным миром («О, как ликуют они, как мерцают божественно!» [2]).

Поэтическое творчество, реализованное в слове, есть, по Набокову, отражение метафизики бытия через его «физику». Чувствительную душу поэта «томят и ранят» «все муки и прелести мира»: «окно, в отдаленье поймавшее луч», «высокое небо», «внимательные тучи», «краса, укоризна вечерней зари» [3, с. 173].

Поэту, как считает Набоков, даны другие, чем «доброму», то есть «обычному», человеку возможности. Поэт способен услышать и выразить даже «молчанье»: «… молчанье любви. / Молчанье далекой дороги тележной, / где в пене цветов колея не видна, / молчанье отчизны – любви безнадежной – / молчанье зарницы, молчанье зерна» [3, с. 174]. Здесь «молчанье» не означает пустоту и бессмысленность, но является отражением понимания поэтом многомерности устройства бытия. В сущности, в этих

строчках поэт говорит о смыслообразующих «вечных ценностях», о «нетленном»: о любви, красоте мира, отчизне, жизни, которая сильнее смерти.

В своих стихах Набоков не только размышляет о сущности поэзии, но и говорит о том, «как надо делать стихи. Это особенно ярко передает стиховторение «Если вьется мой стих, и летит, и трепещет…» (1918) [2]. Набоков уверяет в нем, что совершает «ежедневный» подвиг труда – «Каждый звук был проверен и взвешен прилежно, / каждый звук, как себя, сознаю…» Для труда, которым занят поэт, характерны напряженность и интенсивность – «… ты не думай, что не было острых усилий, / что напевы мои, как во сне, / незаметно возникли». Для Набокова творческий процессс – это всегда умственное и душевное усилие и крайнее напряжение всех внутренних сил. Вместе с тем, в стиховторении, по мысли Набокова, не должны чувствоваться «муки» поэта. Результатом творческого труда становится создание легких стихов («… если солнечный звук так стремительно плещет, / если песня так зыбко-легка…» [2]), «ткань» которых должна представлять из себя «ясные созвучия-лучи». Поэзия, в восприятии Набокова, рождается подобно тому, «как у бабочки влажной, еще не свободной, / расправлялось крыло за крылом» [2].

Чрезвычайно важны требования Набокова к словесной форме, воплощающей содержание стиховторения. Он убежден, что, даже если поэт способен выразить «невыразмое», при этом он обязан стремиться к четкости и ясности слов. Особенно отчетливо это условие прозвучало в стихотворении «Поэту» (1918) [2], смысловым центром которого является строчка «…словами четкими передавать учись оттенки смутные минутных впечатлений…» Субстанция стиха, как понимает ее Набоков, может быть, «таинственно-тревожной», «туманно-трепетной», однако поэтическое слово должно удовлетворять требованию: «отчетливость нужна и чистота и сила». Этому поэт пытается следовать сам и учит других: «Болота вязкие бессмыслицы певучей покинь, / поэт, покинь и в новый день проснись! / <...> / Несносен звон пустой, неясность утомила: / я слышу новый звук…». В четком по структуре «футляре» стихотворения должно содержаться глубокое и тонкое содержание. Набоковскую способность «самоконтроля» отмечал еще Глеб Струве, с точки зрения которого, поэт никогда не позволял себе ничего художественно немотивированного и не допускал в своем поэтическом творчестве вольных экспериментов: «Набоков – интересный случай поэта, развивавшегося прочь от крайнего поэтического консерватизма в молодости, но, благодаря своей ранней выучке и дисциплине, твердо державшего своего Пегаса в узде и в самых смелых и неожиданных заскоках его» [5, с. 103]. Глебу Струве вторит и современный историк литературы Владимир Смирнов, утверждающий, что за замечательными достижениями Набокова в поэзии стоят «склонность к самоограничению, ответственность перед мыслью <…>; дисциплинированная привычка сторониться <…> “чудных архаизмов”» [4, с. 14–15], «торжественность без эффектов, поэтизмов и риторики» [4, с. 18–19].

Противопоставление поэтом смысла и его языкового выражения, с одной стороны, указывает на внимание к формальной стороне произведения, с другой – делает его своего рода предметом «научного анализа». Пример тому – стихотворение «Размеры» (1923) [2], адресованное Глебу Струве. В этом лирическом опусе Набоков дает «семантические ореолы» различных стихотворных размеров. О размерах Набоков пишет образно-метафорически: амфибрахий называет «мерным», дактиль – «гулким», в гекзаметере ощущает «медлительную медь и мрамор», в хорее находит «бубенцы и ласточек», в ямбе слышит «созвучия рая». Набоков утверждает, что размеры имеют богатейшие возможности для передачи поэтом своего восприятия мира: с помощью амфибрахия поэт «говорит» и «повествует»; если хочет петь, то в «эоловом размахе анапеста» встретит «звон лютни и ветрил»; в «резной чаше» ямба – «ярче <…> и крепче мысль».

В своих «стихах о стихах» Набоков обратился и к проблеме роли поэта в мире. Его интересовали разные аспекты этой проблемы: как складываются отношения между поэтом и «толпой»? как поэт общается с Музой? какова миссия поэта?

Поэтические тексты Набокова на эту тему свидетельствуют о том, что в них обнаруживаются пушкинские обозначения свободы искусства. Как известно Пушкин предлагал поэту быть равнодушным «к хвале и клевете» – именно так позиционировал себя и Набоков, для которого было принципиальным сохранить независимость и чувство достоинства. В стихотворении «Неоконченный черновик» (1931) [2] Набоков признавался: «… жизнь мою я взвесил / на пушкинских весах, и честь / осмеливаюсь предпочесть». В понимании Набоковым роли поэта в мире людей ощутимо и лермонтовское начало. Рецепция лермонтовского «Пророка» (1841) очевидна в набоковских «Поэтах» (1919) [2]. Подобно Лермонтову, Набоков с горечью говорит об одиночестве поэтов в мире, об их трагической «несовместимости» с ним – «Так беспощаден гул окрестный, / людей так грубы города, / нам так невесело и тесно, – что мы уходим навсегда… / И, горько сжав сухие губы, / глядим мы, падшие цари, / как черные дымятся трубы / средь перьев розовой зари».

Тема свободы творчества в стихах Набокова иногда имеет «политический» оттенок. Подтверждение этому – стихотворный опус «Разговор» (1928) [2]. В нем представлен взгляд Набокова на советскую литературу. Набоков отзывается о ней «без почтения» и на «тамошних» писателей смотрит как на создателей чего-то крайне примитивного: советские «словотворцы», запечатлевая «в серой луже штык и фабричную стену», грохот строек и ритм «соцстроительства», рвут, уродуют и корежат слова («Грамотеи эти, / Цементов, Молотов, Серпов, / сосредоточенно, как дети, / рвут крылья у жужжащих слов. / Мне их убожество знакомо…» Создатель советской литературы, как определяет его Набоков, – это «мучитель муз, евнух парнасский», «торжествующий резонер». Советским писателям Набоков противопоставляет писателя в эмиграции, «русского гения на иностранном чердаке», который, с его точки зрения, ведет себя честнее, искреннее, «безгрешней» – он пишет не о том, что надо «отразить» по приказу «сверху», а о том, о чем грустит и чему радуется («Бывало, поздно возвращаюсь, / иду, не поднимая глаз, / неизъяснимым насыщаюсь / <…> / И оглушительное счастье / в меня врывается… Во всем / к себе я чувствую участье, – / в звездах и в камне городском».)

В фокус внимания Набокова попадает и он сам как поэт. В стихотворении «К музе» (1929) [3, с. 145] лирический сюжет строится на противопоставлении юности и зрелого возраста поэта как разных состояний и разных ценностных установок. В молодости приход Музы сопровождался поэтическим волнением («Я помню твой приход: растущий звон, / волнение, неведомое миру»), в результате чего рождались стихи с «молодыми» рифмами («…был певуч неправильный мой стих / и улыбался рифмой красногубой»). В зрелом возрасте крепнет мастерство, а оттого стихи становятся «натертыми», правильно сложенными («Я опытен, я скуп и нетерпим. / Натертый стих блистает чище меди»). Однако поэту грустно («Да, зрелость живописна, спору нет: / лист виноградный, груша, пол-арбуза / и – мастерства предел – прозрачный свет. / Мне холодно…»): во-первых, он понимает, что художник слова бывает ограничен мастерством; во-вторых, в зрелом творчестве больше холодного света, который заменяет полнокровную жизнь. Впрочем, в этой проблеме для Набокова есть свои «pro et contra»: в молодости поэт тщеславен («… и снилось мне: страница под стеклом / бессмертная. Вся в молниях помарок»), в зрелости – свободен, не зависит от желания войти в «пантеон бессмертных» («Мне не под силу многие труды, / особенно тщеславия заботы»).

И все-таки поэту хочется быть услышанным потомками. Эта мысль звучит в стихотворении «Неродившемуся читателю» (1930) [2]. Будучи для своего читателя, «светлого жителя будущих веков», смешным и нелепым представителем другой эпохи,

поэт хочет, чтобы тот хоть что-то испытал, обращаясь к его текстам, – окунувшись в былое, почувствовал бы «сквозняк из прошлого». Думается, это стихотворение о том, что поэзия может стать связью между поколениями («…ты, старины любитель, в день урочный / откроешь антологию стихов…). Набоков призывает: «Облокотись. Прислушайся. Как звучно / былое время – раковина муз». Читатель из будущего должен услышать «былое время», а это ему дадут почувствовть стихи, лежащие в «раковине муз». По Набокову, поэт – «медиум» между эпохами, «ответственный» за связь поколений («Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен. / К тебе на грудь я прянул через мрак. / Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк / из прошлого… прощай же. Я доволен»).

Некоторые считали Набокова «космополитом» (З. Шаховская, например). Однако стихи Набокова говорят об обратном. Эхо родины всегда звучало в душе Набокова-эмигранта. В стихах о России обнаруживает себя глубочайшее понимание поэтом своей нерасторжимой связи с родиной – «Кость в груди нащупываю я: / родина, вот эта кость – твоя [2, с. 96]». Примечательно, что мотив родины у Набокова часто соединяется с мотивом поэзии. Родина – боль поэта. Воспоминания о ней пронзительны: ступни тоскуют по песку, по которому бегал («И тоскуют впадины ступней / по земле пронзительной твоей…» [2, с. 96]); душа рвется к дому («… и твою почувствую весну: / угол дома, памятный дубок…») [2, с. 96]; в памяти всегда – город на Неве («Санкт-Петербург – узорный иней, / ex libris беса, может быть, / но дивный…») [2, с. 78]. Стихи воскрешают Россию, окунают поэта в ее атмосферу. Стихи для Набокова – это метафизическое пространство его отчизны. Обращаясь к России, поэт констатирует: «Воздух твой, вошедший в грудь мою, / я тебе стихами отдаю».

В эмиграции для Набокова актуализируется проблема «родной речи». В стихотворении «Молитва» (1924) [2, с. 89] Набоков передает свое отношение к родному русскому языку. Утратив на чужбине возможность «быть и жить» в пространстве русской речи, он как-то особенно пронзительно начинает осознавать ее уникальность. Набоков характеризует себя «рыцарем» родной речи. Русскую речь он называет «душистой», «родной», «живой», «полногласной», «чистой», «величавой». Набоков скорбит, что на родине родная речь «искажена, искромсана» новыми хозяевами. Поэт молится о сохранении родной речи. Русская речь для него – это «наше дивье диво», волшебство, бесценное богатство.

Итак, «стихи о стихах» Набокова запечатлели его напряженные раздумья над тем, что такое поэтическое слово и как поэт должен к нему относиться и им управлять. «Звезду, снежинку, каплю меда я заключаю в стих…» – так охарактеризовал Набоков свое желание лирически «инвентаризировать» мир, в котором все, по его глубокому убеждению, проникнуто дыханием Бога. Разумея поэзию «тенью Божьей», Набоков ставил перед собой серьезную задачу – кропотливо работать над поэтическим «глаголом». Слово поэта, выношенное, зрелое, но вместе с тем отмеченное «легкостью необыкновенной», обладает великой силой – оно способно преображать людей, делая их чище, доверчивее, красивее. Признание Набокова «… я все же, в этот век поветренных скорбей, / молюсь величию и нежности природы, / в земную верю жизнь, угадывая в ней / дыханье Божие, лазурные просветы,/ и славлю радостно творенье и Творца, / да будут злобные, пустынные сердца / моими песнями лучистыми согреты…» (3) – по сути, гимн такому – Боговдохновенному – поэтическому слову.

Литература

1. *Бетея Д. М.* Изгнание как уход в кокон: Образ бабочки у Набокова и Бродского // Русская литература. 1991. № 3, С. 167–175.
2. Владимир Набоков. Стихи. // URL: http://lib.ru/NABOKOW/stihi.txt (дата обращения 10.02.2018).
3. *Набоков В.* Стихотворения. Москва, 1991.
4. *Смирнов В.* Стихи Набокова // Набоков В. Стихотворения. Москва, 1991. С. 3–19.
5. *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Париж Москва, 1996.

СЛОВО КАК НОСИТЕЛЬ «ВЕЛИКОЙ ДУХОВНОЙ ЭНЕРГИИ»

Новикова Татьяна
Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Таврическая академия, Россия
t.ju.novikova@gmail.com

WORDS AS CARRIERS OF A „BIG SPIRITUAL ENERGY"

Novikova Tatyana
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Taurida Academy, Russia

Abstract: *Words functioning as a means of storing knowledge and experience in our memory also contain within themselves a "spiritual energy". As an indicator of the effects of this energy we can look at the present-day information space where the spiritual energy of words is used to exert a strong influence on the consciousness of the people.*

Key words: *words, spiritual energy, information space, associations, language.*

Сложность определения существенных признаков слова и в целом самого понятия слова являются причиной того, что разные ученые, занимавшиеся проблемами слова (А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, Р. А. Будагов, Е. М. Галкина-Федорук, О. С. Ахманова, М. В. Панов, А. А. Уфимцева, Н. М. Шанский и др.), по-разному их решали. В словарной статье о слове В. И. Даль дает такую иллюстрацию: *«Слово слову розь: словом Господь мир создал, словом Иуда предал Господа»* [2, с. 222]. В этом колоссальном объеме *слова* и состоит его великая сила, что и делает затруднительным найти для него исчерпывающее описание.

В словаре В. И. Даля находим такое определение: «Слово – исключительная способность человека выражать гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками; словесная речь». В качестве иллюстративного примера В. И. Даль приводит размышление о слове К. Аксакова: «*Человеку слово дано, скоту немота. Слово есть первый признак сознательной, разумной жизни. Слово есть воссоздание внутри себя мира»* [2, с. 221]. Наиболее важными смыслами в этом рассуждении о слове представляются «исключительная способность» человека и «воссоздание мира внутри себя» с помощью слова благодаря этой исключительной способности. Следовательно, какое слово, такой и мир внутри тебя, поскольку именно через слово выявляется этот мир, выстраивается целостная картина мира носителя языка. Словом определяется и экологичность коммуникации в целом.

В. Г. Гак, которому принадлежит статья о слове в энциклопедии «Русский язык», завершает ее таким выводом: «… хотя люди говорят фразами, они помнят и знают язык прежде всего через слово, ибо слово служит средством закрепления в памяти и передачи в речи знаний и опыта людей» [5, с. 303]. Нужно, однако, не упустить еще один немаловажный для характеристики слова момент: оно содержит в себе, кроме практического зримого опыта, также *духовный опыт* человека, его *духовную энергию*. Благодаря этому свойству через как бы незримый опыт слово обретает особый вес и особую ценность, что и делает его носителем «великой духовной энергии». Об этом свойстве слова еще в 1945 году, задолго до появления современного информационного пространства, предупреждал нас в своих духовных беседах замечательный иерарх Русской Православной Церкви, яркий проповедник, выдающийся богослов и ученый, всемирно известный профессор медицины, спасший от смерти физической и духовной тысячи людей, архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий). Он учил, что ни одно слово не исчезает без следа. «Надо вам знать, что сила слова человеческого огромна. Ни одно слово, исходящее из уст человеческих, не теряется в пространстве бесследно. Оно всегда оставляет глубокий, неизгладимый след, оно живет

среди нас и действует на сердца наши, ибо в слове содержится великая духовная энергия – или энергия любви и добра, или, напротив, богопротивная энергия зла. А энергия никогда не пропадает. Это знают все физики относительно энергии материальной, которая во всех видах своих никогда не теряется. Энергия духовная тоже никогда не исчезает бесследно, она распространяется повсюду, она действует на всех. Устами нечестивых разрушается град потому, что злая энергия безудержного языка их, нечестивого и богохульного, проникает в сердца окружающих людей, заражает воздух духовный так, как воздух материальный заражается всякими миазмами. Если миазмы порождают в нас болезни телесные, то миазмы злой энергии духовной отравляют наши сердца, наши умы, всю нашу духовную жизнь» [1, с. 246–247]. Эту энергию, как во благо, так и во вред, широко используют поэты, писатели, журналисты.

Наше непростое время многократно подтвердило правоту слов выдающегося проповедника и мыслителя. Вся разруха внешняя, физическая начинается с разрухи внутри себя, со злой энергии безудержного языка, со слов, которые заражают духовный воздух, отравляют сердца, умы и всю нашу духовную жизнь. Манипуляция сознанием с помощью слова – это, к сожалению, досадная «примета» нашего времени. Нужно четко осознавать, что самое сильное оружие на сегодняшний день – слово, именно с него начинаются все перевороты, все цветные революции, все изменения в обществе. Все эти события находят свое начало и дальнейшее отражение своего развития в языке и в культуре, которая от него неотделима. «Творческая» работа над актуальным термином *цветная революция* наглядно представлена в исследовании С. Г. Шулежковой: «Из его семантической структуры устраняются семы ‘насильственная’, ‘социально-экономическая’, ‘смена общественно-экономического устройства’, ‘приход к власти более прогрессивного, ранее угнетенного класса’<…> Благодаря средствам массовой информации, в которых активно обсуждались революции *цветного* типа, в сознании складывался образ революции с необычными дифференциальными признаками: бескровный характер, символом которого является неагрессивный цвет (не красный и не черный) или цветок (отзвук движения Ганди и хиппи, раздававших полицейским цветы» [7, с. 255–256]. В результате такой семантической «инженерии» в сознание участников подобных протестных движений «мягко» вошел «семантически модифицированный» словесный продукт.

В наш век стремительного развития информационных технологий небезопасно игнорировать простую истину: есть слова, которые становятся «страшнее пистолета». Эти слова разрушают основу основ – человеческое сознание. Современную скорость распространения информации можно сравнить со снежной лавиной, которая подхватывает огромную человеческую массу своей разрушительной силой, сметая все на своем пути, и несет ее вниз. Заметим, именно вниз! В наш мало читающий век многим пользователям, находящимся в таком объеме информации, некогда задуматься над тем, как отделить «зерна от плевел», разобраться с теми смыслами, которые сознательно навязываются распространителями «злого умысла», хорошо знающими свое дело. Они прекрасно понимают и не без успеха используют свойства злой духовной энергии слова. Если, например, мир начинает всерьез думать о введении третьего пола, кроме мужского и женского, то, полагаем, это свидетельствует только об одном: мы пытаемся оспорить Замысел Божий. Вряд ли такая «идея» продуктивна для процветания человечества и может послужить его благу, а не вырождению. Но, тем не менее, слово запущено. Никто ни в кого не стрелял, а попадание оказалось, если глубоко задуматься, в самое яблочко: под угрозой *семья*, основа основ, из которой, как из колыбели, вырастает человечество. А для приличия все прикрыто универсальным зонтиком *толерантности*. С помощью этого модного могучего слова можно многое

оправдать. Однако хорошо известная всем пословица говорит о том, что все кошки серы только ночью. А когда наступит день, который неизбежно следует за ночью, будет трудно не разглядеть того, что скрывала ночь.

Деструктивные по своей смысловой природе *развал, распад, разруха* – ключевые слова конца прошлого века, связанные с распадом целой страны СССР, – перекочевали, к сожалению, в век нынешний. Заметим, однако, что эти слова, определившие наименование трагического для многих людей из советского прошлого события, затронули не только одну страну, которой больше нет на карте мира. Мне легко вспомнить свои ощущения того периода жизни. *Растерянность* и *непредсказуемость* – вот ключевые слова для состояния, в котором оказалась огромная страна с многомиллионным населением. Это была *разруха* в сознании. И как результат – *агрессия*, исходящая из борьбы за существование всеми возможными способами и методами. Но эти слова-события, которые вызвали радость у многих представителей мирового сообщества, дали толчок тому состоянию, что и по сей день ощущается во всем мире: отсутствие стабильности и постоянное балансирование на краю катастрофических для всего мира перемен, поскольку, как неоднократно повторял Ю. М. Лотман, «мы все плывем в одной лодке».

Ключевое слово для политических лидеров Евросоюза и США в оценке события, приведшего к воссоединению Крыма с Россией, – *аннексия*. Но *аннексия* – это насильственное присоединение, захват одним государством территории, принадлежащей другому государству или народу. А для крымчан 18 марта 2014 года – спасение от кровавых событий и праздничный день *воссоединения* с Россией, о котором мечтали с самого развала СССР. Это было добровольное решение более 95 % крымчан, их свободный выбор на референдуме, свидетелем и участником его довелось стать и автору. Понятно, какое слово несет правдивую информацию о событии, которое потрясло мир. Не будем углубляться в причины такого разночтения, более детальный анализ есть в статье С. Г. Шулежковой [7, с. 260].

И напрашивается вывод. Если мы, призванные своей лингвистической деятельностью стать проводниками важнейших гуманитарных знаний в широкие массы, не будем популярно объяснять, как велика сила слова, как бесконечна его энергия, ничего не сдвинется с того места, откуда мы «мягко» катимся вниз по наклонной плоскости. «Развитие техники не предопределяет фатально будущего. Напротив, оно резко увеличивает число тех исторических перекрестков, на которых выбор одного шага может сказаться на судьбах человечества. *А где выбор – там и ответственность.* Именно это слово становится ключевым для людей приближающегося нового века» [3, с. 175]. А теперь уже наступившего! И всем (или многим) хочется быть в этом веке успешными и материально благополучными. Но не стоит забывать о том, что «материальное благосостояние народа всегда тесно связано со здоровым и чистым состоянием души и сердца народа. Если благословение праведных распространяется над градом, если в сердца людей проникают их святые слова, то град возвышается, благосостояние духовное, следовательно, и материальное, также углубляется и возвышается. Если же царит в душе народа духовная зараза, исходящая из уст неправедных, то злая энергия пустых, гнилых слов разрушает град не только в духовном, но и в физическом отношении» [1, с. 247]. Поэтому вопросы экологии языка – это и есть первостепенная задача для широкого обсуждения в масштабах современного информационного пространства, задача, далеко выходящая за рамки чисто лингвистических исследований. «Гуманитарные знания органически связаны с совестью. <…> Чуждый морально-этическим проблемам гуманитарий профессионально непригоден», – считал Ю. М. Лотман [3, с. 230].

Язык – это неотъемлемая часть среды обитания человека как существа разумного, его духовная сфера. Размышляя о языке, В. И. Вернадский сказал, что язык есть энергия культуры. «Владение языком составляет одну из важнейших черт, выделяющих человека из мира животных. Язык есть в одно и то же время условие развития и продукт человеческой культуры», – отмечается в словарной статье, написанной Н. Д. Арутюновой и Г. В. Степановым для энциклопедии «Русский язык» [5, с. 410]. И совсем неслучайным представляется тот факт, что в гуманитарной науке конца прошлого столетия на стыке лингвистики и культурологии сформировалось такое направление, как лингвокультурология. Оно прямо свидетельствует о том, что слово потребовало более пристального внимания и отношения к себе, более глубокого проникновения в его суть. О лингвокультурологии как направлении научной мысли обстоятельно пишет в своем исследовании, выполненном на материале болгарской русистики, Е. Стоянова: «Ее задачей становится изучение репрезентации культуры в языковом знаке. Становление данной научной отрасли является закономерным процессом в контексте утверждения антропологической научной парадигмы исследований и усиления интереса к феномену культуры» [6, с. 104]. Именно в слове сосредоточивается та духовная энергия, которая вырывается на поверхность и начинает доминировать на том или ином историческом отрезке времени, определяя и особенности эволюции культуры.

«Любое слово в нашем сознании, в памяти <…> десятками, сотнями «нитей» тянется к другим словам» [4, с. 751]. Состояние языкового сознания современного носителя русского языка помогает представить Русский ассоциативный словарь (Ю. Н. Караулов и др.) – показательный документ рубежа эпох, конца XX – начала XXI в. Его данные позволяют «проникнуть в социально-историческую память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: **«Как мыслят русские в современной России?»** [4, с. 3]. Обратимся к словам-стимулам *слово, слова*, *язык, народ.*

Рассмотрим ассоциаты, связанные с лексическими единицами *слово* и *словà.* Остановимся на первых трех наиболее частотных реакциях для стимула *слово.* В ед. числе оно вызвало первую реакцию *дело,* на второй позиции ассоциат *не воробей*, на третьей – *о полку Игореве* [4, с. 595]. За всеми тремя угадываются прецедентные тексты. Первые два ассоциата связаны с пословицами, третий – с литературным текстом, что и показывает их связь с культурным фоном. Первый ассоциат можно связать еще и с афористичным высказыванием о слове Л. Н. Толстого: «Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно их разъединить, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись такого слова, которое разъединяет людей». Это тоже все о духовной энергии слова. Есть в единичных реакциях и *Библия*, и *Иисус*, и *Божье*. Иная картина для стимула *слов`а* во мн. числе. Обращает на себя внимание первая наиболее частотная реакция *пустые (слова)* [4, с. 595]. Анализ реакций показывает, что слово в памяти носителя языка более весомо тогда, когда задано в ед. числе, мн. число порождает размытость тех культурных смыслов, которые возникали в числе первых реакций при предъявлении его в ед. числе, рвутся те «нити», которые связывали его с другими словами в ед. числе. Интересно отметить, что стимул *язык* не связан ни одной «ниточкой» со *словом.* Первый ассоциат для него *длинный* [4, с. 746]. Для стимулов *слово* и *слов`а* есть единичные реакции *язык.*

Теперь обратимся к стимулу *народ*. За ним стоит современный носитель русского языка. Что сейчас в русском языковом сознании у большинства тех, которым на момент проведения эксперимента (с 1988 по 1997 год) было 17-25 лет? По мнению создателей, «Русский ассоциативный словарь – это «выход» в будущее сознание русских, живущих в XXI веке» [4, с. 4]. Первый ассоциат – *толпа*, далее: *безмолвствует*, *и партия,*

русский, великий, глупый, быдло, голодный, массы, митинг, партия, советский, стадо, страны, темный, беден, бунт, веселый, вокруг, воля, выборы, говно, гордый, город, дружный, дубовый, дурной, душа, един, Ельцин, жалость, загнанный, злой, и армия едины, и партия едины, исполин, лихой, люди, мир, много, многострадальный, могучий, мой, мудрый, наш, непобедимый, не поймет, озлобленный, очень общее, победитель, пошел, прав, рабочий, родной, русичи, сборище, свобода, свой, СССР, страдает, танец, трудолюбивый, тупой, туча, угнетенный, чей, человек [4, с. 351]. Эти реакции весьма показательны для состояния русского языкового сознания в конце XX века. Но существенным представляется другой момент исследования, о котором авторы пишут во вступительной статье: «к 17-25 годам становление языковой личности в основном завершается и ее структура остается относительно стабильной на протяжении всей жизни. Следовательно, анализируя социальные, этические, историко-культурные, прочие оценочные реакции испытуемых, можно прогнозировать некоторые характеристики состояния массового сознания в российском обществе на ближайшие десятилетия, т.е. на период, когда испытуемые будут составлять активное ядро общества» [4, с. 4]. К этому историческому периоду мы сейчас и пришли. И очень своевременно говорить об экологии языка и коммуникации.

Литература

1. *Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий).* Сила Моя в немощи совершается. Духовные беседы. Беседа «Положи, Господи, хранение устам моим…». Киев: Изд-во «Голосеевская пустынь», 2012. 352 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955.
3. *Лотман Ю. М.* Воспитание души. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ», 2005. 624 с.
4. *Русский ассоциативный словарь.* В 2 т. Т.1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. Москва: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
5. *Русский язык.* Энциклопедия. / Гл. ред. Ф. П. Филин. Москва: «Советская энциклопедия», 1979. 432 с.
6. *Стоянова Е.* Лингвокультурное направление в научных исследованиях болгарских русистов. // В кн.: «Болгарская русистика». Альманах. София, 2017. С. 104–117.
7. *Шулежкова С. Г.* Образ России на фоне цветных революций и крымской весны в информационной войне начала XXI в. // В кн.: «Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы междунар. науч. конф. «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: Тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX – начала XXI в.» (Магнитогорск, 23–25 ноября 2017 г.) / Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ исторической антропологии и филологии; под ред. С. Г. Шулежковой.. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. С. 254–265.

ДЕВИАНТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕСТОИМЕННЫХ ЛЕКСЕМ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ ИНТЕРНЕТ-СООБЩЕСТВ

Пивоварчик Тамара
Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь
t.pivovarchik@grsu.by

THE INAPPROPRIATE USE OF PRONOMINAL WORDS IN COMMUNICATIVE PRACTICES OF ONLINE COMMUNITIES

Pivavarchyk Tamara
Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

Abstract: *The article discusses the various types of inappropriate use of pronominal words in the communicative practices of participants of the virtual community in the online forum. The author analyses the most frequent facts of deviations from the norm in the aspect of language usage and network subculture, and in the aspect of realization of the intentions of communicants.*

Key words: *pronominal words, deviant communication, language usage, communicative practices, virtual community.*

Интернет и виртуальный дискурс создали условия для трансформации традиционных и формирования новых коммуникативных практик с особым, в том числе намеренно девиантным, использованием языковых единиц, «разрушением стандартного кодифицированного языка и созданием ему альтернативы» [4, с. 35]. С социально-культурной точки зрения девиантное – это ненормативное, нестандартное, отклоняющееся от образцовых представлений и в то же время связанное с реализацией категорий инаковости, индивидуальности, креативности [10, с. 10–26]. Целый ряд коммуникативных практик интернета, имеющих глобализированный характер, можно отнести к девиантным, например, на основе таких выделяемых в [6] признаков, как декларация автономности, модус антисистемности и деиерархичности, концептуально-языковые формы противопоставления магистральной сфере культуры и др. При этом «девиация как культуротворческая стратегия является одним из важнейших способов образования новых содержаний и форм» [6, с. 77], реализации лингвокреативного мышления коммуникантов.

О многих нарушениях применительно к интернет-речи можно говорить как о проявлениях узуса или как об «интенционально фокусируемых отклонениях от конвенционального образца», «интенционально заданной ненормативности» [10, с. 22], так как у постоянных участников общения на форуме, в чате, социальной сети нет негативного воприятия эрративов и других отклонений от норм литературного языка, более того, они оцениваются как общепринятые в сетевом сообществе, целесообразные, предпочтительные. В статье описываются факты нестандартного, «отклоняющегося» использования местоименных слов в речи участников интернет-форума forum.grodno.net. Во всех приводимых ниже примерах сохраняется их исходное написание.

Анализ материала позволил выделить два типа нарушений в использовании местоименных слов в текстах интернет-форума. Первый тип представлен в той части «веток» интернет-форума, которые реализуют информационный «утилитарный» дискурс: его цель – взаимный обмен знаниями и опытом. Наличие тех или иных ошибок в сообщениях свидетельствует об уровне речевой культуры интернет-пользователей. Так, участниками форума широко используется просторечное местоимение *ихний* без всякой дополнительной коннотации, массово игнорируется дефисное написание неопределенных местоимений: *кто знает где можно записаться*

на ***какиенебудь*** *курсы DjИли как вообще можно пробиться в* ***ихний*** *круг* (03.11.2006); *Уже* ***кто нибудь*** *оказался на улице?* (31.01.2013).

Второй тип девиаций характерен для т.н. «фатических бесед» интернет-форума – «ни к чему формально не обязывающих разговоров на общие темы, основная цель которых – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [8, с. 66]. Как показывают наблюдения, именно в пространстве такой фатики и представлено сознательное, «экспериментальное», «креатиффное» нарушение нормы в расчете на прогнозируемую, ожидаемую реакцию собеседников. Эти запланированные девиации отражают особенности форумного социолекта, «модные» стилевые и речевые практики сетевого сообщества: *тут дама атказалась запичатляцца, но* ***ана*** *в* ***маей*** *памяти* (29.09.2016); *я* ***сибя*** *сразу старым ачучаю* (29.09.2016).

Нередко такие неправильности становятся одним из элементов в кодовой системе девиантной культуры наряду с отклонениями от различных когнитивных, социокультурных, речевых стандартов, а также средствами реализации субкультурных коммуникативных практик речевой агрессии – флейма, флуда, троллинга и т.п. Так, в представленных ниже примерах просторечная форма *ихний* актуализирует значение ‘чуждый, принадлежащий другой культуре’, маркирует «зону» негативно оцениваемого объекта речи как аномальную, не соответствующую принятым правилам и нормам на основе импликации к фоновым знаниям других участников форума: *с* ***ихними*** *ценами пошли они лесом* (14.08.2017); *Забывчивость* ***ихняя*** *начинает принимать регулярный характер* (28.12.2017); *кстати телефон* ***ихний*** *скину чтоб люди знали* (03.11.2016); *Из-за ошибки* ***ихнего*** *долбаного оборудования я должен бегать, как белка в колесе* (15.10.2009). Многие высказывания, в которых встречаются подобные просторечные формы, имеют интенции осуждения или угрозы, представляют собой пейоративные речевые акты: *От по Вашингтону я бы проехался на танке. Солярка наша, впечатления* ***ихние*** (24.02.2016).

Местоимение *ихний* часто маркирует значение ‘зарубежный’ в контексте противопоставления своего и чужого: *Кстати сегодня был в Литве. Там маразма нету, но ничего не работает.)))* ***Ихние*** *бизнесмены нашу страну хвалят* (04.04.2012); ***Ихние*** *бы цены да к моей зарплате...* (15.06.2016). Прагматический смысл может актуализироваться благодаря намеренно создаваемому автором высказывания стилистическому контрасту: *Нормальные товарищи, добрейшие люди, а* ***ихние*** *дамы виртуозы кухни* (21.08.2016).

«Жонглирование» просторечными и диалектными формами вообще очень характерное для форумной коммуникации явление: *Виктор,* ***энто*** *как поиск Грааля..* (20.06.2016); *А че Бисан? У* ***ей*** *профессиональное* (03.05.2017); *моск был занят мыслями о том, как же я буду* ***отселева*** *выбираться?!* (26.05.2009); *Тебе же* ***оттудова*** *виднее, расскажи нам* (19.12.2010). Так создается иллюзия доверительного дружеского «трепа» без каких-либо запретов и ограничений, но зато с мягким подтруниванием, иронизированием, шутками и насмешками.

Основой для речевых экспериментов выступает грамматический и семантический потенциал местоименных слов, не всегда востребованный в стандартных речевых практиках, о чем свидетельствуют обсуждаемые в [1, с. 354–361] «загадки, связанные с функционированием местоименных парадигм», например, с возможностью включения в местоименную парадигму дополнительных падежей или с неодинаковой употребительностью тех или иных местоименных форм в разных речевых ситуациях. Так, в речи участников интернет-форума регулярным является окказиональное расширение парадигматических возможностей местоименных слов: например, образование краткой формы отрицательного местоимения – *Жизнь такова какова она есть и* ***никакова*** *иначе* (01.12.2007). Лексема *никаков* указана

Н. Ю. Шведовой в системе отрицательных местоимений русского языка [11, с. 13], однако в Национальном корпусе русского языка зафиксированы всего четыре примера с использованием данного слова, причем три – в текстах XVIII века.

Особенно частотны в практиках «пустых разговоров» форумчан высказывания с расширением парадигмы личного местоимения первого лица, что объясняется в том числе его способностью к образованию супплетивных форм: *За что* ***мну*** *лишили титула!* (21.03.2015); *пришел* ***мну*** *такой глупый (а может быть и нет) вопрос* (14.02.2010); *у* ***мню*** *начинается звездная болезнь!* (29.04.2014); *это ты обо* ***мню****?* (05.08.2014); *Все* ***мня*** *ясно стало теперь* (03.05.2010); *у* ***мня*** *пашти полтышчы* (22.09.2015); *так как не было настроения у* ***мна*** (16.01.2008); ***мна*** *прикол понравился* (13.09.2008). При этом расширяются контекстные условия использования тех или иных «новых» косвенных форм: последние становятся универсальными, так как способны реализовывать все падежные значения личного местоимения первого лица; разрушается традиционное представление о делении падежей на прямой и косвенные: *просто мнение у* ***мну*** *такое пуританское* (18.10.2011); ***Мня*** *тоже заболел, поэтому* ***мня*** *на праздник вечером не пойдет, будет лежать и кушать таблетки* (23.03.2008); ***Мню*** *успешно защитилась в апробации учителей))) Поздравления где?)))* (http://askee.ru/question/64264).

Окказиональные словоформы *мня, мна, мню, мну* используются как полные синонимы по отношению друг к другу. Описывая расширение парадигмы как один из приемов языковой игры, В. З. Санников указывал, что употреблением грамматических форм, «лишь потенциально возможных или вообще недопустимых в нейтральной речи, автор добивается предельной новизны выражения и, шокируя слушателя, акцентирует его внимание на том смысле, который хочет передать» [7, с. 71]. Важно отметить, что такие окказиональные употребления характерны именно для местоимения первого лица (не второго и не третьего), что можно объяснить функцией самопрезентации как одной из важнейших во взаимодействии интернет-собеседников. Дискурс форумов, блогов, чатов – это в значительной степени автореферентный дискурс (термин Е. В. Солодковой), и такие «шокирующие» формы позволяют привлечь дополнительное внимание к пользователю, индивидуализировать его.

Прочно закрепилось в речевых практиках участников интернет-форума написание местоименных слов с искажением их графического и орфографического облика: *Кажеццо, что* ***фсе*** *на виду, но однако....* (20.06.2016); *Любовь* ***всехда*** *жестокая* (21.06.2016); *а Геша* ***кде****?* (22.06.2016); ***мая*** *булачка.. я* ***тибя*** *люблю и цилую* (16.08.2011).Такие эрративы – элемент «языка падонкафф», средства создания речевой маски пользователя в соответствии со сложившимися в субкультуре интернет-общения лингвокультурными типажами флеймера, тролля, падонка и под.: *Книга – редкостный отстой, через который сквозит жгучее желание афтара срубить бабла. Хай се верующие неадназначна пареагируют* (22.05.2006).

Нарушения соответствуют культурному коду постоянных участников интернет-форума, помогают реализовывать намерения профанизации слишком торжественных и пафосных ситуаций, разрушения традиционных ритуалов: *Севодня у* ***одново*** *парня с форума Свадьба! Поздровляем* ***ево*** *с этим празничным днем и жэлаем* ***всево*** *хорошево. <...> И благосостаяния и вобще* ***всево чево*** *сам себе захочет!* (29.09.2007); *Вспомни юношеские годы, и похулигань* ***нимнога*** (14.08.2010); *Ура-а! падару* ***тибе*** *станок и пенку Жиллет!* (12.04.2007).

Еще одна функция выдвижения в центр речевых практики маргинальных с точки зрения системы литературного языка форм – поддержание общения в определенной тональности. Так, сочетание просторечного местоимения с разговорным глаголом в фразе «*прочитала «Муравьи» – неплохо, – вот, думаю, стоит ли еще* ***че*** *читануть*

данного автора» (23.08.2006) актуализирует в семантике высказывания – быстроту и небрежность описываемых действий, в прагматике – экспрессивность и фамильярность общения с адресатом.

Сетевая коммуникация пользователей интернет-форума имеет ярко выраженный игровой характер, что проявляется и в намеренном использовании стилистически маркированных адъективных дериватов типа *мойный, евоный, евонный, евойный, всехный, всехний* и т. п. с целью создания юмористического эффекта, сокращения дистанции в межличностном общении до уровня фамильярности: *И мы с мужуком* ***мойным*** *тоже поздравляем* (12.10.2007); *Но* ***мойный*** *Кот за версту вражин чует* (https://www.politforums.net. 08.11.2017); *а кот* ***евоный*** *сегодня мойку со шкафа скинул* (06.09.2017); *Так мы всем форумом собирали в шапку* ***евойную****. И насобирали...* (16.08.2008). Особенно эффектным является использование таких диалектно-просторечных слов в окружении книжной, в т.ч. «высокой», лексики: *Ваши добрые дела <…> послужат хорошей инвестицией в будущее вашего бизнеса и* ***евоное*** *процветание и успех!* (06.09.2017); *Это праздный вид коллеги и моделей* ***евоных*** *сбили меня с мыслей духовных и высоких на мысли грешные о прелюбодеянии и распутстве* (08.09.2009).

Частотны в сообщениях участников форума редуцированные формы местоимений: *Хотя дома у* ***мя*** *и так тепло* (17.10.2006); *Рокер, с наступающим* ***тя****?* (14.04.2005); *А* ***эт*** *я видел!* (13.05.2011); ***эт*** *точно* (25.08.2012); *А* ***скока*** *радиус действия*? (03.03.2017); *придумай* ***что-нить*** *новее* (20.08.2008); *Я за! тока* ***када*** *и где?* (10.04.2010). Такие стяжения в устной разговорной речи обусловлены частотой употребления, быстротой произнесения, малой информационной нагрузкой местоимений [3], а в письменных текстах интернет-форума – отражают действие закона экономии речевых усилий, сближение практик устной и письменной речи, закрепление своеобразной субкультурной нормы. Можно обнаружить прагматические расхождения в использовании участниками интернет-форума полных и редуцированных форм, когда за последними дополнительно закрепляются коннотативные значения: социокультурные – пользователь демонстрирует свою принадлежность к языковой субкультуре и таким образом актуализирует смыслы «свой» или «чужой» по отношению к тем, с кем ведет диалог; коммуникативные – пользователь подчеркивает как ценностно значимые для него в данной речевой ситуации непринужденность общения, «живость» диалога, непосредственность реакций, отказ от стандартов, что в целом соответствует коммуникативной субкультуре интернет-форума. Таким образом, в отличие от устной разговорной речи, такие редуцированные формы в письменных практиках, наоборот, становятся прагматически нагруженными – могут сообщать дополнительную информацию при учете экстралингвистических факторов и фоновых знаний собеседников о норме и ее нарушениях.

Как уже не раз отмечалось исследователями, инновации сетевого социолекта и языковая игра в практиках интернет-речи позволяют через противопоставление нормы и узуса раскрыть дополнительные возможности системы – в том числе и такой, по словам Н. Ю. Шведовой, «стабильной и самодостаточной», «закрытой для интервенции каких-либо новаций» [11, с. 12] системы местоименных слов русского языка. В то же время нельзя не признавать, что массовое распространение ошибок и нарушение элементарных норм в практиках интернет-коммуникации «формирует негативное отношение не только к языковой норме, но и к социальной норме вообще» [5, с. 104], возводит девиантность в норму, «искажает познавательные модели, репрезентированные в языке, что ведет к деформации сознания индивида» [9, с. 4].

Таким образом, возможности девиантного использования местоименных лексем в практиках интернет-коммуникации обусловлены, с одной стороны, потенциалом

лексико-грамматической системы языка в порождении новых форм и значений и их дискурсивных актуализаций, с другой стороны, расширением речевых и культурных практик и активизацией текстовой деятельности носителей языка («теперь читателей нет, теперь все писатели»), с третьей – развитием интернета как новой среды для функционирования языковой системы. Факты ненормы и антинормы в использовании местоименных слов и других языковых единиц могут представлять интерес для функциональной стилистики (закономерности употребления слов и форм в разных форматах и жанрах фрагментированного интернет-пространства), социолингвистики (девиации как маркеры речевых практик и субкодов разных социальных групп), прагмалингвистики (интенциональный и перлокутивный потенциал девиаций).

Литература

1. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). Москва, 1997.
2. *Добрушина Е. Р.* Между нормой-интуицией и нормой-кодификацией, или Двести лет вместе с *ихний* // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2. С. 181–204.
3. *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1979.
4. *Нам Х. Х.* Узус, норма и система в контексте современного русского языка: на материале интернет-коммуникации // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 33–43.
5. *Орлова С. Л.* Типичные ошибки в интернет-СМИ и типичные ошибки в диктантах как две стороны одной проблемы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Том 13, выпуск 9. С. 102–105.
6. *Панов С. В., Ивашкин С. Н.* Девиация: эсхатологическая перспектива и идея перформатографии // Вопросы культурологии. 2009. № 6. С. 76–78.
7. *Санников В.* Русский язык в зеркале языковой игры. Москва, 2002.
8. *Стернин И. А.* Светское общение. Воронеж, 1996.
9. *Христова Н. А.* Воздействие речевой деятельности СМИ на познавательные структуры индивида: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тверь, 2005.
10. *Чернявская В. Е.* Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Москва, 2011.
11. *Шведова Н. Ю.* Местоимение и смысл. Москва, 1998.

ПРОБЛЕМА ЭКОЛОГИИ ДУШИ В РОМАНЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА "ДАР"

Салиева Людмила
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
liudmila.salieva@gmail.com

THE PROBLEM OF THE ECOLOGY OF THE SOUL IN VLADIMIR NABOKOV'S NOVEL "THE GIFT"

Salieva Liudmila
Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract*: Mental ecology is basically determined by one's picture of the world which consists of author's individual concepts. The article presents the reconstruction of the conceptual sphere of V. Nabokov's novel "The Gift". The content of the auther's concept "Gift"is revealed through the antithesis of the two conceptual spheres: spiritual and utilitarian.*

Key words: *V. Nabokov; mental ecology; cognitilogy; world picture.*

Введение

Экология души – экология внутреннего мира человека, ментальная экология – определяется в основном его картиной мира. Картина мира, являясь совокупностью концептосфер, состоит из концептов. Мы понимаем концепт как когнитивную единицу, содержащую осмысленное (эмоционально-оценочное наполненное) понятие о выделенной единице действительности (материальной, духовной, реальной, воображаемой). Концепты и концептосферы могут быть как общественными (глобальными, национальными, этническими и т. д.), так и индивидуальными. В настоящей статье будет представлена реконструкция концептосферы романа В. Набокова «Дар».

«Дар» был написан Набоковым между 1935 и 1937 гг. Это его последний роман на русском языке, и рассматривается как прощание писателя с Россией. Каковы те смыслы, которые писатель хотел передать на прощание родине? Какой образ себя он проецировал в будущее? Каково было его человеческое кредо? Что он имел в виду, называя роман высоким словом *дар*?

Дар – главное ключевое слово и главный концепт романа. Принято считать, что *дар* здесь означает писательский дар [1; 2; 3; 7; 8]. Нашей гипотезой было следующее: 1) Авторская ценностная точка зрения закодирована в содержании концепта *дар*, 2) компонентное содержание концепта *дар* – концептосфера романа, 3) этим произведением Владимир Набоков продолжает диалог между Пушкиным и Митрополитом Московским Филаретом о смысле жизни. В 1828 году Пушкин написал: «Дар напрасный, дар случайный, Жизнь, зачем ты мне дана?». На это стихотворение Митрополит Московский Филарет отозвался следующими строчками: «Не напрасно, не случайно Жизнь от Бога мне дана; Не без воли Бога тайной И на казнь осуждена». В январе 1830 года Пушкин посвящает Митрополиту Филарету «Стансы», завершая их строками: «И ныне с высоты духовной Мне руку простираешь ты, И силой кроткой и любовной Смиряешь буйные мечты».

Вывод о том, что дар есть жизнь, мы сделали также на основании соположения заглавия романа, посвящения и эпиграфа. Ключевые слова располагаются в таком порядке: *дар – память – мать – Россия – смерть неизбежна*. *Дар* в противопоставлении *смерти* может означать только жизнь. Но возникает вопрос: с кем Набоков – с Пушкиным 1828 года или с Митрополитом Филаретом и Пушкиным 1830 года? Возможно два варианта толкования этой последовательности ключевых слов: либо дословное, и тогда жизнь – напрасный дар, либо антонимическое, и тогда –

смерти нет, а жизнь вечна. Поскольку это текст Набокова, то вероятнее второй вариант, поскольку писатель никогда ничего не говорил прямо. Исследование показало, что наша гипотеза верна. Кроме того, было установлено, что содержание концепта *дар* раскрывается как содержание концептов *жизнь* и *смерть*.

Методология

Для реконструкции концептосферы романа мы пользовались методами компонентного, концептуального и логико-риторического анализа, а также методом сплошной выборки.

Результаты исследования [2; 3]

Понятие смерти обсуждается в каждой из пяти глав романа в связи со смертью того или иного персонажа. В начале первой и начале пятой (последней) главы мы находим следующие два рассуждения о смерти и жизни (первое в связи с воспоминаниями Федора о своем детстве, второе в связи со смертью Александра Яковлевича):

«… – все это самые ранние, самые близкие к подлиннику из всех воспоминаний. Я часто склоняюсь пытливой мыслью к этому подлиннику, а именно – в обратное ничто: так туманное состояние младенца мне всегда кажется медленным выздоровлением после страшной болезни, удалением из начального небытия, становящимся приближением к нему, когда я напрягаю память до последней крайности, чтобы вкусить этой тьмы и воспользоваться ее уроками ко вступлению во тьму будущую; но ставя жизнь свою вверх ногами, так что рождение мое делается смертью, я не вижу на краю этого обратного умирания ничего такого, что соответствовало бы беспредельному ужасу, который говорят испытывает даже столетний старик перед положительной кончиной, – ничего, кроме разве упомянутых теней…» [1, с. 44].

«Когда однажды французского мыслителя Delalande на чьих-то похоронах спросили, почему он не обнажает головы …, он ответил: “Я жду, чтобы смерть начала первая”… В этом есть метафизическая негалантность, но смерть большего не стоит… Я знаю, что смерть сама по себе никак не связана с внежизненной областью, ибо дверь есть лишь выход из дома, а не часть его окрестности, какой является дерево или холм. Выйти как-нибудь нужно, но я отказываюсь видеть в двери больше, чем дыру да то, что сделали столяр и плотник… Опять же: несчастная маршрутная мысль, с которой давно свыкся человеческий разум (жизнь в виде некоего пути) есть главная иллюзия: мы никуда не идем, мы сидим дома. Загробное окружает нас всегда, а вовсе не лежит в конце какого-то путешествия. В земном доме вместо окна – зеркало, дверь до поры до времени затворена; но воздух входит сквозь щели. Наиболее доступный для домоседных чувств образ будущего постижения окрестности, долженствующий раскрыться нам по распаде тела, это – освобождение духа из глазниц плоти и превращение наше в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света, или, иначе говоря: сверхчувственное прозрение мира при нашем внутреннем участии…Страшно больно покидать чрево жизни. Смертный ужас рождения» [1, с. 316–317].

Эти два рассуждения, первое о смерти, имеющей отрицательный вектор, второе – о положительном конце, раздвигают рамки подлинной человеческой жизни, жизни духа, в оба ее конца: рождение – смерть и кончина – рождение становятся только переломными моментами. И если в первом рассуждении о земной жизни сказано лишь то, что она является тенью некого подлинника, то во втором – раскрыты образы земного и последующего бытия человека, образы, являющиеся логическим обобщением всего предшествующего повествования. Земная жизнь человека – дарованный ему дом, (темница?), покинуть который – значит уйти из жизни. Понять

жизнь невозможно – окрестностей не видно, перед человеком лишь его собственное отражение в зеркале. Но можно ощутить истину «при нашем внутреннем участии», почувствовав воздух, проникающий сквозь щели. Развитие способности видеть, развитие внутреннего зрения (прозрения) – одна из главных целей человеческой жизни, которая может быть полностью реализована только «по освобождении духа из глазниц плоти» и превращения «в одно свободное сплошное око, зараз видящее все стороны света». Круг (рамка) метафоры жизни-смерти-жизни – глубинный каркас «Дара», который, сделав еще один виток, в конце романа дает нам идеал жизни и смерти, то есть человеческое кредо, автора.

Исследование методом сплошной выборки остальных рассуждений о смерти и жизни в романе привело нас к следующему.

Мир без человека мертв: неживая природа, мир вещей не восстают из небытия, живая природа безмолвно уходит в небытие. **Жив только человек**.

Но смерть вездесуща. По большому счету к смерти все привыкли. Смерть человека ничего не меняет в жизни мира, все продолжает крутиться по-прежнему, природа и люди (кроме самых близких) ее не замечают. Соблюдение ритуала, предназначенного для того, чтобы почтить память ушедших, либо превращается в фарс (как на собрании союза литераторов), либо все происходит исключительно формально по давно отработанному сценарию (как в случае похорон Александра Яковлевича). Человеческая душа в массе своей не отзывается на смерть, она слепа и глуха. В таком же состоянии оказывается и Федор Константинович, чуткий, совестливый и памятливый человек. Однако его непонятно-слепое состояние души, как и неосознаваемое поведение всех остальных, оправдано, и ответственность за все это возложена на кого-то, знающего в чем дело, ибо главное в чем-то другом, но не в физической смерти тела. **Телесно люди также смертны (мертвы) и также уходят в небытие, как и весь остальной мир.** Что же тогда жизнь?

Жизнь – это великолепная ткань, но мы способны видеть лишь ее изнанку, это сияние, но оно находится вне нашей слепоты. Жизнь – это книга, но прочитать ее мы не можем, потому что не знаем языка. Человеку не дано знать (религии он не очень доверяет), в чем дело и где главное. Замысел о твоей судьбе и о земной и другой жизни в целом неясен. А от **незнания, слепоты и страх перед смертью**, как перед экзаменом, к которому не готов. **Понять же все можно будет только потом, когда вырастешь из своего тела.**

Дверь в загробное чуть-чуть приоткрывается со смертью дорогих людей. Чужая смерть безразлична, своя страшит, и только смерть самых близких (любимых) людей поражает глубоко, она отключает человека от земного, ставит его на границе миров. Уход дорогих душе людей развивает сверхчувственные способности и тем самым отменяет саму смерть. Для близких люди не умирают, образы ушедших живут в их памяти, общение с ними не прекращается. Это и есть **воскресение**. Ведь тело – только наш двойник, нечто меняющееся, а **настоящий человек – это то, что способно любить**.

Истинные связи и в материальном мире (Федора с Кончеевым – автора с современной ему русской литературой) основаны не на физических контактах, а на **божественной связи, которая и есть осуществление** (в приведенном выше отрывке корень «-сущ-» меняет в итоге свое значение на противоположное: *в сущности* = в материальной действительности, *существование* = земная жизнь, *дорваться до осуществления* = стать явью, *это и есть осуществление* = духовное воплощение).

Жизнь во всей полноте ее замысла – это бесценный, хотя и неведомый **дар, он не от мира сего**. Здесь же надо уметь быть ответственным перед своим даром, прозревать его смысл, культивировать его, благодарить за него, не разбазаривать, не

жертвовать им даже ради самых близких, и тогда жизнь будет добра, и ты получишь проценты с капитала уже здесь на земле (ключевые слова данного ряда можно расположить в следующем порядке: хочется благо**дар**ить – 10 000 дней от Неизвестного – наши здешние дни только карманные деньги, гроши, звякающие в темноте – где-то есть капитал, с коего надо уметь при жизни получать проценты, в виде снов, слез счастья, далеких гор – оборотный капитал, нужный для частных целей – **душа**).

Всякое насильственное прекращение земной жизни, будь то самоубийство, смертная казнь или война, представляет собой противоестественный акт. Всякое оправдание подобных актов (сентиментально-умственное, болезненно-изысканное неоромантическое Яши, психолого-социологическое беллетриста в роговых очках, религиозно-романтическое Жуковского, патриотическое обывателя) – ложь, вздор, подлость, идиотизм, ибо не в воле человека распоряжаться тем, о чем ничего не знает.

Дар человеку жизни наделяет его способностью дарить жизнь – одухотворять все то, с чем соприкасается его душа.

Таким образом, смерти нет, а жизнь не есть жизнь биологическая. Живет только то, что одухотворено. Жизнь – это дар духа от Неизвестного. Жить надо, служа этому дару и даря его всему окружающему, а умирать, – празднуя окончание срока службы, – таково человеческое кредо автора и его послание будущему читателю, что и выражено в конце романа словами «одного старинного французского умницы»:

«…был однажды человек… он жил истинным христианином; творил много добра, когда словом, когда делом, а когда молчанием; соблюдал посты; пил воду горных долин (это хорошо, – правда?); питал дух созерцанием и бдением; прожил чистую, трудную, мудрую жизнь; когда же почуял приближение смерти, тогда вместо мысли о ней, слез покаяния, прощаний и скорби, вместо монахов и черного нотария, созвал гостей на пир, акробатов, актеров, поэтов, ораву танцовщиц, трех волшебников, толленбургских студентов-гуляк, путешественника с Тапробаны, осушил чашу вина и умер с беспечной улыбкой среди сладких стихов, масок и музыки… Правда, великолепно? Если мне когда-нибудь придется умирать, то я хотел бы именно так» (стр. 370).

Таков путь к бессмертию души – к тому загробному, где люди в золотых тюбетейках. Но человеку также дан особый дар сохранять бренное и для относительной земной вечности. Это дар слова, способность именовать, но он дан только тем, кто принимает дар духа. Тот же, кто отрицает дар духа, оказывается лишенным дара слова, способности творить.

Композиция романа имеет вид спирали, в логических терминах – триады. Тезис: Земная жизнь в соответствии с духовными ценностями ведет к бессмертию. Она – дар Неизвестного (образец – отец). Антитезис: жизнь по правилам утилитаризма – состояние смерти (жизнь Чернышевского). Синтез: жизнь как выбор между (1) и (2) (путь главного героя Федора Годунова-Чердынцева как отрицание материальных ценностей и обретение духовных).

Итак, в основе композиции антитеза двух концептосфер: мира духовного и мира утилитарного. Эти концептосферы имеют одинаковые компоненты-концепты, но с противоположным содержательным наполнением.

Заключение

Ключевые слова в романе, такие как *дар, свет, радуга, жизнь, смерть, сущность, странничество* совершают в своем значении круг и возвращают себе духовное содержание, первоначальное в русской культуре. В этом и состоит завещание Владимира Набокова будущим поколениям, экология его души.

Духовный мир Содержание концепта	Концепт	Утилитарный мир Содержание концепта
+	**Дар духа**	**-**
Свет	**Пространство**	Мрачность, чернота
Гармония красок		Катастрофа красок
Тепло		Холод
Роза, ирис		Подсолнух (утилитарный цветок)
Вечность	**Time**	Настоящее
Отец	**People**	**Чернышевских**
Доверие Высшему	Бог	Будь вторым Спасителем
Святой Дух		Здравый смысл
Гегель	Philosophy	Фейербах
+	**Дар слова**	**-**
Все виды восприятия и познания, восприятие и познание как материального, так и духовного, непредвзятость, открытость, основа на предыдущем знании	Восприятие, познание	Слепота, отсутствие способности воспринимать непредвзято, навязывание своего видения всему, профанность и, отсюда – неспособность именовать
Образец именования	Пушкин	Вздор и роскошь, производитель «пошлой болтовни»
Познание, именование и передача знания; Перевод духовного в словесное; овеществление памяти;	Цель именования	Практическая цель: пропаганда или приобретение популярности
Единство мысли и формы; тщательная разработка слога; вкус, пленительный ритм	Стиль	путанный, туманный, бледный, долбящий, бубнящий, вялый, бедный, эпигонский
Всестороннее исследование	Подготовка к созданию текста	Самовыражение
Рост таланта, признания, слава в будущем, истинная любовь	**Reward**	Затухающий талант, забвение. Нелюбовь

Литература

1. *Набоков В.* Дар. Избранное. Москва,1990. С. 35–371.
2. *Салиева Л. К.* Риторика «Дара» Набокова. Реконструкция изобретения. Москва, 2005.
3. *Салиева Л. К.* Риторика романа Владимира Набокова «Дар»: фигура мысли. Москва, 2012.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ: КУРС НА ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ИЛИ РОЛЬ ЭМОЦИЙ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНСТРУКТИВИЗМЕ

Солодовникова Наталия
Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия
tommyboy22@mail.ru

LINGUOECOLOGY: A COURSE ON EMOTIONAL INTELLIGENCE OR THE ROLE OF EMOTIONS IN ECOLOGICAL CONSTRUCTIVISM

Solodovnikova Natalia
Volgograd state socio-pedagogical University, Russia

Abstract: *substantiated is the ecological function of emotions; analyzed is the essence of the ecocentric shift in the consciousness of modern man.*
Key words: *emotive ecolinguistics, emotional intelligence, ecocentric shift.*

Перед современной российской лингвистикой эмоций (эмотиологией) стоит задача исследования личностных компонентов семантики языковых единиц и структурирования знаний об эмотивном коде языка. Подход данной области научного поиска к исследованию эмоциональности и эмотивности отражает психолингвистическое понимание того, что в человеке как биопсихосоциальном существе все движимо эмоциями, так как они являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой. Однако этому предшествовало известное мнение Э. Сепира о том, что лингвисты отказываются терпеть эмоции в своих исследованиях, что эмоции не представляют никакого интереса для лингвистики, поскольку они не являются составляющими семантики слова. Поэтому лингвистика позже других наук осознала, что эмоции являются и ее предметом. В 1987 г. проф. В. И. Шаховским была разработана первая в России концепция лингвистики эмоций, основанная на единой методологии категоризации эмоций в лексико-семантической системе языка. В 2008 г. автор обобщил результаты своей работы над проблемой «язык и эмоции» в лингвистическую *теорию* эмоций. К 2010 г. эмотиология получила экологическое преломление: от нее «отпочковалась» *эмотивная лингвоэкология*.

Эмотивный подход к языку состоит в симбиозе философского понимания эмоций как формы оценочного отражения действительности и психологического понимания эмоций как особого психического пласта, надстраивающегося над познавательным образом. Через эмоции сам язык является ключом к изучению человека: он номинирует, категоризует, классифицирует, структурирует, комментирует, эксплицирует, имплицирует, моделирует эмоции и формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед эмотиологией, является формирование эмоционально-эмотивной компетенции коммуникативной личности, которая также известна под названием «эмоциональный интеллект».

С 2004 г. по настоящее время в Волгоградском государственном педагогическом университете в Институте иностранных языков В. И. Шаховским и его учениками и коллегами по кафедре языкознания ведется работа по развитию у студентов умений порождать эмотивно корректные тексты и адекватно воспринимать личностные, эмоциональные доминанты чужих текстов как отражение иных концептосфер и других культур. Эту работа в целом направлена на развитие эмоционального интеллекта. В настоящее время проблемы эмотиологии получают все большее экологическое переосмысление.

Курс обеспечивает слушателей теоретическими и практическими знаниями, навыками и умениями в сфере эмоциональной коммуникации: знакомит их с категорией эмотивности, ее концептуализацией и (а)вербальной презентацией в речи / тексте; вырабатывает умение называть свои и чужие эмоции, опознавать их в речи и тексте через определенные семиотические (эмотивные) средства; развивает умение их выразить и описать; знакомит с эмотивным фондом языка и способом его лексикографического отражения, со стилистикой вербального выражения эмоций. В настоящее время все эти знания системно получают экологическое преломление, чтобы у общающихся сохранялся вектор экологичности в процессе обмена эмоциями в языке.

Проф. В. И. Шаховский всегда говорит своим слушателям, что художественная литература – это депозитарий человеческих эмоций. Для формирования эмоционального интеллекта на примере короткого рассказа на английском языке С. Барстоу «Ярость» слушатели курса последовательно совершенствуют применение полученных знаний об эмоциях в языке. Этот текст является уникальной иллюстрацией к лингвистической теории эмоций, поскольку в изображенной коммуникативной эмоциональной ситуации супружеской ссоры каждый читатель может найти примеры ко всем основным положениям эмотиологии.

И если на первом занятии слушатели курса, как правило, обладают некоторым объемом научно-популярных знаний об эмоциях, то к концу курса они способны самостоятельно проводить полноценный эмотивный анализ текста, что свидетельствует о значительном развитии их эмоционально-эмотивной компетенции, эмоционального интеллекта. Значимость таких навыков хорошо осознается лингвоюристами, которым по долгу службы приходится иметь дело с исками об оскорблении чести и достоинства, а, следовательно, анализируемый ими материал требует следования четким критериям эмотивного анализа.

В настоящее время большинство проблем эмотиологии пересматривается с экологических позиций, потому что уже давно осознается необходимость перехода от антропоцентрического мышления к экоцентрическому. Однако не у всех лингвистов данный подход вызывает энтузиазм.

Так, В. Задорский в статье «Экологизация – альтернатива экологическому алармизму» утверждает, что «экологи нашли себе очень удобную нишу для деятельности. Называют ее алармизмом. Понятие это (от англ. alarmism) означает «паника» и производно от фр. alarme – тревога, тревожное состояние, мироощущение человека, которое буквально означает «К оружию!» – a l'arme! Термин прижился во всем мире как современное идейное течение, объединяющее интеллектуалов и экспертов, предупреждающих о грозящих человечеству глобальных опасностях и угрозах – ядерной, экологической и т.п. И все-таки даже в словарях мы встречаем неточные определения из серии «экологи спасут мир». К примеру, в словаре по гуманитарной экологии можно прочитать, что алармизм – общественное течение, представители которого акцентируют внимание на катастрофичности последствий воздействия человека на природу и принятии немедленных решительных мер по ее защите. Ни один алармист пока не предложил никаких «немедленных решительных мер». Они боятся любых перемен и могут только бить в набат» [1].

Трудно не согласиться с этим замечанием. Действительно, в настоящее время все чаще звучат тревожные призывы экологов всего мира обратить внимание человечества на стремительно ухудшающееся состояние окружающей среды. Они ориентируют людей если не на восполнение, то хотя бы на сбережение природных ресурсов. К защитникам природы присоединяется все больше представителей эко-ориентированных областей знания. В настоящее время активно развиваются такие отрасли, как *экопсихология*, *экопедагогика*, *экофилософия, экомедицина* и др. Их

глобальная цель состоит в осуществлении *экоцентрического поворота* в сознании современного человека. Вероятно, именно названным стремлением эко-специалистов можно объяснить *экологизацию гуманитарной науки*. Термины *методика экологического образования, эколого-педагогическая деятельность, экологическая культура, эколого-развивающая среда, экологически ориентированная личность, эколого-педагогическая подготовка, экологическая воспитанность и обученность* и другие ассоциируются уже не с природоведением, а с человековедением. Присоединяются к *экологам природы* и *экологи коммуникации*.

Известно, что осознание необходимости *экологизации жизни* появляется у человека тогда, когда им ощущается нарушение *экологического баланса* в важнейших сферах жизни. Актуализировавшийся сегодня *экологический аспект лингвистических исследований* связан с потребностью общества в восстановлении экологического равновесия в сфере речевой коммуникации, нарушения в которой ощущаются носителями языка и фиксируются учеными.

Поэтому было бы несправедливым отрицать *алармизм* и современной *лингвоэкологии*. Однако заметным становится стремление к *экологическому конструктивизму* такой науки, как *эмотивная лингвоэкология* [2].

Родившись из сплава *экологии*, *валеологии* и *эмотивной лингвистики*, эмотивная лингвоэкология занялась изучением *здоровья эмоций человека* и использованием *эмотивно здорового языка*.

Эмоции сопровождают человека повсюду, окрашивая всю его жизнь, ведь человек, по К. Изарду, – биопсихосоциальное существо [3]. В парадигме эмотивной лингвоэкологии *эмоциональность* рассматривается в качестве важнейшего регулятора *экологичности коммуникации*.

Эмотивная лингвистика, как показано ранее, является основой методологической базы эмотивной лингвоэколологии, поскольку последняя пользуется методом эмотивного анализа коммуникативных ситуаций в качестве основного, в сравнении с ее ориентацией на достижения других наук. Соединение эмотивной лингвистики с валеологией обеспечивает признание экологии человека в коммуникации, т.е. сбережение его эмоций и языка, главным объектом эмотивной лингвоэкологии. И если сохранение и совершенствование языка – общая задача всех лингвоэкологов, то экология (сохранение здоровья) эмоций человека в коммуникации через использование эмотивно здорового (экологичного) языка – это предметная область экоэмотиологов.

Поиск выхода из экологического алармизма в экологический конструктивизм стимулирует развитие эмотивной лингвоэкологии. Весь мир осознает глобальные экологические изменения с непредсказуемыми последствиями, происходящие не только в природе, но и в социуме. Именно поэтому большое внимание необходимо уделять человеческому фактору в языке, то есть *эмоциям человека*. Существует острая необходимость повысить уровень знаний людей и изменить их отношение к природе и самому себе. То есть необходимо развивать эмоциональный и экологический интеллект. Трудно не согласиться с тем, что до сих пор господствует потребительское отношение к миру природы, которое привело к глобальному экологическому кризису. Поэтому со всей очевидностью встал вопрос о *всеобщем экологическом образовании*. Важнейшим фактором решения экологических проблем должно стать глобальное воспитание, которое поставит экологические вопросы в центр всех учебных программ. Если не внушить человеку простую и убедительную мысль, что люди – это часть природы, наше выживание, защита окружающей среды могут оказаться лишь абстрактными понятиями [4].

Известно, что введение экологического аспекта в эмотиологию и выделение эмотивной эколингвистики произошло совсем недавно, и это вызывает множество

вопросов и сомнений у представителей смежных областей знания. Доминантой лингвоэкологов является благоговейное отношение к языку и речи [5, с. 6]. При этом доминантой экоэмотиологов, по нашему мнению, является возвышение человека в коммуникации. С этой точки зрения успешная коммуникация всегда экологична.

Это означает, что: 1) адресант и адресат реализовали все поставленные в конкретной эмоциональной ситуации цели; 2) эта реализация произошла через использование этичных эмотивов; 3) после окончания общения все его участники почувствовали себя лучше, чем до него. Выполнение этих трех условий зависит от позитивности, эмоциональности, эмотивности и эмоциогенности: 1) изначальный эмоциональный импульс должен быть положительным (искренняя доброжелательность); 2) языковая реализация должна быть этичной и эстетичной (отбор и использование положительнооценочных эмотивов); 3) у коммуникативного партнера должны возникнуть ответные положительные эмоции.

Данные положения, как правило, вызывают вопрос о том, всегда ли экологичны только положительные эмоции. Мы полагаем, что нет (вспомним случаи *праведного гнева* и *благородной ярости*). В основе экологичного общения лежит искренняя доброжелательность и интенция возвышения адресата. Однако искренние, *справедливо* возникшие отрицательные эмоции имеют право называться экологичными. Но искренние, справедливые эмоции, например, группы гнева, должны получать этичную (вежливую) упаковку. Если эмотивы отвечают условию этичности, а результатом общения в той или ситуации становится то, что все его участники расходятся, почувствовав себя лучше (позитивная эмоциогенность), такое общение можно назвать экологичным [6].

В коммуникации основную роль играет человеческий фактор – это экологическое мышление, экологическое сознание, экологическая культура людей и экологический интеллект. Введение экологического аспекта в лингвистику эмоций отвечает современным тенденциям науки. И лингвистическая теория эмоций В. И. Шаховского [7], как мы уже обосновывали в предыдущих работах [8], представляет собой конструктивную попытку формирования экоцентрического сознания через развитие экологической компетенции коммуникативной личности.

Экологическая компетенция коммуникативной личности (а человек, с точки зрения лингвистики эмоций, в первую очередь, *homo sentiens*) состоит в умении обращаться с эмоциями, в том числе, с эмоциями в языке. Следовательно, необходимо *специально* рассказывать об экологии эмоций и обучать осторожному обращению с ними. Необходимо давать современным коммуникантам знание о потенциальных эмоциогенных рисках, напоминать о параметрах экологичного общения (вежливость, толерантность, уважение, сдерживание негативных эмоций, поощрение, положительное оценивание, равные коммуникативные права и др.). Формулой экологичности предлагаем считать искреннюю доброжелательность в этичной (а)вербальной упаковке. Если условия искренности, доброжелательности, справедливости и этичности в выражении как позитивных, так и негативных эмоций выдерживаются, общение можно считать экологичным.

При экоцентрическом подходе высшую ценность представляет гармоничное развитие человека и природы. Экоцентрический поворот позволяет говорить о том, что через эмоции нужно рассматривать язык как ключ к изучению человека уже как части природы. Необходимо помнить, что эмоция порождает ситуацию (и наоборот). Добавим сюда знание об экологии эмоций: экологичная эмоция порождает экологичную ситуацию (и наоборот).

Литература

1. *Задорский В.* Экологизация – альтернатива экологическому алармизму – URL: http://blog.liga.net/user/vzadorskiy/article/6372.aspx.
2. *Шаховский В. И.* Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции (монография). Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2016.
3. *Изард К.* Эмоции человека. Москва: Изд-во МГУ, 1980.
4. *Черезова Л. Б.* Теория и методика экологического образования детей. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010.
5. *Сущенко Е.А.* Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий // под ред. докт. пед. и философ. наук, профессора Л. Г. Татарниковой. СПб.: ИД «Петрополис», 2011.
6. *Шаховский В. И., Солодовникова Н. Г.* Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31).
7. *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008.
8. *Солодовникова Н. Г.* Авторский курс проф. В. И. Шаховского «Язык и эмоции»: формирование эмотивной компетенции коммуникативной личности // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сб. научн. трудов, посвященный 75-летию профессора В. И. Шаховского. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013.

ТРАНСФЕР ТЕРМИНОЛОГИИ ИЗ ЭКОЛОГИИ В ЭКОЛИНГВИСТИКУ

Старостина Людмила, Колотилова Наталья
Российский институт театрального искусства – ГИТИС
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
starostina.ludmila@mail.ru

TRANSFER OF TERMINOLOGY FROM ECOLOGY TO ECOLINGUISTICS

Starostina Liudmila, Kolotilova Natalia
Russian institute of theatre arts – GITIS; Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract: *The article discusses the possible transfer of terms from bioecology to the linguoecology. As long as the linguoecology is a relevant new direction of the linguistic science the terminology is flexible. The article notes about the bioecology methods, approaches and terms, that might be borrow to the linguistics. Also there is analyzed some controversial linguistic questions in the bioecology.*

Key words: *terminology, linguoecology, ecolinguistics, ecosystem, language, transfer.*

В эпоху глобализации, когда резко сократилось время и расстояние, и общение, в том числе научное, приобретает действительно глобальный характер, начинают развиваться новые отрасли науки. Последние десятилетия особенно активно продолжают свое развитие различные меж- и трансдисциплинарные исследования, например, биоинформатика, биоинженерия, компьютерная лингвистика, лингвокультурология, психолингвистика, эколингвистика и др.

Эколингвистика зародилась в 70-е гг. XX века, родоначальником этого понятия считается американский лингвист Эйнар Хауген (Einar Haugen). Он определяет экологию языка как «науку о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением понимается общество, использующее язык», также он отмечал, что экология языка имеет частично физиологическую природу (взаимодействие с другими языками в сознании говорящего), а частично социальную (взаимодействие с обществом, как средство коммуникации) [1, с. 31]. Основная идея Хаугена состоит в том, что языки, подобно различным видам растений и животных, находятся в равновесии, а само существование их зависит друг от друга, как внутри государства или социальной группы, так и в сознании человека. Интересно, что в это же время (1971 г.) возникает международная независимая неправительственная экологическая организация Greenpeace.

В отечественной науке это направление связывают с именем Д. Лихачева и его эссе 1980 г. «Экология культуры», одной из главных мыслью которого является важность сохранения культуры. Однако особенно стремительно эта отрасль развивается лишь последние 10–15 лет. Поскольку это направление в лингвистике является молодым, его методология и терминологический аппарат еще во многом находятся на стадии формирования. Также, несмотря на многочисленные попытки разграничения понятий лингвоэкологии и эколингвистики, в отечественной науке они пока употребляются скорее в качестве синонимов. В связи с неоднозначностью нового направления представляется интересным вернуться к истокам и рассмотреть изначальное понятие «экологии», как науки, круг вопросов, которые она в себя включает, и ее основные термины. Нашей задачей было найти такие методы, процессы и понятия, которые могли бы быть перенесены в эколингвистику. В работе сделан акцент на относительно специфические естественнонаучные термины, поэтому такие словосочетания, как, например, «антропогенное загрязнение (языка)», «бюро по вопросам окружающей языковой среды», «дозиметрия (лингвоэкологическая)» и т.п., обсуждаемые в литературе в качестве потенциальных лингвоэкологических терминов, не рассматриваются [2, с. 345].

Термин «экология» был введен в 1866 году немецким ученым Э. Геккелем и сохраняет сегодня близкое к первоначальному значение как *наука о взаимоотношениях организмов между собой и с окружающей средой в самом широком смысле слова*. Таким организмом может выступать микробное сообщество, особь, популяция, вид и т.д. В понятие окружающей среды входят такие факторы, как физические и химические процессы, среда обитания и т.д. К числу важнейших теоретических понятий экологии относятся представление о биосфере, биоценозе, экосистеме, взаимосвязанной системе циклов элементов как «биогеохимической машине планеты». В связи с ростом масштабов деятельности человека на планете и глобальным влиянием этой деятельности на природу, во второй половине XX века термин «экология» приобретает новое значение – наука о защите окружающей среды. Именно в этом смысле он сейчас используется особенно широко – вплоть до понятия «экология» как эквивалента неблагоприятных условий для человека, связанных с загрязнением атмосферы, почвы, воды, обусловленных антропогенной, прежде всего, техногенной деятельностью. Таким образом, на сегодняшний день наиболее востребованными можно назвать следующие определения экологии:

1. Наука (часть биологии), изучающая взаимоотношения организмов между собой и окружающей средой, законы функционирования экосистем [3, с. 93].
2. Совокупность отраслей знаний, изучающих, как правило, негативные результаты антропогенного воздействия на окружающую среду, разработка методов борьбы с ее загрязнением и восстановления нарушенных экосистем.

Очевидно, что язык не является живым существом, подобно микроорганизмам, животным или растениям. Однако язык также обладает такими присущими живым существам свойствами, как изменяемость и подвижность, приспособляемость и динамизм, классификация на роды и виды и законы функционирование. Поэтому анализ языка с позиций экологии, кажется, возможным, хотя такими вопросами, как, например, взаимовлияние и взаимодействие языков давно занимается сравнительное и сравнительно-историческое языкознание. Также здесь важно сказать об одном существенном отличии экологии от лингвистики. Очевидно, что экология (п. 1) может изучать явления, не связанные с человеком (и на которые человек не влияет), в то время, как в лингвистике (и в любой гуманитарной области) такое невозможно, поскольку любой язык создается, развивается и изменяется лишь благодаря и с помощью человека. Еще в работах Я. Гримма и В. Гумбольдта утверждалось, что язык возникает и развивается в обществе, т.е. язык социально обусловлен. Второй же пункт определения является «антропогенным», и именно с ним связана активно развивающаяся область эколингвистики. Вопросы о «загрязнении» языка дали толчок к развитию эмотивной лингвистики.

Рассмотрим некоторые фундаментальные понятия и принципы экологии с точки зрения применения в эколингвистике (с учетом иных механизмов действия). Одним из основных понятий экологии является понятие *экосистемы*. Экосистема – это «любое сообщество живых существ и его среда обитания, объединенные в одно функциональное целое, возникающее на основе взаимозависимости и причинно-следственных связей, существующих между отдельными экологическими компонентами» [3, с. 98]. Экосистема – сложная самоорганизующаяся, саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система. Важной характеристикой экосистемы является наличие относительно замкнутых, стабильных в пространстве и времени потоков вещества и энергии между частями экосистемы. Несмотря на сегодняшнюю популярность сравнения языка с экосистемой, все же очевидно существенное различие языка как системы со всеми ее составляющими от настоящей (биологической) экосистемы. Хотя, несомненно (как и в любой системе) есть и сходства – функционирование и взаимовлияние некоторых

элементов системы друг на друга. Развитие экосистемы проходит несколько стадий (фаз) от молодой до зрелой, при которых происходит последовательное замещение простых сообществ более сложным, с более богатым биологическим разнообразием, с более сложной пространственной и трофической структурой, в результате чего экосистема становится более устойчивой. Крупный немецкий языковед Август Шлейхер, бывший большим любителем ботаники, считал язык таким же организмом, как растение или животное, а языкознание относил к естественным наукам. Под влиянием идей дарвинизма он заимствовал некоторые методы и термины этой научной сферы в языкознание, так он создал *генеалогическое древо* индоевропейских языков, которое разделил, подобно ветвям, на языковые *семьи*, *виды* и *роды*. По его теории язык, подобно живому организму (или экосистеме), рождается, достигает зрелости, дает потомство и умирает, а его рост происходит по определенным законам. Однако не стоит забывать, что развитие языка тесно связано с потребностями людей, а также с развитием культуры.

Следующее важное понятие – *биоценоз* – исторически сложившаяся совокупность растений, животных и микроорганизмов, населяющих участок суши или водоема, не последнюю роль в его формировании является конкуренция и естественный отбор. Здесь, наверное, можно провести параллель с вариантами или диалектами языка, развивающимися на определенных территориях государства.

Еще одно важное понятие экологии – *сукцессия* – последовательная смена во времени одних биоценозов другими под воздействием внутренних или внешних факторов на определенном участке земной поверхности. При отсутствии нарушений сукцессия завершается возникновением сообщества, находящегося в равновесии со средой [3, с. 81]. Примером сукцессии может быть смена микробных сообществ, участвующих в выветривании горных пород и почвообразовании, причем на каждом этапе сукцессии создаются условия для развития следующего сообщества. Или еловый лес, уничтоженный пожаром: на следующий год на занимаемой им территории образуется травяное сообщество, затем вырастают злаковые, которые сменяются кустарником, а затем древесными породами. Под покровом осинового или березового леса вырастают ели, со временем вытесняющие лиственные деревья. Вероятно, отчасти можно говорить о сукцессии и в отношении языка, когда система одного языка «готовит почву» для другого, например, язык науки. Также можно говорить о *ремедиации языка* (или его части), т.е. восстановлении после некоего нарушения (разрушения) или загрязнения.

Важным моментом в экологии является *вопрос о видах-вселенцах* – организмах, попавших в данную систему из других мест обитания и закрепившиеся в новых условиях. Их жизнедеятельность может иметь неблагоприятные последствия для обитателей данной местности. Не имея каких-либо конкурентов или отрицательно влияющих на них организмов, которые сдерживали или контролировали бы их рост в прежнем местообитании. Они могут начать неудержимо размножаться, вести себя агрессивно по отношению к аборигенам, вытесняя их и занимая их экологические ниши (например, завоз чуждых для Евразии животных, как американская норка, пятнистый олень и ондатра в СССР с целью обогащения фауны), что может привести к необратимым последствиям. Очевидно подобные ситуации возможны и в языке. Например, благодаря Интернету и бурно развивающимся технологиям, в русский (и не только русский) язык попадает масса англицизмов, которые, не успев до конца адаптироваться и осознаться носителями, начинают активно использоваться, как в устной, так и в письменной речи (гаджет, нейминг, брендинг, хайп, лайк, шер, репост и др.) Здесь также можно говорить о засилии жаргонизмов в современном русском языке. Но несмотря на схожесть ситуаций, данный термин вряд ли имеет будущее в лингкистике.

Многое, о чем здесь говорилось, связано с понятием *гетерофобии (ксенофобии)*, т.е. боязни чужого, неприятием чужака, хорошо известным и в социальной жизни, и в собачьих и волчьих стаях, и в микробных сообществах. Что касается языка это противопоставление (свой – чужой) закреплено в множестве устойчивых выражений (например, «и дым отечества нам сладок и приятен» (А. С. Грибоедов), своя ноша плеча те тянет) и активно исследуется в лингвокультурологии. Что касается языка как системы, вряд ли можно говорить о гетерофобии в языке, хотя активные заимствования («чужие» слова), нередко вызывают очень активную реакцию носителей языка. Это понятие тесно связано и с явлением *иммунитета*, т.е. невосприимчивости к болезням и способности элиминировать чужеродные элементы, обеспечивая постоянство состава, *гомеостаз*. И может быть применено к языку. *Иммунитет языка* – как способность противостоять вселению иностранных слов, распространению слов-паразитов, ненормативной лексики, устойчивость грамматики. И, таким образом, мы вновь вернулись к проблеме загрязнения и сохранения языка. Очевидно, именно в этой области антропогенной экологии и охраны окружающей среды может найти свою нишу эколингвистика.

Интересным и важным вопросом является проблема развития терминологии научного (профессионального) языка. Следует вспомнить о языках, лидировавших в науках в разное время: латынь и греческий, немецкий и французский, английский с его сегодняшними вариантами: американский, британский (русский, китайский, индийский английский и т.п.). Благодаря переводам термины приходят в русский язык из доминантных научных языков соответственно правилам транслитерации данного языка. Однако будучи изначально однокоренными, но заимствуясь в разное время и из разных языков, до русского они могут дойти в разной транскрипции (например, статика и штатив). С доминированием английского языка произношение многих терминов изменилось на английский манер: *Escherichia coli* (Эшерихия коли, кишечная палочка) произносится как Еколай, ученик Л. Пастера француз Charles Chamberland (Шарль Шамберлан) становится Чемберленом, фамилия американского микробиолога B. Buchanan произносится в российском научном сообществе и как «Буханан», и как «Бьюкенен». Таких примеров много, они справедливы и в отношении многих терминов, например, скраб (scrub), но биоскруббер (bioscrubber). При этом при внедрении в русский (или другой) научный язык правописание некоторых терминов может меняться. Например, секвенирование и сиквенс (от слова sequence), слова с приставкой eu- передаются по-разному: эвтрофикация/евтрофикация, эвкариоты/эукариоты т.п. В связи новыми правилами Биокодекса, например, требованием отказаться от соединительных гласных о/е, если второй корень в слове начинается с гласной, искаженными оказываются многие сложные слова («галанаэробы» вместо «галоанаэробы»). Другой пример неудачного словообразования – «алкалифилы» (калька с английского alkaliphiles) вместо «алкалофилы». В английском языке возник и перешел в русский язык термин «археи» как название группы предположительно древних микроорганизмов. При этом его автор, нобелевский лауреат Карл Везе (C. Woese), не учел существования в геологии омонима Архей – древнейшего период в истории Земли, что затрудняет однозначное употребление термина.

Перечисленные несколько примеров недостатков и трудностей в научном языке экологии отражают распространенные явления и проблемы научных языков других наук, которые, несомненно, могут попасть в сферу интересов эколингвистики (экологии научного языка).

Литература

1. *Haugen E.* The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Stanford: Stanford University Press, 1972.
2. *Сковородников, А. П.* Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016.
3. *Экологический словарь*. КОНКОРД Лтд Экопром. Москва, 1993.

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА ЭВРИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ТЕКСТА (МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

Стеванович Раиса
Черноморский национальный университет имени Петра Могилы, Украина
stevanovich77@gmail.com

LINGUISTIC ECOLOGICAL PROBLEMS DISPLAYED IN A HEURISTIC SCIENTIFIC TEXT (INTERLANGUAGE SPHERE)

Stevanovich Raisa
Petro Mohyla Black Sea National University, Ukraine

Abstract: *The given article deals with linguistic ecological problems which are demonstrated by English heuristic scientific texts. It is shown in the article that development of a cognitive science, which integrates a lot of sciences and the usage of anthropocentric approach for investigation of linguistic phenomenon, brought some problems for both oral and written communication connected with the ecology of the language.*

Key words: *heuristic text, ecology, anthropocentric approach, communication, cognitive science.*

В настоящее время широкое развитие получила эвристика – наука о творческом мышлении. Интерес к эвристике связан с научно-техническим прогрессом, охватывающим разные стороны нашей жизни, со все возрастающей ролью науки в современном мире. Эвристика сформировалась на основе обобщения результатов целого рода наук, которые изучают поведение различных систем и, главным образом, человека и его творчества. Эвристика родилась на перекрестке психологии, социологии, физиологии, кибернетики, математики и, будучи несводима к каждой из них в отдельности, имеет свой предмет, цель. Предметом эвристики является процесс научного творчества, подразумевающий диалектический синтез логики и интуиции – догадки. Цель эвристики – «исследовать правила и методы, ведущие к открытиям» [6, с. 14]. В задачи эвристики «входит не только познание закономерностей творческого мышления, но и разработка методов, путей управления эвристическими процессами» [5, с. 5]. Эвристика была охарактеризована в общих чертах рядом авторов, в том числе и знаменитым греческим математиком Паппом, жившим в III в н.э. Им была написана книга «Сокровищница анализа». Пойа переводит это название как «эвристика» [5, с. 279].

В связи с углубленным интересом к творчеству, появилась новая отрасль психологии – когнитивная психология, которая исследует как человек приобретает и использует полученную информацию. Бурное развитие когнитивной науки ослабило интерес к когнитивной психологии и фактически, как отмечает американский психолог Ф. Смит, – «когнитивную психологию «проглотила» экзотическая дисциплина» – «когнитивная наука». “Cognitive psychology has been swallowed by the exotic discipline – cognitive science” [9, с. 7].

Когнитивная наука занимается вопросами лингвистики, психологии, философии, логики, а также занимается проблемами искусственного интеллекта, поскольку исследует ментальные операции, происходящие в мозгу человека. Е. С. Кубрякова пишет: «через внешнее проявление языка, мы должны проникнуть одновременно и в тайны мозга и в тайны языка» [4, с. 13].

В связи с высокой компьютеризацией, которая охватила все области науки и техники и нашу повседневную жизнь, и под влиянием составления компьютерных программ, в обиход вошли новые термины из области программирования, которые усложняют и буквально «засоряют» научные тексты.

С одной стороны, принцип антропоцентризма, который пронизывает все лингвистические исследования, упрощает научное изложение, так как основан на метаязыке описания. Н. К. Рябцева отмечает: «Воплощенный в обыденном языке «здравый смысл» естественным образом сформировавший научный метаязык, во многом определяет стиль мышления не только в теоретическом освоении мира, но и в практическом» [7, с. 302]. Метаязык в узком смысле – это лингвистическая терминология, язык лингвистики как научной дисциплины, ее категориальный аппарат. Он отражает научную рефлексию ученого-специалиста над естественным языком. По мнению А. Вежбицкой, «для семантического описания разных языков необходим особый «промежуточный» язык, более похожий на обычный язык – естественный семантический метаязык, вырезанный из обычного языка» [2, с. 30].

Принцип антропоцентризма роднит когнитивную науку с эвристикой – наукой об оптимальной организации творческой деятельности и управлении ею. Когнитивная наука поставила в центр внимания «человеческий фактор», предполагающий изучение языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением. Центральной категорией эвристики является ученый – творец нового знания. Сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстах. Текст стал ключевым понятием для антропоцентризма. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [1, с. 301].

Научное познание стремится к объективности, но в нем всегда присутствует субъект познания и это важный стилеобразующий фактор. Субъектные свойства научного изложения – это проявление авторской индивидуальности и творческого характера познания, рассуждения и их воплощение в средствах организации изложения. «Метаязык, – пишет Н. К. Рябцева, – и избыточен, и неустранен. Это сознательная рефлексия и особый языковой уровень. Это способ упорядочивания знаний» [8, с. 21].

С помощью метаязыка лингвистики ненаблюдаемые сущности превращаются в наблюдаемые. Огромную роль в этом играют метафора и метонимия. Когда ученые сталкивались с необходимостью выразить новое понятие, рождались яркие метафорические образы. Idea comes like a foreign guest – «Идея приходит как чужестранец», to welcome a new idea – «приветствовать новую идею», to see the soul of the fact – «видеть душу фактов». Главный принцип языкового освоения мира – восприятие и представление неочевидного через физически воспринимаемый мир. Ментальные состояния получают антропоморфную власть над человеком. Процессы мышления как бы плывут потоком – flood of associations – «поток ассоциаций», flow of ideas – «поток идей», stream of thoughts – «течение мысли».

Познание в обыденном сознании представляется как борьба, военные действия: to attack a problem – «атаковать vs. изучать проблему», front of problems – «фронт проблем». Представление о том, что познание – это построение здания науки, проступает в выражениях to build a theory – «построить теорию», to construct an argument – «построить аргумент», reconstruction of a solution – «перестройка решений». Биологическая метафора проступает в выражениях – a fruitful hypothesis – «плодотворная гипотеза», idea is blossoming – «идея цветет», solution is riping – «решение созревает».

Таким образом, воплощенный в обыденном языке «здравый смысл» во многом определяет стиль мышления не только в практическом освоении мира, но и в теоретическом. В эвристических научных текстах запечатлен неоднородный комплекс представлений, объединяющий элементы как научной, так и наивной картины мира, что соответствует принципу единства знания и деятельности. С одной стороны, стиль научного изложения реализуется в текстах, отражающих научную картину мира –

систему представления научного знания, с другой стороны – эвристические научные тексты затрагивают вопросы практического применения научного знания во вненаучных условиях его существования, поэтому упрощенный метаязык описания широко используется как в научной, так и в практической деятельности.

Следует отметить, что в научном изложении отмечаются и «издержки» изложения. Это объясняется тем, «что автор стремится изложить «все сразу» и одновременно, забывая, что адресат должен воспринимать информацию последовательно, по порядку» [8, с. 12]. Поэтому в текстах встречаются громоздкие, двух-трех и четырехкомпонентные словосочетания. Например, highly developed intuitive power – «высокоразвитая интуитивная способность», intellectually satisfying plausible hypothesis – «интеллектуально подходящая правдоподобная гипотеза».

В связи с расцветом когнитивной науки, которая исследует ментальные операции, происходящее в мозгу человека при восприятии новой информации, интерес к ней вызван не только психологами и философами, а также теоретиками, решающими и разрабатывающими вопросы создания искусственного интеллекта. Интеграция целого ряда наук задействованных в проблемах исследования ментальных процессов и в связи с преобладанием принципа антропоцентризма в лингвистических исследованиях, привела к приливу огромного числа новых слов, терминов, словосочетаний, в описании ментальных процессов. Г. В. Колшанский отмечает: «Человеческий фактор проявляется наиболее обнаженно в бесчисленных суждениях, оценках, воздействиях, что создает наивысшую сложность при анализе языковых средств» [3, с. 89].

Цель данной статьи – исследовать специфику изложения научного материала в эвристических текстах на английском языке, показать сильные и слабые стороны изложения, которые, с одной стороны, заключаются в упрощенном метаязыке описания, а с другой стороны, имеются и «издержки» изложения, связанные с «засорением» языка специфическими терминами и усложненными словами выражениями. Материалом исследования являются эвристические научные тексты английских и американских авторов. На примере английских научных эвристических текстов проиллюстрируем «загрязнения» научной информации, языковыми элементами интегрирующих наук.

Известный английский психолог Ф. Смит отмечает, что с появлением когнитивной науки в обиход пришел прилив новых «грязных» и ненужных слов, усложняющих восприятие и понимание новой информации. Ugly and unnecessary words are devised for assumed mental activity [9, с. 7]. Смит отмечает, что психологи, программисты усложняют язык описания творческого мышления. Например, слово inferencing – «вывод, заключение», но лучше рекомендует автор употреблять слово inferring – «заключать», «выводить», что облегчает понимание. Вместо слова writing – «письмо», которое было связано с ручкой или клавиатурой, появилось усложненное словосочетание – activation of particular cognitive structures in the brain = «активация определенных когнитивных структур в мозгу». Слово reading – «чтение» перешло в special sequence of events, что означает «определенная последовательность событий».

Ф. Смит также отмечает, что под влиянием составления компьютерных программ в эвристических научных текстах появились новые термины, как например – cognitive structures – «когнитивные структуры», которые раньше назывались – «концепты» или «идеи», появилось новое словосочетание – spreading activities in the brain – «увеличивающаяся активация мозга», которая раньше называлась – association of ideas – «ассоциация идей». Знания и идеи объединились в одно слово – «информация». «Знание» – learning становится reception – «восприятие. Speaking, writing and teaching

become transmission [9, с. 81] – «Говорение, чтение, обучение объединяются как «передача»».

Теоретики составления компьютерных программ ввели в обиход ряд жаргонных слов, таких как algorithm, input and output devices – «алгоритм, входные и выходные устройства». Специалисты, увлеченные программированием, озадачили психологов и ученых употреблением слова process – «процесс». Ф. Смит пишет: “Processes have proliferated like viruses becoming attached to common and self-sufficient words” – «Процессы» проникли как вирусы и стали употребляться с обычными самозначными словами [9, с. 8]. “Instead of reading – a reading process is now discussed, researched and taught. Writing has become writing process, joining the comprehension process, the reasoning process and a variety of other thinking processes” [9, с. 8]. В переводе это означает «Вместо «чтения», появилось словосочетание «процесс чтения», которое вошло в обиход и обсуждается, исследуется и используется в обучении», «письмо» превратилось в «процесс письма»», включает в себя процесс понимания, процесс рассуждения и ряд других мыслительных процессов». Смит также отмечает, что слово «процесс» взято из повседневной жизни и создает определенные трудности при описании мыслительных процессов [9, с. 8]. Автор удивляется, на каком основании отдельные слова вошли в обиход научных текстов, а другие не вошли [9, с. 9].

В эвристических научных текстах появился анатомический термин abduction – «абдукция», что означает a process of generating a hypothesis = «процесс генерации гипотезы». Появились новые словосочетания – concept-formation – «образование концепта», decision making – «процесс решения», hypothesis-testing – «проверка гипотезы», problem-solving – «решение проблемы».

Некоторые теоретики решили, что существует особые виды мышления – creative thinking – «креативное мышление», critical thinking – «критическое мышление», а также lateral thinking – «боковое мышление» и divergent thinking – «дивергентное мышление» в работе которых участвует одно из полушарий головного мозга» [9, с. 7].

Некоторые психологи вводят понятие higher mental processes – «высокие мыслительные процессы», не указывая, какие же есть lower mental process – «низкие мыслительные процессы» [9, с. 8]. Все эти процессы, отмечает Ф. Смит, рассматриваются как отдельные функции мозга, но ни один нейрохирург не наблюдал эти процессы в мозгу при операциях [9, с. 71]. Такие слова, как discover – «обнаруживать» и inquire – «исследовать» получают в эвристических текстах новое значение как «ментальные процессы» – the discovery process – «процесс открытия», inquire process – «процесс изучения». Ф. Смит отмечает, что складывается впечатление, что в языке недостаточно слов, обозначающих мышление и непонятно, почему психологи и теоретики вводят в обиход ряд новых специализированных терминов для обозначения конкретных видов мышления [9, с. 9]. Мозг – это орган мысли и слова, обозначающих мышление, не имеющих никакого отношения к работе мозга. Эта мысль прослеживается в следующем контексте: Brain is normally regarded as the organ of thought, thinking words do not refer to what the brain is doing [9, с. 3]. Слова, обозначающие мышление, подразумевают, что какие-то мыслительные процессы происходят в мозгу, а не в легких и не в печени. Слова не связаны с теорией психологии и они не отражают природу мыслительного процесса. Ни одно из слов, обозначающих мышление, не создает никакого представления о работе мозга. Эта мысль выражается в следующем контексте: None of the thinking words produce an image of any kind of brain activity [9, с. 3]. Язык мышления показывает, что делают люди, но не описывает работу мозга.

Ф. Смит также отмечает, что существуют различия в семантике синонимичных слов creativity – «творчество» и creativeness – «творчество». Он предпочитает

употреблять слово creativeness для обозначения творчества. Смит пишет: There is a risk of believing that people have to have creativity in order to be creative. Creativity becomes an explanation in itself. I am employing creativeness when I talk about creative people, что в переводе означает: «Рискованно считать, что люди должны обладать творчеством, чтобы быть творческими. Смысл творчества заключен в самом названии. Я предпочитаю употреблять слово creativeness, когда говорю о творческих людях». Ф. Смит также останавливается в своей книге «To think» на правильном употреблении в английском языке понятия «творческое мышление». Вместо creative thinking – «творческое мышление», автор предлагает словосочетание – thinking creatively – «мыслить творчески». Следующий контекст объясняет логику обоснования употребления данного выражения: “Thinking creatively is like thinking constructively – a manner of thinking on particular occasion” [9, с. 75]. «Мыслить творчески – это значит мыслить конструктивно – в определенных условиях».

Таким образом, развитие когнитивной науки и принципа антропоцентризма, который преобладает во всех современных лингвистических исследованиях, имеют свои положительные и свои слабые стороны. Преимущества когнитивной науки заключаются в новом подходе к анализу семантики слов, значение слова изучается в связи с человеком, изучаются когнитивные структуры, стоящие за значением слова. Изучается язык в человеке и человек в языке. Язык исследуется как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникации. Положительным элементом когнитивной науки и принципа антропоцентризма является в упрощенный метаязык описания научных текстов, основанный на «здравом» смысле и который широко использует метафору для описания ненаблюдаемых абстрактных сущностей при описании сущностей. «Издержки антропоцентрического подхода к описанию языковых явлений и самой когнитивной науки, интегрирующей в себе ряд дисциплин, связаны, с другой стороны, с включением в научное изложение эвристических текстов, связанных с мышлением, специализированных терминов, новых слов, заимствованных слов. Особенно ярко прослеживается влияние теоретиков, составителей компьютерных программ, что связано с внедрением жаргонизмов, компьютерных терминов в научное изложение. Психологи усложняют тексты внедрением новых слов и усложнением выражения простых понятий. Поэтому, можно сказать, что антропоцентризм и когнитивизм содержат в себе противоречивость, что продемонстрировано на примерах эвристических научных текстов на английском языке, в которых четко проявляются проблемы экологии языка и современная коммуникация, осложненная влиянием компьютеризации и интеграцией различных наук в проблемы описания ментальных операций.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Проблемы содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве (Литературно-критические статьи). Москва, 1986.
2. *Вежбицка А.* Семантические универсалии и описание языков. Москва, 1999.
3. *Колшанский* Г. В. Когнитивная картина мира в познании и языке. Москва, 1990.
4. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. Москва, 2004.
5. *Пушкин В. Н.* Оперативное мышление в больших системах. Москва1965.
6. *Пушкин В. Н.* Эвристика – наука о творческом мышлении. Москва, 1967.
7. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект. Москва, 2005.
8. *Рябцева Н. К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения (научный доклад на соискание ученой степени доктора наук). Москва, 1965.
9. *Smith F.* To think (In language, learning and education). London, 1992.

СПЕЦИФИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОВ – ПАРАЗИТОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Стрельникова Наталия
Санкт-Петербургский Электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия
tashastrel@mail.ru

SPECIFIC NATURE OF THE USAGE OF THE FILLER WORDS IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

Strelnikova Nataliia
Saint-Petersburg State Electrotecnical University "LETI", Saint-Petersburg, Russia

Abstract: *Are the filler words necessary for the language? Their place and role in contemporary Russian language is under consideration in this article.*
Key words: *filler words, colloquial speech, reflection.*

Принято говорить, что слова-паразиты засоряют нашу речь, мешают коммуникации, с ними необходимо бороться. Но как известно, «если звезды зажигают, значит – это кому-нибудь нужно…». Лишнего в языке не существует, ненужное отбрасывается. Слова-паразиты представляют собой интересное лингвистическое явление и заслуживают внимания и оценки. Эти мусорные или сорные, как иногда их называют, слова, есть, будут, и, видимо, всегда существовали, чуть ли не с момента появления человеческой речи. Какова же их роль в языке?

Начнем с определений. «Паразúт, *-а, м.* 1. Организм (растение или животное), питающийся за счет другого организма и вредящий ему. 2. *перен.* Тот, кто живет чужим трудом, тунеядец (презр.)» [8, с. 423]. Слово паразит в этом значении встречается уже в словаре В. И. Даля: «паразúтъ *греч.* ***паразúтное*** *растение,* тунеядъ, чужеродное, живущее соками других растений; *паразиты* также чужеяды, живущие на (или въ) других животных» [3, с. 17]. Лингвистический термин, пришедший из биологии, обладает всеми признаками своего биологического предшественника.

В лингвистике «слова-паразиты» – «асемантические единицы речи, которые не несут информационной нагрузки и не выполняют дополнительных функций, имеющих отношение к информационному содержанию речи. Для них характерны: избыточность, немотивированность, несовпадение со словарным значением, повышенная частотность в тексте, интонационное выделение, сочетание с паузами, сочетание с затруднением в речи, сочетание с "отстранением" говорящего, его отношением к коду, "неучастие" в предложении» [9, с. 253].

«Слова́-паразúты – разновидность лексико-стилистических ошибок, которые заключаются в употреблении слов и словосочетаний, не несущих в тексте смысловой нагрузки и засоряющих речь» [6, с. 628]. К наиболее распространенным словам-паразитам стоит отнести *типа, так сказать, это, как его, как бы, так, на самом деле, значит, вот, все такое, ну, собственно, в принципе, как сказать, короче.*

Исходя из представленных на многих интернет-сайтах и приведенных выше определений, получаем следующее: слова-паразиты не несут семантической нагрузки, засоряют речь, служат для связки слов или заполнения пауз и являются лексико-стилистическими ошибками; от них нужно избавляться. Так ли это?

Нельзя не согласиться с М. Кронгаузом и И. Левонтиной, придерживающихся иной точки зрения. «Сколько я себя помню, стилисты и языковые пуристы всегда боролись с так называемыми словами-паразитами, со всеми этими *так сказать, значит* (с просторечным вариантом *значить*), *естественно, вот* и прочими, которые, как принято считать, ни для чего не нужны и только засоряют нашу речь. На самом деле не

все так просто. В языке ведь вообще нет ничего лишнего» [5, с. 69–70], – пишет М. Кронгауз в главе «О чем говорят паразиты», опровергая точку зрения об их бессмысленности и высказывая мысль, что «за каждым из этих слов стоит некая идея, которая вдруг оказывается востребованной» [5, с. 70]. Вдруг или то или иное слово извлекается из лексического языкового запаса и к его использованию в речи все чаще начинают прибегать носители языка, не всегда в зависимости от социального статуса и уровня языковой культуры?

С другой стороны, «наличие в речи слов-паразитов – это своего рода знак естественности, неподготовленности речи …» [7, с. 349] – считает И. Левонтина и приводит в пример Чацкого, который «и говорит, как пишет», однако те, к кому обращены его монологи, остаются абсолютно глухими к его страстным речам. Речь, в отличие от языка, спонтанна. Часто обдумывание и говорение происходят одновременно и, следовательно, возникновение разного рода ошибок и шероховатостей в устой речи – неизбежное явление.

Почему несколько десятков лет назад вопрос о засорении речи словами-паразитами не стоял так остро, а сейчас звучит чрезвычайно актуально? Стоит только открыть сайты, посвященные этой проблеме, поражаешься их количеству. Причина в тех глобальных изменениях, которые произошли и продолжают происходить в языке последние четверть века и характеризуют современное состояние русского языка, и, прежде всего, это связано с процессами активизации живой разговорной речи. Конечно, слова-паразиты существовали и раньше, об этом свидетельствует, например, русская классическая литература. Цитировать можно долго, приведем лишь несколько наиболее ярких примеров.

«Этаково-то дело этакое, – говорил он сам себе, – я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... – а потом, после некоторого молчания, прибавил: – Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было этак». Засим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: “Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!”» [2, с. 146]. Это один из характернейших внутренних монологов Акакия Акакиевича в повести «Шинель» Н. В. Гоголя. Не менее красноречива речь Акима из пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»: «Опять ты, значит, старуха, не тае, и все ты не тае, все, значит, не тае...» [10, с. 18]. Заметим, что в классике слова-паразиты являются средством характеристики персонажей и используются автором в речи литературных героев.

Так как язык – это форма отражения действительности, интересно проследить, как изменения, происходящие в обществе, влияют на лексический состав слов-паразитов, как образуются новые слова и заменяют ли они уже существующие?

Среди самых распространенных слов-паразитов 50–60-х годов XX века следует назвать слова *это самое* и *так сказать.* Второе звучит в песне из популярного фильма «Карнавальная ночь» (1956):

– Я не знаю, как начать …
В общем … значит … так сказать
Нет, не получается опять.

Указанные слова-паразиты не исчезли, до сих пор употребляемы в основном людьми того поколения, причем, *это самое* чаще можно услышать в речи не очень образованных людей, нередко прибегающих к просторечию. Чуть позже закрепилось как слово-паразит *как говорится.* «Лихие» 90-ые принесли тюремно-жаргонные *чисто-конкретно* и *в натуре.* Некоторые слова-паразиты тем, что они стали таковыми, обязаны *чисто-конкретным* людям, иногда известным политикам. Так, *понимаешь* и *понимаешь ли* восходит в речи Б. Н. Ельцина.

Неопределенность 2000-х годов отразилась в модном до сих пор *типа* и легендарном *практически* (ну, тоже ведь паразит, извините!) *как бы.* Этому слову-паразиту принадлежит особая роль, настолько оно было популярным и «модным». «Частое и во многих случаях избыточное использование в последнее десятилетие лексемы *как бы* в устной, а порой и в письменной речи обратило на себя внимание любителей словесности разных профессий. Грамотные журналисты увидели в пристрастии к словам *как бы* своеобразный символ эпохи» [4]. Автор одной из интернет-статей называет наше время бескомпромиссными 10-ыми и выделяет три основных слова-паразита: *бла-бла-бла, пипец, жесть* [12]. Вне времени он объявляет *ну, че, ща, е-мое, так, реально, ладно, на самом деле, прикинь, короче, блин.* Вопрос спорный. Очень не хотелось бы, чтобы *че* и *ща* остались навсегда, да и паразиты ли они?

Наконец, фрагмент речи ведущих из популярного среди школьников, в основном, телешоу «Дом 2», свидетельствует о виртуозном владении современной разговорной речью, в которой прекрасно соседствуют слова-паразиты, относящиеся к разным частям речи: частицы, вводные единицы, местоимения, местоименные наречия, переход из одной части речи в другую, модальные слова: «Ну, что, Тигран, так, ты едешь сегодня вечером на работу, а Юля, она ведь беспокоится… Вся ваша жизнь, понимаешь, она, как бы это сказать, доступна для обозрения всем телезрителям… Вероятно, не все понимают, как нам кажется, всю нелепость ситуации… Леша, в принципе ты можешь поехать на выходной, но мэ-э-э, как бы это сказать…, используй это с пользой» [11]. Если убрать из этого текста все слова-паразиты, он сократится вдвое, станет информативнее и литературнее, но потеряет при этом в живости и экспрессивности, присущими разговорной речи. Автор цитируемой здесь работы, Е. Дынер, объясняет трудно объяснимую популярность этой программы у молодежи именно манерой общения, использованием слов-паразитов с целью стать доступнее, понятнее зрителям, ближе к ним. По этой же причине, кажется, Б. Н. Ельцин часто произносил для связки слов *понимаешь* или *понимаешь ли.*

Разные слова-паразиты играют разную роль в речи. Например, слова-паразиты вроде *знаете* (*знаете ли*) или *понимаете* обращены к собеседнику, способствуют привлечению его внимания и призывают вступить в диалог. В этом смысле (*в этом* смысле, так же как и *в каком смысле*, скорее всего, тоже слова-паразиты) можно говорить, что они несут ту же функцию, что и вводные слова в научном, например, стиле литературного языка в его письменной форме. *Вот*, произносимое в конце высказывания или фрагмента речи, ее мысленного «абзаца», отделяет высказывания или законченные мысли друг от друга.

Основные причины появления слов-паразитов в нашей речи и в речи наших современников связаны, как представляется сейчас, не столько с недостаточным и скудным словарным запасом и плохим владением культурой речи, хотя и это присутствует, безусловно, сколько с особенностями самой разговорной речи, ее неподготовленностью и спонтанностью, взволнованностью, когда необходимо некоторое время, чтобы подобрать подходящее слово, которое далеко не всегда приходит сразу, а значит, данные слова помогают «потянуть» время. Слова-паразиты не только проскальзывают иногда, но и случаются в речи профессоров, являясь даже неизменными спутниками любой лекции. Я прекрасно помню лекции по русской литературе второй половины XX века профессора А.Б. Муратова, очень заслуженного и прекрасно образованного ученого, который постоянно произносил *между прочим.* Это настолько раздражало, что мы, вредные студенты, даже специально подсчитывали, сколько раз за лекцию прозвучит *между прочим*. Статистика была запредельной.

И. Левонтина вспоминает телевизионные лекции о русской культуре Ю. М. Лотмана: «Речь Лотмана никак нельзя назвать гладкой: он экает, хмыкает, хихикает. Но слушать его – истинное наслаждение: полная иллюзия, что он только что поговорил лично, например, с Чаадаевым, а теперь говорит лично с вами» [7, с. 349].

Ну, и как не вспомнить А. С. Пушкина, который с доброй иронией рассуждал об ошибках и погрешностях в речи: «Как уст румяных без улыбки, / Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю» (гл. 3, строфа 28). Ведь именно эти неточности индивидуализируют речь, делают ее узнаваемой, способствуют запоминанию. «Гладкая» речь, как правило, безлика.

В речи гуманитариев часто можно услышать *да?* С характерной вопросительной интонацией, обращенной к слушателю-собеседнику. При этом *это самое* (во многих конструкциях тоже являющееся паразитом) *да?* заразительно. В 80-ые, когда я училась в Ленинградском университете, многие преподаватели использовали это слово, и оно передавалось ученикам. Я до сих пор время от времени вставляю его в собственные лекции. Грешат этим, кстати, и журналисты радиостанции «Эхо Москвы» Ю. Латынина и В. Шендерович.

Слова-паразиты – разряд слов, и будучи словами, они могут и должны обладать всеми присущими слову особенностями. Слова-паразиты могут образовывать синонимичные и антонимичные пары. Так, например, синонимичны *как бы* и *типа*, *в самом деле* и *на самом деле*. В антонимичных отношениях находятся *как бы* и *однозначно*. Возможно говорить и об окказионализмах. Так, ельцинское *понимаешь ли* не пошло особенно в народ и стало окказиональным словом-паразитом, впрочем, как и все индивидуальные слова-паразиты. Можно говорить о и лексических вариантах. Так, О. Глазунова различает, например, *на самом деле* и *в самом деле* [1, с. 235] и рассуждает о происхождении *на самом деле*, предположив, что оно «возникло в нашей речи как противовес условному „как бы“. И увы, со временем тоже стало речевым „паразитом“» [1, с. 235]. Я бы продолжила данную мысль, указав на слово-паразит *однозначно* как противовес и антоним к *как бы*, именно оно стало назойливым маркером времени, когда неопределенность 2000-х годов заместилась агрессивностью в поведении и речи 2010-х, увы, длящихся и поныне.

Наконец, необходимо назвать характерные слова последних лет, *типа*, обогатившие отечественную паразитологию и появившиеся за последние два года. Мне кажется, что два слова стали часто произноситься сейчас и журналистами, и нашими коллегами, и студентами. Это *получается* и *смотрите.* Как изменения в обществе отражаются в языке, в частности, в словах-паразитах, фиксируются ими как знак определенного времени, можно заметить, например, проследив цепочку: *это самое – ну – как говорится – как бы – однозначно – получается.* При этом *получается* как компромисс между неопределенным *как бы* и жестко агрессивным *однозначно.*

Маркером сегодняшнего дня я объявила бы *смотрите!* Конечно, появление этого слова-паразита обусловлено процессами визуализации, когда «картинки» заменили воображение. Когда-то было милое *знаешь* (разговор на одном языке), затем *понимаешь* (с надеждой быть понятым единомышленником), ему на смену пришло совсем недавнее *услышь меня!* (с некоей долей обреченности), и наконец, *смотрите!* Какая разница, когда и при каких обстоятельствах это произносится, будь то телефонный разговор или ситуация, не связанная с визуальным восприятием чего-либо. В наше прагматичное время, когда информация заменила собой образность и метафоричность, когда мы обращаемся к «собеседнику», уткнувшемуся в телефон и не слушающему и не слышащему не только из-за наушников в ушах … *как-то… блин … короче… ну,* только *смотрите!* и *получается.* Такая *жесть*, господа … *Вот.*

Литература

1. *Глазунова О. И.* Русский язык и культура речи. Москва, 2012.
2. *Гоголь Н. В.* Петербургские повести. Москва, 1978.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах. Том третий. Москва, 1998.
4. *Зайцева С. Н.* Как бы – символ времени? / URL:http://www.slovorus.ivanovo.ru/block__71.
5. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. Москва, 2011.
6. *Культура русской речи.* Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова. Е. Н. Ширяева. Москва, 2003.
7. *Левонтина И.* Русский со словарем. Москва, 2017.
8. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Москва, 1986.
9. *Российский гуманитарный энциклопедический словарь*: в 3 томах. Том 2. Москва, 2002.
10. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: в двенадцати томах. Том 12. Москва, 1976.
11. https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/11/09/issledovatelskaya-rabota-slova-parazity-v-russkom-yazyke.
12. https: //pikabu.ru/story/slovaparazityi_v_ russkom_yazyike_4749188.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ В ОЦЕНКЕ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

(на материале социологического анкетирования)

Шарандин Анатолий, Сотникова Анна, У Мэн (Китай)
Тамбовский государственный университет, Россия
sharandin@list.ru

ECOLOGY OF LANGUAGE AND COMMUNICATION IN ESTIMATION OF RUSSIAN AND CHINESE STUDENTS AS A REFLECTION OF NATIONAL MENTALITY

(on the basis of a sociological questionnaire)

Sharandin Anatolii, Sotnikova Anna, Wu Meng (China)
Tambov State University, Russia

Abstract: *A comparative analysis of sociological data is presented. It reflects the attitude of Russian and Chinese students to various issues of the language ecology and it has worldview significance. It makes possible to identify the features that are associated with the ecology of language and communication, as well as due to the importance of words and linguistic expressions in the socio-cultural communication of native speakers. This is especially important to take into account in the teaching of the language as a non-native, in particular RCT.*

Key words: *language ecology, communication, mentality, bilingualism.*

Цель настоящей статьи – сравнительный анализ социологических данных, которые отражают отношение российских и китайских студентов к различным вопросам экологии языка и коммуникации. Это, на наш взгляд, позволяет выявить и учесть некоторые ментальные характеристики одного из славянских народов – русского в сопоставлении с неславянским народом – китайским, культура и ментальность которых имеют древние корни. С этой точки зрения исследовательский интерес представляет оценка концептосферы экологии данных языков, поскольку в этом случае оценка оказывается сориентированной на установление коммуникативной значимости языкового выражения, его информативности и роли в социально-культурном общении носителей языка. Коммуникация является как функциональной средой для реализации в ней различных слов и выражений, так и социально-культурной средой, в которой они приобретают ту значимость, которая определяет «дух народа», взаимоотношения и поведение людей, их глубинную ментальную природу.

Картину мира, которая формируется ментальностью, правомерно называть *ментальной картиной мира*. Она содержит систему нравственных, духовных и социально-культурных ценностей, определяющих оценку поступков и поведения носителей родного языка. Поэтому, на наш взгляд, экология языка затрагивает такие представления, которые имеют особое, *мировоззренческое значение*, ибо речь идет об отношении к этой системе ценностей народа. В буквальном переводе термин «экология» означает науку о доме, родине, месте обитания.

Более того, проблемы экологии языка и речи оказываются в центре внимания в формировании и реализации языковой политики государства. Отношение к их решению обусловлено не отношением к языку вообще, представленным в коммуникации безотносительно к культуре и ментальности, а отношением к языку, который является национальным достоянием народа и определяет единство и самобытность той или иной нации в мире, ее «дух». Утрата этого «духа» ведет к деградации общества. Поэтому восприятие состояния экологии языка и коммуникации в этом случае является важным

показателем осознания человеком и обществом значимости народных ценностей, связанных с языком (речью).

В настоящее время актуальным стал термин «*экология слова*», поскольку слово оказывается своего рода хранилищем культурных ценностей и «духа народа». Поэтому *отношение к слову – это показатель нравственности человека*, его осознания себя в мире и в отношениях с другими людьми.

Прежде всего, экология слова охватывает слой тех слов, культурная ценность которых вызывает большое сомнение (сквернословие, просторечие, отдельные жаргонизмы и вульгаризмы и т.д.). Появилось даже понятие – «*экология речевой среды*», т.е. то, что нуждается в защите, спасении, очищении. Она наиболее ярко представлена в коммуникации, предполагающей взаимоотношения людей, обмен значимой информацией, содержание и форма которой могут рассматриваться с позиций экологии языка как среды, в которой постоянно живет человек и по отношению к которой он ведет себя тем или иным образом, порой часто даже негативно, от чего возникает необходимость заботы о чистоте языка как бытия мира и самого человека. При этом нас интересует не столько анализ специфичных для современного студенчества языковых средств выражения, которые репрезентируют концептосферу культуры речи и используются студентами в коммуникации, сколько *отношение* к речевому поведению и общению на основе оценки этих выражений в коммуникативном акте.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на вопрос анкеты: ***Обращаете ли Вы внимание на состояние речевой культуры в обществе*?** Среди *русских студентов* положительный ответ составил 86 %, отрицательный – 4 %. Среди *китайских студентов* мы имеем, соответственно, 67.8 % – 16.1 %. Таким образом, бытующее мнение, что сегодняшней молодежи не до речевой культуры, в действительности не так уж и справедливо. Но, тем не менее, результаты дают возможность предположить, что для китайских студентов проблема культуры речи не является такой острой в восприятии и ее оценке, как для российских студентов, учитывая, что вопросы речевой культуры в российском обществе постоянно находятся в центре различных обсуждений. В самом крайнем варианте мы имеем точку зрения, согласно которой русский язык гибнет.

Наше предположение о степени остроты проблем культуры речи в значительной мере подтверждает ответ на следующий вопрос: ***Как Вы оцениваете современное состояние речевой культуры в обществе?*** Среди *российских студентов* отрицательную оценку мы находим у 73 % и положительную оценку – у 10 % респондентов, тогда как среди *китайских студентов* мы имеем положительную оценку у 71 % и отрицательную – у 6.5 %. Ответы на эти и другие вопросы анкетирования дают возможность предположить следующие обобщения.

1. Оценки и мнения российских и китайских студентов относительно произошедших изменений в речевой культуре русского и китайского народов совпадают. В качестве ***отрицательно оцениваемых изменений*** выделяются: 1) использование ненормативной лексики (77 % – у российских студентов и 24.6 %) – у китайских студентов); 2) распространение просторечной лексики, жаргонов (56 % – у российских студентов и 19.7 % – у китайских студентов); 3) увеличение объема иностранных слов в устных выступлениях, в средствах массовой информации и в рекламных текстах (соответственно 44 % и 9.8 %).

2. Китайские студенты более чувствительны к выбору общения, если замечают в коммуниканте недостатки в культуре речи.

3. Ответы на вопросы, связанные с ***отношением к ненормативной, бранной речи***, были выделены особо. Дело в том, что иностранец, изучающий язык в чужой стране, ориентируется не только на общение, которое ему преподносится преподавателями как правильное, наиболее предпочтительное и т.д., но и на общение, отражающее обыденное сознание носителей языка как таковых, которые оказываются его собеседниками в

повседневной жизни. И это общение, а также то, что он слышит в общественных местах, в фильмах и всякого рода ток-шоу на ТВ, обнаруживает на страницах художественных произведений и разного рода публикаций в СМИ, часто в значительной степени отличается от того, что усваивается им в процессе изучения языка. Особенно, если в этом общении присутствуют сквернословие, ненормативная лексика, всякого рода инвективы. В результате такая «речь» как средство общения воспринимается как норма, как коммуникативная черта современного стиля общения. И иностранец, естественно, стремится подражать этому, старается усвоить такого рода речь. Ему кажется, что таким образом достигается взаимопонимание, ментальная близость.

Мы попытались, прежде всего, выявить, ***употребляют ли бранные слова сами студенты?*** Число употребляющих мат в той или иной степени оказывается соотнесенным как: 80 % – *у российских студентов* и 67,7 % – *у китайских студентов*. Нет сомнений, что эти данные свидетельствуют о значительном распространении ненормативной лексики среди тех и других студентов. При этом степень толерантности к мату приблизительно одинаковая.

Не менее показательным явился и ответ на вопрос: ***Как Вы реагируете на ненормативную лексику и выражения, употребленные в Ваш адрес?*** 24 % *российских студентов* отвечают на брань тем же; считают оскорблением – 54 %. Среди *китайских студентов* реакция следующая: отвечают тем же – 22.6 %; считают оскорблением – 16.1 %. Эти цифры в какой-то степени корректируют степень толерантности: когда речь идет об употреблении мата просто в общении, то и российские, и китайские студенты ведут себя почти одинаково, но когда речь идет об употреблении в отношении самого студента, то российские студенты считают это оскорблением, тогда как китайские студенты менее эмоционально воспринимают такое употребление (ср. 54 % и 16,1 %) и более безразлично (ср. 15 % – у российских и 32 % – у китайских студентов).

4. Особого внимания заслуживает ответ на вопрос: ***Считаете ли Вы, что употребление в речи мата является национальной чертой русского человека?*** Отрицательно на него ответили 44 % *российских студентов* и положительно – 40 %. Среди *китайских студентов* отрицательный ответ мы находим в 29 % анкет и положительный – в 51.6 % анкетах. Думается, такой результат во многом связан со стремлением некоторых пропагандистов мата оправдать его употребление как одного из показателей «выразительности» и «богатства» русского языка. Этот миф, который необходимо развенчивать, как и миф о коммуникативной значимости мата.

С коммуникативной точки зрения мат несет минимум информации, поскольку матерная речь представляет собой форму нечленимой речи, в большей степени связанную с выражением эмоций, содержание которых часто зависит от конкретных ситуаций. В этом плане матерная речь близка к междометной речи. А это значит, что матерно зависимый человек, когда использует мат в качестве средства общения, то его сознание оказывается не способным в полном объеме осмыслить и понять более сложную литературную речь собеседника. Матерная речь в большей степени сориентирована на инстинктивную базу ее формирования, тогда как литературная речь связана с когнитивными механизмами сознания.

Таким образом, экология языка и коммуникации должна быть в центре внимания исследователей и преподавателей, поскольку усвоение неродного языка связано с ментальностью его народа и сориентировано на обыденное сознание носителей изучаемого языка. В случае отсутствия такого внимания мы будем иметь не экологию, а ***экоцид***, т.е. уничтожение языка как среды обитания человека.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКОКОНЦЕПТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ МОРСКОМ ДИСКУРСЕ

Варинская Алла
Национальный университет «Одесская морская академия», Украина
varinskay1@gmail.com

REPRESENTATION OF ECO-CONCEPTS IN PROFESSIONAL MARITIME DISCURSE

Varynska Alla
National University "Odessa Maritime Academy", Ukraine

Abstract: *The article deals with the representation of eco-concepts in marine discourse. The focus is on modern tendencies in the study of linguistic ecology in the professional sphere. The main units of analysis are the concepts of "ecology" and "pollution." Particular attention is drawn to the verbalization of these concepts.*

Key words: *eco-concept, term, marine discourse, ecology, pollution.*

Процессы глобализации в современном мире определяют новые приоритеты научных исследований, актуализируют темы, связанные с вопросами экологии. При этом осмысление экологических проблем сосредоточено не только на уровне сохранения биосферы и предотвращения экологической катастрофы, но и соотнесено со всеми направлениями жизнедеятельности человека, связано с профессиональными компетенциями, ценностными ориентациями, лингвоэкологическим знанием. Такой широкий диапазон восприятия понятия «экология» привел к тому, что «с начала XXI века ученые всего мира заговорили почти синхронно об экологии языка, экологии медицины, экологии экономики, экологии научно-технического прогресса, экологии философии, психологии, педагогики и даже экологии дипломатии» [13, с. 63]. Данная ситуация обусловила необходимость постижения сложной многоуровневой и многоаспектной природы концепта «экология», его концептосферы в различных дискурсах.

Следует также отметить, что несмотря на то, что в последние годы экологическое терминоупотребление составляет значительный процент в отечественных и зарубежных филологических исследованиях, лингвистическая экология находится еще в стадии разработки: на сегодня выделены ключевые проблемы, определены основные ориентиры исследований, представлена база для дальнейшей работы.

В качестве основополагающих векторов изучения лингвоэкологии традиционными являются направления исследования языка в ракурсе нормативности и точности словоупотребления, обогащения лексикона, проблем культуры речи, функционирования, использования экологической терминологии, представленные трудами А. П. Сковородникова, Е. В. Ивановой, В. И. Шаховского, И. А. Розмаица, Е. А. Селивановой, Н. С. Руденко, Э. Г. Болюты, А. Раду и других ученых. Наряду с ними в процессе развития лингвистической экологии появились новые перспективные темы, круг рассматриваемых проблем значительно расширился, о чем свидетельствует классификация Е. А. Селивановой. Автор связывает лингвоэкологию с:

- исследованием языковой картины мира;
- изучением языкового разнообразия;

• анализом факторов, которые влияют на исчезновение языков;

• систематизацией экологических и неэкологических элементов языковых систем;

• анализом текстов по проблемам охраны окружающей среды;

• изучением эко-дискурсов, а также текстов, направленных на воспитание эко-грамотности;

• анализом психологических, социальных, гендерных факторов эко-коммуникации;

• рассмотрением соотношения эко-грамотности и речевой грамотности в контексте борьбы за чистоту языка [8, с. 138].

Одной из важных составляющих в предложенной классификации является изучение эко-дискурсов, а также текстов, направленных на воспитание эко-грамотности, ведь «экологическая тематика и проблематика затрагиваются в различных типах текста / дискурса (научном, учебном, публицистическом, медиа-дискурсе, политическом, рекламном), а такие ключевые экологические термины, как, например, экологическая безопасность, экологический риск, загрязнение окружающей среды, экологическая катастрофа приобретают статус не просто терминов, а терминов-концептов» [7, с. 230], которые знакомы всем носителям языка. В то же время, как показывает практика, обобщенные употребления данных концептов зачастую характеризуются размытостью или неточностью названных понятий, смешиванием разного рода дефиниций. Такая ситуация происходит из-за того, что «многие термины заимствуются, мигрируют из одной сферы науки в другую, и в новом контексте тоже модифицируют свое смысловое содержание» [13, с. 63]. Подобное происходит и в профессиональных сферах. При использовании эко-терминологии в различных отраслях ее концептуальное осмысление зависит от задач сферы функционирования. Не стала исключением и морская отрасль.

В условиях определения приоритетов за профессиональным познанием мира наблюдаем немногочисленное количество отечественных работ посвященных проблемам объективации профессиональных картин мира. До сих пор нет однозначного мнения относительно используемой терминологии для их описания. В украинской лингвистической школе Т. В. Стацюк вслед за В. Л. Иващенко останавливается на термине «терминоконцепт», который интерпретирует как «рационально осмысленный терминологический концепт научного, профессионального, экспертного знания, который имеет слоистую структуру, комплексное содержание, широкий-узкий объем, отраженный в совокупности категорийных признаков, который одновременно является элементом (единицей) определенной системы в исследуемом фрагменте реальности» [9, с. 88]. А. И. Поддубцева объединяет в одно целое понятие научный и профессиональный концепты – «научный / профессиональный концепт» [6, с. 156]. А Л. П. Науменко предлагает термин «профессиональный концепт» [4, с. 63].

Воспринимая положительно выделение профессиональных терминоконцептов в связи с их репрезентацией профессиональной ценностной информации, оформленной в научной языковой традиции, обратим внимание также на использование универсальных концептов с трансформацией или актуализацией необходимых значений в профессиональном дискурсе. В рамках данной статьи проиллюстрируем сказанное концептами концептосферы **«экология»**.

В языковом сознании обычного носителя значение концепта «экология» соотносится с:

- Наукой, что фиксируют толковые словари: «Наука об отношениях растительных и животных организмов друг к другу и к окружающей их среде. Э. растений. Э.

животных. Э. человека» [5]; «Научная дисциплина, изучающая взаимоотношения животных, растений, микроорганизмов между собою и с окружающей их средой» [2]; «Экология (от греч. oikos – дом и logos – учение) (биол.). Отдел биологии, изучающий взаимоотношения организмов и окружающей среды» [10]; «Наука, изучающая закономерности формирования и функционирования биологических систем и их взаимодействий с окружающей средой. Эволюционная экология. Экология человека. Экология микроорганизмов. Экология растений. Экология животных. Экономическая экология. Общая экология. Промышленная экология. Социальная экология. Урбанистическая экология» [1].

- Состоянием организмов, определяющимся в толковых словарях таким образом: «Состояние организмов, населяющих общую территорию, их отношения друг к другу и к окружающей среде. Э. леса. Э. водоема, почвы. Э. человека или социальная Э. (взаимодействие человека, общества и окружающей среды). Э. культуры [5]; «Состояние организмов, населяющих территорию, их отношение друг к другу и к окружающей среде» [2]; «Связь организма с окружающей средой. Э. информатики – условия существования человека в информационной среде» [1].

В указанных дефинициях имеется четкая направленность концепта «экология» на его вариативную конкретизацию «окружающая среда»; презентация концепта через пространственную и социальную реализации. Контекст пересечения данных понятий «окружение, совокупность природных условий» довольно широкий и, как результат, сужение значений в лингвоинформативном пространстве до соотношения организмов или научных исследований конкретных сфер. Однако сферы функционирования концепта, названные в словарях, являются далеко не полными. Вне внимания оказалась и морская индустрия. При этом использование экоконцептов в профессиональном морском дискурсе является насыщенным и своеобразным.

Концепт «экология» используется в морских профессиональных практиках в качестве ключевого в области жизнедеятельности, структурно занимают сильные позиции, сохраняя ядерное терминологическое значение. Концепты же, входящие в концептосферу «экология», приобретают дополнительные профессиональные значения.

В качестве лейтмотивных в морском профессиональном дискурсе считаем целесообразным выделение таких видов экологии:

– *экологии пространства (морской экологии);*

– *экологии объекта и/или производства (экологии судоходства);*

– *экологии безопасности (экологии безопасности антропоцентрической и производственной);*

– *экологии законодательной (морского права).*

Выделяя данные виды, отмечаем высокочастотное употребление в морском дискурсе понятия «окружающая среда», через которое «в текст вводится информация об условиях, в которых оказался человек» [12, с. 273] или об обязанностях, возложенных на человека. Проиллюстрируем сказанное. В представленной выше дифференциации, объединяющим различные виды, является принцип охраны морской среды: «Принцип охраны морской среды следует отнести к сравнительно новому основополагающему принципу; зародился в середине XX столетия; проходит через все конвенции; является основополагающим для ряда норм, устанавливающих права и обязанности государств по охране морской среды; предполагает сохранение экологического равновесия, запрещение любого вредного воздействия на морскую среду; нашел свое отражение в общем обязательстве государств «защищать и сохранять морскую среду»; получил дальнейшее развитие» [11, с. 50]. В этом контексте выделяем терминологические ориентиры понятия: «морская среда», «экологическое равновесие»,

«вредное воздействие», относящиеся к уровню «условия», а также «запрет», «защита», «охрана», относящиеся к уровню «обязанности».

На уровне условий в различных источниках и в ходе проведения ассоциативного эксперимента в среде моряков также фиксируем употребительный в морском профессиональном дискурсе концепт «загрязнение», определяемый в толковых словарях как «действие в значении загрязнить», «насыщение природного объекта (атмосферы воды, земли и т.п.) веществами, которые нарушают его естественное состояние» и вещества, появление которых нарушает естественное состояние природного объекта» [1]. Однако словари не дают полного представления о концепте.

В качестве основного значения в морской индустрии используется дефиниция, закрепленная в Конвенции по защите природной морской среды района Балтийского моря 1992 года в статье 2: «Загрязнение» означает внесение человеком прямо или косвенно в море, включая эстуарий, веществ или энергии, которые могут создавать опасность для здоровья человека, наносить вред живым экосистемам, препятствовать законным видам использования моря, включая рыболовство, ухудшать качество морской воды и уменьшать возможности использования моря для отдыха» [3].

Вербализация концепта «загрязнение» достаточно широко и выразительно презентуется Всеукраинской морской газетой «Работник моря» в ракурсе жизнедеятельности человека. В текстах используется как терминология, имеющая место в специальных словарях «**экологическая катастрофа», «ядовитый горючий конденсат», «нефтяное пятно»**: *«Судно, горящее в Восточно-Китайском море вторые сутки, угрожает экологической катастрофой всей акватории. Вокруг разливается ядовитый горючий конденсат. Площадь нефтяного пятна – уже около километра, и речь не только об экологической катастрофе*», так и неологизмы, которые только входят в употребление, и не зафиксированы ни в одном словаре, например, «**пластисфера**»: *«Американские ученые заговорили и о микробиологическом эффекте. И даже ввели совершенно новый термин: пластисфера. Океанограф и эколог Эрик Зеттлер (Erik Zettler) объясняет происхождение термина так: "Говоря о биосфере, мы имеем в виду тонкую оболочку планеты, заселенную живыми организмами. А теперь давайте изменим масштаб. Как именовать биопленку, образованную микроорганизмами на плавающих в море частицах пластикового мусора? Мы решили по аналогии назвать ее пластисферой».* В одной смысловой плоскости с термином пластисфера находятся и термин «**мусорное пятно**»: «*О влиянии пластисферы на морские экосистемы, говорит профессор Зеттлер: «Мы знаем, что в мировом океане существуют гигантские круговороты, и эти течения сформировали несколько огромных скоплений пластикового мусора, так называемые мусорные пятна».*

Иногда в наименованиях трансформируются известные онимы с критическим переосмыслением: «*Северное тихоокеанское течение движется с запада на восток в пределах между 40-й и 50-й параллелями северной широты. Оно является продолжением течения Куросио, и само переходит в Калифорнийское течение, окаймляющее западное побережье Северной Америки. Являясь одним из наиболее загрязненных участков океана, течение получило неформальное прозвище «северный тихоокеанский мусорный поток*». Нарицательное название «**северный тихоокеанский мусорный поток**» представляет оппозиционный аналог названия газопровода «Северный поток».

Особый интерес представляет и термин «грязное судно». Данный термин, употребленный в заголовке: «Новая Зеландия не будет впускать в свои порты «грязные» суда», обычным носителем языка воспринимается или как метафора, или трактуется в ракурсе результата жизнедеятельности человека. Специалист же будет связывать его с биосферой и правилами биологической безопасности. «Грязное судно» – это судно,

корпус которого имеет биологическое обрастание, что противоречит правилам биологической безопасности: «*6 марта 2017 года MPI потребовало, чтобы «грязное» судно покинуло территориальные воды страны. Это произошло после того, как в ходе инспекции было выявлено существенное обрастание корпуса судна слоем водорослей, ракушек и моллюсков ниже ватерлинии. Согласно новым правилам, все иностранные суда смогут входить в порты Новой Зеландии только с чистым корпусом».*

Как видим, в профессиональном употреблении термина «грязное судно» меняются полюса: не только человек способен причинить вред природе, но и природа вмешивается в жизнедеятельность человека. Данный же аспект не отражается в анализируемых дефинициях.

Таким образом, морской профессиональный дискурс презентует на новые смыслы экоконцептов и иллюстрирует ценность и значение лингвистической компетенции.

Литература

1. *Бусел В. Т.* Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ; Ірпінь, 2009.
2. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва, 2000.
3. *Конвенция по защите* природной морской среды района Балтийского моря 1992 года. URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/987_009.
4. *Науменко Л. П.* Лінгвальна природа та категорійний статус професійного концепту // Studia philologica. 2016. Вип. 6. С. 63–70.
5. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва, 1992.
6. *Піддубцева О. І.* Науковий / професійний концепт та його функціонування у фахових концептосферах // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. 2014. Вип. 29. С. 156–160.
7. *Руденко Н. С.* Экологические термины-концепты: лингвокультурный аспект // Південний архів. Філологічні науки: збірник наукових праць. 2004. Вип. XXIV. С. 230–234.
8. *Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава, 2006.
9. *Стасюк Т. В.* Актуалізація соціо- та когнітивних метатермінів у термінознавстві // Наукові праці: науково-методичний журнал ЧДУ ім. П. Могили. 2013. Т. 223. Вип. 211. С. 87–91.
10. *Толковый словарь* русского языка: В 4 т./ Под ред. Д. Н. Ушакова. Т.4.: С – Я. Москва, 1995.
11. *Торшина Л. М., Варинская А. М.* Лексика морского права. Одесса, 2007.
12. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. Москва, 1997.
13. *Шаховский В.* Экология: пропорции добра и зла // Стратегии России. 2017. № 4 (160). С. 63–70.

ПРАКТИКА НОМИНАЦИИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Вермишова Полина
Российский университет транспорта (МИИТ), Россия
vermi.poli@gmail.com

PRACTICE OF THE NOMINATION AS A FACTOR OF CHANGING THE MENTALITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Vermishova Polina
Russian University of Transport (MIIT), Russia

Abstract: *The article is devoted to the study of the virtual anthroponymicon of Russian youth. The article suggests classification of virtual names from the point of view of their semantics. The author traces the trends and features of the Russian-language Internet discourse on the example of a social network.*
Key words: *social network, Internet, nickname, onim, nomination, user.*

Активное освоение пользователями современных коммуникативных площадок послужило толчком для создания новых перспективных научных направлений на стыке лингвистики, культурологии, философии и психологии. Так, появилось такое поле исследований, как лингвистика креатива и языковая игра [4, 9, 10]. Характерной чертой интернет-дискурса становится нарастающий процесс речетворчества, особенно в сфере номинации. Номинация – образование языковых единиц, характеризующихся номинативной функцией, т. е. служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений [7, с. 336]. Известный лингвист Подольская Н. В. [11, с. 87] определяет номинацию как именование, присвоение имени, подчеркивает процессуальность. Нам представляется удачным термин номинация-имятворчество – языковой процесс, обращенный непосредственно к действительности [Цит. по: 5, с. 316].

За последнее десятилетие интерес к антропонимам виртуального пространства привел к появлению ряда интересных работ [3, 6, 12, 14, 16], по этой теме защищаются диссертации [1, 8, 13]. Нам не удалось обнаружить устоявшегося термина в специальной литературе. В качестве синонимов различными авторами используется понятия никнейм, прозвище, псевдоним, виртуальное или сетевое имя. Особенность сетевых имен заключается в том, что они представляют собой промежуточное поле между самоименованием субъектов виртуальной сети и прозвищным лексиконом. Под сетевым именем понимается виртуальный антропоним-самоименование, единица неофициальной искусственной номинации, используемая при коммуникации в различных сетях, как локальных, так и глобальных [13]. Назовем некоторые функции такого имени: идентификация пользователя, создание определенного образа, сохранение безымянности, достижение уровня безопасности.

Цель данного исследования заключается в анализе сетевых имен как нового явления лингвистической реальности во взаимосвязи с тенденциями в ментальном существовании российской молодежи. Нами отобраны сайты с генераторами никнеймов [см. список источников]. Исследовательская база работы составила 2000 виртуальных имен, предлагаемых для пользователей социальной сети «ВКонтакте». Использовался метод классификации ономастического материала. Сеть «ВКонтакте» является самым популярным коммуникационным ресурсом российской молодежи.

Действительно, пользователи социальной сети «ВКонтакте» имеют возможность использовать не только свою подлинную фамилию, но и выбирать из перечня

предложенных никнеймов (поддоменных имен в терминологии социальной сети). Следует отметить, что этап идентификации сетевых пользователей по имени и фамилии, видимо, завершен, в настоящее время наблюдается усиление явлений языковой игры в процессах имятворчества. Очевидно, повышенный спрос на креативность стимулировал возникновение специально разработанных программных продуктов, позволяющих генерировать новые нестандартные сетевые имена. Разработчиками данных сайтов специально подчеркивается оригинальность виртуальных имен («крутые никнеймы», «необычные», «лучшие», «топ-100» и т.д.). На некоторых сайтах есть возможность оставлять пользовательские комментарии и ранжировать приведенные никнеймы по степени привлекательности.

Парадоксально, что звездные персоны сохраняют «узнаваемость» своих сетевых имен. Это связано, по всей видимости, с тем, что их имя – аналог бренда, следовательно, узнаваемая, популярная «торговая марка», поэтому у звезд нет необходимости привлекать внимание других пользователей оригинальным никнеймом. Напротив, обычные пользователи испытывают тягу к вычурным, редким, сложным сетевым именам.

Заметим, что существуют сайты, предлагающие «легитимизировать» собственный никнейм, закрепить за собой право использования его в различных социальных сетях за установленную сумму на определенный срок. Более того, из числа таких «узаконенных» виртуальных имен составляется постоянно обновляющийся рейтинг топ-300 никнеймов по популярности. Для оценки используется количество просмотров имени другими пользователями.

Анализ виртуальных имен, представленных на сайтах-генераторах, продемонстрировал ряд тенденций в номинации-имятворчестве. Во-первых, поликодовость – один из главных признаков популярного никнейма: экзотические шрифты, заглавные буквы, специальные символы. Первостепенным становится визуальное восприятие имени, затем прочтение, узнавание и расшифровывание (декодирование) слова. Употребление латинских букв, английских слов, транслита больше не является признаком привлекательного наименования. Символьность или вербально-иконическая природа имени [12, с. 202] – вот что определяет его необычность и запоминаемость. В эпоху модерна в России значительной популярностью пользовался такой прием оформления текста, как виньетка. Модифицированная виньетка сегодня переживает второе рождение в сетевых именах. Такая виньетка может предварять, завершать, зачеркивать, подчеркивать, уточнять, выделять имя. Буквы родного алфавита уже не могут передать весь комплекс смысловой и эмоциональной информации. Для актуализации данных функций пользователями первоначально применялась латиница, Caps Lock, знаки пунктуации, смайлики, эмотиконы. В настоящее время сетевые антропонимы активно осваивают символы (нотные знаки, знаки зодиака, иероглифы, шахматные, геометрические фигуры, алгебраические символы и т.п).

Во-вторых, в сетевой номинации происходит ускорение процесса онимизации, то есть перехода апеллятива в собственное имя. Значительное количество анализируемых имен представляют собой апеллятивы (имена нарицательные): *блондинка; чертенок, фиолетовый; неуравновешенный; не товарищ; марионетка*. Заметим, что в числе подобных имен присутствуют словосочетания и даже предложения: *жидкость для снятия лака; очень чужой; волк в овечьей шкуре; любите такой; не люби мне мозги; осторожно, кусаюсь; спорим на поцелуй.*

В-третьих, очевиден тренд усиления эмоциональной и оценочной нагруженности виртуальных антропонимов (восхитительных: *красавчик*; пренебрежительных: *дурочка*; ласкательных: *очаровашка*; бранных: *супер пупер падла* и т.п.).

При помощи семантического анализа обнаружена заметная группа имен, отражающих черты характера и поведения (френонимы). Для облегчения восприятия удалены символы, знаки, заглавные буквы в большинстве имен, орфография сохранена. По понятным причинам автор не берет на себя смелость привести наиболее шокирующие имена в научной статье. Автором выделено несколько смысловых групп:

a. антисоциальная самохарактеристика (агресивная брюнетка, бандиточка, бродяга, грешница, девочка шокотерапия, девчонка без тормозов, злюка, йа не леди йа отморозок, каратель, любовь зла я люблю козла, маленькая пакость, отморозко, паразитка, попа ищет приключений, стервочка, сука, хулиганка, beautiful bitch);

b. смерть (ад, апокалипсис, вестник смерти, крадуу души дорого, любовница смерти, смертник, твоя смерть, труподел, ты сдох-мнепох, delete, die with me);

c. насилие (АК-47, вежливый снайпер, жаждущий крови, молотов...кактель, пих-пах труп нах, привет в прицеле, пулька в лоб, убей меня нежно, террор, террорист, ща леща дам, щаскакдамногой, хлопчик киллер);

d. оскорбление и унижение (бестолочь, гомик, падла, хачик, скандал, я нах нах тебя, я тебя имел везде);

e. нездоровье (безумная, бесчувственная, больное воображение, воспаленная фантазия, дефачка с приветом, душевная мазохистка, извращенка на диете, истеричка, маленькая истеричка, маньячка, надоело жить: я шикарна, очумевшая, псих в законе, психопатка века, сумасшедшая, чокнутый, характер жесть, lost of control);

f. наркотическое или алкогольное опьянение (доза счастья, кайфовая дурь, кайфоманка, кокаин, конопляных дел мастер, котэ под наркотэ, метамфетаминка, обкуренный кот, подсела на жизнь, похметолог, трава не наркотик, слегка обдолбанная, сммарихуан, экстази, cocaine de luxe, gluk, narkoman, narkoteror, vinni пыхxx).

Также нами отмечена незначительная группа имен с использованием прецедентов (*гомик в деревне* < известный молочный бренд «Домик в деревне» компании «Вим-Билль-Данн», *девственник всея Руси* < титул императора в царской России «Император всея Руси», *вечно пьяный* < из песни «Вечно молодой» российской группы «Смысловые галлюцинации» 2000 г., *ангел-предохранитель* < добрый дух в христианстве ангел-хранитель). Для подобных примеров характерна негативность, скабрезность, циничность, языковая игра наоборот.

Кроме того, в сетевой антропонимикон внедряется вульгарная, бранная и обсценная лексика. При конструировании никнеймов применяются распространенные русские и американские ругательства. Обращает на себя внимание, что обсценные и бранные имена имеются на всех сайтах выборки.

Подведем итоги. Формирование сетевых имен проходит очередной этап графического усложнения, креолизации, насыщения дополнительной коннотацией. Важнейшей функцией сетевого имени становится идентификация виртуального субъекта с помощью его выделения в пространстве интернет-дискурса. Для достижения данной цели используется сложный комплекс лингвистических и вербально-иконических средств. У сетевых пользователей имеется возможность получить количественное подтверждение уникальности выбранного имени с помощью разнообразных калькулирующих инструментов: голосов, рейтингов, комментариев. В сети фигурирует значительный объем антисоциальных имен с устойчивым интересом к ним со стороны молодежи. Подобные никнеймы выполняют сразу несколько языковых функций: информативную (я такой/я так смотрю на мир), эмотивную (вызвать реакцию, привлечь, шокировать), волюнтативную (побудить к действию). В конечном итоге, это удовлетворяет психологическую потребность субъектов в самоутверждении. Аномально широкий круг сетевых контактов современных пользователей также оказывает критическое давление на их языковую картину мира.

Увеличение подобных онимов отражает деструктивные сдвиги не только в языке, но и в культуре в целом, свидетельствует об игнорировании этикетных и языковых норм, тотальном снижении грамотности в молодежной интернет-коммуникации. Тенденция избегания традиционных имен может являться показателем начинающегося отчуждения молодого поколения от традиций своей семьи, рода, страны. Суперанская А. В. справедливо отмечала, что «онимы реагируют на общественные изменения» [15, с. 21–22]. Состав имен, бытующих в русскоязычном интернет-дискурсе, определенным образом характеризует лицо современного социума. Отсюда можно сделать неутешительный вывод: российское сетевое сообщество теряет свое лицо.

Литература

1. *Аникина Т. В.* Сопоставительное исследование виртуального антропонимикона англоязычных, русскоязычных и франкоязычных чатов: автореф. дисс. …канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011.
2. *Ахренова Н. А.* Лингвистические особенности сетевых имен // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 34 (172). Филология. Искусствоведение. Вып. 36. С. 5–10.
3. *Балкунова А. С.* Языковые факторы, влияющие на формирование образа носителя никнейма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 241–243.
4. *Гридина Т. А.* Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как лингвокреативная деятельность. Формирование языковой личности в онтогенезе. Екатеринбург, 2002. 225 с.
5. *Копач О. И.* Теория номинации: история и современность // Sociokultúrna realita a príroda: Zborník recenzovaných vedeckých prác s medzinárodnou účasťou / Editor: O. Glosíková. Prešov: Technická univerzita v Košiciach, Fakulta výrobných technológií so sídlom v Prešove. S. 313–320.
6. *Крюкова И. В.* Речевой портрет субъекта искусственной ономастической номинации // Человек в коммуникации: мотивы, стратегии, тактики: Коллективная монография. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2010. 199 с.
7. *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 709 с.
8. *Марченко Н. Г.* Социальная сеть "в контакте": лингвопрагматический аспект: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
9. *Норман Б. Ю.* Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.
10. *Санников В. З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.
11. *Подольская Н. В*. Словарь ономастической терминологии. 2-е изд. М.: Наука, 1988. 151 с.
12. *Попова Т. В.* Современные графо-орфографические игры: коммуникативные удачи и неудачи (на материале графиксатов русского языка рубежа XX-XXI вв.) // Лингвистика креатива-2: Коллект. моногр. / Под ред. Т. А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2012. 379 с.
13. *Пшегорская Ю. В.* Молодежные неофициальные именования в русской антропонимической системе начала XXI века: на материале студенческих неофициальных именований, используемых в живом общении и в виртуальной коммуникации: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 2013.
14. *Селютин А. А.* Жанры как форма коммуникативного выражения онлайновой личности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. № 35 (173).Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 138–141.
15. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
16. *Хорикова В. С.* Когнитивный анализ никнеймов пользователей сети интернет // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3 (024). С. 64–68.
17. *Якунина М. Л.* Особенность интернет-дискурса: никнейм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. II. С. 218–221.

Список источников

https://nick-name.ru/analytics/
http://icqspeak.ru/nikneymy/323-nikneymy-v-kontakte-niki-novye.html#more
https://xn--b1adtc4h.xn--p1ai/nickname/top.php (длявк.рф/nickname/top)
https://socialnie-seti.info/vkontakte/niknejmy-dlya-socialnyx-setej-vkontakte-odnoklassniki-facebook-twitter/
http://supernik.ru/girls/beautiful_nick
http://vkontaktehit.ru/category/vk
https://nick-name.ru/wall/
http://www.vnickname.ru/best.php
https://nick-names.ru/niki-dlja-vk

ЖАРГОН В РУССКОМ И БОЛГАРСКОМ СПОРТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Дамянова Христина
Шуменски университет „Епископ константин Преславски“, България
hristinadobreva@abv.bg

JARGON IN RUSSIAN AND BULGARIAN SPORTS DISCOURSE

Damyanova Hristina
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *Jargon is an active component of sports discourse. Jargonisms are formed by metaphorization, universalization, occasional word formation, language games. They have a positive or negative connotation. They make emotional evaluation and expressiveness in discourse.*

Key word: *jargon, sociolect, sports discourse, football discourse.*

Жаргон является активным компонентом спортивного дискурса [1, с. 1]. В русском языкознании он определяется социолектом; который „отличается от общеразговорного языка специфической лексикой и фразеологией, экспрессивностью оборотов и особым использованием словообразовательных средств, но не обладает собственной фонетической и грамматической системой” [2, с. 1]. В болгарском языкознании жаргоном называются все социальные диалекты и т. наз. групповой говор [3]. Разграничивается профессиональный жаргон, использующий специфические для данной области термины, и групповой жаргон, характерный для неформальных социальных групп. Лексика и фразеология жаргона приняты после формального или семантического изменения литературного языка, территориальных диалектов или некоторых иностранных языков, но они могут быть созданы самими носителями в результате желания привлечь внимание или сделать разговор непонятным для окружающих. Жаргон дефинируется как говор социальной группы, отличающийся экспрессивными словами и выражениями – иностранными, диалектными, переосмысленными, новообразованиями, сленгом.

В русском языкознании выделяются 4 уровня языка: литературный, диалектный, просторечие и арго [4, с. 59]. В болгарском языкознании национальный язык включает кодифицированный литературный язык, профессиональные разновидности в профессиональной сфере, территориальные разновидности (диалекты) и социально ограниченные разновидности (жаргон и арго) [5 с. 124; 6, с. 330]. В системе болгарских социолектов жаргон равнопоставлен арго и профессиональным диалектам [7, с. 70]. Жаргон является предметом исследования социолингвистики [8], рассматривается как субкультура.

Спортивный жаргон как разновидность разговорной речи используется спортивными комментаторами, журналистами, спортсменами, болельщиками, фанатами, объединенными общностью интересов, занятий, положением в обществе. В русском и болгарском спортивном дискурсе в*ыделяется общеспортивный жаргон, включающий слова и выражения, понятные всем участникам спорта, и узкоспециализированный, который используется в отдельных видах спорта. Спортивный жаргон* как нестандартная форма языка, как социальный и стилистический диалект, культура конкретного социума впечатляет своей образной номинацией, экспрессивностью и эмоциональностью. Он является эмоциональным видом деятельности, поэтому и отношение к нему стало более толерантным. Отсутствие цензуры дает возможность для его развития. Он прочно вошел в русский и болгарский спортивный дискурс.

Составной частью жаргона в русском и болгарском узкоспециализированных футбольных дискурсах являются прозвища фанатов, футбольных клубов, спортсменов

как характерные для языка российских болельщиков. Продуктивными способами формирования жаргонных прозвищ оказываются метафоризация, заимствования из других дискурсов и из других языков, окказиональное словообразование, развитие значений, универбация и др.

К жаргонным прозвищам в русском спортивном дискурсе В. Б. Орлов относит ***космонавты*** – игроки или болельщики команды „Спутник” (Нижний Тагил); ***грач*** – насмешливое или издевательское прозвище, данное болельщиками игроку с Кавказа; ***картошка*** – белорусский спортсмен; ***кенгуру*** – австралийский спортсмен; ***макаронник*** – итальянский спортсмен; ***крысы*** – футбольный клуб „Крылья Советов” (Самара**),** ***мусора*** – футбольный клуб „Динамо” (Москва); ***мясо*** – футбольный клуб „Спартак” (Москва); ***паровоз*** – футбольный клуб „Локомотив” (Москва), хоккейный клуб „Локомотив” (Ярославль); ***паровозники*** **–** игроки или болельщики футбольного клуба „Локомотив” (Москва) или хоккейного клуба „Локомотив” (Ярославль); ***свиньи*** – футбольный клуб „Спартак” (Москва) и др.

Русские болельщики называют „Спартак” ***„мясом, поросятами***” по ассоциации с первым названием "Пищевик" (клуб представлял мясокомбинат). У ФК "Динамо" жаргонные прозвища ***"мусора", "менты***", так как клуб курировало МВД и КГБ СССР. „*Мусор”* на уголовном арго означает милиционер, а эта команда представляла спортивный клуб милиции. Прозвище „ЦСКА” – „*кони” (*эта команда представляла спортивный клуб Красной Армии). На языке русских болельщиков "кони" появилось и по ассоциации с местом создания – на месте бывшей конюшни (sportoboz.ru/18.06.2011). А "Амкар” в речи болельщиков заменяется прозвищами российских фанатов – ***навозом, навозниками***, ***аммиачными,*** так как футбольная команда основана в Открытом акционерном обществе "Минеральные удобрения". У ФК "Анжи" – прозвище: ***"орлы"*** (на гербе команды изображен орел) (Спортивное обозрение.18.06.2011).

Жаргонные прозвища в русском футбольном дискурсе создаются:

– на основе клубных цветов: ФК "Кубань" – "***канарейки***", ***"жабы"***, ФК "Урал" – „***шмели***", „Ростов" – ***"осы"***.

– по эмблеме клуба: ФК "Шинник" называют "***шиной", „резиновыми”***; „Краснодар” – „***быками",*** "***черными буйволами***", „***кастратами***". ФК "Мордовия" – "***бордовыми лисами***". В форме бордового цвета играют футболисты команды, а лиса изображена на гербе столицы республики Мордовия города Саранск, который команда представляет.

– по гербу города, который ФК представляет: прозвищу ***"медведи"*** "Шинник" обязан городу Ярославль, на гербе которого изображен этот зверь.

– по тому, чем известен город: у ФК "Арсенал”, Тула, прозвища „***самовары"*** и "***пряники***", так как Тула славится своими самоварами и пряниками (sports.ru 01.2017). ФК Челябинска и его игроков по находящемуся в городе тракторному заводу называют ***тракторятами.***

– по составу команды: в 2003 году, из-за наличия в составе большого числа темнокожих футболистов, "Ростов" получил прозвище "***зоопарк".***

– по ассоциации с деятельностью спонсора команды: в связи с тем, что хозяин команды "Краснодар" владеет сетью магазинов "Магнит", клуб также называют ***"магнитами***". ФК "Ростов" получал поддержку от комбайностроительного завода. В результате команду начали называть "***сельмаши" и "комбайнеры"***. На современном этапе спонсором "Локомотива" является ОАО "РЖД". В итоге клуб обзавелся такими прозвищами как ***"паровозы",*** "***железнодорожники***" и "***кочегары”.***

– по поведению болельщиков команды: По одной из версий, прозвище ***бомжи*** ФК „Зенит” связано с тем, что его болельщики ночевали на вокзалах и в скверах, когда приезжали на выездные матчи своей команды (Спортивное обозрение. 18.06.2011).

– по ассоциации с названием команды: У ФК "Арсенал” (Тула) прозвища "***канониры", "пушкари***”, у „Сатурна” – ***инопланетяне; марсиане; телепузики; ватрушки.*** В связи с тем, что клуб "Спартак-Нальчик” носит имя древнеримского гладиатора, логично, что получил прозвище ***"гладиаторы".***

– по ассоциации с географическим положением: ФК "Томь" известен прозвищами ***"валенки", "войлок",*** так как "Томь" представляет город Томск, находящийся далеко в холодных районах России (Спортивное обозрение. 18.06.2011).

– по отношению болельщиков других команд к игрокам данной команды. Фанатам других команд обязан ФК „Спартак” прозвищем ***„свиньи***”. „Зенит“ среди иностранных фанатов пользуется плохим имиджем, они называют его игру „гнилой”, а игроков – ***"гнидами”.***

На страницах болгарских средств массовой информации жаргонные названия как условные слова болгарских футбольных клубов являются результатом аналогичных ассоциаций. Четырехкратный чемпион „Лудогорец” называют ***„орлами***” по названию его талисмана. У „Хебар” – прозвище ***гробари,*** у „Дунав” Русе –„***драконы”,*** у „Миньор” Перник – ***„чуковете”.*** Несколько команд под названием „Локомотив” известны в спортивных кругах как „***железничарите”***, Спартак Пловдив - как ***„гладиаторите".*** Другие прозвища - „***бостанджиите”, „дините”*** (Любимец), „***шоколадите”*** (Спортист Своге), „***орлетата”*** (Пирин Благоевград), ***„шейховете”, „нафта,” „мазутите,”*** (Нефтохимик), „***болярите”*** (Етър Велико Търново), „***акулите”*** (Черноморец), Берое ***„марулите”,*** Ботев (Пд.) – ***„канарчетата,” „жълтурите”,*** Видима ***„мивките”*** **,** Гигант (Белене) – „***глиганите”,*** Етър – ***„болярите,”*** Левски – „***говедата,”*** Литекс Ловеч – ***„люляците”*** (Ловеч – город сирени), „Локомотив” (Пд) – ***„смърфовете”, „буферите”,*** Беласица – ***„комитите***”, Розова долина – ***„розите”,*** ЦСКА – ***„прасетата”, „чорбата”, „чорбарите*** [9]. Прозвища возникли по эмблеме команды у ФК „Лудогорец”, „Миньор” Перник, „Черноморец” Бургас, „Пирин” Благоевград, „Гигант” Белене и др.

В спортивных комментариях использование прозвищ в русском и болгарском спортивных дискурсах способствует выражению экспрессивности, эмоциональности, категоричности, иронии, насмешки, презрения. Жаргонные слова обладают предельной краткостью, точностью, силой, напр.:

Фанатами ***паровозов*** *обычно называют болельщиков „Локомотива”* (WBsLCCOw1cM. 3.11.2016); *... а я слышал и видел, что также делали и* ***кони,*** *и* ***бомжи,*** *и* ***мусора****.* (Спорт експресс. 10.12. 2017); ***Свиньи”*** *против „****коней****”: Атмосфера московского дерби: ”Спартак” – ЦСКА.* (Tribuna.com.30.10.2016); ***„Кочегары****” Семина против „****пушкарей****” Ее Величества* (Комсомольская правда. 27.11.2003); *На поле начался ад и содомия, минчане окончательно озалупились и решили во что бы ни стало брать матч,* ***тракторята*** *тоже озалупились и решили ни в коем случае его не отдавать* (sports.ru.20.02.2012).

*„****Орлите”*** *от Благоевград победиха „****канарчетата****” от Пловдив*; *През първата част домакините владееха повече топката, но по-сериозните положения създадоха „****орлетата****” от Благоевград*. (Vox64.16.07.2017); *Ясно е кога Дунав се връща в Русе – „****драконите****” ще строят и козирка (*sportal.bg16.02.2017); *Миньор трясна още един фаворит в Перник.* ***„Чуковете”*** *удариха и Левски*. (Sportal.bg.03.11.2017). *Фенове на Берое са нападнали Лудогорец. Много тъпа изцепка. Явно същите* ***"марули"*** *обстрелваха и нашия рейс с бомби.* (gongbg.16-.11.2013); ***Акулите*** *натроиха Светкавица*. (Dariknews. 31.01.2012); *Миньор наказа и”****шоколадите****” с 1:0*. (Sporta.bg

28. 11. 2009); *Ние като фенове на автентичния ЦСКА няма как да допуснем* ***люляците*** *да дойдат в София и да ни вземат емблемата, базата и стадиона* (topsport. 25.11.2017).

Национальные прозвища иностранных команд пестрят названиями животных, птиц, блюд. ***Макаронники*** (реже – ***макароны, пицца***) в спортивном дискурсе – жаргонное название футболистов и болельщиков итальянских ФК по ассоциации с главным и любимым блюдом итальянцев; ***бульбаши*** (от белор. *бульба* – картошка) в спортивных комментариях – ироническое название белорусских футболистов. В меню белорусов картошка является одним из главных блюд. Беларусь по выращиванию картофеля на душу населения занимает первое место в мире. *К****енгуру*** – так называют австралийских спортсменов по ассоциации с гербом Австралии, на котором изображен кенгуру, ***тюльпанниками*** – голландских футболистов (*тюльпан* – один из символов Нидерландов). ***Петухи –*** это французские футболисты. Петух – один из символов Франции, изображен на гербе государства. Популярное прозвище французов – ***лягушатники.*** С***лоны –*** футболисты Кот-д'Ивуар по ассоциации со слоном на гербе государства. ***Жабари*** – в спортивном обиходе жаргонное название итальянских футболистов в Болгарии. По одной из версий, прозвище возникло на основе первого итальянского рецепта приготовления лягушачьих лапок и др.

Национальные прозвища команд вносят экзотику и эмоциональную экспрессивность в спортивный дискурс, напр:

Тогда было жарко у ворот ***„бульбашей*** (Вплюсе.ru. 10.10.2017); *„Рома" принимала „Лацио" и победила 1:0. Это 131 противостояние „****волков"*** *и* ***„орлов"*** (Newsru.Co.il.20.01.2018); *Это возможно плюс для „****макаронников".****(*Sport-Place.ru.31.08.2016); ***„Кенгуру"*** *сделали еще один прыжок к кубку Азии* (Turkmenportal.28.01.2015*);* Кот-д'Ивуар: ***„слоны****"*, *которых трудно сдвинуть с места.* (СпортЭкспресс. 21.12.2016); *Общипали* ***петухов.*** *Фотожабы после матча Украина – Франция.* (bigmir.net16.11.2013); *Тэтэрушану: Румыния не заслуживала поражения в матче с Францией. ...Цыган прав, первый гол забили с нарушением, но в целом* ***лягушатники*** *были сильнее* (soccer.ru. 11.06.2016);

Жабарите *играят защитен и демодиран футбол и не заслужават да играят на световното!* (Sportal.bg.13.11.2017); *Бразилия опитоми озверелите* ***„слонове"*** (Topsport.bg21.06.2010); ***Кенгурутата*** *кацнаха в Бразилия* (gol.bg.29.05.2014); *НА ЖИВО: Франция – България –* ***"петлите"*** *ни обърнаха.* (Топспорт. 07.10. 2016); *„****Лалетата****" цъфнаха и България се сбогува с мечтата за бараж. (Sportal.bg. 03.09.2017).*

Ряд спортивных жаргонизмов в футбольном дискурсе образуется от географических названий городов, которые представляют футбольные команды, при помощи кодифицированного усечения, сокращения, универбации [1]. Это трансформация выражения большего по объему (состоящего из двух и более слов) или трудно произносимого, в унифицированную лексему. Примерами таких усечений могут служить слова ***Кузня*** (город и Кузнецкая футбольная команда), ***Хабара*** (город и Хабаровская футбольная команда), ***хабары*** – игроки города Хабаровск, ***Челяба*** (город и Челябинская футбольная команда), ***Химари*** – ФК Химки; ***Орки*** – игроки или болельщики из Орска (Оренбургская область); ***Ярик*** – Ярославль и футбольная команда, ***Владик*** – Владивосток и футбольная команда [2], ***Локо*** – Локомотив, ***Шина*** – ФК *Шинник* и др., напр.:

Кузня *взяла 30-секундный перерыв, сняла вратаря и пошла с решимостью на наших мужиков – ЗАБИВАТЬ!* (sports.ru.20.02.2012); ***Хабары*** *выиграли вторую лигу чемпионата края..* (безформата.ru.26.04.2016); *На второй период команды ушли со счетом 4:3* ***в пользу Челябы;*** *Посмотрев* ***на Кузню****, я поняла, что они как никто другой заслуживают место в*

ПО... (sports.ru.20.02.2012); *Ярость* ***в Ярике.*** *Фанаты «Спартака» устроили в Ярославле грандиозное побоище* (Советский спорт. 31.10.2013); *Минута драки преимущество* ***Ярика*** (фанстайл.ру.05.10.2014).

Некоторые жаргонные прозвища команд появились в результате языковой игры с названием команды и окказионального словообразования, напр. ФК "Спартак-Нальчик". Болельщики дали ему прозвища "***спальчик***" и "***спанч***". Грозненскую команду "Терек" называют "***чехами".*** "Чехи" – это производное от слова "чеченцы". Фанаты других команд придумали новые прозвища ФК „Локомотив" – "***лохомоты", "лохи".*** У "Крылья Советов" *„**крылышки**" перешло в **„крысы"**, у **„Динамо – Киев"** появилось прозвище дырКа, у* ФК "Кубань – "***кубаноиды"*** (Спортивное обозрение. 18.06.2011), Динамо известно как ***динамики,*** *Металлург Донецк* – как ***Кротолург,*** ФК Химки" – как ***химари,*** ФК **„**Ротор**" –** как ***Вротор***.

В болгарском футбольном дискурсе некоторые жаргонизмы появились аналогичными способами образования, напр. У Литекса – прозвище „***Латекса",*** у Калиакры – „***Каляри";*** у „Рилски спортист" – „***Рилецо",*** у ФК „Славия" – *„**Слабия**"*, у „Миньор" (Пк) – „***Миньоро", „Орките"***, у ФК **„**Локомотив" (Пд) – ***„юве"*** (сокращенное от Ювентус), у „Ботев" канарчетата перешли в „***канарите".***

Более разнообразные средства выражения пополняют спортивный лексикон, смягчают и снижают официальный язык спортивного дискурса, напр.:

Айде, ***Миньор****о! Перничани втори в групата, след като победиха Марек с 1:2 (Zapernik.com.22.04.2017); „**Лохомоты**" и „**Педо".** И где тут футбол*? (***Пед***о – сокращенное от Торпедо) (Советский спорт. 10.11. 2014).

Жаргонизмы как языковая подсистема национального языка направлены на удовлетворение коммуникативных потребностей представителей спортивных кругов. Сфера спортивного дискурса активно пополняется новыми лексическими единицами, активно взаимодействуя с другими дискурсами. Прозвища футбольных команд как экспрессивные слова являются следствием эмоционального восприятия мира занимающихся спортом. Выделяются прозвища с отрицательной или положительной коннотацией. Их образная мотивация всегда содержит эмоционально-оценочный компонент. Образ жаргонных прозвищ отличается неожиданными образными ассоциациями, раскрывает отношение к данному объекту, национальную ментальность социальной группы спортсменов, комментаторов, фанатов. Своей яркой и неожиданной образностью с преобладающей иронией в спортивном дискурсе жаргонные прозвища вносят сильное эмоциональное присутствие и специфический колорит.

Литература

1. *Абросимова Л. С., Богданова М. А.* Жаргон в спортивном дискурсе: формирование и функционирование// Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. (URL:http:rrlinguistics.ru/journal/annotation/58 8.01.2018).
2. *Орлов В. Б.* Словарь спортивного жаргона. Ханты-Мансийск. 2014.
3. *Жаргонът*, без който (не) можем. ...Знаем ли родния си език? (https://bg.wikipedia.org/wiki 22. 01. 2018).
4. *Маслова В. Н.* Лингвокультурология. Москва, 2001.
5. *Бояджиев Т.* Българска лексикология. София, 1986.
6. *Вътов В.* Фонетика и лексикология на българския език. Велико Търново, 1995.
7. *Армянов Т.* Жаргонът, без който (не) можем. София, 1989
8. *Виденов М.* Увод в социолингвистиката. София, 2002.
9. *Български* футболни клубове (URL:https://bg.wikipedia.org/wiki 19.01.2018).

АНТОНИМИЯ В ТЕРМИНОЛОГИИ ТРАНСПОРТНОГО ЭКСПЕДИРОВАНИЯ

Димитрова Нина
Высшее транспортное училище им. Тодора Каблешкова, Болгария
ndimitrova@vtu.bg

ANTONYMY IN THE FREIGHT FORWARDING TERMINOLOGY

Dimitrova Nina
Todor Kableshkov University of Transport, Bulgaria

Abstract: *In freight forwarding terminology contradictories and vector antonyms are very important for describing the process of cargo delivery from the shipper to the consignee. Cases of asymmetry in the ranks of contraries antonyms caused by extra linguistic factors were revealed. Due to the influence of the English language among antonyms there is a large proportion of borrowings.*

Key words: *antonymy, contradictories antonyms, contraries antonyms, vector antonyms, freight forwarding terminology.*

1. Введение

Антонимия, одна из сложнейших категорий лексикологии, связанная с познанием человеком противоположных явлений объективной действительности и их отражением в языке, стала объектом исследования работ многих лингвистов с начала 50-х годов XX века до наших дней.

Согласно словарю лингвистических терминов О. С. Ахмановой, антонимия представляет собой семантическую противопоставленность, противоположность, а антонимы – 1. Слова, имеющие в своем значении качественный признак и потому способные противопоставляться друг другу как противоположные по значению. 2. Слова, противопоставленные друг другу как коррелятивные, как обозначающие противоположно направленное действие [1, с. 50].

Как полагает Л. А. Новиков, антонимия выступает в качестве знаков «раздвоенного» на противоположности единства, одновременно и определяя предел проявления того или иного качества, свойства, действия, отношения и указывая на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении сущности [5, с. 246].

Явление антонимии свойственно не только общелитературному языку, но и языкам для специальных целей, и в связи с этим стало неотъемлемой частью исследований ученых-терминологов.

В. П. Даниленко пишет, что лексике языка науки антонимия свойственна не менее, а скорее более, чем общелитературной. Подтверждение тому выдающийся русский терминолог находит в трудах ученых-нелингвистов – философов, физиков и т.д., полагающих, что понятия рождаются парами, и каждое из них уже своим возникновением порождает свою противоположность (внутреннее – внешнее, левое – правое, движение – покой, частица – античастицу и пр.) [2, с. 79–80].

Ю. В. Сложеникина [6, с. 54–55] считает такое положение спорным, опираясь на понимание Д. Н. Шмелева о членении действительности, которое происходит двояко: во-первых, путем выделения некоторых более или менее устойчивых отрезков пространства, приобретающих относительно самостоятельные характеристики, во-вторых, путем антонимической поляризации семантического пространства, то есть установления двух полярных точек, характеристики которых взаимообусловлены. Первый путь характерен для слов неоценочной, конкретной семантики, второй – для слов, содержащих качественные и оценочные признаки [7, с. 203–204]. По мнению Ю. В. Сложеникиной, терминолексика образуется, в основном, первым способом. На

этом основании, а также с учетом того, что денотат специальной единицы – научное понятие, соотнесенное с тем или иным отрезком действительности, соответствующей уровню современного состояния знаний о ней, она приходит к выводу, что явление антонимии не может быть представлено в терминологии в той же степени, в какой оно существует в литературном языке [6, с. 55].

2. Выражение антонимических отношений в терминологии транспортного экспедирования

Данная работа имеет своей целью выявить особенности проявления антонимии в терминологии транспортного экспедирования и является продолжением нашего диссертационного исследования «Терминология транспортно-экспедиционной деятельности (структурно-семантическое описание)» [3].

Противоположность слов, в т.ч. относящихся к терминолексике, рассматривают, как правило, в структурном и семантическом аспектах.

По структуре антонимы традиционно подразделяются на однокоренные и разнокоренные. У однокоренных антонимов, представляющих, по существу, результат словообразовательной антонимии, корневые морфемы являются носителями общего семантического признака, а значение противоположности выражается при помощи префиксов.

В терминологии транспортного экспедирования выделяются две группы однокоренных антонимов.

Первую группу составляют бинарные ряды, в которых антонимические отношения выражаются за счет противопоставления несодержащих и содержащих соответствующие префиксы терминоэлементов, представляющих прилагательные, причастия или, реже, существительные, в составе терминологических словосочетаний.

Наиболее часто используется префикс ***не-***: *совместимость – несовместимость (грузов)*, *полная – неполная (загрузка контейнера)*, *движенческая – недвиженческая (операция)*, *специализированный – неспециализированный (грузовой причал)*, *опасные – неопасные (наливные грузы)*, *контейнеризованные – неконтейнеризированные (грузы)*, *абразивные – неабразивные (насыпные грузы)*, *штабелируемая – нештабелируемая (тара)*. Для выражения антонимических отношений употребляются также префиксы ***без-/бес-***: *наличный расчет – безналичный (расчет)*, *отзывной – безотзывной (аккредитив)*; *возвратная – безвозвратная (тара)*; ***раз-/рас-***: *укрупнение – разукрупнение (отправок)*, *крепление – раскрепление (груза)*; ***де-***: *консолидация – деконсолидация*, *(штриховое) кодирование – декодирование*, *централизованные – децентрализованные (автомобильные грузовые перевозки)*.

К группе однокоренных антонимов с некоторой условностью можно отнести также термины типа *нерациональные перевозки грузов*, *невостребованный груз*, *бездокументный груз* и пр., хотя такие терминологические единицы не имеют парных бесприставочных соответствий. Обозначаемые ими понятия являются отклонениями от принимаемых по умолчанию норм, не нуждающихся в экспликации.

Вторую группу составляют бинарные ряды, содержащие соотносительные префиксы с противоположным значением. Например, ***в****ходная* – ***вы****ходная (пограничная станция)*, ***под****воз* – ***раз****воз*, ***по****грузка* – ***раз****грузка*, ***за****найтовка* – ***раз****найтовка*, ***на****лив* – ***с****лив (грузов)* и др.

К этой же группе относится несколько антонимических пар терминов, образованных с помощью префиксов ***недо-*** и ***пере-*** и обозначающих отклонения в меньшую или большую сторону относительно некоего среднего, соответствующего установленным нормам положения. Например, ***недо****груз* – ***пере****груз* (неполное использование/превышение грузоподъемности транспортного средства), ***недо****бор* –

***пере**бор* (результат неправильного применения тарифов), ***недо**вес* – ***пере**вес* (расхождение между показаниями весоизмерительного устройства и массой товара).

Разнокоренные антонимы как в общелитературной, так и в терминологической лексике можно рассматривать как факт лексической антонимии, с той разницей, что, как справедливо отмечает Ю. В. Сложеникина, предел противопоставления специальных лексем задается параметрами терминологического поля, в котором они функционируют [6, с. 55]. Противопоставляемые в терминологии лексемы (отдельные слова, корни, основы) могут совпадать или не совпадать с соответствующей антонимической парадигмой в литературном языке.

Первую группу разнокоренных антонимов формируют, в основном, оппозиции, содержащие терминоэлементы с противоположным значением, которые представляют собой самостоятельные слова (прилагательные, причастия или существительные) в составе терминологических словосочетаний. Например, *внутренняя – наружная (тара)*, *малый – большой (каботаж)*, *(перевозки) с коротким – с длинным (плечом)*, *внутренняя – внешняя (таможенная граница)*, *одноразовый – многооборотный (поддон)*, *сборный – развозочный (маршрут)*, *свободное – фиксированное (размещение груза)* и др.

К этой же группе лексических антонимов транспортного экспедирования относятся бинарные ряды, в которых отношения противоположности реализуются за счет предлогов: *(хранение)* ***с** обезличением* – ***без** обезличения*, *(комбинированная перевозка)* ***с** сопровождением* – ***без** сопровождения*, *(контейнер для сыпучих грузов)* ***под** давлением* – ***без** давления* и др.

Во вторую группу разнокоренных антонимов входят оппозиции, в которых друг другу своим значением противопоставляются терминоэлементы – словообразовательные основы. Например, ***мелко**зернистые* – ***крупно**зернистые (грузы)*, ***мало**габаритная* – ***крупно**габаритная (тара)*, ***высоко**рамный* – ***низко**рамный (трал)* и т. п.

По семантическому критерию, вслед за Л. А. Новиковым [5] и большинством современных лингвистов, антонимы можно подразделить на комплементарные, контрарные, векторные и конверсивные. Все эти разновидности представлены в исследуемой терминологии.

Отношения комплементарной антонимии или дополнительности реализуются в бинарных оппозициях, представляющих видовые, противоположные (предельные) понятия, которые, однако, дополняют друг друга до родового понятия и между ними нет никакого среднего промежуточного члена. Дополнительность, как считает И. М. Кобозева, можно рассматривать как особый случай несовместимости, когда некая общая для двух слов содержательная область полностью распределяется между ними [4, с. 108].

В терминологии транспортного экспедирования встречаются бинарные ряды с комплементарной антонимией, состоящие как из однокоренных: *доставка – недоставка (груза)*, *герметичная – негерметичная (тара)*, *переуступаемая – непереуступаемая (складская расписка)*, так и из разнокоренных антонимов, которые, однако, легко поддаются отрицательной трансформации при помощи однокоренных с префиксом ***не-***: *добровольный – вынужденный* (=*недобровольный*) *отказ от перевозки*, *прямой – складской* (=*непрямой*) *вариант перевалки*, *специализированный – универсальный* (=*неспециализированный*) *терминал*, *самоходный – прицепной* (=*несамоходный*) *подвижной состав* и др.

В отношения контрарной антонимии, как полагает Л. А. Новиков, вступают крайние симметричные члены упорядоченного множества (контрарные видовые понятия), между которыми существует средний промежуточный член. По его мнению,

это наиболее характерный и распространенный вид противоположности, так как он лежит в основе антонимии слов, содержащих указание на качество [5, с. 245].

В качестве контрарных (градуальных) антонимов в исследуемой терминологии выступают, например, следующие терминологические единицы: *жесткая тара – <полужесткая тара> – мягкая тара*, *малотоннажный контейнер – <среднетоннажный контейнер> – крупнотоннажный контейнер*, *малоабразивные насыпные грузы – <среднеабразивные насыпные грузы> – высокоабразивные насыпные грузы*, *краткосрочная аренда – <среднесрочная аренда> – долгосрочная аренда* и пр.

В некоторых градационных рядах зарегистрированы дополнительные члены, обозначающие содержание в них качества в еще меньшей/большей степени, чем в предыдущих, бывших, по-видимому, когда-то предельными. Эта особенность касается, в основном, названий характеристик грузов и грузовых транспортных средств. Такое явление объясняется стремлением к повышению экономической эффективности перевозок, в подавляющем большинстве случаев путем увеличения грузоподъемности и размера транспортных средств. На основании того, что эти параметры со временем изменяются, можно заключить, что такие ряды отличаются некоторой несимметричностью, а их состав непостоянен. Например, *легкие – средние – тяжелые – **особо** тяжелые (насыпные грузы)*, *(грузовые автомобили) **особо** малой – малой – средней – большой – **особо** большой (грузоподъемности)*, *(самолеты) малой – средней – большой – **сверх**большой (грузоподъемности)* и др.

Векторные антонимы по определению выражают противоположность разнонаправленных действий, движений, признаков [5, с. 245–246]. В терминологии транспортного экспедирования, описывающей процесс доставки груза от грузоотправителя до грузополучателя, такие оппозиции довольно широко распространены в силу того, что обозначают операции (а на их основе – услуги, характеристики), выполняемые в разных, зачастую противоположных, направлениях. Например, *ввоз – вывоз*, *ввозные – вывозные (пошлины)*, *(порт) погрузки – разгрузки*, *(причал) прибытия – отправления*, *паллетизация – депаллетизация*, *затаможивание – растаможивание (груза)*, *формирование – расформирование (грузовой единицы)*.

На этом же самом основании в терминологии транспортного экспедирования употребляются конверсивные антонимы, описывающие одну и ту же ситуацию с точки зрения разных участников (*продавец – покупатель*, *грузоотправитель – грузополучатель*), в т.ч. терминологические единицы, построенные на таких оппозициях (*договор купли-продажи*, *сдача-приемка по количеству*, *сдача-приемка по качеству*, *место сдачи-приемки*, *срок сдачи-приемки*, *приемосдатчик*, *приемосдаточный акт* и др.).

3. Заключение

Исследование антонимических отношений между терминами способствует установлению системности терминологии путем выявления сходств и различий между видовыми понятиями, входящими в состав родового понятия.

Явление антонимии в терминологии транспортного экспедирования имеет как много общих черт с общелитературной лексикой и с терминологиями других предметных областей, так и некоторые особенности.

Среди оппозиций, выделяемых по структурному признаку, наибольшее распространение имеют однокоренные антонимы, в которых противоположность выражается при помощи префикса ***не-*** (реже, ***без-/бес-*** или ***раз-/рас-***). Из иноязычных в изолированных случаях встречается префикс ***де-***.

Суть транспортного экспедирования как вида предпринимательской деятельности по организации доставки груза от грузоотправителя до грузополучателя с оформлением перевозочных и прочих документов оказывает существенное влияние на

характер выражаемых противоположностей: наличие/отсутствие признака, начало/прекращение действия, выполнение/невыполнение действия, действия (признаки), осуществляемые в противоположных направлениях и т.п. В связи с этим среди оппозиций, выделяемых по семантическому признаку, наиболее распространены случаи комплементарной и векторной антонимии.

Контрарные антонимы, выражающие величины признаков, свойств, качеств, в данной терминологии встречаются реже. Особенностью выступает несимметричность некоторых градационных антонимических рядов, которые со временем дополняются новыми предельными членами (*грузовые автомобили особо большой грузоподъемности*, *самолеты сверхбольшой грузоподъемности*).

Терминология транспортного экспедирования сильно подвержена влиянию английского языка из-за возрастающей потребности в номинации новых специальных понятий и практической потребности применения единой международной терминологии. По этим причинам среди зарегистрированных велика доля заимствованных, в т.ч. калькированных, и гибридных терминов-антонимов. Например, *паллетизация – депаллетизация* (palletising – depalletising), *консолидация – деконсолиздация* (consolidation – deconsolidation), *доставка – недоставка* (delivery – non-delivery), *недовес – перевес* (underweight – overweight), *чистый коносамент – грязный коносамент* (clean bill of lading – dirty bill of lading), *сухой лизинг – мокрый лизинг* (dry lease – wet lease) и др.

Литература

1. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. Москва, 2016.
2. *Даниленко В. П.* Русская терминология: Опыт лингвистического описания. Москва, 1977.
3. *Димитрова Н. К.* Терминология транспортно-экспедиционной деятельности (структурно-семантическое описание), дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2017.
4. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. Москва, 2016.
5. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка. Москва, 1982.
6. *Сложеникина Ю. В.* Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Москва, 2016.
7. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. Москва, 1977.

СОВРЕМЕННОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В АСПЕКТЕ *ЯЗЫК-КУЛЬТУРА-ИНТЕРНЕТ*

Жунусова Жаныл
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан
zhanyl08@mail.ru

CONTEMPORARY COMMUNICATIVE SPACE: NETWORK INTERACTION IN ASPECT *LANGUAGE-CULTURE-INTERNET*

Zhunussova Zhanyl
L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Abstract: *The article considers the rapid development of the Internet – one of the factors in the formation of the information society, a new way of existence of language. The virtual space represents a rich, ambiguous material, determines the language processes, and significantly affects the language situation in society, the speech culture of the individual, influences the composition of the language systems used, which required the need for serious linguistic research.*

Key words: *virtual sociocultural space, Internet-language, communicative virtualistics.*

В лингвистической науке в последние десятилетия широкое распространение получило гуманитарное направление, связанное с изучением средств массовой информации и вызванное очень быстрым прогрессом инновационных информационных технологий, которые обладают специфичным языком коммуникативного воздействия на человека. В высокотехнологическом социокультурном пространстве произошли значительные политические и экономические изменения, оказавшие влияние на условия употребления русского языка в устной и письменной речи, зародился новый тип массовой коммуникации с уникальными внутренними процессами и культурными особенностями. Современный человек все больше времени находится в «состоянии коммуникации», что, безусловно, приводит к «глубокой дифференциации семиотического континуума».

В контексте новой реальности интернет-пространство рассматривается как способ глобальной межличностной коммуникации со стремительным развитием коммуникационных средств и процессов, отражающие современные языковые и общественно важные реалии и имеющие большое научно-практическое значение.

При исследовании виртуальной сети одним из важных аспектов современного языкового процесса стала интернет-коммуникация, которая стремительно развивается, создавая новые диалоговые площадки, сервисы и параметры межличностного взаимодействия. С появлением новой площадки общения наблюдается создание принципиально новых жанров коммуникации и их функционирование в абсолютно особом социопространстве – виртуальном, формируя совершенно новую модель информационного общества.

Интернет, или глобальная сеть, сегодня уже реальность, новый вид коммуникативного пространства, сформированная социокультурной средой, новый вид дискурса, который позволяет представить наш мир в цифровой проекции, занял свое определенное, главенствующее место в современном мире.

Социальные сети, «новые медиа», Интернет представляют собой интересный, многожанровый «феномен современной культуры», предлагают колоссальные возможности для коммуникации, снимая «все ограничения, расстояния и условности речевого общения», продолжают находиться на пике популярности и стали объектом пристального внимания ученых [1, с. 25]. Лингвистическими проблемами виртуального

пространства занимаются В. В. Красных, Е. Н. Галичкина, Е. И. Горошко, А. А. Атабекова, Г. Ч. Гусейнов, О. В. Лутовкина и др.

Виртуальная коммуникативная среда прочно вошла в нашу жизнь и породила много терминов – *виртуальная реальность, виртуальные отношения, компьютерно-опосредованная коммуникация, коммуникативная компетенция виртуальной языковой личности, виртуальный (компьютерный) дискурс, информационная среда обитания человека, web-приложения, цифровая картина мира, электронная коммуникация, всемирная паутина, веб-интерфейс* и т.д.

В современном глобальном коммуникативном пространстве особую значимость получает создание культурных мостов, соблюдение культуры коммуникативного поведения между индивидами. Культурологические факторы являются основными составляющими в коммуникации, к ним относят ценностные принципы, языковую картину мира как устойчивый элемент культурного сознания, язык как часть культуры, специфичность культуры [2, с. 16].

В условиях коммуникации взаимовлияние культур, по мнению казахстанского ученого К. М. Абишевой, осуществляется в рамках межкультурной речевой деятельности индивидов различных лингвокультурных сообществ. В этом случае взаимодействуют не культура, а личности, прошедшие социализацию в своем обществе и усвоившие культурные нормы и ценности того или иного сообщества. Процесс освоения индивидом норм общественной жизни и культуры называется инкультурацией или социализацией. Инкультурация используется в значении – обучение человека традициям и нормам поведения в конкретной культуре, то социолизация предстает как процесс усвоения индивидом культурных норм и социальных ролей. Гармоничное вхождение его в социальную среду, усвоение им системы ценностей общества позволяют успешно функционировать в качестве его члена, сформироваться как социально и культурно адекватная личность [2, с. 165–166].

Личность развивается не только под прямым воздействием социума, но и современные СМИ, кино-, видеопродукция, интернет, реклама, молодежная культура, популярная музыка, образование, культура в целом, целенаправлено способствуют ее развитию [3]. Они формируют знания, фиксируют информацию, влияют на «мировосприятие, тип культуры, мышление человека» [4, с. 177].

Развитие информационных технологий, виртуальной сети в определенной степени сказывается на языковых процессах, в целом, они повлияли на языковую ситуацию в обществе, наложили отпечаток на речевую культуру индивида. Виртуальная среда вскрывает подлинное состояние грамотности массовой аудитории, пользующейся интернетом.

Онлайновое пространство создает уникальную коммуникативную среду – некий плацдарм для функционирования языка, не имевший аналогов в истории, совмещающий графику, звук, анимацию. Разнообразные свойства виртуального пространства позволяют носителям языка активнее рефлексировать над употребляемыми языковыми средствами, провоцирует лингвистическое творчество виртуального коммуниканта, язык становится способом для самореализации коммуникантов [5, с. 126]. Нам в этом видится ее актуальность, уникальность и новизна.

Безусловно, в сетевом общении лингвистов интересует способ функционирования языка в новой информационно-лингвокультурологической среде, не отделенной от действительной речевой ситуации. Интернет являет собой уникальное коммуникативное пространство, особое место реализации языка, и исследование в нем коммуникативного аспекта функционирования языка считается перспективным и многообещающим.

По мнению ученых, в языке интернет-сообщества наблюдаются доминантные изменения в стиле и стилистике изложения, из них наиболее обобщенными и типичными оказываются абстрактность/конкретность; логичность/эмоциональность; объективность/субъективность и т.д. В словаре виртуальной языковой личности наблюдается увеличение определенной доли жаргонных и сленговых слов, стало особой модой общаться упрощенным языком, который как бы вступает в противоречие со всеми нормами обычной коммуникации.

В компьютерно-опосредованной коммуникации сферы общения оказывают влияние на состав используемых в них языковых систем, или субъязыков. Так, лексический уровень языка киберпространства характеризуется большим количеством англоязычных элементов и англицизмов, активными словообразовательными процессами, жанровым делением единиц согласно различным ситуациям общения (*чат, форум, электронная почта* и так далее), а также процессами арготизации и жаргонизации, примером чего может служить так называемое «падонковское арго». Все это свидетельствует в пользу динамичного развития в современном виртуальном пространстве лексического уровня исследуемого социально-культурного явления.

Общение в интернет-сообществах характеризуется значительной неформальностью и обладает особенностями разговорной речи: употреблением разговорной, сниженной или обсценной лексики, отсутствием четких грамматических, орографических и синтаксических норм.

Как известно, обычно жаргоны возникают из-за стремления отдельных групп людей как-то обособить или даже скрыть от общества некоторые стороны своей жизни и деятельности, известен воровской жаргон. Так, и в речи современной молодежи они часто встречаются: *хата, малявы, цветник, поляна, шестерка, потрясно, клево, бабки, оторваться, фигеть, сечешь, тачка, ствол*, *ништяк, пиарить* и т.д.

Общение в Рунете характеризуется большим числом англоязычных заимствований, которые передаются с помощью транскрипции и транслитерации: *блоги* (*weblog),* б*раузер* (*browser*), *спам* (*spam*), *торрент* (*torrent*) и др.

В сетевом пространстве можно выделить новую форму речи – письменно-разговорную, которая предполагает запись разговора двух и более участников виртуального коммуникативного акта, сделанную ими самими при помощи интернет-языка [6, с. 7].

Н. Б. Мечковская считает, что влияние виртуального пространства интернета на несетевое общение огромно, так как оно идет и прямо, и опосредованно, в разных направлениях – от «идей» и «формы», от уникальных заметных событий и размытого интернетного фона, не ощутимого, но воздействующего постоянно [7, с. 485].

В сетевом общении каждый акт коммуникации насыщен определенными культурно-специфическими отношениями между участниками данного общения (эмоции, роли, интенции). Виртуальная коммуникация носит глобальный межкультурный характер, что приводит, к своеобразному «культурному серфингу» и, соответственно, – к столкновению в процессе коммуникации ценностно-нормативных ориентиров различных культур [8].

Существование человека в пространстве всеобъемлющей виртуальной коммуникации стало для гуманитарных наук одной из центральных, так как сегодня интернет оказывает большое влияние на развитие и функционирование языка. Лингвистический интерес к изучению данного феномена будет расти, так как наблюдается расширение границ современного литературного языка, изменение его состава, норм в связи с повсеместным появлением социальных сетей. Не случайно в лингвистике оформилось самостоятельное интердисциплинарное направление – виртуалистика, коммуникативная виртуалистика, интернет-лингвистика, в которой

предстала языковая система во всей своей полноте и многоаспектности. Данное направление занимается изучением новых форм употребления и использования языка, которые возникли под влиянием активного развития интернет-пространства и иных «новых» средств передачи информации.

Многие теоретические, методологические и социальные проблемы общества не могут быть решены без лингвистического осмысления виртуальной реальности и социальных последствий ее распространения, а кропотливое изучение развивающегося языка интернета с социолингвистических, образовательных, стилистических и практических позиций позволяет обеспечить динамику онлайн-пространства и может помочь не только лингвистам, но и самим пользователям.

В настоящее время приходится говорить о необходимости дальнейшего осмысления богатейших масс-медийных материалов, об обобщении накопленного опыта. Процесс научного исследования современного русского языка на материале Интернета представляет богатый, разнообразный, в то же время неоднозначный материал, который отражает ход развития современного общества и представляет для ученых особый интерес.

Специалисты в области языка признают необратимость влияния новых веяний, исходящих от виртуальной опосредованной коммуникации, которые вызвали обоснованную обеспокоенность по поводу состояния современного нормативного русского языка на постсоветском пространстве.

Данность нашего времени такова, что Интернет, как технический прорыв, с точки зрения языковой культуры и этики влияет на язык, изменил сознание коммуникантов, сформировал новый, виртуальный образ жизни и существенно влияет на языковую ситуацию. Следует помнить, что язык удовлетворяет потребности человека, и то, как он организован, подчиняется этим потребностям. Язык массовой коммуникации является «ярчайшим срезом языка общества», в котором отражается не только реальный мир, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, видение мира [9]. Как-то М. М. Бахтин сказал, что «жить – значит участвовать в диалоге», который всегда ведется на языке, а в диалоге культур есть что-то от жизни и что-то от языка [10].

С полной уверенностью можно говорить, что идет формирование языка общения пользователей виртуального пространства со своим специфическим стилем общения, так называемый сетевой новояз или сетеяз, интернетный сленг, влияющий на речевое поведение всего общества в целом [11]. Безусловно, следует повышать культуру речи на страницах интернет-пространства.

Социальные сети являются интересным новым полем для исследований в области лексики и нормативности языка, так как современная языковая ситуация предоставляет все возможности для выявления и описания социальных фактов и процессов, изменений в языке.

Литература

1. *Авдейчик Л. Л.* Сетевая литература как феномен современной культуры // СМИ и современная культура. Минск: БГУ, 2012. С.18–26.
2. *Абишева К. М.* Основы теории межкультурной коммуникации: монография. Астана: Изд-во «Туран-Астана», 2008. 224 с.
3. *Добросклонская Т. Г.* Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник МГУ. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Москва, 2005. № 3. С. 38–54.
4. *Жунусова Ж. Н.* Словарный и масс-медийный дискурс: дистантное речевое общение // СМИ и современная культура. Минск: БГУ, 2012. С.176–183.

5. *Маклюэн М.* Социальная психология и модели коммуникации. Москва, Искусство, 2001. С. 124–126.
6. *Божанова Н. Г.* Смайлики как международная система компьютерно-опосредованной коммуникации. Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2012. № 9. URL: [http://jurnal.org/articles/filol_4.php], [http://jurnal.org/articles/2012/fill13.html]
7. *Мечковская Н. Б.* История языка и история коммуникации: от клинописи до Интернета: курс лекций по общему языкознанию. Москва: Флинта: Наука, 2009. 584 с.
8. *Каптерев А. И.* Мультимедиа как социокультурный феномен. М.: Изд-во ИПО Профиздат, 2002.
9. *Halliday M.* An Introduction to Functional Grammar. 2nd ed. 1994.
10. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. Москва: Художественная литература, 1979. 341 с.
11. *Буторина Е.* А поговорить? Интернет как лингвистический феномен // URL: http://www.gramota.ru /21 октября 2007/.

ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРЫ И ЕГО ЯЗЫКОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В НАУЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Задонская Галина
Санкт-петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Россия
gzadonskaia@yandex.ru

EVOLUTIONARY DEVELOPMENT OF ARCHITECTURE AND ITS VERBAL INTERPRETION IN THE ACADEMIC DISCOURSE

Zadonskaia Galina
Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia

Abstract: *Academic artistic discourse examines architectural sites in terms of the evolution of their forms, volumes and rhythms that create an aesthetic image a whole; its verbal educational and evaluative interpretation reflects a strategy for transmitting knowledge to a broad audience of future specialists, passing on to them the aesthetic experience required to develop their own creativity.*

Key words: *academic artistic discourse, evolutionary development of architecture.*

В научном искусствоведческом дискурсе, представляющем процесс изменения, становления, развития произведений пластического искусства: архитектуры, иконописи, живописи, прикладных форм – объект изучения рассматривается с точки зрения эволюции культурных форм эстетической самореализации человека. Эстетический образ, заключенный в конкретный архитектурный код и воспринимаемый как образ визуальный, подвергается вербальной интерпретации, отражающей стратегию передачи знаний в текстах, предназначенных для широкой аудитории будущих специалистов-архитекторов, градостроителей, реставраторов, искусствоведов.

В архитектуре европейских стран, в мировой архитектуре наблюдается универсальность подходов (принципов) к гармоничному освоению окружающей среды формами и средствами зодчества, которую сформулировал Ветрувий: польза – прочность – красота. При этом художественное выражение (образность) конструктивной функции сооружения – тектоника – остается принципиальной и неизменяемой основой универсальности языка архитектуры.

Постижению этого языка гармонии, основанного на сочетаниях высоты и протяженности, большого и малого, симметрии и живописности, пространства и массы, создающих композицию из объемов, форм, ритмов, материалов, через описание отдельных памятников зодчества и их визуального восприятия зрителем-читателем отвечает стратегия научного искусствоведческого дискурса. Оценить его важность в системе подготовки будущих зодчих можно, соглашаясь с мнением известного архитектора В. П. Усовой, утверждающей, что на основе Истории архитектуры «изучается многообразие конкретных исторических форм архитектуры, что является постоянным источником вдохновения и совершенствования творческой деятельности мастеров, основой всех профессиональных знаний в архитектуре» [13, с. 8].

Профессионализм архитектора востребован особенно в эпоху глобализации, когда нарушается единство человека с естественной средой, когда едва ли не доминантой становится «массовая архитектура, которая уводит нас в мир кратковременных эффектов и иллюзий, потребностей и коммерции, антиценностей и деградации» [11, с. 74]. Такое состояние практической архитектуры, безусловно, вызывает тревогу как сельских, так и городских жителей.

Так, констатируя «искусственное вмешательство» в эволюционный процесс развития архитектурной среды украинского села, Р. В. Кюнцли отмечает «феномен, который определятся гиперболическими амбициями на утверждение личности

владельца-хозяина», что в свою очередь приводит к «появлению гиперболизированной архитектуры жилья» [9, с. 48], к потере преемственной связи с традиционным национальным, разрушает гармоничность уникально-универсальных соотношений в освоении сельского пространства.

Комфортность современного дома, здания, сооружения, безусловно, волнует и горожан, особенно жителей мегаполисов. В качестве примера сошлемся на неудачно закончившуюся попытку создать в Санкт-Петербурге – городе, занесенном в число памятников культуры, охраняемых ЮНЕСКО, – Охта-центра, делового комплекса с башней-доминантой, высотой около 500 метров. Его появление могло разрушить «небесную линию» горизонтального города, соответствие геометрии нового здания своему контексту – эволюционной преемственности в архитектуре северной столицы, делающей Санкт-Петербург «неисчерпаемым в своем прочтении, а потому и непостижимым» [4, с. 4], обладающим своей душой, которую остро чувствовали и которой вдохновлялись Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, А. С. Пушкин и другие поэты, музыканты, художники. Уникальность «генетического кода» Петербурга раскрывает академик архитектуры Ю. И. Курбатов: «…творческое использование голландского градостроительного опыта, опыта ордерной архитектуры Греции и Италии, политические амбиции России, воля Петра Первого, привлечение талантливых архитекторов. Именно поэтому наш город уже давно стал выдающимся произведением художественной культуры» [4, с. 5].

Не случайно появление в профессиональной среде таких работ, как «Словесные конструкции: 35 великих архитекторов мира» [12], «Слово в творчестве петербургских зодчих. Диалоги» [8], представляющих структурно-семантическое единство истории архитектуры и архитектурной критики. Ю. И. Курбатов, характеризуя известного российского архитектора А. С. Никольского как человека «широкого кругозора и вселенского представления об эволюции архитектурных форм», соглашался с его утверждением, что «в творческом процессе главное не стиль, а метод решения задачи, в котором должна доминировать «архидея» или главная идея, определяющая процесс формообразования. Именно главная идея, слово или словесная конструкция, – двигатель творческого процесса» [6, с. 35].

Каким же образом «словесные конструкции» научного искусствоведческого дискурса передают тектонико-композиционные принципы архитектуры, складывающиеся в стили, динамику существования которых подтверждает, например, трансформация понятия «модернизм»: ранний модернизм, зрелый модернизм, поздний модернизм, постмодернизм, модернизм новой волны, гипермодернизм? Какими структурно-языковыми средствами «переводится» язык архитектуры – язык пространственно-временных универсалий – в вербальный код? Как коррелируют «словесные конструкции» с принципом формирования семантической структуры научного текста, который по мнению Е. А. Баженовой, выражается в сочетании «преемственности знания» и «формировании нового знания» [1, с. 2], отражающего динамику всякого процесса познавательной деятельности?

Анализируя закономерности художественного развития мировой архитектуры, искусства, тексты научного искусствоведческого дискурса отличаются художественно-эстетической индивидуальностью описываемого объекта (объекта речи); познавательно-оценочным отношением автора-наблюдателя (субъекта речи) к описываемым объектам; ценностно-ориентационными принципами передачи знания, необходимыми для создания у специалистов-архитекторов, градостроителей, искусствоведов эстетического вкуса, накопления эстетического опыта, необходимого для формирования их собственного творчества.

Указанные факторы влияют как на отбор языковых средств, организующих предложения с качественно-импрессивной рематической доминантой, так и на структурно-семантическую организацию текста с описанием, по Г. Н. Золотовой, в «изобразительном регистре» [3], на проявление логического сравнения как текстообразующей категории, отражающей стратегию эволюционной преемственности в развитии архитектуры.

В качестве примера рассмотрим законченный фрагмент – типичное по своей семантико-структурной организации описание – конструктивную основу Дмитриевского собора – памятника владимирского зодчества конца XII века, представленное во Всеобщей истории архитектуры. Напомним, что конструктивная основа, наряду с функциональным и художественно-эстетическим аспектом, является важнейшей составляющей архитектурного образа и, соответственно, важнейшим параметром при характеризации объекта; доминантой конструктивной основы является композиция здания.

«Строитель Дмитриевского собора развил композиционные приемы соборов времен Андрея Боголюбского; здесь также использованы пластические свойства материала, та же богатая моделировка стен, такие же тонкие колонки, подчеркивающие трехчастное деление фасадов и создающие вертикальные членения, та же конструктивная логика композиции (рис. 529). Однако в Дмитриевском соборе вертикальный ритмический строй перебивается сильной горизонталью аркатурного пояса. Легкие колонки аркатурного пояса церкви Покрова утяжеляются здесь сплошной орнаментальной резьбой; скульптурный ряд святых и орнаментированное поле стены в пролетах между колонками, сливаясь друг с другом, создают широкую горизонтальную ленту, опоясывающую церковь (рис. 530). Орнамент над арочками и над поребриком увеличивает ширину пояса и утяжеляет его. Сплошной скульптурный орнамент поля стены над аркатурным поясом декорирует ее на подобие тяжелой узорной ткани. Строчное расположение резных камней стены, подчеркивающее горизонтальные ряды кладки, создает контраст с вертикальностью членений храма…» [1, с. 624].

Отсылка к дискурсивным знаниям – композиции «соборов времени Андрея Боголюбского» (1-ая часть начального предложения) и ниже «церкви Покрова» – информирует о том, что в основе семантического аспекта логического сравнения лежат композиционные приемы, характерные для сооружений начала XII века этой же владимирской школы зодчества.

2-ая часть предложения при помощи местоимения места «здесь» и соединительного союза «также» устанавливает отношения тождества (эволюционная преемственность) в использовании частных композиционных форм, осложняя соответствующими конструкциями дескриптивную основу высказывания: «здесь также использованы пластический свойства материала, та же богатая моделировка стены, такие же тонкие колонки…, та же конструктивная логика композиции».

Выделяет, эмоционально подчеркивает, отношения преемственности как повторение указательных местоимений «тот», «та», «такие» в сочетании с усилительной частицей «же», функционирование которых «указывает на предметы и явления, присутствующие в представлении и памяти» [4, с. 42], так и синтаксический параллелизм конструкций. Указательные местоимения в этом предложении полифункциональны: «их лексическая семантика … обладает ассоциативной силой вызывать представление о положении в пространстве и о его восприятии в определенный момент времени. Она включает в себя позицию наблюдателя» [4, с. 25]. Указание на присутствие субъекта речи выражает и повторение наречия «здесь», фиксирующего его местоположение.

Описание новых, других индивидуальных свойств объекта открывается противительным союзом «однако», презентующим противопоставление «нового» в стилистике здания – «старому», предшествующим композиционным приемам. «Присутствие» автора-наблюдателя эксплицируется сравнением указанных позиций. «Наблюдаемость» им сопоставляемых объектов – Дмитриевского собора и памятника начала XII века церкви Покрова – отражается и в семантике используемых глаголов, выражающих изменение качественных признаков деталей объекта (аркатурного пояса): утяжеляется, увеличивает, утяжеляет, декорирует, создает (горизонтальную ленту, контраст).

Многоплановость проявления субъекта речи изменяет предложения таким образом, что в них взаимодействуют дескриптивные конструкции, характеризующие описываемый объект по его объемам, формам, декорирующим элементам, их композиции, строительной технике, составляющим в совокупности архитектурный образ, и конструкции его эстетического восприятия (оценивания) по этим же параметрам.

В отличие от инварианта научного описания, где позицию автора можно обозначить, пользуясь терминологией Г. Н. Золотовой, как «это известно», в научном искусствоведческом тексте, где субъект речи является одновременно и «наблюдателем», и субъектом эстетической оценки, его позиция изменяется до формулировки «…я это вижу и оцениваю». При этом характеризация объекта актуализирует план говорящий – адресат: читатель, следуя взглядом за автором-наблюдателем, присоединяется к созданию архитектурного образа, соучаствует в этом процессе, являясь «свидетелем», «зрителем», «сопереживателем».

Активизация «фактора адресата» соответствует стратегии научного искусствоведческого дискурса и отвечает специфике общения в эстетической области, предусматривающей деятельность и воображения, и чувства, и разума; при этом фиксация полученного знания сопровождается эстетической оценкой, выражающейся как в отборе объектов ценностной картины мира, так и собственно языковыми средствами. Подтверждение приведенному выше заключению находим также в рассуждении Коноваловой Т. А.: «Согласно семиотическим концепциям значения архитектуры могут «прочитываться» подобно естественному языку. В свою очередь являясь субъектом коммуникации, имея свой язык, она сама является носителем новых значений и смыслов, обогащающих языковую картину человека» [5, с. 44].

Как убеждаемся, тексты с сопутствующим им визуальным рядом, являющиеся основой научного искусствоведческого дискурса, представляют объекты описания как результат чувственно-мыслительного процесса их восприятия субъектом речи. Они не только раскрывают специфические свойства, качества произведений зодчества, передают воплощенный в них эстетический образ, но и выявляют черты преемственности в становлении новых форм, признаков, приемов – манифестируют эволюционную закономерность процесса развития архитектуры. Кроме того, они являются своего рода ответом на естественное беспокойство О. В. Никитина о «субъекте экофилологии – языковой личности» – современном носителе языка с его «проблемами угроз и бед русской речи» [10, с. 109]. В области знания, которую представляет научный искусствоведческий дискурс, и в области освоения мира пространственными видами искусств, в том числе архитектурой, речевой интеллект нации по-прежнему остается востребованным, и поэтому в формировании языковой личности архитектора и ее проявлении позиция языка и слова как такового остается незыблемой.

Литература

1. *Баженова Е. А.* Выражение преемственности и формирования знания в смысловой структуре русских научных текстов (на материале современных лингвистических текстов): Автореферат …канд. филол. наук. Воронеж, 1987.
2. *ВИА* – Всеобщая история архитектуры: в 2-х т. Уч. пособие для архитекторов вузов и факультетов / Под ред. Б. П. Михайлова. Москва, 1958–1963. Т. 1.
3. *Золотова Г. Н.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Москва. 1986.
4. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. Москва, 1986.
5. *Коновалова Т. А.* Архитектура в языковой картине мира // Академический вестник Уралниипроект РААСН. 2011. №4. С. 40–44
6. *Курбатов Ю. И.* «От «архидеи» А С. Никольского к «словесным конструкциям» XXI века // Архитектурный Петербург. Информационно-аналитический бюллетень Союза архитекторов Санкт-Петербурга. 2012. №6. С 35–37.
7. *Курбатов Ю. И.* Преемственность непостижимого города // Дизайн и строительство. Санкт-Петербург. 2002. №3 (17). С. 4–6.
8. *Курбатов Ю. И.* Слово в творчестве петербургских зодчих. Диалоги. Санкт-Петербург. 2014.
9. *Кюнцли Р. В.* Гармоничность уникально-универсальных соотношений архитектурной среды как отражение эволюционного развития архитектуры // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2017. №5 (131). С. 47–50.
10. *Никитин О. В., Хроленко А. Т.* Введение в экофилологию: Учебное пособие. Москва: Флинта: Наука, 2017. 264 с. // Мир русского слова. 2017. №4. С. 108–112.
11. Серебренникова Т. А., Раевский А. А. Феномен информационного пространства в архитектуре в эпоху процессов глобализации // Вестник ТГАСУ. 2017. №1. С. 71–76.
12. *Словесные конструкции*: 35 великих архитекторов мира /Под. ред. Микулиной Е. Москва. 2012.
13. *Усова В. П.* Эволюция роли Истории архитектуры в профессиональной архитектурной деятельности. // Автореферат… канд. архитектуры. Нижний Новгород. 2007.

ЯЗЫКОВАЯ АГРЕССИЯ ЭКЗОНИМОВ В ФОРУМНЫХ КОММЕНТАРИЯХ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Петкова-Калева Стефка
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
st.kaleva@shu.bg

LANGUAGE AGGRESSION IN FORUM COMMENTS IN THE CONTEXT OF LANGUAGE ECOLOGY

Petkova-Kaleva Stefka
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The article is a continuation of a number of studies of the language specificity of forum comments interpreted by the author as a genre of naive political discourse. The research subject in this paper is quasi-ethnonyms, as a form of language aggression in Russian online forum comments.*

Key words: *political discourse, language aggression, language game.*

Являясь существом социальным по определению, человек всегда стремился принимать участие в социальных сетях различного характера, проверяя таким образом весомость своих интересов и своей точки зрения на социальные и политические, в том числе и геополитические проблемы.

В последние годы, в связи с обострением геополитической ситуации в мире, снова встал вопрос о роли т.наз. **информационных войн и информационных операций** в формировании политического дискурса, в том числе наивного политического дискурса форумных комментариев.

Впервые об этом феномене политической конфронтативной коммуникации заговорил Элвин Тоффлер. По мнению Э. Тоффлера, если войны аграрного периода велись за территории, войны индустриального периода – за средства производства, то войны в век информации будут вестись за средства обработки и порождения информации. Э. Тоффлер называет этот феномен войной Третьей волны [7].

Любая война, как известно, является крайней формой агрессии.

С другой стороны, исследователи феномена Интернета и мобильных средств коммуникации начала XXI века говорят о трансформации современной культуры в культуру соучастия (Генри Дженкинс) [2]. Демократизация общения в Интернете привела к утверждению новой концептуальной метафоры, определяющей его как некую современную **электронную агору** (Г. Рейнгольд, У. Митчелл, П. Липперт, М. Оствалд), а, как известно из сочинений древнегреческих литераторов и мыслителей, агора являлась собранием граждан для свободного обсуждения новостей и принятия решений, затрагивающих жизнь общества [1].

Своеобразной демократизации подвергается и политический дискурс, причем речь идет не только о его „классической“ форме, но и о появлении новых форм политического говорения, отражающих процесс становления нового коммуникативного феномена, который можно обозначить термином **наивный политический дискурс.**

Наивный политический дискурс – это **форма заявления социальной и политической позиции, ее защиты и утверждения в нестандартной ситуации ведения политического диалога и полилога, проводимая со стороны людей, не являющихся политиками в собственном смысле слова.**[1]

[1] Наивному политическому дискурсу и его языковой специфике посвещены и другие исследования автора данной статьи [3, 4, 5, 6].

Одним из основных жанров наивного политического дискурса является форумный комментарий. Форумный комментарий на политические темы проявляляет все характерные для политического дискурса особенности. Он **конфликтен**, агонален и связан с отстаиванием той или иной политической каузы. Выражаемые оценки подчеркнуто полярны. **Ведущим принципом** построения политического форумного комментария довольно часто является **принцип конфронтации** (дисгармонии), что приводит к реализации некооперативных (конфронтационных) стратегий и тактических решений.

В форумных комментариях, ввиду действия строгих правил нетикета[2], вербальная агрессия далеко не всегда связана с употреблением инвективной, обсценной, нецензурной лексики. В целях дискредитации и выражения негативной оценки форумные комментаторы, как правило, прибегают к различным приемам языковой „игры“: используется обыгрывание собственного имени, феноменология прецедентности, а также грамматическая семантика. Одним из излюбленных приемов наивной политической негативной аксиологии является создание многообразных экзонимов.

Вероятно, под влиянием сложной геополитической ситуации и непростых межгосудерственных отношений в российских форумах онлайн-изданий в последние несколько лет наблюдается появление целого ряда довольно неласковых номинаций, модифицирующих ряд онимов – названий государств, среди которых особо выделяются *Европа*, *США* и *Украина*.

Оним *Европа* чаще всего модифицируется как экзоним ***Гейропа,*** в чем прослеживается категорическое неприятие со стороны российских участников форумной дискуссии чрезмерной и даже агрессивной, по их мнению, поддержки гомосексуализма в странах Запада. К тому же нередко название оформляется графически со строчной буквы, что дополнительно усугубляет обидное звучание модифицированной номинации. Например:

(1) Гражданин №1 Митрич, *России любой расклад на руку. Если голландцы проголосуют за, то* ***гейропа*** *в перспективе получит еще геморроя в виде большого потока буйно-свидомитых гастарбайтеров. Проиграет или гейропа или окраина.* Politikus.ru, 18.03.2016.

Что касается онима *Украина*, то ведущими в модификации названия страны являются инвективные экзонимы *руина*, *Украдина*, *хохлостан*. Негативная политическая оценка, которая содержится в них, основана на восприятии государства как потерявшего свою независимость и самостоятельность, впавшего в глубочайший экономический кризис, в том числе из-за царящей в стране коррупции, как бы потерянного для цивилизации, погрузившегося в дикий национализм. Например:

(2) *Никогда* ***руина*** *не поднимется. Слишком много сект и независимых организаций работает на* ***руине****. Все нет и не будет* ***Украины****, будут только руины.* Politikus.ru, 08.11.2015.

---

[2] См. например предупреждение РИА Новости к форумцам:
Уважаемые посетители! Будьте аккуратны в своих комментариях. Согласно статье 5.61 часть 2 КоАП РФ, "Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, - влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от трех тысяч до пяти тысяч рублей; на должностных лиц - от тридцати тысяч до пятидесяти тысяч рублей; на юридических лиц - от ста тысяч до пятисот тысяч рублей
РИА Новости
Действует этическая цензура, в силу которой явная агрессия приводит к удалению комментария.

(3) Bazya *Седня в* ***Украдину*** *прилетает Виктория Нулланд, так что абсолютно ясно, что поступят новые инструкции и новые обещания. Очень вероятно возобновление войны* :(((Politikus.ru, 15.07.2015.

(4) Lexx Bereza *Первые результаты проводимых антинародных и антигосударственных реформ, экономическим блоком правительства во главе с ДАМ и частью ЕР в Думе и регионах. Необходимо вовремя осушить это болото, что бы не получился один из вариантов эуромайдана в* ***хохлостане***. Politikus.ru, 12.09.2017.

(5) Xodok *Я тоже не понимаю, чего эти все горе аналитики приплетают сюда Порошенко, он же просто петрушка, которым управляют,* ***на 404*** *нету самостоятельных политиков, есть только марионетки, причем эти марионетки настолько тупы, что не имеют никакого права слова, им сказали, они сделали, и все.* Politikus.ru, 21.01.2015

Сема уничтожения страны в оценке комментаторов, использующих экзоним 404 как модификацию онима Украина, как в в комментарии (10), базируется на интернет-сообщении „**Ошибка 404** – такая страница не найдена", при помощи которой Интернет сообщает пользователю о невозможности зайти на уже несуществующий сайт! Со своей стороны, употребление онима *хохлостан* говорит о том, что автор комментария не принимает политику государственного руководства Украины, считая, что она удаляет страну от традиционных ценностей демократии, приближая ее тем временем к недемократическим в стереотипном представлении восточным режимам.

Подобную аллюзию, но уже с оттенком собственной вины России в потере дружеских раньше стран, улавливаем в следующем комментарии:

(6) Штирлиц *Все страны, что кушают "печеньки " из рук госдепа , ждет та же, участь, что постигла* ***руину****...* ***Проебалтика*** *– следующая .....ВСЯ !!!* Politikus.ru, 24.02.2015.

Особую активность проявляют российские участники форумных дискуссий при номинации США. В текстах комментариев оним США заменяется такими инвективными обозначениями, как *Пиндосия*, *Пиндостан* или *СШП* (Соединенные Штаты Пиндосии), содержащими словообразовательный формант *пиндос*-. Насчет этимологии форманта существуют различные версии. Согласно первой из них, слово происходит от греческого Πίντος, распространенное в Северном Причерноморье и Приазовье с XIX века бытовое прозвище местных греков, которое со временем стало употребляться в функции инвективного экзонима. В Национальном корпусе русского языка представлены ряд употреблений этого экзонима в произведениях А. П. Чехова, Ф. Искандера, К. Паустовского, А. Куприна. В БАС фиксируется существование слова «пиндос», а его значение определяется как устаревшее, просторечное «презрительное название грека». Вторая версия, отраженная российскими СМИ и представленная в Википедии, связывает происхождение форманта с армейским сленгом российских подразделений миротворческих сил ООН в Косово. В этой версии экзоним *пиндос* объясняется или близостью со словом испанского происхождения pendejo ("идиот"), или с сербским и хорватским словом *пендос* („пингвин“), чья отрицательная коннотация основывается на представлении о неуклюжем виде американских миротворцев, скованных в движениях своей тяжелой экипировкой. Согласно третьей версии, все эти формы являются звуковым обыгрыванием слова «Пентагон»: Пентагон – Пиндагон – Пиндостан – Пиндосы. Приведем в качестве примера следующие употребления:

(7) *Мы должны обращаться к традиционным человеческим ценностям, показывать моральность действий России и аморальность* ***пиндосии*** *и Гейропы.* Politikus.ru, 26.08.2014.

(8) №1 vowaka *Воду возят и крупу носят. Нет ничего смешней обижулек* ***пиндосов***. Politikus.ru, 07.11.2014.

(9) №6 wert.sas *пиндос+мудак=чистопородный америкос*. Politikus.ru, 08.11.2014.

Отрицательная оценка американской, и в целом англосаксонской, модели демократии приводит к появлению другой яркой метаморфозы названия страны – *ФША* (Фашисткие штаты Америки), а также экзонимов *америкосы*, *наглобриты* и окказионализма *дерьмократия.*

(10) ***СШП*** *напоминают старуху Шапокляк. Этакие гнусные пакостники из подворотни, которые в итоге сами обламываются и еще и огребают. Жалкие, ничтожные* ***американишки***... Politikus.ru, 27.10.2016.

(11) *Предложите повиниться* ***наглобритам*** *или* ***ФША****, вплоть до начала войны поставлявшим Гитлеру вооружение по лендлизу. Или такое "методичкой" не предусмотрено? Хотите поспорить на исторические темы? Боюсь, не потянете.* РИА Новости, 21.03.2015.

Остается надеяться, что со временем человеческий разум, человечность и стремление сохранить жизнь на земле приведут к исчезновению условий появления инвективов рассматриваемого типа.

Литература

1. *Войскунский А. Е.* Метафоры Интернета. // Вопросы философии, № 11, 2001. С. 64–79.
2. *Jenkins Henry*. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press. 2006. p. 308.
3. *Петкова-Калева Ст.* Номинация как форма выражения политической оценки (на материале форумов болгарских on line изданий) // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistika Rossica. Т.9. Лодз, 2013. С. 43–57.
4. *Петкова-Калева Ст.* Прецедентните феномени във виртуалния политически дискурс" // XX Епископ- Константинови четения „Памет и спомен". Т. 19, 2013. С. 38–51.
5. *Петкова-Калева Ст.* Прецедентные феномены в виртуальном политическом дискурсе болгарских интернет-форумов // Filologie Rusa, №2, Editura universitatii din Bucuresti, 2014. С. 189–211.
6. *Петкова-Калева С.* Грамматические маркеры политической оценки в наивном политическом дискурсе форумных комментариев // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica 14, 2017. С. 205–214.
7. *Тоффлер Э.* Третья волна (The Third Wave, 1980). Москва: АСТ, 2010. 784 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СЕРВИСА И ТУРИЗМА

Ризова Теодора
Новый болгарский университет, Болгария
tedirizova@mail.bg

PROFESSIONAL RUSSIAN LANGUAGE OF SPECIALISTS IN THE FIELD OF SERVICE AND TOURISM

Rizova Teodora
New Bulgarian University, Bulgaria

Abstract: *The main form of communication in the tourism industry is the dialogue. Success in the form of professional interaction is possible through the ability and the nature of the initiative in the communication over time in the tourist service: professionally present on the information, which is of interest for the client, the response to the questioning, the davan is clear and the excuse is unclear; the maximum is the principle of cooperation and the principle of courtesy, koito represent the communicative code on the essay on social-cultural services and tourism.*

Key words: *professional language, tourism industry, intercultural communications.*

Для того чтобы определить, какие именно профессиональные навыки и умения необходимо формировать в процессе языковой подготовки, и, соответственно, содержание и методику обучения иностранным языкам будущих специалистов по сервису и туризму, необходимо, в первую очередь, учитывать лингвистические особенности профессионального общения в данной области.

Туристская индустрия – «совокупность гостиниц и иных средств размещения, средств транспорта, объектов общественного питания, объектов и средств развлечения, объектов познавательного, делового, оздоровительного, спортивного и иного назначения, организаций, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность, а также организаций, предоставляющих зкскурсионные услуги гидов-переводчиков» [1, с. 24].

Исходя из данного определения, понятно, что будущий специалист по сервису и туризму может быть потенциальным работником службы приема и размещения гостиничного комплекса, туроператором, турагентом или гидом-переводчиком.

Одним из важных показателей профессионализма специалиста сферы сервиса и туризма является высокий уровень владения иностранными языками. В этой связи целесообразно рассмотреть особенности профессионального речевото общения и лексических норм, составляющих специальный язык представителей данной сферы.

Понятие «специальный язык» требует некоторых предварительных пояснений и, прежде всего, ответа на вопрос о том, какие конкретно ситуации актуализируют использование функционального языка. Главная из них, безусловно, – ситуация общения в пределах специальной сферы. Специальная тематика, специальные цели беседы побуждают специалистов переходить на профессиональный язык, который в меньшей степени связан с национальной принадлежностью его носителей и не должен зависеть от общественно-зкономической формации, идеологии и мировоззрения.

Требует выяснения и вопрос о том, кто является носителем специального языка и каковы его неотъемлемые качества. Самая общая черта коммуникации на данном языке сводится к тому, что общение осуществляется по системе человек – человек. Зто человек, профессионально работающий в конкретной области знания. Иными словами, основным необходимым качеством носителя данного языка становится профессионализм, который требует владения понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности и соответствующей ему системой терминов.

Владение языком для специальных целей – явление вторичного характера, поскольку его носители изначально должни бьть носителями национального литературного языка. Поэтому, прежде всего, речь представителя определенной профессиональной сферы должна соответствовать речевим нормам, составляющим культуру речи. *Речевой нормой* называется совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации. Языковое явление считается нормативным, если оно характеризуется такими признаками, как:

1) соответствием структуре языка;

2) массовой и регулярной воспроизводимостью в процессе коммуникации;

3) общественным одобрением и признанием [2, с. 43].

Знание речевых норм является основой культуры речи человека. Культура речи человека играет важную роль в процессе речевой коммуникации, в одну из задач которой входит желание произвести хорошее впечатление на собеседника, т.е. позитивная самопрезентация.

Культура речи – это «владение нормами устного и письменного литературного языка (правилами произношения, ударения, словоупотребления, грамматики, стилистики), а также умение использовать выразительные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи» [3, с. 247]. Другими словами, культура речи – это умение правильно говорить и писать, а также умение употреблять слова и выражения в соответствии с целями и ситуацией общения. Таким образом, выделяются два показателя, или критерия, культури речи – правильность и коммуникативная целесообразность. Но этими критериями культура речи не ограничивается. Другими критериями культури речи, определенными еще с древнейших времен, являются: точность, логичность, ясность и доступность, чистота, выразительность, разнообразие, эстетичность, уместность [4, 5].

Очень важным для представителя сферы сервиса и туризма является знание этических норм, которые воплощаются в специальных этикетных речевых формулах и выражаются в высказываниях целым ансамблем разноуровневых средств: как полнознаменательными словоформами, так и словами неполнознаменательных частей речи (частицами, междометиями) [6].

Этикетные формулы, фразы к случаю – важная составная часть коммуникативной компетенции; их знание – показатель высокой степени владения языком. Более того, подобные этикетные формулы выполняют *контактоустанавливающую,* или *фатическую* функцию общения, основная ситуативно-целевая задача которой – говорить, чтобы высказаться и встретить понимание [7, 8].

Определим некоторые специфические черты профессионального подъязыка, которым оперирует специалист сферы социально-культурного сервиса и туризма.

В целом, язык специалиста по сервису и туризму остается тем же национальным литературным языком, но в профессиональном узусе он редуцируется, насыщается специальными словами и выражениями, использование которых предполагает тот же профессионализм, т.е. компетентность. Набор средств выражения в сфере специальной лексики столь разнообразен, что не может быть представлен исключительно лингвистическими единицами. Однако основу его составляют вербальные средства (слова, словосочетания, фразеологические единицы). Именно поэтому представляется целесообразным остановиться на них более подробно. Как и всякое массовое средство выражения, вербальные средства имеют тенденцию к формированию некоего ядра (центра), составляющего основной наиболее функционально нагруженный лексико-семантический фонд, и периферии, роль которой существенно иная, но не менее значимая.

Специальный словарь основного лексического фонда, естественно, представлен терминологией, которая помимо собственно номинативного терминологического пласта (выраженного, как правило, именами существительными) содержит терминированные слова, выраженные и другими частями речи (термины – глаголы, прилагательные, наречия) [9, 10]. Периферию лексики составляют те языковие средства, которые присутствуют в специальной речи как общеупотребительные, но, тем не менее, присущие именно этой сфере деятельности.

Основной лексический фонд работников службы приема и размещения гостиничного комплекса представлен следующими словами и выражениями:

А) Обозначение типов гостиниц (Человек, не являющийся представителем сферы сервиса и туризма, обычно для обозначения комплекса, предоставляющего туристам услуги проживания, использует слово «гостиница». Однако у работников специальной сферы существует четкая градация в обозначении того или иного типа гостиницы):

Гостиница при аэропорте – airport hotel – hotel de l'aeroport

Загородная гостиница – inn – auberge

Международная гостиница – international hotel – hotel international

Курортная гостиница – resort hotel – hotel de station balneaire и др.

Б) Обозначение гостиничных служб (обычно данные обозначения встречаются, в основном, в гостиничных комплексах):

Закуски и напитки – food and beverage department – service boissons et restauration

Служба носильщиков – hall porter's department – service de porteurs

Служба уборки – housekeeping department – service de l' hotel и др.

В) Обозначение типов комнат (у специалистов сферы сервиса и туризма также существует четкая градация для обозначения типов гостиничных номеров):

Одноместный номер – single room – chambre pour une personne (chambre simple)

Соседние / смежные комнаты – connecting / adjoining rooms – chambres voisines / chambres communicantes

Семейный номер – family room – chambre pour une famille

Номер-люкс – suite – suite и др.

Г) Резервирование и регистрация:

Журнал регистраций – reservation diary – registre de l' hotel

Регистрационная карточка – registration card – fiche de voyageur

Заполнить формуляр – to fill in a form – remplir le formulaire и др.

Словарь составлен по материалам, представленным в учебном пособии [см.11].

Лексика, которую можно отнести к периферийной, может быть представлена следующими средствами выражения:

Резервировать – to make a reservation – reserver

Подтвердить заказ – to confirm a reservation – confirmer une reservarion

Снимать номер – to rent a room

Регистрация – check-in – enregistrement и др.

Лексическое ядро подъязыка, используемого представителями туристических фирм, может быть представлено следующими словоформами:

Туристская индустрия – tourist industry – industrie du tourisme

Социальный туризм – social tourism – tourisme social

Туризм внутренний – internal tourism – tourisme interieur

Таймшер (система владения клубным отдыхом) – time-share

Таймшер-неделя – time-share week

Красный сезон (пик сезона) – red season – saison rouge и др.

К периферийным компонентам подъязыка можно отнести следующие:

Турист – tourist – touriste

Оздоровительный курорт – health resort – station de cure
Климатический курорт – climatic resort – station climatique
Путешествие – traveling – voyage
Средства обслуживания, удобства – facilities – facilites и др.

Что касается лексики, характерной для профессиональной деятельности гида-переводчика, она, прежде всего, служит для описания исторических и культурних достопримечательностей какого-либо объекта, поэтому базовыми лексическими единицами этого профессионального подъязыка будут следующие:

Достопримечательности – attractions – curiosites
Памятник – monument – monument
Искусство – art – art
Культура – culture – culture
Дворец – palace – palais и др.

Отметим, что деление лексики на три разные подгруппы, характеризующие профессиональный язик представителей гостиничной службы, туристических агентств и гида-переводчика, весьма условно, поскольку, как било сказано, это три взаимодополняемые составляющие огромной туристской индустрии. Конечно же, языковие средства, используемые в профессиональной речи специалистами сферы сервиса и туризма, не ограничены перечисленными выше словами и выражениями, однако рамки данной статьи не позволяют представить лексический пласт подъязыка представителя данной сферы в полном объеме.

Исследовав лингвистические особенности подъязыка специалиста по социально-культурному сервису и туризму, обратимся к рассмотрению экстралингвистических факторов, характеризующих профессиональный язык этой сферы.

Как известно, основная форма общения представителя сферы сервиса и туризма – это диалог, т.е. процесс взаимного общения, когда реплика сменяется ответной фразой и происходит постоянная смена ролей [5].

Речевое поведение каждого участника диалога можно разбить на такты: один такт – речь, другой – молчание. Эти такты постоянно сменяют друг друга, что позволяет считать диалог ритмическим процессом. Это означает, что специалист сферы сервиса и туризма, имея високий уровень инициативности и коммуникабельности, добьется большего профессионального успеха, нежели его молчаливий безынициативный коллега.

Если в коммуникативном взаимодействии представителя гостиничной службы или турагенства и клиента инициатива переходит к последнему, вновь стать инициатором общения возможно посредством изменения коммуникативной тактики, используя инициативные реплики. Например:

Насколько я понял (-а) – As far as I understood
Да, Вы правы, однако... – You are right, but...
Итак, вы хотели бы – So, you would like.
Если хотите, я могу вам предложить другой номер (тур) – If you want I can propose you another room (tour).

Важным компонентом профессионального речевого акта является адресат, партнер по коммуникации.

Психологические и социальные особенности статуса отправителя речи и адресата позволили исследователям выделить в качестве самостоятельных интерпрофессиональную и интрапрофессиональную коммуникацию [10].

Проанализировав специфику деятельности работника социально-культурного сервиса и туризма, мы выяснили, что его основным партнером является клиент, т.е. адресат, партнер по коммуникации, не специалист в области сервиса и туризма.

Следовательно, профессиональное общение представителей сферы сервиса и туризма осуществляется, в большей части, в условиях *интерпрофессиональной коммуникации,* представляющей собой речевые акты, в которых профессиональные роли коммуникантов не совпадают [10, с. 32]. Этот факт будет определять еще одну особенность профессионального общения специалиста по сервису и туризму – наличие большого количества вопросов со стороны адресата – клиента, с целью уточнения каких-либо моментов, связанных с референцией. Например, клиент, желающий снять номер в гостинице, захочет уточнить, что представляет собой номер-люкс, или каким образом можно связаться со службой уборки и т.д.

Клиент туроператора, желающий совершить туристическую поездку, непременно будет задавать вопросы, связанные с организацией и условиями путешествия.

Гиду-переводчику будет задана масса вопросов, касающихся той или иной исторической или культурной достопримечательности.

Таким образом, в процессе коммуникативного взаимодействия специалиста сферы сервиса и туризма и клиента происходит совместное решение определенной задачи, связанной с удовлетворением потребности клиента в гостиничном комплексе, турагентстве или на зкскурсии [7]. Исследовав лингвистический аспект профессиональной деятельности специалиста по сервису и туризму, нам представляется необходимым сделать следующие выводы.

Основу профессионального языка представителя этой сферь составляет литературный язык, с характерными для него речевыми нормами. Знание речевой этики, предполагающей употребление определенных этикетных формул, способствует установлению контакта с клиентом, что положительно влияет на дальнейшие взаимоотношения фирмы и клиента. Лексический пласт подъязыка специалиста сферы сервиса и туризма представлен словоформами, обозначающими объекты профессионального общения (гостиница, туризм выездной, достопримечательности и пр.).

Основной формой речевого общения представителя сервисной деятельности является диалог в условиях интерпрофессиональной коммуникации, в ходе которого реализуется информативная функция общения. Успех в подобном виде профессионального взаимодействия достигается с помощью умения брать инициативу в общении на себя: профессионально представить интересующую клиента информацию, быстро реагировать на поставленный вопрос, давать четкий исчерпывающий ответ, т.е. следовать максимуму принципов кооперации и принципам вежливости, составляющим коммуникативный кодекс сферы социально-культурного сервиса и туризма.

Литература

1. *Сенин Б. С.* Организация международного туризма. М.: Финанси и статистика, 2000.
2. *Голуб И. Б.* Русский язик и культура речи: учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 432 с.
3. Лингвистический знциклопедический словарь. М., 1990.
4. *Голуб И. Б., Розенталь Д. Э.* Секрети хорошей речи. М.: Международние отношения, 1993. 456 с.
5. *Гойхман О. Я., Надеина Т. М.* Основи речевой коммуникации: учебник для вузов; под ред. проф. О. Я. Гойхмана. М.: ИНФРА-М, 1997. 272 с.
6. *Формановская Н. И.* Речевой этикет и культура общения. М., 1989. 387 с.
7. *Бороздина Г. В.* Психология деловото общения: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2000. 224 с.
8. *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: учеб. пособие для университетов и институтов. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
9. *Денисов П. Н.* Лексика русского язика и принципи ее описания. М., 1980. 346 с.
10. *Гарбовский Н. К.* Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // Функционирование системи язика и речи. М., 1989. С. 30–42.
11. *Adamson D.* International Hotel English. Communicating with the international traveller. Prentice Hall International English Language Teaching, Prentice Hall Europe, 1997.

ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ В КОРПОРАТИВНОМ ДИСКУРСЕ

Ромашова Инна
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Россия
romashova.inna@gmail.com

DISCOURSE TECHNOLOGIES OF LEGITIMIZATION IN CORPORATE DISCOURSE

Romashova Inna
Omsk State University F. M. Dostoevsky, Russia

Abstract: *The article refers to the discursive practices and technology of legitimation used in corporate discourse. Under the legitimation the author means the use of special speech practices which provide a positive attitude of target audiences to the activity of a corporation. Discursive technology, according to the author, is the use of a sequence of speech practices which provide a planned cognitive-perlocutionary effect.*

Key words: *corporate discourse, discourse practice, discourse technology, legitimation.*

Обоснование проблемы. Для успешного функционирования в обществе социальным институтам необходимо позитивное отношение целевых групп к их деятельности. Такое отношение специалисты гуманитарных наук обозначили термином «легитимность» (англ. legitimacy), а процесс и технологии получения одобрения масс носят название «легитимация» (англ. legitimation).

Среди форм и процедур легитимации особое место социологи и философы отводят ее текстовым репрезентациям [12]. В лингвистике системное изучение дискурсивных практик легитимации осуществляется с конца 90-х гг. XX в. в работах специалистов направления «критический анализ дискурса» (CDA) [11–15]. Т. А. ван Дейк считает, что легитимация является «значимой функцией использования языка и дискурса» [15, с. 256] и понимает под легитимацией различные дискурсивные практики оправдания власти и оправдания ожиданий общества по отношению к властным институтам [12, с. 260]. В работах Т. ван Лейвена [13] и его коллег (Р. Саддаби, Р. Гринвуд, Е. Ваара, Дж. Тьенари, Р. Водак, Р. Бриз) вводится понятие «дискурсивная легитимация» (discursive legitimation), выявляются риторические стратегии управления впечатлением, которые используются в этом процессе [14; 15, с. 985]. Среди дискурсивных практик легитимации Р. Бриз называет, прежде всего, PR-жанры [11, с. 6]. Отметим, что в работах специалистов CDA дискурсивные практики не всегда четко разграничиваются с анализом практик социальных. В этом смысле легитимация как дискурсивный процесс и механизм требует дальнейшего исследования, в том числе на материале русского языка.

Автор настоящего исследования выдвигает гипотезу, согласно которой обеспечение позитивного отношения целевых аудиторий к деятельности социальных институтов, одним из которых является корпорация, представляет собой дискурсивную технологию (ДТ). Целесообразность изучения легитимации как дискурсивной технологии определяется универсальным характером процесса легитимации, который охватывает все большее число общественных институтов и их дискурсов. Кроме того, процесс легитимации технологизируется PR-специалистами и осуществляется с помощью вполне исчислимого набора дискурсивных средств.

Под **дискурсивной технологией** легитимации мы понимаем применение дискурсивных и социальных практик по разработке и внедрению легитимирующих текстов, последовательная реализация которых должна обеспечить запланированный когнитивно-перлокутивный эффект.

Методика исследования. Методика реконструкции дискурсивной технологии (ДТ) легитимации включает два этапа. На первом этапе с помощью лингвокогннитивного и прагмастилистического анализа текстов реконструируется когнитивно-перлокутивный эффект легитимации – то позитивное отношение целевых аудиторий к организации, которое в работах дискурсологов разных гуманитарных наук обозначено термином «легитимность». На втором этапе путем лингвостилистического анализа текстов легитимации и через изучение работ специалистов по менеджменту, пиарологов, журналистов восстанавливается последовательность дискурсивных практик по созданию и внедрению легитимирующих корпоративных текстов. В целом методику реконструкции ДТ легитимации можно обозначить как комплексный прагмастилистический и лингвокогнитивный дискурс-анализ.

Материал исследования. Изучение ДТ легитимации проводится на материале текстов корпоративного дискурса (КД). К жанрам, обеспечивающим легитимацию, нами отнесены PR-тексты (клятва верности компании, благодарность, отзывы и поздравления от имени сотрудников и потребителей, корпоративные гимны), а также официально-деловые тексты, закрепляющие данные дискурсивные практики в качестве институциональных.

Изучение КД показало, что в его текстах конструируется коммуникативная ситуация позитивного восприятия корпорации целевыми аудиториями («sense of legitimacy»), которое планирует получить субъект легитимации (корпорация). В конструировании названной ситуации задействованы две ключевые речевые стратегии. Первая направлена на создание образов целевых аудиторий, лояльных по отношению к корпорации. Вторая заключается в создании образа-имиджа самой организации, который способен вызвать позитивный отклик общественности. То есть дискурсивному конструированию подвергаются и субъект, и адресат корпоративной коммуникации.

В КД конструируется два адресата легитимации: образ внутренней аудитории (сотрудников) и внешней (потребителей). Анализ показывает, что «легитимирующий» проявляет себя в определенных речевых тактиках и жанрах. Внешний адресат – потребитель – (1) позитивно отзывается о деятельности корпорации, (2) благодарит ее за предоставленные товары, услуги, (3) поздравляет корпорацию с праздниками и со знаменательными датами, (4) пишет «письма поддержки». «Внутренний» адресат – сотрудники – делает практически то же, но еще (5) клянется компании в верности, (6) восхваляет корпорацию в гимнах.

Так, актуальным жанром легитимации является «**отзыв потребителей**»: *Светлана* (31.08.2016 в 16:54) *Впервые заказала пуховое пальто дочке. Посылка пришла очень быстро. Качество отличное. Вместе с тем хочется отметить адекватность цены. Теперь будем заказывать всей семье* (Отзыв на сайте компании. URL: http://www.ohara.su/about/reviews/).

Вторым легитимирующим жанром является «**благодарность**»: *Евгений (16.03.2016) Хочу выразить огромную* ***благодарность*** *директору магазина Анастасии, которая проявила чудеса клиентоориентированности ...* Благодарность корпорации выражают и сотрудники: *Первый день открытия магазина был полон улыбок и комплиментов в адрес магазина и сотрудников. Многие покупатели заходили со словами: «Спасибо, что вы открылись!!!» Мы же, в свою очередь, хотим выразить искреннюю благодарность всему руководству Компании «Красный куб»»* (корпоративный журнал «Красный куб», 2008).

Легитимирующий эффект имеет также жанр **поздравления**: *Слов и комплиментов не жалеем: От души, отчаянно любя, Банк, мы поздравляем с юбилеем славного, огромного тебя! Вероника* (из раздела сайта «С 90-летием банка поздравляют клиенты», 2012); *Мой любимый университет... мой второй дом! Поздравляю с*

замечательным событием! <…> Студент. Легитимирующий эффект обеспечивается содержанием поздравления, включающим позитивную оценку корпорации. К жанрам легитимации относим **письма поддержки** в адрес корпорации и ее представителей.

На Рис. 1 представлен скан писем поддержки работников в адрес директора НПО «Мостовик» О. Шишова (2016, г. Омск).

Рис. 1. Письма поддержки

2 · 29 сентября 2016 г. в 1:40

Управление

William Devletkildeev ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ!!! вы – скала!!! вы – разум и мысль. Держитесь! Вы человек – особой касты. Очень рад что встречался с вами,...

В подобных письмах используются глаголы, отражающие речевые и ментальные действия легитимирующего: *поддерживать, доверять, верить, одобрять*.

К традиционным жанрам легитимации относим **клятву верности компании**: *Вступив в ряды сотрудников Магазина «Х», перед лицом своих товарищей торжественно клянусь: 1. Каждый покупатель для меня – Ценность, <…> 6. Клянусь поздороваться, улыбнуться и быстро обслужить покупателя на кассе. Верность этой присяге клянусь пронести через всю свою жизнь!* (*Клятва Сотрудника Магазина, 2017*. URL: //https://pikabu.ru/story/kogda_ponimaesh). «***Клянусь*** *свято чтить Пять принципов, пять стратегий успеха нашей компании.* ***Клянусь*** *придерживаться этих принципов во всех моих делах и поступках!*» (Edelstar, 2015. URL://https://yandex.ru). Потенциал легитимации жанра клятвы определяется высокой оценкой организации, выраженной с помощью суперлятивов, оценочной лексики, сравнительных конструкций (*родная компания, компания № 1 в мире*); описанием позитивных чувств, которые испытывает апологет по отношению к корпорации *(верность*, *любовь*, *гордость, радость* и пр.). И, наконец, выражением готовности претерпевать санкции в случае нарушения клятвы (*Пусть ругают меня и заставляют 1000 раз пересказать эту клятdy каждому покупателю моего магазина!).* Таким образом, ситуация легитмации была нами реконструирована в виде фрейма, слотами которого выступают: (1) адресаты легитимации (внутренняя и внешняя аудитории); (2) речевые действия адресатов легитимации (благодарность и др.); (3) чувства адресатов легитимации (гордость за корпорацию и пр.). Эти чувства с речевыми действиями позволяют описать **легитимность как определенный когнитивно-перлокутивного эффект** (в виде особого отношения субъекта легитимации (целевых аудиторий) к ее объекту – корпорации).

Дальнейший анализ предполагал реконструкцию ДТ легитимации. В данной статье реконструкция ДТ легитимации проведена на примере разработки и применения текстов корпоративных **гимнов**. Реконструкция проводилась с опорой на экспертные мнения PR-практиков [7; 8], журналистов [2; 3], лингвистов [1; 4–6], изучавших этот жанр и принимавших участие в его разработке.

ДТ легитимации включает, прежде всего, практики создания легитимирующих текстов. Такие практики заключаются в выборе подходящего жанра и в применении таких средств речевого воздействия, которые обеспечили бы положительное отношение аудитории. Применительно к корпоративному гимну важен сам факт использования именно этого жанра. Заимствованный из государственного дискурса, гимн, благодаря ассоциации с таким мощным институтом, как государство, призван создать необходимое позитивное отношение к компании. Далее копирайтерами применяются речевые стратегии и тактики, языковые средства, обеспечивающие легитимирующий эффект. Для гимна такими дискурсивными практиками являются

стратегия гиперболизации (создание образа корпорации, достойной уважения и почитания) и уже рассмотренная ранее стратегия формирования образов легитимирующей аудитории.

На следующем этапе применяются **ДТ операционального типа**, связанные с производством и применением гимнов. Основной практикой легитимации, во многом определяющей ее успех, является участие корпорантов в разработке текста гимна: «Сам процесс коллективной работы над гимном дает консолидирующий эффект» [10]. В корпорациях проводятся конкурсы среди сотрудников на лучший гимн, результаты конкурса освещаются на сайтах и в корпоративных изданиях компаний. Завершается этап разработки презентацией созданного гимна: *Во время праздничного собрания, посвященного Международному женскому дню, в Главном управлении Пенсионного фонда Украины прошла презентация гимна Пенсионного фонда* (reporter-ua.com. 06.03.2010). Презентация гимна, его публичное одобрение представляют собой дискурсивную и социальную практику легитимации.

Гимн должен стать необходимой частью его обрядов и ритуалов компании. С этой целью в организациях применяются дискурсивные практики, которые мы назвали «практиками **ритуализации**»: в приказах, корпоративных кодексах, в «Положении о корпоративном гимне» определяются ситуации, в которых звучит гимн (*В компании БФК также планируют сделать гимн обязательной частью всех корпоративных мероприятий, разместить текст на внутреннем сайте, напечатать в корпоративной газете и транслировать по корпоративному радио* (Информационный портал для бизнеса «Эпиграф». 2008. 11.10)). Типичной дискурсивной практикой стало исполнение корпоративные гимнов на торжественных мероприятиях, при поднятии флага, на спортивных соревнованиях [13, с. 567].

Выводы. Изучение дискурсивных практик КД подтвердило гипотезу об актуальности процесса легитимации для корпоративного дискурса русского языка. Анализ показал, что в КД существует достаточно большое число жанров, стратегий и тактик, назначение которых состоит в обеспечении позитивного отношения сотрудников и др. целевых аудиторий к деятельности корпораций. На примере КД была апробирована методика анализа дискурсивных технологий. Легитимирующий эффект обеспечивается благодаря ДТ производства и применения данных текстов. Были выделены два вида ДТ: ДТ конструирования и ДТ операционального типа. В целом изучение практик легитимации КД подтвердило выдвинутую гипотезу о ДТ как об алгоритмизованном процессе создания и применения текстов, благодаря которому обеспечивается запланированный дискурс-технологом эффект легитимации.

Литература

1. *Белкова Т. А.* О полидискурсных схождениях жанровых характеристик гимна // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. Вып. 10. С. 229–232.
2. *Владыкина Т.* Почему вредно петь корпоративные гимны // Российская газета. 2007. № 4343 от 17.04.
3. *Егошин Е.* Нам песня строить и жить помогает, 2002. URL: http://www.comsibpress.ru/08/02/2002/society/57360 (дата обращения: 06.11.2008).
4. *Золотова В. А.* Объективация и динамика концептов в российских гимнах: дисс. … канд. филол. наук. Вологда, 2011. 255 с.
5. *Зотеева Т. С.* Государственный гимн как жанр политического дискурса // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 133–143.
6. *Найден Е. В.* Комплексный анализ гимна университета в аспекте научно-образовательного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. Вып. № 9–2 (27). С. 138–141.
7. *Николаева З.* 10 корпоративных гимнов, 2011. URL: //http:// https://republic.ru/business (дата обращения: 12.03.2011).

8. *Самгин А.* Корпоративная «Марсельеза», 2008. // Сайт радиозавода им. А. С. Попова. URL: http://www.relero.ru/press/16971 (дата обращения: 23.12.2009).
9. *Скиперских А. В.* Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве: дисс … докт. политич. наук. Воронеж, 2007.
10. *Трошина Н. Н.* Коммуникативные жанры символического менеджмента в современном российском деловом дискурсе: корпоративные гимны // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 6 (717). С. 561–570.
11. *Breeze R.* Legitimation in corporate discourse: Oil corporations after Deepwater Horizon // Discourse & Society. 2012. URL: //http://das.sagepub.com/content/23/1/3 (дата обращения: 04.06.2013).
12. *Dijk T. Van.* Ideology: A Multidisciplinary Approach. London, Thousand. Oaks and New Delhi, Sage Publications, 1998.
13. *Leeuwen van Th.* Discourse and practice: New Tools for Critical Discourse Analysis. Oxford; N. Y.: Oxford University Press, 2008.
14. *Saddaby R., Greenwood R.* Rhetorical Strategies of Legitimacy // Administrative Science Quarterly. 2005. P. 35–67 // URL: //https://www.ualberta.ca/business/roysuddaby/Research/ (дата обращения: 12.08.2008).
15. *Vaara E., Tienary J.* A discursive perspective on legitimation strategies in multinational corporation // Academy of Management Review. 2008. Vol. 33. № 4. P. 985–993.

ДИНАМИКА ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ КОНТЕНТЕ

Свитич Луиза
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
Svitichb@yandex.ru

DYNAMICS OF VALUES IN THE RUSSIAN TELEVISION CONTENT

Svitich Luiza
Lomonosov Moscow State University, Russia

Журналистика, будучи мощным информационным фактором воздействия на общество, может влиять на него как позитивно, так и негативно, деструктивно. Естественно, что проблема ценностей обостряется во время социальных потрясений и кризисов, переходного, неравновесного, хаотического, катастрофического состояния социума, когда преобладают разрушительные процессы, девальвируются нравственные ценности и человечество или страна стоит перед выбором значимой социокультурной модели.

В России процесс разрушения традиционных ценностей начался в 1990-е годы в связи с переменами в политическом строе, образе жизни россиян, культуре и СМИ. Исследование практики современной журналистики и результаты наших социологических исследований показывает, что СМИ, особенно телевидению, свойственен ценностный дуализм, который порой можно назвать ценностной неразборчивостью. Вместо мира и добрососедства нередко пропагандируем войны. Вместо взаимного уважения – агрессию и ненависть, вместо нравственных отношений – безнравственность, вместо гармонии духовных и материальных потребностей – безудержное восхваление потребительства, свободных сексуальных отношений и т.п.

К счастью, мы прошли период анархии, Россия возвращается к своим исконным ценностям. А корневые общенациональные ценности формировались веками и составляют становой хребет, ось, которая держит и сохраняет любую страны. Носителем базовых черт нации, ее ценностей является народ (от слав. *род),* связанная одинаковым происхождением и языком культурно-историческая общность людей, обычно проживающая на одной территории, население страны, часто связанное общим духовным состоянием, иногда говорят «ментальностью». Это общее народное, национальное чувство бывает так сильно, что даже в другой языковой и культурной, духовной среде человек чувствует себя представителем своего народа.

Ученые института этнологии и антропологии Российской Академии наук М. М. Громыко и А. В. Буганов, изучив огромный этнографический материал, приходят к выводу, что основа всех глубинных традиций народной жизни и массового сознания русских – православная вера: «Православие было великим достоянием народа, а не поверхностным явлением, навязанным, якобы, ему извне. Мы видим его непосредственно, открыто, явно – в уповании на бессмертие души, мощном пласте поминальной культуры; в хождениях со святынями в крестных ходах, понимаемых как могучая мера очищения, освящения земель и людей, источников и домов; в органичности национальному сознанию покаяния, самоосуждения, постижения понятия греха, готовности просить прощения и прощать и в умении осознанно предать себя воле Божией; в любовном, заботливом отношении к храму и его святыням и стремлении иметь в собственном доме, семье малую церковь; в массовом соблюдении поста с осознанной духовной целью; в широте распространения и многообразии форм

милостыни и понимании духовной ее сути»[1].

Далее авторы развивают свою мысль о том, что «традиционно в русском народе нравственное, уважительное отношение к семье, к целомудрию в отношениях полов, «резко осуждались прелюбодеяния, добрачные связи, убийство младенцев в утробный период. Надо сказать, что и сейчас, когда ведется активнейшая беззастенчивая пропаганда порока средствами массовой информации, значительная часть русских сохраняет неприятие навязываемых воззрений. Неуклонно растет число венчанных браков (при точке отсчета от советского времени), количество воспитываемых в вере детей»[2].

Действительно, по данным социологических исследований, более 60 % россиян относят себя к православным, хотя, конечно, у многих это только внешние проявления веры, а две трети молодых семей крестят своих детей. Народ России по происхождению своему, по традициям, по духу православный, хотя несколько десятков лет был отторгнут от православия. Однако совесть, основу веры, народ не потерял за годы советской власти и потому довольно легко возвращается к православной вере.

О корневых ценностях русского народа лучше всего судить по его пословицам. Пословица это образное, афористически краткое, ритмически организованное, грамматически и логически законченное изречение с поучительным смыслом, которое часто обладает не только прямым значением, но может быть применено к другим аналогичным ситуациям. Это продукт коллективного народного творчества, проверенный веками плод наблюдений над жизнью, сгусток полезных советов, народной мудрости, отражение сущностных, константных ценностей, норм и моделей поведения людей. Пословицы концентрируют, обобщают социально-исторический, трудовой, общинный, семейный, духовный опыт народа, отражают его мировоззрение, типизирует ситуации и учат, советуют, как поступать. Часто пословицы построены по принципу дихотомии: ценность-антиценность, хорошее-дурное, полезное-вредное, добродетель-грех.

Пословицы устойчивы, передают накопленный опыт, народную мудрость, систему ценностей последующим поколениям и в этом смысле ***являются межпоколенной ценностной коммуникацией.***

Для анализа ценностных доминант русского народа были проанализированы пословицы, которые собрал и опубликовал В. И.Даль[3]. Более 30 тысяч пословиц и поговорок систематизировано по смыслу. Мы исследовали методом частотного анализа 125 рубрик, которые имеют ценностный характер, затем объединили пословицы в более крупные смысловые кусты, которые составили четыре типологические категории.

В результате оказалось, что народная мудрость выстраивает весьма ***сущностную иерархию ценностей, моделей поведения***, как вековую копилку народного опыта, полезного для жизни народа и передачи потомкам (табл.1).

Таблица 1

Традиционные ценности русского народа в пословицах и поговорках, собранных В. И. Далем

ЦЕННОСТИ ОБЩИННОСТИ	**6155**
Ценность семьи, любовь верность, почитание старших	2177
Общинность, соборность, единство в многообразии, почитание	1803

[1] Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. Москва, 2000. С. 531.
[2] Там же
[3] Даль В. И. Пословицы русского народа, тт. 1–2. Москва, 1984.

традиций, осуждение раскола	
Патриотизм, уважение родины-рода-народа, языка	1290
Человек как член общности	885
ЦЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ, ТРУДА и ЕГО ПЛОДОВ	**5658**
Домовитость, близость к земле, природе	2354
Уважение собственности, трудового достатка, осуждение воровства, неправедного богатства	2162
Любовь к труду, ремеслу, осуждение праздности	1142
ВЕРОВАНИЯ, ВЕРА В ВЫСШИЕ СИЛЫ	**2803**
Страх Божий, кара за грехи	956
Вера в необычное, чудеса, приметы, гаданья	788
Православная вера	523
«Вселенскость», осознание своего места во Вселенной, подвластность стихиям	273
ДОБРОДЕТЕЛИ-ПОРОКИ	**15516**
Доброславие, осуждение зла, грехов, пороков (пьянства, беспутства, картежничества)	1895
Взаимопомощь, гостеприимство, хлебосольство	1611
Надежда на счастье, терпение к страданиям	1531
Уважение ума, толковости, осуждение глупости	1102
Стремление к сущности, употребление в языке сущностных понятий, противопоставлений	1099
Бережливость, запасливость, умеренность, осуждение мотовства, жадности	863
Стремление к ученью, наукам, просвещению	744
Отвага, смелость, упорство, осуждение трусости	654
Дружелюбие	553
Жизнелюбие, христианское отношение к смерти, осуждение убийства	476
Уважение праведной власти	421
Креативность, сосредоточенность, несуетность	400
Миролюбие, осуждение агрессивности, но готовность защищать правое дело	299
Чувство меры	299
Доброздравие	235
Смирение в противоположность гордыне, кротость	222
Способность веселиться, юмор, шутка	207
Динамичность, движение, дорога	187
Осторожность	178
Опрятность, осуждение внешнего щегольства	175
Законопослушность, суд, осуждение преступлений и лихоимства	110
Честь как ценность	87

Удивительным образом расположились на основе чисто статистических подсчетов основные характеристики и ценности русского народа: сначала ценности общинности, причем от самых близких – от семьи, через род к Родине.

Затем ценности труда и его плодов, уважение ремесла, трудолюбия, земли кормилицы и работы на ней.

Третий блок – это вера и православная, и остатки языческой, природной веры, традиции и праздники которой как бы сплавились с православными. Впрочем, присутствие Бога и православной веры в пословицах много больше, чем оказалось при выделении специальных рубрик, по которым типологизированы пословицы, потому что

и в других рубриках очень часто присутствует Бог. Подсчет показал, что от 2 до 10 % в разных рубриках присутствуют пословицы, в которых упоминается Бог и вера. Таким образом, если добавить 5 процентов подобных пословиц в общий блок по верованиям, в нем прибавится около тысячи пословиц, и он будет более весомым в общей структуре ценностей.

Но по степени частотности самое большое место (более 15 тысяч пословиц) занимают нравственные ценности или если говорить в терминах В. И. Даля: «добродетели и пороки», причем они, как правило сопоставлены, в одной пословице (Доброму и сухарь на здоровье, а злому и мясное не впрок. Лихо помнится, а добро век не забудется. Мудрость змеина, незлобивость голубина. Смелым бог владеет, а пьяным черт качает. Без дела жить – только небо коптить. Работе время, а досугу час. Смелому горох хлебать, а несмелому и щей не видать. Счастье без ума – дырявая сума).

В категории «добродетели-пороки» на первых местах утверждение добрых качеств и осуждение самых распространенных пороков: пьянства, беспутства, блуда. Весьма важными ценностями является гостеприимство, хлебосольство, трудолюбие, надежда на счастье, способность терпеть и по православному относиться к страданиям. Оказывается, большая ценность для русского человека уважение ума, стремление к познанию, просвещению. Из менее употребительных, но тоже часто встречающих в пословицах ценностей русский человек ценил бережливость, мужество, упорство, дружелюбие, жизнелюбие, миролюбие (при готовности защищать правое дело). Особо следует сказать о важности и частотности творческих, кретивных, творческих характеристик, а также динамизма, стремления к обновлению.

Ценности в структуре телеконтента

На основе ценностей, выявленных в ходе частотного анализа пословиц и поговорок В. И. Даля составлен кодификатор и проведен клип-контент-анализ основных каналов российского ТВ в 2002, 2008, 2013 и в 2018 годах. Проанализировано по1304 телефрагмента в каждом из исследований – всего 5 216.

Методика клип-контент-анализа состоит в том, что в течении 7 дней недели в различные временные отрезки с 8.00 до 24.00 и ведется последовательное переключение выбранных каналов и фиксируются фрагменты всех подряд передач, включая новостные, фильмы, рекламу и т.п.

Фрагмент удерживается в поле внимания до тех пор, пока не будет понята суть доминирующей идеи, ценности или характеристики. Затем кнопка переключается на следующий канал, как это часто бывает и в нашей практике телесмотрения: мы обычно сканируем каналы, пока что-то не остановит нашего внимания. Таким образом, каждый фрагмент фиксировался примерно полторы-две минуты. Были проанализированы основные, самые популярные у населения каналы (табл. 2).

Таблица 2

Объект исследования

Время иссле-дования	Число фраг-ментов	Каналы	Число каналов
2002 январь	1304	ОРТ, РТР, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ТВ-6, ЕвроНьюс	8
2008 март	1304	ОРТ, РТР, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ЕвроНьюс, «Звезда», «Домашний», СТС, МузТВ, ТНТ, ДТВ	13
2013 февраль	1304	ОРТ, Р-1, ТВЦ, НТВ, «Культура», РенТВ, ЕвроНьюс, «Звезда», «Домашний», СТС, ТНТ, Р-2, Р-24	13
2018	1304	Первый канал, Россия-1, НТВ, Пятый канал, ТНТ,	16

февраль		РенТВ, СТС, ТВЦентр, «Домашний», ТВ-3, «Звезда», Россия-24 «Россия Культура», Мир, ОТР, Спас.	
Всего	5216		

Первый клип-контент-анализ проведен в январе 2002 года и он зафиксировал исходное состояние телеконтента в нашем панельном исследовании (табл. 3).

Таблица 3

Традиционные позитивные характеристики и ценности – негативные характеристики и антиценности. Клип-контент анализ 2002 года

Традиционные характеристики и ценности русского народа *(Ранжировано по 2 столбцу)*	Число фрагментов	Число фрагментов	**Негативные характеристики, антиценности**
Стремление к порядку, правосудие	93	24	Разрушительтсво, анархия, хаос
Творческое отношение к жизни, самодеятельность	62		Рутинность, шаблонность
Жизнелюбие, оптимизм, юмор	59	47	Пессимизм, обреченность, мрачность
Любовь как духовное единение, целомудрие в отношении полов до брака	51	30	Блуд, прелюбодеяние, порок, ранние половые связи, аномальные отношения
Правдолюбие, правда, справедливость	42	7	Ложь, клевета, несправедливость
Добротолюбие, исповедование добра	38	8	Злоделие, поклонение злу
Патриотизм, любовь к отечеству, почитание предков, традиций, духовного авторитета	38	2	Безродность. антипатриотизм, историческое беспамятство
Инициативность, активность, состязательность	36		Пассивность, инертность, застой
Любознательность, стремление к познанию, тайны природы, необычное	34		Леность ума, нелюбознательность
Свободолюбие, мужество	33	3	Рабская безропотность, покорность, трусость
Выживаемость, здоровье	33	20	Обреченность, болезни
Православная духовность	30	6	Безбожие, оккультизм, культ ведьм, колдунов и пр.
Уважительное отношение к семье, нормальное детство	30	21	Раздоры и конфликты в семье, разушение семьи, исковерканное детство
Миролюбие, дружелюбие	26	92	Агрессивность, жестокость, убийство
Стремление к красоте	21		Дисгармония, уродство, несообразность
Связь с природой	20		Разрушение природы
Душевность, сердечность	18	8	Бездушие, черствость, бессердечие
Милосердие, прощение, терпимость	15	75	Безжалостность, нетерпимость
Соборность, общинность, народоправие	13	21	Разъединенность, раздробленность, индивидуализм
Человеколюбие, любовь к ближнему,	13	6	Человеконенавистничество, эгоизм, зависть

Трудолюбие	13	1	Леность, безделье
Созидательность, производство материальных ценностей	11	111	Превалирование потребительства, потребительская психология
Нравственность, стремление к благодати	10	5	Безнравственность, аморализм
Совестность, совесть, честность	8	5	Бессовестность, нечестность
Нестяжательство, щедрость	5	59	Стяжательство, жадность
Бережливость, запасливость	1		Расточительность, мотовство
Смирение, кротость, долготерпение			Гордыня, зависть
Итого	**753 57,7%**	**551 42,3%**	

Сопоставительный анализ позитивных характеристик и ценностей русского народа и негативных характеристик и антиценностей, транслируемых общенациональными программами российского телевидения в 2002 году, показал, что тогда не приходилось говорить о существенном превалировании позитивных свойств по принципу “золотого сечения” (то есть доминирования положительных тенденций над негативными примерно в два раза). Единственный канал, несущий гуманитарные ценности практически в своих передачах на то время был канал “Культура”. Самый большой процент антиценностей продемонстрировали частные каналы, главным образом, за счет показа агрессивных фильмов, в том числе, что особенно прискорбно, детских сериалов.

Общее процентное соотношение позитивных и негативных фрагментов в клип-контент-анализе 2008 года практически не изменилась, хотя изменилась структура различных характеристик. Общие результаты за 2002 и 2008 годы практически совпали 58 % в позитивной части таблицы и 42 % – в негативной.

Из положительных тенденций проявилось, что в контенте ТВ заметно превалировало жизнелюбие, юмор над пессимизмом, стремление к порядку и правосудие над анархией и хаосом, стремление к красоте и творческое отношение к жизни, инициативность, любознательность над рутиной, пассивностью и леностью ума. Это творческие, активное отношение к жизни конечно, не только исконная черта русского народа, но и яркая тенденция нашего динамичного времени.

Но, к сожалению, отчетливо и по восходящей в 2008 по сравнению в 2002 годом было заметно нарастание агрессивности, жестокости по сравнению с миролюбием и мирным решением конфликтов. Агрессивность, безжалостность в те годы просто захлестнули наше телевидение, даже в мультфильмах. Это был, безусловно, искаженный образ страны и ситуации в ней, и это вызывало страх и обреченность зрителей или привыкание к этому как к норме.

Другая пугающая тенденция – превалирование стяжательства и потребительства над созидательными тенденциями**,** производством материальных ценностей. Было такое телеощущение, что страна только потребляет, но не работает. Это конечно ложное представление – люди работали и очень интенсивно. Телекартинка же, показывая роскошную жизнь, пропагандируя, рекламируя ненасытное потребительское изобилие, воспитывала комплексы неполноценности из-за невозможности обладать этими богатствами и формировала чисто потребительские, а не созидательные цели.

Третья диспропорция телеконтента это ***превалирование блуда, порока, откровенной демонстрации секса, аномальных отклонений и пошлостей над показом нормальных чувств любви, как духовного единения, сохранения добрачного целомудрия и супружеской верности,*** как это принято в российской традиции (первое показывалось в 2008 году на ТВ в 2,5 раза чаще). Здесь действительно, очень велики

под влиянием перемен в стране и СМИ сдвиги в общественном представлении о сущности взаимоотношений полов, и большей, чем прежде, сексуальной свободе и раскрепощенности. От того времени, когда мужей возвращали в семьи при помощи парткома, до сегодняшней полной неразборчивости в отношениях полов лежит всего 30 лет.

Значительно больше в 2008 году зафиксировано телефрагментов, в которых заметно стремление к красоте. Но порой это двуглавый Янус: например, в МузТВ можно фиксировать красоту во многих фрагментах, но одновременно это очень откровенные сцены на сексуальные темы. Или реклама показывает красивые картинки, но одновременно формирует потребительскую психологию. И характерно, что контент ТВ как бы распался на две половинки, почти равноценных в 2008 году – красота и уродство, дисгармония, странные персонажи, жуткие обезображенные лица, хаотические разрушения и т.п., особенно это характерно для фильмов, в том числе некоторых мультипликационных. Вообще сочетание несовместимого – яркая черта постмодернизма, который конечно, сейчас прекрасно себя чувствует и в нашей жизни, и на нашем телевидении.

ТВ стало человеколюбивее, но к сожалению, в 2008 году не росло число публикаций, связанных с высокими нравственными качествами, добротой, правдолюбием, справедливостью (эта тема в то время колоссального расслоения и зримой социальной несправедливостью весьма непопулярна на ТВ), православной духовностью. Вообще о традиционном понимании православной духовности, которая пронизывала всю жизнь российского общества в прошлом, в телеобразе в 2008 году не приходится говорить, скорее мы видим абсолютно перевернутую, негативную картину. В 7 раз больше по сравнению с 2002 годом зафиксировано фрагментов, связанных с оккультизмом. Регулярно и весьма доброжелательно демонстрируются ведьмы и колдуны, рассказывается о технике приворотов и отворотов, вампирах, инопланетянах и т.п., причем этим грешат очень многие каналы.

Фрагментов о чувстве любви мужчины и женщины как духовном единении стало в два раза меньше, тогда как о блуде – напротив, в два раза больше, чем шесть лет назад. Например, на МузТВ – рейтинг мачо в юбках: об актерах, которые играли гомосексуалистов, женщин, трансвеститов с жуткими, антиэстетичными картинками. Ведущий сам называл этот юмор «туалетным».

Резко увеличилось количество фрагментов, демонстрирующих различные уродства и разрушения, пожары, катастрофы, бои, драки, взрывы, войны, убийства, вообще агрессивным поведением. Например, на ДТВ (теперь не существующем канала) в 2008 году активно пропагандировали «стрелялки» под рубрикой «захватывающие видеофильмы»: очень грубые, агрессивные с убийствами и кровью. Закадровые комментарии к сюжетам из фильмов: *«Сваливаются штаны, задница, застегни штаны покрепче», «Японские полицейские надрали преступнику задницу». «Они набрасываются на него, как рыцари на мясной фарш, и делают из него колету»* – это комментарий к тому, как полицейские берут угонщиков самолета. Спецназ развлекается. Устраивает облаву. И наблюдем очень жесткую расправу с бандитами: бросают их на пол, избивают в лицо до крови. Текст*: «В России задержать бандитов, это значит надавать им по морде».*

Как и в 2002 году, и даже более отчетливо, проявилось сильное доминирование агрессивности, жестокости по сравнению с показом миролюбия и мирного решения конфликтов – в 2002 году в 3,5 раза, а в 2008 – в 6, 2 раза.

Но, к счастью начались в те годы и положительные тенденции, которые в последующие годы укрепились. Меньше на ТВ стало пессимизма, обреченности, разъединенности, что отражает и динамичные тенденции в жизни: нация постепенно

консолидируется, становится человеколюбивее, сердечнее, милосерднее.

Заметно значительное превалирование позитивного ТВ-образа в государственных каналах ОРТ, «Россия», «Культура», «Звезда», ТВЦ. Больше негативных черт проявлялось на частных каналах.

К счастью, негативные тенденции, которые развивались и пропагандировались до 2008 года, в последующие годы начали постепенно преодолеваться. Об этом говорит телеконтент 2013 и особенно 2018 гг. (табл.4).

Таблица 4

Традиционные позитивные характеристики и ценности – негативные характеристики и антиценности. Клип-контент анализ 2018 года

Традиционные характеристики и ценности русского народа *(Ранжировано по 2 столбцу)*	**Число фрагментов**	**Число фрагментов**	**Негативные характеристики, антиценности**
Стремление к порядку, правосудие	109	7	Разрушительтсво, анархия, хаос
Творческое отношение к жизни, самодеятельность	93	1	Рутинность, шаблонность
Патриотизм, любовь к отечеству, почитание предков, традиций, духовного авторитета	76	2	Безродность. антипатриотизм, историческое беспамятство
Жизнелюбие, оптимизм, юмор	63	10	Пессимизм, обреченность, мрачность
Любознательность, стремление к познанию, тайны природы, необычное	60	2	Леность ума, нелюбознательность
Выживаемость, здоровье	41	13	Обреченность, болезни
Инициативность, активность, состязательность	40	0	Пассивность, инертность, застой
Уважительное отношение к семье, нормальное детство	40	39	Раздоры и конфликты в семье, разрушение семьи, исковерканное детство
Человеколюбие, любовь к ближнему	40	5	Человеконенавистничество, эгоизм
Свободолюбие, мужество	38	4	Рабская безропотность, покорность, трусость
Стремление к красоте	37	29	Дисгармония, уродство, несообразность
Целомудрие в отношении полов до свадьбы, любовь как духовное единение	35	22	Блуд, прелюбодеяние, порок, ранние половые связи, аномальные отношения
Правдолюбие, правда, справедливость	35	1	Ложь, клевета, несправедливость
Миролюбие, дружелюбие	29	37	Агрессивность, жестокость, убийство
Трудолюбие	28	2	Леность, безделие
Православная духовность	27	25	Безбожие, оккультизм, культ ведьм, колдунов и пр.
Милосердие, прощение, терпимость	25	24	Безжалостность, нетерпимость
Совестность, совесть, честность	24	2	Бессовестность, нечестность

Соборность, общиность, народоправие	24	21	Разъединенность, раздробленность, индивидуализм
Созидательность, производство материальных ценностей	23	85	Превалирование потребительства, потребительская психология
Органическая связь с природой	20	0	Разрушение природы
Нравственность, стремление к благодати	16	4	Безнравственность, аморализм
Душевность, сердечность	16	5	Бездушие, черствость, бессердечие
Добротолюбие, исповедование добра	14	1	Злоделие, поклонение злу
Бережливость, запасливость	10	4	Расточительность, мотовство
Смирение, кротость, долготерпение	8	3	Гордыня, зависть
Нестяжательство, щедрость	4	4	Стяжательство, жадность
Итого 1304	961	343	
	73,7%	**26,3%**	

За последние пять лет телевидение стало больше внимания обращать на позитивные ценности, особенно на укрепление порядка, творческое отношение к жизни, инициативность, патриотизм. Это, безусловно, положительные тенденции, потому что Россия постепенно выбирается из коллапса, в котором была в 1990-е годы и начале нулевых. Радует, что доминирующие прежде семейные раздоры и конфликты уровнялись с уважительным отношением к семье.

И в целом динамика ценностных тенденций телеконтента выглядит весьма позитивной (табл. 5, 6).

Таблица 5.

Динамика в отражении позитивных характеристик и ценностей
Клип-контент анализ 2002, 2008 , 2013 и 2018 годов

Традиционные позитивные характеристики и ценности русского народа (число фрагментов) *(Ранжировано по 5 столбцу)*	2002 год	2008 год	2013 год	2018 год
Стремление к порядку, правосудие	93	61	95	109
Творческое отношение к жизни, самодеятельность	62	56	69	93
Патриотизм, любовь к отечеству, почитание предков, традиций, духовного авторитета	38	33	65	76
Жизнелюбие, оптимизм, юмор	59	81	76	63
Любознательность, стремление к познанию, тайны природы, необычное	34	28	41	60
Инициативность, активность, состязательность	36	35	50	40
Выживаемость, здоровье	33	35	41	40
Уважительное отношение к семье, нормальное детство	30	38	30	40
Человеколюбие, любовь к ближнему,	13	32	21	40
Свободолюбие, мужество	33	26	25	38
Стремление к красоте	21	57	44	37
Правдолюбие, правда, справедливость	42	9	20	35
Любовь как духовное единение, целомудрие в отношении полов до свадьбы	51	24	25	35
Миролюбие, дружелюбие	26	16	25	29
Трудолюбие	13	13	13	28

Православная духовность	30	23	11	27
Милосердие, прощение, терпимость	15	18	10	25
Совестность, совесть, честность	8	5	30	24
Соборность, общинность, народоправие	13	17	21	24
Созидательность, производство материальных ценностей	11	20	24	23
Связь с природой	20	35	10	20
Нравственность, стремление к благодати	10	8	12	16
Душевность, сердечность	18	25	12	16
Добротолюбие, исповедование добра	38	11	16	14
Бережливость, запасливость	1	7	14	10
Смирение, кротость, долготерпение		3	4	8
Нестяжательство, щедрость	5	11	3	4
Итого	753 57,7%	758 58,1%	817 62,6%	961 73,7%

Таблица 6

Динамика в отражении негативных характеристик и ценностей
Клип-контент анализ 2002, 2008, 2013 и 2018 годов

НЕгативные характеристики и антиценности (число фрагментов) *(Ранжировано по 5 столбцу)*	**2002 год**	**2008 год**	**2013 год**	**2018 год**
Превалирование потребительства, потребительская психология	111	80	137	65
Раздоры и конфликты в семье, разрушение семьи, исковерканное детство	21	20	40	39
Агрессивность, жестокость, убийство	92	110	69	37
Дисгармония, уродство, несообразность		48	24	29
Безбожие, оккультизм, культ ведьм, колдунов и пр.	6	44	29	25
Безжалостность, нетерпимость	75	44	5	24
Блуд, прелюбодеяние, порок, ранние половые связи, аномальные отношения	30	56	37	22
Разъединенность, раздробленность, индивидуализм	21	3	10	21
Пессимизм, обреченность, мрачность	47	19	15	10
Разрушительство, анархия, хаос	24	19	32	7
Бездушие, черствость, бессердечие	8	7	12	5
Человеконенавистничество, эгоизм, зависть	6	3	8	5
Расточительность, мотовство		3	10	4
Безнравственность, аморализм	5	3	4	4
Рабская безропотность, покорность, трусость	3	4	1	4
Обреченность, болезни	20	9	13	4
Стяжательство, жадность	60	50	16	4
Гордыня, зависть		6	2	3
Безродность, антипатриотизм, историческое беспамятство	2	1	2	2
Бессовестность, нечестность	5	12	9	2
Леность, безделие	1			2
Леность ума, нелюбознательность				2
Злоделие, поклонение злу	8	2	6	1
Ложь, клевета, несправедливость	7	2	2	1
Рутинность, шаблонность				1
Пассивность, инертность, застой		1	4	0
Разрушение природы			1	0
	551 42 3%	**546 41,9**	**487 37,4%**	**343 26,3%**

Контент-анализ показал, что если в 2002 и 2008 годах соотношение позитивных ценностей и антиценностей было одинаковым – 58 и 42 % , то в 2013 году уже 63 и 38 %, а в 2018 74 и 26 %, то есть отчетливо видна позитивная динамика за последние 5 лет.

В два раза возросло число фрагментов о патриотизме, почитании отечественных традиций. По-прежнему превалируют жизнелюбие, юмор над пессимизмом; стремление к порядку и правосудию над анархией и хаосом; творческие отношение к жизни, инициативность, стремление к познанию над рутиной и пассивностью. Безусловно, телевидение стало человечнее, сердечнее, милосерднее, нравственнее. И во многом изменение ценностного контента связано с созданием новых государственных каналов, с появлением канала «Спас».

Меньше за последние пять лет стало на ТВ агрессии, насилия и жестокости, хотя они по-прежнему доминируют над миролюбием. Радует, что стали чуть реже появляются сюжеты об оккультизме, хотя их еще достаточно. Открытой пропаганды порока, нарушения нравственных норм тоже стало меньше, но ценностный дисбаланс в области взаимоотношений полов, пик которого мы зафиксировали в 2008 году, аукнулся увеличением конфликтов в семьях. Но в 2018 году стало больше сюжетов о доброжелательных отношениях в семьях.

Существенно сократились количество сюжетов о стяжательстве, жадности, но, к сожалению, все еще доминирует пропаганда потребительства, хотя в 2018 году заметно выросло число сюжетов о созидательных, новаторских проектах, и в два раза чаще стал появляться на экране человек труда.

Итак, российский телеэкран, безусловно, стал за последние годы более позитивным, нравственным, человечным, патриотичным, креативным, созидательным, познавательным, милосердным, семейным, то есть приверженным базовым российским ценностям. А парадигма возрождения России как могучей, динамичной, справедливой и духовной державы может быть связана только с возвращением к корневым традиционным ценностям нашего народа, обогащенным, конечно, спецификой нового времени.

ВУЛЬГАРНЫЕ НИКНЕЙМЫ КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕРНЕТ ОНОМАСТИКОНА

Стойкова Надежда
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
stoikovans@abv.bg

VULGAR NICKNAMES AS A PART OF MODERN INTERNET ONOMASTICONE

Stoykova Nadezhda
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The vulgar nicknames are specific onomastic onyms, which simultaneously represent the language personality and create a certain image in an interactive space where the anonymous factor and the absence of controlling censor can not contaminate the real image of their owner. This article discusses the structural-grammatical characteristic and semantic features of vulgar nicknames.*
Key words: *language vulgarization, onyms, vulgar nicknames.*

Современная эпоха глобализации в последние десятилетия привела к серьезным социокультурным изменениям, которые естественным путем оказывают влияние на экологию языка. Речевое поведение говорящего настолько изменилось, что заметно прослеживаются тенденции, при которых сниженное бытовое общение агрессивно проникает во все сферы человеческой деятельности. Исследователи языка начали говорить о демократизации, дискодификации, вульгаризации, варваризации, карнавализации языка [2, с. 105].

Пренебрежение формулами вежливости, употребление нецензурных слов и выражений направляют коммуникацию „в сторону неэкологичности“. В связи с проявлением речевой антикультуры в лингвистической литературе появляются термины типа „речевая безответственность“, „речевое убийство“, „речевое хулиганство“, „речевая нечистоплотность“ и др. [9].

Виртуальная реальность изменила условия взаимодействия и общения людей на языковом уровне. В эпоху интернета наблюдается полная либерализация языка – языковые нормы и литературные стандарты постепенно теряют свое значение. Динамика интернет-коммуникации провоцирует воспроизведение спонтанных высказываний, которые фиксируют устную речь в письменной форме, при чем наблюдается употребление разговорных конструкций, просторечий, жаргонизмов, обсценной лексики и т.д.

Известно, что межличностная коммуникация в интернете, в общем, лишена цензуры. В редких случаях на форумах и в социальных сетях упомянаются правила, регулирующие нормы корректоного общения. Ответственность за речевые действия в сети на практике отсутствует, и поэтому интернет формируется как некая среда распространения языковой агрессии. Безответственное употребление грубых, оскорбительных, вульгарных и бранных слов демонстрирует низкий уровень коммуникативных умений общающихся, который является „следствием негативных процессов, происходящих во внеязыковой действительности и тесно связан с общими деструктивными явлениями в области культуры и нравственности“ [3, с. 385–386].

Бесспорно, вульгарные никнеймы являются ярким примером речевой безответственности в виртуальном пространстве. Репрезентативная выборка подобных никнеймов в настоящем исследовании эксцерпирована из популярного сайта: http://www.vnickname.ru/.

Никнеймы как продукт современного социума, в котором коммуникация происходит быстрыми темпами и при анонимных социальных ролях общающихся,

составляют важную часть интернет-ономастикона. В последние годы наблюдается беспрецедентный интерес к их исследованию. Это связано с тем фактом, что никнейм представляет собой такую специфическую для ономастики разновидность онимов, которая одновременно самопрезентирует языковую личность и создает ее конкретный образ.

Представление говорящего человека в определенной коммуникативной среде становится его основной потребностью. Никнейм является „стартовой площадкой для самопрезентации пользователя“ [1, с. 227]. Такое название возникает не как реализация общепринятой антропонимической системы в данном языке, а является актом самономинации − адресант сам придумывает себе никнейм. Его основная функция – идентификация человека в виртуальном пространстве, и, конечно, привлечение внимания других потребителей [5]. Виртуальная реальность неподвластна запретам и ограничениям реальной жизни, что дает возможность пользователям в полной мере развернуть свой креативный потенциал. Таким образом, никнейм оказывается результатом осмысленной изобретательности самого коммуниканта, „своеобразной защитной маской“, как считают некоторые исследователи [1], за которой скрывается реальная сущность человека. Ник-нейм – это форма антропонима, которая не зависит от социальных ролей коммуникантов и от обстановки общения. Этот специфический оним оказывается удобным средством в виртуальном пространстве, где анонимный фактор предполагает и анонимные социальные роли. Никнейм – это особый социальный код, образ, взятый напрокат, это своеобразная самопрезентация, визитная карточка, которая служит для идентификации в интернет-пространстве и для привлечения внимания [4, с. 248].

Большинство исследователей интернет-никонимов выделяет основные функции, характеристики и тенденции в образовании сетевых имен [7, 8 и др.]. Исследование вульгарных никнеймов показывает, что им свойствены те же самые функции и характеристики, но они разположены в другой иерархической зависимости.

М. Г. Чабаченко указывает на пять основных функций никнеймов. Он ставит на первое место функцию самопрезентации, дискурсивную функцию и контактоустанавливающую функцию [7].

Наблюдения за вульгарными никонимами показывают, что их главная функция – игровая. Скрыть свою личность за подобным никнеймом очень удобно, и это позволяет беспроблемно строить речевые высказывания, не опасаясь уронить собственную репутацию. Вульгарные никнеймы имеют сильную эмоционально-экспрессивную функцию. Носитель подобного никнейма оказывает шокирующее воздействие на адресата выбором определенного „имени“ и ожидает его непредсказуемые реакции. Основной отличительной чертой вульгарных сетевых имен от традиционных является то, что они исключительно редко могут совпадать с именем их реального носителя. Другая их характеристика – редкое употребление цифр и иноязычных слов вместе с онимом. Естественно, вулгарным никнеймом не может стать аббревиатура, произвольный набор букв, цифр или неизвестных знаков других семиотических систем. Однако, как и у других никнеймов, изобразительность, уникальность и яркость форм очень часто достигается при использовании пунктуационных знаков и знаков латиницы.

В качестве структурно-грамматической характеристики вульгарных никнеймов отметим, что в основе таких онимов могут быть чаще всего имена существительные и имена прилагательные, в редких случаях встречаются глаголы. Большое число среди них равны по структуре словосочетанию: волшебная клизма; виртуальная сопля; эхо унитазного бачка; сексуальная козявка; интимный прыщик и др.

В большинстве случаев среди них обнаруживаются словосочетания со связью согласование, и это, по всей вероятности, связано с тем, что в таких никнеймах в большей степени проявляются творческие способности номинатора создать ярко выраженный экспрессивный образ.

Нередко в качестве вульгарных онимов выступают и целые предложения: *отдамся за 5 рублей; детство[в_жопе]заиграло; У_меня_блядские_глаза XD; ?Попа ищет ПрИкЛюченИй•; с дерьмом не общаюсь; зАсрАнкА идет срать; Интим не предлогать; Насру в прорубь; мне до пиз...ы, я со звезды*.

Вульгарные никнеймы различаются по своему словообразовательному способу. Их специфическая особенность заключается в том, что в процессе самономинации номинатор использует сложение частей разных циничных и непристойных слов и таким образом создает оригинальный никнейм типа: *Некропедозоофил; Киллерас; Пидрасян; Антидевственница* и др. При словообразовании так же используется и сложение отдельных слов, которые пишутся через дефис – *белка-хотелка; Миска-Писька* и др. Подобный способ служит не только привлечению внимания других пользователей, но и созданию дополнительных оценочных речевых смыслов.

Что касается графического оформления, исследуемые онимы характеризуются набором различных графических символов, как например, латинские буквы, цифры, нижнее тире, скобы – *Маленькая ...)/(опа!!!!; две_пары_сисек; вагон_пиписек; хрен в каске2; pizdЮля* и др. В окружении русскоязычного текста латинские буквы могут вызывать определенные трудности при восприятии чужого графического кода. В то же время, разница графических кодов является фундаментом для определенного стилистического эффекта привлечения внимания [6].

Вульгарные онимы по своим семантическим значениям делятся на несколько групп. Самая многочисленная из них – это группа никонимов, обозначающих реально несуществующий субъект или объект: *Везучая СУЧКА!; унитазная элементаль; Мышка стрептизерша; Психованный труп; PornoSlonik; Пофигисточка* и мн. др. Второе место по частотности занимает группа никонимов, неблагопристойно обозначающих анатомию человеческого тела: *Х...й; Klitorok; вагина лимонадовна; Хитрый АнУс; АкиАНус* и др. На третьем месте по продуктивности находятся две группы: 1) никонимы, выражающие ругательства: *Pizdez podkralsya szadi; Нихуядохуя; Пошол на; Какой_нахуй_ник;* и 2) никонимы, выражающие психические расстройства, связанные с отклонением в сексуальном поведении: *Девственная извращенка; Нимфоманка; Ананист; Пендальф.*

Структурно-грамматические и семантические особенности исследуемого набора вульгарных никнеймов свидетельствуют о том, что их основная функция – вызывать шокирующее воздействие на остальных пользователей при помощи различного рода средств, создающих сильно экспрессивный образ.

Вульгарные никнеймы, составляя исключительно ограниченный круг онимов интернет-ономастикона, являются отражением культурно-речевой безграмотности, происходящей, в данной языковой ситуации современного социума. Действительно, интернет-пространство, в силу его анонимного фактора и отсутствия контролирующей цензуры, оказывается одной из самых удобных сфер распространения не только такого типа никонимов, но все чаще наблюдающейся вульгаризации в языке.

Литература

1. *Калашникова А. А., Калашников И. А.* Прагматикон языковой личности блоггера: дискурсная маскированная личность // Вестник МГУКИ, 2014. 6(62), С. 222–228.

2. *Каракулова М. К.* О языке СМИ в эпоху глобализации // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: девятые Короленковские чтения, 2013. С. 105–112.

3. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Москва: Языки русской культуры, 1996.
4. *Москальчук А. А.* Никнейм – виртуальное имя человека // Записки горного института. 2009. Т. 182. С. 246–248.
5. *Попова Е. И.* Личное имя в коммуникативном аспекте: На материале обращений в студенческой среде, Автореф. дис. канд. филол. наук. Смоленск, 2009.
6. *Савицкая Л. С.* Никнейм (ник) как средство выражения модуса высказывания (на материале интернет-дневников) // Мир русского слова. №1. 2009. С. 58–61.
7. *Чабаненко М. Г.* Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: автореф. дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 198 с.
8. *Якунина М. Л.* Особенности интернет-дискурса: никнейм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №3(21). 2013. Часть 2. С. 218–221
9. *Якунина М. Л.* К вопросу о лингвоэкологии и лингвоэтике: влияние интернет-коммуникации на современную речь (на материале переписки школьников в социальной сети „В контакте“ и взрослых на сайте „Черемушки19.РУ“) // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: история и современность. Абакан, 2015. С. 88–92.

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ЖАРГОН В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Терзиева Татьяна
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
t.terzieva@shu.bg

THE AUTOMOTIVE JARGON IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION

Terzieva Tatyyana
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The present article discusses the professional jargon in the automotive industry. The relationship of automotive jargon with such concepts as "term" and "professionalism" is analyzed. The international relations of experts in the sphere of production and scientific and technical knowledge, which are developing rapidly in the modern world, undoubtedly find their reflection in the language, which contributes to the emergence of new units, as in the standard, as in the non-standard lexis.*

Key words: *professional language, professional communication, professionalism, automotive jargon.*

Любой естественный язык представляет собой знаковую систему со своими внутренними законами функционирования и является средством общения между людьми, которые активно воздействуют на формирование его лексики. В последние десятилетия особенно резко изменились условия функционирования языка. Международные отношения специалистов производственной сферы деятельности и научно-технических знаний ставят ряд вопросов, связанных с профессиональной коммуникацией. Решение этих вопросов зависит от изучения системы специальных понятий, от анализа языковых средств, используемых в конкретной области.

Наряду с компьютерной, медицинской, спортивной, политической, публицистической лексикой, лексикой сферы обслуживания и др., автомобильная лексика и ее специфика идентифицируется как неотъемлемая и весьма активная часть современного русского языка, отражающая динамику его развития. Возрастающий интерес многих исследователей к автомобильной лексике объясняется постоянным расширением пространства ее употребления в повседневной речи [4, с. 215]. Лексика, относящаяся к автомобильной промышленности, уже давно утратила свой узкопрофессиональный статус и стала полноценной частью общеязыковой лексики. Это явление обуславливается такими экстралингвистическими факторами как быстро развивающиеся технологии и их нарастающая роль не только в профессиональном общении, но и в повседневной коммуникации.

Современное состояние автомобильной лексики русского языка и диапазон языковых процессов ее развития свидетельствует об ее усложнении, во многих случаях вызванное, с одной стороны, пополнением ее терминологического аппарата, и, с другой, активизацией профессионального и жаргонного уровней. Поэтому во многих исследованиях наблюдается, что интерес к изучению данной тематической группы слов значительно возрастает [1, с. 94–100; 5, с. 78–80; 6, с. 68–73].

Аналогично любой специальной области знания или деятельности, отрасль автомобилестроения использует свой терминологический аппарат, т. е. образует собственную терминосистему – упорядоченную совокупность лексических единиц, адекватно выражающих систему специальных понятий и отражающую определенную сферу человеческих знаний и деятельности [3, с. 7]. С функциональной точки зрения терминосистема представляет собой профессиональный язык или язык для специальных целей, применяемый определенной группой людей, объединенных единым родом деятельности, общение которых происходит на профессиональном

уровне. Профессиональное общение является разновидностью взаимодействия между людьми, которое осуществляется на основе определенного вида деятельности с целью достижения конкретного результата. Цель заключается в разработке участниками данного общения стратегии взаимодействия и построения отношений, приводящих к успешной реализации профессиональной деятельности. В профессиональном общении между специалистами и сотрудниками организации появляются два взаимосвязанных аспекта: взаимодействие и взаимоотношения [10, с. 13–16]. Взаимодействие предопределяется технологией производства или должностными обязанностями, которые ориентированы на согласованные действия по производству продукта или предоставления услуг. Взаимоотношения – это эмоционально окрашенные субъективные симпатии или антипатии людей друг к другу, являющиеся результатом их взаимодействия [11, с. 14–15]. Таким образом, можно отметить, что профессиональный язык представляет собой сложную когнитивно-коммуникативную систему, которая объединяет находящиеся в процессе постоянного взаимодействия языковые средства и экстралингвистические факторы, влияющие на эффективность профессиональной коммуникации.

Структура языка профессионального общения в области автомобилестроения включает в себя так называемый кодифицированный пласт лексических единиц – терминов, которые составляют терминосистему данной отрасли. Этот пласт лексики профессионального языка является устойчивым в рамках официального общения и научно-исследовательской деятельности. Однако, в условиях неофициального общения он находится в непрерывном процессе модифицирования или его границы могут быть размыты. Помимо кодифицированного, литературного пласта профессионального языка в области автомобилестроения, существует и некодифицированный, нелитературный язык, составными элементами которого являются профессионализмы и профессиональный жаргон или специальный сленг (термин "сленг" отличается от термина "жаргон" лишь тем, что, являясь недавно заимствованным англицизмом, еще "не пропитался" отрицательными коннотациями, которые характерны для термина "жаргон" [12, с. 11]). Как средства коммуникации в определенной области знания профессионализмы и профессиональный жаргон выполняют идентификационную функцию, то есть служат показателем принадлежности человека к числу профессионалистов, что позволяет им свободно выражать мысль в своем повседневном профессиональном общении.

Далее более подробно рассмотрим понятия профессионализм и профессиональный жаргон. Известно, что к профессионализмам относятся слова или выражения, свойственные речи той или иной профессиональной группы [5, с. 60]. Эти лексические единицы выступают обычно как просторечные эквиваленты соответствующих по значению терминов, т.е. непосредственно соотносятся с терминами. Существует мнение, согласно которому профессионализмы являются разговорными синонимами терминов [8, с. 128–159]. По своему происхождению профессионализмы являются чаще всего результатом творческого переосмысления, "освоения" узкоспециального явления или терминологических понятий (по внешнему сходству, соответствию функции, признака, свойства и т.д.).

В области автомобилестроения профессионализмы чаще всего служат для обозначения различных производственных процессов, орудий производства, сырья, выпускаемой продукции и т.п. Иначе говоря, они обозначают такие явления и понятия, для наименования которых использование терминов хотя и возможно, но является более сложным и громоздким для профессионального общения. Так например, профессионализмами в рассматриваемой области являются такие слова как *бездорожье* (труднопроходимые места, лишенные дорог; плохое состояние дорог из-за дождей,

снежных заносов и т.п.; отсутствие благоустроенных дорог), *тонировка / тонирование автомобиля* (специальное покрытие, которое наносится на внутреннюю сторону окна автомобиля, чтобы изменить его цветовые и отражающие свойства), *тюнингованный / тюнинговочный автомобиль* (обычный автомобиль, который прошел процесс доработки, нацеленный на изменение заводских характеристик: увеличение мощности и эффективности двигателя, повышение эффективности тормозов, улучшение подвески и др.), *запаска* (запасное колесо), *шкурка* (наждачная бумага) и др.

Значительную группу профессионализмов в рассматриваемой области составляют слова, обозначающие устройство автомобиля: *бардачок* (ящик для мелких вещей в салоне авто), *браслет* (игольчатый подшипник), *горшки* (цилиндры двигателя), *губа* (спойлер по низу бампера), *жестянка* (металлические части автомобиля), *затычка* (крышка топливного бака), *метла* (стеклоочиститель для заднего стекла) и др. Из перечисленных примеров заметно, что профессионализмы легко замещают термины по причине присущей им экспрессивности, тем самым делая профессиональное общение более живым, простым и освоенным, более легким для быстрого понимания и употребления. При этом профессионализмы не являются отклонением от общезначимой нормы литературного языка, а воспринимаются как более частная языковая норма, дифференцированная по социальным сферам их употребления [9, с. 34].

Наряду с профессионализмами в сфере автомобилестроения весьма распространен и профессиональный жаргон. Как и любой другой профессиональный жаргон, автомобильный жаргон формируется в определенном кругу его носителей, которые в процессе неформального общения оперируют специальными понятиями и обозначениями, принятыми именно в этом кругу, объединенном общностью интересов, привычек, занятий, социального положения. По мнению Л. П. Крысина использование профессионального жаргона маркирует его носителя как своего, противопоставляя его чужим в соответствующей среде [7, с. 362–369]. В отличие от терминологии рассматриваемой области, профессиональные жаргонизмы не выражают научных понятий, не образуют самостоятельной языковой подсистемы понятий со своими грамматическими и лексическими особенностями, они экспрессивны, стилистически окрашены.

Автомобильный жаргон появился сравнительно недавно, он не ограничен ни возрастными, ни социальными, ни пространственными рамками. Профессиональный жаргон в рассматриваемой области представляет собой социальную разновидность речи автомобилистов, характеризующаяся специфической лексикой и особым использованием словообразовательных средств. Профессиональные жаргонизмы обладают образностью и экспрессивностью, часто эмоциональностью, ироничностью, стилистической сниженностью (напр. *баранка* вместо *рулевое колесо* или *руль* и т.д.). Автомобильная жаргонная лексика пополняется за счет множества заимствований из разных языков (напр. автомобиль марки *Audi – авдотья*, *аудюха*, *аудюшка*, *яйца*, *четыре кольца)*, но большая ее часть создается путем переосмысления общеупотребительных слов (напр. *лапти / ласты* – огромные, широкие колеса). Характер социальной группы (открытость или закрытость) влияет на соотношение и переосмысление разговорной лексики в рассматриваемом жаргоне. Автомобильный жаргон отличается специфическими лексическими особенностями, связанными со спецификой профессиональной производственной сферы. Языковые единицы, возникнувшие как жаргонизмы, впоследствии часто переходят в группу профессионализмов. Именно поэтому часто бывает трудно разграничить понятие жаргонизма и профессионализма.

Исследуемый корпус лексических единиц показывает, что на семантическом уровне четко выделяются несколько тематических групп: 1) номинация различных моделей и марок зарубежных и российских автомобилей; 2) вид и устройство автомобиля, автосервис; 3) характеристика водителя и пассажира; 4) наименования сотрудников ГИБДД (Государственная инспекция безопасности дорожного движения) и автомобильные преступления. Наиболее показательными по количеству входящих в них языковых единиц являются первая и вторая группы.

В **первую группу** входят жаргоны, номинирующие различные модели и марки автомобилей зарубежного и российского производства: **а) названия зарубежных автомобилей**: Audi A6 – *шоха*, Audi A8 – *авоська*; Honda Balada – *балда*, BMW – *бимер*, *бумер*, *бэха*, *бээмвэшка*, *баварец*; Jeep – *джипарь*, *джипер*; Mitsubishi Diamante – *демон*, *Диман*, *Дима*; Toyota Arista – *аристон*; Toyota Land Cruiser 80 – *баклажан*; Toyota Land Cruiser – *кукурузник / кукурузер*; Toyota Lexus – *Леха*, *Алексей*, *Лехус*; Toyota Corolla – *корова*; Toyota Corolla Levin – *Ленин*, *лева*; Nissan Wingroad – *виноград*; Opel – *жопель*, *ежик*; Nissan Cefiro – *кефир / чефирь*; Mazda 3 – *матрешка*, Mazda Luce – *Люська*; Mercedes – *Мерин*, *Барбос*, *Барбарис* (Brabus), *панорамик* (с крышей панорамного типа), Mercedes E-Class – *очкастый*, *глазастый*, *пучеглазый*, *ешник*, Mercedes Gelendwagen – *кубик*, *квадрателло*, *гелик*; Peugeot – *пыжик*, *пыж*, *пивживот*; Porsche – *паршивец*, *поршивец*; Suzuki Escudo – *паскуда* и многие другие; б) **названия российских автомобилей**: *ведро с гайками* – любой автомобиль марки ВАЗ; *баржа* – любая модель автомобиля "Волга", начиная с ГАЗ-24 (*тяни-толкай* существует как шутливое прозвище-синоним этого автомобиля); *козел*, *козлик*, *буханка*, *горбушка*, *воронок*, *уазкин* – модификации автомобиля УАЗ; *ежик*, *сапог* –автомобиль марки ИЖ-2126; *калека* – автомобиль марки Москвич-2141; существует и ласкательный вариант имени собственного данной модели *Моська*, *Мося* и т.д.

Из указанных примеров заметно, что многие автомобили российского производства получили обидные "прозвища", связанные в некоторой степени с плохой конструкцией, сильным шумом при езде, большим количеством поломок, неудобством салона. Так, любые автомобили российского производства называют как *ведро*, *ведро с болтами (или с гайками)*, *колымага*, *калоша*, *таз*, *тазик*, *болтотаз*, *табуретка*, *погремушка*. Жаргонизмы образованы на основе метафорического переноса, по причине сходства свойств предметов быта, окружающих человека в повседневной жизни, с транспортными средствами. Отметим, что жаргонная номинация *таз* возникла, вероятнее всего, не на основе метафоры, а на основе названия завода, выпускающего российские автомобили – Тольяттинский автомобильный завод, а точнее, его аббревиатуры – ТАЗ.

Можно отметить также, что на основе числительных, обозначающих модель транспортного средства, появились самые распространенные номинации. Так например, ВАЗ-2106 называют *шестерка*, ВАЗ-2107 – *семерка*, ВАЗ-2108 – *восьмерка*, ВАЗ-2109 – *девятка*, ВАЗ-21099 – *девяносто девятая* (или *девять-девять*), ВАЗ-2110 – *десятка* и т. д. По мнению Е. Г. Гавриловой эти лексемы относятся к нейтральной разговорной лексике, они не выражают субъективную оценку. Во многих случаях к производящим основам данных существительных, которые по своему значению соответствуют числу, присоединяются разговорные суффиксы или аффикс отсекается: *десятка – десярик*, *двенадцатая – двенашка*, *двенарь*, *четырнадцатая – четырка*, *чепырка* (звуковая замена [т] – [п] для создания комического эффекта) [2].

Наряду с номинациями различных моделей и марок автомобилей к данной группе также можем отнести большое количество уменьшительно-ласкательных наименований автомобиля и специфические "обращения" по отношению к личному автомобилю: *девочка* (когда брыкается на дороге – *девочка моя, ну, поехали*), *детка*, *звездочка*,

звереныш, *зверушка*, *золотая*, *кисонька*, *кобыла* (в таком употреблении – если автомобиль не заводится), *конфетка*, *красавица*, *крошка*, *лапочка* / *лапусечка*, *ласточка*, *лялька*, *малышечка* / *малышка*, *машина* / *машинка*, *старушка* / *старушечка*, *тачка* и др.

Ко второй группе относятся жаргонные наименования, относящиеся к виду, устройству и автосервису автомобиля. Например, ВАЗ-2108 называют *зубило* или *акула* за характерную форму кузова, а также за довольно прочный передний бампер; УАЗ-452 получил название *буханка* или *батон / батончик* за соответствующую форму кузова и поперечные ребра жесткости, напоминающие нарезанный хлеб (кроме *буханки* эту модель называют еще и *таблеткой*, так как в армии этот автомобиль используется в качестве санитарного); другую модель автомобиля, выпускаемую на Ульяновском автомобильном заводе, УАЗ-3033 именуют *головастиком* за форму кабины; УАЗ-469 назвали по распространенной кличке дворовой собаки *бобиком* за некоторое сходство передней части автомобиля с мордой дворняги. Автомобиль Ижского автозавода ИЖ-2715 из-за своей формы, похожей на туфлю, получил прозвище *каблук* или *каблучок*. Большую часть жаргонных наименований из этой группы составляют языковые единицы, номинирующие устройство и автосервис автомобиля: *банан*, *желток* – запасное колесо небольшого диаметра на ярко-желтом диске; *бочка*, *банка* – спортивный глушитель; *загребалы* – колеса с очень мощным протектором; *зажигалка* – бензиновый двигатель внутреннего сгорания; *зенки* – фары; *вонючка* – освежитель-ароматизатор воздуха в салоне; *горшок*, *котел* – цилиндр; *европеец* – автомобиль с левым расположением руля; *затычка* – крышка топливного бака; *коротыш* – короткобазный 3-х дверный джип; *кочерга* – ручная или механическая коробка передач; *мухобойка* – дефлектор капота в виде пластмассовой полоски, предназначенный для защиты ветрового стекла и капота от попадания насекомых и камней; *лапти / ласты* – большие, широкие колеса; *лоховоз* – старый автобус; *микрик*, *микроб* – микроавтобус; *мясорубка*, *весла* – ручные стеклоподъемники; *ошейник* – номер автомобиля; *слепыш* – автомобиль с открывающимися фарами; *трухлявый скелет* – ржавый прогнивший кузов; *тяпка* – автоматическая коробка передач; *уши* – зеркала у боковых передних стекол; *упакованный* / *тюнингованный* – автомобиль, имеющий много дополнительных опций; *прибамбасы*, *примочки*, *фарш*, *навороты* – дополнительное оборудование и различные дополнительные опции в автомобиле; *ходовка* – ходовая часть автомобиля; *хаборятник* – багажник (от хабор – барахло); *чвакалка* – сигнализация; *чилитра* – малолитражный автомобиль; *шар* – подушка безопасности; *шарабан* – неказистый автомобиль; *якорь* – ручной тормоз; *яйца* – рычаг стабилизатора поперечной устойчивости; *тотал*, *затоталить* – отправить машину под списание после аварии в связи с нецелесообразностью ремонта и др.

Третья группа жаргонизмов объединяет наименования, характеризующие водителя и пассажира. Большая часть данных наименований относится к водителям и пассажирам такси. Например, *кочерыжник* – таксист, специализирующийся на доставке овощей и фруктов на городские рынки; *спиртовоз* (он же *чумовоз*) – таксист, занимающийся спекуляцией спиртными напитками; *центровой* – таксист, работающий у крутых гостиниц (выбирает выгодных пассажиров из иностранцев, зачастую принимает в оплату валюту, импортные вещи, сигареты и т.п.); *щипач* – таксист, выделяющий из очереди на регулируемых стоянках такси выгодных пассажиров и производящий их посадку в свою машину с нарушением правил поведения на стоянке;

афанас (он же *сапог*) – военнослужащий среднего командирского состава, рассчитывающийся за проезд строго по счетчику; *лох* – простак из глубинки, незнакомый со столичной жизнью, опасающийся обмана и обсчета; *сладкий* – пассажир, который щедро платит сверх показаний таксометра; *пиджак* – обычный работяга, редко пользующийся услугами такси, с которого можно было получить значительные чаевые;

халдей, *торгаш* – люди, располагающие деньгами, регулярно пользующиеся услугами такси, как правило, с одними и теми же водителями и другие, например: *купец* – покупатель из другого региона; *кегли* – пешеходы на проезжей части; *чайник*, *лох педальный* – неопытный участник дорожного движения;

В четвертую тематическую группу входят жаргонизмы, называющие а) сотрудников ГИБДД: *артемон*, *гай*, *гайец*, *гиббон*, *продавец полосатых палочек*, *мусор*, *папуас*, *постамент* – ГИБДДшник на посту, *опер* (чаще во мн.ч. *оперы*) – оперативные сотрудники, *следоки* – сотрудники следственной службы и б) автомобильные преступления: *автоподстава* (чаще во мн.ч. об автомобильных преступлениях); *девочка* – любой угоняемый автомобиль; *занозы* (чаще употребляется именно во мн. ч.) – современные сканеры для автоугона, приспособления для снятия сигнализации с замка зажигания; *коробка* – гараж, отстойник для угнанного автомобиля; *набор железа* – идентификационные номера для угнанных автомобилей; *нырнуть во дворы* – объехать пробку на дороге или сократить маршрут; *прописка* – система слежения за автомобилем, как правило, речь идет о навигационной системе. Так например, в словосочетании *иметь прописку* подразумевается наличие такой системы слежения за конкретным автомобилем.

Анализ показывает, что список автомобильного жаргона можно расширять бесконечно, так как с появлением нового понятия в профессиональных языках создается термин для его номинации, затем термины получают стилистическую окраску профессионализмов, после чего часто переходят в жаргонную лексику. Наряду с терминологической лексикой и профессионализмами, автомобильный жаргон представляет собой динамично развивающийся лексический пласт в современном русском языке, демонстрирующий яркие лексико-семантические особенности.

Литература

1. *Бауман Э. С.* Жаргон автолюбителей (по материалам Интернет-конференций) // Язык и общество на пороге нового тысячелетия: итоги и перспективы. Тезисы докладов международной конференции. Москва, 23–25 октября 2001 г., Москва, 2001. С. 147–149.
2. *Гаврилова Е. Г.* Словообразование в автомобильном жаргоне (на примере номинаций марок отечественных автомобилей) // Международный студенческий научный вестник, 2016, № 5-3., URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=15994.
3. *Кияк Т. Р.* Лингвистические аспекты терминоведения: Уч. пособие. Киев: УМК ВО, 1989, 104с.
4. *Костомаров В. Г.* Новые слова и значения, связанные с автомобилизацией // Сборник докладов и сообщений Лингвистического общества. Вып. 5., Калинин, 1975. С. 215–241.
5. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Издание третье, испр. и доп. Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. 320 с.
6. *Косых Е. А.* Автомобильная колористика и ее отражение в лексике русского языка // Слово памяти. Москва: АСТ, 2003. С. 68–73.
7. *Крысин Л. П.* Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 362–369.
8. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. Москва: Едиториал УРСС, 1987. С. 128–159.
9. *Мечковская Н. Б.* Социальная лингвистика. Москва: Аспект-Пресс, 1996. 207 с.
10. *Носков В. А.* Психотехника общения. Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2001. С. 13–16.
11. *Снетков В. М.* Психология коммуникации в организациях. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2000. С.14–15.
12. *Хомяков В. А.* Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ленинград, 1980. 39 с.

ДЕФИСАЦИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ГЛАГОЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Хоригути Даики
Университет Иватэ, Япония
sirdspuksti@gmail.com

HYPHENATION OF SYNONYMOUS VERBS IN RUSSIAN

Horiguchi Daiki
University of Iwate, Japan

Abstract: *This article aims to analyze hyphenation of synonymous verbs in Russian. This phenomenon has not been canonicalised in the existing orthography and punctuation handbooks, but offen attested in Internet texts. It demonstrates functional extension of the graphic mark in the verbal domain on the one hand, and colloquialization of the written text in terms of semantic redundancy on the other.*

Key words: *hyphen, hyphenation, synonymy.*

1. Вводные замечания

Язык претерпевает изменения и новые тенденции не только в лексике и грамматике, но и в орфографии и пунктуации. В XXI веке эти сферы связаны с развитием электронной письменной коммуникации. На сегодняшний день нарастают возможность и необходимость все чаще не только создавать текст на клавиатуре, но и читать текст, набранный таким образом. В повседневной языковой деятельности современного человека активную роль могут играть небуквенные графические знаки, в том числе дефис.

В данной статье рассматривается дефисация синонимических глаголов, принимающих тождественную грамматическую форму, типа *съездили-сходили*, *любуйся-наслаждайся*, *встретимся-пересечемся*. Под синонимическими глаголами мы понимаем также контекстуально синонимические глаголы. Материалом анализа послужили интернет-ресурсы, доступные в базе текстов СМИ *Integrum* и поисковой системе *Google*. Хотя дефисация охватывает глаголы в разных отношениях, в данной работе не рассматриваются дефисные сочетания, в которых глаголы указывают на временную последовательность более двух ситуаций: *послушать-переслушать*, *пришел-отработал-ушел*, не анализируется также гипонимические сочетания типа *ели-пили*, *пели-танцевали*, *готовить-стирать-убирать*, *рисуешь-чертишь*.

В современной орфографии дефис является графическим знаком, который «употребляется между частями приставочных, сложных и сложносокращенных слов, между двумя словами» [1, с. 112]. Полуслитное написание посредством дефиса противопоставляется слитному и раздельному написаниям, и дефис находится в промежуточном положении соответственно между контактом и пробелом. По мнению Т. В. Поповой, «(б)удучи средством орфографического оформления русского слова, дефис придает ему структурную (графическую) цельнооформленность и семантическую целостность» [6, с. 683].

Как известно, дефис рассматривается не столько с дескриптивной, сколько с нормативной точки зрения. Он в основном описывается в справочной литературе в виде регламентов и рекомендаций. Несмотря на то, что дефисные написания охватывают различные части речи, дефис используется преимущественно в именных сочетаниях. Что касается дефисных сочетаний, состоящих из глаголов, то канонизирован повтор, который указывает на непрерывность процесса и интенсивность действия (*сидел-сидел*) и на ограниченный отрезок времени, обозначаемый делимитативным глаголом (*постоял-постоял и ушел*), кроме того зафиксировано однокоренное сочетание типа *ждет-пождет* [3, с. 104; 7, с. 150]. Отдельно следует отметить фразеологизированное сочетание *жили-были*, которое встречается в

фольклоре. Таким образом, в справочной литературе интересующее нас явление вообще отсутствует.

На материале современной прозы Г. Лю, Чж. Чжоу и Г. Д. Ахметова считают окказиональными такие употребления дефиса при глагольных сочетаниях, как *поговорить-выпить-закусить*, *сидел-лежал*. При этом в качестве функций дефиса авторы называют конкретизацию наименования предмета, усиление смысла повествования и его уплотнение [4, с. 115–116]. Несмотря на свою нерегламентированность в справочной литературе, соединенные дефисом глаголы встречаются не столь окказионально в публицистических текстах.

Глагольные дефисные сочетания затронуты Н. Ю. Шведовой при изучении синтаксиса разговорной речи. Среди выделенных автором групп наиболее релевантными для нашего анализа представляются сочетания, которые обозначают ««сложносоставное» действие как неразделимое единство двух сходных, близких и полностью совмещающихся действий» [10, с. 46]. Хотя многие представленные сочетания пишутся через дефис, самому употреблению дефиса автор не уделяет внимания.

Рассматриваемые глаголы представляют собой часть так называемых двойных глаголов, описанных Д. Вайсом. Для определения двойного глагола автор выделяет четыре критерия: 1) морфологическая однооформленность обоих глагольных компонентов, 2) общие синтаксические валентности, 3) запрет на повтор служебных морфем и 4) возможность инверсии глаголов и дополнения [2, с. 320]. В его работах затрагиваются разнообразные двойные глаголы, к которым относятся как рассматриваемые нами синонимические сочетания, так и сочетания, где в качестве первого компонента выступают глаголы движения и позиции и другие десемантизированные в некоторой степени глаголы (*пойти*, *сидеть*, *взять*, *давай* и др.). Сравнивая дефис и пробел, автор отмечает, что «наблюдается сильная тенденция к оформлению глагольных цепочек с чистым лексическим повторением с помощью дефиса» [2, с. 322–323]. Несмотря на его обширное теоретическое описание, складывается впечатление, что проблема пестроты двойных глаголов заключается отчасти в употреблении дефиса и пробела вместо запятой или сочинительных союзов.

Таким образом, и в справочной, и в собственно лингвистической литературе глагольные сочетания описывались без большого учета ряда проблем, решаемых на стыке орфографии, пунктуации, синтаксиса, семантики глаголов и характеристики современной письменной коммуникации.

2. Дефисация синонимических глаголов

Итак, через дефис соединяются синонимические глаголы. Они лексически не ограничены, то есть любые синонимические глаголы могут вступать в дефисное сочетание в любых грамматических формах.

Не, лучше не ***загадывать-заглядывать*** *так далеко, чувак.* (Livejournal)

(..) все проекты Бекмамбетова ***стремятся-стараются*** *иметь больший смысл, чем получение кассы (..)* (Санкт-Петербургские ведомости)

(..) доступные мне переводы я ***сравнивал-сопоставлял****, могу сказать, какой, с точки зрения моей, – лучший (..)* (Вопросы литературы)

А как ***воровали-приватизировали*** *при Кучме, так Януковичу не снилось…* (dumskaya.net)

Поскольку дефисное написание представляет два изначально разных действия в единстве, семантические различия компонентов размываются, и порядок компонентов в сочетании не имеет большого значения. Например, в сочетании *доехать-дойти* способ перемещения вовсе не актуален для говорящего.

У нас двое-трое суток нужно, чтобы ***доехать-дойти*** *примерно до 60 процентов территории.* (Комсомольская правда)

Дефис при глагольном сочетании в таких случаях функционирует как при сочетании других частей речи, когда дефис указывает на 1) приблизительность или аппроксимизацию количественных и порядковых отношений (*два-три, май-июнь*), 2) синонимы (*ошибка-помарка, опять-снова*), 3) гипонимы (*папа-мама, руки-ноги, готовка-стирка-уборка*) и 4) отношение «определяемое и приложение», где второй компонент дополняет и уточняет семантику первого (*продавец-консультант, инженер-строитель*).

Что касается последней функции дефиса, указывающего на «определяемое и приложение», то относительно глагольных сочетаний также можно отметить роль приложения второго компонента. Он может быть семантически уже и иметь дополнительную семантическую нагрузку, чем он уточняет и характеризует первый компонент.

Юные спортсмены будут не только ***трудиться-тренироваться****, но и ездить на экскурсии в Москву и по Подмосковью.* (Regnum.ru)

А в целом, все было по-прежнему – ***работали-пахали.*** (Sport.ru)

Ниточка потянулась – стал Сергей ***собирать-коллекционировать*** *военную форму и снаряжение*. (АРС-ПРЕСС)

Нередко дефисация охватывает синонимические глаголы, деривационно связанные друг с другом. Их можно разделить на 3 группы. Первую группу составляют сочетания производящего и производного глаголов. Вторая группа состоит из сочетаний разнопрефиксальных и однокоренных глаголов. Наконец, в третью группу входят сочетания однопрефиксальных и разнокоренных глаголов. Наименее широко встречается вторая группа, а наиболее широко – третья группа.

Государство (..) заинтересовано в том, чтобы пенсионеры ***работали-подрабатывали*** *нянечками, библиотекарями, преподавателями (..).* (Советская Россия)

Он купил избушку, ***пристроил-надстроил*** *ее.* (Независимая газета)

Наугад взяла несколько томиков, ***полистала-почитала****, и в одном из них что-то зацепило.* (Звезда)

Частотность третьей группы объясняется тем, что акциональные значения, часто передаваемые префиксами, относятся к семам «максимально общего, абстрактного характера» [5, с. 51], и дефисные сочетания подчеркивают общую категориальность глаголов.

Дефисация, как и многие орфографические и пунктуационные способы, тесно связана с идиостилем, то есть индивидуальным употреблением небуквенных знаков и знаниями или незнаниями правил.

При расшифровке устной речи дефис использует не сам говорящий, а пишущий. В этом случае выбору дефиса, возможно, способствует просодический фактор, то есть слитное произнесение слов.

Здравствуйте, Мариночка, ***приходите-заходите.*** (Эхо Москвы)

Сочетание синонимов можно рассматривать как перебор синонимов, который встречается в разных жанрах, в разных целях – для достижения риторического эффекта, усиления семантики, заполнения паузы. Тем не менее, перебор синонимов представляет собой плеоназм, который является характерной чертой спонтанной речи. В письменной речи, где есть возможность «отредактировать» и «отшлифовать» излагаемое, перебор синонимов может наблюдаться меньше, чем в устной речи. Однако данный процесс фиксируется и в письменном виде, возможно, для отражения устности текста, и в таком случае по пунктуационному правилу компоненты обычно разъединяет запятая.

*Отдыхайте, отдыхайте – **полистывая, почитывая**.* (Outdoor Media)

*Я их **собираю, коллекционирую**.* (Новости Большой Москвы)

*Нужно в себе **разобраться, покопаться**.* (Спорт-Экспресс)

Говорящий может не довольствоваться с первого раза попыткой вложить передаваемую мысль в одну языковую единицу, а прибегает ко второму и дальнейшему для пояснения. Следует также отметить вольное и невольное добавление языковой единицы в ходе коммуникации, когда говорящий к только что использованному слову добавляет семантически близкое или тождественное второе, которое приходит ему в голову. Словесная единица принимает форму не только слова, но и словосочетания или даже простого предложения.

*«Те, кто выдержали, я, например, радуюсь, что они выдержали, продержались **до последнего, до конца**, и они герои, герои считаются» (..).* (Вести)

***Все течет, все меняется, все проходит**… Так говорили древние.* (ЦентрАзия)

Семантическая избыточность рискует вызвать неопределенность и промежуточность, поскольку говорящий не определяется одним языковым средством, и перед слушающим и читателем встает задача извлечь важное и общее из предоставленного словесного выбора. Со стороны пишущего, дефис функционирует как удобное средство, которое графически скрывает и тем самым обосновывает семантическую избыточность.

3. Альтернативные способы рассматриваемого типа дефисации

Поскольку глаголы, соединенные дефисом, представляют собой однородные члены предложения, дефис может заменяться графическим, пунктуационным и синтаксическим способами.

Дефис можно заменить косой чертой, которая представляет собой «знак альтернативности понятий или обозначения единого сложного понятия» [3, с. 99]. Функцию дефиса выполняют также скобки, в которых вмещаются «дополнительные сведения, замечания, уточнения, пояснения, поправки к сказанному», поскольку они «разъясняют, толкуют основную часть высказывания» [3, с. 237]. Однако если дефис и косая черта могут ставить компоненты равноправно, то скобки сохраняют смысловую иерархию компонентов: компонент в скобках обычно вторичен по отношению к первому.

*Если кто-то ломает твою ментальную модель, то ты, (..) будешь **стараться/стремиться** поломать его модель.* (Континенталистъ)

***Воровали (приватизировали)** ведь все, тогда и Ходорковский не виновен.* (Politforums.net)

Дефис заменяется также запятой, которая разделяет однородные члены предложения. Подобные случаи представлены в предыдущем разделе.

Наконец, дефис могут заменить собой соединительные союзы *и* и *или*. Союз *и* соединяет однородные члены и может выражать единое понятие. Помимо устойчивых синонимических сочетаний типа *везде и повсюду, тихо и спокойно*, он свободно соединяет два синонима. Союз *или* может функционировать не только в разделительной, но и в неразделительной функции, и по этому же значению может быть равен союзу *и* [8, с. 190–197]. Он объединяет компоненты, тем самым придавая семантику альтернативности. По сравнению с запятой и дефисом, соединительные союзы в большей степени структурируют высказывание. Однако в таком случае компоненты должны иметь более строгие логические отношения [9, с. 301].

При сравнении дефиса, запятой и союзов необходимо отметить просодические свойства, которые реализируются в каждом случае по намерению создателя текста. Если соединительные союзы однозначно удлиняют высказывание, а написание глаголов через запятую предполагает разные степени паузы, то для дефисного

написания, несомненно, характерна просодическая слитность, и употребление дефиса является попыткой в письменном виде отражать просодию в некоторой степени неструктурированного и нелаконичного высказывания. Однако данный просодический аспект требует дальнейшего анализа.

4. Выводы

В современной письменной практике неформального характера дефис расширяет свои функции на глагольную сферу. Дефис как небуквенный орфографический знак проявляет коммуникативный аспект в письменной речи. Если рассмотреть повтор синонимов как черту спонтанной речи, то активизацию употребления дефиса следует считать одним из примеров процесса коллоквиализации письменной речи.

Рассмотренные дефисные глагольные сочетания выявляют синонимический ряд, который актуализируется у говорящего в речевом потоке и в создании текста, освещают вопросы синонимии, синонимизации слов и частотности их контактного употребления в динамическом ходе письменной коммуникации.

Литература

1. *Бучкина, Б. Э.* Дефис. // Русский язык. Энциклопедия. 2-е издание. Москва, 1997.
2. *Вайс, Д.* Двойные глаголы в русской разговорной речи в зеркале Национального корпуса русского языка: формы императива множественного числа. // Contributions suisses au XVe congrès mondial des slavistes à Minsk. 2013, С. 319-341.
3. *Лопатин, В. В.* Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. Москва, 2016.
4. *Лю Г., Чжоу Чж., Ахметова Г. Д.* Языковые традиции и языковые процессы в духовном пространстве русской прозы. Казань, 2015.
5. *Норман, Б. Ю.* Грамматика говорящего. Санкт-Петербург, 1994.
6. *Попова Т. В.* Полифункциональность русского дефиса. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 682–686.
7. *Розенталь Д. Э.* Русский язык. Орфография и пунктуация. Москва, 2017.
8. *Санников, В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. Москва, 2008.
9. *Урысон, Е. В.* Опыт семантического описания союзов: Лингвистические данные о деятельности сознания. Москва, 2011.
10. *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. Москва, 1960.

СКВЕРНОСЛОВИЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ МЕНТАЛЬНОСТЬ

Шарандин Анатолий
Тамбовский государственный университет, Россия
sharandin@list.ru

BAD WORDS AND ITS IMPACT ON RUSSIAN MENTALITY

Sharandin Anatolii
Tambov State University, Russia

Abstract: *Foul language and bad words are considered inadmissible as a means of communication, because there is a shift from the cognitive level of cognition of reality to the emotional-instinctive level and the change in the conceptual nature of communication itself in people who use them. In the question of the nature of the influence of foul language and mat on the Russian mentality, we see more destruction and believe that profanity as a social and moral disease can not have a positive effect as a whole without destroying the mentality.*

Key words: *language, communication, mentality, destructive tendencies.*

В аспекте обсуждаемых вопросов экологии языка и коммуникации наиболее актуальным и злободневным оказывается связь сквернословия и особенно мата как его крайнего проявления с ментальностью человека. Наиболее наглядной эта связь стала выявляться на нынешнем этапе развития лингвистики, когда основным принципом лингвистических исследований стал антропоцентризм. В центре внимания оказывается человеческий опыт, его сознание, связанное с отражением и интерпретацией мира в языке, взаимосвязь и взаимодействие различных типов знаний, сопряженность индивидуальных особенностей сознания, психики, культуры и поведения человека с соответствующими коллективными представлениями в разных областях знаний, реализуемых концептуальными системами человека в коммуникации.

Одним из важнейших проявлений концептуальной системы человека является его ментальность (менталитет), которая, как и сама концептуальная система, оказывается доступной анализу и выявлению ее особенностей благодаря языку как универсальному средству репрезентации единиц сознания и познания. Именно язык в различных речевых формах его реализации в коммуникации доступен описанию и тем самым позволяет судить о тех или иных изменениях в сознании человека вообще и ментальности в частности. Поэтому, наряду с концептуальной картиной мира, существует ее разновидность, отражающая взаимосвязь и взаимодействие языка и ментальности. Будучи языковой по характеру репрезентации концептуальной системы человека, ментальность включает в себя «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [2, с. 15]. В словаре «Культурология. XX век» «ментальность, менталитет» определяются как «общая духовная настроенность, относительно целостная совокупность мыслей, верований, навыков духа, которая создает картину мира и скрепляет единство культурной традиции или какого-либо сообщества» [3]. Данное определение в большей степени сориентировано на понимание ментальности в широком смысле, т.е. не столько как разновидности языковой картины мира, сколько как разновидности концептуальной картины мира. В рамках настоящей статьи принимается широкое понимание ментальности.

Что же касается сквернословия, то для понимания его природы и сущности для нас значимо содержание этого понятия. Оно включает в себя сочетание двух понятий – «скверна» и «слово». Первое понятие в «Словаре живого великорусского языка»

В. И. Даля определяется как «мерзость, гадость, пакость, все гнусное и противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; разврат, нравственное растление; все богопротивное» [1, с. 194–195]. Следовательно, буквально сквернословие можно осмысливать как скверну, которую привносит слово. Как легко заметить, большинство компонентов в этом содержании связано с отрицательными моментами, которые в той или иной степени влияют на различные уровни человеческого бытия, включая и ментальность. По существу, сквернословие оказывается болезнью, только, скорее всего, не физической, а нравственной и духовной, которая разрушает не столько тело человека, его физиологию, сколько его душу, его сознание, особенно в той части, которая определяет природу ментальности. В наиболее жестком виде сквернословие представлено в мате и обсценной лексике, имеющей оскорбительный характер.

Отношение к сквернословию и мату в русской ментальности представлено двумя позициями носителей языка. С одной стороны, сквернословие и матерная речь находят оправдание в менталитете человека как связанные в его жизнедеятельности с положительными, созидательными свойствами сквернословия и, вследствие этого, оказываются допустимым в современной коммуникации. Так, например, считается, что они снимают психологическое напряжение человека, позволяют ему расслабиться, уменьшить болевые ощущения и т.д. Не случайно говорят о своеобразной терапии посредством мата.

С другой стороны, сквернословие и матерные выражения рассматриваются как недопустимые в качестве средства выражения, поскольку это влечет за собой *переключение с когнитивного уровня познания действительности на эмоционально-инстинктивный уровень*, близкий к междометному общению, который представлен в коммуникации, прежде всего, элементарными нечленимыми высказываниями. Этот переход оказывается разрушительным для сознания и познания мира, ибо в этом случае человек, для которого основной формой обыденной речи оказывается мат, способен к переработке, хранению и передачи в большей степени той информации, которая сориентирована на эмоциональность, а не на логико-рассудочную информацию. В результате происходит утрата полноценного речевого общения, переключение его на эмоции и общие выражения в плане согласия / несогласия, поддержания разговора на поверхностном уровне и т.д. Таким образом, с коммуникативной точки зрения сквернословие и мат несут минимум информации, поскольку матерная речь представляет собой форму нечленимой речи, в большей степени связанную с выражением эмоций, характер которых часто зависим от конкретных ситуаций. В этом плане матерная речь близка к междометной речи [4].

Естественно, дальнейшие деструктивные тенденции, обусловившие изменения в русской ментальности, во многом были уже связаны с характером коммуникации, которая ограничивала возможности носителей, зависимых от сквернословия и мата, в понимании и восприятии ценностей, присущих народной ментальности. Поэтому причиной деструктивного влияния сквернословия на русскую ментальность оказалось изменение концептуальной природы самой коммуникации у людей, употребляющих сквернословие и мат. И хотя число матерно зависимых носителей языка, т.е. употребляющих сквернословие и мат в качестве средства коммуникации, как основного способа передачи информации в обыденном общении, в целом, невелико – 2–3 %, (по данным социологических исследований), но база для пополнения их рядов достаточно значительная. Так, по данным опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», 61 % опрошенных ответили положительно на вопрос, употребляют ли они нецензурные слова и выражения. В нашем опросе, проведенном среди студентов, это процент составил 80 % [6]. Говорить о том, что эти носители русского языка имеют матерную зависимость неправомерно, но нет гарантии, что они не пополнят со временем ряды этих

матерно зависимых членов нашего общества. Ведь и больных СПИДом было вначале не так уж и много, а сейчас – эта проблема стоит остро. По данным социологического исследования, проведенного в Петербурге и провинции, свыше 80 % молодых людей считают нецензурную речь в быту допустимой. На первом месте питерские старшеклассники (90,7 %). У нас в Тамбове опрос старшеклассников-лицеистов показал, что употребляют матерные выражения «часто» 13%; «иногда» – 63%; т.е. 76 % [6]. Самое удивительное, что разница между юношами и девушками обнаруживается только в допустимости такой лексики в зависимости от ситуации: юноши чаще допускают в любой ситуации, а девушки чаще – в зависимости от ситуации (общий же процент практически у тех и других одинаков). В отношении к ненормативной речи происходит сближение полов, как и в других сферах поведения (одежда, татуировки, пиво и др.).

Отношение к сквернословию и мату на разных этапах развития общества было различным. Особо следует сказать о мате, поскольку первоначально матерные выражения не выражали обсценного (оскорбительного) содержания. Они имели сакральное происхождение, в силу чего рассматривались как магические формулы, как своего рода священные заклинания. Поэтому традиционно историю мата связывают с оккультными и сексуальными обрядами, игравшими важную роль в ритуальной жизни наших предков, древних людей. В частности, отмечают их роль в земледельческой магии, в ритуалах, связанных с сексуальным действом. Но в настоящее время произошло переосмысление ранее нематерных выражений в матерные, т.е. *произошла вторичная концептуализация*, связанная с характером межличностных отношений, которые получили в языке переосмысление слов и выражений в качестве оскорбительной (обсценной) лексики. Древние истоки обрядовых и различного рода ритуальных знаний в настоящее время большинством народа по существу не осознаются, и первичной становится обсценная (оскорбительная) функция русского мата. В языке и менталитете происходит вытеснение древнего нематерного выражения культурологических ценностей современным матерным значением в языке и оскорбительной функцией в менталитете.

Таким образом, мат – это результат постепенного осознания действенности слова как орудия оскорбления, как средства возвышения над другим человеком, его унижения. Для этого все в большей мере стали использоваться выражения, связанные с сексуальными действами, которые отрицательно оценивались в общественном сознании, поскольку осознание взаимосвязи с культовыми и ритуальными действами не оказывались в сознании носителей языка на поверхностном уровне, тогда как выражения сексуального характера достаточно легко воспринимались и фиксировались в обыденном сознании.

Прежде всего, деструктивные тенденции, связанные с матом и сквернословием, сказались на утрате в менталитете человека религиозных ценностей, в восприятии освященности слова в качестве божественного дара. Как известно, первая фраза Евангелия от Иоанна такова: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Именно словом Бог создал все сущее. Но очень скоро дьявол тоже словом искусил Адама и Еву, и первые люди потеряли рай, созданный для них Богом. Вот так уже в начале бытия слово оказалось и созидательным, и разрушительным. В православной религии сквернословие решительно отвергается. В христианстве принято считать, что на матерном языке общается нечистая сила. Поэтому не случайно уже в первые века христианства появилось множество поучений против матерщины. В одном из таких поучений, приписываемому Иоанну Златоусту, говорится, что матерным словом оскорбляется, во-первых, Матерь Божия, во-вторых – родная мать человека и, наконец, «третья мать» – мать-земля. С позиций православной культуры мат представляет собой антикультуру, которая противоречит православным традициям и ценностям. Поэтому в

менталитете верующих это отрицательное отношение к сквернословию и мату сохраняется, тогда как у молодого поколения такое отношение утрачивается.

Таким образом, сквернословие и мат разрушают ментальность, связанную с верой человека, прежде всего, с непорочным зачатием Христа. В православии обсценную (оскорбительную) лексику определяют специальным термином – «инфернальная лексика» (значит «адская, из преисподней»).

Характер матерной речи влечет за собой отсутствие полноценного понимания и в отношении литературной речи, сориентированной на логико-рассудочный способ восприятия действительности, а также и поэтического языка (речи) как высшей формы литературного языка и языкового сознания. Естественно, для сознания, репрезентированного нечленимой эмоциональной речью, усвоение поэтического текста с его образами оказывается, в принципе, неосуществимым. В этом случае для матерно зависимых носителей языка естественным будет текст, содержащий сквернословие и мат, наличие которых позволит уловить смысл поэтического текста.

В связи с этим особо следует отметить так называемую выразительность русского мата. Это миф, который обусловлен тем, что, с точки зрения выразительности, мат, несомненно, выразителен, поскольку он по своей природе коннотативен, экспрессивен и эмоционален. Но здесь следует помнить, что есть **выразительность** и *выразительност*ь. Есть **выразительност**ь, связанная с художественными культурными ценностями, с образностью и поэтикой, а есть *выразительность*, которая имеет антикультурный и антихудожественный характер, которая лишь имитирует художественность, является ее суррогатом. Мат по существу является антихудожественным средством в поэтике литературных произведений, его эстетический потенциал имеет, скорее, отрицательный, чем положительный характер. Поэтому создаваемый в русской ментальности положительный образ мата как художественного изобразительно-выразительного средства необходимо развенчивать, хотя у сторонников такого взгляда есть, казалось бы, веские основания – наличие в фольклоре и в художественных текстах известных поэтов и прозаиков сквернословия и мата. На наш взгляд, и здесь выразительность мата как художественного средства достаточно сомнительна.

Итак, в вопросе о характере влияния сквернословия и мата на русскую ментальность мы видим в большей степени деструктивизм, считая, что сквернословие как социальная и нравственная болезнь не может иметь положительного эффекта в целом, не разрушая ментальность.

Поэтому не случайно, что именно язык в наибольшей степени подвержен идеологическим нападкам со стороны тех, кто не заинтересован в единстве народа, кто стремится разрушить общество изнутри. Умные политики поняли, что язык не просто отражает действительность, но и оказывает определенное влияние на формирование менталитета человека, его поведение. Достаточно показательны в этом плане, например, такие ментальные сущности, как «свобода», «демократия», которые, будучи универсальными для сознания всех людей, тем не менее, имеют свою специфическую национальную ментальность, что, в конечном счете, определяет различное поведение людей, использующих эти понятия в своей деятельности. Вот почему отношение к слову, к языку – это отношение, которое не может определяться русским «авось», не может быть пренебрежительным по принципу «как не сказал, лишь бы поняли». В том и дело, что при таком отношении к языку люди часто не понимают друг друга. В том, что известный персонаж Ильфа и Петрова Эллочка Щукина имела словарный запас в 30 слов, нет ничего, что заслуживало бы интереса к ней, если бы она жила вне общества или только со своей подругой. Но, живя в обществе, такие личности, как Эллочка Щукина не способны осознавать и понимать других людей, если это оказывается за пределами

эмоций, которые составляли ее мир. «Мрак!», «Жуть!» «Блеск!» – вот так называемые слова Эллочки Щукиной, определявшие его и мир взаимоотношений с другими людьми.

Более того, такое отношение, на наш взгляд, оказывается сознательно культивируемым и внедряемым в общественное сознание. Если по отношению к россиянам старшего поколения такая языковая политика не результативна, то представители молодого поколения усваивают такое отношение к речевому общению и языку в целом как некую норму, как то, что не является значимым для менталитета общества с его стремлением пренебречь нравственными и социально-культурными ценностями. Поэтому возникает вопрос: не используется ли наш язык в качестве инструмента, средства одурачивания и зомбирования различных слоев населения при проведении многих так называемых политических, социально-культурных и экономических реформ?

Действительно, в ряде случаев мы имеем положительный эффект от употребления мата. Но и наркотики в ряде случаев позволяют добиться облегчения каких-то недугов (например, при лечении рака как средство обезболивания). Однако можно ли наркотическую зависимость рассматривать как допустимое состояние для человека? Чем наркотическая зависимость отличается от матерной зависимости? Только тем, что в первом случае она приводит к физической деградации человеческого организма, а во втором – к нравственной деградации, к болезни духа и души человека. Поэтому использовать мат как средство психотерапии в отношении *всех людей* – это преступление. Тем, кому мат необходим для психологической разгрузки, можно предложить образовывать общества любителей мата, где они могут продемонстрировать все «богатство» и «разнообразие» матерных выражений.

На наш взгляд, *сквернословие и мат являются своего рода речевым СПИДом* [5], болезнью, которая все в большей степени захватывает нравственное и духовное здоровье нации, оказываясь средством повседневного общения. Думаем, что сквернословие, как и СПИД, на современном этапе развития нашего общества не излечимо. Но это не означает, что не нужно бороться с этой болезнью, которая ведет к нравственному опустошению человека, к его инстинктивному существованию. А учитывая, что язык влияет на поведение человека и его отношение к миру, его восприятие (Гумбольдт и др.), то естественно, этого влияния не избежит и менталитет человека.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1V. Москва, 1980.
2. *Колесов В. В.* Язык и ментальность. Санкт-Петербург, 2004.
3. *Культурология. XX век:* Энциклопедия. Санкт-Петербург, 1998.
4. *Шарандин А. Л.* Сквернословие и его функции в аспекте экологии языка и речи // Экология языка и речи. Тамбов, 2015. С. 26-30.
5. *Шарандин А. Л.* Грозит ли российскому обществу «речевой СПИД»? // Трубачевская соборная встреча. Вып. 2. Волгоград, 2014. С. 182-188.
6. *Шарандин А. Л., Викторова Т. П.* Отношение к речевой культуре в российском обществе (о некоторых результатах социологического анкетирования) // Культура речи на рубеже XX – XX1 веков. Тамбов, 2005. С. 63–78.

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ЭКОЛОГИИ

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК НЕРУССКИЙ: ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННЫХ ТЕКСТАХ РЕКЛАМЫ И СМИ И ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Архангельская Юлия, Манчев Владимир, Савогина Инна
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, Россия
Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария
Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого, Россия
archangelju@yandex.ru; v.manchev@abv.bg; savoginna@mail.ru

RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN: MISTAKES IN THE USAGE OF WORDS AND PHRASEOLOGISMS IN THE MODERN TEXTS OF ADVERTISING AND MASS MEDIA AND DIFFICULTIES IN TRANSLATION

Arhangelskaya Yulia, Manchev Vladimir, Savogina Inna
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia
Sofia Universitety St.Klimeht Ohridski, Bulgaria
Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Russia

Abstract: *In the article are explored the mistakes in the usage of words and phraseologisms in the texts of modern media and advertising. Authors also highlight the reasons of why in their opinion many native speakers have poor command of Russian language, though many research works exist devoted to this problem and the steps are made to overcome the emerged situation. Moreover the authors point out that the wrong word usage in the text creates difficulties in teaching their translation into foreign language.*

Key words: *speech culture, the mistakes in the usage of words and phraseologisms, texts in media and advertising, problems in translation.*

Снижение уровня языковой и речевой культуры и просто элементарной грамотности людей, считающих русский язык своим родным языком, стало уже общим местом. Заметные и резкие изменения в худшую сторону отмечаются с начала 90-х годов XX века. Засилие заимствований (часто неоправданных), речевая агрессия, жаргонизация речи – вот неполный перечень явлений, с которыми мы сталкиваемся в СМИ каждый день уже четверть века и на которые неустанно указывают лингвисты, отмечая, что все это отнюдь не делает наши коммуникативные навыки лучше. На эту тему написано немало исследований, начиная со знаменитой монографии М. Кронгауза «Русский язык на гране нервного срыва» [4]. Журналисты призывают говорить по-русски правильно [3], [9], [10], языковеды, с одной стороны, стараются добраться до сути проблем [2], [8], с другой стороны, восхищаются силой и стойкостью русского языка, его способностью эволюционировать вместе со временем [5], [6]. Одни труды обращены к лингвистам, другие – к обычным носителям русского языка.

На первый взгляд, все правильно и понятно: книги написаны, причины вскрыты, новые явления проанализированы. Однако владение родным языком у многих его носителей все еще остается, мягко говоря, весьма неуверенным. С чем это связано? Рискнем выдвинуть предположение, что все дело в том, что нет общественного запроса, в обществе нет потребности в людях, которые бы хорошо владели русским языком и речью. Есть только понимание того, что русский язык «переживает не лучшие времена», и это понимание достаточно конкретно сформулировано в работах лингвистов. Их мнение услышали в Министерстве образования и науки РФ, и попытки

что-то сделать в направлении повышения уровня владения населением родным языком были предприняты на государственном уровне. В результате этого в России в ЕГЭ по русскому языку появились вопросы и задания, призванные проверить уровень языковой и речевой (а не только орфографической и пунктуационной) грамотности выпускников школ. В тесте ЕГЭ по русскому языку теперь есть задания на правильную постановку ударения, на исправление грамматических ошибок на морфологическом и на синтаксическом уровне, а в 2018 году в данный тест включено задание на выявление и исправление речевых ошибок. Предполагается, что учителя-словесники будут готовить выпускников к выполнению подобных заданий, и уровень языковой культуры последних станет выше. Таким образом, есть понимание критического состояния ситуации и есть желание ее исправить. Но нужно ли все это обществу?

Попробуем разобраться. С чем мы сталкиваемся каждый день в средствах массовой информации? С вопиющей безграмотностью и тех, кто пишет тексты, и тех, кто эти тексты произносит. Бесчисленные «прогнозы (планы) на будущее», «на сегодняшний день», «в самое ближайшее время», «период времени» и другие ошибочные словоупотребления постоянно встречаются в речи журналистов на всех каналах радио и телевидения России, в текстах журналов и газет, в том числе и в интернет-прессе. Но разве кого-нибудь из работодателей этих журналистов, например тех, кто служит в дирекции информационных программ телеканалов, это беспокоит? Судя по всему – нет. Всех все устраивает. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что попытки одного из авторов этой статьи выразить возмущение тем, как произносят тексты журналисты информационных программ на «1 канале» ТВ, не возымели никакого действия. Вот это письмо, написанное в дирекцию информационных программ данного канала: «Уважаемая дирекция! Примите меры. Постоянно слышим в эфире информационных программ речевые ошибки в текстах, которые произносят ведущие. Из последнего: 22.12.2017; 12:00; Виктория Кораблева в эфире: “…работы на шахте *временно приостановлены*”. Я работаю в Тульском госпедуниверситете им. Л. Н. Толстого и совместителем в лицее в старших классах, преподаю русский язык, доцент, кандидат наук. С этого года в тесты ЕГЭ по русскому языку включено задание на исправление речевых ошибок, в том числе и таких, о которых шла речь выше. Как мы можем требовать от детей речевой грамотности, если даже на «1 канале» тележурналисты допускают такие ошибки, которые дети должны исправлять в тестах? Учились ли ваши сотрудники в университете, есть ли у них высшее образование? Кто пишет для информационных программ тексты?» На подобного рода письма, отправленные на радио или телевидение в советское время и даже позднее, в 90-е годы, ответы (с подробным анализом и признанием ошибок) приходили незамедлительно, хотя в то время еще не было электронной почты. На приведенное выше письмо (естественно, написанное на сайте «1 канала» ТВ в интернете) ответ не пришел вовсе (для сравнения: ответ из гостиницы на письмо с жалобой на некачественное обслуживание приходит в настоящее время в течение двух суток). О чем это говорит? О том, что профессиональные навыки в области русского языка и культуры речи журналистов, работающих в сфере СМИ, не являются сегодня востребованными. Руководству канала безразлично, насколько хорошо говорят по-русски журналисты, которые на нем работают. Видимо, сегодня другие умения являются приоритетными.

Данная проблема осложняется еще и тем, что молодые люди, школьники, растут, постоянно слыша вокруг себя языковые и речевые ошибки. Школьному учителю трудно противостоять такому давлению. Учитель настаивает: «Это ошибочное словоупотребление». Однако именно с этим ошибочным словоупотреблением учащийся сталкивается постоянно, по многу раз в день (в радио- и телепередачах, в интернете, не говоря уже о семье, родственниках и друзьях). И он отвечает (вслух или

про себя): «Но ведь все так говорят!» Таким образом, получается замкнутый круг: в СМИ работают журналисты, плохо владеющие русским языком, и в результате их деятельности вырастают поколения, которые уверены, что в словосочетании «временно приостановлены» что-то неправильное видит только придирчивый учитель русского языка, а весь народ так и говорит, значит, это правильно.

Нередко, пытаясь усилить воздействие на читателя, журналист употребляет фразеологические единицы в креолизованных текстах, то есть в таких текстах, в которых используются фотографии, картинки, карикатуры, схемы, графики и прочее. Однако отнюдь не всегда подобные попытки бывают успешными. Так, для рекламной кампании одного из кандидатов в депутаты от партии «Справедливая Россия» (в августе 2013 г.) в информационном вестнике была использована его фотография, на которой депутат сидит, опираясь на стол согнутыми в локтях руками и соединив пальцы, то есть буквально «сложив руки» перед собой. Изображение «подкрепляется» в газете заголовком, представляющим собой цитату из речи кандидата: «Мы не сидим, сложа руки», что в корне противоречит изображению. Фразеологическая единица *сложа руки* имеет узуальное значение ‘ничего не делая, бездельничая’ [11, с. 433]. Исходя из этого, заголовок следует понимать так: «Мы не бездельничаем». Однако фотографическое изображение кандидата в депутаты, сидящего со сложенными руками, противоречит тексту. С одной стороны, читатель, в соответствии с замыслом журналиста и с вербальной стороной креолизованного текста, должен был бы поверить обещанию кандидата в депутаты работать, помогать современному обществу, решать проблемные ситуации («не сидеть сложа руки»), а с другой стороны, рассматривая фотографию человека, сидящего, сложив руки (то есть ничего не делая), отражающую невербальную сторону, адресат может сомневаться в правдивости этих обещаний. Данное употребление фразеологической единицы является примером коммуникативной неудачи, в котором авторские интенции не реализованы. Подобное несоответствие изображения тексту вследствие обманутого ожидания производит юмористический эффект. Неслучайно данный креолизованный текст попал в рубрику «Маразмы» на популярном сайте www.adme.ru [12].

Следует с сожалением признать, что в текстах современной массовой печати и интернет-прессы трансформации фразеологических единиц, предпринимаемые авторами для усиления воздействия на читателя, нередко бывают неудачны, в подтверждение чего можно привести заголовок статьи «*Только труд сделает депутата человеком»*, опубликованной в период предвыборной агитации.

Крылатая фраза *Труд превратил обезьяну в человека* представляет собой цитату из статьи Ф. Энгельса «Роль труда в превращении обезьяны в человека», вошедшей в книгу «Диалектика природы» (1873–1882) [7, с. 486]. В современном русском языке данное выражение употребляется в следующих значениях: 1. О труде как основном отличии человека от животных; 2. Поощрение, поддержка много работающего или занятого физическим (обычно тяжелым) трудом человека [1, с. 693].

В приведенном примере наблюдается замена компонентов фразеологической единицы «обезьяна» – «депутат», «превратил» – «сделает». Коммуникативная интенция автора (журналиста) была направлена на рекламирование положительных сторон личности депутата, но речевой акт оказался неудачным. Замена компонентов «обезьяна» – «депутат» предполагает наличие у них общих сем, что само по себе настраивает читателя на юмористический лад, и, кроме того, трансформированная крылатая единица вынуждает адресата думать, что ранее (до того, как он стал трудиться) депутат не был человеком. В результате трансформация крылатого выражения в данном тексте производит комический эффект вопреки замыслу журналиста.

Носителей языка «учат» неправильно говорить по-русски не только современные СМИ. Не отстает и реклама, которая, как известно, является мощным средством воздействия на массы. Под этим мы подразумеваем не только продвижение товаров на рынке, но и внедрение в умы идей. Недаром В. В. Маяковский писал о своей работе в «Окнах РОСТА»: «Поэт вылизывал чахоткины плевки шершавым языком плаката», имея в виду свою в каком-то смысле подвижническую деятельность на этом поприще в трудные годы разрухи и гражданской войны после Октябрьской революции 1917 г. Но в наше время сама реклама в России превратилась в плевок в лицо всем просвещенным людям. На тюбике зубной пасты «Новый жемчуг» читаем: «Здоровые и крепкие зубы для всей семьи» (как будто зубы изготавливаются где-то отдельно и предлагаются членам семьи для покупки). На упаковке прокладок фирмы «Naturella. Classic. Camomile»: «Специальный лосьон, который помогает предотвратить кожу от раздражения» (тогда как по-русски следовало написать «помогает предотвратить раздражение кожи»). Реклама в России давно перестала слышать сама себя. С попыткой рекламировать свою продукцию или услуги связаны, например, такие абсурдные названия магазинов и других городских объектов: «Диабет Плюс» (торговая компания), «Одиссея» (название туристического агентства); «Далила» (название парикмахерской), «Вавилон» (название агентства недвижимости). Может быть, такие названия и существуют потому, что те, для кого они предназначены, уже не знают ни того, что слово «одиссея» ныне стало нарицательным и обозначает долгие странствия, чаще всего сопровождающиеся всевозможными трудностями и многочисленными превратностями судьбы; ни того, что Далила – это имя женщины из ветхозаветного предания, которая, будучи возлюбленной Самсона и узнав, что непобедимая сила его находится в волосах, остригла Самсона и предала в руки врагов; ни того, что, согласно всемирно известному библейскому мифу, в Вавилоне люди решили построить башню до небес, бросив вызов Богу, который, чтобы наказать их, «смешал их языки», люди перестали понимать друг друга и не смогли закончить строительство. Стертая метафора «мир» (чего?) из рекламы перешла в названия магазинов, в результате чего появились многочисленные, часто абсурдные «миры»: «Мир обоев», «Мир мужских сорочек», «Мир натяжных потолков», «Мир дверей», «Мир колясок», «Мир антенн», «Мир плитки» и даже «Мир секонд-хенд», обретающий почти философское звучание в наше время, хотя те, кто называл так магазин, об этом, конечно, и не помышляли.

Принимая во внимание тот факт, что при обучении переводу в вузе традиционно используют тексты СМИ, вполне понятно, какую серьезную трудность при переводе данных текстов представляет наличие разного рода ошибок и неточностей. Следовательно, еще на этапе отбора текстов СМИ преподаватель должен это учитывать. С другой стороны, поскольку идеальных текстов не существует, тактика предварительного исправления всех имеющихся в тексте ошибок и неточностей, его адаптации, как нам представляется, неоправданна. Так, например, грамматические ошибки можно использовать для иллюстрации случаев неправильного употребления грамматических форм, орфографические – для обсуждения правил правописания и т.д.

Необходимо объяснить студентам, что им, как будущим переводчикам, так или иначе придется иметь дело с несовершенными текстами практически постоянно. Отсюда следует, что преподаватель перевода должен подготовить своих студентов к тому, чтобы справляться с переводами текстов, содержащих самые разнообразные ошибки. На начальном этапе студенты должны научиться эти ошибки опознавать, а затем при переводе исправлять.

При обучении студентов-русистов, как правило, используются публицистические тексты самой разной направленности, отсюда и достаточно широкий спектр ошибок. Так, например, заглавие статьи в «Российской газете» гласит: «Льготников освободят от сбора

при покупки билета в электричке» [13]. В данном случае уже в заголовке мы обнаруживаем грамматическую ошибку – “при покупкИ” вместо “при покупкЕ”, т.е. у студентов, столкнувшихся с таким текстом, возникает когнитивный диссонанс. С одной стороны – преподаватели учили их, что в этой конструкции употребляется предложный падеж с окончанием «е», с другой стороны – авторитетная российская газета предлагает им совсем другой вариант окончания.

Приведем еще один пример из российских СМИ: «По факту контроллеры в электропоездах продают «бесплатный билет» и просят оплачивать сбор за оформление билета в электричках, например, Московской области он составляет 100 рублей.» [13] – в этой загадочной фразе явно пропущен предлог «в»: «в Московской области».

В болгарских СМИ (причем в последних даже, кажется, чаще) мы также регистрируем ошибки, связанные, например, с использованием жаргонизмов и алогичных конструкций. Так, на электронном ресурсе news.bg мы читаем: «Младежи, тръгнали да купонясват под Шипка, вдигнаха на крак 4 служби» [14] («Молодые люди, отправившиеся зажигать под Шипкой, подняли на ноги 4 службы» – здесь жаргонизм «купонясвам» даже не заключен в кавычки). Или другое заглавие на том же сайте: «Застрашителното ниво на река Сена евакуира 1 500 души в Париж» [15] (буквально: «Угрожающий уровень реки Сена эвакуировал 1 500 человек в Париже»). Как будто уровень может кого-либо эвакуировать.

Таким образом, современные и российские, и болгарские СМИ (в особенности электронные) изобилуют самыми разными ошибками, представляющими собой, с одной стороны, источник затруднений для переводчика, а с другой – обширное поле деятельности как для преподавателя перевода, так и для студентов.

Литература

1. *Дядечко Л. П.* Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц / Л. П. Дядечко. Москва: НТ Пресс, 2008.
2. *Козырев В. А., Черняк В. Д.* Современная языковая ситуация и речевая культура: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2012.
3. *Королева М. А.* Говорим по-русски правильно. Москва: ИИК «Российская газета», 2007.
4. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак: Языки славянских культур, 2008.
5. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. 3D. Москва: Астрель: CORPUS, 2012.
6. *Левонтина Ирина.* Русский со словарем. Москва: Издательство АСТ: CORPUS, 2016.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Диалектика природы. Сочинения: в 20-ти т. Москва: Госуд. изд-во полит. литер., 1961. Т. 20.
8. *Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2011.
9. *Северская О. И.* По-русски, правильно! Москва: Просвещение, 2011.
10. *Северская О. И.* Говори, да не заговаривайся! Москва: Просвещение, 2011.
11. *Фразеологический словарь* русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Москва: Русский язык, 1978. (12).
12. *URL:* http://www.adme.ru/lynch/my-ne-sidim-slozha-ruki-553605/ (дата обращения: 27.03.2016).
13. *URL:* https://rg.ru/2018/01/26/dlia-lgotnikov-predlozhili-ustanovit-besplatnyj-proezd-v-elektrichkah.html?utm_source=smi2 («Российская газета», 26.01.2018)
14. *URL:* https://news.bg/regions/mladezhi-tragnali-da-kuponyasvat-pod-shipka-vdignaha-na-krak-4-sluzhbi.html; дата публикации: 22.01.2018
15. *URL:* https://news.bg/disasters/zastrashitelnoto-nivo-na-reka-sena-evakuira-1-500-dushi-v-parizh.html; дата публикации: 28.01.2018

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СМИ КАК ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНА В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Бугаева Ирина, Сидорченко Кирилл
Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия
pas_first_cal@mail.ru

LANGUAGE GAME IN MASS MEDIA AS A PART OF LEXICAL BACKGROUND IN MULTICULTURAL COMMUNICATION ASPECT

Bugaeva Irina, Sidorchenko Kirill
Moscow State University of Psychology and Education, Russia

Abstract: *The paper reviews language game in mass media as a part of lexical background in linguo-cultural aspect. The authors introduce example of using language game in «Forbes» journal. Research represents methods for building titles from writer from Russian Federation and USA.*

Key words: *Language game, mass media, press, mass media language, transformation of phrases, multicultural communication, titles, methods for building titles, functions and aims of titles in mass media.*

Как известно, понятие «языковая игра» (далее – ЯИ) впервые описано Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования» [1, с. 109]. Есть две основные трактовки ЯИ: *логико–понятийная* и *собственно–лингвистическая*. Первое направление представлено в трудах Л. Витгенштейна, Й. Хейзинга, М. Бахтина, Н. Арутюновой. Они рассматривают понятие ЯИ как нарушение нормативности в языке и жизни [2, с. 4]. Представители второго направления (В. Виноградов, А. Вежбицка, Е. Земская, А. Шмелев, З. Санджи–Гаряева) рассматривают ЯИ в жанрово-стилистическом и коммуникативно-прагматическом аспекте [2, с. 5].

Результаты исследований названных ученых свидетельствуют о том, что ЯИ – это столкновение стереотипов. Чаще всего это происходит на уровне культурного и обыденного сознания и сопровождается следующими факторами:

– нарушение определенных языковых норм;
– обыгрывание формы и речевого содержания;
– обманутое ожидание во время восприятия текста.

В данной работе рассматривается ЯИ в заглавиях именно печатных СМИ. В этом случае придерживаемся такого объяснения ЯИ: обыгрывание, интерпретирование языковой нормы с целью изменения значения, добавления особого колорита, оценочной категории.

В широком понятии СМИ охватывает радио, телевидение, газеты и журналы, а также интернет. Мы будем рассматривать только печатные средства (газеты, журналы, интернет), потому что данное исследование опирается на факт визуального восприятия ЯИ.

Несомненно, ЯИ – это один из журналистских приемов, что придает названиям статей нестандартный вид, эффектное звучание. При просмотре новостных сводок, читатель будет впечатлен и захочет познакомиться с полным содержанием текста.

Заголовки, содержащие ЯИ, призваны побудить читателя, оказать на него влияние и оставить впечатление. Поэтому основная цель использования данного приема заключается в привлечении массовой читательской аудитории.

В публицистическом стиле есть стилистически нейтральные средства. Они выполняют функции как, например, сообщение о положении дел, фактах, событиях. Также эти средства отвечают за осмысление, характеристику того или иного события, вырабатывают у адресата определенное отношение к происходящему. Например:

Бой с тенью. Как стать лучшей версией себя в 2018 году;

Друзья Оушена. Как собрать в стартапе команду мечты.

Определенное отношение к происходящему вызывает трансформация текста: перефразирование, использование метафор и прецедентных текстов (далее – ПТ). Например, фраза *«бой с тенью»* заимствована из:

– тренировочных упражнений по восточным единоборствам;

– названия российского фильма *«Бой с тенью»*.

Дальше есть слово *«себя»*. Это является пояснительной частью выражения *«Бой с тенью»*, которое автор использует в своем заглавии.

Второй пример построен по аналогичному принципу. Заголовок начинается со словосочетания *«Друзья Оушена»*. Оно знакомо нам по знаменитому американскому фильму *«Друзья Оушена»*. Здесь также есть глагол *«собрать»* и существительное в винительном падеже *«команда»*. В сочетании мы получаем: *«собрать команду»*. По семантическим признакам два словосочетания *«друзья Оушена»* и *«собрать команду»* являются синонимичными. Таким образом вышеприведенные два заглавия содержат языковую игру. Этот феномен возникает благодаря трансформации текста. Это выглядит как понимание информации, содержащей отсылки к ПТ [3, с. 48].

В российском издательстве всемирно известного журнала «Forbes» обращает на себя внимание некоторая закономерность, схожесть многих заглавий:

Кто тут новенький: практики, которые помогают прижиться в коллективе;
Каникулы строгого режима. Как отдыхать, чтобы легко вернуться к работе;
Дела семейные. Как опыт руководителя поможет уладить конфликт за новогодним столом;
Кошелек или красивая жизнь. Чего на самом деле ожидают россияне от работы.

В перечисленных и многих других заглавиях видно, как каждый пример начинается с ПТ:

– *«каникулы строгого режима»* (заимствовано из российского фильма *«Каникулы строго режима»*);

– *«дела семейные»* (название телепередачи по российскому телевидению);

– *«кошелек или красивая жизнь»* (перефразировано из поговорки *«кошелек или жизнь»*);

– *«кто тут новенький»* (по традициям у многих народов мира принято спрашивать из любопытства: *«кто тут новенький?»*, когда в коллективе, например, в классе, на работе появляется новое лицо).

Вторая часть каждого заголовка содержит дефиниции, а именно отсылки от ПТ. Например, в примере *«Кто тут новенький: практики, которые помогают прижиться в коллективе»* дефиницией является *«коллектив»* в предложном падеже. По такому принципу можно построить следующую схему:

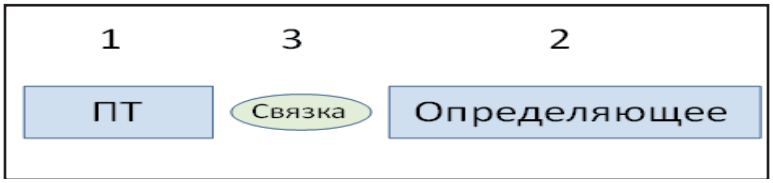
ПТ	**Дефиниция (отсылка)**
Кто тут новенький	*Коллектив*
Каникулы строгого режима	*Отдыхать*
Дела семейные	*новогодний стол*
Кошелек или красивая жизнь	*работа*

Можно установить семантическую связь между первой и второй частью – отсылку к ПТ. Однако наблюдается и синтаксическая связь, более наглядное связующее звено между двумя частями. Приведем примеры:

Кто тут новенький: практики, <u>которые</u> помогают прижиться в коллективе;
Бой с тенью. <u>Как</u> стать лучшей версией себя в 2018 году;
Каникулы строгого режима. <u>Как</u> отдыхать, чтобы легко вернуться к работе;
Дела семейные. <u>Как</u> опыт руководителя поможет уладить конфликт за новогодним столом;
Кошелек или красивая жизнь. <u>Чего</u> на самом деле ожидают россияне от работы;
Друзья Оушена. <u>Как</u> собрать в стартапе команду мечты.

Как видим, первую и вторую часть соединяют вопросительные слова *который*, *чего* и чаще потребляемое *как*. Например, *который* – местоимение, связывающее придаточное определяющее с главным предложением. Наречие *«как»* даже в этих заглавиях отвечает на свой вопрос *«каким образом»*, *«в какой степени, насколько»*. В результате можно сделать вывод, что каждое заглавие делится на тезисную часть (первая, где есть ПТ) и определяющую часть (вторая, где есть дефиниция).

Таким образом редакторы Forbes создают заголовки к статьям по очень простой схеме:



1. ПТ.
2. Определяющее: содержит отсылки – дефиниции, слова раскрывающие смысл ПТ.
3. Связка: чаще всего в Forbes используется наречие *«как»*.

Из вышеприведенной схемы видно, что вторая часть зеркально отражает первую часть, в результате чего рождается основной смысл слов. Кроме того, такой заголовок лучше привлекает внимание читателей.

Отметим следующее. Во–первых, журналисты Forbes создают заглавия по шаблону. Его структуру мы изобразили в вышеприведенной схеме. Во–вторых, каждое заглавие начинается с ПТ. В–третьих, каждое заглавие заканчивается определяющей частью, которая отражает ПТ. Между двумя частями есть связующее звено: двоеточие, вопросы: «что», «как», «почему». Это доказывает «определяющую» функцию второй части. Но также следует отметить и функцию связующего звена: предпосылка читателю, что статья написана в «поучительном стиле», что в статье есть некий свод правил или полезных советов. В доказательство этого приведем примеры:

Очень плохой начальник. Что делать, чтобы вас запомнили как слабого руководителя;
Попасть в нишу. Как начинающему предпринимателю выбрать, чем заняться;
Опасный элемент: почему нужно избавляться от талантливых сотрудников.

При прочтении Forbes на английском языке (Forbes USA) мы заметили, что схема построения заголовков гораздо проще. Американские журналисты отсекают первую часть с ПТ вместе со связующим звеном. Казалось бы, что получается самый

обычный простой «однотонный» заголовок, широко распространенный вариант в прессе. Однако на английском языке заглавия выполняют аналогичную функцию, как и на русском: предпосылка читателю, что статья написана в «поучительном стиле», что в статье есть некий свод правил или полезных советов:

Don't Look For Jobs – Look For An Employer;
Don't File That Patent Yet. File A Provisional Patent Application First;
I Don't Want To See 'Destiny 3' Until At Least Fall 2021.

Здесь уже явно просматривается прямая коммуникация, потому что при прочтении заглавий в таком стиле создается впечатление, будто автор «разговаривает» с читателем. Российский прием со словами «как» американские коллеги заменяют своим, используя глаголы повелительного наклонения и (или) побудительные предложения: «*Don't Look*», «*Don't File*». Если в Российском Forbes для достижения коммуникативной удачи используется языковая игра в начальной части, то в редакции Forbes USA усиливают более «говорящими» названиями статей благодаря наклонению глаголов и побудительным предложением.

Литература

1. *Wittgenstein Ludwig.* Philosophical Investigations. Berlin, 2010.
2. *Крылов Ю. В.* Нарушение норм языка в рекламном дискурсе (прием и антиприем) // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. Новосибирск, 2015. № 2.
3. *Черногрудова Е. П.* Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: На материале центральной, региональной и местной прессы // Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Воронеж, 2003.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ СМИ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ ОЦЕНОЧНОСТИ

Вакулова Елена, Боронкин Павел
Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия
Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия – Технический институт г. Сюйчжоу, Китай
vakulova@mail.ru, boronkin.pavel@gmail.com

MASS MEDIA POLITICAL TEXTS IN THE EVALUATION CATEGORY PERSPECTIVE

Vakulova Elena, Boronkin Pavel
North-West Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia;
Electrotechnical University "LETI", Russia – Xuzhou Institute of Technology, China

Abstract: *The article deals with an important part of modern mass media – political texts, paying a special attention on its main characteristic – estimation and evaluation. Means of estimation on different language levels are described. The authors give interesting examples and come to conclusion that modern political language is full of tendency, ultimate subjectivity, irony, aggressiveness and serves an instrument of public manipulation and political influence.*

Key words: *political text, mass media, estimation, evaluation, subjectivity.*

Трактовка информации в средствах массовой информации (СМИ) тесно связана с формированием общественного мнения, при этом особым потенциалом обладают оценочные высказывания, напрямую влияющие на восприятие текста. Оценочность как выявление или приписывание объекту речи положительных или отрицательных свойств, а также совокупность средств создания оценки, играющие в политических текстах (ПТ) СМИ значительную роль, относят к типологическим чертам данного типа текстов. Это универсальная черта публицистического стиля, один из его стилеобразующих факторов [8, с. 16], что обусловлено оценочно ориентированной функцией публицистики.

Функционально-семантическая категория оценочности, выделяемая на основе общности функции, семантических признаков, свойств языковых единиц, проявляется в речи в связи с целями и задачами автора; поэтому она субъективна (выражает личное мнение), может сопровождаться эмоциями (ср. оценки рациональные и эмоциональные), но может выражать отношение и в общеоценочном плане (хороший/плохой) и не быть экспрессивной.

Оценка социально обусловлена, зависит от ее объекта, субъекта, времени, обстоятельств и адресата речи, сложна по структуре, едина по содержанию, связана с модальностью, экспрессивностью и эмоциональностью и может приобретаться языковыми единицами в конкретной речевой ситуации [1, с. 5]. Она отражает ценностное отношение между субъектом и объектом, даже если субъект прямо не выражен, и выражается как нейтральными, так и экспрессивными единицами, в значение которых входят интенсивность, эмоциональность и оценочность, часто имплицитно выраженные.

Оценка затрагивает различные объекты из сферы политики: людей, группы, явления, политические движения, части общества, государства, национальный характер, политические взгляды, события, ситуации, взаимоотношения и т.п., которые оцениваются с помощью показа качеств этих объектов, их влияния, места в масштабах событий в целом и т.д.

Оценка важна для идеологической ориентации адресата речи, формирования его отношения к объекту оценки, в соответствии с которым он будет действовать в современном политическом процессе. Знание фактов дает свободу в их интерпретации, однако полная объективность оценки вряд ли возможна.

Классификации оценки основаны на соотношении компонентов, составляющих ее модальную рамку, а именно: субъекта (эксплицитного или имплицитного) – лица или социума, дающих оценку, объекта – тех, к кому она относится, и модального предиката. Рамка оценки – это ее основание: шкала оценок, стереотипы.

Традиционно выделяют следующие классификации оценок: положительная и отрицательная, общая и частная, абсолютная и сравнительная, ингерентная и адгерентная [3]. В ПТ СМИ чаще встречается негативная оценка (поскольку на себя обращают внимание события, нарушающие норму), общая оценка (о свойствах, которые приписывает объекту субъект оценки), адгерентная (поскольку оценка ПТ СМИ всегда существует в контексте), абсолютная, которая косвенно включает в себя сравнительную, характерную, в свою очередь, для аналитических текстов. При положительной или отрицательной оценке оценочный предикат имеет два основных значения – «хорошо» и «плохо», которые могут входить в семантику слова либо определяться высказыванием в целом.

В ПТ СМИ оценка реализуется практически на всех языковых уровнях: словообразовательном (*гэбист, двоедушие, квазиреспублика, новояз, образованщина, псевдореферендум, совок, сталинщина, чернуха*), лексико-семантическом (*вожак, каратель, предательство, путч, сепаратизм, хунта*), лексико-фразеологическом (*загнанный зверь, мальчик для битья, на голубом глазу, нашим и вашим, оборотни в погонах, охота на ведьм, предавать интересы, промывка мозгов, пятая колонна, разыгрывать карту, хромая утка),* грамматическом – определениями-характеристиками (*гибельный, захудалый, марионеточный, незаконный, оголтелый, самопровозглашенный, террористический)*, глаголом-сказуемым (*наводнить, ограбить, потакать, свергнуть*).

Оценка может усиливаться за счет выбора и использования одного из синонимов, чаще – стилистических с соответствующей окраской, хотя возможно и одновременное их использование в одном высказывании (*начать = развязать войну; лидер, руководитель = вожак, главарь; великая держава = империя; недоговаривать = лгать, врать; проигрыш = временное отступление, передышка; разрушить = развалить, возврат к традиционным ценностям – ревизионизм),* а также за счет антонимии *(великий, грандиозный, краеугольный, фундаментальный – малозначимый, незначительный, ничтожный; коррупционный – антикоррупционный; легитимный – противозаконный; выиграть, одержать победу – проиграть, потерпеть поражение)*.

К морфологическим средствам оценки обычно относят формы степеней сравнения прилагательных и наречий (*беднейший, величайший, слабейший, дороже, круче, лучше, хуже*), в качестве косвенного оценочного средства привлекаются также имена числительные (цифровой материал, относимый к сильной аргументации), однако для выражения количественных отношений в ПТ СМИ чаще используют сопоставительные конструкции: *по площади равна двум Франциям; сумма, равная годовому ВВП,* адъективные словосочетания с характеризующими прилагательными-определениями (*малый, мизерный, микроскопический, незначительный, убогий, широкомасштабный*), а также счетные имена существительные и существительные со значением какого-либо количества (*горстка, десяток, кучка, сотня, толпа*).

Среди синтаксических средств оценки – различные фигуры речи: риторический вопрос (*Сколько можно наступать на одни и те же грабли?),* вопросно-ответный ход (*Можно ли считать это победой? Вряд ли*), сравнительный оборот (*Их используют*

как таран), антитеза, именной предикат (*Мы не рабы, рабы не мы*), локализованные и нелокализованные повторы, синтаксический параллелизм, часто – с анафорой (*Жить стало лучше, жить стало веселее*), конструкции с тавтологией (*Санкции так санкции; Сделка есть сделка; Выборы – они и в Африке выборы*), фигура умолчания, междометия, односоставные предложения с междометиями и словами категории состояния (*Увы и ах! Жуть! Сомнительно!*), инверсированные, инфинитивные, парцеллированные и сегментированные конструкции, конструкции со значением уступки (*даже если, несмотря на, пусть даже, хотя*), ряды однородных членов предложения и другие средства экспрессивного синтаксиса, используемые для усиления аргументации.

В письменной речи выделяется специфический способ визуализации оценки – графический: шрифт, знаки препинания, выделение графем и др., – позволяющий привлечь внимание к какому-либо фрагменту текста, показать отношение к нему автора. Для ПТ СМИ актуально оценочное использование иронических кавычек: *Согласно "документу", столицей "Малороссии" станет Донецк, (...) Флаг для "Малороссии" (...) решил позаимствовать у Богдана Хмельницкого. впрочем, по словам главаря ДНР, такое "переучреждение" страны еще должны поддержать жители Украины* (Sputnik). Использование этого знака аналогично использованию лексических единиц типа *так называемый, якобы. «*Кавычки являются графическим средством обозначения иронии и отрицательной оценки передаваемого понятия (...) Ироническое употребление кавычек основывается на имплицитной антонимии слов, а также на употреблении слов с ложной положительной оценкой» [5, с. 4].

Лексические, морфологические и словообразовательные средства в ПТ СМИ выражают оценку эксплицитно и самостоятельно, синтаксические – являются вспомогательными, и все они используются в зависимости от жанра, субъекта и объекта оценки, от ситуации, от самого СМИ, предполагающих ту или иную степень резкости. В большинстве случаев в полном объеме оценка реализуется только на уровне контекста.

Истинность информации – весьма относительная вещь, строго говоря, как таковая. она не существует. Дело в том, что информация от конкретных людей для конкретных адресатов уже субъективна, поскольку адресат ПТ СМИ получает ее в обработанном виде, затем интерпретирует по-своему (информация трансформируется дважды, и истинность ее относительна), а с увеличением количества ПТ, разнообразием политических позиций, изменением самих СМИ фактологическая объективность, служащая лишь для подтверждения авторской позиции, снижается. Таким образом, исследователи языка СМИ приходят к выводу о том, что современные СМИ не информируют, а интерпретируют [6, с. 13–33].

Актуальным процессом в современном медиапространстве можно назвать усиление оценочной направленности ПТ и обострение субъективности, ироничности, жесткости и даже агрессивности авторской позиции [7, с. 18], отвечающее общей тенденции стилистического снижения. Ср. политические неологизмы-инвективы последних лет: *ватник, гэбня, либераст, путиноид, совок, укроп.*

Социальная значимость публицистики чрезвычайно высока: она активно вмешивается в политику, влияет на общественное сознание, а «средства массовой информации превращаются в средства массового воздействия» [4, с. 11; см. также 7]. Активизация крайних форм влияния СМИ на массы обусловила закрепление в языке устойчивого словосочетания «четвертая власть». В целях формирования выгодной автору точки зрения в ПТ используют перечисленные выше приемы и способы оценки, которые являются сильным воздействующим фактором, а сама оценка заложена в

сообщение, но часто не очевидна, а исподволь внушается адресату, воспринимающему ее на суггестивном уровне и предполагающему, что он сам к ней пришел.

Преимущество имплицитной оценки – в создании ощущения авторской объективности, в ощущении того, что принятое решение адресат формирует самостоятельно. Это перемешивание фактов и концептуальной информации, подбор, фильтрация и сортировка фактов, изменение баланса и акцентирование одной характеристики объекта в ущерб другой, умалчивание представляют объект в черных либо розовых тонах [2].

Социальная оценочность как особенность языка публицистики, нуждающейся не только в номинации явлений, но и в их интерпретации [9, с. 313], определяет языковые процессы, происходящие в публицистическом стиле. На уровне речи она проявляется, прежде всего, в структуре текста. Так, соблюдая принцип гармонизирующего диалога, авторы ПТ СМИ часто используют специфическую конструкцию, строя монологическое высказывание в форме квазиспора с воображаемым оппонентом, где автор одерживает победу, поскольку сам подбирает аргументацию для обеих сторон диалога, в целом же создается эффект объективности вывода. В соответствии с классическим риторическим каноном, в ПТ СМИ оценка начинается с выбора фактов, касающихся политики, затем – сопровождается отбором языковых средств и описанием фактов под определенным углом зрения. В любом объекте есть положительные и отрицательные качества, отображая (акцентируя) которые, субъект формирует оценку. Нужное автору представление об объекте дает избирательный показ характеристик объекта, и этот выбор создает в результате оценку имплицитного типа.

В последнее время наиболее значимые социально-политические процессы и события, происходящие в обществе, в официальных, ведущих российских СМИ получают более или менее сходное отражение, во многом совпадающую трактовку. Однако в условиях обострения конфликтов вектор оценки может менять свое направление, порой вплоть до противоположного. Специфика публицистической речи во многом определяется характером публицистического субъекта – автора. Как правило, это конкретная личность, реальный человек, сторонник определенной политической позиции, что в большинстве случаев не скрывается, а даже демонстрируется. Достоверность оценки повышается, если он является свидетелем либо непосредственным участником оцениваемых событий. Таким образом, в ПТ СМИ преобладает документальность, эмоциональность и субъективность.

Представленность функционально-семантической категории оценочности в ПТ СМИ весьма широка, но неоднородна. Высокая степень концентрации способов оценки различных типов зависит от жанра СМИ и характерна, прежде всего, для авторов колонок (колумнистов), блогов (блогеров), диспутов, дебатов, дискуссий, телевизионных ток-шоу и некоторых других подчеркнуто личных, принципиально авторских публицистических жанров.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: оценка, событие, факт. Москва: Наука, 1988.
2. *Вакулова Е. Н., Петрущенкова Т. А.* Политическая риторика: К вопросу об изменениях в языке публицистики // Проблемы преподавания русского языка и литературы в иностранной аудитории: Санкт-Петербург, 1997. С. 32–34.
3. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. Москва, 1985.
4. *Ильясова С. В., Амири Л. П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламе. Москва, 2009.
5. *Клевцов А. Н.* Семантика и функции кавычек в современном русском языке: на материале печатных СМИ. АКД. Ярославль, 2010.
6. *Кормилицына М. А.* Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 13–33.
7. *Петрова Н. Е., Рацибурская Л. В.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. Москва, 2011.
8. *Солганик Г. Я.* Выразительные ресурсы публицистики // Поэтика публицистики. Москва, 1990.
9. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Под ред. М. Н. Кожиной. Москва, 2006.

ЛОВУШКИ И ПРОВОКАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ИГР В НОВЫХ МЕДИА

Васина Елена
ООО «ИНТЕЛ ЭНЕРГО»,Украина
Net.imeni.n@gmail.com

TRAPS AND PROVOCATIONS OF LANGUAGE GAMES IN NEW MEDIA

Vasina Olena
LLC INTEL ENERGO, Ukraine

Abstract: *The article deals with the specifics of the formation of communicative scenarios in new media. The operation of conventional rules mandatory for all communicants is noted. According to these rules, communication takes place and virtual daily life is formed in new media.*
Keywords: language game, media text, new media

Появление и развитие новых медиа определило переход от доминирующей в СМИ информационной функции к коммуникативной. Получив неограниченный доступ к производству новых текстов, участники этого процесса стали продуцировать большой объем контента. Значительная его часть – это фрагменты повседневности индивида, трансформированные в медиатекст. Все это формирует ризоматический и постоянно дополняемый как реципиентом, так и другими пользователями текст жизни, который пересекается с такими же гипертекстовыми образованиями виртуальной повседневности других людей.

В процессе текстуализации своей жизни реципиент продуцирует специфичный медиатекст, зачастую идеализированный, целенаправленно сконструированный. Формирование текста жизни в процессе коммуникации в сети можно рассматривать как языковую игру (Л. Витгенштейн). Это определенный коммуникативный сценарий, который заключается в создании не только искусственной повседневности отдельного человека и социума нового типа через медиатексты. Особенность искусственной повседневности заключается в том, что она развивается в дополнительной реальности интернета, существует в рамках языковой игры. Ж. Бодрийяр пишет: «человечество решило клонировать свою телесность и свое имущество в другой, отличной от прежней, вселенной, оно, по существу, отважилось исчезнуть как человеческий род, чтобы увековечить себя в роде искусственном, гораздо более жизнеспособном, гораздо более эффективном» [1]. Отсутствие физических ограничений, широкий спектр инструментов для изменения разных форм контента, составляющих искусственную повседневность, делают эту *новую вселенную* привлекательной. В то же время языковые игры, которые действуют в этом пространстве, оказываются влиятельными, могут стать причиной серьезных изменений в реальной жизни.

Д. Михель выделяет четыре формации дигитальных тел: тела-данные, тела-сообщения, тела-эмуляции, тела-интерфейсы [5]. На наш взгляд, в ризоматической среде интернета эти формы связаны и взаимодействуют друг с другом. «И это одна из самых важных тем для исследования сегодня. Критический анализ данных и понимание того, что мы представляем собой, когда мы одновременно люди, пользователи и данные», – отмечает социолог П. Колозариди [4]. Искусственная повседневность репрезентирует частные события, профессиональные достижения индивида, его социальные связи и многое другое. Через созданную *новую вселенную* новые медиа собирают информацию обо всех аспектах жизни человека: какие лекарства и продукты он ищет в сети, какие новости и блоги читает, с кем общается... «Мультимедийные программы, инспирирующие совершенствование различных виртуальных стимуляторов, загоняют человека в искусственные условия активизации как можно большего числа

каналов, раздражающих и пробивающих перцептивную анемию или броню невозмутимости, – в нее поневоле одевается человек в потоках гиперинформации, – каждый по-своему пытаются деформировать как внутреннее, так и внешнее тело человека, его жесты, действия, поступки» [7]. Стремление вызвать отклик заложено изначально в специфических играх виртуального мира. Оно же заставляет коммуникативные сценарии постоянно и очень быстро эволюционировать. Однако, чем сильнее их воздействие, тем быстрее они теряют актуальность. Так создается ловушка, зависимость от постоянного поиска новых форм и моделей взаимодействия, которые предполагают более глубокое вторжение в повседневность.

Одним из индикаторов развития моделей коммуникации является поиск новых, более универсальных форм самого языка. Невербальный текст становится доминирующим и трансформируется в систему знаков, которая также постоянно эволюционирует, меняя традиционные способы восприятия информации. Примеры такой системы знаков – «эмодзи», «смайлы», «эмотиконы» (языки идеограмм и пиктограмм, используемые в сети) и другие знаковые системы, представляющие собой новый язык. Он функционирует в среде интернета и активно используется в «оффлайне», к примеру, в виде наклеек или значков. Изображения компенсируют невозможность видеть лицо собеседника, они призваны *показывать* эмоции, которые не передает текст.

Однако в повседневном общении роль и значение этих знаков меняется. Они гораздо менее индивидуальны, чем естественная мимика собеседника и более универсальны. При этом реципиенту не обязательно испытывать ту или иную эмоцию, он может просто ее обозначить для поддержания коммуникации. Возможность так легко оперировать эмоциями тоже становится ловушкой, способом скрыть реальное отношение к ситуации или собеседнику. Массовость, повторяемость приводит к изменению мышления и восприятия информации. Так, Патриарх Кирилл в подписи к электронным текстам использует знак «+» в качестве изображения креста [6]. Христиане в социальных сетях также используют этот знак как изображение креста при выражении соболезнований. Символ операции сложения приобретает новое значение в интернет-среде, становится выражением скорби или вероисповедания.

Новые сценарии коммуникации могут быть построены не только на использовании традиционных знаков. Они могут использовать вербальный текст, знак, изображение, последовательность действий, определенный ракурс фотографии. Это происходит, например, в известном флешмобе planking, основанном Гарри Кларксоном и Кристианом Лэнгдоном, который стал чем-то средним между дурачеством и перформанс-артом [2]. Существует много подобных флешмобов (оулинг, типотинг, бэтменинг, хорсменинги т.д.). В них реципиент одновременно получает поле для креативности и самовыражения, а также возможность присвоения традиционным знакам новых смыслов, а, с другой стороны, подавляющее большинство включается в уже готовую игру и готовые сценарии. «Текстуальность массовой коммуникации предназначена для формирования длительной, устойчивой, способной к саморазвитию негенной коллективной культурной памяти или, говоря языком французской гуманитарной науки, коллективного социального бессознательного, актуализируемой прежде всего относительно фонда и фона знаний частного индивида повседневности» [8]. Смысл и значение языковых игр новых медиа формируется именно в повторении, отыгрывании одной и той же модели, которая понятна и доступна, только если заранее известна. Большую роль в этом процессе играют фоновые знания, они и придают бессмысленным на первый взгляд действиям определенное значение.

Внедрение таких языковых систем в сценарии коммуникации ускоряет и упрощает общение, а иногда можно говорить и о его симуляции. Новые медиа предлагают человеку рекламу согласно его запросам, музыку в соответствии с предпочтениями, одежду из

магазинов, которые он посетил. Новое информационное пространство состоит из таких персонализированных индивидуальных пространств, которые могут даже не пересекаться с другими. Внешне это выглядит как индивидуальный подход к реципиенту, создание комфортного информационного пространства для человека. Однако эти информационные «сферы» удерживают внимание индивида в поле определенных ключевых тем, лишь изредка предлагая сходный по своему качеству (жанрам, видам…) информационный продукт. Механизмы, изначально служившие для сегментирования аудитории по интересам, на деле приводят к сужению картины мира и специфической информационной изоляции, поощрению пассивного поведения. Подобные идеи в более широком аспекте высказывают социологи и антропологи: «Мы отказываемся видеть какое-то предзаданное технологией поле, предзаданные технологией правила поведения и результат этого поведения и начинаем смотреть на то, как разные люди и группы людей пользуются технологиями» [4]. Пользователь помещается в персональную матрицу, состоящую из коммуникативных связей, ограниченных его кругом общения и интересами. Манипуляция состоит не в том, что он не имеет доступа к другой информации, а в том, что он получает контент согласно его запросам, отобранный машиной и лишенный широкого контекста. У индивида не отбирают право выбора, а просто ставят его в такие условия, когда ему не нужно ничего выбирать. Здесь открывается поле для манипуляций сознанием и мягкой коррекции картины мира.

Развитие искусственной повседневности, формирование механизмов влияния виртуальной реальности на действительность приводит к размытию границ реальностей. «В виртуальном мире массовых коммуникаций ничто не происходит необратимо, ибо все, что происходит, происходит с оговоркой “по нашей информации...”. <…> В результате рисуемый в них мир существует всегда как бы в условном залоге. Поэтому в нем возможно все, вплоть до воскрешения из мертвых, в нем все обратимо» [7]. Соответствие описываемых событий реальности не так важно, как соблюдение правил игры.

Например, на это фото отреагировали более 900 человек, а «пост» в «Фейсбуке» был опубликован более 700 раз [9]. У пользователя, который разместил этот текст, более 4 тысяч «друзей». Такое большое количество подписчиков у человека, размещающего заимствованные тексты и изображения, позволяет предположить, что аккаунт создан с целью распространения информации. Как определили более внимательные пользователи, это фото называется «Демонстрантка и силовик во время протестов в Сантьяго в годовщину военного переворота 1973 года в Чили». Оно было снято 11 сентября 2016 года корреспондентом Reuters. Подпись к фото, размещенному в «Фейсбуке» говорит, что это московская школьница, соответственно речь в тексте идет о протестах в Москве. Новость об этом ложном сообщении в свою очередь была опубликована сначала в социальных сетях, а затем в ряде украинских СМИ с критикой в адрес создателей «фейка». Причем, украинские медиа ссылаются не на фото Reuters, а на клип в сети YouTube [3].

Это демонстрация то, как создается «факт» в новой реальности новых медиа. Сначала формируется симулякр, истоки которого сегодня уже трудно установить: сложно соотнести этот текст с конкретной акцией протеста, к которой пытался привязать его автор. Затем само существование этого ложного сообщения становится новостным поводом для СМК. Все это, вместе с отсылками к протестам в Чили, формирует сложный ризоматический текст, который существует одновременно в различных контекстах: протестные события в России, события в Чили, информационная война в Украине: «Игра самодостаточна и просто не предполагает другой реальности, чем сама игра» [7].

Возникает вопрос, можно ли в данном случае вообще помещать этот факт в систему координат «ложности/истинности»? Ведь и в Чили были протесты, столкновения митингующих с силовиками, и в России и других странах. Какой здесь факт важнее: произошедшее гражданское противостояние власти, которое реализуется по одним моделям или то, что текст и фото связаны с разными событиями? Что в данном случае ложно, что истинно, что факт, что событие? Происходит разрыв между действительностью и ее отображением в виртуальном пространстве, факты, помещенные в новый специфичный контекст, меняют смысл, углубляют прежние, традиционные смыслы и обретают новые свойства. К ним сложно применить традиционные критерии истинности. Решающим становится доверие реципиента источнику информации и его умению работать с вневременной и одновременно постоянно социально актуальной информацией, потому что не каждый пользователь готов отслеживать происхождение тех или иных данных. Языковые игры интернета направлены на укрепление пассивного восприятия информации, они ориентированы на эмоции, формирование идеологии.

Новые медиа предложили безграничное по своим возможностям поле для текстуализации действительности, но одновременно подчинили ее жестким правилам. В пределах заданных сценариев человек имеет бесконечно много вариантов ходов, но, создавая коллективное виртуальное тело, он зависит от *другого*. Можно создать свой идеальный мир, но в итоге автор вынужден сам подчиняться его правилам. Виртуальная повседневность не отображает реальность, она создает новую, со своими жизненными циклами, функциями и смыслами. Они могут совпадать с реальной повседневностью, но лишь частично. Будучи подчиненным замыслу индивида, а также доминирующим в интернет-среде языковым играм, виртуальная повседневность создается последовательно и целенаправленно, но ее развитие возможно только в рамках существующих правил, в тесном взаимодействии с другими пользователями. Именно связи между разными текстами и контекст формируют смысл отдельных фрагментов, создают ткань текста виртуальной жизни. Правила взаимодействия текстов в интернет-пространстве одновременно способствуют развитию искусственной повседневности, провоцируют пользователя на текстуализацию своей жизни, и становятся ловушкой, неявно заставляют выстраивать этот текст по заданным правилам.

Литература:

1. *Бодрийяр Ж.* Пароли // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 10.03.2009. URL: http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3435.
2. *Встать в позу:* планкинг, оулинг, типотинг, бэтменинг, хорсменинг// lookatme.ru. URL: http://www.lookatme.ru/flow/posts/photo-radar/144891-vstat-v-pozu-planking-ouling-tipoting-betmening-horsmening.
3. *«Знаменитая девочка с фото* с российских протестов оказалась…» В соцсети разоблачили нашумевший фейк// Обозреватель. 03.04.2017. URL: https://www.obozrevatel.com/curious/98321-znamenitaya-devochka-s-fotki-s-rossijskih-protestov-okazalas-v-sotsseti-razoblachili-nashumevshij-fejk.htm;
4. *Колозариди П.* Утопия в интернет-исследованиях //Постнаука. 14.12.2017. URL: https://postnauka.ru/video/82652.
5. *Михель Д.* Телетехнологии, телесность, виртуальная реальность. URL: http://ivanem.chat.ru/mihel.htm;
6. Патриарх Кирилл поздравил с днем рождения президента России В. Путина // pravoslavie.ru. URL: http://www.pravoslavie.ru/64716.html.
7. *Савчук В.* Контуры постинформации // Конверсия искусства. Санкт-Петербург: Издательство «Петрополис», 2001. URL: http://anthropology.ru/ru/text/savchuk-vv/razdel-i-kontury-postinformacii;
8. *Черных А.* Мир современных медиа. М.: Территория будущего, 2007. URL: http://ec-dejavu.ru/m-2/Mass_media.html.
9. *Шестакова Э.* Теоретические аспекты соотношения текстов художественной литературы и массовой коммуникации: специфика эстетической реальности словесности Нового времени. Монография. Донецк, 2005.
10. *Igor Markov* URL: https://www.facebook.com/photo.php?fbid=489095704813759&set=a.180508069005859.1073741829.100011400028594&type=3&theater

ЭСТЕТИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО СОВОКУПНОГО ЖУРНАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК МЕДИАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Дрей Виктория
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
viktoria.drey@gmail.com

AESTHETICIZATION OF THE SPECIALIZED CUMULATIVE MEDIA SPEECH AS A MEDIALINGUISTIC ISSUE

Drey Viktoria
Saint-Petersburg state University, Russia

Abstract: *The article is devoted to the methods of aestheticization in the food-magazine by using specific key words.*
Key words: *aestheticization, food-magazine, media speech, key words.*

Постановка проблемы

«Гастрономъ» – ежемесячный глянцевый фуд-журнал, то есть издание, главным объектом в котором выступает еда. От прочих отечественных журналов фуд-направленности «Гастрономъ» отличает тот факт, что его авторы намеренно отходят от традиционной модели кулинарного журнала – простого собрания рецептов с фотографиями и краткими авторскими ремарками – и предлагают читателям издание, акцент в котором делается на популяризацию культуры еды, эстетизацию представления о высокой кухне.

Издание рассчитано на узкий круг читателей, для которых питание является одним из вариантов проявления личностной культуры. Еда в журнале репрезентована как одна из базовых категорий идеального стиля жизни.

Для аудитории «Гастронома» принципиально важным является получение не только практически значимой информации о еде, но и знакомство с эстетической стороной гастрономии. Именно поэтому на страницах журнала серьезное внимание уделяется визуальному компоненту – качественным авторским снимкам с изображением изысканных блюд. Но в то же время журнал активно публикует рецептурные тексты и иные объемные материалы в различных жанрах: очерки об известных поварах, рестораторах и гастрономических активистах, интервью, а также репортажи о международных гастрономических традициях. Пиар-компонент в журнале занимает серьезное место: помимо множественной рекламы различной продукции и услуг партнеров, «Гастрономъ» активно продвигает собственный бренд – свою кулинарную школу. В каждом номере издания есть тексты с нативной рекламой, целью которых является рыночное продвижение продуктов премиум-класса.

Свою сверхзадачу издание выполняет, активно используя уникальную систему эстетизации совокупного журнального текста, которая направлена на создание идеального образа объекта изображения – «еды/пищи». Уникальность применяемой системы связана с переводом ключевой номинации «еда/пища» из семантического поля «быт» в принципиально иное поле – «искусство». Наша цель – выявить способы и средства, которые помогают этот перевод осуществить. Актуальность поставленной задачи связана с очевидной модернизацией интересующего нас сегмента журналистских специализированных текстов.

Для достижения цели были использованы методики интенционально-стилистического анализа медиатекста, методика выявления лексико-сематических полей и слов-концептов.

Бесспорно, «Гастрономъ» – издание специализированное, гастрономической направленности. Изучив как классическую [3], так и современную [1] трактовки понятия «гастрономический», мы пришли к выводу, что гастрономию традиционно связывают с эстетически привлекательной презентацией пищи, гурманством и культом гедонизма. Для авторов «Гастронома» основная ценность еды заключается не в ее основной функциональной направленности – удовлетворении первичной потребности человека в пище, а в ее эстетически значимых качествах, свойствах и характеристиках.

Как мы уже отмечали, многие специалисты считают, что работать в журналистском фуд-дискурсе просто, что эстетизация семантического поля «еда» может происходить исключительно на визуальном уровне, через качественные и яркие фотографии со стильной презентацией блюд и продуктов питания. На наш взгляд, опыт коллективного автора журнала «Гастрономъ» показывает, насколько сложным может быть совокупный журнальный текст, насколько важна его речевая структура, как значима при формировании этой структуры ориентация на адресата, следовательно, знание национальной и социальной психологии. Мы разделяем мнение исследователей, убежденных в том, что эстетизация медиатекста осуществляется не только при использовании традиционных изобразительно-выразительных средств и приемов, но и на всех этапах текстопорождения: при формировании образа автора, при создании речевой формы текста в целом, при выборе композиционной модели и, наконец, при отборе средств эстетизации объекта изображения [2].

Поскольку мы только начинаем исследование в обозначенном в данной работе направлении, в первую очередь мы посчитали целесообразным обратить внимание на смысловую структуру совокупного журнального текста, которая со всей очевидностью представлена в ключевых словах. Внимательно изучив содержание девяти номеров «Гастронома» за 2017 г., мы выбрали три ключевых слова, наиболее частотных для совокупного журнального текста (*икра, устрицы* и *лук*), определили специфику функционирования этих слов в анализируемом тексте, их влияние на транслируемые авторами смыслы.

Высокая частотность первых двух слов не удивляет, т.к. *икра* в европейских фуд-изданиях часто презентуется как составляющая премиальной кухни и люксового образа жизни: «*Россыпью* ***икры*** *украшают самые разные блюда: велюте из латука или крестоцветных, равиоли с лобстером, желе из серых креветок <…>. В ресторанах высшего ранга ее можно увидеть в сочетании с “камешками” из черного чеснока, “пеплом” из порея, <…> и прочими* ***играми виртуозных техник****. Что касается домашней интерпретации, то самой королевской подачей по-прежнему остается вариант с хрустальной икорницей на льду, тонкими тостами и сливочным маслом.* ***Чем проще, тем лучше***» («Гастрономъ», №12, 2017). *Икра* в данном тексте предстает как элитное дополнение к премиальным блюдам: чтобы подчеркнуть ее значимость, автор намеренно использует сложную терминологию при номинации блюд, вписывая *икру* в семантическое поле, ядром которого является оценочное существительное *премиум*. При чтении такого текста неискушенный читатель должен почувствовать

стремление оказаться причастным к высокому. Читатель-знаток гастрономии, наоборот, восстанавливает ощущение обыденности. Неслучайно журналист как бы ненароком завершает рассуждение ремаркой «*чем проще, тем лучше*». Оба контекста нельзя признать нестандартными.

Но в «Гастрономе» ключевое слово *икра* может появиться и в нетривиальных контекстах: «*Сейчас в магазинах продается множество видов* ***недорогой икры, подкрашенной черным***. ***Ее можно использовать для "пафосного" украшения блюда***» («Гастрономъ», №3, 2017). В данном случае автор неожиданно предлагает альтернативы внедрения *икры* в кулинарную практику высокой кухни, как бы демократизируя соответствующее семантическое поле.

Ключевое слово *устрицы* также воспринимается в сознании читателей как элемент высокой кухни, и авторы журнала всячески поддерживают стереотипное восприятие: «***Для сохранения эмоционального равновесия позвольте себе несколько свежайших устриц*** *под бокал игристого*» («Гастрономъ», №11, 2017). В гастрономическом репортаже из Леона журналист подчеркивает связь этой номинации с представлением о вполне определенном образе – элитарном, гедонистическом, размеренном. Для человека такого образа жизни еда – не основной источник энергии и физиологическая потребность, а способ сохранения «*эмоционального равновесия*». В данном случае эстетизация концепта *устрицы* связана с переводом его из бытового дискурса в дискурс психологический.

Как и в случае с икрой, иногда авторы «Гастронома» позволяют себе играть со смыслом ключевого слова *устрицы,* помещая его в необычный контекст: «*Есть такое местечко Сет, между Испанией и Францией.* ***Там такие деревянные будочки, пластиковые лавчонки, затрапезные зонтики. Но там такие устрицы! При тебе их наковыряли, на стол выложили, вино открыли****…*» («Гастрономъ», №9, 2017). Сначала автор погружает читателя в обстановку, не имеющую ничего общего с представлениями о люксе и элитарности, однако далее повествование трансформируется: изображаемая атмосфера приобретает привлекательную, следовательно, эстетически значимую шиковую небрежность.

Самым неожиданным ключевым словом для анализируемого совокупного журнального текста оказалось существительное *лук*, частотность употребления которого неуклонно возрастает. В сознании читателя *лук* неотъемлемо связан с простой домашней кухней без каких-либо примет шика и элитарности, однако авторы журнала всячески вписывают его в высокую культуру гастрономии, аргументируя незаменимость этого ингредиента: «*В кулинарии* ***лук – великий скромник****. В блюдах он не выпячивает своего присутствия. Слишком резкий луковый запах – дурной тон. <…>* ***Но без лука наша жизнь была бы пресной. Он вездесущ и незаменим. Его роль в том, чтобы, оставаясь в тени, заставлять звучать ярче вкус и рыбы, и мяса***» («Гастрономъ», №10, 2017). Создавая почти возвышенную метафору («*великий скромник*»), авторы стремятся разрушить стереотипные представления о продукте, включая *лук* в новые контексты, предъявляя его эстетически значимые признаки, свойства, характеристики – *незаменимость,* а главное – гастрономическую *музыкальность*. *Лук* для отечественной аудитории – Обладающая высоким воздействующим потенциалом номинация, которая вызывает ассоциации на чувственном, вкусовом уровне, ментально значимые воспоминания-ассоциации. Эксплуатируя эти воспоминания, авторы «Гастронома», еще более определенно, чем в случае с *икрой,* пытаются

расширить круг потребителей высокой кухни: «*Чтобы проникнуться любовью к селедке, необязательно гоняться за голландской сельдью матье или знаменитым заломом.* ***Иногда достаточно съесть просто ломтик малосольной рыбы с кусочком бородинского хлеба и колечком лука***» («Гастрономъ», №3, 2017).

Выводы

Проанализировав эмпирический материал, мы пришли к выводу о том, что современная фуд-журналистика направлена на расширение вербальной составляющей совокупных печатных текстов. Как это традиционно было принято в мировой практике текстопорождения, смысловая структура журналистских текстов с вербальной доминантой с наибольшей очевидностью представлена в системе ключевых слов. Обнаруженная нами ключевая триада свидетельствует о неизменности журналистской установки на эстетизацию объекта изображения. Но с изменением набора ключевых слов неуклонно меняются и способы, средства эстетизации тех объектов, которые с помощью этих слов презентуются: слова-эмблемы статусности и престижа (*икра, устрицы*) могут все чаще встречаться в контекстах, где выступают не как нечто возвышенное, а подаваться как номинации базовых продуктов, в той или иной степени или форме доступных любому гастрономическому активисту, также традиционно демократичные номинации (*лук*), получив метафорическое описание, могут вызывать в сознании массовой аудитории как эстетически наполненные ассоциации.

На наш взгляд, отмеченные дискурсивные изменения в высоком сегменте фуд-журналистики связаны с неизбежной демократизацией дискурса, обусловленной экономическими, психологическими и культурными факторами.

Литература

1. *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000.
2. *Цветова Н. С.* Медиатекст в свете практической эстетики // Медиалингвистика, 2017. №4. С. 18–24.
3. *Энциклопедический словарь* Брокгауза и Ефрона. / URL: http://www.vehi.net/brokgauz/.

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ГАЗЕТ

Занько Татьяна
Университет им. Т. Г. Масарика, Чешская Республика
zanko@phil.muni.cz

ON THE PROBLEM OF SOME TYPES OF SEMANTIC TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE PUBLICIST CONTEXT: ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN AND CZECH NEWSPAPERS

Zanko Tatyana
Masaryk University, Czech Republic

Abstract: *The article attempts to analyse the peculiarities of using the semantic transformation of the phraseological units in Russian and Czech newspaper articles and the influence of this process on the linguistic ecology.*

Key words: *transformation of phraseological units; semantic transformation; Russian and Czech publicist context.*

Касаясь темы экологии современного русского языка, да и развития любого другого языка в настоящее время, нельзя не упомянуть об участии и роли средств массовой информации в данном процессе. Язык и стиль публицистических текстов очень разнообразен и динамичен. В отличие от других стилей он гораздо теснее связан с социальными изменениями и мгновенно реагирует на них. Поэтому динамика языка журналистики особенно ярко проявляется на уровне лексики. Публицисты должны реагировать на постоянные потребности возникновения лексических новообразований в результате социального, технического и культурного развития. В данной статье предпринимается попытка проанализировать целесообразность использования трансформированных фразеологических единиц (ФЕ) в публицистическом контексте на материале чешских и русских публицистических жанров в аспекте речевой культуры и их влияния на лингвистическую экологию.

В публицистическом контексте используются все типы ФЕ. Фразеологизмы, отличаясь от других единиц языка, обладают специфическим свойством смысловой и формальной сложности, что и обусловливает существование возможности их различных семантических и формальных преобразований [4, с. 124]. Журналисты используют ФЕ не только в их первозданном виде, но и преобразовывают их в зависимости от ситуации. Было замечено и сформулировано, что среди существующих публицистических жанров именно аналитическим жанрам (комментарий, рецензия, дискуссия и т.д.) принадлежит первенство по использованию трансформированных ФЕ. Теории фразеологического трансформирования на современном этапе значительное внимание уделяли и уделяют В. М. Мокиенко, И. М. Абрамович, Т. С. Гусейнова, А. М. Мелерович, Н. В. Саютина, Э. Д. Головина и др., в чешской лингвистике – Богумила Юнкова, Ева Минаржова, Марие Чехова, Йосеф Йодас и др. Публицистический стиль аналитического плана характеризует возникшую ситуацию, в большей мере учитывая тот факт, что читатель заранее информирован об этой ситуации, т.е. она ему в определенной степени знакома. Публицист рассматривает ситуацию, пытается ее фактически и объективно проанализировать, выбирая для достижения своей цели приемы и соответствующие лингвистические средства, с помощью которых он подтверждает свои высказывания и пытается повлиять на мнение читателя. В данном случае речь идет об убедительной функции публицистического

текста. Для реализации этой функции очень часто используются ФЕ, которые преобразовываются автором с определенной стилистической целью в процессе фразеологической трансформации, воспринимаемом как «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [3, с. 7]. Причем, «любое отклонение от нормы» будем считать фразеологической ошибкой, и только индивидуально-авторские преобразования устойчивых оборотов можно назвать «импровизированными изменениями». Причиной любой фразеологической трансформации оказывается конкретизация значения выражения, стремление соединить семантику, стилевую и эмоциональную окраску с непривычными условиями контекста [6, с. 103].

Материалом для данного исследования послужили публицистические тексты из *Газетных корпусов* русского и чешского языков (НКРЯ и Národní český korpus, SYN2013PUB), содержащие в себе примеры одного из вида трансформаций – *семантической*. Наиболее часто встречались исследуемые нами единицы в русских электронных изданиях газет «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», «Российская газета», «Время новостей», «Независимая газета», «Коммерсантъ», «Известия», «Литературная газета», «Культура», «Новая газета» и др., а также в самых распространенных в Чешской Республике чешских изданиях «iDnes», «Hospodářské noviny», «Lidové noviny», «Mladá fronta Dnes», «Reflex», «Respekt», «Týden» и некоторых других.

В отличие от других видов трансформаций (напр., аналитических, вносящих изменения в словесный состав фразеологизма и представленных в СМИ более разнообразным количеством примеров) семантическую трансформацию мы связываем с планом содержания ФЕ. При этом виде трансформации состав ФЕ остается неизменным, т.е. в него могут вноситься новые оттенки смысла или может происходить совмещение прямых и переносных значений на основе игры слов для достижения экспрессивного эффекта.

Семантическая трансформация на основе существующих классификаций включает следующие подвиды: **двойная актуализация** (фразеологический и буквальный семантический планы совмещаются; представлена двумя видами – полная, затрагивающая значение всей ФЕ, и частичная, затрагивающая значение отдельных ее компонентов), **буквализация значения** ФЕ (происходит актуализация прямого, исходного значения ФЕ, противопоставляемого тем самым значению фразеологическому), **переосмысление** ФЕ (предусматривающее коренное изменение смыслового ядра и полное преобразование смыслового содержания стержня ФЕ), **преобразование ФЕ по цели высказывания**.

При семантических преобразованиях одна и та же ФЕ может восприниматься одновременно как устойчивая, неразложимая, семантически цельная и как семантически раскладывающаяся, свободная фраза. В лингвистической литературе существуют различные термины для данного явления: «модификация фразеологизма», «актуализация внутренней формы фразеологизма», «синтез двух значений», «двуплановость устойчивого словосочетания», «разложение фразеологизма». Так как все выше перечисленные виды семантических преобразований фразеологизмов в той или иной степени взаимосвязаны и иногда переходят друг в друга, то мы их называем фразеологическими каламбурами, заключающимися в параллельном использовании фразеологизма и свободного словосочетания, которое является этимологическим прототипом выражения.

Чтобы трансформированный фразеологизм произвел необходимый эффект, ключевым моментом является его *узнаваемость*, т.е. читатель должен без особого

труда знать/узнать исходную форму ФЕ, в семантике (и/или структуре) которого произошли изменения. Образуя новые значения и формы из уже известных ФЕ, необходимо помнить о таких особенностях фразеологизмов, как *воспроизводимость*, *относительная устойчивость*, сохранение *постоянства внутренней формы*, игнорирование которых может привести к фразеологическим ошибкам. Очень важно понять, где находится грань между преобразованием фразеологизмов в процессе использования приема языковой игры и стилистической ошибкой. К наиболее распространенным ошибкам, возникающим в процессе семантического преобразования ФЕ, относится разрушение образной структуры фразеологизмов (напр., «он был *пуганой вороной»* и умел найти выход из любого положения – правильным в данном случае является «он был *стреляным воробьем* [=опытный]»).

В данной статье обратим наше внимание на семантическое трансформирование ФЕ, использующееся авторами с целью создания комического эффекта либо выражения иронии по поводу обсуждаемых явлений и событий. Приведем и рассмотрим некоторые примеры из русской и чешской публицистики:

– *«Белые вороны»* – об альбинизме у животных, в организме которых отсутствует пигмент меланин, отвечающий за придание окраски коже, шерсти; она у них *на самом деле* белого цвета (Коммерсантъ от 18.08.2017);

Белая ворона – «человек, резко выделяющийся среди окружающих его людей, непохожий на окружающих; редкий, необычный по своим качествам, чудаковатый» [5, с. 97]. В статье речь идет о животных, все перечисленные животные различных видов действительно белого цвета, который является неестественным для их класса. Таким образом, один из компонентов совпадает как в прямом, так и во фразеологическом значении, проявляется процесс буквализации.

– ***«Ни рыбу, ни мясо»*** не выбирают некоторые знаменитости, которые сознательно решились на вегетарианство и ежегодно 1 ноября празднуют Всемирный вегетарианский день (Коммерсантъ от 1.11.2017);

Данная ФЕ сообщает «о ком-либо, не имеющем характерных, отличительных индивидуальных свойств» [5, с. 661], буквализация проявляется в использовании в публицистическом контексте наименований в прямом значении.

– «*Масла в огонь* противостояния на севере Сирии *подлили* сделанные руководством Саудовской Аравии заявления о прибытии ее военных самолетов на турецкую базу Инджирлик неподалеку от сирийской границы» (Коммерсантъ от 14.02.2016);

Подлить масла в огонь – «обострять, усугублять какие-л. неприязненные чувства, настроения, содействовать осложнению отношений между кем-л.; разжигать, повышать интерес, внимание к кому-л. или чему-л.» [5, с. 387]. В данном контексте значение компонента *огонь (противостояния)* имеет прямую семантическую взаимосвязь с военными действиями.

– «В конце 1950-х для судовладельцев, занимавшихся пассажирскими перевозками через Атлантику, *громом среди ясного неба* (в прямом смысле) стало появление дальней авиации». (Журнал «Коммерсантъ Деньги» №18 от 11.05.2015, с. 35);

Гром среди ясного неба – «о неожиданно, внезапно случившемся несчастье, о постигшей кого-л. беде и т.д.» [5, с. 167].

– «Удовольствие – дело техники» (КП от 25.04.2005).

Выражение ***дело техники*** обозначает, что определенное действие или процесс связан с чьим-либо мастерством, достаточно что-либо делать умело, искусно. В статье сообщается о различных видах предназначенной для «удовольствия» бытовой техники – массажеры, гидромассажные ванночки для ног и т.д. В связи с тем, что происходит

так наз. взаимосочетание и взаимонакладывание содержания статьи и семантического поля ФЕ, утрачивается образная семантика фразеологизма. При чтении данной статьи в сознании читателя действительно возникает конкретная картина – бытовая техника приносит человеку удовольствие. Т.е. благодаря контексту образное значение фразеологизма вытесняется и заменяется прямым, буквальным, при этом возникает двуплановое осмысление ФЕ.

Приведем несколько чешских примеров, в которых основой для возникновения языковой игры становятся деминутивы. Авторы используют формальное сходство выражений, имеющих разные значения:

– В тексте под названием ***Komu šplouchá na majáček*** *(šplouchá mu na maják)* критикуются политики, которые злоупотребляют возможностью использовать предупредительные проблесковые маячки на автомобилях.

Чтобы понять исходное, а затем на основе него и фразеологическое значение устойчивого словосочетания *šplouchá mu na maják,* разг. = экв. *у него крыша едет,* прост., шутл.-ирон. [5, с. 350], необходимо исходить из происхождения данного выражения, которое связано со значением его компонентов *маяк* – башня, излучающая вращающийся световой конус, который предупреждает проплывающие корабли о присутствии берега или отмели, но в данном контексте компонент использован в значении *проблесковый маячок*; š*plouchání* – звук, исходящий в результате разливания или разбрызгивания жидкости [во время гребли веслом, при столкновениях на водной поверхности, переливании жидкостей и т.д.] – из СЛЧЯ (Словарь литературного чешского языка). Таким образом, приведенный пример относим к частичной актуализации, т.к. полное совмещение значений имеет место только при трансформации реальных, имеющих в современном языке прототипы ФЕ.

– Статья под названием ***Práskni do kočárku*** (исх. вариант – *prásknout do kočáru*) касается хищения государственного или общественного имущества в особо крупных размерах в компании по производству детских колясок *(kočárek)*. ФЕ тесно связана со следующим выражением *prásknout do bot* [8, с. 686], что означает «убегать, броситься наутек, обратиться в бегство, убегая, спасаясь», но в то же время необходимо обратить внимание на значение слова *kočár,* которое в переводе на русский язык обозначает «карету», т.е. трансформированный фразеологизм можно понимать следующим образом: «убегай, уноси ноги, пока не поздно» или «гони лошадей».

– О человеке, который «пострадал от того, что попал в неприятную ситуацию, находится в опасности, все потерял» [8, с. 312, пер. автора], чехи говорят ***je v rejži*** (разг. вариант *rejže* от слова *rýže* – рус. «рис»), что в буквальном смысле относится к теме спекулянтов, которые хотели нажиться на резком повышении цен на рис после вступления Чешской Республики в Евросоюз. Фразеологическое значение выражения в данном случае совпадает с прямым значением.

Таким образом, проанализировав примеры из чешских и русских публикаций современных СМИ, можно сделать вывод, что трансформированные ФЕ являются популярными и широко используемыми выражениями в аналитических русских и чешских текстах. Публицисты используют все типы ФЕ, наиболее часто в обоих текстах встречаются разговорные трансформированные ФЕ, а также в чешских, в отличие от русских, преобладают библеизмы. Процесс трансформации, безусловно, является главной тенденцией развития языка, связан с неустойчивостью языка и вызван серьезными изменениями, которые, в первую очередь, связаны с потребностями общества. Но нередко использование трансформации не всегда оправдано, к тому же может вести к стереотипности. Иногда авторы в борьбе за аудиторию уделяют большее внимание форме подачи информации, а не ее содержанию и не задумываются над этической проблемой трансформации ФЕ.

Литература

1. *Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И., Федоров А. И. Толковый фразеологический словарь русского языка*/Под ред. А. И. Молоткова. Москва, 2006, 512 с.
2. *Гайнанова И. Ф.* Трансформации фразеологических единиц в современных газетных текстах как наиболее активные фразеологические процессы в русском языке 2000-х гг./ И. Ф. Гайнанова //Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме. Четвертые Жуковские чтения, Великий Новгород, 2009. С. 314–316.
3. *Гусейнова Т. С.* Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии / Т. С. Гусейнова. Махачкала, 1997. 188 с.
4. *Ефанова Л. Г.* Фразеологические трансформации в речи и тексте. In Вестник ТГПУ. 2005. Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (филология).
5. *Степанова Л.* Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc 2007. 880 s.
6. *Стэнпень К. И.* Фразеологические трансформации в русскоязычных печатных СМИ. // In Слова ў кантэксце часу: да 85-годдзя праф. А. І. Наркевіча: зб. навук. прац / пад агул. рэд. В. І. Іўчанкава. У 2-х т. Т. 1. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2014. 576 с.
7. *Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. *Zaorálek J.* Lidová rčení. ACADEMIA, vyd. 4, 2000. 744 s.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЗАГОЛОВКОВ ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ КАЗАХСТАНА

Калдыкозова Сандугаш, Лесбекова Ляззат,
Рыскелдиева Жамиля, Ахметова Айгуль, Туребекова Бахыткуль
Южно-Казахстанский государственный университет имени М. Ауэзова, Казахстан
sandugash.73@mail.ru, riskieldiieva@mail.ru, a_aygul.72@mail.ru

STILISTIC FEATURES OF HEADINGS NEWSPAPER PUBLICATIONS OF KAZAKHSTAN

Kaldykozova Sandugash, Lesbekova Liazzat,
Ryskeldieva Zhamilia, Akhmetova Aigul, Turebekova Bakhytkul
M. Auezov South Kazakhstan State University, Kazakhstan

Abstract: *This work is devoted to the study of linguistic and some graphic features and ways of influencing the reader in the headlines of the Kazakhstani mass media. The material was provided by newspaper headlines taken from various domestic printed publications, in particular: "Kazakhstan Truth", "South Kazakhstan", "Panorama of Shymkent", "Time". Headings are increasingly advocating the actualization of meanings and have a strong emotional impact on the reader. Possibilities of grammatical construction of headings, punctuation, as well as non-verbal means of selection make the title more vivid and help convey the hidden meaning, reveal the author's position.*

Key words: *stylistics, graphic feature, headline-resume, headline-quote, "move" of the journalist.*

В последние годы возрос интерес к изучению газетных заголовков, причем в различных аспектах: в синтаксическом и функционально-стилистическом плане (Р. А. Будагов, Н. П. Харченко), в плане текстообразующей роли (Л. А. Коробова, Г. Г. Хазагеров) и в собственно стилистическом плане (В. С. Мужев, Н. Е. Бахарев). В толковом словаре Т. Ф. Ефремовой заголовок определяется как название какого-либо произведения (литературного, научного, музыкального и т.п.) или отдельных его частей [8, с. 25]. Согласно словарю Даля, заголовок – это выходной лист, первый листок книги или сочинения, где означено его название [7, с. 180]. В словаре С. И. Ожегова заглавие определено несколько уже – как название какого-либо произведения (литературного, музыкального), или отдела его частей, как заглавие литературного произведения, в той или иной степени раскрывающее его содержание [5, с. 19]. Заголовком также называют название раздела, главы книги. Важнейшая функция газетных заголовков – привлечение внимания читателя. Заголовок должен быть коротким, интригующим, чтобы заинтересовать многочисленных читателей, общедоступным. Также он должен отражать главную мысль заметки, статьи, да и, вообще, любого текста. Газетная практика дает многочисленные примеры того, как в результате неудачного выбора и оформления заголовков резко снижается воздействие важных выступлений газеты на читателей: содержательную статью с неправильно выбранным, невыразительным, неграмотно оформленным заголовком не замечают. И наоборот, яркий заголовок, привлекший читателя своим содержанием и формой, побуждает прочитать следующий за ним текст. Данная работа посвящена изучению языковых и некоторых графических особенностей и способов воздействия на читателя в заголовках текстов СМИ Казахстана. Материалом послужили газетные заголовки статей, взятые из различных отечественных печатных изданий, в частности: «Казахстанская правда», ««Южный Казахстан», «Панорама Шымкента», «Время».

Существует множество классификаций, которые относят заголовки к тем или иным видам. В своей работе мы рассмотрим совместные классификации Г. С. Мельника и А. Н. Тепляшиной. Здесь заголовки классифицируются с точки зрения информационной составляющей, насыщенности информацией.

1. **Заголовок-хроника**. Рассмотрим заголовки следующих газетных публикаций. «*Транспорт – для всех!»* («Панорама Шымкента», 10.02.17) *(Создание новых социальных автобусных маршрутов в городе Шымкенте). «Гостей ждут в Туркестане»* («Панорама Шымкента», 01.03.17). *(О ходе подготовительных работ к мероприятию «Туркестан – культурная столица тюркского мира», приуроченного к общему празднику тюркского мира – Наурызу)*. Фактически, заголовок-хроника дублирует новость, вопреки мнению, что дубля текста никак допускать не следует. В целом, конечно, «дубль» нежелателен, но эта давняя рекомендация корректируется особыми соображениями. Новость должна побыстрее дойти до читателя любыми способами, в том числе и методом ее сообщения «поверх текста».

2. **Заголовок – «бегущая строка».** В качестве заголовка выступает самое начало материала, переходящее в текст. Например: *«ЧЕМ УДИВЛЯЕТ КИТАЙ? Как оказалось, не только легендарным трудолюбием…»* («Панорама Шымкента», 25.01.17); *«ШЫМКЕНТ ВСТРЕТИЛ ОГОНЬ УНИЕРСИАДЫ! В яркий спортивный праздник вылилась в Шымкенте Эстафета огня XXVIII Всемирной зимней Универсиады»* («Южный Казахстан», 07.02.17). Время от времени такие заголовки становятся модными, но поветрие быстро проходит, поскольку есть опасность соседства одинаковых форм, их повторяемости в разных газетах. Выделяемое, примелькавшись, перестает выделяться.

3. **Заголовок-резюме.** Этот заголовок популярен в разных репортерских материалах (тогда как первые две упомянутые формы заголовков используются, преимущественно, для жестких новостей). Он дает возможность репортеру, пекущемуся о самоочевидности факта, скрывающему прямые оценки, косвенно прокомментировать событие. Подается такой заголовок в спокойно-повествовательной, «объективной», иногда чуть ироничной, или в игровой манере. Прямое резюме не исключает скрытой иронии. *«Куда ведет эта «болезнь»?»* («Панорама Шымкента», 25.01.17). Статья о коррупции, которую называют раком общества. По мнению автора статьи, экономического процветания достигают те государства, где коррупционные явления сведены к минимуму.

4. **Заголовок-цитата.** Заголовки, называющие имена или главных действующих лиц, помогают удвоить интерес. Поэтому широко распространены заголовки-цитаты (прямые и косвенные), которые иногда выглядят вполне законченным разоблачительным материалом: *«Балушкин: «Я платил налогов полмиллиона долларов в день!»»* («Время», № 15, 02.02.17); *Е. Дарменов: «Об избирателях и футболе могу говорить вечно»* («Панорама Шымкента», 10.02.17); *«Е. Шакеев: «Живем, как под водой…»* («Время», № 23, 16.02.17); *«Р. Ишмухамедов: «В нашем деле важна скорость»)* («Время», № 15, 02.02.17); *С. Абденов: ««Патамушта» стал брендом»* («Время», 01.12.16).

Отдельного внимания и классификации заслуживают игровые заголовки. Если предыдущая классификация в своем основании имеет информационную составляющую, то здесь мы рассматриваем классификацию формы заголовков.

1. «Вирши». Самый игровой из игровых заголовков, это, конечно, рифмованный. Бывают периоды повального увлечения таким «стихотворством» (например, в «Комсомольской правде» конца шестидесятых). Вкрапления в общую массу заголовков ритмически организованных заглавий встречаются в изданиях всего мира. Например: *«Последняя любовь как завещанье: прозрение, прощенье и прощанье»* («Время», 02.03.17); *«Крепче обнимай, к сердцу прижимай!»* («Панорама Шымкента», 20.01.17); *«Асет – лучше для столицы нет?»* («Время», 09.02.17); *«Помогут чем могут»* («Время», 15.12.16); *«Дети –аутисты – лучшие артисты!»* («Время», 25.08.16).

2. Аллитерация. Уловив звукоподражание в заметной, выделенной шрифтом фразе заголовка, читатель тоже получает, помимо информации, эстетическое удовольствие: *«Поучать не паучат»* («Время», 18.08.16); *«Марадона – не мадонна»* («Время», 28.07.16); *«Оля! О-ля-ля»* («Время», 02.03.17); *«Вич не бич»* («Время», №, 29.09.16).

3. «Цветной заголовок». Например, широко распространены вариации названия популярного фильма «Белое солнце пустыни»: «Черное солнце Чечни», «Яркое солнце Домбая...». Особенно в зарисовках и репортажах «цветопись» используют не только в тексте, но и в следующих заголовках: *«Черные дни «зеленого»»* («Время», 01.12.16); *«Под небом голубым»* («Время», 14.07.16); *«Зеленая лихорадка»* («Время», 02.03.17); *«Игроки в белых халатах»* («Время», 09.02.17); *«Сон в красном тереме»* («Время», 16.02.17).

4. «Лозунги» и «призывы». Поскольку лозунги и призывы в сознании современных россиян накрепко связаны с недавним советским прошлым, эта форма чаще используется как пародийная: *«Не спешите радоваться!»* («Время», 18.08.16); *«Поддержим Диану!»* («Панорама Шымкента», 23.12.16); *«Передай мой поклон!»* («Панорама Шымкента», 01.03.17).

5. Иногда репортер, сочиняя заголовок, использует хорошо известные читателю выражения, словосочетания, но «подправляет» их. Изменяются крылатые слова и знакомые цитаты. Читатель, зная исходный материал, может фантазировать, играть и забавляться вместе с журналистом: *«Бойцы невидимого понта»* («Время», 19.01.17); *«Наша пенсия спета»* («Время», № 11, 26.01.17); *«Таможня дает в табло»* («Время», № 11, 26.01.17); *«Служить бы рад, да слишком мал оклад»* («Время», № 23, 16.02.17); *«Держите комп шире!»* («Время», № 23, 16.02.17); *«Какой аким не любит быстрой езды?»* («Время», № 23, 16.02.17); *«Не ходите, принцы, в Африку гулять!»* («Время», 15.12.16); *«Доили два товарища»* («Время», 16.11.16).

Использование даже не измененных афоризмов создает второй смысловой план, появляются ассоциативные связи: противоречие, смысловая перекличка, ироническое переосмысление. Если же текст меняется, читатель, сличая ему известный вариант с предложенным, игровым, дополнительно получает удовольствие от того, что помнит первоисточник и разгадывает «ход» журналиста. Однако заголовок может быть очень остроумным, но при этом путать читателя. Поэтому «игра» должна вестись со всей осторожностью, с оглядкой на интеллектуальный уровень аудитории. Для заголовков современной журналистики характерно увлечение разговорностью интонаций, как будто автор уверен в понимании, обращаясь поверх текста к читателю как к единомышленнику.

Существует также и феномен речевой моды: перелистывая газетные страницы, мы в разные периоды ощущаем разное речевое воздействие: периодами явно активен натиск профессионально-жаргонной стихии, некоторое время доминируют доверительные интонации, или, напротив – вызывающий сленг, порой явственно преобладание сдержанной иронии, в другое время – поветрие афористичных «газетных максим» и прямых обращений к читателю. Заголовки, бытующие в современной прессе, могут быть разделены на типы по разным основаниям. Подобное деление помогает более осмысленно «работать» с заголовками, особенно начинающим журналистам. Так, например, можно условно разделить заголовки на типы, исходя из такого основания, как степень их сложности. В этом плане существует три основных типа заголовков:

1. **«Простой» заголовок**. Он, как правило, состоит из одного предложения, включающего в себя какую-то законченную мысль. Он может быть по характеру не только утвердительным, но и вопросительным. Примеры заголовка такого типа

содержат следующие тексты. *«Товарооборот с Узбекистаном утроится» («Казахстанская правда», 27.01.17). (Если в 2016 году товарооборот Казахстана с Узбекистаном составлял 1,6 млрд. долл., то к 2020 году поставлена задача увеличить до 5 млрд. долл.). «Бензин подорожал» («Панорама Шымкента», 10.02.17). (Из-за изменения курса тенге к рублю произошло подорожание бензина в Казахстане*). Как видим, в данных заголовках зафиксирован лишь один аспект. Простые заголовки, как правило, открывают небольшие по объему сообщения о каких-то дискретных событиях, представляющих собой один «шаг «в развитии действительности. Именно суть этого «шага» фиксируется в «простом» заголовке.

2. **«Усложненный» заголовок**. Подобные заголовки отличаются от «простых» тем, что «формируются» из нескольких самостоятельных, логически завершенных частей, представляющих некую законченную мысль, утверждение или отдельный вопрос, важные для понимания сути данного материала.

3. **«Заголовочный комплекс».** Как известно, журналистские тексты очень разнообразны. Они отличаются друг о друга не только по тематике, но и по способу отображения действительности, жанровым характеристикам, сложности содержания. Естественно, что это не может не находить своего отражения в заголовках к разного рода текстам. В настоящее время при подготовке более-менее сложных материалов журналисты достаточно охотно используют так называемые «заголовочные комплексы». В их состав входят основной заголовок и подзаголовки (дополнительные заголовки) самой разной сложности и назначения. В практике, например, «желтой прессы» сложились устойчивые типы заголовков в зависимости от цели, которую они преследуют. Условно их можно обозначить так:

1) «интригующие»: *«Не попасться на крючок» (Как не попасться под вербовку террористам)* («Панорама Шымкента», 25.01.17);

2) «страшные» – «Дороги страха» («Южный Казахстан», 24.02.17.);

3) «сногсшибательные»: *«Сделай меня принцессой»* («Время», 30.06.16.);

4) «скандальные»: *«Не виноватый я!» (Задержание главного нотариуса Астаны, подозреваемого в коррупции)* («Время», 27.04.16) и т.д.

Таким образом, в казахстанских газетных заголовках прослеживаются тенденции в увеличении их объема, усилении их коммуникативной функции, содержательной, информирующей стороны, увлечении авторской иронии. Заголовки все больше выступают с целью актуализации смыслов и оказывают сильное эмоциональное воздействие на читателя. Возможности грамматического построения заголовков, пунктуация, а также невербальные средства выделения делают заголовок более ярким и помогают передать скрытый смысл, раскрыть авторскую позицию. Нередко газетные материалы отличаются большой эмоционально-экспрессивной насыщенностью, и сила их воздействия органически связана с яркостью и образностью языка.

Литература

1. *Виноградов С. И.* Культура русской речи. Москва: Инфра М, 1999. 342 с.
2. *Гуревич С. М.* Газета вчера, сегодня, завтра. Москва: Аспект-Пресс, 2004. 288 с.
3. *Заглавие газетной заметки* в его отношении к тексту // Аспирант и соискатель. № 3. Москва, 2006. С. 23–36.
4. *Кайда Л. Г.* Композиционная поэтика публицистики. Москва: Флинта, 2006. 243 с.
5. *Киселева Л. А.* Вопросы теории речевого воздействия. Ленинград: Изд-во Ленинград.ун-та, 1978. 356 с.
6. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. Москва, 1970. 387 с.
7. *Кубанова А. З.* Газетный заголовок современной газетной прессы // Русский язык и литература. 2004. №6. 280 с.
8. *Стриженко А. А.* Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980. 267 с.
9. *Современная газетная публицистика*. Проблемы стиля. Ленинград, 1987. 327 с.
10. *Солганик Г. Я.* Стилистика публицистической речи. Москва: АВ-пресс, 2001. 389 с.

МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ ИЗВИНЕНИЯ В ДИСКУРСЕ МАССМЕДИЙНОГО ИНТЕРВЬЮ

Петкова Силвия
Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария
silpet2000@yahoo.com

METACOMMUNUNICATIVE APOLOGIES IN THE DISCOURSE OF MASS MEDIA INTERVIEW

Petkova Silvia
Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria

Abstract: *A pragmatic approach to the acts of metacommununicative apology in Russian mass media interviews is applied. The class of apologies which are focused on the use of a specific word or expression as a violation of Grice's maxim of manner is studied. The results of the analysis reveal some common deviations from the contemporary Russian language norms and give evidence that a high degree of self-monitoring of speech is characteristic for both interlocutors in the interview.*

Key words: *pragmatics, verbal interaction, metacommunication, violation of conversational maxims, Grice's maxim of manner.*

Механизмы вербального взаимодействия между участниками диалогического дискурса привлекают внимание специалистов из разных областей лингвистики и смежных наук. При этом большинство исследователей сходится во мнении, что это взаимодействие „помещается в социально-культурные условия конкретной ситуации“ и „организуется совместными координированными усилиями обоих участников общения“ [3, с. 57]. К научным парадигмам, которые оказываются наиболее подходящими для изучения данного сложного объекта, следует отнести лингвистическую прагматику, так как она предполагает введение в фокус анализа интенционального плана высказывания. Для изучения интенций говорящего, детерминирующих способ языковой репрезентации действительности, важное значение приобретает метакоммуникация, обслуживающая сферу контроля и оптимизации речевой интеракции. В категорию метакоммуникативов входят такие языковые единицы (слова и конструкции), которые „непосредственно обращены к слушающему, направляя его речемыслительную деятельность по восприятию и интерпретации сообщаемой информации“ [7, с. 85].

В данной работе представлены наблюдения над функционированием метакоммуникативных извинений как особого класса метакоммуникативов, к которым говорящий прибегает, руководствуясь двухступенчатой интенцией: 1) сигнализировать об осознании им факта нарушения правил речевого общения (конверсационных правил); 2) сгладить негативный эффект, вызванный этим нарушением. На существование категории метакоммуникативных извинений в русском языке впервые обратила внимание Р. Ратмайр в своей монографии “Прагматика извинения“. Она определяет их как извинения, которые относятся „не к экстралингвистическому поведению говорящего, а к различным аспектам самого высказывания, к нарушениям норм ведения разговора“ [8, с. 138]. Автор также уточняет, что, будучи вставными конструкциями, они произносятся в быстром темпе, без самостоятельного ударения и, в отличие от конвенциональных извинений, не требуют вербальной ответной реакции со стороны адресата.

Конверсационные правила, нарушения которых могут стать поводом для извинения, включают широко известные максимы кооперативного общения П. Грайса [2, с. 222–223] и максимы вежливости Дж. Лича [11, с. 104–149]. Когда данные максимы соблюдаются, это очевидно для коммуникантов и не нуждается в вербальной

экспликации. Подобно другим средствам, передающим прагматически релевантный метасмысл, метакоммуникативные извинения появляются в дискурсе только “при каких-то отклонениях от обычного, стандартного хода коммуникации, когда говорящий вынужден комментировать свою речевую деятельность” [9, с. 13]. Их следует рассматривать как микроакты, которые инкорпорированы в основной речевой акт и, в силу своих грамматических характеристик (императивной формы глагола), ориентированы на адресата.

Особенности функционирования метакоммуникативных извинений в массмедийном интервью были проанализированы нами на базе корпуса примеров, собранных методом сплошной выборки из популярных газет и записей телепередач, с привлечением данных Национального корпуса русского языка. Дискурс интервью был выбран с учетом того, что в нем речевые акты ориентированы одновременно на два типа адресата: на непосредственного индивидуального адресата (собеседника) и опосредованного массового адресата (читателей или телезрителей). Наши ожидания, что в таком „разговоре для подслушивания“ („talk for an overhearing audience“ [10]), будет установлена более высокая степень контроля речи и отсюда большее количество метакоммуникативных извинений по сравнению с обычным разговором, подтвердились.

Непосредственный объект настоящего исследования – группа метакоммуникативных извинений типа *извините за выражение, простите за грубое/непарламентское выражение, извините за сленг, простите за жаргон, извините за просторечие*, в фокусе которых оказывается употребление конкретной единицы языкового кода (лексемы или фраземы) в пределах высказывания. Все они мотивированы интенцией преодоления неблагоприятных последствий нарушения лексических норм. С их помощью говорящий пытается договориться с адресатом о специфических условиях использования конкретной единицы вербального кода, выходящей за рамки установленного стандарта общения в режиме публичного диалога. Речь идет о единицах стилистически сниженной лексики, употребление которых заметно активизировалось в современном массмедийном интервью, в соответствии с общей тенденцией к демократизации русского языка.

Анализируемая группа метокоммуникативных формул принадлежит к классу извинений, связанных с нарушением максимы способа Грайса. К относящимся к данной максиме частным правилам, сформулированным самим Грайсом (“Избегай непонятных выражений”, “Избегай неоднозначности”, “Будь краток (избегай ненужного многословия)” и “Будь организован” [2, с. 222–223]), мы считаем необходимым присоединить еще одно правило, выдвинутое Т. В. Шмелевой: “Говори согласно норме и как принято” [9, с. 18]. Перечисленные выше метакоммуникативные извинения направлены на нейтрализацию негативного эффекта нарушения именно этого конверсационного правила.

По данным нашего корпуса, наиболее частотной из исследуемых формул метакоммуникативного извинения является конструкция *извините за выражение*, которая по сути универсальна и, следовательно, может сопровождать любое отклонение от общепринятых норм словоупотребления. О ее статусе устойчивой единицы свидетельствуют лексикографические данные: в „Большом толковом словаре“ она приведена как иллюстрация к значению глагола *извинить*: „1**.** Проявить снисходительность, не поставить в вину чего-л.; простить. <...> *Извините за выражение* (*разг.*; употребляется при введении в разговор резких, грубых слов)“ [5], а в „Большом русско-английском фразеологическом словаре“ ей посвящена отдельная словарная статья: „извини(те) (прости<те>) за выражение *coll.* – used to ask the listener's indulgence when the speaker uses improper, vulgar language“ [1].

В отрывке из интервью (1) представлен типичный случай использования данной формулы при употреблении „нерегламентированного“ выражения, в принципе чуждого культурным, высокообразованным коммуникантам, каким, без всякого сомнения, является интервьюируемый.

(1) АиФ*: Недавно вы заметили, что в России все больше видны признаки американизации. Что вы имели в виду?*

Д. Х.: *Стиль жизни, язык, телевидение. <...> когда у меня берут интервью в Америке, это всегда поверхностные разговоры. Мол, секс-символ мировой оперной сцены, хи-хи, ха-ха. Но это настолько далеко от России, что мне, честно говоря, наплевать <...> Но, когда в России меня приглашают на телепередачу и,* ***извините за выражение****, начинают „лезть в штаны“, задавая бестактные вопросы, я отказываюсь это понимать. Я уверен, что российским журналистам не надо заигрывать со зрителями, идти на поводу у дурновкусия* (интервью с оперным певцом Дмитрием Хворостовским, Аргументы и факты, 04.06.2003)

Несмотря на шокирующий эффект, такое сниженное словоупотребление оказывается подходящим для передачи возмущения говорящего бестактным речевым поведением телеведущих. Извинение маркирует „зону напряжения“ в дискурсе и одновременно с этим смягчает резкость номинации.

Синонимичный вариант *простите за выражение* встречается реже. В отрывке из интервью (2) эта формула способствует нейтрализации отрицательных коннотаций, актуализируемых разговорным словом *пацан*.

(2) Д. Г.: *Номер один в рейтинге сейчас Магнус Карлсен. Чем объясняется феномен норвежца, который стал чемпионом мира в 23 года? За счет чего этот,* ***простите за выражение,*** *пацан обходит опытных гроссмейстеров?*

В. К.: *Помимо таланта у Магнуса лошадиное здоровье и отменная нервная система. <...>. Думаю, в ближайшее время вряд ли кто-то сможет с ним конкурировать. А что касается возраста, то, когда я выиграл у Каспарова, мне тоже было 25. На самом деле шахматы – это игра молодых* (интервью Дмитрия Гранцева с бывшим чемпионом мира по шахматам Владимиром Крамником, Аргументы и факты, 01.07.2015).

В этом тексте значение 'молодой' играет ключевую роль (неслучайно в качестве заголовка интервью выбрана цитата: *Владимир Крамник: „Шахматы – это игра молодых“*). Журналист инициирует обсуждение темы возраста с 40-летним гроссмейстером, используя номинацию *пацан* по отношению к молодому норвежскому шахматисту. Эта лексема (в значении: „*разг.* мальчишка“ [5]) сама по себе не предполагает реакцию неприятия, но в данном контексте она приобретает пейоративную окраску. В представлениях журналиста она, по всей видимости, имеет налет сниженности, и это не лишено оснований. Наличие у слова *пацан* семантических дериватов, принадлежащих к жаргону (см. „пацан 2. член молодежной группировки – «конторы»“ [6]), накладывает свой отпечаток и на интерпретацию его разговорного лексико-семантического варианта, что влечет за собой потребность в извинении.

Помимо универсальной формулы *извините/простите за выражение,* предполагающей, что адресат сам догадается, почему употребленное слово или выражение требует извинения, в массмедийном интервью используются и другие конструкции, посредством которых коммуникант конкретизирует, какое нарушение языковой нормы он допустил.

Например, говорящий может обратиться к адресату с просьбой проявить терпимость к употреблению жаргонной (сленговой) лексики. Так, в (3) при помощи формулы *извините за сленг* журналист маркирует употребление формы сравнительной

степени прилагательного *крутой*, принадлежащего к так называемому общему жаргону:

(3) В. М. <...>*Мы рассчитываем к 2018 году открыть одно из лучших театральных зданий страны – здание Театра Европы.*

Ю. З.**:** *Погодите, у нас же пока лучшее – 2-я сцена Александринки? Самая современная, самая оснащенная? Это,* ***извините за сленг****, еще круче будет?* (интервью Юрия Зинчука **с** министром культуры РФ Владимиром Мединским, телеканал „Санкт-Петербург“, 02.10.2016).

В данном диалоге журналист пытается придать своей речи раскованность и непринужденность в рамках реализации дискурсивной стратегии аттракции внимания зрительской аудитории (см. употребление разговорного метакоммуникатива *погодите*). Этим и мотивировано использование сленгизма *круче* вместо нейтрального *лучше*.

Следующий фрагмент также содержит метакоммуникативное извинение, посредством которого интервьюируемый, исходя из позиций наивной лингвистики, дает стилистическую характеристику использованной им субстандартной лексической единицы:

(4) *И в оборонке, и в других отраслях наложенные санкции могут и должны послужить хорошим стимулом для того, чтобы наши отрасли промышленности стали действовать более активно как в плане собственного развития, так и в сфере кооперации с теми странами, с которыми этой кооперации раньше не было. Я надеюсь, что такая отчасти шоковая терапия послужит некоторым нашим отраслям, чтобы они,* ***извините за просторечие****, зачесались* (интервью с руководителем администрации президента России Сергеем Ивановым, Российская газета, 22.09.2014).

Актуализируемое здесь значение глагола *зачесаться* в словаре Т. Ф. Ефремовой отнесено к разговорно-сниженному пласту лексики („2. *перен. разг.-сниж.* Начать действовать, проявляя активность, заинтересованность в чем-либо“ [4]), который можно считать тождественным просторечию, так как помета *прост.* в данном лексикографическом источнике не используется.

Преобладающее большинство контекстов показывает, что коммуниканты выходят за пределы литературного языка в поиске более яркой экспрессии. Типичным примером может послужить следующая реплика политика из оппозиционной партии „Яблоко“:

(5) *На виду у всех у людей украли государство. Вот есть наша вещь – этот стол. Его взяли и украли, поставили чужую посуду, сидят, жрут круглосуточно,* ***извините за непарламентское выражение****. И нам говорят: видите, как красиво все выглядит, как похоже на европейскую страну!* (интервью с кандидатом в депутаты Госдумы Львом Шлосбергом, Новая газета, 03.08.2016).

Очевидно, что употребление просторечного глагола *жрать* мотивировано интенцией выразить подчеркнуто негативную метафорическую оценку денотативной ситуации, в соответствии с общим критическим пафосом, характерного для речи интервьюируемого. С учетом релевантного параметра прагматического контекста – статусной характеристики говорящего, как кандидата в депутаты Парламента, – устойчивый оборот *непарламентское выражение* (калька с англ. *unparliamentary language*), означающий 'грубое, оскорбительное слово/словосочетание', придает данному метакоммуникативному извинению особое ироническое звучание.

Результаты проведенного анализа показали, что, отдавая предпочтение разговорно-сниженным, жаргонным или просторечным лексическим единицам, в силу их эмоционально-оценочной насыщенности, участники интервью часто прибегают к тактике метакоммуникативного извинения. При этом в роли приносящего свои

извинения за ненормативное словоупотребление может выступать как интервьюируемый, так и журналист. Учитывая тот резонанс, который вызовет у аудитории СМИ допущенное им отклонение от общепринятых речевых норм, говорящий показывает посредством метакоммуникативного извинения, что на самом деле хорошо знаком с этими нормами. Он позволяет себе нарушать конверсационные правила с ясным сознанием, что владеет компенсаторным инструментом, благодаря которому сможет смягчить нежелательные последствия такого нарушения.

Литература

1. *Большой русско-английский фразеологический словарь*. Москва, 2004.
2. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. Москва, 1985.
3. *Дементьев В. В*. Непрямая коммуникация. Москва, 2006.
4. *Ефремова* Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва, 2000.
5. *Кузнецов С. А*. (ред.) Большой толковый словарь. Санкт-Петербург, 2008
6. *Никитина Т. Г*. Молодежный сленг. Толковый словарь. Москва, 2009.
7. *Петкова С*. Прагматические маркеры межличностного взаимодействия в публичном диалоге // Съпоставително езикознание. 2016. № 2. С. 84–100.
8. *Ратмайр Р.* Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. Москва, 2003.
9. *Шмелева Т. В.* Кодекс речевого поведения // Шмелева Т. В. Текст как объект грамматического анализа. Красноярск, 2006, С. 12–19
10. *Heritage J.* Analyzing news interviews: aspects of the production of talk for an overhearing audience // van Dijk T. A. (ed.). Handbook of Discourse Analysis.Vol. 3. London, 1985, p. 95–117.
11. *Leech G.* Principles of Pragmatics. London & New York, 1983.

ДЕСТРУКЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПЕЧАТНОГО ЗАГОЛОВКА В РОССИЙСКИХ СМИ

Раденкова Елена
Софийский университет им. Святого Кл. Охридского, Болгария
elradenkova@abv.bg

DESTRUCTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AS A METHOD TO CONSTRUCT NEWSPAPER HEADLINES IN THE RUSSIAN MASS MEDIA

Radenkova Elena
Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria

Abstract: *The following article explores the usage and transformations of various proverbs in contemporary Russian newspaper headlines. The different types of structural and semantic changes of the proverbs are studied. The most common type of transformations is replacing one component or word with a different one in order to describe the current events which affect the society. Journalists often use more several methods to transform proverbs to give them an original meaning in headlines.*

Key words: *phraseology, paremiology, proverbs, proverbial transformations, types of transformations.*

В лексическом фонде русского языка фразеологизмы занимают значительное место, так как они дают возможность коммуникантам метко выражать свою мысль и образно описывать разные стороны действительности. Наличие эмоциональности, образности и оценочности в содержательном плане фразеологических единиц приводит к тому, что большинство из них обладает яркой стилистической окраской и значительным прагматическим потенциалом.

В узком понимании к категории фразеологических единиц относятся только фразеологические обороты, т.е. несентенциальные (непредложенческие) языковые единицы. В широком понимании фразеология включает также пословицы, поговорки, “крылатые слова” и популярные цитаты. Иными словами, она охватывает и другие устойчивые фразы, имеющие форму законченного предложения и функционирующие в речи как отдельные высказывания. Вслед за Н.М. Шанским, такие устойчивые единицы предложенческого (сентенциального) типа мы будем обозначать термином фразеологические выражения (ФВ) [3, с. 35].

В современной прессе весьма распространены заголовки, в создании которых задействовано несколько видов трансформаций. Это связано с тем, что для дискурса прессы характерно стремление к повышенной экспрессивности, что обусловливает постоянный поиск языковых средств. Мы проанализируем такие трансформации паремий и прецедентных высказываний, приводящих к значительной перестройке структуры ФВ, вследствие двух и более комплексных деструктивных изменений в их составе. В данной статье мы сфокусировали наше внимание на процессе радикального структурного изменения как средства языковой игры в газетном заголовке. Используемый термин ***трансформация*** понимается как намеренное внесение изменений в структуру оригинального устойчивого высказывания. С позиции реципиента комплексная трансформация приводит к деструкции (разрушению) стереотипа восприятия ФВ: оно приобретает новый (модифицированный) смысл, актуальный именно для данного конкретного контекста. Деструкция паремии и ПВ является самым радикальным типом структурного преобразования данного класса ФВ. При нем сохраняются лишь фрагменты узуальной единицы, которые напоминают о ней, но уже в рамках иной структуры. Материалом для исследования послужили заголовки, содержащие трансформированные паремии и прецедентные высказывания, из электронных версий современных газет, издаваемых в России за 2014-2015гг. Заголовки, включающие трансформированные

паремии или ПВ, выделяются среди других и заставляют читателя „вспомнить знакомый текст или разгадать загадку, проделав более или менее длинный ряд умозаключений, чтобы понять замысел отправителя текста“ [1, с. 159].

Чаще всего авторы медиатекстов прибегают к комбинации двух видов трансформаций, таких как замена и вставка.

Обещанного ***Чубайсом 15 лет*** *ждут* <Инвестиции в энергетику будут возвращать медленно> (Къ, 02.01.2014).

По-новому в данном заголовке звучит поговорка *Обещанного три года ждут,* которая имеет значение: ‘От обещания до его исполнения очень далеко. Говорится обычно с сомнением, или используется как форма отказа, когда кто-либо настаивает на выполнении данного ему обещания.

Вставка прецедентного имени *Чубайс* приводит к конкретизации значения исходной пословицы (ИП). В статье изложена информация о том, что правительство намерено поменять параметры основного механизма привлечения инвесторов в энергетику. Иностранные инвесторы недовольны, что через 15 лет начнется возврат вложений. Нюанс сомнения сохраняется в трансформированной пословице (ТП), а автор подчеркивает значение длительного срока, заменяя сочетание числительного и существительного *три года* на *15 лет* и употребляя слово *медленно* в подзаголовке.

Сапоги чиновников *просят каши* <Государственным служащим отменят суточные, но разрешат ремонтировать обувь в командировках> (РГ, 25.08.2015).

Метафорический образ, лежащий в основе поговорки *Ботинки каши просят,* возник на основе сходства - старый ботинок похож на открытый рот, в котором вместо зубов гвозди. В данном трансформе использованы два игровых приема – тематическая замена исходного ключевого слова *ботинки* на *сапоги* и вставка словоформы *чиновников.* Исходный смысл конкретизируется и ТП отсылает к конкретной ситуации. Заголовок свидетельствует об ироническом отношении автора к тому факту, что чиновники сохранили за собой право ремонтировать обувь во время командировок.

Пьянство ***снова в*** *бой* <Пиво и сигареты вернутся в ларьки: правительство признало ошибку> (МК, 03.12.2014)

ИПВ отсылает к лозунгу антиалкогольной компании в СССР *Пьянству – бой!* Ключевые компоненты *пьянство* и *бой* активируют ассоциативный механизм воссоздания исходного образа ПВ. Деформация структуры прототипа приводит к изменению коммуникативной направленности предложения – от восклицательной в изъявительную, при помощи экспликации наречия *снова* и предлога *в*. Это приводит к диаметрально противоположному изменению смысла ТПВ: не пьянству объявляется бой, а пьянство идет в бой. Так в довольно экспрессивной форме автор информирует читателя о запрете на продажу пива и сигарет в ларьках, который начал действовать в 2013-2014 гг., в результате чего по всей стране сотни тысяч ларьков обанкротились и закрылись.

Вторая по частотности группа примеров паремий и прецедентных высказываний, подвергшихся комплексной трансформации, на которой мы остановимся – это замена и усечение. В приведенном ниже примере при замене обыгрываются омофоны *вила* и *вилла*, а усеченным оказывается последний компонент исходной паремии (ИП) – страдательное причастие *написано.*

Виллами *по воде* <Дома за рубежом подешевели, но покупать их не стоит> (РГ, 2.12.2015).

Пословица *(Это) вилами по воде написано* семантизирует маловероятное, сомнительное событие, ассоциируется с изображением на воде знаков при помощи вилы – сельскохозяйственного орудия.

В результате комплексной трансформации образность, а вместе с тем и оценочность ИП полностью разрушена. Новый компонент *виллы* воспринимается в своем

буквальном значении, а контекстуальной подсказкой того, о каких именно виллах идет речь, выступает словосочетание *дома за рубежом* в подзаголовке. Таким образом, внесенные в содержание ИП изменения приспосабливают ее для выражения интенции автора сообщить о необходимости не спешить с покупкой недвижимости, а выждать более подходящего момента.

Готовь ***карьеру*** *летом* <Специалисты утверждают: пока другие отдыхают, проще занять хорошую вакансию> (КП, 22.05.2014).

Широко известная ИП *Готовь сани летом, а телегу зимой* имеет назидательный смысл: 'К важному делу нужно готовиться тщательно и заранее'. Метафорический образ, лежащий в ее основе, отсылает к тому, что в прошлом хороший хозяин начинал готовить сани и, соответственно, телегу заблаговременно.

В заголовке произведено усечение второй части двухчастной ИП и замена ключевого слова *сани* на актуализатор *карьера*. В статье утверждается, что „конкурс на рабочее место летом – самый низкий, и вероятность найти подходящую новую работу значительно повышается“. ТП теряет иносказательность и воспринимается буквально. Заголовок звучит интригующе, в результате чего высказанный совет приобретает особую силу воздействия.

Баррель *по колено.* <Дойдет ли цена на нефть до 10 долларов> (РГ, 16.01.2015).

Значительному переосмыслению подверглась ИП: *Пьяному море по колено*. Пословица говорит о том, что пьяный человек ничего не боится и считает, что справится с любой задачей.

В этом заголовке усечение и замена лексемы *море* в ИП на актуализатор *баррель* приводит к конкретизации темы статьи – как движутся цены на нефть. Автор подобной заменой добился резкой смены образа в ТП, но рамка исходного образа, на наш взгляд, все же сохранилась. Частично в ТП сохранилась и сема «ничего не боимся» и «справимся», хотя подзаголовок заставляет читателя задуматься, реально ли Россия соизмеряет размер препятствия и свои возможности.

Не так страшен ***баррель*** <Россия сможет заработать на американском бюджете> (РГ, 21.12.2015).

В данном примере деструкции подверглась ИП *Не так страшен черт, как его малюют*. Она указывает на преувеличение значимости какого-либо отрицательного явления употребляется, чтобы подбодрить того, кто испытывает страх перед чем-то незнакомым, известным.

Автор произвел замену лексемы *черт* в ИП, на актуализатор *баррель* с последующим усечением второй ее части. В статье идет речь о проекте федерального бюджета на 2016 год, который предусматривает снятие запрета на экспорт сырой нефти из США, что может оказать дополнительное давление на дешевеющее "черное золото" и выгодно для России. ТП сохранила общее значение "ситуация не такая уж страшная", одновременно обогащаясь новыми прямыми значениями, вытекающими из контекста.

Очень интересен с точки зрения осуществленных деструктивных трансформаций следующий пример:

Работа не ***work*** <Как в России относятся к труду> (Къ Деньги, 07.03.2015). Объектом языковой игры выступает широко известная пословица *Работа не волк – в лес не убежит*. Смысл ИП: 'Срочное выполнение какой-л. работы не обязательно'.

Фонографический облик различных лексических единиц может обыгрываться по-разному. Здесь мы наблюдаем прием замены ожидаемого в контексте слова (волк) созвучной ему лексемой из английского языка (work, рус. работа). Под влиянием звуковых ассоциаций читатель легко его воспроизводит, вследствие чего возникает комический эффект.

Замена словом на латинице проделана с целью выделить в ТП лексему, созвучную описываемой в статье ключевой проблеме – отношению к работе, труду. Смысл ИП заключается в том, что не стоит спешить сделать что-то, что вполне может подождать. В статье приводятся данные масштабного социологического опроса, которые показали, что для современного россиянина стремление к стабильности в трудовых отношениях важнее всего.

Очень часто к комплексным трансформациям в два приема (замена и усечение) прибегают для достижения большего прагматического эффекта и чтобы добиться интенсификации стилистических приемов в заголовках с деструктированным прецедентным высказыванием. Например: *А* ***дедушки*** *потом* <Правительство одобрило отказ от индексации пенсий и соцвыплат по величине инфляции> (НИ, 26.06.2015).

Заголовок является реминисценцией строчки *Первым делом самолеты, Ну а девушки потом* песни «*Первым делом самолеты*» из фильма "Небесный тихоход". В трансформированном прецедентном высказывании (ТПВ) усечена первая часть строки, но ее смысл присутствует в конструировании нового значения трансформа. Каламбурно обыгрывается лексема *девушки* в ИПВ и близкий по звучанию, но являющийся контекстуальным антонимом актуализатор *дедушки* (противопоставление проводится по оси молодой-старый). Автору удается окрасить горькой иронией описываемый факт отказа управляющих от индексации пенсий.

Hotel как лучше <Российские гостиницы с 21 октября начнут работать по новым правилам> (РГ, 18.10.2015).

В результате синтаксического усечения современного политического афоризма *Хотели как лучше, а получилось как всегда* (в котором обыгрывается известное высказывание В.С. Черномырдина) первая часть ТПВ концентрирует в себе экспрессивную и содержательную выраженность всего ПВ. Автор инновационного преобразования ПВ, оттолкнувшись от известного, нашел оригинальный способ представить новую информацию о новых правилах предоставления гостиничных услуг в России путем обыгрывания графического написания слова *Hotel* по-английски и русского глагола *хотеть* в форме прош. вр., м.р., ед.ч. Произведена и морфологическая трансформация – замена формы мн. ч. в ИПВ – *хотели* на форму ед.ч. *хотел* в ТПВ. Трансформ сохраняет оценочную направленность прототипа, выражая скептическое отношение автора к результатам, к которым приведет введение нового закона.

В следующем заголовке наблюдается комбинация трех видов трансформаций, что приводит к серьезным деструктивным преобразованиям исходной пословицы *Язык до Киева доведет*. Ее употребляют, когда не знают адреса или не могут найти кого-л., но уверены, что, спрашивая у встречных, это можно сделать. [2, Серов 2003].

Россиян язык далеко ***не*** *заведет* <Знание английского многим до сих пор не по карману> (НГ, 24.12.2013).

В статье рассматриваются проблемы, не позволяющие россиянам заняться иностранным языком, которые чаще всего связаны с дефицитом времени и денег. В результате комплекса приемов (1) добавления *россиян*, 2) замены *до Киева → далеко* и *доведет → заведет*, 3) преобразования утвердительной конструкции в отрицательную) обобщающий смысл ИП и ее структура разрушаются. Данные структурно-семантические типы трансформаций сопровождаются и семантическим сдвигом – обыгрывается многозначность лексемы *язык,* причем актуализируется оттенок значения 'иностранный язык'. В результате комплексного преобразования ТП употребляется в совершенно ином смысле: Россияне не могут изучать английский язык, хотя это остается приоритетным при приеме на работу.

К данной разновидности комплексной трансформации, где можно выделить три ступени деструктивный изменений, относится следующий заголовок**:**

Хочешь мира - ***придется повоевать?*** <Эксперты о ходе операции в Сирии> (АиФ, 07.10.2015)

Данный заголовочный трансформ восходит к сентенции *Если хочешь мира, готовься к войне*, чей автор – римский историк Корнелий Непот (94-24 до н. э.). Смысл выражения: 'Мир стране гарантирует только ее надежная оборона'. В ТПВ происходит: 1) усечение союза *если*; 2) замена главного предложения в прототипе *готовься к войне* на *придется повоевать*; 3) изменение модуса предложения от изъявительного на вопросительный. Применение третьего приема лишает трансформ категоричности звучания, присущей исходной форме. Автор выражает скорее неуверенность, тревогу и колебание в необходимости вступления России в войну с радикальными группировками.

Комбинация из четырех трансформаций была зафиксирована нами в одном заголовке из корпуса прецедентных высказываний**.**

Трижды *в одну* ***финансовую*** *реку* <Кредиторы Греции утвердили программу помощи стране на €86 млрд.> (Къ, 15.08.2015)

Заголовок отсылает к сентенции *Нельзя дважды войти в одну и ту же реку*, сформулированной древнегреческим философом Гераклитом из Эфеса (ок. 554 - 483 гг. до н.э.). В современной речи фразу употребляют в значении: – 'не стоит дважды пытаться делать одно и то же, применять один и тот же способ действия' [2, Серов 2003].

В ТПВ произведена сложная четырехкомпонентная трансформация:

1) Усечен предикатив *нельзя*, но его „след“ остается в сознании читателя, и фраза прочитывается так: делается то, что на самом деле нельзя делать.

2) Произведена замена наречия *дважды* в ИПВ на *трижды.* Так автор с большой долей иронии сообщает, что это *уже третья по очереди* программа по сокращению госдолга Греции, имплицируя в контексте оценки, выраженной ИПВ, что она также обречена на неуспех.

3) Опущены два компонента: глагол *войти* и конструкт *и ту же*. Эти опущения не меняют смысл фразы, лишь делают ее более лаконичной.

4) Автор вводит в лексико-грамматический состав ПВ словоформу *финансовую* в качестве определения к исконному компоненту *реку.* Вставка этого компонента привязывает ТПВ к актуальному контексту статьи.

В результате такого сложного деструктивного преобразования ПВ журналист ярким и воздействующим образом передает адресату свое скептическое отношение к способу осуществления программы по спасению Греции от финансового краха.

Комплексные трансформации – самый интересный с точки зрения прослеживания комбинаций двух или более игровых приемов в конструировании трансформа. Это вполне соответствует задаче журналиста – одновременно, экономя языковые средства, придать узуальной форме новое, актуальное звучание. Интересно, что использование столь радикальной комбинированной структурно-семантической трансформации при конструировании заголовка, которая приводит к деструкции формы и к семантическому сдвигу, не вызывает коммуникативного сбоя, так как журналисты используют общеупотребительные и частотные паремии и прецедентные высказывания. Это объясняет их широкое применение и креативные возможности для реализации авторского замысла, привлекая читательский интерес к заголовку-трансформу и усиливая его экспрессивный потенциал.

Литература

1. *Земская Е.А.* Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т. Г. Винокур. Москва: Наука, 1996.

2. *Серов В.* Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений, Москва, Локид Пресс, 2003.(Электронный ресурс); Режим доступа: http://www.vipbook.su– свободный.

3. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа,1985.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Савинкова Тамара
Северо-Западный институт управления, филиал РАНХиГС, Россия
savinkovatv@gmail.com

LEXICAL MARKERS OF FAISE INFORMATION IN MODERN MEDIA SPACE

Savinkova Tamara
The North-West Institute of Management, branch of RANEPA, Russia

Abstract: *The article explores the "fake" lexeme as one of the markers of unreliable information in the modern Russian media space. The reasons and character of assimilation of Anglicism in Russian speech practice are explained. It is planned to study the linguistic and cultural problems posed by modern media in the ratio "truth – lie". The problem of developing modern methods for verifying media texts is being addressed.*

Key words: *Anglicism, assimilation, verification, lexeme, the media, fake.*

Современное российское медиапространство насыщено разнообразной информацией, распространяемой печатными и электронными СМИ. Доступность периодических и онлайн-изданий, постоянно расширяющаяся блогосфера российского Интернета позволяют обеспечить реальный плюрализм мнений по поводу любого интересующего общество события. Однако процесс свободного производства и распространения массовой информации сопровождается не только смешением качественного и второсортного медиаконтента, но и тиражированием непроверенных и даже откровенно ложных сообщений [1].

Для обозначения неточной или фальсифицированной информации в современном русском языке существует ряд лексем, выражающих разные аспекты случайного или преднамеренного введения в заблуждение аудитории массмедиа. К лексическим маркерам недостоверной информации относятся стилистически нейтральные средства, имеющие номинативное значение: *вирус, вымысел, вымышленные новости, дезинформация, диффамация, заблуждение, клон*, *мистификация, миф, неправда*, *неточность, обман, ошибка, черный пиар, ложный аккаунт, постистина, постправда, псевдо, симулякр, суррогат, фикция.*

Большое число разговорно-сниженных и просторечных, откровенно грубых языковых единиц используются в текстах оценочно-эмоционального характера: *брехня, вброс, вранье, джинса, деза, зомбоящик, информационный шлак, лапша, липа, лженовости, лукавство, клюква, лажа, ложь, ляп, ляпсус, ОБС (одна баба сказала – информация, основанная на сплетнях или 'взятая с потолка'), очковтирательство, подделка, подлог, полуправда, развод, россказни, свист, сказки, слив, телега, треп, трепотня, тролль*, *фабрика троллей, туфта, утка, фальшивка, фуфло*.

В целях обозначения способов обмана применяются разные по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске глаголы и глагольные словосочетания: *вводить в заблуждение, выдумывать, выражаться двусмысленно, дезинформировать, запутывать, имитировать, искажать, представлять в ложном свете, передергивать факты, подделывать, подвергать диффамации, разводить, сбивать с толку, скрывать, троллить, фабриковать, фальсифицировать* и др.

При этом богатые лексические ресурсы современного русского языка, разнообразные в номинативном и эмоционально-экспрессивном значениях, способные идентифицировать не соответствующую действительности информацию по ее источникам, целям и степени недостоверности, в последнее время активно вытесняются английским заимствованием *фейк*, уже включенным в словарь новейших

иностранных слов [6].

Лексема *фейк,* прежде относящаяся исключительно к сфере распространения недостоверной информации каналами медиа: *фейк ньюс, фейковые СМИ, фейковая журналистика, фейковые новости, фейковые аккаунты* и др., – становится общеупотребительной, маркируя широкий круг понятий: фальсифицированные известные бренды, не соответствующие заявленным характеристикам предметы, поддельные произведения антиквариата и живописи (*фейк-арт)*, 'спектакль' для туристов псевдопервобытного племени (*антропологический фейк*), новейшие финансы (*биткоин – фейковая валюта*), ненадежные коммерческие банки (*фейковые банки*), фальшивые авиауслуги (*фейковые билеты*), неоправдавшийся прогноз метеорологов (*фейковый мороз*), идеологически ангажированная кинокартина С. Эйзенштейна «Октябрь» (*фейк-канон*[1]), сомнительные результаты научной деятельности (*фейковые статьи, диссертации, ученые степени* и т.д.), религиозные догматы (Папа римский Франциск назвал первым в истории *фейком* соблазнение Евы змием[2]) и т.д.

Слово *фейк* актуализируется в социокультурном пространстве посредством номинирования его глобальными медиа на 'слово года', выявления '*фейка* года', составления рейтингов недостоверных СМИ и даже конструированием кинематографической (короткометражный фильм «Фейк» реж. И. Китаева, 2016 г.) и других художественных версий обмана.

«Новые иноязычные слова приходят в русский язык главным образом вместе с новыми реалиями, отношениями и понятиями» [7, с. 3], но очевидно, что активное вхождение лексемы *фейк* в российское информативно-коммуникативное пространство, насыщенное языковыми средствами, предназначенными для обозначения разнообразных смысловых значений недостоверной информации и эмоционально-экспрессивной реакции на нее, не ограничивается данной причиной. Журналисты признают: «Идея фальшивых новостей не нова – мотивы для обмана аудитории были всегда, однако современные возможности медиа породили иные жанры и придали старым уловкам сверхзвуковую динамику»[3].

Актуальные тенденции заимствований из английского языка в качестве основ, порождающих новые словообразовательные ряды и гнезда, исследуются Е. В. Петрухиной [4, с. 179–185]. Однако лексема *фейк* не нашла места в широком ряду проводимых лингвистом примеров. Между тем характер адаптации англицизма к лексической системе современного русского языка весьма показателен.

Многочисленные примеры сложения двух имен существительных с дефисным написанием и обозначающих отнесенность к *фейку* как к чему-то неподлинному, ложному: *фейк-авторитет, фейк-аккаунт, фейк-арт, фейк-выборы, фейк-диссертация, фейк-доктор наук, фейк-кандидат, фейк-канон, фейк-каст, фейк-контора, фейк-контроль, фейк-новости, фейк-оппозиционер, фейк-рейтинг, фейк-референдум, фейк-сайт, фейк-страна, фейк-страница, фейк-трейлер, фейк-фото, фейковая эпоха* и мн. др., – подтверждают продуктивность русскоязычного словообразования с иноязычным компонентом *фейк*.

В образовании существительных, обозначающих лиц, занимающихся созданием и распространением *фейков*, а также энтузиазм упражняющихся в подобной деятельности, используется не только русская модель словосложения *(фейкомет),* но и

---

[1] *Ильченко С.* Штурм Зимнего как зеркало советского кино. // Нева, 2017, № 11, с. 135.

[2] *Гурьянов С.* Папа римский назвал соблазнение Евы змием первой фейковой новостью. // Взгляд, 24.01.2018. / URL: https://vz.ru/news/2018/1/24/905027.html/ (дата обращения 24.01.2018).

[3] *Христофоров А.* Вся правда о постправде. // Взгляд, 31.03.2017 / URL: https://rutwi.ru/article/516792 (дата обращения 8.04.2017).

англоязычная – *фейкер, фейкомания.*

Суффиксальный способ словообразования распространен среди имен прилагательных: *фейковый* аккаунт, *фейковая* акция, *фейковый* вектор, *фейковый* декрет, *фейковая* журналистика, *фейковые* новости, *фейковая* новостная сеть, *фейковая* пропаганда, *фейковый* профиль, *фейковые* страницы, *фейковый* фильм, *фейкометная* деятельность и т.п.

Суффиксальная модель использована в образовании наречия: *фейково* (*фейково* высмеять).

Значителен ряд глагольных словосочетаний: *бороться с фейками, делать фейки, запустить фейки, избавиться от фейков, использовать фейки*, *множить фейки, напугать фейком, обнаружить фейк, оказаться фейком, писать фейк, применять фейк, разоблачать фейки, распространять фейк, распознать фейк, регистрировать фейк, создать фейк*, *состряпать фейк, считать фейком, пошел фейк, признать фейки.*

Лексическая сочетаемость существительного *фейк* с прилагательными усиливает оценочное значение обозначаемого предмета или явления: *абсолютный фейк, бездарный фейк, вульгарный фейк, грязный фейк, низкопробный фейк, блестящий фейк, самый правдоподобный фейк, наглый фейк, вкусный фейк, эпичный фейк.*

Англицизм *фейк* входит в антонимичные лексико-семантические пары слов: *фейк – правда*[4], *фейк – деза*[5].

Для выражения яркой экспрессивной окраски английское заимствование адаптировано к синтаксической структуре *(фейк на фейке; фейк на фейке и фейком погоняет*[6]*)*, сходной с изречением, зафиксированным В. И. Далем в сборнике «Пословицы русского народа»: *«Дурак на дураке едет, дураком погоняет»*[7] (вариант: *мошенник на мошеннике*…) и встречающимся в повести А. Ф. Писемского «Ипохондрик» (Все-то вы, как я посмотрю, *дурак на дураке сидит и дураками погоняет*») и в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» («Хороши политические экономы! *Дурак на дураке сидит и дураком погоняет*»)[8].

Фраза *«фейки правят миром»*[9] – коррелирует с известным крылатым выражением *«деньги правят миром»*[10].

Таким образом, можно говорить о достаточном количестве лингвистических подтверждений высокой степени адаптации англицизма в языковой системе современного русского языка. И хотя формирование лексической нормы еще не закончено, о чем свидетельствует неустойчивость графического образа слова: наряду с более частым написанием *фейк* через '*е*', встречается написание через 'э' – *фэй*к и даже в английском варианте – *fake*, очевидна тенденция ко все большему укоренению иноязычной лексемы в современном русском языке.

Причины стремительного и широкого вхождения иностранной лексемы в русский язык имеют как лингвистическое, так и социокультурное объяснение.

---

[4] Правда или фейк? Попробуйте отличить выдуманные новости от настоящих (это сложно!)// Meduza.ru, 24.11.2016. / URL: https://meduza.io/quiz/pravda-ili-feyk (дата обращения 24.11.2016).

[5] *Захарова М.* Это уже не фейк, а крупная деза / URL: https://www.facebook.com/maria.zakharova.167/posts/10215120044184169 (дата обращения 10.02.2018).

[6] *Беляев Д.* Фейк на фейке и фейком погоняет / URL: https://dbelyaev.ru/p/22825/ (дата обращения 11.02.2018).

[7] *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. Москва: Lingua, АСТ, Астрель, 2008.

[8] См.: *Михельсон М. И.* Большой толково-фразеологический словарь русского языка. В 3-х т. Москва: ЭТС, 2005.

[9] *Чаблин А.* Лесбиянка из Дамаска, или фейки правят миром. Политические мистификации XXI века // Свободная пресса, 7.01.2018. / URL: http://svpressa.ru/ (дата обращения 8.01.2018).

[10] Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М*осква*: Локид-Пресс, 2003.

В наше время английский язык остается основным источником пополнения словарного состава русского языка: владение английским языком обеспечивает приобщение к передовым технологиям, скоростным средствам связи, инновациям, успешному бизнесу [6, с. 98], а также доступность глобальных англоязычных массмедиа.

В то же время нельзя не учитывать сущностные черты современной картины мира, именуемой постмодернистской, и ее фундаментальный принцип, заключающийся в отказе от истины, которую заменили симумякры, 'постправда', 'постистина'. Еще в 1960-х гг. в позитивистском сознании европейцев доминировало сознание, названное культурологами 'на самом деле', которое, по утверждению В. П. Руднева, «расставляло все точки над *i*, утверждало истину в последней инстанции», а говорящий демонстрировал уверенность «в своих словах и в том, что реальность можно описать истинными высказываниями, отбросив ложные» [5, с. 123–124]. В конце XX – начале XXI вв. формируется постмодернистское сознание 'как бы', уже не гарантирующее истинности, речевая стратегия которого – «неуверенность в неопределенности» [5, с. 124, 221]. Трансформация общественного сознания, порождающая тотальный субъективизм, «всеобщее смешение и насмешливость над всем…» [5, с. 221], отражается в речевой коммуникации, повышая спрос на маркеры недостоверной информации, среди которых заметное место занимает англицизм *фейк*.

Специалисты, исследующие современные печатные и аудиовизуальные средства массовой информации и коммуникации, ставят вопрос о необходимости разработки научных методик верификации новостных сообщений [2, с. 56–58]. Критерии достоверности информации обсуждаются корпоративным сообществом журналистов [3]. Это показывает, что изучение лексических маркеров распространяемой медиа ложной информации является важной научной задачей, требующей междисциплинарного подхода, и одновременно с этим необходим поиск способов применения результатов исследований практиками в сфере массовой информации и коммуникации, а также в образовательной и просветительской деятельности.

Литература

1. *Вакулова Е. Н.* Медийный дискурс в зеркале критериев объективности и предвзятости // Русский язык как иностранный в современном образовательном пространстве: Материалы XII международной научно-практической конференции. Улан-Батор (Монголия), 2016. С. 86–93.
2. *Данилова А. А.* Проблема верифицируемости текста СМИ как лингвистическая проблема // Язык и дискурс СМИ в XXI веке: тезисы выступлений на заседаниях Круглого стола с международным участием, Москва, 9–10 сентября 2016 года / [общ. ред.: проф. М. Н. Володина, И. М. Кобозева]. Москва: Макс пресс, 2016.
3. *Ильченко С.* Фейк в практике электронных СМИ: критерии достоверности // Медиаскоп, 2016. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/2237 (дата обращения 10.02.2018).
4. *Петрухина Е. В.* Актуальные тенденции в русском словообразовании и глобализация// Русский язык в поликультурном мире. I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г.) / отв. ред. Е. Я. Титаренко: Сб. науч. статей. В 2-т. Том I. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017.
5. *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. Москва: АГРАФ, 1997.
6. *Сапожникова И. А.* Современная речевая культура СМИ в контексте глобализации: монография/ И. А. Сапожникова; Челябинская гос. акад. культуры и искусств. Челябинск: [б. и.], 2013.
7. *Шагалова Е. Н.* Словарь новейших иностранных слов: [около 3500 слов, цитаты из СМИ и интернета, подробная этимологическая справка] / Е. Н. Шагалова. Москва: Аст-Пресс книга, 2017.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ЯЗЫКА ЭКСПЕРТОВ СЕТЕВЫХ МЕДИА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЫ[1]

Селютин Андрей, Селютина Елена
Челябинский государственный университет, Россия
Челябинский государственный институт культуры, Россия
blind11@yandex.ru, l22502@yandex.ru

LANGUAGE DEMOCRATIZATION IN NETWORK MEDIA EXPERTS IN THE CONTEXT OF ITS COMMUNICATIVE PART DEVELOPMENT[2]

Seliutin Andrei, Seliutina Elena
Chelyabinsk State University, Russia
Chelyabinsk State Institute of Culture and Arts, Russia

Abstract: *It is proposed to discuss the issue of changing the status and language image of an expert in network media under the influence of the processes of democratization of the language and related phenomena in the language of virtual space. There is a discrepancy between the educational standard, a set of professional competencies and educational practices for training a specialist in this field and a real language situation that establishes its rules of speech behavior.*

Key words: *democratization of language, expert of network media, competence approach.*

Компетентностный подход и размышления о том, какими компетенциями должен обладать современный выпускник университета и профессионал, работающий в конкретной области, занимает одну из лидирующих позиций в сфере высшего образования и находит аспект выражения в определенных официальных документах: профессиональных стандартах, образовательных стандартах, учебных планах и рабочих программах дисциплин (более подробно см. в статье А. А. Селютина). С точки зрения востребованности и популярности отдельных компетенций, как они развиваются и чего можно ждать в будущем, можно отметить как отечественные, так и западные исследования. За рубежом это в основном отдельные международные программы, например, PIAAC (The Programme for the International Assessment for Adult Competencies), или The Programme for International Students Assessment (PISA), включающие мониторинг качества образования по следующим показателям: грамотность чтения (reading), математическую грамотность (mathematics), естественнонаучную грамотность (science), умение справляться с интерактивными задачами (interactive problems). В России обсуждение ведется преимущественно на различных конференциях и круглых столах, например, в октябре 2015 г. на базе Высшей школы экономики прошла конференция «Ключевые компетенции XXI века: новые измерения грамотности современного человека», в ходе которой были высказаны идеи деятельностного подхода к компетентностной оценке современного выпускника (http://piaac.ru/conf2015/). А с недавнего времени (2012 г.) наше профессиональное сообщество включилось в работу международного некоммерческого движения WorldSkills International и представило свой национальный этап – WorldSkills Russia. «В подобных обстоятельствах продуктивность профессиональной деятельности зависит не от обладания какой бы то ни было раз и навсегда заданной специальной информацией, а от умения ориентироваться в информационных потоках, инициативности, умения справляться с проблемами, искать и использовать недостающие знания или другие ресурсы для достижения поставленной цели» [4,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02032)
[2] This research is supported by Russian Science Foundation (RSF) 16-18-02032

с. 512]. То есть современному профессионалу необходимы не только специфические компетенции, связанные с выполнением его служебных обязанностей, но и компетенции, развивающие умение самостоятельного решения различных проблем, начиная от поиска недостающих знаний и заканчивая организацией рабочего процесса. А это, в первую очередь, коммуникативные компетенции.

Если обратиться к российским образовательным стандартам, то одна из основных общекультурных компетенций, которая встречается практически в каждом стандарте, и предполагает развитие способности к коммуникации – это ОК 5 ««способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Очевидно, что при всей своей универсальности, данная компетенция не может быть в одинаковой степени быть релевантной для всех профессий. Некоторые направления подготовки, такие, например, как филология, лингвистика, журналистика должны предполагать более углубленное развитие этой компетенции на профессиональном уровне, а, следовательно, дополнительные характеристики и описания, находящие свое отражение в профессиональных компетенциях, например, стандарт по «Филологии» включает такие профессиональные компетенции как:

- *способностью демонстрировать знание основных положений и концепций в области общего языкознания, теории и истории основного изучаемого языка (языков), теории коммуникации;*
- *способностью демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории литературы, истории отечественной литературы (литератур) и мировой литературы; представление о различных жанрах литературных и фольклорных текстов;*
- *владением базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов, филологического анализа и интерпретации текста;*
- *свободным владением основным изучаемым языком в его литературной форме, базовыми методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на данном языке;*
- *владением базовыми навыками создания на основе стандартных методик и действующих нормативов различных типов текстов;*
- *владением базовыми навыками доработки и обработки (например, корректура, редактирование, комментирование, реферирование, информационно-словарное описание) различных типов текстов;*
- *владением навыками перевода различных типов текстов (в основном научных и публицистических, а также документов) с иностранных языков и на иностранные языки; аннотирование и реферирование документов, научных трудов и художественных произведений на иностранных языках.*

Мы предположили, что профессия эксперта в области коммуникативных практик по многим показателям может выступать в качестве эталона развития коммуникативных компетенций и компетенций, связанных с процессами порождения и восприятия речи, что собственно, подтверждает содержание образовательного стандарта, например, по направлению подготовки «Литературное творчество» и попытались с разных сторон проанализировать коммуникативное явление «эксперта социальных медиа» и профессии «литературный критик», выделив следующие источники информации: профессиональные и образовательные стандарты, профессиональная рецепция, современный дискурс экспертного процесса (на материале статьей в социальных медиа и комментариев пользователей), образ эксперта в массовом сознании.

Профессиональные (на материале атласа профессий – проекта фонда Сколково) и образовательные стандарты

С точки зрения образовательных стандартов в качестве базового мы выбрали направление подготовки «Литературное творчество» (уровень специалиста), поскольку в описании этого образовательного стандарта в части «Характеристика профессиональной деятельности» указывается, что профессиональная деятельность выпускников этой программы включает «индивидуальную творческую работу по созданию художественных произведений словесности и переводов, а также литературно-критических и исследовательских филологических трудов; работу в издательствах и редакциях газет и журналов, радио и телевидения, на специализированных сайтах информационно-коммуникационной сети «Интернет», в рекламе».

Компетенции, которые выделяются в этом образовательном стандарте:

- *владением культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, критическому осмыслению, систематизации, прогнозированию, постановке целей и выбору путей их достижения, умением анализировать логику рассуждений и высказываний;*
- *способностью и готовностью изучать и использовать язык как материал словесности;*
- *способностью и готовностью изучать и использовать язык как материал в его истории;*
- *способностью и готовностью изучать и использовать язык как материал в современном состоянии;*
- *знанием тенденций развития строя и употребления языка;*
- *готовностью и способностью воспринимать и оценивать современные литературные процессы, знать опубликованные в последнее время наиболее значительные произведения словесности и уметь их анализировать;*
- *способностью и готовностью вести корректную дискуссию в печати и в устных выступлениях;*
- *готовностью и способностью в литературно-критической работе анализировать и оценивать идеологическую и эстетическую составляющие литературного процесса, прогнозировать перспективы его развития.*

Эти компетенции формируют определенный эталонный стереотип восприятия литературного критика, как знатока словесного творчества. Но с другой стороны одной из тенденций развития современных масс медиа является демократизация (индивидуализация) языка, что, в свою очередь, значительно меняет лингвистический образ профессиональных литературных критиков.

Что касается профессионального стандарта, то, например, коммуникативные компетенции корреспондента средств массовой информации на основе описания его трудовых функций в профстандарте (источник http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/11.003.pdf) включают такие: *использовать приемы эффективной коммуникации; использовать приемы коммуникации, выступать публично; подготовка обработанных материалов в формате публикации; знание грамматики и стилистики русского и иностранного языка; знание принципов построения материалов в соответствии с законами жанра.*

Современный дискурс (на материале статьей в социальных медиа и комментариев пользователей)

Мы можем предположить, что общество находится в точке пересечения нескольких противоположных моментах существования информации: 1) массовость

(благодаря глобальной сети Интернет) – элитарность (сохраняется в сознании, что напечатанный текст гораздо ценнее, поскольку за него нужно платить, а, следовательно, ему можно больше доверять) 2) сложность в оценке достоверности информации. Поэтому связь сетевых медиа с социальными сетями, возможность образования гиперссылок и сочетание иконических, вербальных и иных формальных элементов, и, самое важное, оперативность появления новостей, делают такие медиа одним их основных информационных импортеров в жизни современного человека. И особую роль в этом начинают играть эксперты сетевых медиа, образы которых фактически соответствуют образу литературного критика, но более удобного для восприятия современного читателя, а функционал сводится фактически к функционалу советчика, который определяет границы и направленность чтения, акцентируя новизну и максимально широкий тематический объем литературных текстов, а сами рецензии становятся основой для картины мира современного человека – человека, доверяющего сетевым медиа и следующим за ними в выборе стратегии собственной жизни и программы чтения, в частности (более подробно см. в статье Е. А. Селютиной, А. А. Селютина). В пределе роль эксперта сетевых медиа может переходить от состояния индивидуальности (конкретный автор, корреспондент) к состоянию массового эксперта, когда к обсуждению материала начинают подключаться многочисленные пользователи и тогда может возникнуть новая модель коммуникации, описанная в работе О. И. Шарафутдиновой: нормативный спикер (первичный текст) – спикер второго уровня (реакция на первичный текст) – спикер третьего уровня и т.п. «Медиа играют роль и посредника, и своеобразного спикера <…> Аудитория спикеров второго уровня имеет возможность самостоятельно распространять тексты в новых медиа, тем самым формируя третий круг аудитории» [3, с. 55], таким образом эта цепочка может распространяться до бесконечности, формируя все новые и новые тексты, пока не уйдет актуальность.

Такая ситуация: с одной стороны, компетентностный подход, формирующий определенные профессиональные рамки и ожидания, с другой стороны – конкретная речевая ситуация, диктующая выбор определенных речевых средств и стратегий речевого поведения вызывает несколько вопросов: 1) насколько коммуникативный эталон эксперта сетевых медиа соответствует тенденциям развития современных коммуникативных ситуаций, требует ли он определенной корректировки в части образовательных стандартов и практик; 2) не происходит ли подмена в сознании современного массового читателя индивидуального речевого образа эксперта, коллективным массовым критиком.

Литература

1. *Селютин А. А.* И в лесу растут деревья, или что скрывается за «очевидной» формулировкой компетенции «способность к коммуникации» // Вестник Челябинского государственного университета. № 9(391). Вып. 102. Филологические науки. 2016. С. 154–157.
2. *Селютина Е. А., Селютин А. А.* Культура чтения в современных коммуникативных практиках: сетевые медиа и картина мира современного читателя // Вестник Челябинского государственного университета. № 13(395). Вып. 103. Филологические науки. 2016. С. 106–112.
3. *Шарафутдинова О. И.* Модель публичной политической коммуникации в современном медиатизированном обществе // Челябинский гуманитарий. 2017. №3 (40). С. 52–55.
4. *Teece D. J., Pisano G. A. Shuen A.* Dynamic capabilities and strategic management // Strategic management journal. 1997. Vol. 18. № 7. P. 509–534.

РУССКАЯ РЕЧЬ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Цветова Наталья
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия
cvetova@mail.ru

THE RUSSIAN SPEECH DURING AN ERA OF CHANGES

Tsvetova Natalia
Institute of the Higher school of journalism and mass communications,
Saint-Petersburg state University, Russia

Abstract: *The author of article considers that change of the principles of the Russian communicative culture is connected to emergence of three problem zones: a deaesthesia of public communicative space, a change of motivation of speech behavior, a modernization of process of communicative norm formation.*
Keywords: *speech situation, problem zone, deaesthesia, modernization, motivation.*

Речевая ситуация в современном российском публичном пространстве, речевая форма медиакоммуникации сегодня исследуются в рамках многих гуманитарных дисциплин, что естественно для российской науки о языке и речи, которая, как констатирует М. Томаселло, «всегда была более широко интегрирована в гуманитарные науки, чем в англоговорящем мире» [5, с. 25]. Актуальность порождаемой этой ситуацией научной проблематики обусловлена несколькими факторами: модернизацией социально-когнитивной и социально-мотивационной базы разных форм коммуникации; умножением коммуникативных каналов; нарушением коммуникативного баланса, в результате которого критически возрастает коммуникативная нагрузка на человека и деформируются коммуникативные ожидания; изменением конвенций, мотивов, структуры публичной речевой деятельности. В свое время многие из этих тенденций и явлений были зафиксированы Ю. В. Рождественским [3], оставившим глубокие размышления по теории эффективной и целесообразной речи развитого информационного общества.

С момента первой публикации монографии Ю. В. Рождественского прошло более двух десятков лет, сегодня можно говорить о том, что созданы основы современной теории речевой деятельности, разрабатывается терминологический аппарат, необходимый для появления научной концепции, посвященной феноменологии коммуникации как особой формы речевой деятельности, призванной преодолеть углубляющийся глобальный кризис общения, который в современном медийном пространстве пока пытаются нейтрализовать, прежде всего, с помощью симулирующих общение разнообразных интерактивных акций, превращением публичной коммуникации в шоу, институциональной характеристикой которого становится зрелищность.

Благие результаты сложившейся ситуации для национальных языков-реципиентов осмыслены. Во-первых, расширение коммуникативного пространства (Ю. Е. Прохоров). Во-вторых, обогащение лексической системы русского языка. За последние десятилетия русский язык принял группу иноязычных слов-англицизмов терминологического типа (терминов и специальных жаргонизмов). Протестовать против использования этих слов в разных коммуникативных ситуациях бессмысленно: национальный язык, лексический запас которого находится в замершем состоянии, уже не сможет обслуживать производственную сферу, сферу высоких технологий.

Но анализ результатов многолетнего мониторинга функционирования русского языка в российском медиапространстве, представленных в многочисленных публикациях сотрудников кафедры медиалингвистики Санкт-Петербургского государственного университета, позволяет утверждать, что вне поля зрения

исследователей остаются три проблемных зоны осуществляемой в той или иной форме речевой коммуникации.

Первая зона связана **с процессом деэстетизации речевой коммуникации,** разрушающим традиционную ориентированность русской коммуникативной культуры на древнегреческий риторический канон. Сегодня, например, самую успешную по критерию продолжительности политическую карьеру лидера ЛДПР В. Жириновского можно принять как свидетельство того, что ключевые аксиомы классической риторики безнадежно устарели. При этом агрессивную речевую манеру В. Жириновского, его концентрацию на манипулятивных речевых техниках и средствах нельзя считать уникальной или исключительной.

Другая возможность объяснения феномена деэстизации современной речевой коммуникации связана с признанием естественного и необходимого изменения представления о *прекрасном* речевом поведении, об исчезновении методологической ясности эстетической позиции Аристотеля, определившего основные требования к принципам, законам, к форме речевой коммуникации. В этой связи вспоминается «синдром Передонова» из романа Ф. Сологуба «Мелкий бес». Незабвенный господин Передонов любил во время еды «пакостить стены» – «пусть помнят» [4, с. 29]. Литературный герой Серебряного века производил и оправдывал несоотносимые с существовавшими представлениями о прекрасном манипуляции, находя их вполне эстетичными.

Вообще тема эволюции эстетических принципов чрезвычайно интересна и значительна уже и в современной медиалингвистике, в теории массмедиа в русле практической эстетики и должна стать предметом отдельного разговора.

Вторая проблемная зона связана с модернизацией процесса формирования **речевых и коммуникативных норм.** Эволюция этого процесса с наибольшей очевидностью проявляется в изменении системы зависимостей и состава группы наиболее влиятельных персон.

Основанием для формирования национального речевого кода всегда считали национальный риторический идеал, предопределяющий основные принципы и правила коммуникации, принятые тем или иным этносом в качестве ключевых. Как показывал анализ медийного материала, национальный речевой код регулирует использование топики, транслирующей важнейшие психоментальные характеристики этноса; речевых средств, используемых для описания «этнохронотопа»; речевых средств, способных транслировать национальную аксиологию; речевых средств, выражающих национальную специфику образной системы; системы прецедентных феноменов, представляющих в медиадискурсе национальную культуру в синхронии и диахронии; этикетных формул, стереотипов, связанных с миросозерцанием народа; паравербальных коммуникативных средств – в устной форме коммуникации – жестов, мимики, телодвижений; в письменной – средств креолизации текста [1, с. 252–253]. Нормализаторскую деятельность по отношению к национальному речевому коду в XX столетии осуществляли лингвисты. В 1990-е годы эта деятельность, как минимум, была приостановлена, о чем писал Ю. В. Рождественский [3, с. 83]. С изменением социального контекста восстановления хорошо отлаженного за предшествующие десятилетия механизма и авторитета ответственных филологических институтов не произошло, как следствие, деформация обусловленности речевой, коммуникативной нормы только усугубляется.

Особенно ярко характеризуют деформацию речевой ситуации изменения, происходящие в самом консервативном научном дискурсе, который всегда сознательно и целенаправленно поддерживался профессиональным сообществом. В современном научном дискурсе речевая мода провоцирует не только экспансию иноязычного слова,

приводящую к провинциализации официальной, публичной коммуникации в научном дискурсе. Если бы дело было только в провинциальном пристрастии составителей программ научных форумов к «*кофе-брэйкам*», которое можно определить исконно русским синонимом «моды», существительным «поветрие», которое когда-то словарями толковалось как «эпидемическое заболевание»! Процесс речевого взаимодействия в границах *кофе-брэйков* становится все более агрессивным. Современный участник публичной научной дискуссии, выведенной в медиапространство, нацелен не на поиск истины, а на самопрезентацию на фоне дискредитации оппонента.

И третья проблемная зона – изменение **мотивации речевого поведения.** Еще несколько лет назад в качестве мотиваторов речевой культуры выступали школа, пропагандировавшая высокое искусство слова, средства массовой информации – радио и телевидение. Сегодня редакторам телеканалов несть числа, многие из них устанавливают свои, оригинальные коммуникативные принципы. Предполагаем, что каждый из профессионалов речи сталкивался с такого рода редакторским произволом. Так, наши выпускники, сотрудники одного из новых петербургских телеканалов мотивируют использование предлога «*порядка*» настоятельными рекомендациями главного редактора, провозгласившего такое словоупотребление «*фирменным знаком журналистской речи*».

Как можно к существованию перечисленных проблемных зон относиться? Как воспринимать всеобщую перепалку, в которую превратилась публичная коммуникация, массовая коммуникация в медиа? Можно впасть в трагическое ожидание наступления языкового хаоса, смирившись с неизбежностью происходящих процессов. Но есть позиция, о которой писал в безнадежные 1990-е Б. Ю. Норман, считавший, что наша задача обратить внимание мольеровского господина Журдена на то, что он уже давно говорит прозой [4, с. 170], т.е. попытаться заставить его взглянуть на себя со стороны. Думается, задача осталась прежней. Кто-то должен хотя бы попытаться объяснить, например, поклонникам Д. Нагиева, что изменение коммуникативного стиля не исчерпывается использованием модного ныне обращения «Дамы и господа!».

Хотя, подводя итог, все-таки пока еще можно сказать, что, несмотря на сложность современной речевой ситуации, как сказал на одном из последних собраний РОПРЯЛ в Санкт-Петербурге известный историк Ю. Пивоваров, русский язык – все еще остается «конкурентно-способным явлением в современной жизни России».

Литература

1. *Дускаева Л. Р., Цветова Н. С.* Стилистический облик мононационального периодического издания /Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Филология. Востоковедение. Серия 9. 2013. Вып.3. С. 252–259.
2. *Норман Б. Ю.* Лингвистика каждого дня. Москва: Бизнес-Юнитек, 2004. 172 с.
3. *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. Москва: Флинта-Наука, 2005. 176 с.
4. *Сологуб Ф.* Свет и тени. Избранная проза. Минск: Мастацкая литература, 1988. 380 с.
5. *Томаселло М.* Истоки человеческого общения. /Перевод с англ. Научный редактор Т. В. Акутина. Москва: Языки славянских культур, 2011. 328 с.

РЕЧЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В СМИ: НОРМА, СОЦИУМ, ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ[1]

Шарафутдинова Олеся
Челябинский государственный университет, Россия
gadkie_lebedi@mail.ru

SPEECH OF POLITICAL LEADER IN THE MEDIA: STANDARD, SOCIUM, PERSONALITY[2]

Sharafutdinova Olesia
Chelyabinsk State University, Russia

Abstract: *The object of study is official speeches by Russian president Vladimir Putin and mass media texts which formed a text corpus created through the online service Sketch Engine. The tools offered by this online service serve as the technical base for answer the following question: features of political text's existence in linguistic eco-environment of modern mediated socium.*

Key words: *V. Putin, political text, text corpus, Sketch Engine, linguistic eco-environment, mediated society.*

Базовой идеей экологии языка, которую еще в 1970-х годах сформулировал Эйнар Хауген [8], является положение о том, что язык существует не автономно, а в связи с окружающей реальностью. Язык неразрывно связан со средой, в которой он функционирует, и может проявляться только при взаимодействии между несколькими носителями языка, что уже является социальной связью. Следовательно, невозможно изучать язык как замкнутую на себя структуру, а необходимо учитывать культурный и социальный контекст, в котором осуществляются языковые практики. Сам термин «экология языка» (эколингвистика) отсылает к области естественно-научного знания и проводит параллель между изучением систем живых организмов и системой языка. Как живой организм изменяется под воздействием окружающей среды, так и язык трансформируется под влиянием процессов, происходящих в социальном и культурном пространстве.

Такая связь биологического и лингвистического позволяет дополнить концепцию эколингвистики идеей мемов и мемокомплексов. В 1976 г. Р. Докинз предложил использовать термин «мем» как обозначение единицы культурной информации: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, … мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2, с. 183]. Исследователь выделяет качества, обеспечивающие выживаемость мемов: долговечность, плодовитость и точность копирования. Распространяясь как вертикально, так и горизонтально, мемы, подобно генам, стараются создать как можно больше копий себя. Конкуренция между мемами может приводить или к исчезновению некоторых из них, или к трансформациям. Важно отметить еще одну схожесть генов и мемов: они действуют не отдельно, а совместно друг с другом, возникают цепочки, в которых одни элементы поддерживают другие. В таком понимании не только язык, но и вся культура состоит из мемов, которые пересекаются между собой и образуют смысловые кластеры.

Несмотря на общую теоретическую базу – работы Эйнара Хаугена и Харальда Хаармана, современная эколингвистика еще не полностью сформировалась как отдельная область знания, что в значительной степени обусловлено разными

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02032)
[2] Research completed with the financial support of the Russian Science Foundation (project №16-18-02032)

подходами к изучению ее проблематики. Так, до конца не устоялось даже наименование дисциплины, и можно встретить несколько различных вариантов ее обозначения. Некоторые авторы обеспокоены сохранением исчезающих языков, и в этом аспекте эколингвистика похожа на усилия экологов по сохранению видового разнообразия животных и растений, другие считают целью эколингвистики использование языка для актуализации экологической тематики, кто-то считает главной целью сохранение «чистоты» и многообразия языковых форм. Антон Суховерхов выделяет четыре основных экологических подхода к языку: 1) исследования, в которых язык сам по себе рассматривается как символическая экосистема; 2) язык включается в контекст природных экосистем; 3) язык изучается как часть социокультурных систем и 4) язык рассматривается как составляющее когнитивной «среды» [6]. Международная ассоциация эколингвистики выделяет два направления своей деятельности. Целями ассоциации являются разработка линвистической теории, позволяющей выйти за рамки социума и оперировать более обширными категориями, что позволит решать ключевые экологические проблемы, используя лингвистику [3].

Для нашего исследования в большей степени важна традиция, идущая от первоначального понимания эколингвистики в духе Эйнара Хаугена. В таком случае речь политического лидера должна рассматриваться в широком контексте не только личного речевого поведения, но и политической культуры общества, образов риторов, способов трансляции этих речей и т.д. Конечно, при таком подходе возникает возможность столкнуться с гносеологической проблемой, схожей с герменевтическим кругом, когда для понимания необходимо объяснение, а для объяснения необходимо понимание и, таким образом, познание не может быть завершенным. В эколингвистике для понимания языка необходимо описать среду, а для описания среды нужен язык, при этом вряд ли в ближайшем будущем можно ожидать полного описания среды в силу объема информации, стремящегося к бесконечности. В данном исследовании не ставится задача всеобъемлющего анализа речей политического лидера и среды, в которой они существуют. Для исследования был выбран один аспект функционирования политического языка в современном медиатизированном обществе.

Традиционные модели изучения языка власти опираются на концепции, сформированные под влиянием Мишеля Фуко, который обращается к архаическому уровню и через него выходит к пониманию актуальных проблем [7]. Для Фуко именно дискурсы выступают теми силами, которые обеспечивают эффекты властвования. Эти эффекты сопряжены с таким когнитивным властным ресурсом, как знание. Власть и знания в трактовке Фуко выступают производными от дискурсных стратегий и тактик. По сути, политическая власть, по Фуко, возникает там и тогда, когда происходит столкновение различных дискурсных стратегий. Эта мысль еще раз возвращает нас к концепту среды языка, в котором, как и в природе, происходит конкурентная борьба, и к идее мемокомплексов.

В современной ситуации одним из главных ресурсов для эффективной политической коммуникации является доступ к медиаресурсам, по сути, медиа и является той средой, в которой существует язык политики. По мнению Пьера Бурдье, политическая борьба в значительной степени представляет собой форму соперничества за символическую власть, которая выражается в возможности направлять взгляды и веру, внушать знание и признание [1]. Зависимость политического субъекта от медиа приводит к формированию режима медиакратии. Поскольку для успешной конкуренции необходимы каналы распространения, то контроль за СМИ означает получение существенных преимуществ. Хотя в современном мире с развитием социальных медиа ситуация меняется, и люди в большей степени ориентируются на

взаимодействие с другими пользователями, а не с традиционными СМИ. Данную тенденцию можно описать в рамках концепции Жиля Делеза и Феликса Гваттари о переходе от традиционной иерархичной (древовидной) модели к неирархичной, представленной в виде ризомы, которая имеет множественные точки входа и интерпретации знания. Не случайно термин «постправда» (post-truth) в 2016 году редакцией Оксфодрского словаря был выбран словом года. Это показывает, что социальные платформы, эмоции и нерациональные взгляды могут оказываться важнее, чем объективные данные. Выдуманная информация, в которую люди начинают верить, определяет их взгляды и поступки так же, как и достоверное знание. Но несмотря на развитие социальных медиа, традиционные СМИ по-прежнему занимают центральное место в информационной повестке дня.

Для исследования была выбрана фигура Президента РФ Владимира Путина, поскольку именно он в современной России одновременно является самой медийной личностью (если учитывать количество материалов и объем эфирного времени) и центральной фигурой политического процесса. По сути, он является единственным публичным субъектом политического поля, а остальные игроки выстраивают свои действия, отталкиваясь от фигуры Президента, выражая свою лояльность или оппозиционность.

В качестве кейса для исследования были взяты две речи Владимира Путина. Первая была произнесена на Форуме действий Общероссийского народного фронта 19 декабря 2017 года [4], вторая – на Съезде партии «Единая Россия» 23 декабря 2017 года [5]. Выбор данных выступлений определен несколькими причинами, которые позволят лучше понять риторику Президента РФ. Обе речи были произнесены с небольшим временным разрывом – меньше недели, что позволяет рассматривать их в рамках одинакового контекста. Не было крупных внутри- и внешнеполитических событий, которые могли существенным образом повлиять на речи политического лидера. 6 декабря 2017 года на Горьковском автомобильном заводе Владимир Путин объявил о своем выдвижении в качестве кандидата на выборы Президента в 2018 году, следовательно, речи во второй половине декабря следует рассматривать не только как речи действующего главы государства, но и как предвыборную агитацию, в которой Владимир Путин формулирует послание на новый президентский срок. Еще одним моментом является факт отсутствия в 2017 году Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ. С 1994 года Президент РФ ежегодно выступал с такими посланиями, подводя итоги года и это его обязанность, зафиксированная в 84 статье Конституции РФ. Поскольку в 2017 году Владимир Путин не озвучил специальную речь, то выступление в конце года с масштабными речами перед членами партии «Единая Россия» и Общероссийском народным фронтом можно рассматривать как своеобразную альтернативу Посланию Федеральному собранию. Важно указать и различия контекстов выступлений Владимира Путина. «Единая Россия» считается партией власти, и с 2008 по 2012 год, будучи премьер-министром, председателем партии был Владимир Путин, который при этом не вступал в партию и на президентских выборах 2012 года был выдвинут «Единой России». На выборах 2018 года Владимир Путин идет как самовыдвиженец: хотя он и опирается на поддержку «Единой России», он старается дистанцироваться от нее, тем самым выступая не в роли партийного лидера, а в роли национального лидера. Общероссийский народный фронт (ОНФ) был создан в 2011 году по предложению Владимира Путина, и он является его лидером. Целью создания ОНФ было объединение не на партийной основе различных политических сил. Хотя ОНФ связан с деятельностью «Единой России» (например, в 2011 году члены ОНФ могли участвовать в праймериз «Единой России», даже не будучи членами партии), многие считают, что создание ОНФ было попыткой создать

новый центр политической силы, который должен служить противовесом «Единой России», теряющий популярность у населения. Поэтому выступление Владимира Путина на съезде «Единой России» и в ОНФ – это выступление перед схожей и крайне лояльной, но различной аудиторией.

Для анализа этих речей в онлайн-сервисе Sketch Engine (the.sketchengine.co.uk) было создано два корпуса текста. Количественное сравнение представлено в таблице 1.

Таблица 1

Количественная характеристика корпусов текстов политических выступлений

	Tokens	Words	Sentences	Lexicon sizes: word	Lexicon sizes: lemma
Единая Россия	3164	2562	161	1354	903
ОНФ	1054	850	62	560	448

Таким образом, мы видим, что Владимир Путин больше времени уделил выступлению перед «Единой Россией», чьим членом он не является, чем перед ОНФ, который он возглавляет. Такая разница может быть объяснена тем, что в «Единую Россию» входят представили региональных политических элит, которые необходимо консолидировать во время избирательной компании.

Выявим наиболее частотные слова по данным корпуса. Статистический анализ частотности показывает превалирующий характер служебных слов (союзов и предлогов), что определяется их служебной функцией в речи. Для речи в ОНФ: «и» – 38 употреблений; «в» – 29 употреблений, «на» – 9 употреблений, «с» – 9 употреблений. Для речи в «ЕР»: «и» – 121 употребление; «в» – 65 употреблений, «на» – 44 употребления, «к» – 19 употреблений; «с» – 16 употреблений.

В число наиболее частотных слов входит местоимение «мы» с учетом различных форм. Для речи в ОНФ: «мы» – 20 употреблений; «нам» – 6 употреблений, «нас» – 3 употребления. Для речи в «ЕР»: «мы» – 40 употреблений; «нам» – 9 употреблений, «нас» – 12 употреблений. Рассмотрим примеры, в которых Владимир Путин в своих речах употребляет местоимение «мы». Речь в ОНФ: «Именно для такой совместной работы в интересах России, ее граждан *мы* создавали Народный фронт» и «Но все *мы*, от мала до велика, как говорят в нашем народе, все мы должны помнить, что Россия, наш народ, а по сути, все наши семьи прошли через очень сложный и слишком трудный период своей истории». Речь в «ЕР»: «Народ России, *мы* все вместе прошли трудный, но грандиозный путь развития» и «*Мы* вместе, *мы* идем вперед. И конечно, нет никакой силы, способной остановить движение России вперед». Использование данного местоимения в таких контекстах определенно указывает на манипулятивные аспекты выступления политического оратора, поскольку призвано создать впечатление неразрывного единства между говорящим и слушающими. Спикер по факту приватизирует право на коллективное мнение и действие. То, что делал он, становится общим делом и общей ответственностью. Важно отметить расширение значения слова «мы» не только на присутствующих, но и на всю страну, тем самым подчеркивается связь оратора с народом и роль национального лидера.

Другой аспект заключается в том, что оратор одинаково связывает себя с разными аудиториями, и члены ОНФ и члены «ЕР» в зависимости от ситуации оказываются в единой команде с президентом. Для сравнения рассмотрим, в каких случаях Президент использует местоимение «я». В обоих речах он делает это всего три раза. ОНФ: «*Я* действительно очень рад быть сегодня вместе с вами на форуме Общероссийского народного фронта»; «У вас это очень здорово получается. *Я* вас поздравляю! Вы – молодцы!»; «*Я* вижу в этом нашу общую задачу, свой личный долг и

свою гражданскую, человеческую ответственность и как действующий глава государства, и как кандидат в Президенты Российской Федерации». «ЕР»: «Экономические кризисы, как *я* уже говорил, внешние ограничения не позволили нам выйти на задачу роста экономики выше мирового»; «Это значит – и *я* сейчас хочу обратиться к тем, от кого зависит принятие конкретных решений и в парламенте, и на места»; «И только так мы сможем добиться того, о чем *я* говорил в завершение своего выступления». В отличие от местоимения «мы» местоимение «я» в речах используется для разных целей. Если на ОНФ Владимир Путин через использование «я» выражал свое позитивное отношение, то на съезде «ЕР» это местоимение выполняет исключительно служебную функцию – подчеркивает отдельные мысли. В случае с ОНФ Владимир Путин обращался прежде всего к общественникам, и эмоциональная связь с президентом для них играет важную роль, а на съезде «ЕР» коммуникация происходила прежде всего с партийными функционерами, встроенными в партийную иерархию.

Из наиболее частотных существительных для анализа были выбраны слова: «страна», «Россия», «человек». Такой выбор обусловлен не только частотой использования данных слов, но и высокой смысловой нагрузкой. В ОНФ: «страна» – 8 употреблений; «Россия» – 6 употреблений, «человек» – 6 употреблений. В «ЕР»: «страна» – 26 употреблений; «Россия» – 25 употреблений (4 раза в сочетании со словосочетанием «Единая Россия»), «человек» – 23 употребления.

Используя функцию Word sketch, мы можем сравнить использование этих лексических единиц в речах. Применительно к слову «страна» есть только одно совпадение – это сочетание с глаголом «сталкиваться», причем это столкновение с проблемами как некий вызов, на который необходимо совместно ответить. Другие элементы различаются: так, на съезде «ЕР» Путин говорил о развитии страны, а на ОНФ – о безопасности. В случае с «ЕР» страна описывается как многонациональная, а для ОНФ она становится родной.

Схожая ситуация и с употреблением слова «Россия». Повторяющимся элементом является слово «суверенитет», сохранение которого стало важнейшей заслугой прошедших лет. В выступлении перед ОНФ в схожем значении используется термин «независимая Россия». В обоих речах Владимир Путин говорит о суверенитете и независимости как основных ценностях и из этого положения выводит мысль о том, что Россия имеет особый путь. В современных условиях противостояния с Западом консолидация населения под лозунгами борьбы за суверенитет оказывается эффективной риторической стратегией.

Рассмотрим, как Владимир Путин характеризует человека в своих выступлениях. Для ОНФ: молодой, деятельный, неравнодушный, а для «ЕР»: молодой, деятельный, неравнодушный, целеустремленный, смелый, честный, больной и необразованный. Президент в своих выступлениях формирует образ положительного героя, который не просто пассивно потребляет блага, предоставляемые обществом и государством, но и активно участвует в их производстве. На съезде «ЕР» Владимир Путин, дабы подчеркнуть позитивный образ своих сторонников, создал противоположный образ больных и неграмотных людей, у которых нет сил для развития страны.

Но в современном медиатизированном обществе число непосредственных слушателей политического лидера крайне невелико. Основная аудитория нуждается в посредниках в виде средств массовой коммуникации. Ввиду высокого темпа жизни и обилия информации современная медиатизированная личность оказывается неспособна тратить время и силы как на чтение, так и на анализ текстов политического лидера. СМК берут на себя функцию перевода, трансляции, создавая более простые и понятные для восприятия тексты. При этом срабатывает функция «привратника» [9], когда

возникает необходимость сокращать тексты, выделяя наиболее важные фрагменты и отбрасывая те элементы, которые считаются неважными. Целостная речь политического лидера оказывается разбитой на отдельные фрагменты, которые зачастую находятся в разных контекстах. Таким образом, рядовой читатель воспринимает речь политического лидера именно в таком дробном варианте. При этом деятельность СМК по трансляции информации является не произвольной и случайной, она основывается на информационной и политической культуре, господствующей в тот или иной момент. Автору материала и редактору необходимо не просто передать цитаты Президента, но и встроить их в нужный контекст, наделив дополнительным смыслом.

Для сравнения политических выступлений (тексты-стимулы) и текстов, транслирующих данные выступления (тексты-реакции), было сформировано два микрокорпуса. Основу для них составили материалы государственных информационных агентств «ИТАР-ТАСС» и «Россия сегодня». Выбор именно этих СМК обусловлен тем, что они являются одними из наиболее крупных игроков на информационном рынке современной России и поставляют материалы для других СМК. Помимо этого, их официальный статус федерального государственного унитарного предприятия в большей степени ориентирует их на официальный политический и информационный дискурс. Для удобства представим характеристику материалов СМК также в виде таблицы (см. табл. 2).

Таблица 2

Количественная характеристика корпусов текстов СМК

	Tokens	Words	Sentences	Lexicon sizes: word	Lexicon sizes: lemma
СМК Единая Россия	3313	2577	135	1258	872
СМК ОНФ	1210	942	50	584	437

Анализ наиболее частотных слов из материалов о выступлении Владимира Путина на ОНФ демонстрирует следующее: помимо служебных слов, на первом месте находится упоминание самого Путина (17 раз). Помимо этого, в лидерах находится упоминание Общероссийского народного фронта в различных вариантах. Исходя из частотности, можно сделать вывод о том, что на первом плане оказывается сама фигура Президента, необходимо обозначить не то, что он говорит, а сам акт его выступления, тем самым политический лидер доминирует в информационной повестке дня. Схожая ситуация и в материалах о съезде «Единой России», где слово «Путин» упоминается 36 раз, а «президент» – 19.

В материалах об ОНФ слово «страна» упоминается в контексте столкновения с проблемами: «Идея создания Общероссийского народного фронта (ОНФ) превратилась в широкий общенародный проект, который жив и откликается на самые насущные вопросы и проблемы, с которыми сталкивается страна, заявил президент России Владимир Путин». В статьях о съезде «Единой России», помимо столкновения, еще упоминается и жизнь: «чтобы страна жила, обновлялась, крепла, сохранила свою идентичность, нам необходимо бережное отношение к сложившейся в обществе системе базовых ценностей». Так что мысль о преодолении трудностей в жизни страны является центральной в трансляции речей Президента. Обращаясь к элементу «gen_modifies», увидим, что в случае ОНФ страна в большей степени связана с регионом, а в «ЕР» – с развитием. В случае с Россией для ОНФ используются слова «независимый» и «сильный», а для «ЕР» – «столкнуться», «развиваться», «выйти», «быть». «Gen_modifies» показывает, что у ОНФ в сочетании со словом «Россия»

используется лексема «Президент», «интерес», «суверенитет», а у «ЕР» – исключительно «единый» (в рамках названия партии). Третьим словом для сравнения будет «человек». В материалах о ОНФ «a_modifier» показывает связь слова с «деятельный» и «неравнодушный», а «gen_modifies» – со словом «помогать». В статьях о «ЕР» ситуация следующая: «a_modifier» выявляет только одно слово «вносить» (Самоотверженные люди вносят бесценный вклад в решение конкретных задач, они не ждут, когда кто-то сделает что-то за низ или без них", – сказал глава государства), а «gen_modifies» указывает уже большое количество слов: «млн», «количество», «самореализация», «достоинство», «требование», «проблема» и «безопасность».

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод о том, что смысловая среда речей и их трансляции в СМК имеют расхождение. Ключевые слова показывают различные контексты и смысловые акценты в текстах-стимулах (речи Президента) и текстах-реакциях (тексты СМК). При этом речи Президента занимают одно из центральных мест в информационной повестке. Другие политические лидеры, даже федерального уровня, не могут рассчитывать на такую долю информационных материалов, следовательно, их выступления окажутся еще более фрагментарны. Говоря об индивидуальности, норме и социуме в публичных политических речах, можно предположить существование определенной среды и своеобразного симбиоза. Так, политический лидер, создавая тексты, исходит из существующих в социуме представлений о нормах, которые задают ему границы допустимого, в рамках этих границ проявляется индивидуальность речевого поведения, которая может изменять представление о норме и влиять на речевой норматив, характерный для общества.

Литература

1. *Бурдье П.* Политическое представление / Социология социального пространства. Санкт-Петербург, 2007.
2. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. Москва, 1993.
3. *Международная ассоциация эколингвистики*. URL: http://ecolinguistics-association.org.
4. *Официальные сетевые ресурсы Президента России*: Владимир Путин выступил на Форуме действий Общероссийского народного фронта. / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56410.
5. *Официальные сетевые ресурсы Президента России*: Съезд партии «Единая Россия». / URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/56478.
6. *Суховерхов А. В.* Современные тенденции в развитии эколингвистики // Язык и культура. 2014. №3 (27). С. 166–175.
7. *Фуко М.* Археология знания. Санкт-Петербург, 2004.
8. *Haugen E.* The Ecology of language. Standford, 1972.
9. *Lewin K.* Frontiers in group dynamics // Human Relations. 1947. № 1. P. 143–153.

ЭВФЕМИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ РЕЧЕВОГО ШТАМПА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Яковлева Юлия
Российский государственный гуманитарный университет, Россия
yak112@inbox.ru

EUPHEMISM AS A KIND OF TRITE PHRASE IN THE TEXTS OF THE CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA

Iakovleva Iuliia
Russian State University for the Humanities, Russia

Abstract: *The article considers the peculiarities of using euphemisms in the texts of modern mass media, which are devoted to social themes, such as disability, agism and other. The main attention is paid to the cases of the transformation of the euphemism into a trite phrase and the consequences of this process.*
Key words: *euphemism, trite phrase, media language, tolerance.*

Рассматривая слово в качестве эффективного средства воздействия на сознание отдельного человека или социума, невозможно не обратить внимания на такое средство этого воздействия, как эвфемизмы.

В XX в. проблема эвфемизации мало изучалась в СССР, поскольку в отечественной лингвистике господствовала идея, что использование эвфемизмов не характерно для социалистического общества. Интерес к данной тематике возник лишь в последнее десятилетие прошлого века и существует по сей день. Наиболее масштабными исследованиями проблемы эвфемии являются работы А. М. Кацева, Л. П. Крысина, В. П. Москвина, Е. П. Сеничкиной.

Большинство исследователей (Л. П. Крысин, В. П. Москвин, Е. П. Сеничкина, Д. Н. Шмелев и др.) определяет эвфемизмы как слова и выражения, которые служат для замены обозначений, представляющихся говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими. Эвфемизмы используют при обсуждении тем, способных оскорбить, смутить собеседника или заставить его испытывать какие-либо иные отрицательные эмоции. Это в высокой степени справедливо для текстов СМИ, воздействующая функция которых является определяющей, а одним из основных принципов в настоящий период признан принцип толерантности, ставший регулятором как межличностных, так и социальных отношений [«Декларация принципов толерантности», утвержденная резолюцией 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 г., http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php]. Толерантность, по мнению Т. А. Воронцовой, Л. В. Ениной и других авторов, представляет собой один из типов конструктивного речевого поведения, наряду с вежливостью, и противопоставляется деструктивному речевому взаимодействию, заключающемуся в проявлении речевой агрессии. Толерантность реализуется, среди прочего, снижением категоричности высказывания, вуалированием смысла, в том числе с помощью эвфемизмов [14, с. 12].

При этом частое повторение одного и того же эвфемизма в медиатексте приводит к превращению его в штамп, стилистически окрашенное средство языка, которое осознается говорящими как «готовая», устойчивая и часто употребляющаяся формула [9, с. 399]. Данную тенденцию нельзя признать положительной, солидаризируясь с мнением Т. Г. Винокур, считавшей, что «штамп выступает как сигнал стилистической дефективности там, где речь имеет иные экспрессивные задачи» [9, с. 399].

Данная статья посвящена особенностям использования эвфемизмов в текстах современных средств массовой информации на материале журнала «Работница»,

газеты «Русский инвалид», онлайн-издания «Wonderzine», газет «МК», «Комсомольская правда», «Российская газета». Выбор источников обусловлен наличием в данных изданиях материалов социальной направленности, а также массовым распространением, в том числе в Интернете. Особое внимание уделяется последствиям превращения эвфемизма в речевой штамп.

В настоящее время в российских СМИ открыто обсуждаются проблемы людей с инвалидностью. При этом сами слова «инвалид», «инвалидность» нередко подвергаются эвфемистической замене. Если для взрослых людей, как правило, используется практически нейтральное словосочетание *с ограниченными возможностями*, для детей найден более «эмоциональный» эвфемизм *особый/особенный ребенок*. Поскольку детская инвалидность воспринимается общественным сознанием более трагично, чем взрослая, можно предположить, что именно по этой причине для ее обозначения выбираются слова, имеющее положительные коннотации (слова *особый*, *особенный* обычно ассоциируются с необыкновенностью, независимостью, важностью и т.п.: ср. *особые права, особое мнение, нечто особенное*). Они способны в какой-то мере нивелировать сильные негативные эмоции, которые вызывает сочетание *ребенок-инвалид*.

Но сохраняется ли данный эффект при слишком частом использовании эвфемизмов? Так, в статье «О чем пишут приемные дети» («Работница», №12, 2017), посвященной семьям, взявшим на воспитание ребенка с инвалидностью, в небольшом (2 тыс. знаков) тексте слова *особый/особенный* в различных комбинациях (*особенные/особые* дети/ребенок, дети *с особыми потребностями, с особенностями развития)* употребляется пять раз. Еще четыре раза используется аббревиатура *ОВЗ* <ограниченные возможности здоровья>, которая в данном тексте не расшифровывается, то есть воспринимается автором как общеизвестная и употребляется в качестве штампа. Соглашаясь с мнением Е. П. Сеничкиной о том, что аббревиация ведет к редукции семантических признаков заменяющей языковой единицы [11, с. 16–17], и учитывая, что словосочетание, которое подверглось аббревиации, само по себе представляет эвфемизм, приходим к выводу, что в данном случае мы имеем дело со своего рода «эвфемизмом в квадрате».

Значительное количество эвфемизмов, используемых автором публикации, контрастирует со словами одной из героинь статьи, прямо называющей себя инвалидом: «У меня ДЦП, и я лежала в больницах, общалась с другими *детьми-инвалидами*». При этом настойчивое желание журналиста использовать размытую номинацию представляется неоправданной осторожностью в выборе языковых средств.

Слово *особый* получило настолько прочную связь с понятием *инвалидность*, что перешло и во взрослый мир, появляясь даже в специализированных изданиях. Например, в газете «Русский инвалид» (№1–2, 2017) в статье «Жизнь прекрасна! Даже в коляске» соревнование «Мисс Независимость–2016» названо конкурсом красоты *для особых женщин*, а участницы конкурса «Мисс Независимость–2017» (статья «Прекрасные и независимые успешно идут по жизни», №11–12, 2017) упоминаются как *”особые” девушки*. Во втором случае слово *особые* заключено в кавычки. По-видимому, уязвимость данного средства номинации ощущается самим автором текста.

Слово *особенность* настолько закрепилось в языке СМИ как эвфемистический синоним слова *недостаток*, что может использоваться не только в связи с темой инвалидности, но и в других случаях. «Я осознала, что *возрастные особенности* надо не скрывать, а “обыгрывать”», – пишет автор статьи «Стоит ли скрывать свой возраст?» («Работница», №5, 2017).

Старение является еще одной темой, обсуждение которой требует использования эвфемизмов. Таковыми становятся слова *взросление*, *взрослость*, *взрослый*. Наряду с

привычной оппозицией *ребенок–взрослый* появилось противопоставление *молодой–взрослый*. Рассуждая о попытках визуального уменьшения возраста, автор предыдущей публикации смягчает выражение: «Ближе к *40 годам* оно <время> напоминает нам о своем ходе… отражением в зеркалах. Мы поворачиваемся немного боком, втягиваем животы, скидываем на *повзрослевшие* лица пряди волос». Для обозначения вхождения в период старения тот же автор употребляет выражение *бальзаковский возраст*, и, видимо, ощущая его условность, заключает данный распространенный эвфемистический фразеологизм в кавычки: «Когда я вступила в *«бальзаковский возраст»*, то обнаружила, что ценой относительно небольших усилий я могу выглядеть минимум на пять лет моложе».

«Я же *взрослый* разумный человек, – говорит в интервью «Wonderzine» (02.06.2017) Татьяна Неклюдова, *61-летняя* модель агентства «Oldushka», работающего с моделями от 60 до 80 лет, названными в публикации *возрастными* (еще одна замена слов *пожилой*, *старый*). По мнению дизайнеров Марины и Ирины Голомаздиных, которые «решили снять новую коллекцию на женщинах *элегантного возраста* (распространенный фразеологизм-эвфемизм), деятельность *62-летней* модели агентства «Oldushka» Валентины Ясень представляет собой «пример того, как нужно достойно и легко *встретить зрелость*». Согласно периодизации возрастных этапов, человеческая зрелость начинается в 25–30 лет, а к 60 годам этот период заканчивается [10, с. 394–395; 15, с. 130]. Слово *зрелость* в данной журнальной статье (03.10.2017) является эвфемизмом понятия *пожилой возраст, старение*. Подобные принципы номинации не вполне совпадают с принципами борющейся с эйджизмом организации «Oldushka», создатели которой позиционируют свое детище как «агентство, переосмысляющее старение и расширяющее традиционные представления о пожилом возрасте».

Слово *активный* имеет два словарных значения: 1. деятельный, энергичный; 2. развивающийся, усиленно действующий [8, с. 21]. В текстах СМИ слово *активный* в сочетании со словом *возраст* может иметь прямо противоположные значения: 1. пожилой возраст (например, проект Первого канала «Активный возраст», был посвящен людям, вышедшим на пенсию, но не утратившим интереса к жизни); 2. молодой возраст. Понятие *молодость* не имеет отрицательного смысла и потому не нуждается в эвфемизации. Однако оно способно вызвать негативные чувства у людей, уже вышедших из данной возрастной категории. Очевидно, этим объясняются попытки некоторых авторов все же найти заменяющее слово, приводящие порой к зевгматическим конструкциям, например: «Фитнесом занимаются люди самого *активного* возраста (18–40 лет), а также *среднего* возраста (40–60 лет)» («Работница», №12, 2016).

Универсальность употребления слова *активный* в качестве эвфемизма может приводить к семантической неоднозначности. Например, в статье «Как восточный макияж разрушает стереотипы о мусульманках» («Wonderzine» 14.04.2015) говорится, что «Шейха <жена эмира Катара>, очевидно, не обходит стороной *активные методы сохранения молодости*». Только контекст позволяет понять, что речь идет не о занятиях фитнесом, а об обращении к услугам пластических хирургов.

Понятие *девушка* (1. лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности; 2. лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак [8, с. 156]) в отличие от понятия *женщина* (1. Та, которая рожает детей и кормит их грудью; 2. лицо, вступившее в брачные отношения [8, с. 192]) традиционно связывается с молодостью и отсутствием семейных уз. Очевидно, именно поэтому оно воспринимается как более вежливое и позитивное при упоминании о любой особе женского пола. Данная номинация получила широкое распространение как при бытовом общении, так и в текстах СМИ. При этом оно может находиться в близком

соседстве с «анкетными данными» героини текста, например, упоминанием о наличии мужа и детей («Работу любила, но была уволена. И кем?.. *Супругом*! … Но не на ту напал: в тот же день *девушка* пошла искать новое место» («Комсомольская правда», 25.01.2018); «…В ходе семейной ссоры *муж* отвез 25-летнюю *девушку* в лес и пытался отрубить топором кисти рук… У Риты *двое* маленьких *детей… Девушке* предстоит еще несколько операций («МК», 14.12.2017); или указанием на зрелый возраст («В Московской области при странных обстоятельствах скончалась *37-летняя* местная жительница Ирина Москвитина… По одной из версий, *девушку* могли держать на цепи» («Российская газета», 30.01.2018)). Авторы медиатекстов (как правило, в массовых и интернет-изданиях) используют и явный оксюморон *беременная девушка*. Данное словосочетание особенно часто встречается в заголовках заметок в «МК в регионах»: «Саратовские спасатели помогли беременной девушке снять кольцо с пальца» (15.01.2018), «В Омске беременная девушка выпала со второго этажа роддома» (12.01.2018), «В Уфе благополучно родила девушка, впавшая в кому» (24.01.2018) и др.

Поддерживает данную тенденцию и журнал «Winderzine» (26.10.2017), когда в рассказе о дизайнере Мартин Роуз, «находящейся *на внушительном сроке беременности*», сообщает читателям, что «*девушка* убедительно демонстрирует то, насколько комфортно она чувствует себя *в своем положении* в гиперсайз-вещах собственной марки». Героинями следующего эпизода становятся «*беременная* Ирина Шейк…, Ким Кардашьян и Крисси Тейген с их максимально сексуализированной, на грани вульгарности, подачей собственной *беременности*». «Вполне очевидно, что эти *девушки* успешно и уверенно чувствуют себя в статусе проводников этой концепции», – делает вывод автор публикации.

Конечно, понятие *женщина* не имеет выраженного негативного смысла. Однако это не исключает возможности и стремления его улучшить. Лексема *девушка* удовлетворяет условию, сформулированному А. М. Кацевым для превращения слова в эвфемизм: «…Новое наименование должно создавать ассоциации в сознании говорящего и слушающего с предметом или явлением более позитивной оценки, чем денотат» [3, с. 5]. При этом, поставленное в несоответствующий контекст, оно способно вызвать нежелательный комический эффект.

Итак, наряду с агрессивностью и вульгаризацией языка средств массовой информации – явлением, отмечаемым В. Г. Костомаровым, А. П. Сковородниковым, Г. Я. Солгаником и другими исследователями, в последние десятилетия обнаруживается и противоположная тенденция развития медиаречи – использование многочисленных эвфемизмов, особенно в текстах социальной тематики, что является результатом стремления поддерживать этические принципы речевого общения, такие как доброжелательность, вежливость, толерантность.

Однако при слишком частом употреблении одних и тех же замещающих единиц в идентичных ситуациях возникает вероятность превращения эвфемизмов в штампы, теряющие способность к воздействию и потому требующие скорейшей замены. Солидаризируясь с мнением исследователей, считающих, что «существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений» [7, с. 17], можно сделать вывод о том, что постоянное использование эвфемизмов-штампов способно вызвать у читателей реакцию, обратную той, на которую рассчитывают авторы текстов. Еще одна опасность постоянной эвфемизации медиатекстов заключается в не всегда оправданном и корректном употреблении эвфемизмов, ведущем к затемнению, искажению смысла фразы, неожиданным и нежелательным эффектам. Все это должно еще раз напомнить журналистам о необходимости более внимательного отношения к отбору языковых средств.

Литература

1. *Воронцова Т. А.* Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика. Москва, 2012. С. 569–611.
2. *Енина Л. В.* Речевая агрессия и речевая толерантность в средствах массовой информации // Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения. Москва, 2002. С. 104–110.
3. *Кацев А. М.* Языковое табу и эвфемия. Ленинград, 1988.
4. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург, 1999.
5. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. Москва, 2004.
6. *Москвин В. П.* Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка. Волгоград, 1999.
7. *Новые тенденции* в русском языке начала XXI века. Москва, 2016.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. Москва. 2003.
9. *Русский язык*. Энциклопедия. Москва, 1979
10. *Сапогова Е. Е.* Психология развития человека. Москва, 2005.
11. *Сеничкина Е. П.* Эвфемизмы русского языка. Москва, 2006.
12. *Сковородников А. П.* Рефлексы постмодернистской стилистики в языке российских газет // Русская речь. 2004. №6. С. 68–76.
13. *Солганик Г. Я.* Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык // Язык СМИ и политика. Москва, 2012. С. 245–261.
14. *Толерантность* как культурная, политическая, лингвистическая проблема (анализ материалов СМИ и политического дискурса). Нижний Новгород, 2017.
15. *Фельдштейн Д. И.* Психология взросления. Москва, 1999.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

ФАКТОР ЭКОТОКСИЧНОСТИ В АСПЕКТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Бронская Тамара, Бронская Ольга
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Россия
tamara20@bk.ru

FACTOR OF ECOTOXICITY IN THE ASPECT OF RUSSIAN LANGUAGE AS FOREIGN

Bronskaya Tamara, Bronskaya Olga
Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia

Abstract: *Dynamic processes in modern Russian are analyzed in the article from the position of teaching Russian as a foreign language. The need to increase the passive vocabulary of foreign students studying in the Russian language environment is considered. The issue of determining the criteria of ecology / ecotoxicity of colloquial and slang vocabulary is raised with the aim of possible inclusion in its lexical minima.*

Key words: *Ecology of language in the aspect of RCT, language liberalization, jargonization.*

Эколингвистика как новое направление в языкознании получает сегодня все более широкую значимость в науке, развивается, конкретизируется, приближается к потребностям человека и общества. Вопрос о научной легитимности эколингвистики сегодня уже не стоит: она признается не только учеными-лингвистами, но и представителями общественности, политиками, философами. По проблемам эколингвистики проводятся научные практические семинары, издаются монографии, учебные пособия, журналы. Понятия экологичности, неэкологичности, экотоксичности активно используются лингвистами для обоснования современной языковой и речевой ситуации.

Экология языка в аспекте русского языка как иностранного – совершенно новое направление в теории и практике его преподавания и изучения. Преподаватели русского языка озабочены сейчас тем, как разобраться в том множестве лексических, фразеологических и грамматических форм, которые образовались в последнюю четверть века в языке и, что самое главное, как объяснить студентам все семантические характеристики этих форм, стилистическую окраску, сочетаемость, правописание и употребление.

Можно сказать, что активные процессы в общественной жизни и в языке пошли на спад, наступил период относительной стабилизации. Российские лингвисты уже сделали определенные выводы о потоке нововведений и о состоянии русского языка в целом, поэтому уже можно говорить о переоценке сложившихся стереотипов в методике и практике русского языка как иностранного, переосмыслить и пересмотреть популярные подходы к усвоению современной лексики с позиции ее коммуникативной ценности, в частности и лингвоэкологии.

Известный серией работ, посвященных проблемам лингвоэкологии, А. П. Сковородников в своей недавно опубликованной монографии «Экология русского языка» [6] глубоко и по-новому рассматривает проблему иноязычных заимствований и жаргонизацию языка и речи. По отношению к внешним

заимствованиям ученый приводит высказывания философов, лингвистов, писателей, начиная с Ломоносова, содержащие отрицательные мнения о процессе неуемного заимствования, однако отмечает выборочную приемлемость целого ряда иноязычных заимствований. На наш взгляд, с позиции теории и практики РКИ заимствования из английского языка зачастую не требуют дополнительного внимания со стороны преподавателя – знание английского языка большинством учащихся позволяет избежать коммуникативных неудач при овладении лексическим значением иностранных слов (в отличие от российских студентов). Особого внимания в аспекте обучения иностранцев, овладевающих русским языком, заслуживает процесс жаргонизации русской речи.

Определяя необходимые лексические минимумы для разных этапов обучения, уже невозможно руководствоваться прежними универсальными критериями отбора, исключающими из минимума жаргонную и просторечную лексику, по-прежнему оставляя лишь базовую (межстилевую, нейтральную) и обусловленную целями обучения профессионально-терминологическую лексику.

Открытость лексического состава русского языка актуализирует и обновляет такие всегда методически обоснованные понятия, как активный и пассивный словарный запас. Сегодня активный словарный запас, активный словарь, активная лексика, которая употребляется в речи, и пассивная, которая понимается при чтении и аудировании, должны в некоторых случаях изменить свое соотношение в пользу пассивного понимания.

Иностранцам, изучающим русский язык, гораздо легче было освоить литературный доперестроечный язык, чем сейчас понимать живую речь и язык средств массовой информации. Оказываясь в новой языковой среде, студенты плохо ориентируются в различных пластах новой для них лексики – это разговорная речь носителей языка и лексика средств СМИ, в которой в настоящее время происходит сознательное нарушение речевой нормы: жаргонизация, многочисленные заимствования, вульгаризация.

Интенсивная либерализация языка, которая в сочетании с отменой цензуры, привела к тому, что потоки просторечной, жаргонной, сниженной, а нередко и нецензурной лексики вышли за пределы устной бытовой речи и стали достоянием всех жанров, требующих экспрессии: газетные и телевизионные репортажи, публицистические выступления, политические дебаты. Эта лексика была за «границей литературного употребления», однако сейчас ее удельный вес в разных жанрах очень велик, нередко она полностью нейтрализуется, утрачивая экспрессию сниженности, ее социальная база охватывает почти все слои носителей русского языка.

Глобальное снижение живой речи, а как следствие, и языка в целом, – объективно признаваемый процесс развития русской языковой культуры, очевидно не только русской. Либерализация как предоставление свобод во всех сферах жизни привела к вербальной свободе, к языковой либерализации и активной жаргонизации, которой сегодня с позиции экологии языка-речи необходимо уделять внимание в иностранной аудитории.

Жаргонизация, как справедливо полагают современные представители эколингвистики, является продуктом, прежде всего, молодого поколения. Необходимо осознать тот факт, что в России в условиях новой государственности живет новое поколение, которое принимает самое активное участие в создании необходимых ему средств для передачи новых понятий, создании оригинальных способов коммуникации. Именно в эту языковую среду попадают иностранные студенты, желающие получить образование в российских университетах. Есть мнение, что жаргон школьников и студентов существенно пополняет состав лексики русского литературного языка. Еще в

конце прошлого столетия И. Климов в статье «Препод и студенты базарят на одном языке» писал: «Влияние молодежного жаргона на общелитературный язык переоценить невозможно. Из жаргона вытекают слова, которые с течением времени становятся нормативными. Молодежь, вырастая, дарит свой язык обществу» [4]. Об этом же сегодня пишет В. Г. Костомаров: «Старшие носители литературно обработанного языка перестают понимать младших. Ментальность, взгляды на жизнь нового поколения отражаются в иных, пока неведомых принципах нормализации, создавая самоуправную многоголосицу» [5, с. 80]. Продолжает эту мысль, но уже во всемирном масштабе, совсем свежий факт: Оксфордский словарь объявил youthquake словом 2017-го года. Этот термин означает культурные, политические или социальные изменения, вызванные влиянием молодого поколения. Отмечается, что youthquake было выбрано словом года, так как в 2017-ом году его использовали в пять раз чаще по сравнению с 2016-м годом.

Как иностранцу сориентироваться в глобальном стилистическом снижении живой речи? Как преподавателям русского языка как иностранного определить критерии экологичности/экотоксичности, а также определить, какая лексика должна входить в активный словарь студента, а какая остаться на уровне понимания, но не воспроизведения? Думается, что представление об экстралингвистических факторах, позитивных и негативных процессах, которые способствовали появлению в языке новых лексико-семантических образований, может стать компасом в новом русском «лексическом лесу», не заблудиться в «тусовках» и «разборках» и выйти из него не «лохом», а представителем элитарной речевой культуры, владеющим русским языком во всех его стилистических разновидностях в зависимости от ситуации общения.

Коммуникативная целесообразность включения в лексические минимумы и в словарный запас иностранцев образных и экспрессивных слов, жаргонизмов и элементов разговорно-просторечной речи в большинстве случаев зависит от ситуативных норм коммуникативного поведения, которые имеют свои четко обозначенные ограничения. Так, ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о разновидностях коммуникативного поведения – по вертикали (старший-младший, преподаватель-студент) и по горизонтали (равный-равный). Обучение коммуникативному поведению с позиции статусного общения, социальных и позиционных ролей должно проходить наряду с обучением говорению, а также с учетом стилистической характеристики слова и процессов современной либерализации.

Сознательному и коммуникативно целесообразному выбору определенного слова из семантической параллели (например, *веселиться, оторваться, оттянуться, колбаситься)* может помочь информация о факторах, способствовавших активизации подобного разряда слов. Незнание стилистической принадлежности слова и норм статусного поведения иллюстрируют такие примеры из речи иностранных студентов на уроке русского языка: *Достала* меня эта фонетика, *на фига* мне это надо.

Необходимо заметить, что стилистически сниженные элементы, имеющие признак неэкологичности и экотоксичности, в речи иностранцев более заметны, чем в речи русских, т.к. часто контрастируют с общей недостаточностью владения языком и нередко вызывают нежелательный для говорящего комический эффект.

На начальном этапе изучения русского языка иностранец «идет от нормы», т.е. овладевает языком на нормативном материале под руководством преподавателя. Языковые и речевые ошибки в речи учащихся раньше были обусловлены незнанием грамматической, лексической, синтаксической систем, а также интерференцией родного языка. Критерий коммуникативной значимости-незначимости являлся основным критерием оценки коммуникативной компетенции учащегося. Сегодня влияние языковой окружающей среды, неэкологичных жаргонных заимствований

актуализирует речестилистический аспект обучения РКИ и подчеркивает значимость дисциплины Русский язык и культура речи для иностранных студентов, центром проблематики изучения которой является не только литературно-языковая правильность, но и функционально-стилистические ограничения с позиции их вариативности.

Следует отметить, что многие жаргонизмы в течение нескольких последних лет прошли путь от неэкологичности/экотоксичности к вполне приемлемой экологичности и, по мнению современных лингвистов, рассматриваются уже как выразительные средства нормального живого общения.

Всего четверть века тому назад некоторые фразеологизмы жаргонного происхождения лингвисты квалифицировали как отрицательное явление. Так, Л. И. Скворцов, отмечая как негативное явление жаргонизацию публичной речи, включает в перечень таких нежелательных элементов слова: *беспредел, разборка*, *чернуха*, *перекрыть кислород*, *лапшу на уши вешать*, *пудрить мозги*, *качать права*, которые с позиции современной лингвоэкологии имели явный фактор экотоксичности. Отмечается, что эти слова и выражения «еще не освоены общелитературной речью. Больше того, они несут в себе печать уголовного взгляда на мир и на отношения людей, черты тюремно-лагерной психологии «воров в законе», «авторитетов» и «паханов» [7, с. 20]. Сегодня эти слова и выражения употребляют не только «воры в законе», «авторитеты» и «паханы», но и вполне респектабельные и культурные люди, не ощущая их «уголовного аромата», что свидетельствует об их вхождении в русский литературный язык на правах экспрессивных разговорных единиц.

Рассматривая механизмы изменения языковой нормы и влияние социума на язык в последнее десятилетие, А. П. Сковородников под экологичностью жаргонизма понимает его соответствие совокупности критериев, в составе которых ведущими являются: заполнение семантической лакуны; соответствие принципу экономии усилий (относительный лаконизм); расширение фразеологических, эмоционально-оценочных и экспрессивно-образных возможностей языка, этическую приемлемость, регулярную повторяемость в речи культурно-образованной части общества (писателей, журналистов, ученых); словообразовательную продуктивность; благозвучность [6, с. 111]. Эти критерии одновременно являются и условиями вхождения жаргонного слова в литературный язык, в толковые словари [2, 3] и в лексические минимумы с соответствующими пометами.

Названным критериям экологичности, по мнению А. П. Сковородникова, соответствуют, например, такие слова, как *общак, откат, облом, пофигист, зачистка, отморозок, разборка, прикол, фанат, тусовка, беспредел, балдеть, подставить, раскрутить, достать, отмыть, заказать, по понятиям, денег срубить, в отключке, по полной программе*, *оторваться по полной, крышу снесло, крыша едет, тянуть резину*, *мало не покажется и др.*

На наш взгляд, эти и подобные выражения жаргонного происхождения должны быть в пассивном лексическом запасе иностранного студента, на уровне понимания он должен быть знаком с их лексическим значением. Это требования времени и «языка текущего момента». В своей книге с этим названием «Язык текущего момента: понятие правильности» В. Г. Костомаров так высказал свое мнение: «…на деле нарушение границ нормативности постоянно присутствует в культурном обиходе вполне воспитанных и образованных людей». И пожелал преподавателям РКИ: «Упорядоченная часть языка должна быть тем, чему стоит учить иностранцев, овладевающих русским языком» [5, с. 16].

Литература

1. *Курашкина Н. А*. Основные направления современной российской эколингвистики // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 2. С. 166–170. / URL: http://e-koncept.ru/2016/46040.htm.
2. *Максимов В. М.* и др. Словарь перестройки. СПб.: Златоуст, 1992. 256 с.
3. *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб.: Норинт, 2001. 720 с.
4. *Климов И.* Препод и студенты базарят на одном языке. КП. 11.04.1995.
5. *Костомаров В. Г.* Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст, 2014. 220 с.
6. *Сковородников А. П.* Экология русского языка: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388с.
7. *Скворцов Л. И.* Завещанное слово //Литературная Россия. 1991.№33.
8. *Штейникова Н. В*. Лингвокультурологический аспект обучения иностранных студентов русскому языку в период довузовской подготовки // Вестник АГТУ, 2015.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СВЕТЕ ЭКОЛИНГВИСТИКИ

Грудок-Костюшко Марина
Национальный университет «Одесская морская академия», Украина
gk.marinna@gmail.com

DEVELOPMENTS OF SKILLS DIALOGICAL SPEECH AT RUSSIAN LANGUAGE ACTIVITIES AS FOREIGN TO EKOLINGUISTICS

Hrudok-Kostiushko Marina
Department of Ukrainian Studies National University "Odessa Maritime Academy», Ukraine

Abstract: *In the article describes the development of dialogic speech at the classes on Russian as a foreign language. In ecolinguistics is proposed complex exercises to develop dialogic speech for foreign students.*
Key words: *foreign languages, ecolinguistics, dialog, culture of dialogue, exercises.*

Стремительное развитие современного общества, глобализация, взаимопроникновение культур, социальные и экономические потрясения негативно влияют на состояние и развитие языка. Экология языка, по мнению А. Сковородникова, «такое направление лингвистической теории и практики, которое, с одной стороны, связано с изучением факторов, негативно влияющих на развитие и использование языка; а с другой стороны, с изысканием путей и способов обогащения языка и совершенствования практики речевого общения» [4].

За последние годы в преподавании русского языка как иностранного в Украине произошли большие изменения. Двуязычие в современном обществе создает объективные проблемы в изучении русского языка иностранными студентами, приехавшими в Украину с целью получения профессионального образования. Как следствие – ошибки, а именно смешение элементов русского и украинского языков в речи иностранных студентов. Наиболее типичными являются ошибки фонетические, лексические, грамматические и ошибки в таких видах речевой деятельности, как понимание русской речи, ошибки в говорении и письме.

Повышение речевой культуры иностранных студентов – одна из важнейших актуальных задач, стоящих перед преподавателем. Огромное значение имеет работа над правильностью речи, ее соответствием языковым нормам. Несомненно, организация целенаправленной планомерной и эффективной работы по привитию иностранным студентам необходимых речевых навыков можно только при том условии, если преподавателю известны речевые нарушения, свойственные иностранным студентам.

В русской речи иностранных студентов, изучающих русский язык в Украине, типичными ошибками в системе вокализма являются:

– неправильная постановка ударения;
– произношение ***и*** вместо орфоэпического **ы**;
– замена русского [г] на фрикативный [ɦ].

На современном этапе для русского языка, функционирующего в Украине, характерно проникновение украинских слов, например, «майдан», «вулиця», «довідка», «цибуля», «буряк» и др. Необходимо учитывать и региональные ошибки в русском языке (а именно, Одессы): использование родительного падежа вместо винительного, творительного вместо дательного (скучаю за тобой), замена личного местоимения «мне» («мене»), наречий «туда» («тудой»), произношение [чт], [чн] в словах «что» и

«конечно» и др. В грамматике типичной ошибкой является смешение предлогов в-у, из-с (прийти со школы).

Доминирующим в развитии навыков диалогической речи остается диалог. Ученые (Л. Гаврилина, Л. Зазулина, А. Фурман) рассматривают диалог как составляющую коммуникативной подструктуры любого занятия, считая, что это обусловлено современной культурной ситуацией, поскольку для развития когнитивных процессов, как и для развития личности нужен «живой» диалог [1]. Владеть культурой говорения в диалоговом общении, по мнению М. Пентилюк, значит уметь понятно, четко и точно, без лишних слов, правильно и ярко, образно, в вежливой форме выразить свои мысли [3].

Иностранные студенты должны быть ознакомлены не только с научно нормируемыми правилами диалогической речи (излагать мысли умеренно, с паузами, выделяя ударением логично важные слова, давать возможность собеседнику обдумать услышанное, выразить к нему свое отношение и т.д.), но и с национально-культурными традициями, например, уважать старших, с равными себе общаться дружески; говорить сообразно обстоятельствам, говорить как можно мягче, говорить чистосердечно и т.д. Также необходимо знать о важности умения поставить голос (речь идет о тембре голоса), выбрать темп речи, средства, помогающие стимулировать собеседника, а также понимать, что тот, кто владеет словом, должен избегать высказываний-штампов и слов – «паразитов», а их словарный запас, весомую часть которого могут составлять афоризмы, крылатые выражения, пословицы, поговорки и т.д. – важное условие повышения выразительности речи. Особенно уместны в диалоговом общении должны быть жесты.

Культура диалогической речи личности зависит от ее ориентированности на основные черты образцовой речи, которая характеризуется следующими важнейшими признаками: правильностью (соответствует литературным нормам, которые существуют в языковой системе), содержательностью (предусматривает глубокое осмысление темы и главной мысли высказывания, подробное ознакомление с имеющейся информацией по этой теме, разностороннее и полное раскрытие темы), последовательностью (логичностью и лаконичностью мыслей), богатством (предусматривает использование различных средств выражения мнений в пределах соответствующего стиля, избежание неоправданного повторения слов, однотипных конструкций предложений); точностью (зависит от глубины знаний и эрудиции личности, а также от активного словарного запаса); выразительностью, для достижения которой следует выделять важнейшие места своего высказывания и выражать свое отношение к предмету речи; уместностью и целесообразностью (зависит прежде всего от того, насколько полно и глубоко собеседник оценивает ситуацию общения, интересы, состояние, настроение адресата).

Следовательно, высокую культуру диалогической речи иностранных студентов определяет владение литературным языком, его нормами в процессе речевой деятельности. Культура диалогической речи – это еще и общепринятый речевой этикет: типичные формулы приветствия, пожелания, прощания, приглашение и т.п. Речевой этикет – это набор фраз, которыми мы пользуемся в ежедневных ситуациях: знакомства, обращения, приветствия, прощания, благодарности, сострадания, отказа, комплимента и т.п.

Комплекс упражнений по развитию навыков диалогической речи иностранных студентов должен быть мотивирован и основан не только на тематике, но и разных ситуациях, объединенных в тематические группы: «Обращение», «Приветствие», «Знакомство», «Просьба», «Извинение» и т.д. Для обучения диалогической речи на начальном этапе актуальны такие подготовительные упражнения, как, например:

1) обратитесь с вопросом: Извините, скажите, пожалуйста, где находится …
2) обратитесь с просьбой: Будьте добры, передайте, пожалуйста,… Пожалуйста, разрешите пройти.
3) обратитесь, если вы видите, что вас ждет однокурсник;
4) дополните предложенные диалоги;
5) подберите синонимы к выражениям, употребляющимся при знакомстве;
6) составьте диалог по следующим ситуациям: студенты знакомятся в аудитории; первокурсник обращается к куратору группы с просьбой;
7) исправьте ошибки в предложенных диалогах.

При выполнении упражнений необходимо обращать внимание на то, что в «уличном» диалоге часто происходит замена слова «извините» на украинское «вибачте», «пожалуйста» на «будь ласка», «внимательно» на «уважно» и т.п. По аналогии предлагается составить диалоги, содержащие вопрос или просьбу в зависимости от речевой ситуации, выразить согласие или несогласие со сказанным, отреагировать приветствием на приветствие, уточнить информацию, дополнить сказанное. Преподаватель должен постоянно обращать внимание на факты нарушения русских языковых норм и систематически работать над предупреждением интерференционных ошибок в речи иностранных студентов. Например, сопоставить выражение обращений в русском и украинском языках: «Ты, мама, пожалуйста, не волнуйся» и «Ти, мамо, будь ласка, не турбуйся». Сравнить и правильно перевести слова: «справка» (рус.) и «довідка» (укр.), «врач» (рус.) и «лікар» (укр.), «больница» и «лікарня», «преподаватель» (рус.) и «викладач» (укр.), «уважаемый» (рус.) и «шановний» (укр.).

Для усвоения языкового материала предназначены условно-речевые упражнения [2]. Например, разыграть диалоги по образцу:

– Я приехал из Турции. А Вы откуда приехали?
– Я приехал из Туниса. А Вы откуда?

При выполнении упражнений преподаватель должен обращать внимание на смешение предлогов «из» и «с» и исправлять допущенные ошибки. Учет интерферирующих ошибок и их анализ значительно облегчает и работу преподавателя, и процесс формирования навыков диалогической речи у иностранных студентов.

С целью развития наблюдательности и креативности у студентов во время подготовки к диалогу предлагаются следующие задания: «Представьте, что Вы приглашены принять участие в международной конференции. Вы – активные пользователи социальной сети. Подготовьте диалог на тему: Общаться – модно!» Для анализа студентам предлагается серия диалогов из чатов, в которых они должны найти и исправить ошибки.

Использование приемов сопоставления и противопоставления при изучении лексического материала, частично или полностью не совпадающего по своему содержанию в украинском и русском языках, предотвращает появление ошибок в речи иностранных студентов, изучающих русский язык в Украине. Таким образом, процесс развития навыков диалогической речи становится продуктивным, если он опирается на знания структуры диалога и соответствие его языковым нормам. Систематическая работа социокультурной среде.

Литература

1. *Гаврилина Л. К.* Диалог как необходимая составляющая коммуникативной подструктуры учебных занятий / Л. К. Гаврилина // Фундаментальные исследования. РАЕ. 2007. № 4. URL: http://www. Rae.ru.
2. *Пассов Е. И.* Концепция коммуникативного иноязычного образования /Е. И. Пассов. Санкт-Петербург: Златоуст, 2007. 200 с.
3. *Пентилюк М. І.* Культура мови і стилістика: [проб. підруч. для гімназій гуманіт. профілю] / М. І. Петилюк. К.: Вежа, 1994. 240 с.
4. *Сковородников А. П.* Об экологии русского языка // Филологические науки. 1992. №5–6. С.104–111.

НОРМА И СИСТЕМА РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

Евграфова Анастасия
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
ruban_anastasia@mail.ru

NORM AND SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE IN PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN FOR FOREIGN STUDENTS

Evgrafova Anastasia
Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract: *The article is focused on the problems of norm and system of Russian language. Today teachers of Russian for foreigners lack special educative materials and dictionaries that cover semantics, grammar functions, syntactic usage, communicative roles of lexical variants of words both in the language norm and in its systematic usage. The functional dictionary based on new principles can help to present new lexical, grammar and communicative material in the practical courses of Russian for foreigners.*

Key words: *norm, system, communicative grammar, functional dictionary.*

В современной практике обучения иностранным языкам в целом и в частности русского языка как иностранного (далее РКИ) преподаватели-филологи все более пристальное внимание уделяют не только способу подачи материала, но и характеру самого языкового материала, адресуемого учащимся. Уже не первое десятилетие в методике преподавания РКИ преобладает коммуникативный подход, предложенный Е. И. Пассовым [6, с. 36], описанный также в трудах Г. И. Рожковой и ее последователей. Безусловно, коммуникативная составляющая необходима в процессе обучения языка. Именно этот подход учитывает индивидуальность каждого учащегося, речевую направленность процесса обучения, его функциональность, ситуативность общения, постоянную новизну процесса обучения. Сегодня многие критикуют искусственно созданные упражнения, которые включают только лексику нормированного литературного языка, синтаксические структуры сугубо письменной «правильной» речи и устоявшиеся клише из профессиональных стилей. Зачастую такие упражнения не только не формируют активных пользователей языка, но и усложняют дальнейший процесс обучения инофонов. Язык, как известно, постоянно находится в динамике, это «живой организм», который развивается и меняется быстрее, чем этот процесс находит отражение в словарях и справочных изданиях. Сегодня этому способствует и бурный темп роста влияния Интернет-общения, и язык смс-переписки, и современные СМИ, где практически отсутствует какая-либо цензура. В то же время это ставит под угрозу «экологию» языка и чистоту, грамотность речи самих носителей языка. По меткому замечанию М. Кронгауза [4, с. 3], сегодня русский язык находится «на грани нервного срыва», когда сами носители языка теряются при выборе той или иной формы, лексемы, синтаксической конструкции и совершенно не ориентируются на литературную норму языка. Речь школьников, молодежи к тому же перегружена словами-паразитами (*вот, как бы, это, вроде, значит, реально* и т.п.), не фиксируемыми в традиционной грамматике в данном употреблении. Не только публицистика, но и современная проза, поэзия содержат многократные примеры системного ошибочного употребления различных языковых явлений, но могут ли преподаватели ориентироваться на такого рода «живые» тексты как на источники практического материала в аудитории?

Массовое использование «отрицательного» языкового материала, с одной стороны, способствует отрыву языковой нормы от языка естественного общения, или системы языка, а с другой – сближает их. К понятиям нормы и системы языка и их

соотношению в практике преподавания русского языка активно обращается М. В. Всеволодова, в рамках своего спецсеминара на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова она не редко касалась данной проблемы в своих работах. Первые наблюдения по вопросу нормы и языка «узуса» собраны в соответствующей статье [1]. Языковая система, или язык естественного общения значительно шире и объемнее, чем нормированный материал, фиксируемый в словарях и описанный в справочных изданиях. Проблема языковой нормы и ее несоответствия потребностям языкового обучения заключается в том, что до сих пор нет специального раздела языкознания, например, «нормативистики», которая бы следила за чистотой и адекватностью языкового материала в соответствии с темпами языкового развития. Уже не раз отмечалось, что лексика, описанная в словарях пассивна, а работает она в синтаксисе и коммуникации. И сегодня авторы учебных пособий не могут и не должны ориентироваться только на традиционные словари в выборе лексического материала. Иначе мы учим студентов искусственному «отфильтрованному» языку, который зачастую дезориентирует их в языковом пространстве носителей изучаемого языка. Однако же преподаватель не должен обучать современному безграмотному общению, со всеми системными ошибками, оговорками, бесконечными словами-паразитами и прочими системными языковыми явлениями, процветающими в узусе, но совершенно далекими от языковой нормы. Каковы же возможные способы решения данной проблемы?

Сегодня преподаватели русского языка все чаще сталкиваются с отсутствием необходимого словарного описания языкового материала с целью его представления в иностранной аудитории. Наш интерес к лексикографической проблематике обусловлен несколькими факторами. Во-первых, словари разных типов являются важным компонентом обучения иностранных учащихся. Во-вторых, именно в словарях авторы фиксируют языковую норму в ее динамике (Ср. у лексемы *кофе* в последних словарных изданиях отмечены вариативные формы рода: м.р. и ср.р.) В-третьих, сама практика преподавания РКИ вызывает потребность в создании новых типов словарей, способствующих интенсификации процесса обучения и оптимизации его результатов. На наш взгляд, достижения теории и практики воплощаются в так называемых функциональных словарях, фиксирующих не только собственно лексические, но и грамматические особенности слов, специфику их употребления в речи с учетом релевантных для функционирования лексемы морфологических, синтаксических и коммуникативных признаков. При этом словарный реестр такого типа словарей должен включать единицы, как языковой нормы, так и новые системные единицы, уже закрепленные в узусе (Ср. наречия *гламурно, гламурненько, мимишно, чудесненько, фиолетово* и т.д.).

Наша работа продолжает недавно зародившуюся традицию лексикографического анализа слов в русле так называемой функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), так как это направление описания языковых явлений представляется сегодня чрезвычайно эффективным и плодотворным как для теории, так и для практики преподавания русского языка как родного и иностранного [2, с. 3–12]. В рамках ФКГ описывается не только формальный уровень языка, но и его семантическое пространство, включая объективные и субъективные смыслы, разноуровневые средства их выражения, типологию этих средств и их функционирование в речи, а также языковые механизмы, обеспечивающие коммуникацию. ФКГ составляет основу лингводидактической модели языка, которая ориентирована, в первую очередь, на практические цели обучения языку, сочетает семасиологический и ономасиологический подходы к изучению языковых явлений и, с одной стороны, адресована преподавателям, а с другой – самим иностранным учащимся с целью

эффективного овладения языком. Именно ФКГ изучает, как слово, его конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ) [8, с. 23, с. 25] функционирует в языке. Язык – явление многофакторное, а следовательно, необходим интегрирующий подход в изучении его единиц. В связи с этим открываются перспективы создания нового учебного функционального словаря русского языка, который может существенно облегчить процесс усвоения иностранцами морфологических форм, синтаксических конструкций с целью выбора правильного слова, адекватного контексту и позиции в речи, с учетом его коммуникативного статуса, а также с возможностью его употребления в норме языка или только в узусе. Сегодня существует немало словарей и справочников, которые не столько помогают учащимся, сколько могут дезориентировать их, зачастую провоцируя ошибки в устной и письменной речи: Ср. **Я всегда пишу письма так вмиг* (вместо: *так быстро*); **Он почти быстро пробежал дистанцию* (вместо *почти мгновенно*) и т.п. [3].

Проведенный нами анализ существующих учебных словарей [3] показал, что в сфере обучения РКИ более или менее полно представлены лишь толковые и некоторые аспектные словари. Что же касается словарей грамматических, то в их создании ощущается острая потребность. Нужны не просто пособия, справочники, словари, иллюстрирующие основные грамматические характеристики лексем, но такие издания, в которых будет объяснен механизм употребления конкретных речевых единиц, причем не только закрепленных в литературной норме языка. Эти задачи стоят перед авторами учебных функциональных словарей русского языка. Функциональный словарь строится несколько на иных основаниях, чем традиционные учебные словари. Это словарь интегрального типа, который характеризуется и как «учебный», и как «функциональный». Он имеет свою историю. В 70-е годы прошлого века в МГУ уже выходила целая серия учебных функциональных словарей-справочников для иностранцев: всего четыре выпуска. Они были сгруппированы по описываемым частям речи: существительное, прилагательное, наречие и глагол. Авторы (Э. И. Амиантова, И. Д. Горячева, Л. Т. Калинина, Н. А. Лобанова, И. П. Слесарева, Л. В. Степанова) одними из первых в грамматико-лексикографической практике использовали семный анализ слов. Но набор анализируемых лексем был довольно ограниченный, и, как отмечает Ф. И. Панков, «с тех пор появились очень интересные наблюдения над “поведением” слов в зависимости от их позиции в коммуникативной структуре высказывания, было введено понятие коммуникативного статуса, выяснилось, что есть так называемые оценочные слова, накопился материал, позволяющий сделать некоторые обобщения, были найдены и откровенные неточности в старом словаре» [5, с. 89]. Таким образом, сегодня эта серия справочников, хотя и продолжает оставаться одной из вершин учебной лексикографии, все же несколько устарела и уже не способна удовлетворить современные потребности иностранных учащихся, так как не может ответить на многие их вопросы. В настоящий момент назрела необходимость в создании нового словаря интегрального типа, который будет не просто совмещать семантическое и грамматическое описание словарных единиц, но объяснять и иллюстрировать употребление каждой из них в письменной и звучащей речи. Минимальной единицей словарного описания является ЛСВ. Исследования, проведенные в области ФКГ, показали, что слова «работают в синтаксисе» именно на уровне ЛСВ. В настоящее время мы обратились к анализу слабо изученной части речи наречию в норме языка, и шире в его системе. Наша цель – довольно подробно осветить «работу» конкретного ЛСВ наречия в соответствующей словарной статье и тем самым опровергнуть общепризнанное положение о том, что «обычно лексика в словарях спит» [3]. При этом не следует забывать и о звучащей речи; представляется важным кроме собственно семантического и грамматического блоков параметров

описания словарной единицы создать для каждого ЛСВ также блок коммуникативный, в котором можно показать его «актуализационную парадигму». В конце каждой статьи следует привести стилистическую отмеченность конкретного ЛСВ, а не лексемы в целом, потому что стилистическая характеристика у многозначного слова может варьироваться, в том числе разные ЛСВ могут входить в норму и в систему языка. Кроме того, мы вводим сопоставление русской словарной единицы с иноязычными коррелятами, в частности с английскими соответствиями. Важно не только подобрать по возможности максимально близкий английский коррелят соответствующего русского ЛСВ, но и привести элементарное толкование слова по-английски, дать переводной иллюстративный материал, что сделает словарь доступным для инофонов не только продвинутого этапа обучения, но и начального уровня. Мы адресуем учебный функциональный словарь довольно широкой аудитории: от иностранных учащихся разных этапов обучения, их преподавателей, филологов-русистов до обычного среднего носителя языка, которому интересно лишний раз уточнить, правильно ли он употребляет то или иное наречие в речи.

Работа над новым типом словаря, с одной стороны, должна внести ясность в вопросы «нормативистики» русского языка, с другой – включить в реестр словарных единиц узуальные употребления лексических единиц и их конкретных ЛСВ. Безусловно, нужно разработать четкие критерии отбора словарного материла, чтобы не разрушить, а обогатить языковые традиции, что позволит иностранным учащимся читать русскую классику и современную публицистику, понимать литературную речь и язык естественного общения.

Литература

1. *Всеволодова М. В.* Язык: норма и узус (подходы к системе языка) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. № 6. 2015.
2. *Всеволодова М. В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 502 с.
3. *Евграфова А. Е.* Лексикографическое представление русских темпоральных наречий в функционально-коммуникативном аспекте: канд. дисс. Москва: МГУ, филол.фак-т, 2011.
4. *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Знак, 2009. 232 с.
5. *Панков Ф. И.* О функциональном словаре русских наречий // Актуальные проблемы современной лексикографии. Материалы научно-методической конференции, состоявшейся на факультете иностранных языков МГУ 22 мая 1997 г. / Отв. ред. Ю. А. Бельчиков. Москва, 1999. С. 88–101.
6. *Пассов Е. И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. Москва, 1985. 208 с.
7. *Рожкова Г. И.* Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. Москва, 1978.
8. *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове / Проблема "тождества слова" / Труды института языкознания. Т. IV. Москва, 1954. С. 36–37.

СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ НОТ

Конова Марианна
Софийский университет им. св. Климента Охридского, Болгария
marianna_konova@abv.bg

SPECIFICS OF THE DIPLOMATIC NOTES' TRANSLATION

Konova Marianna
Sofia University "St. Kliment Ohridski", Bulgaria

Abstract: *The language of diplomatic documents is related to the specifics of the diplomatic verbal communication etiquette and largely is determined by the principles of the international traditions. The article observes how the specifics of the diplomatic language and etiquette determine the specifics of the translation of the diplomatic notes.*

Key words: *diplomatic documents, diplomatic correspondence, diplomatic language, diplomatic verbal communication etiquette, verbal note, personal note.*

Дипломатические документы – важнейший инструмент осуществления официальных сношений между государствами и выражения их позиций по тому или иному вопросу. Согласно Дипломатическому словарю, дипломатическим документом является «переписка между ведомствами иностранных дел и находящимися в стране иностранными посольствами и миссиями, а также переписка посольств и миссий в стране пребывания» [2, с. 488]. Дипломатические документы попадают под требования официально-делового стиля, но для них характерен особый дипломатический язык и дипломатический этикет.

Согласно Дипломатическому словарю, под выражение дипломатический язык – попадают два различных понятия: «во-первых, это язык, на котором ведутся официальные дипломатические сношения и составляются международные договоры, во-вторых, совокупность специальных терминов и фраз, составляющих общепринятый дипломатический словарь» [2, с. 477].

В настоящее время не существует общеобязательного языка для ведения официальных дипломатических сношений[1]. Переписка между иностранными ведомствами и принимающей стороной ведется или на языке принимающей стороны, или на родном языке с предоставленным переводом на язык принимающей стороны. По договоренности может использоваться какой-нибудь третий язык.

Переводчику дипломатических документов необходимо очень хорошо знать как язык, так и этикет и церемониал, соблюдаемый в дипломатических документах.

Дипломатическая деятельность всегда носила ярко выраженный ритуальный характер. Дипломатическая профессия очень стара. Например, Тель-Эль-Амарнский

[1] В Средние века в Западной Европе всеобщим языком дипломатии был латинский язык. С течением времени он был вытеснен французским языком, который прочно утвердился в качестве общепризнанного языка дипломатии с середины XVIII в. В XX в. наряду с французским в дипломатических сношениях стали широко использоваться и другие языки – английский, испанский, русский и т.д. Для организации работы органов в системе ООН установлены официальные и рабочие языки. Официальными языками являются английский, арабский, испанский, китайский, русский и французский. Что же касается ЕС, там официальными являются 24 языка стран-членов. Все решения, принимаемые официальными органами ЕС, переводятся на все официальные языки, и граждане ЕС вправе обращаться в органы ЕС и получать ответ на свои запросы на любом из официальных языков. Хотя с расширением границ ЕС все чаще наблюдается «европейское триязычие», когда фактически в работе инстанций (за исключением официальных мероприятий) используются в основном немецкий, французский и английский, все равно очень большая часть бюджета ЕС уходит на оплату работы переводчиков.

архив – дипломатическая переписка между правительством Древнего Египта и его представителями в Восточном Средиземноморье, датирована XIV – XV в. до н.э. Но особое развитие дипломатические документы приобрели во времена монархии, сохранив с тех времен многие письменные формулы вежливости, витиеватый стиль и строгие правила дипломатического этикета.

Проследим языковой этикет, соблюдаемый в дипломатических документах, на примере дипломатических нот.

Нота – самая распространенная форма дипломатической переписки. С помощью нот выражаются позиции государств по определенным проблемам, событиям или фактам и служит для отправления просьб, заявления своих прав, предъявления претензий, требований, ультиматумов, для согласования или принятия совместных документов, принятия или непринятия предложений или заявлений. Нотой всегда выражается официальная позиция государства по данному вопросу.

Существуют следующие виды дипломатических нот:

- вербальная – самый распространенный документ дипломатической переписки, отправляемый одним государственным ведомством в адрес другого иностранного государственного ведомства;
- личная – составляется в первом лице от имени подписавшего ноту;
- циркулярная – нота одного содержания посылается одним адресантом одновременно в адрес нескольких адресатов;
- коллективная – нота в адрес одного адресата, подписанная несколькими адресантами.
- идентичная – похожа на коллективную ноту, но каждое государство подписывает ноту с некоторыми нюансами.

Следует уточнить, что участником дипломатической переписки всегда является субъект международного права, который представляет государство во внешнеполитических сношениях. Именно круг участников общения и их статус можно признать одним из основных критериев выделения дипломатической переписки как разновидности переписки в рамках официально-деловой коммуникации.

В статье мы остановимся только на особенностях перевода вербальной и личной ноты, так как все остальные являются разновидностью первых двух.

Как отмечает Э. Сатоу [8], установлено семь формальностей при составлении ноты:

- титул и имена адресата;
- титул в тексте или комплимент в начале ноты;
- комплимент в конце ноты;
- подпись;
- дата и место составления ноты;
- адрес адресата;
- оформление конверта.

Каждое несоблюдение одной из формальностей свидетельствует или о неуважении одного государства к другому, или о желании выразить возмущение действиями другого государства[2].

---

[2] Известен следующий исторический факт. 15 сентября 1921 г. английский представитель в Москве Ходжсон передал народному комиссару по иностранным делам Г. В. Чичерину ноту без обращения, адреса и подписи. В связи с этим В. И. Ленин направил Чичерину записку, в которой писал: «По-моему, надо отучить от этой марены. Нельзя ли отучить так: ответить формально и письменно с ссылкой на «ноту». Тогда они поймут, что мы будем (вскоре) публично издеваться над ними за их неподписанные ноты». За нарушением англичанами дипломатического протокола скрывался

В дипломатической практике чаще других используется вербальная нота. Выражение „вербальная нота“ имеет смысл „документ, который требует внимания, серьезного отношения“.

Вербальная нота состоит из трех частей:

- обращение и комплимент;
- основное содержание ноты;
- заключительный комплимент.

Нота начинается с обращения от имени МИД или подразделения МИД, или загранучреждения. Это обращение должно содержать комплимент, являющий протокольной официальной формулировкой вежливости в виде языкового клише.

Начальный комплимент на русском языке	**Начальный комплимент на болгарском языке**
Министерство иностранных дел Российской Федерации свидетельствует свое уважение Посольству Республики Болгария в Москве и имеет честь сообщить / информировать / довести до сведения, что…	Министерството на външните работи на Руската Федерация поднася своите почитания на посолството на Република България в Москва и има честта да уведоми, че…

Обмен информацией в вербальной ноте ведется на ведомственном уровне, в третьем лице, что, объясняет отсутствие традиционного контактоустанавливающего компонента. Как отмечает Э. Бялэк: «вероятно, глагол *свидетельствовать* не является типичным компонентом современных устойчивых словосочетаний (коллокаций) с существительным *уважение* – ср. *оказывать уважение кому-л., с уважением относиться к кому-л, проявлять уважение к кому-л., питать уважение к кому-л.* Формула отмечается в «Толковом словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая и иллюстрируется примерами из произведений Пушкина и Достоевского – ‘Свидетельствую Вам свое (мое) искреннее, глубокое уважение’ с пометой *учтиво, почтительно,* т.е. это комплимент адресату с высоким общественным статусом, доказательство почтения к нему» [1, с. 36].

Коллокацию *иметь честь,* как отмечает Э. Бялэк, «можно толковать как оценку адресанта сообщения – ему разрешается сделать что-то важное, соответственно, он удостоен чего-л. со стороны того, кто выше его по статусу. <…> С точки зрения дипломатического этикета данный оборот скорее не указывает на разные позиции, занимаемые адресантом и адресатом в деловой переписке. <…> Оба участника речевого акта на одном / сопоставимом уровне, оба они – субъекты международного права, представители взаимодействующих сторон. От обращающейся стороны, однако, требуется (наиболее) высокая степень вежливости и уважения к другой стороне. <…> Слово *честь,* а вместе с ним коллокация *иметь честь,* предоставляет адресанту возможность подчеркнуть исключительность возложенной на него миссии, выразить свое расположение к получателю» [1, с. 40–41].

Заканчивается нота также формулировкой вежливости – комплиментом:

Министерство пользуется случаем, чтобы	Министерството се ползва от случая, за да

политический смысл: посылая свою ноту в такой форме, английский МИД хотел продемонстрировать свое неуважение к молодой Советской Республике. 27 сентября 1921 г. Англии был дан соответствующий ответ.

возобновить Посольству уверения / еще раз заверить в своем высоком уважении.	поднови на Посолството уверенията в отличната си към него почит.

Комплимент может быть усилен, понижен или пропущен.[3] Интересно, в разных источниках по дипломатическому протоколу приведены разные варианты болгарского усиления или понижения комплимента:

в своем высоком уважении в своем весьма высоком уважении в своем самом высоком уважении	във високата си към него почит в доста високата си към него почит в най-високата си към него почит [3, с. 213–214]
в своем высоком уважении в своем весьма высоком уважении в своем самом высоком уважении	във високата/отличната си към него почит. във високото/отличното си към него уважение. във високата/отличната си към него преданост. [7, с. 182]

Варианты болгарских комплиментов взяты из двух авторитетных учебников по дипломатическому протоколу и церемониалу. Интересно, что, согласно первому источнику, получаем почти дословный перевод русского комплимента. Согласно второму источнику, повышение или понижение комплимента выражено прилагательным в русском языке и существительным в болгарском.

Следует обратить внимание на необычность устойчивого сочетания *высокое уважение.* Как отмечает Белэк: «Уважение – как проявление определенного отношения к другому человеку – оценивается с точки зрения своей интенсивности (большой), подлинности этого чувства (искреннее), его обоснованности (заслуженное), коллективности оценки (всеобщее). Прилагательное *высокий* становится его особой мерой – ‘Выдающийся по своему значению, почетный, важный’ [1, с. 38].

В левом нижнем углу первой страницы ноты указывается адрес:

Посольству Республики Болгария г. Москва	До Посолството на Република България Гр. Москва

Обратим внимание на другой спорный вопрос – как правильно переводить Посольство Республики Болгар**ии** или Республики Болгар**ия**.

Обратимся к Розенталю: «Названия зарубежных государств (республик) обычно согласуются с родовым наименованием, если имеют форму женского рода (т.е. совпадают с родом слова республика): *в Республике Боливии, правительство Республики Колумбии* и не согласуются, если имеют форму мужского рода: *в Республике Кипр, границы Республики Эквадор*. Впрочем, есть исключения: *в Республике Куба, на территории Республики Ангола* и др. (Это касается названий на *-а*)» [5].

---

[3] Слова *„пользуется случаем“* в заключительном комплименте могут быть опущены:

- в ноте-протесте – т.е., если нота содержит протест связи с действиями представителей посольства или государства попыткой заниматься незаконной деятельностью, грубым нарушением норм поведения, т.к. в таких случаях комплимент ослабил бы протест и, следовательно, исказил бы характер ноты.
- в нотах, содержащих сообщение об объявлении траура в стране.
- в нотах с выражением соболезнования.
- Заключительный комплимент опускается в нотах США.

Во всех остальных случаях пропущенный комплимент – это знак неуважения одного государства к другому.

Это же правило находим в учебном пособии Курдюковой: „Официальные названия республик обычно согласуются со *словом республика,* если имеют форму женского рода, оканчивающуюся на *-ия* и *-ея: в городе N Республики Кореи.* Не согласуются, если имеют форму мужского рода или форму женского рода, оканчивающуюся на *-а* и без окончания: *в Республике Куба, в Республике Вьетнам, в Республике Беларусь,* в Республике Украина» [4, с. 27].

Но вот интересное дополнение в «Справочнике по правописанию» Розенталя: В официальных дипломатических или журналистических текстах допускается несклоняемая форма республик женского рода, оканчивающаяся на *-ия* и *-ея.* [6].

Следует отметить, что в болгарской дипломатической традиции принят вариант не согласовывать существительное *Болгария* с существительным *Республика.*

Теперь обратим внимание на перевод личной ноты. Она отличается от вербальной тем, что пишется от лица, подписывающего ноту. Как и вербальная, личная нота состоит из трех главных частей:

- обращения
- содержания
- заключительного комплимента.

Начинается личная нота с обращения. Наиболее распространенной формой обращения является:

Уважаемый господин Министр! Уважаемый господин Посол!	Уважаеми господин Министър! Уважаеми господин Посланик!

Это обращение призвано благожелательно настроить получателя в отношении содержания текста. Форма обращения зависит от титула и должности адресата:

Титул, должность	Форма обращения на русском языке	Форма обращения на болгарском языке
Король, Султан, Эмир	Ваше Величество	Ваше Величество
Наследный принц, Великий герцог, Шейх	Ваше Высочество	Ваше Височество
Герцог, Князь, Граф, Маркиз	Ваша Светлость или Ваше Сиятельство	Ваша Светлост или Ваше Сиятелство
Президент, Премьер-министр, Глава парламента, Глава палаты парламента, Министр, Посол, Посланник, Сенатор, Губернатор	Ваше Превосходительство	Ваше Превъзходителство
Папа Римский, Патриарх православной церкви	Ваше Святейшество	Ваше Светейшество
Митрополит, Кардинал, Нунций, Интернунций	Ваше Высокопреосвященство	Ваше Високопреосвещенство

Соответственно можно обратиться:

Уважаемый господин Посол! Ваше Превосходительство!	Уважаеми господин Посланик, Ваше Превъзходителство,

Ваше Превосходительство господин / госпожа (имя фамилия)	Ваше Превъзходителство господин / госпожа (име фамилия)

Далее следует смысловая часть документа.

Заканчивается нота комплиментом, в котором адресант свидетельствует свое уважение. Причем в российском дипломатическом церемониале протокольные комплименты зависят от должности и ранга адресата, что не прослеживается в болгарском протоколе:

Должность, ранг	**Протокольный комплимент на русском языке**	**Протокольный комплимент на болгарском языке**
Министр, Заместитель министра, Директор департамента МИД, имеющий ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла (или равный ему), Сенатор, Губернатор, Посол, Посланник	Заверение **в весьма высоком уважении** Например: *Вас, господин Посол, принять уверения в моем весьма высоком уважении*	*Моля, господин Посланик, да приемете изразите на моето високо уважение.* *Моля приемете, ваше Превъзходителство уверенията в отличната ми към Вас почит.*
Бывший министр (посол, сенатор), Заместитель министра, Директор департамента МИД (начальник главного управления), Поверенный в делах	Заверение **в высоком уважении**	
Генеральный консул, Мэр столицы	Заверение **в совершенном уважении**	
Начальник отдела в МИД, Советник-посланник, Советник, Консул	Заверение **в глубоком уважении**	

От принятого комплимента допускается отступление в порядке взаимности при ответе:

Вместо слов *Прошу Вас ... и т.д.* можно написать *С уважением* или *С искренним уважением.*	*Искрено Ваш, Ваш, С уважение*

В левом нижнем углу личной ноты пишется адрес. В адресе указываются имя (в большинстве случаев ставятся только инициалы), фамилия и официальная должность лица, к которому обращаются.

Е. П. Чрезвычайному и Полномочному Послу Республики Болгария г-ну… г. Москва	До Н. Пр. г-н … Извънреден и Пълномощен Посланик На Република България Гр. Москва

Адрес в личной ноте всегда пишется в левом нижнем углу первой страницы, даже в том случае, если нота составлена на нескольких страницах.

Интересно отметить, что в личной и вербальной ноте дата написания ноты ставится в разных местах – в вербальной ноте справа непосредственно под текстом, а в личной – справа перед обращением. Следует обратить внимание, что согласно российской традиции, дата заключается в кавычки, чего нет в болгарском тексте.

София, «28» апреля 2018 года	София, 28 април 2018 г.

В заключении хочется привести слова Э. Бялэк: «Адресат – олицетворение государства, ключевое звено данной речевой ситуации. Уважительное отношение к нему символизирует уважительное отношение к целому народу, представляемому получателю ноты. Неуважение к адресату (посольству, министерству) отождествляется с неуважением одной страны и ее жителей к другой стране и ее жителям. [1, с. 40–41]. Переводчику надо знать, что переведенный им документ дипломатической переписки несет ту же юридическую силу, что и оригинал. Поэтому переводчику дипломатических нот очень важно знать все тонкости дипломатического речевого этикета, чтобы по незнанию или невниманию не навредить отношениям между странами.

Литература

1. *Бялэк Э.* Этикет вербальной ноты: комплимент // Русский язык сегодня. Вып. 6: Речевые жанры современного общения: Сб. докладов / Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва: ФЛИНАТА: Наука, 2015. С. 32–43.
2. *Дипломатический словарь* / под ред. А. А. Громыко, И. Н. Земскова, В. М. Хвостова. Т. II. Москва: Издательство политической литературы, 1971. 592 с.
3. *Кожухаров Й.* Дипломати. Консули. Протокол. София: Труд, 2006. 576 с.
4. *Курдюкова Л. А.* Стилистика русского языка для PR-специалистов: Уч. пособие. Институт социально-экономического прогнозирования и моделирования. Балашиха: Де-По, 2010. 180 с.
5. *Розенталь Д. Э.* Говорите и пишите по-руски правильно / URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/88923/Rozental%27-Govorite_i_pishite_po-russki_pravil%27 no. html
6. *Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию.* / URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1015483/244/
7. *Романов Д.* Държавен и дипломатически протокол: Церемониал. Кореспонденция. Бизнес етикет. Пловдив: Унниверситетско издателство «Паисий Хилендарски», 2011. 584 с.
8. *Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. Москва: Институт международных отношений, 1961. 496 с.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ВЫБОРУ ТЕКСТОВ ДЛЯ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Милевская Татьяна
Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, Россия
tatiana_Milevska@mail.ru

NEW APPROACHES TO SELECTING TEXTS FOR TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN SECONDARY SCHOOL

Milevskaya Tatiana
Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Russia

Abstact: *The article emphasizes the dependence of the ecology of the language with language teaching. It analyzes the reasons of necessity to look for new approaches to the choice of texts for Russian language teaching in high school. The author suggests turning to the works of contemporary writers, taking into account the interests and characteristics of the development of the modern young man. Types of tasks for working with texts of works of art are offered*

Key words: *Ecology of language, clip-on thinking, text, teaching, genre.*

Принимая во внимание определение экологии языка Эйнара Хаугена [8] и его последователей как науки «о взаимоотношениях между языком и его окружением, где под окружением языка понимается общество, использующее язык как один из своих кодов», [7, с. 139], мы бы хотели расширить это определение, подчеркнув связь языка с мышлением, поскольку доказано, что язык не только отражает, но и формирует мышление. Но здесь важно помнить, что «связь мысли со словом не есть изначальная, раз навсегда данная связь. Она возникает в развитии и сама развивается» [1, с. 335]. Следовательно, экология языка находится в зависимости от процесса обучения языку, а сам процесс и требования к нему (на всех уровнях обучения) зависят от законов общества и государства в определенный период.

Общеизвестно, что при обучения иностранному языку текст является важнейшей содержательной единицей. В этой роли текст полифункционален: он стимулирует высказывание, являясь его образцом, служит содержательной базой для продуцирования речи, средством формирования коммуникативных умений, создает условия для активизации мыслительной деятельности.

Современная ситуация, детерминированная изменившимися задачами обучения, а также серьезным снижением уровня гуманитарного образования выпускников школы и студентов младших курсов, требует вдумчивой коррекции номенклатуры учебных материалов. В частности, это относится к типам текстов, используемых на занятиях по русскому языку в высшей школе.

Необходимо также заметить, что этого требует и принципиальное изменение типа мышления в современный период развития информационных технологий, в частности, преобладания клипового мышления над понятийным.

Остановимся на текстах, традиционно используемых на занятиях по РКИ, в частности, на текстах публицистического стиля и текстах художественных произведений.

Серьезная проблема качества газетных и журнальных текстов, ранее служивших материалом для обсуждения каких-либо проблем экологического, культурного, морального или политического характера, начиная с 90-х годов прошлого века с появлением так называемой «свободы слова», которую многие журналисты понимали и понимают как языковую вседозволенность, сильно затрудняет подбор текстов для занятий. Их приходится сокращать, редактировать, а часто даже подвергать цензуре,

что разрушает их стилевую и индивидуальную идентичность и, соответственно, сильно снижает их дидактическую ценность.

В Петербурге эту проблему можно решить, используя материалы газеты «Санкт-Петербургские ведомости», которая существует с 1728 года и даже будучи на протяжении почти полувека «Ленинградской правдой» сумела сохранить консервативность, в хорошем смысле слова, анализа материала и формы выражения. Так, например, в газете на протяжении многих лет существует рубрика «Язык наш», где еженедельно публикуются статьи, посвященные проблемам русского языка, включающие как грамматические и семантические трудности, так и исторические факты развития языка и многое, многое другое. Чрезвычайно интересным и полезным является материал рубрики «Наследие», имеющей краеведческую направленность. О серьезных дидактических потенциях текстов краеведческой направленности мы говорили на нескольких конференциях [2, с. 1051].

Использование этого типа текстов также расширяет культурологическую компетенцию учащихся, поскольку «из всех гуманитарных наук только краеведение совмещает в себе все возможные направления исследований, от географии и ботаники до истории, литературы и культурологии, поскольку лишь в комплексе возможно истинное «ведение» своего края. По сути своей краеведение представляет собой сущностную, квинтэссентную часть наук о культуре» [5].

Серьезной проблемой становится и выбор художественных текстов. Мы поддерживаем ориентацию на использование неадаптированных художественных текстов, поскольку «заложенная в художественном тексте информация формирует у учащегося представление о национальном характере, активизирует как мыслительную, так и чувственную сферу, мотивирует развитие внутренней речи, обусловливает в процессе чтения логическое упорядочение воспринимаемых данных. Кроме того, художественный текст является важнейшим источником расширения как активного, так и пассивного словарного запаса» [2, с. 15]. В настоящее время на практике все вышесказанное превращается в фикцию, поскольку текст непонятный на лексическом уровне и неинтересный на содержательном ни одну из этих задач выполнить не может.

Работа с классическими текстами русской литературы демонстрирует катастрофический рост агнонимов, то есть слов с непонятным значением, что ведет «к многочисленным коммуникативным неудачам как при продуцировании, так и при восприятии речи» [6, с. 296]. И здесь важно отметить, что даже при серьезной предварительной лексической и культурологической работе с этой лексикой она пополняет лишь пассивный словарный запас.

Возникает сложный вопрос, что же читать и как читать.

При выборе художественного произведения для чтения на занятиях по русскому языку необходимо учитывать некоторые факторы психологии современного молодого человека. Прежде всего, это уже упомянутое нами преобладание клипового мышления, выражающееся в неумении сосредоточиться на чем-то более чем на несколько секунд, реже минут, что требует частой смены тем, акцентов, активного привлечения внимания к тому, что вы читаете.

Анализ литературных предпочтений молодежи показывает активное «расчеловечивание» литературы. Персонажами книг и фильмов все чаще становятся всевозможные фантастические существа. Самыми популярными жанрами становятся жанры «фэнтази», реже «фантастики».

Исходя из этих наблюдений, чтобы вернуть интерес к чтению, надо выбирать произведения, с одной стороны, интересные современному молодому человеку, с другой стороны, затрагивающие проблемы, которые могут заставить его задуматься о серьезных моральных, социальных, культурных вопросах современного общества.

В этом плане мы рекомендуем обратить внимание на произведения русскоязычного писателя Майка Гелприна. Он родился в 1961 году в Ленинграде и считает себя учеником братьев Стругацких. Пишет, как и его учителя, в жанре философской фантастики, но даже в вызывающих пессимизм современных условиях с их глобальными гуманитарными проблемами сохраняет светлую, хотя и своеобразную картину будущего.

Своим самым главным произведением Гелприн считает рассказ «Свеча горела», где рисует апокалиптическую ситуацию, начало которой мы можем наблюдать уже сейчас: *«Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Еще более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия – в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... – Андрей Петрович махнул рукой. – Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовые механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература<…> – В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал – стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем – люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше – за счет написанного за двадцать предыдущих веков <…> – Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно…»* [2, с. 36]. Оптимизм этому рассказу придает оригинальный поворот сюжета, где роботы оказываются человечнее и дальновиднее людей.

Опыт работы в аудитории с рассказами Гелприна позволяет утверждать, что такие произведения, написанные современным, динамичным, понятным языком, вызывают активный интерес учащихся, позволяют обсуждать актуальные проблемы, заставляют задуматься над ними.

В качестве эффективной методики можно использовать аудиторное медленное комментированное чтение. Современность языка не снимает необходимость лексической работы, связанной со словообразованием, использованием фразеологизмов и целым рядом традиционных заданий, но позволяет активно использовать задания деятельностного типа. В предтекстовых заданиях рекомендуется использования Интернета в качестве информационного ресурса.

В рассматриваемой нами ситуации работу с текстом можно разделить на несколько этапов:

1. Предтекстовая работа включает в себя выяснение значений всех слов, которые, по мнению преподавателя, могут вызвать затруднение, при этом недостаточно спросить, понимают ли студенты значение этих слов, так как очень часто они только думают, что понимают. В разных аудиториях такого рода семантизация может осуществляться разными методами. Лексическая работа может проводиться как дома при подготовке к чтению (при этом список слов дается заранее в качестве домашнего задания, либо непосредственно на занятии с помощью словарей.) В эту часть подготовительной работы необходимо включить и лингвокультурологическую составляющую, когда с помощью Интернета студенты выясняют информацию о различного рода явлениях, исторических лицах, событиях, местах и т.п.

2. Непосредственное чтение вслух с остановками и возвращениями. На этом этапе преподаватель должен постоянно стимулировать студентов обращаться к составленных ими самими словникам, объяснениям и определениям. В это время вполне уместны дискуссии о более точном понимании читаемого предложения или фрагмента текста. В это же время спонтанно происходит обучение ведению дискуссии, представлению аргументов, отстаивания своей точки зрения, которая в процессе обсуждения и рождается.

3. В качестве закрепления впечатлений очень продуктивны просмотры современных фильмов близкой тематики с последующим обсуждением.

4. Выход в другие типы речевой деятельности происходит на заключительном этапе работы с текстом:

А) Каждый студент должен пересказать небольшой фрагмент текста с использованием тех слов, которые он из этого фрагмента узнал.

Б) Выбрать наиболее понравившийся отрывок и объяснить свой выбор.

В) Написать о своих впечатлениях от прочитанного. Здесь важно точно сформулировать задачу, чтобы студенты не «сползли» в рецензию из ЕГЭ, а действительно описали свои впечатления.

Таким образом, современные художественные произведения в определенной степени стимулируют интерес к чтению вообще, расширяют активный словарный запас, заставляют задуматься над серьезными современными проблемами, учат культуре дискуссии.

Литература

1. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Изд. 5. Испр. Москва: Лабиринт, 1999.
2. *Гелприн Майк* Миротворец 45-го калибра. Москва: АСТ, 2014, с. 32–42.
3. *Милевская Т. Е.* Новые цели «медленного чтения» на занятиях по русскому языку в высшей школе. Динамика языковых и культурных процессов в современной России Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ (г. Казань, 4–8 октября 2016 года). СПб.: РОПРЯЛ, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R). С. 1501
4. *Потемкина Е. В.* Комментированное чтение художественного текста в иностранной аудитории как метод формирования билингвальной личности. АКД. Москва, 2015, с. 15.
5. *Скворцов Л. И.* Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. Москва: Просвещение, 1996. 158 с.
6. *Сорокин А. П.* Краеведение в научной библиотеке как форма консолидации регионального сообщества. IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. СПб: Эйдос, 2013. URL: http://culturalnet.ru/main/congress_person/.
7. *Черняк В. Д.* Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач. // Русский язык сегодня. Вып.2. Сб. статей/ РАН. Москва: Азбуковник, 2003. с. 293–304.
8. *Шляхов В. И, Никонов А. Л.* Эколингвистика и проблема экологии языка в российском языковом пространстве // Пространство и Время. 2011. №4 (6). С. 138–144.
9. *Haugen E.* The Ecology of language. Essays by Einar Haugen. Standford: Standford University Press, 1972.

ДИНАМИКА РУССКОГО МОЛОДЕЖНОГО ЖАРГОНА (ЕГО ВЛИЯНИЕ НА «ГРАМОТНОСТЬ» РУМЫНСКИХ СТУДЕНТОВ)

Морару Михаэла
Бухарестский Университет, Румыния
mihaelamoraru01@yahoo.com

THE DYNAMICS OF RUSSIAN YOUTH JARGON (ITS INFLUENCE ON THE "LITERACY" OF ROMANIAN STUDENTS)

Moraru Mihaela
University of Bucharest, Romania

Abstract*: Nowadays slang has become a widespread socio-linguistic phenomenon, thus deeply affecting communication, be it intra or intercultural. Slang has constanly developed due to various factors such as external loanwords or internal loanwords (renaming and redefining certain notions and their meaning). In our paper we analyse the influence of youth jargon on their discourse and we provide some eloquent examples.*

Key words: *youth jargon, loanword, renaming, substandard, assimilation.*

Живой – как жизнь – сказал Чуковский про язык вообще и про русский – в особенности. Каждое новое поколение понимает мир по-своему, и ему необходимы и новые языковые средства, чтобы как-то по-особому выразить это, свое восприятие. На пороге XXI века изменения в российской действительности произошли с такой сногсшибающей скоростью, что не всякий «стреляный воробей» сумел понять и устоять. Куда уж детям и подросткам, которым вдруг стали твердить «во весь голос», что все хорошее было плохим, а плохое обязательно станет замечательным. Вот и... «*кроша сын к отцу пришел, и спросила кроха: Что такое хорошо и что такое плохо*!». А отец на этот раз не нашел ответа и... запретил читать Маяковского. Именно эта новая социально-историческая ситуация и стала причиной проникновения в речь молодежи конца XX – начала XXI века такого большого количества слов и выражений, которые по-новому старались отражать разнообразие жизни людей всех социальных категорий. Кроме того появилась вдруг своя самостоятельная жизнь, о которой родителям не обязательно надо было знать.

Новые лексические явления в русском языке оцениваются и говорящими, и специалистами либо как языковая революция, либо как мощная динамизация языковой системы со всеми разрушающими и одновременно обновляющими эту систему последствиями, либо как демократизация, затрагивающая самые разные сферы общения [6, с. 45].

Особую тревогу вызывает у «трезвых» исследователей тот, явно далеко зашедший, сдвиг в сторону вседозволенности в словоупотреблении, который все ярче наблюдается в повседневной речи не только в непосредственном общении, но и в современной языковой практике самых разных слоев российского общества, у которого происходит постоянное обеднение языка, расшатывание нормы, неумение адекватно выразить свое мнение [1, с. 27].

Стало допустимым, считаясь, если не образцовым, то во всяком случае элитарным, свободное употребление табуированной раньше лексики, так называемых арготизмов, т.е. слов и оборотов, входящих в состав относительно замкнутой социальной группы или сообщества: наркоманов, картежников и разных криминальных структур, понимая это пристрастие к просторечиям и ненормативным выражениям как естественный эффект коммунистического умопомрачения (вечная ссылка на прошлое). И если никого уже не шокируют сегодня инвективы в речи литературных героев или за семейным столом, то проникновение словесного «что покрепче» в

официальные выступления и страницы газет и журналов, продолжает тревожить представителей языкового пуризма, да и не только их [4, с. 102].

Наиболее показательным и в наибольшей степени подверженным изменениям и развитию в этом отношении является *молодежный жаргон.* Жаргон, хотим мы этого или нет, поставляет свои новые слова и выражения в состав языка средств массовой коммуникации, профессионального языка в сфере бизнеса, политики и т.п.

Существует разный подход в лингвистической литературе к определению и применению терминов «социальные диалекты», «арго», «жаргон» и «сленг», так как эти термины очень часто смешиваются, и нет определенной четкости в их использовании.

В. В. Химик, например, придерживается довольно четкого разграничения в определении данных терминов, считая, что *«арго применяется в отношении профессионально-корпоративной и преступной речи, которая является тайной, эмоционально неокрашенной и имеет терминологический характер; жаргон является более широким понятием и служит для обособления от остальной части языкового общества и характеризуется изобилием эмоционально-экспрессивных единиц; сленг – это надсоциальный жаргон, т.е. совокупность общеупотребительных слов и речений, привлекаемых из частных жаргонных подсистем лексики»* [7, с. 24]. Следуя этому мнению, можно выявить, что в речи молодежи встречаются три социолингвистических термина:

- **арго** – когда речь идет о терминологизованных словах, которыми пользуется узкая группа молодых людей
- **жаргон** – когда имеются в виду лексемы, употребляемые молодежью независимо от принадлежности к определенной социальной группе
- **сленг** – когда подразумеваем лексику, которая известна и потребляется не только молодежью, но и людьми разного возраста.

Нас, в данной работе интересует молодежный жаргон, лексические единицы которого еще не стали общеупотребительными, как в сленге.

Особенности функционирования молодежного дискурса во многом определяются и возрастом говорящих – от подросткового, 13–14 лет, до старшего молодежного, 35–37 лет. Различается также речевое поведение локально-территориальных, асоциальных, субкультурных молодежных группировок.

Хотя жаргону присущи хаотичность и спонтанность есть все-таки некие общие черты, характерные для речи молодежи.

Как известно, наиболее яркими чертами устной разговорно-непринужденной речи являются: *редукция словоформ* (т.е. изменение и упрощение их фонетического облика); *преобладание неполных и эллиптических структур*, а также употребление *аналитических разговорных структур с отсутствием строгой синтаксической связи*; употребление *клишированных языковых единиц*, т.е. частотных «готовых» слов и выражений, воспроизводимых в речи [3, с. 129]. Говорящий, находясь в условиях непринужденного, неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение», поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, клише, шаблонам и стереотипам.

Почему с такой непринужденностью и даже страстью иногда даже в официальных ситуациях употребляется жаргонная лексика? В преуспевании нашествия жаргонизмов «виноваты» во-первых, они сами, так как нельзя игнорировать некоторые их качества, среди которых самыми значительными являются:

– экспрессивность и новизна;

– конкретная адресация речи: когда собеседники хотят скрыть смысл сказанного от остальных лиц;

– желание доказать свою бесшабашность и стать в кампании «своим»;
– экономия времени: точно, выразительно и кратко;
– возможность «блеснуть» знаниями в этой области;
– попытка выдать себя сташе своих лет;
– желание обратить на себя внимание окружающих.

Отличительной особенностью современного молодежного жаргона является возникновение и функционирование в нем большого количества идиоматических выражений, для которых исходными могут быть уже бытующие в речи жаргонизмы. Например: от слова *базар* (место торговли = рынок; перен. разг. – беспорядочный крик, шум) сформировались следующие фразеологизмы: *свернуть базар* (поговорить), *фильтровать базар* (осторожно выбирать выражения), *съехать с базара* (менять тему разговора), *клеить базары* (выяснять отношения). Особо занимательными нам кажутся выражения, которые являются переименованием ряда литературных произведений на жаргонный лад, многие из которых носят сугубо индивидуальный характер с точки зрения их обиходности и частотности в речи. Вот, например: *Беспрайсовая Лиза* (Бедная Лиза), *Ботанику – атас* (Горе от ума), *Спик о тусовке Гарика – милитариста* (Слово о полку Игореве) [2, с. 17].

Источниками развития (в смысле пополнения) современного молодежного жаргона принято считать, с одной стороны – *внешние заимствования* (иноязычные слова, вошедшие сравнительно недавно в русский язык и иностранные слова, ставшие со временем неотъемлемой частью русского языка), а с другой – *внутренние заимствования* (т.е. переосмысленные слова).

Заимствования из иностранных языков: англицизмы: *мэн, френд, беби, айз, бас, пипл, байк, герла, фазер, крезанутый* (сумасшедший), *голдовый* (золотой), *лаккик, лаккий* (счастливчик, счастливый) и др. **Из других языков:** *чувак* (парень) из цыганского; *мутер* – из немецкого, *мент* – из венг. – мантия, плащ, через польск. и т.д. Надо сказать, что интерес вызывает не само заимствованное слово, а его русификация и производные слова: так например, слово *герла* изменяется по падежам – *герле, герлой, герл* (род. пад. мн. число); глаголы приобретают показатель инфинитива – **ть** – *аскать* (от анг. ask – спршивать), *лукать* (от look), *отксерить* и т.д. *спикать* (от speak) и склоняются – *я отксерю, он отксерит* и т.д.

Новыми источниками пополнения молодежной жаргонной лексики, к сожалению, после 90–х стали и воровсой жаргон – *крыша* (защита), *шухер* (опасность), *шмон* (сбор тетрадей на проверку), *братва* (как обращение), *жахнуть* (пить), *капуста, тугрики* (деньги) и жаргон наркоманов – *колеса* (таблетки), *нюхачи* (токсикомыны), *фиеста* (одурманенный) и др.

Впрочем, самым продуктивным источником обогащения жаргонной лексики остается литературный язык, слова которого «переиначиваются» представителями молодого поколения на всякий лад. Надо, однако, подчеркнуть, что именно молодежь предпочитает «играть» словами, создавая самые непредсказуемые выражения и широко используя их в своей повседневной речи. С другой сторны, этот феномен объясняется тем, что в последнее время молодые люди не так уж хорошо владеют литературным словом, так как их мировоззрение и словарный запас формируется скорее на основе модной музыки, Интернета, телевидения и так далее [5, с. 76].

Примеры молодежного сленга:[1]

[1] Примеры приводятся по Никитина Т. Г., Т*ак говорит молодежь. Словарь молодежного сленга,* М., 1998; Солженицын А. И., *Русский словарь языкового расширения,* Голос, М., 1995; Шкапенко Т., Хюбнер Ф., *Русский тусовочный как иностранный,* Калининград, 2003.

Наверное всем кажется, что прекрасно понимают значение глаголов движения **тянуть, тащить, отрывать,** но не всякий разберется в их современной семантике. Вот несколько примеров:

«*Клуб Город – самое комфортное место для* ***оттяга*** *(отдыха) тинейджеров (подростков)», «В Москве* ***отрываются*** *не только столичные верхи, но и региональная элита», «Вчера московская тусовка* ***отрывалась*** *(хорошо провела время) в ресторане Планета Голливуд по случаю дня рождения Аллы Пугачевой. Корреспонденты* ***тащились*** *(были в восторге) от всего московского бомонда».*

Из вышеприведенных примеров становится ясно, что вполне известные слова, употребляемые нами в словосочетаниях *тянуть репку*, ну в крайнем случае *лямку; отрываться/оторваться от работы; тащить чемодан или таскаться по городу*, теперь означают совсем другое. **Оттягиваться/оттянуться** – *отдыхать или отплатить кому-то за что-то неприятное*, **оттяг** – *отдых*; **отрываться/оторваться** – *отдыхать, забывая обо всем, прекрасно проводить время*; **тащиться** – *получать удовольствие, наслаждаться*.

Вся молодежь сегодня употребляет слова: **прикол** – *шутка, розыгрыш, смешная история*; **прикольный** – *забавный, веселый*; **прикольно –** *весело, смешно, здорово*. Например: *«У нас такая* ***прикольная*** *училка. Мы с ней никогда не скучаем», «Вчера у нас дома был такой* ***прикол****! Вовка надел носки разного цвета», «Скажи, как* ***прикольно*** *выглядит».*

Все нынче **прикольно**: фильм **прикольный**, газета **прикольная**, президент **прикольный**, а если не **прикольный**, то обязательно **крутой**. В словах **крутой, круто, крутизна** подразумевают положительные ассоциации о силе, решительности, аггресивности. Например: *«Он приехал на* ***крутой*** *тачке* (машине)», *«Если встретишь его, не узнаешь; он стал таким* ***крутым****! Ездит на шестисотом Мерседесе, ходит только с телохранителями», «****Круто*** *было бы попасть на такую тусовку. Там собирается весь истинный хай-лайф», «Я видел тебя с новой герлой* (т.е. девушкой). ***Круто*** *смотритесь!».*

Молодежный сленг также наглядно иллюстрируется следующими словами и словосочетаниями: *клевый* (хороший) – *клевая киношка, просто отпад*; *крутой* (сильный) – *смотри какой крутой парень, прямо перец* (мужчина); *отстой* (плохой, никудышный) – *отстойный у тебя прикид* (одежда), *братан*; *тормоз* (человек, который медленно соображает) – *этот тормоз ботву сеет* (говорит ерунду), *грузить* (говорить ненужные вещи) – *ты меня своей липой не грузи* и др.

Как мы уже отмечали, молодежный жаргон вовсе не предназначен для того, чтобы его полностью понимали все русскоговорящие люди, но он и не иностранный язык для российского общества. Это просто стихия, которую ни запретить, ни уничтожить невозможно, а необходимо только разъяснить где и когда жаргон уместен и, что лишь умеренное его применение может окрасить речь и придать ей некую бесшабашность.

С этой точки зрения очень интересно проследить как воздействует ненормативная лексика и отдельные жаргонизмы (самые обиходные) на знания и уровень «культуры речи» румынских студентов, проходящих стажировки в России.

Находясь в русской среде, они стараются как можно больше общаться с русскоговорящими студентами, слушать непринужденную речь (по радио, телевизору), посещать театры. После возвращения на родину, все стараются «блеснуть» своими знаниями и обязательно доказать остальным свое превосходство и повышенный уровень усвоения тонкостей русского языка. В их письменных и контрольных работах всегда проскакивают такие элементы разговорной речи: *слезать* (вместо сходить), *дрыхнуть* (вместо спать), *крутой*, *бутсы* (обувь), *дикий* (вместо ужасный), *достать*

(вместо надоесть), *душный* (вместо скучный) и др. Все это объясняется тем, что они постоянно слышат такие изречения со стороны почти всех источников информации и из-за непрочных, еще не окончательно усвоенных на факультете знаний (а трехлетнее обучение русскому, да еще с нуля – никогда не приведет к продвинутому уровню владения языком) слова-варваризмы пересекаются у них с исконно-литературными. На фоне такой речевой путаницы, которая у них возникает из-за буквального заталкивания этих жаргонных слов в их небогатый речевой запас через телевидение, Интернет, журналы, рекламы и «улицу», они все больше отходят от литературного языка в сторону «жаргонизации» и так недостаточно усвоенного русского языка. Притом, они еще уверены, что им доступны тонкости русского языка и страшно недовольны невысокими оценками. Вот какой анекдот они мне рассказали в защиту своего свободного словоупотребления (услышанный, естественно в Москве):

Девушка и юноша в дверях автобуса:
– Девушка вы выходите?
– Выходят только замуж!
– Хорошо. Ну. Тогда вы сходите?
– Сходят только с ума!
– Да что ж вы тогда делаете?
– Вылезаю.

Другие ошибки, обнаруженные в их работах, хотя и не вполне причастны к либерализации языка, но связаны с вторжением в русский обиходный язык целого ряда англицизмов, которые у нас в румынском либо бытуют в других значениях, либо не имеют отечественных синонимов: это примеры **тавтологии** (повторение однокорневых слов, при соединении русского и иноязычного с одинаковым значением): *юный вундеркинд, мизерные мелочи, внутренний интерьер, ведущий лидер, интервал перерыва, памятные сувениры, необычный феномен, биография жизни, странный парадокс, необычный феномен* и др. или **плеоназмы** (употребление в речи близких по смыслу и потому логически излишних слов): *главная суть, толпа людей, свободная вакансия, возвращаться обратно, в общем и целом, чрезвычайно громадный, очень крохотный, предчувствовать заранее, лучше предпочитает, так например, памятные сувениры, в конечном итоге* и др.

И все-таки, я уверена, что весь этот арсенал нововведений и нестандартных выражений может обернуться и положительной стороной, так как данные элементы помогают индивидуализировать и выявлять личность, ведут к откровенности, открытости общения.

Но это возможно только если не злоупотреблять жаргонными выражениями и избегать бесплодной речевой показухи, которая способна притупить эстетическое ощущение чистоты и красоты языка, ту особую элегантность высказывания, которой так трудно научиться, и так легко потерять [4, с. 113].

Литература

1. *Береговская Э. М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование, Вопросы языкознания. № 3. Москва, 1996.
2. *Быков Д.* Грамотность в России становится личным делом каждого // Огонек. 2005. № 48.
3. *Крысин Л. П.* О словообразовательных возможностях иноязычных неологизмов // Филологические науки. 1998, № 3. Москва: Наука, 1964.
4. *Морару М.* Русский язык и культура (проблемы, феномены, перспективы). Бухарест: Изд-во Бух. унив., 2017.
5. *Никитина Т. Г.* Так говорит молодежь. Словарь молодежного сленга. Москва, 1998.
6. *Скворцов Л. И.* Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика). Москва: Наука, 1969.
7. *Химик В. В.* Язык современной молодежи // Сборник аналитических материалов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004.

ВОПРОСЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА И РЕЧИ В ПРЕПОДАВАНИИ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ВУЗЕ

Налимова Татьяна
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, Россия
t.a.nalimova@mail.ru

QUESTIONS OF ECOLOGY OF LANGUAGE AND SPEECH IN TEACHING DISZEPLIN "RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH" IN THE UNIVERSITY

Nalimova Tatiana
Saint-Peterburg Staty University of Industrial Technologies and Design, Russia

Abstract: *The issues of education of students careful attitude to their native language, formation of an adequate assessment of the negative phenomena existing in the speech practice of the society are considered. Some types of assignments in the course "The Russian Language and the Culture of Speech" are offered, which contribute to the formation of the linguistic and communicative competenc*e of future specialists.

Key words: *ecology of language and speech, education of careful attitude, negative phenomena in the language, tasks in the course "Russian language and culture of speech".*

Вопросы экологии языка и речи в последние десятилетия привлекают внимание как зарубежных, так и отечественных лингвистов, представителей самых разных направлений, теоретиков и практиков (Остин Дж. Л., Лихачев Д. С., Скворцов Л. И., Сковородников А. П., Солодовникова Н. Г, Шаховский В. И., Шляхов В. И. и мн. др.). Об этом свидетельствуют конференции международного уровня, по результатам которых издано значительное количество отдельных публикаций и тематических сборников учеными Тамбова, Тюмени, Красноярска, Волгограда, Челябинска и других городов России. В них, в частности, отмечаются результаты, достигнутые специалистами, работающими в двух основных направлениях эколингвистики – экологии языка и экологии речи: описан ее терминологический аппарат [5]; разрабатываются параметры экологической речи и методика лингвоэкологического анализа коммуникативных единиц с позиции их экологичности/неэкологичности и др., что обусловлено, с одной стороны, «смещением коммуникации в сторону неэкологичности», а с другой – необходимостью составления экологического портрета языковой личности. Это говорит о важности и своевременности задач, которые ставят перед собой ученые: обратить внимание не только на «состояние языка», но и на «способы и средства защиты языка и речи от негативных воздействий, с одной стороны, и на пути и средства их обогащения и развития, с другой» (цит. по 2, с. 78–79).

Интерес к проблеме экологии языка и экологии речи свидетельствует прежде всего о высокой степени ответственности ученых-лингвистов перед будущими поколениями, о их стремлении сохранить в чистоте величайшее достояние нашей культуры – «наш дар бессмертный» (И. Бунин). Теоретические исследования специалистов подкрепляются практическими разработками, которые используются в образовательном процессе. Так, в вузах возможность приобщиться к решению этих важных задач открывается благодаря включению в Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования дисциплины «Русский язык и культура речи», целью которой является подготовка специалистов, владеющих не только профессиональной компетенцией, но и высокой речевой культурой. При этом языковая подготовка студентов направлена не только на образовательные, но и на

воспитательные задачи. Так, решение образовательных задач предусматривает овладение грамотной, логически стройной и последовательной речью в соответствии с нормами современного русского языка, знание которых позволит студентам в будущем правильно и стилистически корректно использовать грамматические и лексические средства языка в разных ситуациях общения и с точки зрения этики общения. Практическая направленность дисциплины позволяет решить также воспитательные задачи, достижение которых связано с воспитанием у обучаемых в ходе изучения дисциплины бережного и внимательного отношения к родному языку, с формированием у молодых людей таких нравственных качеств, которые не позволят им обращать слово во вред другим [4; 5]. Воспитание через предмет – так традиционно оцениваются воспитательные возможности любой преподаваемой дисциплины. Следовательно, у нас имеются все основания рассматривать дисциплину «Русский язык и культура речи» практическим проводником основных задач *эколингвистического образования и воспитания.*

Рассмотрим некоторые возможности решения поставленных задач на примере заданий, использование которых, на наш взгляд, позволяет сформировать у обучаемых общекультурные компетенции, сформулированные в Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования нового поколения [9], с одной стороны, а также воспитать уважительное и бережное отношение к родному языку – с другой.

Известно, что учебный материал по дисциплине предлагается в форме лекций и практических заданий. Прежде всего преподавателю на одной из первых лекций следует обратить внимание студентов на тот материал, содержание которого заключает в себе большой воспитательный потенциал. Это прежде всего высказывания известных русских ученых и писателей-классиков о нашем языке и речи. Среди них фрагменты из классической и современной литературы (А. Пушкин, Л. Толстой, И. Бунин, К. Паустовский, Д. Лихачев, А. Солженицын, В. Распутин и др.). Высказывания великих людей о нашем языке и речи имеют как познавательное, так и воспитывающее значение: они никого не оставляют равнодушными, так как демонстрируют озабоченность мыслящих людей судьбой русского языка, который в эпоху глобализации оказался «на грани нервного срыва».

Языковое состояние эпохи, всесторонне проанализированное нашими учеными, к сожалению, не всегда оказывает положительное влияние на процесс становления гармоничной в речевом отношении личности. Вызывают тревогу такие явления в современной речевой ситуации, как «засилие» иностранных слов, особенно в языке СМИ, стилистическое снижение речи, ее жаргонизация, вульгаризация, заштампованность, употребление в повседневной речи нецензурных слов и выражений, пренебрежение формулами вежливости, оскудение лексикона носителей языка и др. [1; 2; 4; 5; 7; 10] Ученые называют этот процесс «речевой безответственностью». В связи с этим необходим продуманный отбор заданий, которые позволяли бы развивать у учащихся языковой вкус, создавали бы мотивацию к активной познавательной деятельности в целом и к речевой в том числе. Эти задания прежде всего должны отличаться разнообразием, иметь творческую направленность и быть в соответствии с ФГОС ВПО компетентностно-ориентированными. Как правило, при выполнении таких заданий студентам предоставляется возможность проявить максимум самостоятельности. Среди них отметим лишь некоторые, которые, как нам кажется, наряду с формированием общекультурных компетенций, позволяют воспитать у обучаемых любовь к родному языку, развить у них языковой вкус, бережное отношение к нашим языковым традициям.

На одном из первых практических занятий студенты обязательно знакомятся с нормативными словарями русского языка, в том числе со специальными словарями и справочниками по культуре речи нового поколения, изданными в последние десятилетия [6; 8] Как показывает практика, современные студенты, пользуясь в основном информацией из Интернета, часто не имеют представления о том, из какого словаря они получают информацию, кто его автор, каково его назначение; как пользоваться словарями, чтобы получить необходимую информацию в полном объеме. Поэтому ознакомление с литературной нормой мы сопровождаем анализом разного рода словарей, к которым мы обращаемся впоследствии на практических занятиях. Каждый студент получает задание сделать небольшую устную презентацию одного-двух словарей, цель которой – продемонстрировать однокурсникам весь спектр возможностей того или иного словаря.

После знакомства с материалом газетной статьи под названием «Субботник по уборке русского языка» студенты назвали так же одно из занятий, на котором обсуждалась проблема засорения нашей речи словами-паразитами и инвективами. Эта проблема никого не оставляет равнодушным. Свою точку зрения по данной проблеме студенты обычно излагают не только в устной форме во время дискуссии, но и в письменной. Письменная форма предоставляет студенту больше свободы для выражения своего мнения и формулирования своих предложений, которые необходимы для решения данной проблемы (например, письменная работа на тему «Как избавиться от слов-паразитов и сквернословия»).

Задание, целью которого является погружение в актуальные речевые проблемы, существующие в нашем обществе, предполагает активное участие студентов в поиске в периодических и интернет-изданиях, на форумах интересных публикаций, авторами которых являются известные ученые-лингвисты, современные писатели, деятели культуры, и в подготовке на их основе устных обзоров или сообщений. В результате такой работы происходит обмен актуальной информацией, которая иногда открывает перед студентами новые возможности в повышении уровня речевой культуры. Например, студенты узнают, что привычному Интернету имеется альтернатива – интересные передачи о культуре речи по радио и телевидению и публикации в научно-популярных журналах.

Поскольку один из модулей программы по культуре речи ориентирован на формирование у студентов основ ораторского мастерства, то в связи с этим представляются целесообразными задания, ориентирующие студентов на развитие соответствующих навыков и умений. Эти задания, как правило, связаны с подготовкой сообщений-презентаций и предполагают использование современных информационных технологий. Презентация требует большой подготовительной работы. Темы для презентаций предлагает либо преподаватель, либо студенты выбирают ее самостоятельно с учетом собственных интересов. Предварительно тема согласовывается с преподавателем. Считаем более продуктивным второй путь, поскольку он предоставляет студенту больше самостоятельности. Предпочтение обычно отдается темам, которые позволяют расширить рамки лекционной материала. Подготовка презентации – задача не из простых, так как она должна отвечать определенным, заранее сформулированным преподавателем требованиям (актуальность, цель, содержательность, техника исполнения, соблюдение языковых норм, наличие иллюстративного материала, контакта с аудиторией и др.). Преподаватель оценивает презентации совместно со студентами, в результате чего студенты приобретают навыки оппонирования, которые, безусловно, им пригодятся в дальнейшем. В завершение курса проводится коллективный отбор лучших сообщений, которые рекомендуются для ежегодной студенческой научной конференции в рамках

«Дней науки». Обычно совместная работа преподавателя и студентов продолжается в виде консультаций, целью которых является помощь студенту в подготовке на основе сообщения тезисов для издания в «Вестнике молодых ученых».

Традиционными, но эффективными являются задания, связанные с анализом «отрицательного» языкового материала, с поиском нарушений литературной нормы в текстах, которые студенты самостоятельно отбирают из реальной речевой практики. Источники могут быть самые разнообразные: объявления на улице или в рекламных газетах, названия различных учреждений, реклама на асфальте, на Интернет-сайтах, радио- и телепередачи и др. Отметим, что не все методисты признают целесообразность использования при обучении «отрицательного» языкового материала, тем не менее, если учесть наши задачи, то представляются справедливыми известные изречения: «На ошибках учатся» и «Лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих». Вызывает лишь сожаление, что к анализу «положительного» языкового материала в силу его слабой представленности в пособиях приходится обращаться значительно реже, тогда как именно хорошие тексты, написанные красивым и правильным литературным языком, способствуют воспитанию бережного отношения к родному языку, развивают языковой вкус и языковое чутье, прививают любовь к слову и формируют в конечном итоге творческую языковую личность.

Полезными и отвечающими требованиям, сформулированным в ФГОС ВПО, представляются компетентностно – ориентированные ситуативные задания, связанные с моделированием речевого поведения студентов в различных ситуациях учебно-делового и официального общения (в деканате, на кафедре, в лаборатории, в отделе кадров, в профкоме и т.д.), которые направлены на удовлетворение их повседневных коммуникативных потребностей в учебно-деловой сфере общения и развитие навыков речевого взаимодействия. Такие задания выполняются обычно в форме деловой игры. Их ценность заключается в том, что они позволяют актуализировать не только привычные речевые этикетные формулы, но и ввести в постоянный речевой обиход студентов 1 курса новые для них формулы, характерные для вузовской образовательной среды.

Интерес у студентов вызывает также задание, целью которого является составление речевых портретов, сначала своего речевого портрета в разных жанрах и стилях (в деловом стиле – автобиографию и резюме; в художественно-публицистическом стиле – эссе на тему «Что я хочу рассказать о себе и своей речи»), а затем речевые портреты известных политических и общественных деятелей или своих друзей. Это задание выполняется после ознакомления студентов с особенностями разных стилей. Для того чтобы выполнить это задание, студентам приходится просмотреть и проанализировать видеозаписи нескольких политических телепрограмм. С лучшими работами студенты знакомят всю группу, делая презентации с последующим обсуждением.

В конце обучения мы предлагаем студентам осуществить проектную деятельность – составить программу индивидуального речевого маршрута на ближайшие год или два. В этой программе студент должен сформулировать цели, которые он ставит перед собой на этот период; определить этапы и сроки прохождения каждого этапа; выбрать средства, которые будут использованы для достижения поставленных целей; описать предполагаемые (планируемые) результаты и др.

Одной из основных целей при выполнении предлагаемых заданий является пробуждение и поддержание у студентов интереса к родному языку и, соответственно, развитие мотивации к овладению знаниями и практическими навыками, что даст возможность превратить процесс обучения в более осмысленный и личностно

значимый. Некоторые из рассмотренных заданий нашли отражение в учебниках и учебных пособиях, подготовленных авторским коллективом [4].

Таким образом, подводя итоги, можно констатировать, что воспитание нового поколения, владеющего, кроме профессиональных знаний, общей эрудицией и высокой речевой культурой, является одной из главнейших задач высшего образования на современном этапе его развития. Сегодня благодаря новым подходам к преподаванию языковых дисциплин и новым требованиям, сформулированным в ФГОС ВПО, представляется возможным показать студентам, насколько велика роль родного языка в становлении как отдельной личности, так и в сохранении в чистоте языкового «ландшафта» всего общества. Поэтому общими усилиями мы должны стремиться к тому, чтобы каждый участник образовательного процесса осознал важность созидательной деятельности – «сбережения» нашего общего достояния, переданного нам предшествующими поколениями, почувствовал потребность в постоянной заботе о чистоте языковой среды, которая нас окружает.

Литература

1. *Жданова О. П.* Лингвоэкологический портрет Толкового словаря начала XXI века / Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 65–83.
2. *Копнина Г. А.* Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики /Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 78–89.
3. *Культура русской речи*. Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. 3-е изд., стер. Москва: ФЛИНТА, 2011.
4. *Русский язык и культура речи*: учеб. для студентов-нефилологов высш. учеб. заведений /Н. Т. Свидинская, Л. Г. Кунина, Т. А. Налимова, И. А. Калинина / Под ред. Н. Т. Свидинской. СПб, СПГУПТД. 2009; 2016.
5. *Русская словесность* и вопросы нравственного воспитания студентов: матер. докладов и сообщений ХУП междунар. науч.-метод. конф. СПб., СПГУПТД, 2012.
6. *Скворцов Л. И.* Большой толковый словарь правильной русской речи. СПб.: ДИЛЯ, 2006.
7. *Сковородников А. П*. Вопросы экологии русского языка: уч. пос. Красноярск: Красноярский госуниверситет, 1993.
8. *Сущенко Е. А.* Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. Татарниковой Л. Г. СПб: Петрополис, 2011.
9. *Федеральные государственные образовательные стандарты* высшего профессионального образования по направлениям подготовки бакалавриата. Москва: Минобрнауки, 2012.
10. *Экология языка и речи:* материалы IV и V международных научных конференций / Под ред. А. С. Щербак, Тамбовский государственный университет. Тамбов. 2015; 2016.

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ – БОЛЕЗНЬ» В РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Наумова Наталья
Университет имени Масарика, Чешская Республика
114482@mail.muni.cz

ABOUT REPRESENTATION OF CONCEPT HEALTH – DISEASE IN RUSSIAN AND CZECH LINGVISTIC CULTURES

Naumova Natalia
Masaryc University, Czech Republic

Abstract: *The deepest penetration into the mental world of native speakers in the learning process is facilitated by the consideration of the representation of key concepts of culture, one of which is the concept of health-disease. The article on the material of the National Corpus of the Russian language and the Czech national corpus examines the language objectivization of this concept in Russian linguistic culture in comparison with the Czech language.*

Key words: *koncept, health, disease, cultural linguistics.*

В настоящее время особое значение в процессе обучения иностранным языкам имеет погружение в культуру данного языка, способность воспринять отраженные в языке особенности мироощущения народа. При обучении русскому языку, на наш взгляд, необходимо ознакомление с базовыми культурными концептами, которое помогает объяснить особенности национальной языковой картины мира и способствует развитию межкультурной компетенции иностранных студентов. Речевые ошибки студентов часто бывают обусловлены именно непониманием национальной специфики культуры страны изучаемого языка. Рассмотрение вербальной репрезентации концептов, сопоставление и вычленение универсальных характеристик и специфических особенностей явлений культуры помогает понять особенности этнической ментальности страны изучаемого языка.

Концепт-понятие междисциплинарное, используемое в целом ряде научных дисциплин, в том числе лингвистических: в когнитивной лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии. Концепт как культурное явление, по мнению Ю. С. Степанова, – «*это как бы сгусток культуры в сознании человека, в виде чего культура входит в ментальный мир человека, и, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не творец культурных ценностей – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее*» [4, с. 40.]. В нашем исследовании под концептом понимаются культурные первичные образования, которые выражают объективное содержание слов, имеют смысл и которые передаются в различные сферы деятельности человека [2, с. 102].

В данной статье рассматривается языковая объективация одного из базовых культурных концептов, концепта «здоровье-болезнь», в сопоставлении с его репрезентацией в чешской лингвокультуре.

По мнению Ю. М. Лотмана, принцип бинарной семантической оппозиции представляет собой основу описания языковой картины мира любого этноса: мир делится на своих и чужих, богатых и бедных, врагов и друзей и т.д. [3, с. 227]. Подобной универсалией, по нашему мнению, является когнитивная оппозиция «здоровье-болезнь».

Основными репрезентантами концепта «здоровье-болезнь»/«zdraví-nemoc» являются соответствующие существительные.

Чтобы установить ядро номинативного поля концепта «здоровье – болезнь», были проанализированы словарные статьи лексем «здоровье» и «болезнь» в русских и

чешских толковых словарях[1]. Лексикографическая интерпретация лексемы «здоровье» сводится к следующим определениям: «нормальное состояние организма»; (*заботиться о здоровье*); «самочувствие, то или иное состояние организма» (с*лабое здоровье*). В чешском языке представлено два лексико-семантических варианта слова *zdraví*: «celkový stav organizmu» (*zeptat se na zdraví*)*;* «stav živého organizmu (tělesný n. duševní) bez poruch orgánů» (*duševní zdraví*). Классификатор «благополучие» (*здоровье общества/veřejné zdraví*) представлен в лексикографических источниках весьма незначительно.

Важность здоровья в русской культуре подчеркивает значительная роль соответствующей лексемы в русском речевом этикете. [2]

Формулы речевого этикета включают в себя слова и выражения, употребляемые в различных коммуникативных ситуациях: при встрече и расставании, для выражения сочувствия, просьбы, благодарности и т.д.

В отличие от чешского языка, концепт здоровье широко представлен в русском языке в различных формулах приветствия: *Здравствуй! Здравствуйте*! (ср. с универсальным чешским приветствием *Dobrý den*!) Разговорное приветствие *Здорово*! Используется лишь при неформальном общении, обычно в речи мужчин. *Здорово, ребята! Здорово, Иван*. Менее формальным приветствием в чешском языке можно считать *Zdravím! Zdravím ve spolek*! Глагол *zdravím* переводится на русский язык как *приветствую* а *pozdravit* как *поздороваться*: *Známí je přišli pozdravit a poblahopřát jim k sňatku*. Русский глагол *поздравить* имеет значение «приветствовать по поводу чего-нибудь приятного, радостного». *Хочу поздравить всех игроков, тренеров, весь наш персонал с заслуженной победой*.

Устойчивым сочетанием *Да здравствует!* выражается пожелание благополучия, успеха: *Сцена здесь достаточно большая, и здесь есть наклон, это дает перспективу, а главное, в зале очень приятная камерная обстановка, так что – да здравствует Большой!* В современных СМИ часто используется для выражения иронии: *Да здравствует бюрократия…*Чешским эквивалентом является *Ať žije*! *Ať žije moje vláda! Ať žije škola hrou!* Широкое употребление выражения *Да здравствует!* в период социализма, лозунги, демонстрации, – все это осталось в прошлом и способствовало тому, что данное выражение все чаще употребляется в ироническом или неодобрительном смысле и утрачивает первоначальный контекст – прославление, пожелание успеха и процветания. *Пришла старость, и да здравствует последний стакан воды./ Ať žije povstalecká armáda! Ať žije ten, který dokáže přivolat déšť!*

В эмоциональной речи русских нередки междометия, так слово *здравствуйте/здрасьте* может выражать, например, удивление, непонимание, недовольство: *Здравствуйте, как говорится, приехали… Здрасьте, я ваша теща!*

Один из вопросов, который задается при встрече и на который не предполагается подробный ответ – это вопрос *Как здоровье?* (*Здравствуй, дядя. Как здоровье? Обычный буднично-вежливый разговор*). В чешской культурной традиции используется гораздо реже, обычно исходя из информации о болезни собеседника или с учетом его возраста. *Jak se máš? Co tvé zdraví?*

---

[1] Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка, Скляревская Г. Н., Ваулина Е. Ю. Комплексный нормативный словарь современного русского языка, Словарь русского языка (4-е изд.) / под ред. С. И. Ожегова, Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова, Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost, Akademický slovník současné češtiny, Příruční slovník jazyka českého, B. Havránek. Slovník spisovného jazyka českého.

[2] Речевым этикетом принято называть определенную совокупность требований к содержанию и форме речевого поведения, стереотипные, характерные для конкретной ситуации высказывания, установившиеся в данной культуре.

В русском речевом этикете широко распространены формулы-пожелания *Будь здоров! Будьте здоровы!* Например, при прощании: *А сейчас мне пора. Будь здоров. Спасибо за фрукты.* Пожелания по случаю торжественного события, дня рождения, юбилея: *Я вас всех поздравляю с началом театрального сезона! Будьте здоровы, удачи вам и вдохновения!* Данная формула применяется также как ответ чихнувшему: Будь здоров! В чешском языке: *Na zdraví! Zdravíčko!*

Концепт здоровье репрезентирован также в культуре застолья, конкретно, в тостах: *За здоровье именинницы! Выпьем за твое здоровье*! В чешском языке используются сочетания с предлогом na*: Na zdraví! S radosti si ale tímto vínem připijeme na tvé zdraví a na tvou jistou ruku.*

Таким образом, концепт «zdraví» представлен в этикетных формулах чешского языка далеко не так широко и разнообразно, как в русском речевом этикете.

Народное восприятие здоровья как ценности и дара Божьего отражено в паремиях и фразеологизмах: *Здоровье дороже богатства. Здоровью цены нет. Здоровье не купишь. Лучше быть бедным и здоровым, чем богатым и больным. Было бы здоровье, а остальное приложится. Бог дал жизнь, Бог даст и здоровье./ Zdraví nad všechny poklady. Zdraví penězi nezaplatíš. Zdravý žebrák je šťastnější než nemocný král Bůh dal život, Bůh dá i zdraví.*

Изучение сочетаемости лексемы «здоровье» показало следующие наиболее употребляемые варианты:

с прилагательными: крепкое, хорошее, плохое, слабое, духовное, физическое, отменное, психическое, ментальное, оптимальное, богатырское, могучее; (чеш. pevné, dobré, špatné, slabé, duševní, psychické, sociální, ženské, finanční, vnitřní, křehké, lepší, plné, sexuální, veřejné, lidské);

с глаголами: беречь, заботиться, укреплять, поправить, сохранить, улучшать, опасаться, спрашивать, справляться, узнавать, вернуть, восстанавливать, жаловаться, тревожиться, разрушать, потерять, повредить;(чеш. šetřit, podporovat, uchovat, ničit, ohrozit, navrátit, připravit, posílit, zlepšovat, chránit, zanedbávat, škodit, narušovat, zachovat, prospívat, ničit, ptát se, připíjet);

с другими существительными: забота, охрана, ценность, человек, мать, дети, ребенок, родители, потеря, люди, нация, население; (чеш. peče, podpora, ochrana, ohrožení, vliv, problematika, rozvoj, zákon, udržení, obyvatelstvo, nedostatek, obavy, újma, celistvost, posilování, zlepšení, podstata, ublížení, škoda, návrat, zájem, ekonomika, ukazatel).

Итак, здоровье в русской и чешской лингвокультурах представляет собой самую большую ценность, сокровище, дар Божий, его следует *беречь, укреплять, улучшать*, о нем *спрашивают, справляются, узнают, тревожатся*. Анализ языкового материала показал, что в русской культуре более широко выражена градуальность здоровья: *богатырское, могучее, отменное, крепкое, оптимальное, хорошее, слабое, плохое здоровье*. В Чешском народном корпусе зафиксировано восприятие здоровья как социально значимого феномена: *sociální, finanční, vnitřní, veřejné, sexuální, ženské, lidské zdraví.* Если в русской культурной традиции самыми важными являются вопросы здоровья членов семьи (*здоровье родителей, здоровье ребенка*), то в современной чешской ментальности не менее важными становятся вопросы здоровья человека как члена общества: *podstata zdraví, zákon o ochraně zdraví, vliv na zdraví obyvatelstva, problematika zdraví.*

Для определения общеязыковых значений лексемы «болезнь» вновь обратимся к словарным толкованиям, которые дают «*возможность вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы*» [1, с. 42]. По данным указанных выше лексикографических источников болезнь понимается как

«расстройство здоровья, нарушение деятельности организма» *(детские болезни*); «заболевание» (*освобожден от работы по болезни*); «отклонение от нормы» (*скупость – болезнь старости)*. В чешских толковых словарях выделены следующие основные значения слова nemoc: «porucha v zdravotním stavu těla, porucha zdraví» (*upadat z nemoci do nemoci*); «choroba» (*těžká, nakažlivá nemoc*); «vášnivé zaujetí, vášeň» (*cestování je u někoho nemoc*). Основными классификаторами концепта «болезнь», таким образом, можно назвать нарушение деятельности организма и отклонение от нормы.

Болезнь как в русской, так и в чешской культурах представлена в виде злой силы, которая может появиться внезапно, вне зависимости ни от возраста человека, ни от его социального положения*: Болезнь человека не красит. Болезнь скачет в дом на переменных, а выбирается на долгих. / Nemoc na koní přijíždí, a pěšky odchází.*

Наиболее заметное отличие в восприятии феномена болезни заключается в предлагаемых средствах лечения и профилактики. Главным средством от всех болезней русский народ считал баню: *Баня – мать вторая, кости распарит, все тело поправит. В бане помылся – что омолодился! В который день паришься, в тот день не старишься.* У чешского народа подобной традиции нет; в данной ситуации мы сталкиваемся с проблемой лакунарности, когда для лексемы «баня» невозможно найти эквивалент в чешском языке (чешское толкование *ruská sauna* не является тождественным слову *баня*).

Для того, чтобы предупредить болезнь и сохранить здоровье, по мнению прагматичных чехов, нужно вовремя обращаться к врачу: *Běhej k doktorovi dřív, než nemoc přiběhne za tebou. Lépe předcházet nemoci, než je léčit.*

Есть также верные средства, как не заболеть и оставаться здоровым:

Держи голову в холоде, живот в голоде, а ноги в тепле. Хрен да редька, лук да капуста – лихого не попустят. Чеснок и лук спасают от семи недуг.

Чешский народ уверен, что для профилактики болезни необходимо есть хлеб и фрукты: *Chléb a ovoce zažehná mnohé nemoce.* Важно также быть оптимистом: Veselá *mýsl, půl zdraví*.

В Национальном корпусе русского языка зафиксированы следующие варианты сочетаемости лексемы «болезнь»: с глаголами: предупредить, обостриться, идти, расти, привести, выбирать, заставить, загонять, подступить, приобрести, уничтожать, развиваться, уйти, навалиться, затянуться, перенести, одолевать, впасть, лечить, победить, возникать, бороться, распространяться, отступить, вернуться. Приведенные глаголы подтверждают восприятие болезни как врага, который может *подступить, уничтожить, навалиться, одолевать, победить, отступить*. Если сравнить с чешскими глаголами, то можно констатировать преобладание значения «неожиданность действия, внезапность» – vypuknout, vyskytovat se, dostat, objevit se, začít, zastavit, zavinit, postihovat, způsobovat, sebrat, rozšířit se, přenést, překonat. Образ болезни – злодейки подчеркивается также множеством глаголов движения: přijít, probíhat, přecházet, odcházet, opustit, přinést, vrátit se.

Качественные характеристики болезни наблюдаем в сочетаниях с прилагательными: неожиданная, тяжелая, хроническая, неизлечимая, необычная, коварная, душевная, долгая, телесная, недавняя, страшная, сердечная, опасная, наследственная, возрастная, ужасная, изнурительная, воображаемая. В чешском языке: choulostivá, nečekaná, vážná, zhoubná, vzácná, psychická, smrtelná, těžká, strašná, zákeřná, záludná, zlá, nevyléčitelná, zánětlivá, typická. Сочетания с прилагательными характеризуются высокой культурной информативностью: болезнь – это опасный и хитрый враг, что подчеркивается большим количеством прилагательных с отрицательной коннотацией: неизлечимая, коварная, страшная, опасная, ужасная, изнурительная/ nevyléčitelná, těžká, zákeřná, strašná, zlá, záludná, smrtelná.

Одной из особенностей русской языковой картины мира является, как известно, фаталистическое отношение к происходящему. Восприятие болезни, как явления, которое не зависит от воли человека, находит языковую объективацию в безличных глаголах (*нездоровиться, недужиться*) и сочетаниях типа *меня лихорадит; мне нехорошо* (ср. с чеш. *Mám zimnici*; *není mi dobře*) или *у меня температура; у меня насморк* (*mám teplotu; mám rýmu*).

Таким образом, обучение русскому языку иностранных студентов может быть продуктивным лишь с учетом развития их культурологической компетенции. Сопоставительный анализ вербальных репрезентаций концепта «здоровье-болезнь» позволил выявить общее и отличное в восприятии феноменов здоровья и болезни у русских и чехов.

Изучение репрезентации концептов, являющихся основной единицей ментальности, использование методов контекстуального и словообразовательного анализа, моделирование диалогов, подбор соответствующих дидактических материалов поможет студентам лучше представить специфику русской языковой картины мира, тем самым делая учебный процесс более эффективным и полноценным.

Литература

1. *Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.
2. *Лотман Ю. М.* Об искусстве. СПб.: Искусство, 1998.
3. *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
4. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: опыт исследования. Москва, 1997.
5. *Национальный корпус* русского языка. / URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения: 11.2.2018).
6. *Český národní korpus.* / URL: https://www.korpus.cz/ (дата обращения: 11.02.2018).

К ВОПРОСУ О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Петрова Ирена
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
i.kostadinova@shu.bg

TEACHING LANGUAGE FOR SPECIFIC PURPOSES TO A FOREIGN AUDIENCE

Petrova Irena
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The rapid development of technologies and increased contacts between partners at world level are the cause of the increasing indispensability in studying professional languages of various areas of a public life. A large number of textbooks and manuals for learning languages for specific purposes is being created. The questions of selection of a content, curriculum for learning Russian as a foreign language for special purposes in the field of Cosmetology and Cosmetic industry represent a big interest.*

Key words: *Russian language for specific purposes, educational content, programs.*

Интерес к преподаванию иностранных языков для специальных целей многократно увеличился в последние десятилетия. Причинами подобного интереса являются значительное расширение международного сотрудничества в различных сферах человеческой деятельности, глобализация мировой экономики и быстрое увеличение профессиональных и научных контактов между людьми из разных стран. Сопровождающее этот процесс многократное увеличение объема обмена научно-технической информацией на иностранном языке приводит к необходимости в переосмыслении подходов к преподаванию иностранного языка (в том числе – и русского) для специальных целей.

В Словаре методических терминов язык для специальных целей определяется, как «принятое в современной лингвистике и лингводидактике обозначение разновидности литературного языка, обслуживающего профессиональное общение» [1, с. 359]. Реализация коммуникативной направленности преподавания русского языка как иностранного выдвигает на передний план вопрос о работе во время учебного процесса по моделям, которые обслуживают соответствующий язык специальности. Учет их особенностей на всех уровнях языковой системы, и на основе сфер, тем и ситуаций, в которых осуществляется общение на изучаемом языке в указанной области, является важным компонентом обучения. Все это обуславливает достижение как практических, так и образовательных, и развивающих целей, которые стоят перед преподаванием русского языка как иностранного и в частности перед обучением языку для специальных целей.

Мотивом овладения профессиональным языком в определенной сфере общественной деятельности, является желание и необходимость продолжить контакты с представителями своей профессии и рода деятельности из другой страны, с носителями другой культуры. Овладение языка специальности позволяет успешно решить профессиональные, деловые задачи, повысить уровень профессионального общения; развивать различные идеи; использовать мировой опыт; общаться с представителями профессиональных сообществ в глобальном масштабе; познакомиться представителями других культур, с идеями и достижениями в области взаимных профессиональных и деловых интересов. Все это означает, что изучение специализированного иностранного языка мотивируется профессиональными интересами и намерениями и осознанной практической потребностью.

Сказанное выше относится вполне оправданно и к профессиональному языку, который используется в сфере косметологии и косметической промышленности. Продукцией косметической промышленности являются разнообразные косметические средства. Косметика – «это комплекс гигиенических, лечебных и декоративных мероприятий, направленных на поддержание красоты человеческого тела или устранение косметических дефектов» [2], а также сами изделия, которые используются для этих целей. Производятся огромные количества традиционных, новых и инновационных косметических средств. Мы являемся свидетелями постоянного изучения, обновления, улучшения и совершенствования подходов и технологий для ухода, поддержания и совершенствования человеческого тела с помощью изделий косметологии. Производство косметических изделий является одной из ведущих отраслей легкой промышленности в глобальном масштабе. Оно использует достижения научных и практических исследований в косметологии. «Косметология – это научная дисциплина, изучающая методы диагностики, профилактики, лечения заболеваний и устранения косметических недостатков кожи, врожденных и приобретенных дефектов головы, лица и тела, а также осуществляющая проверку косметических средств, создаваемых и выпускаемых косметической промышленностью, на их безвредность» [3, с. 9].

Все больше косметических компаний и брендов появляются на рынке, они стремятся активизировать свои контакты с другими компаниями, в том числе – и в зарубежных странах. Консолидируются производства, увеличивается объем косметических линий, налицо тесное сотрудничество между многими из них.

Примером такой быстро развивающейся компании является предприятие «Лавена» АО – Шумен. Его коллектив – молодой, но амбициозный, и хорошо подготовленный в своей профессиональной области, как в производственных линиях, так и в администрировании. Предприятие поддерживает деловые контакты и рынки сбыта, как на территории страны, так и в 43 странах мира, среди которых и Россия. Проблемой, однако, является общение с партнерами фирмы из России, поскольку сотрудники имеют очень низкий или нулевой уровень знания русского языка. По этой причине руководство предприятия проводит политику обучения своих сотрудников иностранному, и в частности – русскому языку, с целью облегчения и увеличения способности осуществлять контакты каждого члена коллектива с российскими партнерами компании. Стремлением является и улучшение понимания различных (по объему, тематике и сложности) текстов на русском языке, с которыми приходится работать специалистам в отдельных подразделениях и цехах производства.

С такой целью на предприятии был проведен курс по русскому языку для специальных целей – ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УРОВЕНЬ – А1, который, после согласования с руководством предприятия, содержит языковые модели и специальные темы и ситуации, которые обслуживают язык косметической промышленности.

При составлении учебной программы было необходимо решить некоторые задачи содержательного и организационного характера. Учебное содержание, с одной стороны, за короткое учебное время (50 учебных часов), должно поставить основы языковой подготовки по русскому языку, так, чтобы к концу курса учащиеся владели языком на элементарном уровне. С другой стороны, обучаемые должны достичь такого уровня владения языком, чтобы на момент завершения учебного времени учащиеся умели: общаться на различные темы и в различных ситуациях ежедневного общения; читать и понимать тексты, которые связаны с различными этапами производства косметической продукции; знать названия частей человеческого тела; познакомиться с названиями косметических продуктов, с их составом и действием, с требованиями к ним производственного, медицинского и эстетического характера.

Как известно, методика преподавания русского языка как иностранного должна опираться на данные лингвистики. Роль лингвистики является особенно актуальной при определении содержания обучения, оптимального расположения учебного материала, оптимального способа введения этого материала, а также при выборе системы упражнений. В методике преподавания русского языка принято говорить о языковом и речевом материале, который должен быть отобран по определенным правилам и критериям, а также методически организован в соответствии с принципами применяемых методов и предусмотренных целей обучения.

Для методики развитие этого направления исследований и практики преподавания представляет серьезный интерес, который связан с необходимостью обеспечить достаточно хороший уровень владения языком, чтобы учащиеся могли на начальном уровне, воспринимать и продуцировать разнообразные тексты в области косметологии и косметики. В этом плане анализ и интерпретация опыта преподавания русского языка для специальных целей с целью подготовки, в соответствии с общепринятыми европейскими уровнями владения иностранными языками и преподаванием иностранных языков для специальных целей, представляются особенно интересными. На основе существующих традиций, в этом отношении в болгарской школе успешно обеспечивается качественная подготовка учащихся по русскому языку для специальных целей и реализуются современные принципы преподавания и изучения.

Начальный этап преподавания русского языка как иностранного, как известно, характеризуется большой интенсивностью при овладении языком, он является относительно замкнутым циклом обучения, обладающим специфическими целями, содержанием и методами обучения. На этом этапе учащиеся накапливают знания и умения, связанные с фонетической системой языка, накапливается лексический запас, вводятся элементарные грамматические конструкции. Начальный этап обучения характеризуется еще и тем, что учебное содержание строго ограничено, отбор лексического и грамматического материала, последовательность его презентации для изучения предопределены необходимостью решения той или иной коммуникативной задачи. Другой характерной чертой этого этапа является то, что допускается введение определенных конструкций без объяснения правил, они предусмотрены только для запоминания. Лексический материал для овладения отбирается с точки зрения специфики словаря, обслуживающего данную профессиональную область. При выборе материала также применяются основные принципы отбора лексических единиц, принятых в методике обучения иностранным языкам: «семантическая ценность, частотность, ситуативно-тематическая принадлежность, сочетаемость, словообразовательный потенциал, учебно-методическая целесообразность, аппроксимация иноязычной деятельности (т.е. допущение некоторых ошибок в речи, не нарушающих коммуникацию) и др.» [3, с. 74].

Основываясь на названных исходных позициях, была создана Учебная программа по русскому языку для специальных целей в области косметологии и косметики[1]. Условно программу можно разделить на две части. Первая имеет своей целью ознакомление учащихся с произношением русского языка; произносительные нормы отрабатываются как на основе общеупотребительных слов, так и слов, которые используются в специализированном языке косметологии и косметической промышленности, происходит закрепление произносительных навыков на уровне

[1] Учебная программа составлена преподавателями Кафедры русского языка в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского – доц. д-р Ст. Калева, д-р. И. Петрова, д-р Т. Терзиева.

слова, словосочетания, короткого текста. Таким образом, одновременно с овладением фонетической системой русского языка, осуществляется первоначальное накопление лексических единиц, связанных с тематической областью косметики и косметологии. Одновременно с этим вводятся и языковые структуры русского речевого этикета, которые употребительны особенно в языке деловой речи: этикет знакомства с посредником и без посредника с практикумом по теме; этикет повседневного общения: специфика обращения в русском языке и русской именной системы; формулы приветствия и прощания, поздравления, извинения, пожелания и др. Практикум отрабатывает оформление визитной карточки, резюме (CV) на русском языке, письменный текст в форме эссе; этикет телефонной и электронной коммуникации по телефону на русском языке; с деловой речью связаны формулы презентации фирмы, предложения о сотрудничестве; запроса; рекламации и др.

Кроме того, вводятся и усваиваются некоторые темы общественной сферы, например: сообщение личной информации в устной и письменной форме: имя, возраст, профессия, место работы, должность, семейное положение. В упражнениях отрабатываются и грамматические классы, которые обслуживают эти тематические области: личные местоимения, притяжательные местоимения; количественные числительные до 100; грамматические конструкции: числительное + год/года/лет; винительный при именах: ***Кого*** *как зовут?;* Винительный падеж в конструкции: *Отвечать за что?;* Дательный падеж возраста: ***Кому*** *сколько лет?;* Предложный падеж при выражении местонахождения: *Кто* ***где*** *живет (работает, учится);* Творительный падеж при выражении профессии: *Кто* ***кем*** *работает? Кто* ***чем*** *занимается?* Кто ***чем*** *интересуется?;* а также общая информация о русском глаголе и спряжении некоторых глаголов.

Последующие разделы учебной программы содержат лексический материал и грамматические конструкции, связанные с определенным разделом косметологии, который позволяет изучать языковые структуры комплексно. Так, например, четвертая тема содержит следующие подразделы: структура человеческого тела, описание частей тела; описание головы и частей человеческого лица. Вводятся основные грамматические категории: род имени существительного и способы его определения; множественное число слов, обозначающих части человеческого тела; прилагательные имена, их распознавание и изменение в роде и числе. Далее рассматриваются группы косметических средств, виды косметических средств по назначению, способу применения, по составу, по действию, в зависимости от целевой группы, которая может их использовать. Отрабатываются грамматические конструкции предназначения: *Средства для кого? чего? Средство от чего?;* конструкции: *Что содержит что? Что включает в своем составе что? Что входит в состав чего?* и др.; конструкции обобщенного субъекта; возвратные глаголы; повелительное наклонение 1 л. мн. ч., 3 л. мн. ч.; конструкции *можно/нужно/следует что-нибудь делать/сделать; нельзя/не следует чего-нибудь делать.*

Во время занятий используются различные упражнения, которые способствуют отработке, закреплению и активизации языковых навыков. Иммитативные, подстановочные, трансформационные и репродуктивные задания направлены на формирование у учащихся языковой, речевой и коммуникативной компетентности на данном этапе обучения и в профессиональной сфере косметологии и косметики.

На языковом уровне целью было введение, овладение и активизация начальных знаний по фонетике и грамматике русского языка, акцент ставился на овладение широкого круга лексических единиц, которые входят в состав терминологии по косметологии и косметике, а также на грамматические модели, которые обслуживают указанные тематические области.

Представляемая программа предназначена для специалистов в области косметологии и косметики. После завершения обучения учащиеся овладели основной профессиональной терминологией, в значительной степени обогатили свои знания и умения работы с технической документацией, могли представить себя и свою компанию, а также вести устную и письменную коммуникацию, общаться на русском языке на профессиональные темы; воспринимать и понимать тексты по специальности и извлекать основную информацию из них; составлять элементарные рекламные тексты. Это означает, что они овладели умениями достаточно свободного использования самых употребительных языковых средств в четырех видах речевой деятельности: говорение, аудирование, письменная речь, чтение; приобрели навыки самостоятельной работы с текстами по специальности: умеют понимать, интерпретировать и использовать их при общении на профессиональные темы.

Итак, процесс обучения русскому языку как иностранному для специальных целей характеризуется комплексностью и многоаспектностью. Эффективность его реализации зависит от подготовительной работы, от отбора языкового материала, от выбора методических подходов в преподавании, от тщательной разработки программы, которая соответствует целям обучения на данном этапе, от осмысления каждого шага, который предпринимается для реализации этой программы.

Таким образом, мы считаем, что ожидаемый результат по итогам проведения курса русского языка для специальных целей в компании «Лавена» – АО на элементарном уровне, был достигнут. Задачей дальнейшей работы и научных исследований является вопрос об упорядочении, составлении и реализации такого курса для достижения последующих уровней владения языком для специальных целей в сфере косметологии и косметики.

Литература

1. *Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Икар, 2009. 448 с.
2. *Большая Медицинская Энциклопедия* (БМЭ). Т. 11., / Под ред. Петровского Б. В., 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1974. 544 с.: с ил.; / URL: http://xn–90aw5c.xn–c1avg/index.php/%D0%9A%D0%9E%D0%A1%D0%9C%D0%95%D0%A2%D0%98%D0%9A%D0%90 (дата обращения: 24.01.2018 г.).
3. *Дрибноход Ю.* Введение в косметологию. Учебник для косметологов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 352 с.: с ил.
4. *Методика преподавания* русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов. / Под ред. А. Н. Щукина. Москва, 1990. 231 с.

УЧЕБНИК РКИ КАК ИНСТРУМЕНТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ: ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ.

Сафонова Виктория
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия
euroschool@mail.ru

RUSSIAN-AS-A-FOREIGN-LANGUAGE COURSE-BOOKS AS MEANS OF STUDENTS' INTERCULTURAL TRAINING: ECOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL PROBLEMS IN DESIGN

Safonova Victoria
Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract: *The article looks at some key issues on designing innovative course-books for students learning Russian as a foreign language and who are to use it as a means of intercultural communication in Russian environment. The author focuses on the concepts of intercultural communication, the Russian World & ecolinguadidactics and their importance for the theory of course-book design.*

Key words: *Russian as a FL, course-books design, ecolinguadidactics.*

Готовность к межкультурному взаимодействию является одной их универсальных компетенций, предназначенной для формирования у выпускников высшей школы. Однако, пока еще, как показывает анализ учебников и учебных пособий по русскому как иностранному /РКИ/ за 2013–2016 гг. [12], они все еще проектируются без учета особенностей обучения русскому языку /РЯ/, как языку международного, а не только национального общения, поликультурной составляющей Российской Федерации, не говоря о принципах обучения РКИ в контексте диалога культур и цивилизаций [7; 10; 11]. Причем, на эти проблемы в области РКИ все больше и больше обращается внимание в лингводидактическом сообществе [2; 8; 12]. В определенной степени, это является следствием неразработанности теории проектирования учебной литературы по РКИ именно для подготовки студентов к межкультурному общению на иностранном языке, хотя в конце восьмидесятых М. Н. Вятютневым [5], а затем и А. Р. Арутюновым [1] впервые были поставлены вопросы о терии учебника РКИ в контексте коммуникативного подхода к обучению РЯ. Между тем, в настоящее время требуется дальнейшая разработка теории проектирования учебной литературы по РКИ с учетом социокультурного бытия современного человека в новом тысячелетии, а также инноваций в общеевропейской и в национальных теориях и методиках языкового образования средствами иностранного языка /ИЯ/. Эти вопросы и хотелось бы обсудить в этой статье.

Однако, прежде, чем говорить об учебнике РКИ как инструменте подготовки к межкультурному общению, важно определить, какое именно межкультурное общение имеется в виду. Русский язык, как известно, относится к клубу международных языков, и поэтому на нем студенты отделений РКИ будут общаться как с носителями, так и с не-носителями русского языка в таком глобальном образовании, как Русский мир, да и за его пределами. И, в этом случае, при проектировании учебной литературы по РКИ *межкультурное общение на РЯ* будет представлять собой функционально обусловленное коммуникативное межкультурное взаимодействие людей, которые выступают носителями разных культурных/культурно-языковых сообществ в силу осознания ими или другими людьми их принадлежности к разным геополитическим, континентальным, региональным, религиозным, национальным и этническим сообществам, а также социальным субкультурам (возрастной, городской, сельской,

профессиональной, стратификационной субкультурам, включая их интернет-разновидности). Партнеры по межкультурной коммуникации могут отличаться друг от друга в отношении ценностно-ориентационного мировидения, образа и стиля жизни, поведенческих сценариев вербального и невербального общения. И, следовательно, при проектировании учебных изданий по РКИ, начиная с общеевропейского уровня В2, уже необходимо выходить за рамки коммуникативно-этнографического подхода к обучению ИЯ [22] и ему подобных, переходя к подходам с *поликультурной* составляющей, например, социокультурному [10; 11], или плюрилингвальному подходам [19; 20; 21]. В противном случае учебные издания не смогут выступать инструментом подготовки студентов к межкультурной коммуникации в современном глобализованном мире, даже в пределах Русского мира, поскольку последний является глобальным, транснациональным и межконтинентальным образованием [3; 4; 14], включающим поликультурную Россию и не менее поликультурное зарубежье [3]. В его цивилизационном социокультурном пространстве функционируют поликультурные сообщества, идентифицирующие себя с разными духовными и ментальными признаками русскости, с русской культурой и языком, являясь при этом в разной степени коллективными создателями русского капитала как совокупности культурных, интеллектуальных и организационных потенциалов, находящих выражение в мышлении и коммуникационных ресурсах русского языка [16]. Последнее положение, безусловно, нацеливает на моделирование учебного пространства на РЯ *по принципу расширяющегося круга культур и цивилизаций* от этнических, суперэтнических к региональным, континентальным культурам и к мировому культурному наследию с включением социальных субкультур (начиная с порогового уровня В1) и цивилизационных пластов, а также современных геополитических образований (начиная с уровня В2). Причем, важно осознание студентами не только социокультурных, но и культурных мостов между народами, странами, континентами и цивилизациями. Только в этом случае становится возможным сформировать у них понимание общего и специфического между общепланетарным компонентом человеческой культуры и социокультурными особенностями ее проявления в Русском мире. Однако пока в существующей учебной литературе по РКИ, даже для обучающихся с уровнями коммуникативного владения В2–С1, это не находит своего методического воплощения.

Проектирование учебной литературы для подготовки к межкультурной коммуникации на РЯ даже в повседневно-бытовой сфере представляет собой чрезвычайно сложную методическую задачу, не говоря о подготовке к участию в академической и профессиональной сферах на РЯ, что влечет за собой при создании учебников не просто интеграцию коммуникативно-деятельностного подхода с социокультурным [10; 11] или плюрикультурным [19; 20] подходами, а требует решения в их контексте методических задач по созданию инновационной учебной литературы с учетом а) *социокультурного контекста изучения ИЯ* современными студентами [11], и обучения РКИ в разных дидактических контекстах; б) *мировых направлений развития современного языкового образования* (усиление в нем поликультурной составляющей, необходимость его поуровневой стандартизации, безальтернативность опоры на поликультурную Интернет-среду, поиск путей методической гармонизации формального и неформального образования с активным подключением самообразования в процесс развития коммуникативной культуры индивида средствами всех языков, рост потребностей в построении билингвальных моделей обучения ИЯ с усилением их культуроведческой, культуротворческой и миротворческой функций, усиления методического содружества при обучении разных ИЯ, дидактически сопряженных в учебном процессе); в) *национальных*

образовательных приоритетов (что подчеркивается в работах Дж. Баба-Заде и Н. Манету [2; 8], а также *культурного образовательного наследия*. Только в этом случае РКИ сможет внести свою достойную лепту в отход современного мира от «не-диалога культур» [6, с. 213–214] и переходу к «диалогу культур» [6, с. 213].

Причем, при проектировании инновационной учебной литературы по РКИ как инструмента межкультурной подготовки для общения в Русском мире и за его пределами перед ее разработчиками со всей остротой встают следующе вопросы: будет ли она способствовать укреплению плодотворного культурного и экономического партнерства в Русском мире между Россией и зарубежными странами? Действительно ли конкретное учебное издание по РКИ вносит достойный вклад в подготовку иностранных студентов к межкультурному взаимодействию в поликультурном русскоязычном мире? Насколько тот или иной учебник/ учебное пособие представляет культурно полноценный (неискаженный) образ России и россиян, других представителей Русского мира? Между тем, анализ учебной литературы 2013–2016 гг. [12] вскрыл многочисленные культурные и культуроведческие искажения в текстотеке и визуальном пространстве целого ряда учебников по РКИ [см., например, 9; 13; 15; 17], что увеличивает возможность возникновения негативного социализирующего влияния на представления студентов о России и россиянах, и ,соответственно, впоследствии вызывать существенные коммуникативные сбои, вплоть до коммуникативного и/или культурного отторжения партнеров по межкультурной коммуникации. Культурные и культуроведческие искажения, авторский социокультурный суррогат (проявляющийся в создании таких учебных текстов и визуальных образов, которые дают абсолютно ложное представление о России и россиянах), вербальная и невербальная псевдоинформация, включение элементов языковой эрозии (например, намеренная жаргонизации авторами собственных учебных текстов [см., например, 13] относятся именно к тем факторам, которые негативно влияют на коммуникативно-речевое и социокультурное развитие личности студента средствами РКИ. Иными словами, все это ставит вопрос о необходимости интенсификации исследований не только в области эколингвистики [23], но и эколингводидактики.

И прежде, чем приступить к созданию учебной литературы по РКИ для подготовки к профессиональной межкультурной коммуникации необходимо осуществить лингводидактический мониторинг учебных изданий, предназначенных для разных уровней университетского образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура) с учетом планируемых результатов на каждом из них в терминах общеевропейских уровней и с использованием обновленных общеевропейских оценочных шкал 2017 г. [подробнее см. 20; 21], с целью выявления всей совокупности факторов, которые могут оказывать неблагоприятное влияние на образовательное пространство при обучении РКИ. Как показал ранее упомянутый анализ печатной продукции по РКИ, среди этих факторов наблюдаются: 1) насаждение в текстотеке учебного издания социокультурно окрашенных идеологем автора учебника с отрицательной коннотацией в отношении России и представителей ее разных социальных страт; 2) неоправданная «жаргонизация» авторских учебных текстов; 3) появление социокультурного суррогата в представлении России и некоторых представителей из прошлого или настоящего страны; 4) проявление социокультурной предвзятости при создании автором или издательством визуального пространства учебника; 5) превращение упражнений и заданий в осознанный или неосознанный способ социокультурного манипулирования сознанием студентов.

Причем, зачастую это является следствием игнорирования авторами методологических и методических принципов культуроведчески-ориентированной

коммуникативной методики обучения РКИ [7, с. 490–498]. Развитие эколингводидактики как научного направления открывает новые перспективы как в частной теории создания качественной учебной литературы по РКИ (которая не будет способствовать загрязнению учебной культурно-языковой среды), так и в общей теории и практике обучения межкультурному общению средствами РКИ.

Литература

1. *Арутюнов А. Р.* Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. Москва: Русский язык, 1990.
2. *Баба-Заде Дж.* Лингвометодические основы базового учебника практического курса русского языка для студентов-филологов вузов Ирана: Автореф. дис. … канд. пед. наук. Москва. Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, 2005.
3. *Баба-Заде Дж.* Новый тип учебника русского языка для студентов,изучающих русский язык в Иране:проблемы и принципы создания // Pazhuhesh e Zabanha ye Khareji. 2007б № 35, Special Issue, Russian. С. 23–30. / URL: http://www.bio.spbu.ru/science/scienceinfo/el_resourse.php (дата обращения: 07.02.18.)
4. *Батанова О. Н.* Русский мир и проблемы его формирования: автореф. дис. ….канд. полит. наук. Москва, Рос. академ. гос. службы при Президенте РФ, 2009.
5. *Батанова О. Н.* Русский мир как реальность и глобальный проект // Право и политика. 2008. № 12. С. 3017–3021.
6. *Вятютнев М. Н.* Теория учебника русского языка как иностранного. Москва: Русский язык, 1984.
7. *Каган М. С.* Мир общения. Проблема межсубъектных отношений. Москва: Политиздат, 1988.
8. *Диалог культур*. Культура диалога. Человек и новые социогуманитарные ценности: коллективная монография / Отв. ред. Л. Г. Викулова, Е. Г. Тарева. Москва: НЕОЛИТ, 2017.
9. *Манету Н.* Лингвометодические основы учебника русского языка для образовательной системы Сенегала: Автореф. дис.канд. педагогич. Наук. Москва, РУДН, 2010.
10. *Москвитина Л. И.* В мире новостей: учебное пособие по развитию навыков аудирования на материале языка средств массовой информации (продвинутый этап). Ч.2. СПб.: Златоуст, 2013.
11. *Сафонова В. В.* Изучение языков международного общения в контексте диалога культур и цивилизаций. Воронеж: Истоки, 1996.
12. *Сафонова В. В.* Социокультурный подход: основные социально-педагогические и методические положения. Иностранные языки в школе. 2014. №11. С. 2–13.
13. *Сафонова В. В.* Комплексный подход к оценке качества учебной литературы для обучения русскому языку как иностранному // Русистека без границ. 2017. №2. с. 87–117.
14. *Скороходов Л. Ю., Хороходина О. В.* Окно В Россию: учебное пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа. В двух частях. Ч. 1. 2-е изд. СПб: Златоуст, 2012.
15. *Тишков В. А.* Русский мир: смысл и стратегии // Стратегия России. 2007. №7(июнь). URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1185274651&archive=1185275035 (дата обращения: 09.02.18).
16. *Чернышев С., Чернышева А.* Поехали! Русский язык для взрослых. Базовый курс. Т.2. 3-е издание. СПб: Златоуст, 2015.
17. *Щедровицкий П. Г.* Русский мир // Независимая газета. 2000. От 11.02.2000. / URL: http://www.ng.ru/ideas/2000-02-11/8_russian_world.html (дата обращения: 07.02.18).
18. *Эсмантова Т. Л.* Русский язык. 5 элементов. Уровень А1 (элементарный). СПб: Златоуст, 2011.
19. *Council of Europe*. Common European Framework of Reference: Learning, teaching, assessment. Cambridge: CUP, 2001.
20. *Council of Europe.* Guide for the development and implementation of curricula for plurilingual and intercultural education / J.-Cl. Beacco, M. Byram, M. Cavalli, D. Coste, M. E. Cuenat, Fr. Goullier and J. Panthier.
21. *Council of Europe.* CEFR Illustrative Descriptors. Extended Version 2016. Pilot Version for Consultation. Strasbourg: Language Policy Unit, 2016.
22. *Council of Europe* Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Companion Volume with New Descriptors. Provisional Edition. Strasbourg: Language Policy Programme, Education Policy Division, Education Department, Council of Europe, 2017.
23. *Language Learning* in Intercultural Perspectives: Approaches through drama and ethnography / edited by Michael Byram and Michael Fleming. Cambridge: CUP, 1998.
24. *Stibbe A.* Ecolynguistics: Language Ecology and Other Stories We Live by. New York: Routledge, 2015.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ОБУЧЕНИИ РКИ (НА БАЗЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ)

Стоянова Таня
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Россия
tystoyanova@pushkin.institute

PHRASEOLOGY IN TEACHING RUSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (ON THE MEDIA TEXTS)

Stoyanova Tanya
Pushkin State Russian Language Institute, Russia

Abstract: *The article deals with the possibility using phraseological units in the process of teaching Russian as a foreign language and the perspectives of studying fixed expressions on the media texts in the aspect of forming lexical and communicative competences. Phraseology in the course of Russian as a foreign language improves the foreign students` ability to comprehend and communicate with the native Russian.*
Key words: *idiom, phraseological units, Russian as a foreign language, media texts.*

Проблемы фразеологии, фразеологического состава языка активно рассматривались в работах классиков языкознания (Ш. Балли, В. В. Виноградов, С. И. Ожегов, Н. М. Шанский, А. И. Молотков, А. М. Бабкин, В. П. Жуков и мн. др.). Они актуальны и в настоящее время. Появляются новые направления в рамках фразеологии: например, лингвокультурологическое (В. Н. Телия, В. А. Маслова, А. М. Мелерович, Т. З. Черданцева). В их исследованиях встречаем разные термины для обозначения единиц фразеологии – фразеологизм, фразеологическая единица (ФЕ), идиома, устойчивое выражение. Фразеологизмы свойственны всем языкам. Их сложная природа определяет особое место в системе языка, она обусловлена такими чертами как раздельнооформленность, устойчивость, воспроизводимость, образность и экспрессивность.

Вопрос о границах фразеологии не имеет окончательного решения. Согласно широкому пониманию, ее объем не ограничен только единицами, которые выделяет В. В. Виноградов (по степени семантической спаянности) [1, с. 121–137]. В нее входят и фразеологические единицы, и речевые клише, и пословицы и поговорки.

Все чаще в методике обучения иностранным языкам говорят о фразеологической компетенции. Фразеологические единицы участвуют в формировании ключевых компетенций в процессе обучения иностранному, в данном случае, русскому, языку – это лексическая и коммуникативная компетенции.

В работе с фразеологизмами на занятиях русского языка как иностранного (РКИ) требуется специальный подход. Презентация фразеологизмов возможна только в случае, если обучающиеся готовы к их восприятию, т.е. когда у них есть соответствующие знания о сущности подобных единиц, о специфике их употребления, а также имеются определенные языковые (лексические, грамматические, синтаксические) знания и навыки. Очень важно формировать и развивать умение обучающихся отличать ФЕ от свободных сочетаний слов и осознавать их стилистические возможности быть нейтральными, разговорными или книжными.

Публицистические тексты (газетные и журнальные) разных жанров – информационные, аналитические, художественные были выбраны нами как средство знакомства с фразеологизмами из-за своей особой актуальности в современном обществе. Наряду с этим, публицистические тексты характеризуются

большой открытостью к употреблению ФЕ. Они обладают информационной и эмоциональной насыщенностью. В них проявляются все возможные оттенки фразеологизмов (экспрессивно-эмоциональные, стилистические). Как отмечает В. Г. Костомаров, это – «... сочетание экспрессии и стандарта» [2, с. 61].

Поиск и отбор ФЕ мы проводили в публицистических текстах (журнальные и газетные) из следующих печатных изданий: «Огонек» (О), «Итоги» (И), «Профиль» (П), «Российская газета» (РГ), «Коммерсантъ» (К), «Аргументы и факты» (АиФ).

Первое, на что обращают внимание в тексте – это заголовок. Интенсивное использование фразеологизмов в названиях публицистических текстов привлекает внимание читателей, а в учебных целях ими можно вызвать интерес обучающихся к тексту (*Как в сказке* (И, 09.12.2013); *По больному месту* (И, 04.11.2013); *На кофейной гуще* (И, 30.09.2013).

В работе на занятиях целесообразно использовать преобразованные или сокращенные публицистические тексты. С учетом задач обучения и в соответствии с уровнем владения языком, тексты адаптируются – сокращаются, даже преобразовываются в микротексты, что, со своей стороны обеспечивает их более эффективное восприятие. Использование текстов создает возможность увидеть фразеологизм в контексте, «в действии», что, как нам кажется, является одним из важных моментов в обучении правильному употреблению фразеологических единиц.

Существует множество упражнений с применением фразеологизмов, что дает возможность преподавателю использовать их как на продвинутом этапе обучения, так и на занятиях с учащимися на относительно низком уровне владения языком.

На начальном этапе обучения РКИ (на низких уровнях владения языком) следует обращать внимание на употребление таких фразеологизмов, чьи форма и значение не вызывают больших затруднений у обучающихся, они должны соответствовать усвоенному или усваиваемому лексическому и грамматическому материалам. Таким образом, от более простых можно двигаться к более сложным по форме и значению ФЕ. Конечно же, здесь речь идет только об узуальном употреблении устойчивых выражений.

Нами было выделено несколько групп фразеологизмов, которые можно вводить на ранних этапах обучения:

1. Устойчивые этикетные формулы.

На ранних этапах все обучающиеся знакомятся с речевым этикетом и активно его используют, извлекая в готовом виде из памяти в каждой конкретной ситуации его единицы: при приветствии, знакомстве, поздравлении, пожелании и т.д. (*Сколько лет, сколько зим*! *Добро пожаловать*! *Ни пуха, ни пера*!);

2. ФЕ с определенным лексическим компонентом.

Фразеологизмы во всех языках мира отличаются разнообразным компонентным составом. В последние годы активно изучались и продолжают изучаться библеизмы, зоонимы, фитонимы, числительные, соматизмы, цветообозначения и т.д. в устойчивых выражениях. У многих русских фразеологизмов с соматическим компонентом, например, имеются эквивалентные соответствия в других языках. Их универсальность делает их более удобными для использования на ранних этапах обучения. В соматических образах проявляется множество идентичных, и, самое главное, понятных образов, что облегчает работу с подобными ФЕ (*золотые руки*, *золотое сердце*, *носить на руках*, *встать на ноги*).

3. Устойчивые сравнения.

Многие устойчивые сравнения имеют идентичную структуру в разных языках, они строятся на одинаковых образах и имеют понятную внутреннюю форму (*мрачный как туча*, *как кошка с собакой, как мокрая курица*, *сражаться как лев*, *чувствовать себя как рыба в воде*, *льет как из ведра*).

4. Пословицы, поговорки, афоризмы.

С помощью данных единиц можно закреплять материал по пройденным на занятиях темам (*Не имей сто рублей, а имей сто друзей. Одна голова – хорошо, а две – лучше; Век живи, век учись. Ученье – свет, неученье – тьма*). Сами они могут быть темой для высказывания или сочинения. Их способность обобщать знания о мире делает их универсальными помощниками в процессе обучения.

В выделенные группы входят фразеологизмы, имеющие разные структурно-семантические характеристики. Это:

– субстантивные (*большая шишка*, *крепкий орешек*, *крещенские морозы*, *светлая голов*а);

– вербальные (*не верить своим глазам*, *ставить палки в колеса*, *закрывать глаза*, *увидеть своими глазами*);

– адъективные (*голодный как волк*, *упрямый как осел*, *нечистый на руку)*;

– адвербиальные (*на носу*, *как рыба в воде*, *кот наплакал*, *капля в море*, *под самым носом*, *в двух шагах*, *давным-давно*, *на днях*);

– модальные (*одним словом, к счастью, скорее всего*);

– междометные (*слов нет! Вот это да! В добрый час*!).

Тренировки на понимание ФЕ можно проводить при чтении и аудировании текстов. Работа с текстом – наиболее эффективный способ активного овладения единицами иностранного языка.

Приведем пример – текст «Скоро и у себя дома мы найдем предметы интерьера, разработанные светлыми головами автопрома» (К, 18.02.2016):

«Светлые головы

Автомобильные компании кроме машин иногда выпускают еще и мебель. На итальянских мебельных выставках можно увидеть, например, стол от Lamborghini или кушетку от Aston Martin. А в отделке используют металл, дерево или кожу.

В компаниях работают не только дизайнеры. Поэтому в Volkswagen, например, нашли, чем занять и других специалистов. В конце прошлого года объявили, что на заводе компании в Ганновере делают табуретки, которые вырезают на 3D-принтере. На этих табуретках сидят рабочие на заводе, и, говорят, что у них теперь меньше устает спина.

А на днях компания Nissan объявила о том, что разработала систему интеллектуальной парковки офисных кресел. Как эта система работает, можно посмотреть на видеоролике в Интернете. Кресла, конечно, на колесиках, с электроприводом. А их траекторию просчитывает компьютер, который получает данные от четырех видеокамер на потолке комнаты.

Я знаю, что это только начало. В скором времени и у себя дома или на работе мы найдем много предметов, которые специально для нас сделают светлые головы автопрома».

Работа по усвоению ФЕ не должна проводиться в отрыве от лексического и грамматического материала, который проходят обучающиеся. Данный текст,

например, может послужить материалом для отработки употребления винительного, родительного, предложного падежей, обобщенно-личных предложений, соответствующего лексического материала. При отборе текстов нужно учитывать интересы аудитории, что так же имеет прямое отношение к эффективности работы.

Работа с фразеологизмами, как и любая работа в процессе обучения, должна проводиться систематически. Целесообразно предложить обучающимся:

– завести словарь фразеологизмов;

– отмечать ФЕ специальным знаком – например ● или ♦ (как в словарях);

– делать пометки, которые будут указывать на стилистическую окраску ФЕ;

– обязательно записывать модели употребления фразеологизмов;

– обращать внимание на фразеологический комментарий при семантизации ФЕ.

Включение фразеологизмов в процесс обучения РКИ играет важную роль в формировании коммуникативной компетенции иностранных обучающихся. И если богатые фразеологизмами публицистические тексты будут использоваться обдумано и регулярно, это обеспечит более успешное общение на русском языке.

Литература

1. *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. Москва, 1977.
2. *Канакина Г. И., Викторова Е. В.* Русская пословица как средство формирования языковой и социокультурной компетенции. Москва, 2015.
3. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. Москва, 1971.
4. *Проблемы фразеологической* и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции, Кострома, 18 – 20 марта 2004 г. Москва, 2004.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ОБРАЗНОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В СВЕТЕ ЭКОЛИНГВИСТИИ

Фомина Инесса
Национальный университет «Одесская морская академия», Украина
inessafomina880@gmail.com

THE DEVELOPMENT SKILLS FIGURATIVE SPEECH IN THE CLASSROOM FOR RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN THE LIGHT EKOLINGVISTII

Fomina Inessa
National University "Odessa Maritime Academy", Ukraine

Abstract: *The influence of publicist texts on the ability to quickly adapt foreign students in a foreign country is considered; it is proved that the journalistic orientation of texts is practical in mastering the grammatical aspect of the language and observing its normativity. And also, it is justified that the publicist text promotes the development of figurative speech of foreign students.*

Key words: *cculture of language, imagery, figurativeness of speech, text, journalistic text.*

Бурное развитие науки требует от современного общества преобразования мира не только вокруг себя, но и внутри социума. Образная речь является мощным инструментом воздействия на человека. Итак, образность в культуре речи выступает как одна из ее качеств, что способствует возникновению предметно-чувственных представлений языковыми средствами и преобразуется в сознании человека. В словаре лингвистических терминов под редакцией Т. В. Жеребило понятие «образность» имеет следующее значение: «Образность – это основная черта художественной литературы, ориентированная на создание художественных образов. Стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении метафор, эпитетов, сравнений, гипербол и т.п.». Таким образом, в одном и том же стилистическом средстве выделяются две структуры:

- литературоведческая стилистика;
- стилистика языка.

Итак, с точки зрения лингвистики, образность рассматривается, прежде всего, как свойство слова и как коммуникативное качество речи, имеет непосредственное отношение к лингвистике текста, семантическим преобразованиям, стилистическим изменениям. Поэтому лингвистический (лексико-семантический, коммуникативный) аспект – это сложный, специфический процесс использования в речевом общении с целью определенного сообщения языковых средств, как стилистически (экспрессивно) нейтральных, приобретающих образный потенциал путем актуализации их значений, семантического сдвига, внесение в них разноуровневых смысловых эмоционально-эстетических наслоений, что достигается преимущественно на лексико-семантическом уровне.

В современных условиях значительно возрастают требования по подготовке иностранных студентов. И главной проблемой профессионально-педагогической подготовки студентов является недостаточный уровень их речевой компетентности. В процессе наблюдения определилось, что некоторым иностранным студентам на практике теоретические умения, знания и навыки оказываются функционально неэффективными, что приводит к неумению построить процесс общения.

Общеизвестно, что основным средством реализации педагога в его профессиональной деятельности является речевое общение. Именно благодаря устной профессионально-педагогической речи, субъект педагогической деятельности имеет

возможность оптимально решать педагогические задачи на прогнозируемом профессиональном уровне. Важной предпосылкой этого является наличие эмоционального и интеллектуального взаимодействия с учащимися, которое происходит с помощью речевых средств в соответствии с нормами языка. Устная профессионально-педагогическая речь требует разнообразных речевых умений, оптимального сочетания когнитивной (наличие профессиональных знаний), эмотивной (проявление чувств, подбор средств их выражения в различных ситуациях объективной реальности) и деятельностной (создание новых ценностей) составляющих.

Решение этой проблемы требует поиска новых методов и средств, которые позволили целенаправленно работать над развитием речевой компетенции иностранных студентов в целом и, в частности, культуры речи, которая является одним из решающих факторов в налаживании студентом социальных, профессиональных контактов, средством его самовыражения с помощью языка и речи. Она отражает ценностные ориентации, коммуникативные и морально-психологические возможности, характеризует его воспитанность, умение выражать мысли, придерживаться этических норм общения и др. Овладение иностранным студентом культуры языка и речи, речевого этикета является предпосылкой эффективности личностной коммуникации. Культура языка способствует обогащению речи каждого человека, делать ее лучше, содержательнее, правильнее, образнее и красивее. Лучшим средством для достижения навыков развития образной речи у иностранных студентов является художественный текст. Именно поэтому необходимо уделять большое значение изучению стилистики художественной литературы (художественной речи), которая рассматривает использование языковых единиц в тексте художественного произведения, где они приобретают эстетическую значимость. Она изучает проблемы отбора языковых средств и их использования в контексте художественного произведения, выявление эстетической функции языкового материала в конкретном художественном произведении, употребление языковых средств в речи автора, персонажей, диалоге и т.д. [6, с. 101].

Таким образом, художественная речь – это еще и образцовая речь. Под пером талантливого писателя речь становится явлением искусства, средством создания художественного образа. Поэтому самой главной чертой художественной речи является образность. В свою очередь поэтичность речи, ее образность, достигаются особым употреблением языковых средств, которые в своей совокупности служат для создания художественного образа. Писатель, используя живое, яркое слово или выражение, воспроизводит действительность, вызывает в воображении читателя тот или иной предмет, факт, событие, явление [6, с. 150].

Следует отметить, что основным средством воздействия на развитие образной речи иностранных студентов является текст, через восприятие которого они получают не только содержание высказывания, но и образно воспринимают его. В толковом словаре Ожегова С. И., посвященном вопросам лингвистики, говориться, что текст (от латинского textus – ткань, соединение) – это внутренне организованная последовательность отрезков письменного произведения или записанной либо звучащей речи, относительно законченной по своему содержанию и строению.

По мнению А. М. Богуш, текст – это объединенная смысловым звуком последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность; любое высказывание, состоящее из нескольких предложений, и имеет определенную смысловую и структурную завершенность [1, с. 42]. М. И. Пентилюк определяет текст как высказывание, состоящее из нескольких предложений, имеет определенную смысловую и структурную завершенность. В каждом следующем предложении использована предварительная информация, что и составляет содержательную связь между его частями (предложениями, абзацами) [6, с. 18]. На наш

взгляд, наиболее удачным является определение Б. Головина: текст – это «словное, устное или письменное произведение, представляющее собой единство определенного более или менее завершенного содержания (смысла) и речи, которое формирует и выражает этот смысл», ибо «смысл текста – это конкретная информация (логическая, эмоциональная, эстетическая и другая), выраженная речью и, с его участием, сформированная в сознании человека» [4, с. 7].

Выходит, текст является центральной коммуникативной единицей, обеспечивает эффективное усвоение языковых явлений, наглядно показывая их функционирования. Именно в тексте полно раскрывается своеобразие грамматического строя речи, семантика слова, его сочетаемость с другими словами.

В языковедческих дисциплинах используется также понятие «дискурс», которое соотносительно с текстом, но является продуктом устной речи. Под дискурсом чаще всего понимают связный текст в сочетании с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими и др.) факторами, то есть текст, взятый в процессуальном контексте (А. Мельничук) [1, с. 393]. С лингвистического взгляда дискурс представляет собой совокупность взаимосвязанных высказываний (текстов), реализуемых в определенных социально-культурных, временных и пространственных условиях с учетом деятельности участников коммуникации (адресата и адресанта) процесс вербального и невербального общения [5].

В научном дискурсе процесс порождения образной речи трактуется как сложный от самых его истоков в умственной деятельности человека до конечных стадий оформления мысли в языке [2].

Следовательно, дискурс – это «текст в действии», в котором отражается отношение автора к сообщению, с учетом адресата речи и языковой среды; выражение говорящим собственного отношения к излагаемому, что сочетается с помощью целостности, связности, структурной и смысловой завершенности. Текст – это то, что существует в языке, а дискурс – это текст, который реализуется через речь в сочетании с внеязыковыми реалиями.

Таким образом, изучение научных источников свидетельствует о наличии различных определений понятия «текст», однако они не противоречат друг другу, а взаимодополняют и расширяют его. Текст в наиболее широком смысле – это произведение, в литературе – это художественное произведение, отражает авторское отношение к событию, описывается, а затем читатель, чтобы понять его суть, должен иметь хорошо развитое художественное восприятие, образное мышление, воображение.

Из этого видно, умение использовать образные средства языка в различных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи позволяют иностранным студента правильно понимать друг друга, что приводит к быстрой адаптации в иноязычной среде.

Обучение русскому языку как иностранному предполагает, что иностранные студенты овладевают способностью пользоваться данным языком в контекстах и ситуациях, типичных для повседневной коммуникации того народа, язык которого они изучают. Поэтому в процессе обучения русскому языку как иностранному перед преподавателем стоят две задачи: первая – научить иностранного студента правильному произношению, интонации, употреблению слов и форм, построению предложений и словосочетаний, соблюдению строевых норм языка; вторая – научить правильному построению письменных и устных текстов, использованию речевых средств в полном соответствии с их стилистическим и лингвострановедческим значением в изучаемом языке. Необходимо отметить, что эти задачи взаимосвязаны между собой, потому как студенты получают не только знания грамматики языка, но и самое главное – приобретают навыки коммуникативной деятельности на русском языке. Таким образом,

развитие навыков образной речи предполагает владение на хорошем уровне культурой неродной речи.

Для решения этих задач текст выступает как мощнейший инструмент влияния на иностранных студентов, как средство его самореализации в языковом пространстве. Следовательно, на современном этапе перспективным видится изучение публицистических текстов, так как именно они дают полное представление о тенденциях в развитии языка как средства общения.

Следует отметить, что для преподавателя русского языка как иностранного, предпосылка успешной иноязычной текстовой деятельности иностранных студентов является формирование умений правильного декодирования информации текстов различной функциональной направленности и продуцирования собственных текстов, характеризующихся целостностью и связностью. Поэтому при создании учебных текстов по русскому как иностранному необходимо учитывать их способность разделяться на различные структурно-смысловые части, прибегать к различным видам прагматического текстового членения с целью облегчить студентам восприятие сообщения (разделение на части, разделы, абзацы).

Во время работы в иностранной аудитории важно сформировать понимание текстовых моделей, а научиться общению на иностранном языке в повседневной и профессиональной сфере невозможно без опоры на специальные тексты. Поэтому общественная сфера общения приобретает самую широкую тематику, которую условно разделяем на три сегмента, а именно: общественно-политический, социально-культурный и краеведческий.

Итак, для социально-политического сегмента актуальны такие виды текстов: публичные обращения общественных деятелей, аналитические публицистические статьи, различные агитационные материалы, новости, политический комментарий и др. Социально-культурный характер текстов прослеживается в публицистических статьях на общественные темы, в интервью с деятелями культуры и искусства, в дискуссиях по актуальным для настоящего вопроса культурологические статьи, публичные выступления общественных деятелей и т.д. В то время, как краеведческий аспект тематической направленности текстов способствует удовлетворению у иностранных студентов потребностей лингвокультурной адаптации, знакомство с историко-культурным пространством, в котором они живут и учатся.

Именно стилистическая направленность названных текстов указывает на доминанты публицистического стиля, материал которого широко используется в методике преподавания русского языка как иностранного. Преимущественно это тексты средств массовой информации, освещающие современные политические события, социальные процессы, общественные проблемы. Научно-популярные, научно-публицистические, историко-справочные тексты краеведческой тематики необходимо выделить как самые важные для реализации культурных потребностей иностранных студентов, которые, находятся в чужой стране.

С этой целью можно представить тематический список текстов по РКИ.

1. Тексты для учебной сферы могут быть представлены текстами официально-делового стиля, регламентирующие типовые учебные ситуации; научными текстами из обязательных учебных дисциплин.

2. Тексты для общественной сферы – это общественно-политические тексты, социально-культурные тексты, краеведческие тексты, тексты официально-делового стиля, актуальные для сферы общественных отношений, художественная литература.

3. Тексты для профессиональной сферы имеют такую тематическую направленность: научные тексты по специальности студентов, специально созданные диалогические и монологические тексты, отражающие реальные ситуации научно-

профессионального и профессионально-бытового общения, тексты официально-делового стиля, актуальные для научно-профессиональной деятельности по специальности студента.

4. Тексты для бытовой сферы направлены на специально созданные тексты на бытовые темы, художественная литература.

Однако, следует отметить, что перед апробацией каких-либо публицистических текстов в аудитории, их необходимо адаптировать. Если текст содержит сложные лексико-грамматические или синтаксические конструкции, необходимо заменить на более простые, все устаревшие слова, диалектизмы, жаргонизмы также следует заменить на общеупотребительную лексику. Далее работа с текстом традиционно включает в себя предтекстовые задания. Опишем некоторые виды таких заданий.

- Расставьте ударение в словах и прочитайте их вслух. Попробуйте воспроизвести слова по памяти.
- Подберите к словам синонимы (антонимы, паронимы).
- Определите вид глагола.
- Трансформируйте простое предложение в сложное и наоборот.

Такой вид работы позволяет не только расширить словарный запас студентов, но и лучше запомнить новые лексические единицы, повторить пройденный материал.

Следующий вид обязательных заданий – это послетекстовые. Для лучшего овладения и усвоения нового текста можно предложить решение кроссворда. Такой вид интерактивной работы вызывает неподдельный интерес у иностранных студентов, а также помогает преподавателю оценить уровень овладения научной терминологией и сформированности понятий у обучаемых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что публицистический текст, во-первых, способствует быстрой адаптации иностранных студентов в чужой стране. Во-вторых, публицистическая направленность текстов носит практический характер в овладении грамматическим аспектом языка, соблюдению его нормативности. В-третьих, современная публицистика отображает реальные ситуации научно-профессионального и профессионально-бытового общения в выбранной студентами отрасли. В-четвертых, публицистический текст наибольше способствует развитию образной речи иностранных студентов, что в свою очередь обогащает речь человека, делает ее лучше, содержательнее, правильнее, образнее и красивее.

Литература

1. *Богуш А. М.* Дошкільна лінгводидактики / А. М. Богуш, Н. В. Гавриш. К.: Вища шк., 2007. 542 с.
2. *Введенская Л. А.* Культура и искусство речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 576 с.
3. *Виноградов В. В*. Проблемы русской стилистики / В. В. Виноградов. Москва: Высш. шк., 1981. 320 с.
4. *Головин Б. Н.* Основы культуры речи / Б. Н. Головин. Москва: Высш. шк., 1980. 335 с.
5. *Жинкин Н. И.* Язык. Речь. Творчество / Н. И. Жинкин. Москва: Лабиринт, 1998. 368 с.
6. *Пентилюк М. І.* Культура мови і стилістика: Пробний підручник для гімназій гуманіст. профілю / М. І. Пентилюк. К.: Вежа, 1994. 240 с.
7. *Словарь лингвистических терминов:* Изд. 5-е, испр-е и дополн. Назрань: Изд-во Пилигрим. / Т. В. Жеребило. 2010.
8. *Солганик Г. Я.* Стилистика текста: Учебное пособие / Г. Я. Солганик. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 256с.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА БОЛГАРСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК НЕЗРЯЧИМИ УЧАЩИМИСЯ

Цеков Петрослав
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского, Болгария
petroslav.cekov@gmail.com

TRANSLATION ISSUES OF BULGARIAN FICTION INTO RUSSIAN BY SIGHTLESS LEARNERS

Tsekov Petroslav
University of Plovdiv „Paisii Hilendarski“, Bulgaria

Abstract:*The present report examens the problem about Russian language translation of Bulgarian fiction by students with visual disabilities.*

Key words: *translation issues, visual disabilities.*

Настоящее изложение является частью большой исследовательской работы и ставит себе целью выявление проблем перевода болгарской художественной литературы на русский язык зрительно затрудненными учащимися. Указаны ярчайшие фонетические, лексические, грамматические, синтаксические и фразеологические трудности, возникающие в связи с психофизиологическими особенностями незрячих людей.

Согласно определению С. В. Тюленева, „Стремление живого организма к сохранению и установлению наибольшей из возможных степеней физиологической устойчивости своего существа в целом и отдельных его частей называют гомеостазисом” [3, с. 5]. Именно это взаимодействие организмов с окружающей средой послужило основой экологической модели обучения лиц с ограниченными возможностями. На этой основе сформирована их способность осмысления перевода как коммуникативного акта межъязыкового и межкультурного посредничества.

С технической точки зрения ключевую роль в педагогической деятельности с незрячими учащимися сыграло их ознакомление с такими способами перевода и редакции как сокращение, повторение и генерализация.

Большое значение имеют также форма и содержание перевода. По ряду причин психофизиологического характера зрительно затрудненные обучаемые сталкиваются с трудностями, касающимися целостного охвата содержания произведения. В обучении переводу рекомендуется ознакомление незрячих с особенностями теории денотата и техникой толкования предложения в контексте соседних предложений, прочитанных до и после него.

В работе с учениками с проблемами зрения следует отметить механизм компенсации, где при помощи слуха и тактильных ощущений происходит усвоение информации через кодирование и декодирование текста. В данном случае находят применение шрифт Брайля и синтез речи. Важным фактором развития указанных выше умений выступает качество речевого синтезатора. Компенсация в значительной степени допускает изменчивость перевода и открытие самого удачного варианта для определенного отрывка.

В осуществлении перевода следует подчеркнуть большую значимость словесно-логической памяти, особо развитой у незрячих людей. При этом, однако, учитывается недостаток так называемого закона конца информации, где начало и конец усваиваются легче всего. Данное обстоятельство могло бы привести к затруднению комплексного восприятия переводимого текста и к его фрагментации.

Важным техническим уточнением считаются ссылки и сноски, для восприятия которых незрячие могли бы воспользоваться посторонней помощью. Во время

изготовления черновика допустима постановка сноски после той части текста, к которой она относится. Налицо возможность ее исправления в окончательном варианте перевода.

Важными психологическими характеристиками зрительно затрудненных учеников можно считать отсутствие восприятия пространства и более широкое, формальное составление понятий. При реализации перевода текста это привело бы к их дезориентации и к невольным переводческим ошибкам, в особенности, что касается работы с понятиями, реже используемыми в обиходе.

Из-за колебаний в объеме памяти обучаемый может оказаться не в состоянии сразу „узреть" форму предложения – она рассматривается в деталях. Данная характеристика психики тоже вызывает несоответствия перевода и оригинала, ибо новые динамические стереотипы обуславливают новые временные соединения памяти. Упомянутая выше проблема считается причиной невозможности целостного просмотра абзаца или сложного предложения большого объема. Рекомендуется их потенциальное разделение на переводные единицы (транслатемы).

Необходимо также учесть нарушения переключаемости внимания и его устойчивости, а также особенности мышления незрячих учащихся. Следует уделять пристальное внимание развитию аналитическо-синтетической деятельности при помощи текстов на шрифте Брайля в сочетании с текстами, напечатанными на компьютере и прочитанными синтезатором речи. Данный способ работы стимулирует многократное прочтение текста оригинала, уточнение и исправление переводного текста при открытии переводных соответствий. Барьером может оказаться усталость, а также отвлечение внимания ученика.

Наблюдаются ошибки грамматического характера, касающиеся категории времени – несогласованность глагольных времен в рамках одного и того же предложения. Имеет место допущение неразрешенной инверсии порядка слов, которая обусловлена задержкой развития психического процесса представления у зрительно затрудненных людей. Задержка представлений состоит в необобщенности и формальности понятий, причем абстрактные понятия формируются быстрее некоторых конкретных понятий. Нужно также уделить внимание эмоциональной установке учащегося.

Встречаются также семантические ошибки. Ученик может затрудниться с соображением условия перевода болгарского глагола русским устойчивым фразеологическим сочетанием, которое придает тексту нужную стилистическую окраску, уместность высказывания и грамматическую правильность звучания. В качестве примера мы приводим следующий отрывок рассказа Георгия Господинова „У отеля Болгария" (болг. „Пред хотел България"):

Пък и се въртях тук поне от час. – Допустимы два варианта: *„Да и я брожу здесь (хожу взад и вперед) хоть час.* Однако учащийся с проблемами зрения может ошибочно допустить употребление глагола другой лексико-семантической группы, например, „рыскать".

С грамматической позиции выявляется проблема составного именного сказуемого и ошибки употребления падежей, а также кратких форм имен прилагательных. Ученику следует объяснить, что по стилистическим соображениям допустимо употребление именительного падежа или краткой формы прилагательного после глагола „быть" для обозначения постоянного признака или предиката составного именного сказуемого в художественной литературе [1, с. 33]. Данный прием можно проиллюстрировать на примере рассказа Ради Радева „Камни" („Камъни"):

Те предпочитаха тихи местенца и бяха невероятно изобретателни в намирането им. – Они предпочитали тихие местечки и были невероятно изобретательны (вм. „изобретательными") в их нахождении.

По причине „недосмотра” учащегося возникают неоднозначные предложения. Одно из важнейших обязательств педагога заключается в том, чтобы предостеречь ученика от потери смысла синтаксической конструкции. Теряются также представление и ориентация времени со стороны обучаемого, но в меньшей степени, чем представление пространства.

Ученик должен следить за управлениями глаголов лексико-семантической группы „смотреть в окно”, „выходить через дверь” в силу потенциального неправильного употребления выражения *„Выходим из этой двери”* (калька болгарского *„Излизаме от тази врата…”* в рассказе Г. Господинова).

Незрячие допускают опечатки в тексте. Главное предостережение состоит в том, чтобы не уходить от смысла, переданного в исходном языке.

По причине невнимания зрительно затрудненные обучаемые нарушают состав фразеологизмов и оборотов, вставляя между ними другие лексические единицы *(„…с мелькающими фигурами бабушек, стоящих у дверей как вкопанные” вм. „стоящих как вкопанные у дверей”)*. Можно также выявить стилистические ошибки замены слов („*Передам письмо через бывшего мужа, он, кстати, толковый*… – неправильный перевод: „*добрый”*).

Лексические ошибки у незрячих обусловлены в основном фонетическим фактором, выражающимся, например, в аналогии на фонетическом уровне слов типа „прилавок” и „лавка”.

Ошибки, вызванные недостаточным владением пространственными измерениями возникают в переводе таких предложении, как болгарское *„Още е тихо”* в рассказе Деяна Энева „Аккордеон” („Акордеонът”), где ученик должен сообразить упущенную часть отрывка – *„На дворе все еще тихо”*.

Переводчика также может поколебать использование цветовых нюансов из-за невозможности их классификации. Конструкция предложений терпит модификацию.

Встречаются пространственные ошибки глаголов движения и местонахождения типа „лежать”, „стоять”, „сидеть”, „висеть”, „ехать”, „ездить”. Возникают ошибки интерференции.

Во избежание ошибочного употребления незнакомых слов и выражений рекомендуется использование современных технологий через официальные филологические источники русского языка – академические толковые словари современного русского языка, языковые онлайн порталы типа gramota.ru.

В заключение можно сказать, что объекты, связанные с оттенками цветов зрения, могут быть переведены вполне неправильно учащимся с нулевым зрением. Наглядно-образное мышление находится в стадии задержки, преодоление которой возможно путем компенсации, чтения литературы, перевода самых разных современных материалов. Нужно не только переводческое владение исходным и переводным языками в совершенстве, углубленное познание в области грамматики и стилистики, но и более конкретное выучивание наизусть управлений и категорий, фразеологических соответствий, лексических и фразеологических гнезд. Использование современных технологий в сочетании с системой Брайля в значительной мере упрощает доступ зрительно затрудненных к ресурсам и возможностям теории и практики перевода.

Литература

1. *Кожина М. Н.* Стилистика современного русского языка. Москва, 2012.
2. *Паршин А.* Теория и практика перевода. Санкт-Петербург, 2008.
3. *Тюленев С. В.* Теория перевода. Москва, 2004.
4. *Левтерова Д.* Интеграция на хора с увреждания. София, 2002.

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К СОВРЕМЕННОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК МАССОВЫЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ОНЛАЙН-КУРС

Шулежкова Светлана
Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Россия
shulezkova@gmail.com

HISTORICAL-LINGUISTIC COMMENTARY ON MODERN RUSSIAN LANGUAGE AS THE MASS EDUCATIONAL ON-LINE COURSE

Shulezhkova Svetlana
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia

Abstract: *The work presents multi-media on-line complex "Historical-linguistic commentary on Russian language course from the perspective of historical alternations". The module, including video lectures and texts, exercises, tables, glossaries, tests and questions for self-assessment is pivotal. Module structure and genre diversity of parts allow to vary the complex structure, taking into consideration interests and levels of students.*

Key words: *Russian language, on-line course, historical-linguistic commentary, video lecture, module.*

Даже тогда, когда начинается чтение курса «Историко-лингвистический комментарий фактов русского языка», у выпускников филологических факультетов нередко возникают вопросы по поводу целесообразности изучения этой дисциплины будущими преподавателями-русистами. Создавая свой массовый образовательный онлайн-комплекс, рассчитанный на людей разных возрастов, которые желают овладеть современным русским языком дистанционно, научная группа из МГТУ имени Г. И. Носова прекрасно осознавала, что сомнения по поводу необходимости путешествия в прошлое русского языка могут возникнуть фактически у каждого обучающегося. Но мы исходили из того, что «Исторический принцип изложения языкового материала формирует диалектический взгляд на язык как на меняющуюся систему, жизнь которой связана с историей и культурой народа, тем самым формирует понятие *генетическая память* языка. Он воспитывает убеждение в том, что любая норма стабильна лишь относительно, что в любом мире существуют, кроме очевидных, невидимые, разрушенные связи между звуками, морфемами, словами, формами, категориями. Они становятся прозрачными, будучи освещены светом историко-лингвистической закономерности. Обретают ясность десятки разобщенных правил и исключений» [8, с. 3]. Именно это обстоятельство подвигло научный коллектив МГТУ им. Г. И. Носова создать массовый образовательный комплекс под названием «Историко-лингвистический комментарий к курсу современного русского языка».

В создании комплекса принимали участие, помимо руководителя проекта, три старших научных сотрудника Научно-исследовательской словарной лаборатории НИИ исторической антропологии и филологии, кандидаты филол. наук А. Н. Михин, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова; доцент кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации, канд. филол. наук И. С. Клинкова и старший преподаватель кафедры программирования и информационных технологий Н. С. Сибилева.

В комплекс входит 4 онлайн-курса. Каждый из них подчинен своей собственной теме, раскрывающей разножанровыми учебно-методическими средствами одну из граней макротемы.

Историко-лингвистические знания помогают разгадывать тайны «туманных», на первый взгляд нелогичных и странных явлений в семантике множества русских слов и

выражений (см., например, материалы в книгах [2; 4; 6; 7; 11; 12 и др.]), в их структуре, в звуковом оформлении корней, объединяющих лексемы одного и того же словообразовательного гнезда. Человеку, особенно тому, кто осваивает русский язык как иностранный, не менее загадочными представляются варианты суффиксов и окончаний, «отклонения» от литературных норм склонения и спряжения в русском языке. Погружение в историю языка, на котором говорит сегодня каждый 60-й житель планеты и значительная часть населения Европы, дает ответы на такие, например, вопросы. Как связаны прилагательные в сочетаниях ***правая*** *рука,* ***правое*** *дело*, ***правленая*** *рукопись,* ***правильное*** *ударение*; ***лева****я нога,* ***левые*** *деньги,* ***левые*** *взгляды,* ***левый*** *уклон*? Что роднит этимологически близкие слова *супруга, напрячься* и *упряжка*; *смущаться, смятение* и *мятеж*; *узел, узы, вяжет* и *вязать; запятая, пятка, путь* и *запутаться*? Почему так разительно отличаются друг от друга корни явно родственных слов *за****соня***, ***сп****ать* и *про****сн****уться*; ***вес****ти*, ***веду****,* ***вел****,* ***вед****ущий,* ***вож****ак,* ***вожд****ение* и ***вод****ить;* ***сяд****у,* ***посад****ить,* ***саж****енец,* ***осажд****енный,* ***сесть*** и *со****сед***? Что послужило основанием для правил правописания суффиксов ***-ек-*** и ***-ик-*** у существительных (ср. *горош****ек***, но *ящ****ик****, передниче****к****,* но *рукав****чик***), суффиксов ***-ов-/-ев-*** и ***-ыва-/-ива-*** у глаголов (ср. *цел****ов****ать* и *гор****ев****ать,* но *загад****ыва****ть и вымал****ива****ть*)? Чем объяснить различия в окончаниях глаголов разных спряжений ***-ат(-ят)*** *и* ***-ут(-ют)***: *служ****ат****, суд****ят****, узакон****ят****,* но *откаж****ут****, отстан****ут****, возлику****ют***? Нетрудно заметить, что в приведенных выше примерах мы нередко сталкиваемся с историческими чередованиями, а лингвистический комментарий к ним не может обходиться без экскурса в те эпохи, когда рождались эти чередования и соответствовали живым фонетическим законам, то есть были позиционными. Не случайно в центральный блок комплекса мы включили два учебных онлайн-курса, объединенных темой «Историко-лингвистический комментарий к курсу современного русского языка сквозь призму исторических чередований»[*].

Этот блок предлагает пользователям Интернета, которые намерены изучать русский язык дистанционно, два содержательно равноценных варианта освоения знаний: через видеолекции (***1-й учебный курс***) или через электронно-текстовые лекции (***2-й учебный курс***). Видеолекции рассчитаны на тех обучающихся, которые предпочитают видеообщение с преподавателем, а электронно-текстовые лекции адресованы слабослышащим лицам.

Создатели комплекса исходили из того, что в русском языке, как и в любом другом живом языке, действуют две тенденции – стремление к обновлению и сопротивление слишком быстрому и беспорядочному изменению, которое могло бы угрожать самим основам языка. А потому на каждом временном отрезке развития

---

[*]**Лицензионный договор № Л-0152 от 28.12.2017** между Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина» (ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина») **2017** между Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина» (ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина»), именуемым в дальнейшем «Лицензиат», в лице проректора по инновационной деятельности Яскевич Марины Ивановны, действующей на основании Доверенности № 43Д от 20.04.2017, с одной стороны, и Федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова» (ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г. И. Носова»)», именуемым в дальнейшем «Лицензиар», в лице Чукина Михаила Витальевича, действующего на основании приказа Министерства образования и науки Российской Федерации № 12-07-03/175 от 25.12.2017, с другой стороны, вместе именуемые «Стороны», принимая во внимание, что Лицензиар заключил с Министерством образования и науки Российской Федерации Соглашение на получение субсидии № 09.z71.25.0152от 03.11.2016, условием которого является предоставление безвозмездной неисключительной лицензии на использование для государственных нужд результатов интеллектуальной деятельности, полученных при реализации мероприятий на использование для государственных нужд результатов интеллектуальной деятельности, полученных при реализации мероприятий.

языка обнаруживаются, с одной стороны, черты нового, с другой стороны – следы «угасших» закономерностей.

В центре внимания обучаемых русскому языку оказываются исторические чередования в различных морфемах современных русских слов, описанные и прокомментированные с точки зрения истории формирования русской звуковой системы с древнейших времен до наших дней. Говоря об истории развития русской звуковой системы, выдающийся отечественный лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал « общую тенденцию к ослаблению противопоставлений гласных и, наоборот, к усилению противопоставления согласных». Кроме того, он утверждал, что такого рода тенденции «не только выявлялись в прошлом, но и проецировались в будущее» [1, с. 127].

Открытая Бодуэном де Куртенэ тенденция практически проявляется в постепенном сокращении количества гласных и увеличении количества согласных Она реализовывалась не только в праславянскую, но и в восточнославянскую эпоху через изменение принципов построения слога и типа ударения. Эта тенденция привела, в конце концов, к определенной зависимости гласных от соседних согласных. Как пишет известный славист В. В. Иванов, «… рассмотрение системы согласных фонем древнерусского языка эпохи после падения редуцированных показывает, что основным процессом, вызванным утратой [ъ] и [ь] и определившим дальнейшее развитие вокализма русского языка, явилось возникновение зависимости гласных звуков от качества соседних согласных <…> Уменьшив количество гласных фонем и подчинив качество гласных качеству соседних согласных, падение редуцированных привело к ослаблению фонологической значимости вокализма в общей системе древнерусского языка» [10, с. 317].

Растянутые на многие столетия, процессы сокращения количества гласных сопровождались компенсаторными процессами – увеличением числа согласных и появлением многочисленных позиционных чередований. Будучи в начальную эпоху своего существования языком вокалическим (число гласных элементов почти в три раза превышало в нем число согласных), праславянский язык под давлением целого ряда закономерностей постепенно превращался в язык консонантный. В курсе видеолекций и электронно-текстовых лекций показано, как, становясь дополнительным средством словообразования и формообразования, позиционные чередования с прекращением действия законов, вызвавших их к жизни, превращались в исторические. И часто, благодаря своему фонетическому облику, хранящему следы прежних фонетических законов, современные слова подчиняются определенным правилам орфографии, обладают своеобразной стилистической окраской, и нередко именно исторические чередования могут стать маркерами происхождения того или иного слова. Эти идеи, пронизывающие весь комплекс, обеспечивают ему цельность, прозрачность причинно-следственных связей между прошлым и современным состоянием русского языка в разных его проявлениях.

Материал видео- и электронно-текстовых лекций выстроен авторами параллельно. Комплекс рассчитан на 32 занятия, распределенные по четырем модулям. Каждая лекция сопровождается практическими заданиями, глоссариями, вопросами для самоконтроля и тестами.

Модуль I представляет собой введение в курс под названием «***Путешествие в прошлое русского языка***». Подчеркнув красоту и богатство современного русского языка, его созидательную силу и способность не только к обновлению, но и к сохранению общенациональных основ, авторы охарактеризовали его место на мировой арене и в кругу других славянских языков. Особое внимание авторы комплекса обратили на следы исторического прошлого в современном русском языке и на

сдерживающую роль его литературных норм. В лекциях акцентируется внимание потенциальных участников учебного процесса на источниках, помогающих установить причины существования в русском языке устаревших элементов (диалекты русского языка; материалы родственных славянских языков; следы контактов наших предков в языках неродственных народов, соседствовавших с древними русичами; письменные памятники). Здесь же даются сведения о появлении письменности у восточных славян и о той роли, которую сыграло Крещение Руси в формировании языковой картины мира восточных славян. Тексты лекций включает таблицы и опорные схемы [17, с. 30–31], которые сжато, четко и одновременно образно отражают историю происхождения русского языка и события, связанные с возникновением письменности у славян.

I модуль завершается ***3-м учебным онлайн-курсом – мультимедийным роликом*** «***Учимся читать древние славянские тексты***», который содержит руководство к светскому чтению славянских памятников X–XI вв. Он дает возможность обучающимся услышать аудиозапись образцового чтения специалистами семи отрывков из рукописных славянских памятников разных жанров. Голоса чтецов сопровождаются копиями текстов из оригинальных источников (с историко-лингвистическими комментариями), их переводами на русский язык и соответствующими репродукциями картин выдающихся художников. Материл видеоролика методично обращает внимание пользователей на связь языка древних текстов с современным русским языком многочисленными отсылками: к истокам десятков русских фразеологизмов, связанных с библейскими легендами; к характеристикам библейских персонажей, чьи имена получили символические значения; к старославянизмам, освоенным русским языком, в их родной стихии с их исконными значениями и т. д.). 3-й учебный онлайн-курс хорошо вписывается в I модуль с его путешествием в прошлое, когда восточные славяне осваивали вместе с христианским учением слова и обороты из общеславянского литературного языка, созданного первоучителями славян Кириллом и Мефодием [5].

Модуль II под названием «***Исторические чередования русского языка, восходящие к праславянским фонетическим процессам***» *на первом занятии* знакомит обучающихся с истоками системы вокализма русского языка. Особое внимание лектор обращает на звуковую систему праславянского языка, восстановленную компаративистами с опорой на различные источники, названные в I блоке, чтобы подчеркнуть ее кардинальное отличие от современной русской языковой системы. Участники учебного процесса знакомятся с различного рода элементами праславянского вокализма: одиночными гласными, с дифтонгами и дифтонгическими сочетаниям; получают сведения о типах чередований гласных элементов в праславянском языке (количественных, качественных и качественно-количественных). На этом же занятии вводятся термины *позиционные чередования* и *исторические чередования*, которые затем будут использоваться на всех занятиях по историко-лингвистическому комментированию. Таблички, используемые и в электронно-текстовых лекциях, и в видеолекциях, убедительно свидетельствуют о том, что ***позиционные*** чередования 1) подчинены действующим фонетическим законам; 2) зависят от позиции фонем; 3) не знают, как правило, исключений; 4) почти не отражаются на орфографии. ***Исторические*** же чередования 1) являются следами «угасших» фонетических законов; 2) не зависят от позиций фонем; 3) почти всегда отражаются на орфографии.

Занятие второе модуля II посвящено историческим чередованиям гласных русского языка, восходящих к праславянским фонетическим процессам. Оно начинается с характеристики основных тенденций, повлиявших на изменение системы гласных в праславянскую эпоху. Особое внимание на этом занятии уделяется двум

процессам: 1) ***тенденции перехода количественных различий гласных звуков в качественные*** и 2) ***принципу восходящей звучности (ПВЗ) с его частным проявлением – законом открытого слога (ЗОС).*** Именно они коренным образом изменили праславянский вокализм и послужили базой для возникновения значительного числа чередований русского языка в области гласных, которые сегодня принято называть историческими. Тенденция перехода количественных различий гласных звуков в качественные способствовала утрате (пусть и временно) гласного *u, к появлению сверхкратких *ъ и *ь, а также специфических гласных *у и *ѣ. При этом количественное различие гласных как дифференциальный признак (по долготе и краткости) в большинстве случаев исчезает, заменяясь различием качественного характера. Так, *ā и *ō слились в одном звуке *а; *ă и *ŏ слились в одном звуке *о. За этим последовало превращение количественных праславянских чередований в качественные, историческими отголосками чего можно признать современные чередования типа *пол**а**гать – пол**о**жить, х**о**дить – пох**а**живать, с**у**хой – зас**ы**хать, сл**у**х – сл**ы**шать* и пр. Но самый серьезный удар по праславянскому вокализму был нанесен законом открытого слога. Под его действием исчезли все дифтонги и все дифтонгические сочетания. Это резко сократило количество гласных элементов и приблизило праславянский вокализм к современному русскому вокализму, не знающему дифтонгов и дифтонгоидов. Кроме того, в связи с действием закона открытого слога появились своеобразные позиционные чередования, которые с течением времени превращались в исторические (ср., например, *напр**я**чь – упр**у**гий, завид**о**вать – завид**у**ю, п**у**ты – преп**о**ны, п**е**сня – п**ой**те* и пр.).

Занятие 3-е модуля II – одно из важнейших в созданном комплексе. Оно излагает историю возникновения в русском языке исторических чередований русского языка, восходящих к дифтонгическим сочетаниям с плавными согласными. Речь здесь идет полногласиях, чередующихся с неполногласиями, а также о начальных сочетаниях *ра-, ла-* и *ро-, ло-*; приводятся алгоритмы отделения истинных неполногласий от ложных; предлагаются приемы определения происхождения слов с опорой на сочетания, аналогичные описанным в лекциях данного модуля.

На *занятии четвертом модуля III* учащиеся знакомятся с историческими чередованиями русского языка в области согласных, возникновение которых явилось следствием действия принципа слогового сингармонизма (ПСС) в праславянскую эпоху. Прямым следствием этого принципа были законы палатализации. Они действовали в разное время, при разных условиях, и главным результатом их стало появление в праславянском языке исконно мягких согласных (*ž’, č’, š’, z’, c’, s’, žd’, št’), «l’»- вставного и многочисленных чередований, превратившихся, в конце концов, в исторические (см. об этом [3; 9; 15 и др.]).

Модуль III «Исторические чередования русского языка, восходящие к закономерностям исторического периода» рассчитан на проведение двух занятий, каждое из которых разбито на две части. *На первом занятии* (*часть первая*) планируется рассмотрение истории возникновения редуцированных Ъ, Ь, сферы их использования, характера произношения, их судьбы в зависимости от позиций, какую эти звуки занимали в словах по отношению к ударному слогу и гласных, формировавших стоявшие рядом с редуцированными слогов. Здесь же ставится вопрос о причинах исчезновения редуцированных Ъ и Ь в древнерусском языке.

2-ю часть первого занятия предлагается посвятить историческим чередованиям русского языка, которые связаны с исчезновением редуцированных гласных. В центре внимания лектора – беглость гласных *о* и *е* в различных морфемах русского языка. Не остаются при этом без внимания чередования, наблюдающиеся в корнях, вовлеченных в процесс возникновения вторичного полногласия (ср. *ост**оло**п – ст**ол**п, в**ере**вка –*

вервие, черный – черен). Как специфический результат падения редуцированных оценивается переход *и* в *ы* на стыке морфем после твердых согласных, утративших после себя редуцированный Ъ (ср. *искать – отыскать, играть – отыграть, идти – предыдущий*). Заключительным «аккордом» в изучении темы падения редуцированных становится краткий анализ итогов этого масштабного явления для звуковой системы древнерусского языка накануне выделения из его состава старорусского языка: ослабление восточнославянского вокализма за счет утраты редуцированных гласных; расширение состава согласных за счет появления звука *ф* чисто славянского происхождения и мягких фонем, вошедших в ряд из 12 коррелятивных пар согласных фонем, различающихся по мягкости-твердости.

Второе занятие модуля III, также разбитое на две части, посвящено законам лабиализации и историческим чередованиям русского языка, которые были вызваны этими законами. Каждый из законов лабиализации характеризуется с точки зрения хронологии его действия, сущности, условий реализации, предполагаемых причин их действия, исторических чередований как их последствий. Значительное место на занятиях уделяется реальным и мнимым отступлениям от действия 3-й лабиализации. Множество убедительных аргументов на этом занятии приводится в защиту «гонимой» буквы Е, 7-й буквы русского алфавита, появление которой в русской графике связано с результатами действия 3-й лабиализации. Отсутствие буквы Е в русских письменных текстах нередко ведет к курьезным результатам и даже к искажению произношения многих слов (см. об этом в книге Е. В. Пчелова и В. Т. Чумакова «Два века русской буквы Е» [13].

У курсов лекций кольцевое построение. Начинаясь с путешествия в прошлое русского языка, они заканчиваются анализом тенденций его обновления в условиях глобализации. Эта структура предопределила выбор жанрового исполнения не только модуля I, но и последнего, четвертого модуля созданного научным коллективом учебного комплекса.

Модуль IV, заключительный, получил название ***«Тенденции к обновлению русского языка»***. В самом начале комплекса лектор говорил о двух путях обогащения живого национального русского языка. Первый путь – путь заимствований, который особенно активизировался в условиях глобализации. И итоговое занятие начинается с лекции, получившей название «Заимствованные слова в русском языке. Фонетико-графические признаки слов иностранного происхождения». Она, как и прочие лекции, сопровождается глоссарием, упражнениями, вопросами для самопроверки и контрольными тестами.

Второй путь прокладывают носители языка, создавая новые слова и обороты за счет ресурсов родного языка. Тенденция к обновлению русского языка, показана здесь иначе – через мультимедийный мини-словарь крылатых выражений из мультфильмов с историко-культурно-лингвистическим комментарием [16]. Для носителей русского языка этот курс может стать эффективной площадкой для исследовательской работы, как показал эксперимент с созданием электронного мини-словаря группой студентов, будущих преподавателей-русистов. Для тех, кто изучает русский язык как иностранный, работа с мини-словарем – возможность обогатить свой лексикон забавными широкоупотребительными крылатыми выражениями, большинство из которых пока не попала в словари.

Комплекс структурирован по модульному принципу, позволяющему пользователям при онлайн-обучении сделать акцент на тех его элементах, которые вызывают у изучающего русский язык наибольший интерес, или же по его собственному усмотрению комбинировать предлагаемый научным коллективом материал.

Освоение предлагаемого курса подтверждает мысль авторов очерка «Исторический путь русского языка» А. Плетневой и Н. Голубевой-Монаткиной: «Современный русский язык живет и развивается очень интенсивно. После продолжительного периода штампованного “lingua sovetica” язык обрел новые степени свободы, а освоение нового всегда идет методом проб и ошибок. У нас есть много поводов гордиться своим языком. Знакомство с его историей помогает правильно понимать, что в нем происходит сегодня» [12, с. 257].

Литература

1. *Алпатов В. М.* Н. В Крушевский и И. А. Бодуэн де Куртенэ // История лингвистических учений: учеб. пособие. Москва, 2001.
2. *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. Москва, 2005.
3. *Бурмистрович Ю. А.* Найти пропавший век! Очерки по истории славянского исторического языкознания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. Абакан, 2006.
4. *Вартаньян Э. А.* Путешествие в слово. Москва, 2011.
5. *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. Москва, 2014.
6. *Глинкина Л. А.* Иллюстрированный словарь трудных и забытых слов русского языка: ок. 7000 единиц: более 500 ил. Москва, 2008.
7. *Глинкина Л. А.* Этимологические тайны русской орфографии. Словарь-справочник: ок. 6000 слов. Москва, 2006.
8. *Глинкина Л. А., Чередниченко А. П.* Историко-лингвистический комментарий фактов современного русского языка: сб. таблиц, упражнений, материалов для студ., аспирантов, преп.-филологов. Москва, 2005.
9. *Глинкина Л. А.* Русское словообразование в историческом освещении. Материалы к спецкурсу и спецсеминару для филологов-магистрантов и аспирантов. Челябинск, 2017.
10. *Иванов В. В.* Историческая фонология русского языка. (Развитие фонологической системы древнерусского языка в X–XII вв.). Москва, 1968.
11. *Колесов В. В.* История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак-тов высш. учеб. заведений. Москва, 2005.
12. *Плетнева А., Голубева-Монаткина Н.* Исторический путь русского языка // Энциклопедия для детей. Т. 10. Языкознание. Русский язык / гл. ред. М. Д. Аксенова. Москва, 1998. С. 243–257.
13. *Пчелов Е. В., Чумаков В. Т.* Два века русской буквы Е. История и словарь. Москва, 2000.
14. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Москва, 1994.
15. *Шулежкова С. Г. Позднякова Н. В*. Происхождение вторичных согласных (учебно-методическое пособие). Магнитогорск, 2012.
16. *Шулежкова С. Г., Вычкина П. Н*. и др. Ребята, давайте жить дружно!: электронный мини-словарь крылатых выражений из мультфильмов с историко-культурно-лингвистическим комментарием для изучающих русский язык / науч. рук. и ред. С. Г. Шулежкова. Магнитогорск, 2017. 4,87 Мб + блок видеофрагментов из мультфильмов.
17. *Шулежкова С. Г.* Старославянский язык, древнерусский язык и историческая грамматика русского языка: опыт сопоставительного изучения: учеб. пособие. Москва. 2018.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДНОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Владова Илиана
Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария
docvladova@mail.bg

THE PHENOMENON OF TRANSFER MULTIPLICITY IN SCIENCE OF TRANSLATION

Vladova Iliana
Sofia University „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria

Abstract: *The paper deals with problemsrelated to the essence of the peenomenon of translation multiplicity, which has long beenconsideredby translation therorists. On the basis of the factors that affect this phenomenonq several of its manifesttations, which are isolated in a bipolar dichotomy.*

Key words: *translation, translated transfer, genre of the original, artistic text, translated multiplicity, textual embodiment.*

Пока оригинальное произведение имеет одно текстовое воплощение и является уникальным в своей языковой и культурной сущности, то перевод, осуществляя диалог между языками и их культурами, несет приметы многократности, множественности.

Вопрос о переводной множественности давно волнует теоретиков перевода разных теоретических школ в разных странах. Среди них особое место занимают исследования К. И Чуковского, Ю. Д. Левина, С. Д. Роса, В. Д. Радчука, В. Е. Шора, А. Поповича, Ю. В. Левина, П. М. Топера, А. С. Макарова, Н. К. Габровского, Е. С. Шерстневой и др. Впервые термин переводной множественности вводит в теорию перевода украинский исследователь В. Шор. Большинство исследователей после него говорят о многократности перевода, словацкий теоретик Антон Попович употребляет в своих исследованиях „повторяемость перевода“. Следует отметить, что все исследователи вносят свой определенный вклад в изучение этого особого проявления перевода, стараясь при этом определить его характер и причины возникновения. Например, Чуковский видит причину возникновения многократности перевода „в творческой индивидуальности переводчика“ [9]. С понятием „творческой личности“ связывает это явление и Топер [7]. Американский исследователь Самуэль Росс определяет явление многократности перевода как различные формы высказывания об оригинале, которые относятся к нему в отношении „много к одному“ [6]. Согласно Е. Шерстневой, наличие множественности перевода „связано с субъективностью выбора переводческого решения, которая формируется у переводчика на фоне его собственного мировосприятия, а также под влиянием лингвокультурных факторов“ [10].

Несмотря на все попытки проанализировать явление переводной множественности, оно все еще несет открытый характер и предоставляет возможность для дальнейших исследований факторов, которые его порождают.

В настоящем докладе мы ставим себе целью раскрыть зависимость этого явления от жанра оригинала, его проявление в них и обособить факторы, которые его порождают.

Под понятием переводной множественности подразумеваем несколько текстовых воплощений данного иноязычного произведения, порожденных определенными факторами. Исследуя это явление, русский ученый Ю. Левин выявляет несколько

факторов, которые порождают его. По его мнению, само оригинальное произведение должно обладать „достаточным интерпретационным потенциалом, то есть содержать в себе значимые идеи, которые в своей совокупности обуславливают создание несколько переводов“[2].

Это и определяет зависимость явления переводной множественности от жанра оригинала. Очевидно, что она почти невозможна при научном и научно-техническом, а также при официально-деловом текстах, так как эти тексты деперсонализированные, лишенные индивидуальных особенностей и в известной степени шаблонные. В публицистическом тексте переводная множественность имеет место, но она дифференцирована жанровой характеристикой этого текста. При газетной заметке множественность ограничена особенностью речевых клише и речевых стандартов, но в тех публицистических текстах, в которых ярче проявляется индивидуальность автора, как это наблюдаем при очерке, она возрастает. Вполне очевидно, что переводная множественность чаще всего имеет место при художественном переводе, поскольку художественный текст отличается своим эмоционально-экспрессивным характером. Особое место ей принадлежит в поэтическом тексте, который отличается большей обобщенностью поэтических образов, более интенсивной концентрацией мысли и чувства, проявляющейся в самом языке. Большое влияние оказывает и организующая роль стихотворного размера и рифмы, которые несут характеристики данной национальной поэтики. Все эти особенности предоставляют большие возможности для различных интерпретаций. Поэтому один перевод поэтического произведения не препятствует появлению второго, третьего и т.д., которые представляют очередную попытку воспроизведения подлинника с позиции иного поэтического мироощущения. Поэтому „Евгений Онегин“ Пушкина имеет 16 переводов на болгарский язык и 7 переводов на английский язык. Прозаический жанр и, в частности, самый масштабный, каким является роман, не отличается большой переводной множественностью. Это объясняется тем, что в прозаическом произведении преобладает эксплицитная информация над имплицитной, при нем отсутствует вариативность в ритмической организации словесной ткани. Эти особенности прозаических произведений уменьшают возможности индивидуализации прозаического перевода. Разумеется, что данный факт нельзя абсолютизировать, так как история как русского, так и болгарского прозаического переводов свидетельствует о наличии нескольких переводов одного и того же прозаического произведения, притом на протяжении одного и того же исторического периода. Так, роман Диккенса „Дэвид Коперфильд“ появился в России в 1851 году сразу в трех переводах, повесть Гоголя „Шинель“ появляется в Болгарии в 1920 году в двух переводах.

Нас, однако, интересует переводная множественность при художественном тексте, который дает возможность раскрыть ее специфические особенности и выявить факторы, порождающие это своеобразное явление.

Переводная множественность довольно сложное явление, которое включает в себя несколько проявлений, обособленных в биполярной дихотомии. Различаем: одноязычная и разноязычная; синхронная и диахронная; функциональная и не функциональная множественность.

Одноязычная множественность перевода сводится к наличию нескольких переводов одного и того же произведения, которые бытуют в данной национальной культуре. Например, болгарские переводы Чехова, Байрона, Мопассана, русские переводы Ивана Вазова, Христо Ботева, А. Константинова.

Разноязычная множественность свидетельствует о включении данного оригинального произведения в мировой диалог культур, в результате чего появляются разные национальные варианты его перевода. Поэтому мы говорим о болгарском,

сербском, немецком, французском, английском переводах Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского.

Перевод особенно подвластен фактору времени. В отличие от подлинника, который является законченным эстетическим процессом в данный исторический период, перевод открыт к вызовам времени. Это и дало основание Ю. Левину говорить о синхронной и диахронной множественности [2].

Синхронная множественность перевода коренится в самой природе переводного трансфера, который по своей сущности представляет интерпретацию оригинального текста, подчиненную объективным и субъективным факторам, культурным универсалиям и национально-специфическим доминантам. Переводное произведение вторично по своей природе. Оно отражает действительность не как таковую, а лишь воспроизводит отражение этой действительности, уже переломленной в творческом сознании автора подлинника или, как принято говорить, перевод отражает вторичную действительность, заключенную в рамках подлинника. Переводчик осуществляет творческую интерпретацию исходного текста, которая сочетает в себе объективные и субъективные, общечеловеческие и национально-специфические особенности. Подобная индивидуализация переводческого процесса, являющаяся вполне объективным явлением, создает возможность для возникновения другого переводного текста, который будет представлять собой иное прочтение оригинала. При этом новом прочтении наблюдается применение иных средств художественной выразительности и воплощение иной индивидуальной переводной стилистики.

Фактор исторического времени является причиной появления диахронной множественности. Она обусловлена как эволюцией языка, так и эволюцией переводческих критериев. Известно, что развитие литературного языка представляет развитие литературной нормы, а норма связана с установленными правилами, унаследованными от предыдущей эпохи. Каждая эпоха вносит в норму изменения под влиянием социально-политических и художественно-эстетических тенденций. Они находят отражение в литературном языке – многие языковые средства архаизируются и уходят в пассивный фонд языка, и вместе с тем появляются новые стилистические средства. Указанные изменения в литературном языке обуславливают появление новых переводов, переведенных в свое время произведений. Исследователи в большинстве своем считают, что нормальный срок, необходимый для того, чтобы потребовались новые переводы данного художественного произведения вследствие исторической эволюции языка, сорок – пятьдесят лет.

Особое влияние на множественность перевода указывает и новое отношение читателя к эстетическим ценностям. Об этом очень метко высказался болгарский теоретик перевода Сидер Флорин. По его мнению, перевод не только устаревает, „изменяются и требования читателей к переводу“... [8].

Появление новых переводов в непосредственной зависимости не только от эволюции языка, но и от развития переводческих критериев оценки перевода, базировавшихся на соотношении между подлинником и переводом. Сама художественная интерпретация эстетических ценностей движется от адаптации и оболгаривания в эпоху Возрождения, через копирование подлинника в конце XIX и начале XX в.в. к художественной адекватности текста перевода исходному тексту во второй половине прошлого столетия и сохраняет эту адекватность в современных условиях.

Особое место среди факторов, порождающих переводную множественность, занимает функциональное предназначение данного перевода, что и дифференцирует переводную множественность на функциональную и не функциональную. Действие функционального фактора наблюдается при переводном трансфере драматических

произведений. В данном случае мы имеем дело с переводом для чтения, с одной стороны, и с переводом для сцены, с другой. Создание спектакля на основе драматического произведения сопряжено с творческим достраиванием, обусловленным требованиями сценической речи. Этой речи присущи определенные функциональные связи. С одной стороны, она связана с живой речью, что и определяет употребление в переводе для сцены удобопроизносимых слов и выражений. Кроме того, сценическая речь выступает в определенные отношения и со слушателями, как в зале, так и на сцене, то есть с другими актерами, к которым она обращена. Все это требует от переводчика учитывать указанные взаимосвязи в подборе переводных эквивалентов. В результате текст перевода пьесы подвергается соответствующим изменениям. Мы переводчики Чехова являемся и участниками, а иногда только свидетелями изменения в текстовой ткани пьес великого писателя, которая разрывается на отдельные короткие предложения, а также меняются и заглавия этих драматических произведений. В результате появляются два текста: для сцены и для чтения, выполняющие разные функциональные роли.

С позиции каждой отдельной национальной литературы переводная множественность представляет фактор, ведущий к большему разнообразию переведенных текстов. С позиции мировой литературы эта множественность содействует распространению доминирующих поэтических, прозаических и драматических произведений по всему миру, что содействует взаимовлиянию, взаимодействию и взаимообогащению отдельных национальных литератур и их культур и, в конечном итоге, ведет к их сближению.

Литература

1. *Габровский Н. К.* Теория перевода. Москва: изд-во Московского ун-та, 2004.
2. *Левин Ю. Д.* Проблема переводной множественности. // Литература и перевод: проблемы перевода. Международная встреча ученых и писателей. Москва, 1991 г. Москва: Прогресс, 1992. с. 98.
3. *Оболенская Ю. Л.* Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Москва: Высшая школа, 2006.
4. *Попович А.* Проблемы художественного перевода. Москва: Высшая школа, 1980.
5. *Радчук В. Д.* Перевод как отражение и эстетическая задача. // Теория и практика перевода 1986, вып. 3.
6. *Ross S. D.* Translation Spektrum. Essays in Theory and Practic. Albany, 1981.
7. *Топер П. М.* Перевод в системе сравнительного литературоведения. Москва: Наследие, 2001.
8. *Флорин С.* Муки переводческие. Москва: Высшая школа, 1983. с.133.
9. *Чуковский К. И.* Принципы перевода. Москва: Всемирная литература, 1920.
10. *Шерстнева Е. С.* Переводная множественность как категория переводоведения: история, статус, тенденции. // cyberleninka.ru.
11. *Шор В. Е.* Теория и практика перевода. // Республиканский межведомственный научный сборник, вып.16. Киев: Выща школа, 1989.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ШКОЛЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА. В. А. ЖУКОВСКИЙ

Иванова Людмила
Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,Украина
lupiv1303@gmail.com

THE HISTORY OF THE RUSSIAN SCHOOL OF THE ART TRANSLATION. V. ZHUKOVSKY

Ivanova Lyudmila
National Pedagogical Dragomanov University, Ukraine

Abstract: *The article is sanctified to the analysis of forming principles of Russian school of artistic translation and embodiment of them in activity of V. A. Zhukovski on the base of expressions of prominent literati 20 and 21 century. His basic functions (elevating mind, выработка of new language and literary means), basic signs ("re-expression" absence of the over-literal rendering), are educed. V. A. Zhukovski underlined that translation for him – at the same time it and stranger he described the technique of translation (Odyssey Homer).Consequently translator–jeweller sending stranger diamonds in the frame of the mother tongue.*

Key words: *artistic translation,Russian school of translation, V. A. Zhukovski.*

Проблема художественного перевода рассматривается в большом количестве научных трудов. Сформировалось специфическое филологическое направление на стыке языкознания и литературоведения.

В каждой национальной литературе указанное направление развивалось по-своему. Мы обратимся к русской переводческой традиции и к одному из самых ярких ее основоположников – В. А. Жуковскому.

В самом обобщенном виде художественный перевод это “вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на русском” [6, с. 656].

Литературоведы относят художественный перевод к сфере искусства, утверждая, что он подчиняется его специфическим законам. Аргументация следующая: ”Начало и конец переводческого творчества лежат в области словесной формы – написанное на одном языке переводчик передает на другом. Однако между исходной точкой и результатом лежит сложный психологический процесс “перевыражения” (слово, упоребленное А. С. Пушкиным и приобретающее ныне права термина) той жизни, которая закреплена в образной ткани произведения”[6, с. 656–657].

Художественный перевод, его специфика локализованы как в пространстве (национальные традиции), так и во времени (становление и развитие этих традиций).

С этих позиций особую актуальность приобретает заявленная в нашей статье тема. Русская переводческая школа была заложена во времена Киевской и Московской Руси, когда делались переводы с церковно–славянского, греческого, латинского и других языков. Первый русский писатель В. К. Тредиаковский был и первым переводчиком того времени, переводами занимались А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, М. М. Херасимов, В. В. Капнист, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин и др.

Большое значение в истории художественного перевода в России имеет деятельность В. А. Жуковского, его наследие позволяет проследить, как уточнялось в русской литературе того времени понимание взаимоотношений оригинальной и переводной литературы.

Не занимаясь специально проблемами художественного перевода, великий А. С. Пушкин высказал целый ряд основополагающих положений.

Во-первых, благодаря переводу человечество движется вперед: ”Переводчики – почтовые лошади просвещения” [5, с. 321].

Во–вторых, „…переводчик должен стараться передавать дух, а не букву” [5, с. 226]. И вполне современная лингвистическая аргументация: „Подстрочный перевод никогда не может быть верен. Каждый язык имеет свои обороты, свои условленные риторические фигуры, свои усвоенные выражения, которые не могут быть переведены на другой язык соответствующими словами” [5, с. 232].

В. А. Жуковский также выступал против буквализма в переводе, однако если А. С. Пушкин говорил о развитии просвещения, то В. А. Жуковский в художественном адекватном переводе видит один из путей обогащения языка-реципиента: „Верные переводы латинских и греческих поэтов и прозаиков (верные в высоком смысле, то есть не бессмысленное слово в слово, а отзыв одного языка в другом так, чтоб и тот и другой слышались в одно время, не вредя один другому несочитанием звуков, а составляя гармонию из их разнородности и различия, такие переводы принесли неслыханную пользу нашему языку, уже довольно утвердившемуся, но еще много приобресть могущему: он свое образование более заимствовал у языков новейших, а дух древности еще не сходил на него” [2, с. 530–531].

Обратим внимание в данной характеристике на важнейший критерий „верного” перевода: чтобы оба языка “слышались в одно время, не вредя один другому”.

Указанные положения автор воплощал в процессе переводческой работы. Итак, обратимся к В. А. Жуковскому. Напомним некоторые важнейшие моменты его жизни и творчества.

Василий Андреевич Жуковский родился в 1783 г., умер в 1852. Литературоведы указывают на то, что начав как антименталист, стал одним из основоположников русского романтизма [4, с. 955], создал первые образцы русской пейзажной лирики [4, с. 957]. Г. Н. Поспелов отмечает: „Для выражения нового понимания душевной жизни и нового восприятия природы Жуковский создал соответствующие формы. Культивируя жанры элегии и дружеского послания, он разработал утонченные средства словесной изобразительности, нашел своеобразный метафорический, язык и новый интонационно-ритмический строй поэтической речи, придавшие его стихам исключительную выразительность и музыкальность” [4, с. 957].

Любимый жанр поэта – баллады, в процессе их создания автор апробировал и развивал поэтический язык: „Баллады Жуковского отличаются сжатостью повествования, захватывающего только важнейшие эпизоды в жизни героев и быстро ведущего конфликт к разрешению. Самые приемы повествования, усиливающие в действиях героев и окружающей их обстановке все необычное, неожиданное, необъяснимое, накладывает на события ореол таинственности. Этому же способствует эмоциональная выразительность и приподнятость интонаций автора, ведущего повествование с помощью риторических вопросов и восклицаний, применяющего соответствующие наречия и междометия (чу, вот, уж, вдруг и т.п.). В своей ритмической форме баллады Жуковского были значительным шагом вперед в разработке русского силлаботонического стиха; часть из них написаны хореями, часть трехсложными размерами. Баллады знакомили русских читателей, воспитанных на рационалистической поэзии классицизма с новым для них миром, отразившим целую эпоху в историческом развитии общества” [4, с. 958–959]. Благодаря балладам В. А. Жуковский утвердил в русской литературе романтизм.

Обратимся к переводческой деятельности поэта. Он познакомил русского читателя с „Орлеанской девой” Ф. Шиллера, с „Шильонским узником” Дж. Г. Байрона, с „Ундиной” Ф. де Ламотт Фуке, с частью индийского эпоса „Махабхарта”, названной „Наль и Дамаянти”, с „Одиссеей” Гомера и др.

По поводу специфики своего перевода В. А. Жуковский высказывался неоднократно. Так, в письме Н. В. Гоголю он подчеркивает свое „соавторство“: „Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение или в дополнение чужих мыслей. Мой ум как огниво, которым надобно ударить об кремень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое“ [2; 468].

Попытаемся разобраться в последнем положении. Переводчику удавалось трепетно сохранять „чужое”. Так, по поводу перевода „Рустема и Зораба” В. А. Жуковский писал Н. В. Гоголю: „Я…кончил „Рустема и Зораба“ которого (в этом я уверен) ты прочтешь с удовольствием, ибо в этом отрывке, составляющем целое, высокая поэзия Древней Греции, необразованного Запада, но пышного пламенного Востока“ [2, с. 472].

В процессе перевода „чужое” становилось „своим”. Не случайно В. А. Жуковский пишет об „усыновлении” Н. И. Гнедичем Гомера: „Россия будет вам благодарна за старика Гомера, которого вы ей усыновляете, я радуюсь, между прочим, и старому гекзаметру, который вотще нашим почетным любимцами Феба, ближе к гармонии вдохновленных лир, чем сухой и прозаический ямб, освещенных привычкою” [2, с. 476]. Таким образом, в процессе перевода происходит обогащение и поэтическими размерами.

Перевод – это гармония двух талантов. Так, А. С. Пушкин восхищался переводами „Шильонского узника” Д. Г. Байрона, сделанными В. А. Жуковским. В письме Н. И. Гнедичу, он отмечает: ”Перевод Жуковского estuntour, force (представляет собою чудо мастерства). Злодей! В бореньях с трудностью силач необычайный! Должно быть Байроном, чтобы выразить столь со страшной истиной первые признаки сумашествия, а Жуковским, чтобы это перевыразить”.

Думается, „перевыразить” – ключевые понятия перевода как такового. Гений А. С. Пушкина позволяет одним словом обозначить и все достоинства, и все трудности перевода.

В. В. Набоков сожалеет по поводу отсутствия у В. А. Жуковского собственных тем. „Отсюда его непрестанный поиск сюжетов в произведениях немецких и английских поэтов” [3, с. 530].

В. А. Жуковский в письме С. С. Уварову признавался в отсутствии „собственных басен” [2, с. 535]. „Тем не менеея свои переводы он считал произведениями оригинальными” [2, с. 535].

Значительной вехой в переводческой деятельности В. А. Жуковского явился перевод „Одиссеи” Гомера. Обращение именно к данному произведению переводчик аргументирует так: „…мне захотелось повеселить душу первобытною поэзиею, которая так светла и тиха, так животворит и покоит, так мирно украшает все нас окружающее, так не тревожит и не стремит ни в какую туманную даль… мне захотелось присоедениться к простодушнейшему из всех рассказчиков и, не имея в запасе собственных басен, повторить на Руси его греческие стародавние басни” [2, с. 534].

Помимо восторженной глубокой оценки древнегреческой поэзии, обращают на себя внимание два момента: удовольствие от самого процесса перевода („повеселить душу”) и, несмотря на то, что В. А. Жуковского традиционно связывают со становлением романтизма в русской литературе, автор стремится от него отойти („не стремись ни в какую туманную даль” – типичный романтический образ).

В письме С. С. Уварову, В. А. Жуковский детально описывает технику перевода „Одиссеи”.

Немецкий профессор Грасгоф „…под каждым греческим словом поставил немецкое слово и под каждым немецким – грамматический смысл оригинального. Таким

образом, я мог иметь перед собою весь буквальный смысл „Одиссеи” и иметь перед глазами весь порядок слов” [2, с. 535]. „…мне надлежало из данного нестройного выгадывать скрывающееся в нем стройное, чутьем поэтическим отыскивать красоту в безобразии и творить гармонию из звуков, терзающих ухо; и все это не во вред, а с верным сохранением древней физиогномии оригинала. В этом отношении и перевод мой может называться произведением оригинальным” [2, с. 535].

„Передавая моему языку его девственную поэзию (которой гармония доходила до моего слуха посредством визгов подстрочного немецкого перевода), я некоторым образом принужден был спрашиваться с самим гением Гомера, не имея материального посредничества и в языке его, и эта духовная беседа с тенью имела для меня чудную прелесть” [2, с. 539]. Обратим внимание на попутное замечание по поводу звучания немецкого языка, к чему обратился немец.

Переводчик озабочен не только эстетическими проблемами, он говорит о воспитательном потенциале поэмы (возможно, в данном случае, сказалась должность воспитателя наследника престола, на которой он пребывал 15 лет): „По моему мнению, нет книги, которая была бы столь прилична первому светлому периоду, как „Одиссея”, возбуждающая все способности души прелестью разнообразною; надобно только дать в руки молодежи не одну сухую выписку в прозе из Гомеровой поэмы, а самого живого рассказчика Гомера, который в одну раму заключил всю древнюю Грецию с чудесными ее преданиями, с ее первобытными нравами” [2, с. 538].

Именно такой поэтический перевод создал В. А. Жуковский. Остается сожалеть, что для нынешней нашей молодежи, вопреки желаниям автора, перевод „Одиссеи” не стал настольной книгой.

Современно и актуально утверждение В. А. Жуковского: „…будет значительною эпохою в нашей поэзии это позднее появление простоты древнего мира посреди конвульсий мира современного” [2, с. 540].

Поэт осознает свою роль в создании (благодаря переводу немецких и английских произведений) романтизма в русской поэзии, однако, главная его заслуга – перевод Гомера (попутно вспомним непочтительное замечание о звучании немецкого языка): „…что я (во время оно родитель на Руси немецкого романтизма и поэтический дядька чертей и ведьм немецких и английских) под старость загладил свой грех и отворил для отечественной поэзии дверь Эдема, не утраченного ею, но до сих пор для нее запертого..., спешу закончить свою сладостную беседу с моим 3000–летним стариком” [2, с. 541].

Таким образом, мы познакомились и с пониманием перевода В. А. Жуковским, и даже в некоторой степени с его техникой.

Обратимся к тому, как оценивали переводческую деятельность поэта выдающиеся литераторы – его младшие современники (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь) и поэты–переводчики XX века, в частности – В. В. Набоков. Как мы уже отмечали, художественный перевод – любимая сфера поэтической деятельности В. А. Жуковского. Да, у него действительно практически не было своих „тем”, „басен”, как писал сам поэт, однако в процессе перевода возникало „сотворчество”, „свое и чужое” одновременно, создавались оригинальные произведения, а главное – формировалось понимание перевода как двигателя прогресса („почтовые лошади просвещения”), развивающего и совершенствующего литературный язык, формировались принципы перевода. Н. В. Гоголь подчеркивал: „Переводя, производил он переводами такое действие, как самобытный и самоцветный поэт. Внеся это новое, дотоле незнакомое нашей поэзии стремление в область незримого и тайного, он отрешил ее самое от материализма не только в мыслях и образе их выражения, но и в самом стихе, который стал легок и бестелесен, как видение. Переводя, он оставил переводами початки всему

оригинальному, внес новые формы и размеры, которые стали потом употреблять все другие наши поэты" [1, с. 149].

Итак, В. А. Жуковский „самобытный и самоцветный поэт". А. С. Пушкин отличительной чертой школы, основанной Жуковским и Батюшковым, называет „гармоническую точность" [5, с. 53]. Ему вторит В. В. Набоков: „Жуковский обладал сильной и изысканной лирой с оригинальным строем" [3, с. 530].

Н. В. Гоголь обращается к истокам поэтического творчества своего старшего современника: „Признаки творчества показал он в себе уже с самого начала своего поприща: „Светлана и Людмила" разнесли в первый раз греющие звуки нашей славянской природы, более близкие нашей душе, нежели какие раздавались у других поэтов. Доказательством тому то, что они произвели впечатление сильное на всех в то время, когда поэтическое чутье у нас было, еще слабо развито. Элегический род нашей поэзии создан им [1, с. 149].

Таким образом, по мнению А. С. Пушкина, „Жуковского перевели бы все языки, если бы он сам менее переводил" [5, с. 259].

Думается, именно поэтический талант обусловил принципы переводческой деятельности В. А. Жуковского, легшие в основу русской переводческой школы.

1. Неприятие буквализма, необходимо „перевыразить" (А. С. Пушкин). В. В. Набоков отмечал: „Его переложения зарубежной поэзии вовсе не переводы, но талантливые, удивительно мелодичные и захватывающие пересказы (подчеркнуто мной – Л. И.), тем более завораживающие, если читателю неизвестен первоисточник. В лучших своих творениях Жуковскому удается передать читателю наслаждение, которое он сам получает от одного стихотворного образа к другому" [3, с. 530].

2. Обогащение и развитие русского языка и литературного процесса.

3. Формирование техники перевода (на примере „Одиссеи" Гомера)

4. В. В. Набоков указывает на недостатки в переводческой деятельности В. А. Жуковского: „Его основные недостатки – постоянное стремление к упрощению и делокализации текста (метод, характерный для французского перевода того времени), а также к замене всех шероховатых и необычных частностей благолепным обобщением" [3, с. 530].

В качестве итога нашего анализа сошлемся на блестящий образ, вышедший из-под пера Н. В. Гоголя: „Перед другими нашими поэтами Жуковский то же, что ювелир перед прочими мастерами, то есть мастер, занимающийся последнею отделкою дела. Не его дело добыть в горах алмаз – его дело оправить этот алмаз таким образом, чтобы он заиграл всем своим блеском и выказал бы вполне свое достоинство всем. Появление такого поэта могло произойти только среди русского народа, в котором так силен гений восприимчивости, данный ему, может быть, на то, чтобы оправить в лучшую оправу все, что не оценено, не возделано и пренебреженно другими народами" [1, с. 157].

Следовательно, функция переводчика не только ввести переводимое произведение в контекст родной культуры, литературы, обогатить ресурсы языка, но и украсить его благодаря использованию ресурсов языка-реципиента.

Литература

1. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений в 6 т., том шестой. Избранные статьи и письма. Москва, 1950.
2. *Жуковский В. А.* Сочинения в 3-х томах. Т.3. Сказки: Эпос; Художественная проза; Критика; Письма. Москва, 1980.
3. *Набоков В. В.* Комментарии к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин". / Перевод с английского. Санкт-Петербург, 1998.
4. *Поспелов Г. Н.* Жуковский // Краткая литературная энциклопедия, Т2. Москва, 1964.
5. *Пушкин А. С.* Собрание сочинений в 10 томах, Т.VI. Критика и публицистика. Москва, 1962.
6. *Топер П. М.* Перевод художественный // Краткая литературная энциклопедия Т.5. Москва, 1968.

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ ТРЕХЪЯЗЫЧИЯ В КАЗАХСТАНЕ

Карасаева Халам
Колледж «Кайнар», Казахстан
karassaeva@mail.ru

PROBLEMS WITH EDICATIONAL PROCESS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION UNDER CONDITIONS OF POLICY OF TRILINGUALISM IN KAZAKHSTAN

Karassayeva Khalam
College «Kainar», Kazakhstan

Abstract: *Over the course of time, various challenges to the development of the global community have unfolded the simple truth: the world is open to those, who can integrate in the community. Political, economic and socio-cultural integrational process have determined the importance of language policy in Kazakhstan emphasising the development of the country's intellectual potential to projecting intercultural and communicative educational paradigm. The cultural project "The Trinity of language " is directed to the development of the national language and the support for Russian and English languages in Kazakhstan.*

Key words: *globalism, multilingualism, policy of trilingualism, language skills.*

В современном многонациональном и мультикультурном мире, переживающем войны и конфронтацию, проблема консолидации общества является особо актуальной. Ученые и политики находятся в постоянном поиске путей достижения общественного согласия, эффективных программ толерантного сосуществования этносов.

Казахстан представляет собой страну многоязычной коммуникации, где проживает более 100 этносов, владеющих собственными языками. Конституция Республики Казахстан государственным языком провозгласила казахский язык, языком межнационального общения определен русский язык.

Знание языков всегда было показателем интеллектуального и культурного уровня человека. Великий казахский поэт и просветитель Абай в своих трудах неизменно призывал молодежь изучать русский язык, который позволит взаимодействовать с носителями русской культуры, расширит круг знаний, обогатит национальную картину мира.

Как и в других союзных республиках, в силу вековых исторических процессов, связавших народы России, а затем СССР, в Казахстане на протяжении десятилетий формировалось билингвальное общество. Практика межъязыковых контактов стала осуществляться путем попеременного или спонтанного переключения с одного языкового кода на другой, постепенно оба языка, казахский и русский, стали равно использоваться как в бытовой, так и в профессиональной, деловой и научной сферах.

Политико-экономические, социально-культурные интеграционные процессы глобализации, происходившие в Казахстане, дали толчок к массовому изучению и овладению английским языком. Вызовы времени, определяющие развитие мирового сообщества, диктуют простую истину: мир открыт тому, кто сумеет интегрироваться в глобальный мир.

В XXI век Казахстан вошел с амбициозными проектами, одним из которых является инновационная языковая политика, инициированная президентом Н. А. Назарбаевым. К идее полиязычия, как к консолидирующему фактору в стране, президент впервые обратился в 2004 году, в 2006 году отметил значимость для подрастающего поколения сознательного изучения и овладения иностранными языками. С этой целью получила реализацию долгосрочная президентская программа «Болашак», когда тысячи отличников

учебы получили возможность обучаться в зарубежных образовательных учреждениях. В 2007 году президент в Послании народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире» озвучил культурный проект «Триединство языков». Было отмечено, что развитие страны в последние два десятилетия позволило осознать жизненную необходимость интеграции в глобальный мир: «Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык – государственный язык, русский язык – как язык межнационального общения, и английский язык – язык успешной интеграции в глобальную экономику» [1].

Английский язык, являясь языком стран с высокоразвитой экономикой, стал инструментом не только мировой коммуникации, но и языком науки и бизнеса. Владение английским языком становится неотъемлемым компонентом успешной самореализации личности.

В одном из своих выступлений президент Н. А. Назарбаев особо отметил «значение и роль английского языка, открывающего казахстанцам окно в мир инноваций, технологий и бизнеса». В этой связи, приоритетным направлением языковой политики в стране стала комплексная разработка проблемы функционирования английского языка в профессиональной и межкультурной коммуникации.

В Концепции развития полиязычного образования, разработанной Министерством образования и науки Республики Казахстан в 2012 году, определены приоритеты языковой политики, среди которых важнейшими являются развитие интеллектуального потенциала страны путем реализации межкультурно-коммуникативной парадигмы образования: «…на уровне образования обеспечить повсеместное внедрение триязычия. Так мы можем построить логическую систему овладения языками. Азы будут изучать на уровне детского сада, в школе – базовый уровень, в университете или в колледже – профессиональный язык по специальностям» [2].

Основной целью образовательных учреждений стало формирование личности, владеющей коммуникативными компетенциями на трех языках, и при этом идентифицирующей себя со своим народом и с его историко-культурным наследием.

В программном документе о функционировании и развитии языков на 2011–2020 гг. намечено к 2020 году увеличение доли населения, владеющего английским языком, до 20 %, а число трехъязычных людей должно достичь 15 %. Министерство образования и науки РК разработало единый стандарт обучения языкам, который подчинен критериям международного общеевропейского стандарта лингвистической компетенции, предъявляющим унифицированные требования к владению иностранным языком на разных этапах обучения. Преподавание отдельных предметов в общеобразовательной школе начало осуществляться на трех языках вне зависимости от языкового профиля образовательного учреждения. В учебные планы технического и профессионального образования и бакалавриата были включены дисциплины «Профессиональный казахский (русский) язык и «Профессионально-ориентированный иностранный язык». В обучающем процессе усиливаются аспекты профессиональной коммуникации, обучение перестраивается на производственно-ориентированный контент с обязательным моделированием коммуникативных ситуаций из сферы предстоящей трудовой деятельности.

Овладение профессионально-ориентированным языком означает функциональную грамотность, свободное использование будущими специалистами коммуникативных и специальных компетенций на родном и другом языках. К сожалению, будущие специалисты не всегда осознают важности овладения профессионально-коммуникативными компетенциями, поэтому, придя на современное высокотехнологическое производство, убеждаются в собственной профессиональной недостаточности, которая препятствует карьерному росту.

Задача образовательных учреждений состоит в повышении у будущих специалистов мотивации к изучению других языков. Изучение русского и английского языков предполагается осуществлять на основе государственного языка.

Но в процессе реализации проекта триединства языков определились проблемы. Одна из проблем связана с состоянием казахского языка. В школе его изучают систематически и ежедневно в течение 11 лет, далее изучение продолжается в колледжах и вузах. Но, к сожалению, кроме самих казахов, представители других национальностей практически казахским языком не владеют.

Специалисты видят причину в устаревшей методике преподавания, направленной на усвоение грамматических правил, другая причина кроется в недостаточности межъязыковых инструментов изучения языка, современных электронных переводных средств и мобильных интернет-приложений.

В этих условиях преподаватели используют богатейший межъязыковой потенциал и лексический инструментарий русского языка, недаром русский язык в Казахстане продолжает служить языком-посредником межкультурной коммуникации, а также является незаменимым средством в изучении иностранного языка и в переводческой деятельности.

Процесс овладения иностранным языком изменяет языковое сознание. Претерпевает изменения традиционная национально-художественная картина мира, присущая самобытному народу. С изучением другого языка и с его последовательным практическим использованием происходит процесс заметного встраивания иного микромира, иной знаковой системы в мировидение индивидуума, обновленные когнитивные способности расширяют и разнообразят сложившийся образ мира.

Л. В. Щерба указывал, что в изучении иностранного языка необходимо учитывать различия между языковыми картинами мира: «Сравнивая один язык с другим, мы наглядно убеждаемся в произвольности той картины внешнего мира, которая отражается в нашем языке» [5, с. 344]. Успех работы по освоению языков он видел в приобщении к национальной культуре изучаемого языка. В языках содержится национально-специфическая лексика, отражающая условия и предметные понятия исторической и духовной эволюции этноса. Вследствие различия бытового уклада, национальной шкалы эстетических и этических ценностей и норм, данная лексика может не иметь в других языках своего словесного эквивалента. Существуют эмоциональные различия между как бы аналогичными значениями слов и выражений с их подлинным смыслом. Незнание этих особенностей приводит к ошибочному восприятию речи на другом языке. Следовательно, преподавателю не обойтись без элементов сопоставительного языкознания и сравнительного литературоведения; этнокультуроведческий анализ необходим для сопряжения двух словесно-художественных контентов и раскрытия национально-культурных особенностей изучаемого языка.

«Триединство языков» – долгосрочный стратегический проект, реализация которого позволит вырастить новое поколение казахстанских специалистов, толерантных к ценностям других народов, не испытывающих языкового барьера, конкурентоспособных и востребованных на высокотехнологичном производстве.

Литература

1. *Назарбаев Н. А.* Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. № 218–219.
2. *Назарбаев Н. А.* Казахстан на пути к обществу знаний. Речь перед студентами Назарбаев университета 5 сентября 2012 года. Астана, 2012.
3. *Новый Казахстан* в новом мире. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Астана, 28 февраля 2007 года.
4. *Щерба Л. В.* Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ РЕАЛИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Кирилова Илиана
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского, Болгария
i.kirilova@shu.bg

TRANSLATION STRATEGIES FOR REALIA IN TRANSLATING BELLES-LETTRES

Kirilova Iliana
Konstantin Preslavsky University of Shumen, Bulgaria

Abstract: *The article focuses on culturally marked words and possible ways of their translation from the source language into the target language. The present paper is assigned to provide a theoretical framework of the types of translation and translation strategies.*

Key words: *realia, translation, methods.*

Перевод представляет собой двуязычную коммуникацию и требует учета различия культур ее участников. Каждый язык создает своеобразную картину мира, обуславливая тем самым, появление специфической безэквивалентной лексики, служащей для выражения понятий, которые отсутствуют в другой культуре. Проблема передачи национальной специфики подлинника всегда являлась актуальной для теории перевода. В современном переводоведении учеными постоянно отмечается важность вопроса, связанного с тем, как правильно передать на другой язык реалии, которые, как известно, обозначают предметы и явления присущие только данному народу и ввиду этого дают представление о национальной специфике культуры и языка. Перевод данного слоя лексики является довольно сложной задачей, так как переводчик обязан передать не только содержание и, насколько это возможно, форму реалии, но и ее национальный и исторический колорит. В данной статье сделана попытка обзора различных точек зрения славистов на проблему способов передачи реалий при переводе.

А. В. Федоров считает, что отсутствие лексических эквивалентов того или иного слова не означает, что невозможно передать смысл этого слова в контексте описательно. По мнению автора, условием для верной передачи слов, обозначающих реалии материального быта, является знание самих вещей, стоящих за этими словами, и чем более чужда и далека описываемая действительность с ее отдельными деталями, тем легче возникают ошибки, неточности понимания, приблизительность перевода как в плоскости вещественного содержания, выражаемого ими, так и в стилистическом разрезе [5, с. 182]. А. В. Федоров считает, что есть четыре возможности перевода названий реалий: транслитерация или транскрипция, описательный перевод, уподобляющий перевод и гипонимический перевод. Транслитерация представляет собой непосредственное использование слова, обозначающего реалию, или его корня в написании буквами переводящего языка или в сочетании с суффиксами переводящего языка. Описательный перевод – это создание нового слова или словосочетания для обозначения соответствующего объекта на основе элементов и морфологических отношений, уже реально существующих в языке. По мнению автора, уподобляющий перевод – это использование слова, обозначающего нечто близкое по функции к иноязычной реалии. При гипонимическом переводе слово исходного языка, обозначающее видовое понятие, передается словом переводящего языка, называющим родовое понятие [5, с. 182].

Л. С. Бархударов тоже подчеркивает, что безэквивалентные слова не имеют соответствия в словарном составе языка перевода, однако это не означает, что их нельзя перевести [1, с. 110]. Л. С. Бархударов перечисляет следующие приемы передачи безэквивалентных слов в переводе: переводческая транслитерация и транскрипция, калькирование, описательный перевод, приближенный перевод, трансформационный перевод. Автор указывает, что при транслитерации передается средствами переводящего языка графическая форма слова исходного языка, а при транскрипции – его звуковая форма. Калькирование заключается в передаче безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их прямыми лексическими соответствиями в переводящем языке. Описательный перевод заключается в передаче значения лексической единицы исходного языка при помощи развернутых словосочетаний, которые раскрывают существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей объекта, то есть при помощи ее определения на переводящем языке. Приближенный перевод представляет собой перевод при помощи аналога и заключается в подыскании ближайшего по значению слова в переводящем языке для лексической единицы исходного языка, не имеющей в языке перевода точных соответствий. Л. С. Бархударов указывает, что трансформационный перевод используется, когда при передаче безэквивалентной лексики приходится прибегать к перестройке синтаксической структуры предложения, к лексическим заменам с полным изменением значения исходного слова или же к тому и другому одновременно, то есть к тому, что носит название лексико-грамматических переводческих трансформаций [1, с. 110].

Аналогичную точку зрения разделяет В. Н. Комиссаров. Автор перечисляет следующие типы окказиональных соответствий, которыми можно перевести безэквивалентную лексику: соответствия-заимствования, соответствия-кальки, соответствия-аналоги, соответствия-лексические замены [3, с. 209–214]. Соответствия-заимствования воспроизводят форму иноязычного слова в переводящем языке; эти соответствия создаются с помощью транскрипции или транслитерации. Соответствия-кальки воспроизводят морфемный состав слова или составные части устойчивого словосочетания в исходном языке. Соответствия-аналоги связаны с переводом безэквивалентных лексем исходного языка путем употребления ближайшей по значению единицы языка перевода. Соответствия-лексические замены создаются при передаче значения безэквивалентного слова в контексте с помощью одного из видов переводческих трансформаций, которые лингвистическая теория использует при описании процесса перевода. В случае невозможности создать соответствие указанными приемами для перевода безэквивалентного слова используется описание, которое раскрывает значение безэквивалентного слова при помощи развернутого словосочетания [3, с. 215–226].

С. Влахов и С. Флорин подчеркивают зависимость переводческих решений от осмысления функции реалий в подлиннике, с одной стороны, и с другой – от средств, которые можно привлечь для сохранения реалии в переводе [2, с. 79–80]. Прежде чем приступить непосредственно к переводу, переводчику необходимо осмыслить степень весомости реалии в подлиннике, то есть место, занимаемое ею в контексте, – как она подана автором и какими средствами он пользуется, чтобы довести до сознания читателя ее семантическое и коннотативное значение. Большая часть реалий являются чуждыми, незнакомыми для читателя подлинника. Автор вводит реалии в текст подлинника с целью описания иной действительности, незнакомой читателю. По мнению С. Влахова и С. Флорина, самым успешным является такое введение в текст незнакомой реалии, которое создает условия для ее естественного, непринужденного

восприятия читателем без использования со стороны автора специальных средств для ее осмысления. Не нуждаются в осмыслении также интернациональные реалии, так как у читателя, вследствие их распространенности, уже сложилось о них определенное представление и национальная отнесенность [2, с. 81–82]. С. Влахов и С. Флорин указывают, что все незнакомые реалии требуют введения средств осмысления, если это соответствует замыслу автора переводимого произведения. Наиболее распространенными в литературе средствами осмысления реалий являются следующие:

- графическое выделение реалии на фоне всего текста (при помощи таких средств, как курсив, кавычки, жирный шрифт), однако этот способ позволяет только привлечь к реалии внимание, но не довести ее содержание до сознания читателя;
- развитие содержания реалии;
- употребление наряду с реалией ее нейтрального синонима или родового понятия в качестве приложения;
- объяснение в самом тексте, взятое в скобки, выделенное запятыми или тире;
- пояснение в сноске на нижней части страницы, если нет возможности привести его непосредственно в тексте рядом с реалией;
- толкование реалии в комментариях или списках в конце книги, но следует учесть, что поиск такого пояснения отвлекает читателя непосредственно от повествования.

При выборе средств осмысления реалии, переводчик должен учитывать значимость реалии и ее зависимость от словесного окружения [2, с. 83–86].

По мнению С. Влахова и С. Флорина, приемы передачи реалий при переводе сводятся к двум: транскрипции и переводу [2, с. 87].

Транскрипция предполагает введение в текст перевода при помощи графических средств переводящего языка соответствующей реалии с максимально допускаемым этими средствами фонетическим приближением к ее оригинальной фонетической форме. Желательность применения транскрипции при передаче реалий обусловлена тем, что при удачном транскрибировании переводчик может преодолеть обе трудности – передачи и смыслового содержания, и колорита. Транскрипция довольно часто применяется в художественной литературе. В авторской речи или тексте с подробными описаниями транскрипция может быть наиболее удачным решением, так как в таких текстах шире возможность для раскрытия содержания реалии. Выбор транскрипции при переводе также зависит и от читателя, на которого ориентирован текст, то есть необходимо учитывать степень известности реалии, поскольку она не должна остаться за пределами читательского восприятия. Одно из основных достоинств транскрипции как приема является максимальная краткость, что в ряде случаев является основной причиной транскрибирования. Следует отметить, что к применению транскрипции надо относиться с осторожностью, поскольку в некоторых случаях передача колорита, не являясь определяющим фактором, может оттеснить на второй план передачу смыслового содержания реалии, не выполнив тем самым коммуникативную задачу перевода. Обилие транскрибированных слов может привести к перегрузке текста реалиями, которая не сближает читателя с подлинником, а отдаляет от него [2, с. 87–88].

Перевод реалии, как прием ее передачи на переводящем языке, по мнению авторов, применяется в тех случаях, когда транскрипция невозможна или нежелательна. С. Влахов и С. Флорин перечисляют следующие типы перевода реалии:

1. Неологизм:

а) калька,

б) полукалька,
в) освоение,
г) семантический неологизм.

2. Приблизительный перевод:
а) родо-видовое соответствие,
б) функциональный аналог,
в) описание, объяснение, толкование.

3. Контекстуальный перевод [2, с. 93].

Введение неологизма – наиболее подходящий после транскрипции способ сохранения семантики и колорита переводимой реалии, считают С. Влахов и С. Флорин. По их мнению, калька – заимствование слова путем буквального перевода – позволяет перенести в язык перевода реалию при максимально полном сохранении семантики. Однако сохранение семантики не означает сохранение колорита, поскольку части слова или словосочетания передаются средствами языка перевода [2, с. 88]. Полукальки представляют собой заимствования слов или словосочетаний, состоящие частью из элементов исходного языка, частью из элементов переводящего языка. Неологизм также является формой освоения, связанной с приданием иноязычному слову облика родного для переводящего языка на основе материала, уже имеющегося в исходном языке. Последним в группе неологизмов, описываемых С. Влаховым и С. Флориным, является создание переводчиком семантического неологизма, то есть слова или словосочетания, позволяющего понять смысловое содержание передаваемой реалии. Следует отметить, что перевод реалий неологизмами наименее употребителен [2, с. 89–90].

С. Влахов и С. Флорин считают, что приблизительный перевод реалий является самым употребительным. Этим приемом переводчик может передать предметное содержание реалии, но при этом обычно колорит теряется. Родо-видовая замена позволяет передать семантику реалии словом с более широким, в очень редких случаях с более узким, значением, заменяя видовое понятие родовым. В сущности, используя родо-видовую замену, переводчик прибегает к известному в переводоведении приему генерализации. Весьма распространен прием функционального аналога, который вызывает у читателя перевода те же ассоциации, что и у читателя подлинника. Часто функциональный аналог используется для передачи реалий-мер, когда они предназначены для создания у читателя каких-то качественных представлений. Реалии также можно перевести приблизительно приемом описания, объяснения, толкования. Этот прием используется, когда у переводчика нет выбора – понятие, не передаваемое транскрипцией, приходится объяснять [2, с. 90–91].

С. Влахов и С. Флорин указывают, что контекстуальный перевод сходен по своему принципу с приблизительным переводом и противопоставлен словарному, поскольку переводимое слово при использовании этого приема может иметь соответствия, отличающиеся от приведенных в словаре. Контекстуальный перевод заключается в замене словарного соответствия при переводе контекстуальным, логически связанным с ним. При использовании этого приема основной ориентировкой переводчика служит контекст. Авторы считают, что основным недостатком контекстуального перевода является полное исчезновение реалии как носителя определенного национального колорита [2, с. 92].

К средствам передачи реалий следует отнести и предложенные Р. Лапиалм способы:

– добавление: введение подстрочного примечания переводчика, толкование реалий в словарях / глоссариях, введение предисловия переводчика и др.;

– опущение: реалия не переводится, а опускается [4].

Выбор приемов передачи реалии зависит от характера текста, от значимости реалии в контексте, характера самой реалии, ее места в лексических системах исходного и переводящего языков, от самих языков – их словообразовательных возможностей, литературной и языковой традиции, и от читателя перевода (по сравнению с читателем подлинника).

Литература

1. *Бархударов Л. С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). Москва: Международные отношения, 1975. 240 с.
2. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Москва: Международные отношения, 1980. 343 с.
3. *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. 253 с.
4. *Leppihalme, Ritva*. Realia. In: Yves Gambier & Luc van Doorslaer (eds): Handbook of Translation Studies. John Benjamins: Amsterdam, 2011. p. 126–130.
5. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). Москва: Издательский Дом „Филология Три“, 2002. 348 с.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ
(на примере Университета туристическо-ресторанного бизнеса в Сербии)

Наумович Гордана
Университет Сингидунум, Сербия
lula953@gmail.com

LINGUISTIC PROBLEMS OF TRANSLATION AND INTERCULTURAL COMMUNICATION
(on the example of the University of Tourist and Restaurant Business in Serbia)

Naumovich Gordana
University of Singidunum, Serbia

Abstract*: Mistakes of Serbian non-philology students in Russian language: types and causes; why Russian language in Serbia increasingly loses its significance, and why pupils and students year after year show less and less interest in its study.*

Key words*: words of the same root and different meanings in Russian and Serbian languages; comparative and contrastive methods (examples); difficulties which arise in the process of adoption of the given topic Do not mix, Russian words, which are close to Serbian words by the root origin or formal similarities, but have different meanings, are given; mismatch Russian and Serbian reflexive verbs same root*.

Русский и сербский генетически родственные языки. Они образованы из одного языка – „праотца“, от которого в течение времени отделились и эволюционировали каждый по-своему. В связи с тем, усвоение русского языка в сербской речевой среде часто сопровождается и употреблением учениками и студентами ряда ошибочных понятий [1]. Таким образом, в связи с изучением русского языка в сербской речевой среде чувствуется сильное интерферентное воздействие, которое одновременно несет и положительные эффекты, и недостатки [2].

Сопоставительно-контрастивный метод играет огромную роль в преодолении интерференции, которая является причиной типичных ошибок, где последствия могут быть гораздо серьезнее, чем там, где речь идет не о родственных языках. В распределении тем автор, в первую очередь, имел в виду программные цели, ориентирующиеся на учебный процесс в Университете туристическо-ресторанного бизнеса в Белграде. В Практикуме с рабочей тетрадью [Г. Наумович 2010] данный материал требует от студента осторожности в использовании „похожих слов“, значение которых он должен обязательно проверить.

В Комментариях особое внимание обращается на трудности, которые встречаются в процессе усвоения данной темы. Напр., **Не смешивать** в русском языке значения слова «жена – женщина». Фраза: «Это его женщина» – не говорит о том, что это его супруга (жена). Она может быть понята и двусмысленно.

Вас ждет (какая-то) женщина. – Чека вас (некаква) **жена.**

Жена (супруга) его ждала. – **Жена** (супруга) га је чекала код улаза.

После ***Комментариев*** обязательно является рубрика ***Ошибочно***, а заключительной рубрикой является колонка ***Не смешивайте***, где представлены те русские слова, близкие по корневому или формальному сходству с сербскими, но их значения различные.

Не смешивать: Ошибочно!

фамилия (р.)**;** (серб.) – семья***)***

Как твоя фамилия? (р.) – (серб.) Как твоя семья?

странный человек – (серб.) **чудан човек (**р. иностранец**)**;

На пороге дома стоял какой-то иностранец. (серб.)

поздравить – (серб.) ***поздравити некога, (***р. приветствовать);
Я поздравляю вас с успехом. – (серб.) Я приветствую вас…
бокал – (серб.) **бокал** (р. кувшин, графин)
Этот бокал шампанского выпьем за нашу Нину. С днем рождения!
Этот бокал шампанского выпьем за нашу Нину. С днем рождения!
Секрет – (серб.) **секрет;** (р. секреция)
живот – (серб.) **живот;** (р. жизнь)
понос – (серб.) **понос; (**р. достоинство, гордость**)**
У него болит живот. У него и понос.
С поносом он вышел на сцену театра.
Его болит жизнь. У него (есть) и гордость.
пролив – (серб.) **пролив**; (р. понос, излияние)
Не смешивать:
р. виноград – серб. плод винограда (р. виноградник); котлет(а) – серб. крменадла (р. свиная отбивная); печенье – серб. печење (р. жареное мясо);
банка **–** серб. банка (р. банк); сохранить – серб. сахранити (р. схоронить);
частный – серб. частан, поштен (р.честный); ужин – серб. ужина (р. полдник);
право – серб. право; (р. прямо)
– Как дойти до гостиницы?
– Право, потом налево до магазина, а потом снова право. (р.)
– Прямо, потом налево до магазина, а потом снова прямо. (серб.)
(Возникает вопрос, нашел ли гость свою гостиницу)?

Очень частые ошибки студентов туристическо-ресторанного бизнеса:
вредный – серб. вредан (р. трудолюбивый); **кор́ыстный** – серб. користан (р. полезный);
Он вредный и корыстный человек. р.
Он трудолюбивый и полезный человек. серб.
Скупо́й – серб. скуп (р. дорого́й); **бран́ить** – бранити (р. защищать);
Затрудни́ть – серб. затруднети; (р. забере́менеть); **о́браз** – серб. образ;
(р. щека́, честь); **играть** – серб. играти (р. танцевать); **устать** – серб. устати; (р. встать);
Глаголы **стоять**, **лежать**, **висе́ть**, часто употребляются ошибочно.
В сербском языке чаще всего употребляется один глагол – **стојати** (р. стоять).
На столу **стоји** књига и лампа. На поду **стоји** тепих, а на зиду **стоји** портрет. (серб.)

Несовпадение русских и сербских возвратных глаголов
Существует много таких глаголов на **-ся**, которые усложняют у сербов правильное употребление в разговорной речи. И наоборот.
ложиться – лећи; **начаться** – почети; **остаться** – остати; **ошибаться** – грешити; **признаться** – признати; **садиться** – седети; **учиться** – учити (и учити се);
вспоминать – **сећати се**; вспомнить – **сетити се**; шутить – **шалити се**, (подсмевати се); заболеть – **разболети се**; играть – **играти се** (и играти)
Изучение русского языка в Сербии (и Черногории) сегодня все больше теряет свое значение. В результате потерянного интереса к изучению русского языка мы, в Сербии, получили – излишек преподавателей, профессоров и переводчиков русского языка.
Не хочется думать, что для сербских детей пустым звуком окажутся имена Пушкина, Достоевского, Толстого, Ахматовой и всей блестящей плеяды русских писателей.

Литература

1. *Брайкович Н.* Русский язык как инославянский // Славистическое общество Сербии, 2009.
2. *Прохоров Ю. Е.* Коммуникативное поведение, Москва, 2006.
3. *Наумович Г.* Русский язык – практикум для школ туристично-ресторанного бизнеса, Издательство учебников Сербии, Белград, 2012.
4. *Наумович Г.* Опыт создания учебника в Сербии // Сборник научных работ, Киев, 2016.

О СПЕЦИФИКЕ ПЕРЕВОДА КАК ФЕНОМЕНА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ
(на примере русского и болгарского языка)

Солнцева-Накова Екатерина, Манчев Владимир
Софийский университет им. Св. Климента Охридского, Болгария
solnceva@yahoo.com

FOR THE SPECIFICS OF TRANSLATION AS A PHENOMENON OF INTERCULTURAL COMMUNICATION
(on the examples in Russian and Bulgarian)

Solnceva-Nakova Ekaterina, Manchev Vladimir
Sofia Universitety „St. Kliment Ohridski“, Bulgaria

Abstract: *The authors of the paper examines the specificity of translation as a phenomenon of intercultural communication based on the understanding of language as a component of culture. This is done in the context of publications on general problems of the intercultural communication.*
Key words: *translation, intercultural communication.*

На протяжении последних лет все больше исследователей проявляет интерес к переводческой деятельности, которая является основным средством межкультурной коммуникации.

Под влиянием концепций межкультуриой коммуникации западных ученых К. Гирца, В. Гудикунста, Г. Триандиса, Э. Холла, Г. Хофштеде в 1990-е гг. в науке произошел стремительный рост интереса к исследованию различных проблем межкультурного взаимодействия и диалога культур. Среди публикаций по общим проблемам межкультурной коммуникации следует выделить работы Т. И. Астафуровой, Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Л. В. Куликовой, О. Л. Леонтович, Ю. Е. Прохорова, Ю. А. Сорокина, И. Л. Стернина, В. П. Фурмановой.

Системный подход в изучении межкультурной коммуникации, включающий в себя психологический, социальный, культурологический, аксиологический и другие аспекты, представлен в работах Н. Л. Лысенко, Ж. Л. Верховской, Л. И. Гришаевой, В. Г. Зинченко, Н. К. Иконниковой, И. В. Наместниковой, Т. Н. Персиковой, В. Е. Черниковой, П. В. Янкиной.

В современной культурологии вопросы динамики культурных изменений и тенденции формирования новых направлений культурной динамики рассмотрены в трудах А. С. Ахиезера, К. Х. Делокарова, В. К. Егорова, И. В. Кондакова, Л. Н. Москвичева, А. А. Оганова, Н. А. Хренова.

В настоящее время весьма важный теоретический и методологический вклад в философско-антропологическое и культурологическое исследование проблемы взаимодействия и взаимопонимания культур вносят российские ученые А. А. Велик, В. В. Кочетков, Н. М. Лебедева, Е. А. Сайко, В. Сикевич, Н. Г. Скворцов, Т. Г. Стефаненко.

Как известно, перевод – это процесс замещения текста на одном языке текстом на другом языке. Разумеется, текст не является простым набором элементов: даже одни и те же (или сходные) слова и выражения могут иметь разные значения, вызывать разные эмоции и ассоциации у носителей двух, пусть даже близких, языков. Поэтому переводить надо, образно выражаясь, дух текста, а не его букву. Переводчик должен уметь видеть второй план (эстетический, исторический, этнокультурный), а не отдельные предложения и слова. В наибольшей степени это относится к художественной литературе. Поэтому при переводе художественного текста столь

необходимо быть знакомым как с культурой исходного языка, так и с культурой языка перевода.

Термин „межкультурная коммуникация" был введен американским специалистом в области культурной антропологом Э. Холлом в 1954 г., написавшем в соавторстве с Д. Трагером книгу "Культура как коммуникация". В то же время он определил межкультурную коммуникацию как особую и перспективную область научных исследований и практического обучения. В сфере лингводидактики впервые определение термина „межкультурная коммуникация" сформулировал академик В. Г. Костомаров: "адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам" [8, с. 26].

Известный французский языковед Жорж Мунэн еще в 1963. г. отмечал тот факт, что в языке отражаются особенности культуры и истории говорящего на нем народа [15, с. 26]. Своеобразие любого языка отражает в известной мере своеобразие исторических судеб, жизни и быта того народа, который является творцом и носителем этого языка. Иными словами, каждый язык должен рассматриваться не только как продукт – атрибут сознания, но и как феномен культуры. Трудно не согласиться с тем, что в истории каждого народа общее сочетается с особенным, причем и то и другое находит отражение в языке. Следовательно, перевод можно и нужно рассматривать как диалог культур. В процессе перевода необходимо передать культурно-этнические особенности народа, с языка которого мы переводим, особенности его исторического пути и народопсихологии.

Говоря о переводе как о феномене межкультурной коммуникации, представляется необходимым дать определение двух основополагающих понятий – культуры и коммуникации.

Для более ясного представления о сущности такого феномена, как культура, обратимся к словарям. Согласно электронной версии "Краткого философского словаря" культура представляет собой "специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой и к самим себе. В понятии культуры фиксируется как отличие человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни (в этом смысле часто противопоставляется природе), так и качественное своеобразие исторически-конкретных форм этой жизнедеятельности на разл. этапах общественного развития, в рамках определенных эпох, этнических и национальных общностей. Также означает уровень совершенства того или иного умения и др. Понятие культуры часто используется как синонимичное понятию цивилизации, но иногда противопоставляется ему" [17].

В свою очередь коммуникация – это "общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и т.д.; передача того или иного содержания от одного сознания (коллективного или индивидуального) к другому посредством знаков, зафиксированных на материальных носителях. Как науч. К., так и К. в др. сферах (напр., в искусстве, литературе, бытовых или производств. отношениях) представляет собой социальный процесс, отражающий обществ. структуру и выполняющий в ней связующую функцию.

Проблема К. получила наиболее развернутую разработку в рамках науковедения, где количественно и качественно исследованы такие формы К., как публикация, дискуссия, интеллектуальное влияние и т. п. Науч. К. представляет собой функциональную подсистему в рамках системы движения науч. информации (общение членов одного коллектива или "невидимых колледжей" для получения нового знания, соавторство, передача добытой информации др. специалистам, популяризация,

практич. использование знаний путем их сообщения в инженерно-прикладную сферу) …” [16].

Трудности, возникающие при осуществлении межкультурной коммуникации в процессе перевода могут быть связаны, например, с передачей топонимов, причем следует особо подчеркнуть, что топонимия, являясь неотъемлемой частью лингвокультурной информации, представляет собой несомненный интерес с точки зрения, как теории, так и практики перевода. Вступая в контакт с другими народами, расселившиеся на обширной территории, славянские племена усваивали наряду с иной лексикой и географические названия. В качестве примера можно привести турцизм *Джендеми*, проникший в болгарский язык в период османского владычества:

“Жени тук, сред *Джендемите* – помисли си той, – и това е добра плячка!”– “Женщины здесь, среди *Джендема* – подумал он. – Чем не добыча?” [6, с. 210].

В приведенном выше примере передачи болгарского топонима турецкого происхождения *Джендеми*, межкультурная коммуникация едва ли состоялась, так как читателю перевода данная лексема ничего не говорит.

В свою очередь в русском языке бытует определенное количество угро-финских топонимов, таких как *Песь*, *Насва*, *Тосно*, *Валдай*:

“В тех краях продолжается путь,
Где когда-то, беспечно болтая,
Колокольчик – легенда *Валдая*
Волновал утомленную грудь…” [9, с. 195]

Данное обстоятельство можно объяснить активными контактами части восточнославянских племен с финскими племенами.

Специфика языковых единиц, несущих культурную информацию, именно в том и состоит, что они заключают в себе и существенные историко-культурные сведения. Поскольку, несмотря на общность окружающего нас мира, у каждого народа существуют свои специфические предметы быта, традиции, явления истории и культуры для выражения которых, соответственно, нужны особые слова (которые принято называть реалиями) и словосочетания (разложимые и неразложимые). В качестве примера можно привести лексему *квас*, обозначающую национальный русский напиток, аналогов которому нет ни в одной другой стране:

“ – Дай мне *квасу*! – сказал Илья Ильич” [5, с. 73]

Или *березовый сок*:

“…И родина щедро поила меня *березовым соком*” (из песни)

А также болгарское неразложимое сочетание *гюлово масло* (*розовое масло*), известный на весь мир продукт, получаемый из лепестков масленичных роз, являющийся сырьем для парфюмерной промышленности не только Болгарии, но и Франции и других стран:

“ – …Донесох във вашата Прага малко *гюлово масло* – ей го тука, в дисагите”

“– ...Привез в вашу Прагу масла розового малость... тут оно у меня, в сумках” [7, с. 59].

Общеизвестно, что лексема является не только носителем актуального сведения, используемого в повседневном общении, но и обладает способностью аккумулировать информацию историко-культурного плана. Так, например, заметные следы в языках русских и болгар оставило духовное и культурное общение с Византией, причем главным образом это относится к богослужебной и теологической терминологии (нпр.: *акафист, антимнис, икос, ирмос, кондак, дискос, иерей, протоиерей, митрополит, патриарх* и др.). Следует заметить, что византийское влияние не могло не отразиться и на государственном устройстве Руси, распространившись даже на обрядную и символьную сторону власти:

“На царе были *бармы* и отцовские, – ему едва не по колена, – золотые ризы”

“Царят беше с *барми* и с бащиното си – кажи-речи, до коленете му – златно рухо” [11, т.1, с. 142].

Не менее судьбоносными, но имевшими уже явно отрицательный характер, были контакты обоих славянских народов с тюркскими племенами. Двухсотлетнее татаро-монгольское иго существенно замедлило процесс культурного и экономического развития Руси. С тех далеких времен в русском языке сохранились слова преимущественно из области военной и бытовой лексики (нпр.: *аркан*, *колчан*, *турус*, *хан*, *ярлык*, *арба*, *сундук* и др.). Вместе с тем в русский язык перешло известное количество пословиц и иных фразеологических единиц. Был создан однако и ряд русских ФЕ, отражающих отношение порабощенного народа к завоевателям (нпр.: *как Мамай прошел*, т.е. “ничего нет; все пусто; все разграблено и сожжено”; *мамаево побоище* в значении “ужасный беспорядок; полный разгром”; *Незваный гость хуже татарина* и др.). Подобного рода процессы, имевшие место на той или иной стадии развития языков, обязательно следовало бы учитывать при переводе:

“ – Уйди, *орда*! – и стал наматывать бархат на свои грязнейшие прелые лапы…”	“ – Дръпнете се, *татари*! – и взе да намотава кадифето на безкрайно мръсните си вмирисани ходила…” [12, ч.1, с. 42]

Рассматривая этот вопрос, надо было бы подчеркнуть, что еще более драматичным было пятивековое турецкое иго в Болгарии, его тяжелые последствия сказались во всех областях жизни болгарского народа. Неудивительно поэтому, что в болгарском языке сохранилось множество турцизмов, без которых, практически, невозможно представить себе ни одно произведение художественной литературы, описывающее период турецкого владычества. Аналогичным образом обстоит вопрос и с народным творчеством, а также с такими жанрами литературы, как исторический роман и хроника-описание исторических событий, где для воссоздания колорита эпохи особенно часто используется лексика турецкого происхождения, понятная современному болгарскому читателю, но недоступная без специального перевода или объяснения русскоязычному читателю (нпр.: *кърсердар, заптие, пехливан, донанма, алтън, кушия, конак, бабаит, спахия* и др.):

“Измаил бе казал, че “веднъж жени син”, а това означаваше, че ще вдигне сватба, каквато се полага на човек с неговото положение: с *пехливанлъци*, *кушии*, награди, с море от шербети и *донанми*”

“Этот Измаил заявил, что у него один сын и что сватьбу он сыграет такую, какая полагается человеку его положения: на ней будут и *скачки*, и *вольная борьба*, и награды победителям, и разливанное море шербета и *разных других напитков*” [10, с. 117].

“*Бабаитите* престанали много-много да излизат”	“Прежние *удальцы* теперь уже остерегались щеголять своей силой” [14, с. 137]

“Кърджалийският *спахия* не се вслушал в тия думи, надвзел жито от своите селяни, а сетне го намерили мъртъв, с глава, напъхана в крина, и промушен с кози рог”.

“*Спахия* из Кырджали не послушался совета, содрал с крестьян лишнюю подать зерном, а вскорости нашли его мертвым, голова в кадку с зерном засунута, в груди козий рог торчит” [14, с. 137].

Лексику, связанную с упомянутым историческим периодом, можно обнаружить и в целом ряде ФЕ: “*Турска* сила, българска неволя”, “нападнали като *делибаши*”, “нападнали като *кърджалии*”, “Къде всички *турци*, там и гол *Асан*” и др. [см. 4, с. 279–283].

Равным образом болгарскому читателю будут непонятны русские реалии, характеризующие период с конца XIV по XVII века (напр.: *засека, приказ, челобитная*, *дыба, шишак, ферязь, дьяк, бердыш, Смута* и др.). Важно отметить также, что именно период, включающий конец XIV и весь XV век, стал временем возрождения культуры русских земель, жестоко пострадавших от татаро-монгольского нашествия, – восстанавливались города, оживала торговля, росло ремесленное производство, возобновилось создание летописей, появились новые центры летописания. Поистине грандиозным событием в русской культуре описываемой эпохи было возникновение в середине XVI века книгопечатания. Кроме того, в XVI столетии невероятно возросло значение Московского государства как политической силы. Римские папы предпринимали неоднократные попытки договориться с русским правительством о церковной унии (с этим связано появление в русском языке лексем *уния*, *униат* и *униатский*) и совместной борьбе с Османской империей.

Заметный и трагический след в истории России оставил период начала XVII века, называемый Смутным временем, когда до предела обострились экономические и политические проблемы и страна подверглась опустошительным нападениям польских, шведских, крымско-татарских завоевателей. Неслучайно именно в эту историческую эпоху приобрели широчайшую известность, а позже превратились в прецедентные некоторые имена собственные, такие, как Иван Грозный, Лжедмитрий, Иван Сусанин; знаковыми стали также названия некоторых исторических реалий типа опричнина. Остановимся лишь на нескольких примерах:

“ Пеплом зарядить пушку и выстрелить, как прахом *Митьки-лжецаря*!!”

“С пепелта му да се зареди топът и да се изстреля като с праха на *Митка-лъжецаря*!” [12, кн. 2, с. 843–844].

“ – Надеюсь, без вашего ведома изобразили здесь эмблему *опричнины*?”

“ – Надявам се, че емблемата на *опричнина* е нарисувана тук без вашето знание?” [13, т. 2, с 99].

В приведенных выше отрывках (и их переводах на болгарский язык) межкультурная коммуникация явно не состоится, по причине отсутствия у большинства современных болгарских читателей информации о таких исторических фигурах, как Лжедмитрий (Григорий Отрепьев) и таких явлениях, как опричнина.

Итак, рассматривая перевод как феномен межкультурной коммуникации, следует иметь в виду, что перевод представляет собой не простую замену слов и выражений одного языка словами и выражениями другого, а, как справедливо заметила И. С. Алексеева, “перевыражение или перекодирование” [1, с. 5], иными словами, переводчик заменяет один культурный код другим.

Кроме того, перевод – это вид коммуникации, который осуществляется с помощью языка (точнее, двух и более языков), а язык представляет собой продукт культуры, ее важную составную часть, а также отображение культурно-национальной ментальности его носителей. Поэтому для успешного осуществления данного процесса необходимо принимать во внимание культурную специфику народа, с языка которого выполняется перевод, ибо в противном случае межкультурной коммуникации не состоится.

В заключение следует отметить, что хотя абсолютно точный перевод, с полной передачей всех смыслов, невозможен, в силу существующих различий между языками и (прежде всего) культурами разных народов, переводчик должен стремиться к тому, чтобы два текста (оригинал и перевод) стали по возможности взаимозаменяемыми.

Литература

1. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Москва: Академия, 2004.

2. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Москва: Русский язык, 1990. 269 с.
3. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. Москва, 1980.
4. *Георгиева С.* Иностранное присутствие в болгарской и русской фразеологии и паремиологии. // Изучение славянских языков, литератур и культур в инославянской среде. Белград, 1998.
5. *Гончаров И. А.* Обломов. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979.
6. *Йовков Йордан*. Избранное. Москва: Художественная литература, 1979. / пер. М. Михелевич, Б. Ростова, Т. Колевой, Г. Чернейко, Д. Горбова, Н. Шестакова и др.
7. *Константинов Алеко*. Бай Ганю. До Чикаго и обратно. София: Свят, 1984. / пер. Д. Горбова, Т. Колевой.
8. *Костомаров В. Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Санкт-Петербург, 1999.
9. *Куняев С. Ю.* Мать сыра земля. Стихи. Москва: Советский писатель, 1988.
10. *Петров Ивайло*. Избранное. Москва: Радуга, 1987. / пер. В. Ерунова, В. Поляновой, Т. Колевой, З. Ангеловой, В. Сушкова, Л. Хитровой, М. Роя.
11. *Толстой А. Н.* "Петър Първи". София: Народна култура, 1974. / пер. С. Флорина.
12. *Шишков В. Я.* Угрюм-река. Москва: Прогресс, София: Народна култура, 1976. / пер. Б. Мисиркова и П. Велкова.
13. *Шолохов М.* Тихият Дон. Събрани съчинения в 8 тома. София: Народна култура, 1963. / пер. Г. Жечева.
14. *Хайтов Н.* Дикие рассказы. Москва: Прогресс, 1972, пер. М. Михелевич, М. Тарасовой, О. Кутасовой.
15. *Mounin G.* Les problèmes thcorctiqucs de la traduction / G. Mounin. Paris: Gallimard, 1963. P. 138.
16. *Философский* энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. 1983. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/543/КОММУНИКАЦИЯ
17. *URL:* http://phenomen.ru/public/dictionary.php?article=400

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

Черненькая Светлана, Буралкин Михаил
МГПУ, Россия
Schernenkaja@yandex.ru, michbural14091975@gmail.com

INTERCULTURAL COMMUNICATION: CONSTRAINTS AND POSSIBILITIES

Chernenkaya Svetlana, Buralkin Michael
MCU, Russia

Abstract: *The article discusses dialogue as a way of intercultural communication, its possibility and necessity in the modern world. Highlighted risks and limitations of intercultural communication. Also, the authors focus on the methodological issues of intercultural dialogue.*

Key words: *dialogue, culture, hermeneutics, cultural differences, intercultural communication.*

Особое внимание к вопросам межкультурной коммуникации в современном обществе, как правило, вызвано сугубо практическим интересом: в связи с интенсивностью транскультурных и миграционных процессов достаточно остро встала проблема понимания между культурами, пробуждения интереса к чужим культурам, воспитания терпимости к ним в противовес чувству неприятия и раздражения от непохожести других культур, их избыточности и т.д.

Как отмечают исследователи [1; 2; 3; 5], современная глобальная ситуация порождает настоящие столкновения между культурами, языками и нациями. Даже страны, сохранявшие традиционную приверженность принципу толерантности, не скрывают растерянности при столкновении с вызовами культурного разнообразия. В таких условиях необходимость межкультурного диалога выступает прагматическим императивом.

Следует отметить, что далеко не только экономический или политический интерес вызвали дискуссии по данному вопросу. В теоретическом плане проблема оказалась междисциплинарной, в решение которой включились лингвисты, чуть позже философы, политологи, социологи, правоведы и др. Собственно, вопросы межкультурного взаимодействия всегда были в центре научных исследований. Причин, обуславливающих актуальность подобного анализа, по крайней мере, две. Первая из них кроется в историческом факте сосуществования культур. Вторая – в факте активного взаимовлияния и взаимопроникновения культур. В зависимости от ряда факторов (не только научных интересов академического сообщества, но и политических, идеологических и т.д.) менялись направления исследований. В советской литературе одним из основных концептов в рамках данной темы выступало понятие «дружбы народов». В постсоветское время оно почти исчезло из нашего языка, и появились понятия самоидентификации, межнационального согласия, межкультурного диалога. В западной культуре стали обсуждать концепции мультикультурализма и межкультурной коммуникации.

Понятие коммуникации (от *лат*. communicatio) происходит от латинского *communicare* (делить друг с другом, делать общим). Индоевропейский корень *mun* имеет значение «чего-то общего» – общность поведения, общность ценностей, смысловая общность слов и т.д. От этого корня в германских языках образуются современные формы Meinung, gemein (*нем*), meaning (*англ.*). В современную философию термин «коммуникация» вводится рядом философов: Л. Левенталем, различавшим «аутентичный» тип, в котором «коммуникация влечет образование единства, обобществление внутреннего опыта» и «инструментальный» тип

коммуникации; К. Ясперсом, соотносившим понятия «коммуникация» и «экзистенция»; Ж.-П. Сартром, противопоставившим понятия «коммуникация» и «экзистенция»; Ю. Хабермасом и др. Но это понятие использовалось и ранее. Начиная с Античности, в диалогах Платона, в работах Аристотеля и др., представлены определенные модели коммуникации: софистическая, диалектическая, научная и т.д.

Понятие межкультурной коммуникации появится намного позже и введено будет в научный оборот только в XX столетии. Широкое применение этого понятия (и термина) требовало признания идеи самодостаточности разных культур, возможной закрытости их, несводимости к некому общему знаменателю. Идея эта в течение столетий «вызревала» как в научном сообществе, так и в обыденном познании. Аналоги пословицы «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят» есть во многих языках, но идея плюрализма ценностей, выступающая не только идеолого-политической установкой, но и объективной характеристикой духовной жизни, ее закономерностей и тенденций, является современной идеей.

Также сложно утверждалась в европейской культуре идея «диалога» различных культур. Как осуществляется взаимодействие культур? Насколько оно возможно, необходимо, неизбежно? В философии эти вопросы поднимаются, прежде всего, в рамках герменевтики. Герменевтические проблемы возникают именно на уровне соприкосновения культур. Духовность в ее содержательной специфике выступает, с одной стороны, продуктом длительной кристаллизации обстоятельств и форм жизни поколений, результатом переплетения факторов самого различного характера. С другой стороны, в каждую эпоху она является некой заданной предрасположенностью, системой установок общественного сознания, смысловым каркасом, в рамках которого существует и развивается общественное сознание. Когда мы говорим о культурной идентичности, то предполагается выявление ценностных, поведенческих, психологических ориентаций, системы этических норм, предопределяющих самоощущение и мировосприятие человека как члена определенного этнического сообщества. Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа, конкретной культуры, тогда становится ясным и то, какие идеи господствуют в общественном сознании.

При этом оказывается, что особенности культур фактически непреодолимы, и взаимодействие культур возможно только при условии признания множественности ценностей и смыслов. Взаимодействие культур может быть реальным не на основе универсализации, а на основе относительно обособленного сосуществования культур [4; 5]. На этом уровне важным представляется факт самодостаточности культур, культурной замкнутости «на себя», несводимости к чему-то универсальному, «общечеловеческому».

В рамках разработки общей теории понимания «зазору» между культурами особое внимание уделял Г.-Г. Гадамер. Традиционно в герменевтике считалось (В. Дильтей и др.), что, поскольку духовный мир человека в принципе одинаков, возможно преодолеть дистанцию между культурами. В герменевтике Гадамера именно дистанция, разделяющая меня и другого, мою культуру и чужую культуру, подлежит осмыслению. Эту дистанцию невозможно преодолеть. При сопоставлении культур обнаруживается непереходимая граница между ними, нарушение которой неизбежно приводит к опрощению культур. Следовательно, отмечал Г.-Г. Гадамер, стараясь понять другую культуру, необходимо не отождествлять культуры, а, отдавая себе отчет в неустранимости дистанции между ними, попытаться применить, использовать, если это возможно, опыт другой культуры. Всякое понимание, отмечал он, включает в себя в качестве конститутивного момента применение (Anwendung), по крайней мере сравнение со своим опытом, и поэтому понимание всегда сопряжено с

самопониманием. Можно вспомнить, что многие историки философии отмечают неслучайность возникновения философии именно в Древней Греции, в ряду условий отмечая «географический фактор». Будучи морской державой, греки имели возможность сравнивать свой образ жизни (обычаи, законы и т.д.) с жизнью других народов. Отеческие устои не ставились под сомнение, но вопрос, какой закон справедлив, что выступает нравственным, если у одного народа данный поступок и т.д. порицается или запрещается, а у другого – допускается, возникал.

Компаративный анализ позволяет установить качественную различность соприкасающихся культур, иногда несовместимость, противоположность их определяющих характеристик. В то же время культуры народов, сосуществующих в пространстве и времени, не могут не вступать во взаимодействие и предстают, в какой-то степени, и как результат длительного взаимовлияния. Исследуя национальные культуры, ученые отмечают, что национальная культура – это не просто совокупность уникальных, присущих только данному народу черт, а специфический набор общечеловеческих черт, идей, ценностей, присущих данному народу [1; 3; 4]. Общее в культурах проступает через особенное, а особенное выделяется на фоне общего. С. Г. Тер-Минасова в своей книге «Война и мир языков и культур» приводит результаты следующего эксперимента: «Двум группам мужчин – в Азии и в США – предложили вопрос. Представьте себе, что вы путешествуете по морю с семьей: с матерью, женой и ребенком. Ваш корабль начинает тонуть. Вы единственный, кто умеет плавать, и можете спасти одного члена своей семьи. Кого вы выберете? 60 % мужчин из США выбрали ребенка, 40 % – жену. Все 100 % опрошенных мужчин из Азии выбрали мать. Прочитав об этом эксперименте, Тер-Минасова в течении 10 лет опрашивала студентов МГУ (информантами были молодые люди в возрасте 16–22 лет, в подавляющем большинстве – женского пола, не имеющие детей и супругов и представляющие русскую культуру). 65–70 % русских студентов спасали бы ребенка, 10–15 % – мать, 8–10 % – мужа или жену. Но в анкетах русских студентов все 10 лет, указывался ответ, не предусмотренный авторами эксперимента. Не сговариваясь, около 7 % опрашиваемых писали, что в данной ситуации лучше погибнуть вместе со всей семьей, чем сделать предложенный выбор» [3, с. 49]. Ценность семьи выделяется во всех культурах, но преломляется она через призму национальных предпочтений.

Дихотомия «свой – чужой», всегда присутствующая как фоновое знание в размышлениях об этнической идентификации, не предполагает подход к культуре как «бытию-в-себе и для себя». Чужая культура не всегда выступает чуждой культурой, и, проводя параллели между культурами, можно выявить сопряженные идеи, ценности, которые и выступают основанием для диалога и взаимопонимания. В истории культуры достаточно примеров взаимообогащения культур. При изучении античной культуры и философии, допустим, особо подчеркивается, что понятие «древнегреческий мир» охватывает собой территорию и народы не только Греции, но и побережья Малой Азии, Южной Италии и Северной Африки, регионы, имевшие глубокие экономические и культурные связи еще до появления здесь философии в VII–VI веках до н.э. В силу географических условий, общественного разделения труда и динамики коммуникаций, данные регионы в отдельные периоды имели неодинаковый уровень развития и неодинаковую степень влияния друг на друга. В рамках такого широкорегионального взаимодействия и сформировался комплекс идей, именуемый древнегреческой предфилософией. После разделении в IV веке Римской империи надвое и падения в 476 году ее западной части, на Западе забыли древнегреческую философию. Именно арабские философы Средневековья Ибн Сина, Ибн Рушд и др. сохранили классическое наследие Платона и Аристотеля. Можно привести множество подобных примеров взаимовлияния, взаимопроникновения, а в отдельных случаях единения национальных

культур. Важно в методологическом плане выделить, что анализ сосуществования культур требует ясного осознания как самобытности каждой из культур, так и наличия некоторых общечеловеческих и общеисторических ориентиров конкретных культур.

Помимо объективных факторов в коммуникативном процессе присутствует субъективный момент – настроенность на диалог, желание (или нежелание) понять другую культуру, «воля к пониманию» (термин М. Хайдеггера). Древние греки называли словом «atopon» то, в силу чего наше понимание заходит в тупик, стопорится и напрягается. Так они называли Сократа, не дававшего покоя афинянам своими неуместными вопросами. В диалоге чужое, задевая нас, может позволить расслышать что-то, в том числе и в своей культуре. В диалоге не просто утверждается одна позиция в противовес другой – в таком случае будет только два монолога, и стороны не услышат друг друга, – а выявляются общие точки в обсуждении темы, как и «точки разрыва», могут быть пересмотрены собственные взгляды, оценки. Г.-Г. Гадамер, описывая условия возможности диалога, использовал слово Horizontverschmelzung, «взаимное проникновение, слияние или смещение культурных горизонтов».

Коммуникация может оказаться также взаимным провоцированием и конфронтацией. Кант в трактате «О вечном мире» специально подчеркивал, что для народов естественное состояние – это вражда и война. А мир и согласие между народами – это идеал, к которому стремятся сознательно, для достижения которого целенаправленно прилагают усилия. Как замечает С. Бенхабиб, если формирование культур происходит «через противопоставления», то вопреки декларациям о взаимном уважении «нам не дано знать, чего потребует или что повлечет за собой такое уважение при столкновении с глубокими культурными противоречиями» [1, с. 19]. Культурные различия выступают не только условием самоидентификации и материалом для сравнительного анализа, они могут оказаться источником соперничества, конфликтов, отчуждения между культурами. Перевод этнокультурных различий на язык диалогического взаимодействия позволяет и сохранять различия, и увидеть особенное другого, и понять основы своей культуры, и снять или ослабить «напряженность» между культурами. А знакомство и изучение других культур позволяют понять и принять, что могут быть формы культуры и стили мышления, отличные от тех, к которым мы привыкли [5, с. 70].

При осмыслении данной темы важно еще раз подчеркнуть, что культуры не являются «герметично запечатанными» [1]. Современная трактовка идентичности не может не учитывать культурную взаимопроницаемость, открытость «чужому». В методологическом плане наряду с диалектическим подходом, позволяющим выявить динамику и направленность изменений изучаемого предмета (культуры), можно отметить в рамках нашей темы принцип парадоксальности. Интерпретация конкретного содержания в системе универсальных диалектических категорий дает возможность представить предмет как внутренне противоречивый в своих проявлениях, выявить его целостность и динамическую связь с другими предметами. Парадокс – это нечто большее, чем противоречие. Возникновение парадоксальной ситуации требует не только пересмотра представлений о предмете, но и изменения в целом познавательной задачи, прежней установки на предмет. Переход к новой познавательной установке должен быть парадоксальным, т.е. приводить к выдвижению интуитивной, а не рационально выведенной идеи. Характеризуя природу философского и научного мышления, принцип парадоксальности связан с готовностью вернуться к истокам проблемы, к кардинальному пересмотру реальности, к поиску новых очевидностей. Он позволяет снять ограниченность как формально-логического подхода, так и недостаточность только диалектического подхода к изучаемому

вопросу. Собственно, изучение другой культуры всегда приводит к «открытию» иных, «парадоксальных», способов восприятия мира, стилей мышления.

Выделив возможность применения данных подходов к сравнительному анализу взаимодействующих культур, отметим, что «продуктивность» взаимодействия напрямую связана с процессом межкультурного понимания. В герменевтике выделяют так называемое «естественное, непосредственное понимание», характерное для представителей одной культуры, понимание «через интерпретацию, перевод» [5, с. 180], в рамках которого выявляется сопряженность смыслов, ценностей культур, и «понимание через привыкание». Валадес, выделивший последнее, утверждает, что мы приходим к пониманию иных концептуальных рамок или иного образа жизни не в результате перевода терминов чужого языка в термины своего, вместо этого «мы постепенно знакомимся с тем, как другие используют данные слова в своем языке, с амплитудой ситуаций, в которой они их применяют, с характером заявлений, которые они делают, и так далее,… и мы привыкаем к тому, что возможно другое видение мира и другой способ его интерпретации» [1].

Какой бы вид понимания не был выделен и реализован и как бы ни были несоизмеримы культуры, диалог между ними выступает формой, через которую достигается понимание и взаимопонимание. Диалог выступает и основой, и целью межкультурной коммуникации. Логика современной действительности, в рамках которой уже невозможно существование «закрытых», изолированных от мира культур, направляет, по сути, принуждает культуры к диалогу.

Литература

1. *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. Москва: Логос, 2003. 350 с.
2. *Межуев В. М.* Диалог как способ межкультурного общения в современном мире // Вопросы философии. 2011. № 9. С. 65–73.
3. *Тер-Минасова С. Г.* Война и мир языков и культур. Москва: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
4. *Черненькая С. В.* Интерпретативные стратегии понимания // Современные методологические стратегии: интерпретация, конвенция, перевод. Москва: РОССПЭН, 2014. С. 156–170.
5. *Черненькая С. В.* Философия языка для аспирантов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2016. №2(18). С. 66–76.

ПЕРЕВОД ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Юзвяк Иоланта
Университет Казимира Великого, Быдгощ, Польша
jjozwiak@poczta.onet.pl

TRANSLATION OF PROPER NAMES IN THE CONTEXT OF THE ECOLOGY OF THE LANGUAGE

Jóźwiak Jolanta
Kazimierz Wielki University in Bydgoszcz, Poland

Abstract: *The paper presents the results of translator's individual decisions regarding transfer of significant proper names from Boris Akunin' novels into their Polish variants. The ecological perspective makes it possible to interpret multi-level subsequent relations of language units within the framework of ecosystems in both the source and the target language.*

Key words: *Boris Akunin, translation, personal name, ecology of language.*

В настоящее время в лингвоэкологии в зависимости от направленности образа взаимодействия языков [ср.: 4] выделяются, как известно, три аспекта исследований: интерлингвальный, интралингвальный и транслингвальный. Интерлингвальный аспект связан с многоязычием как средой обитания отдельного этнического языка и с проблемой исчезновения языков, а значит, и с уменьшением лингвистического разнообразия на Земле. В рамках интралингвального подхода рассматриваются вопросы, связанные с культурой речи, стилистикой, риторикой, а также нарушения правильности, ясности, логичности, выразительности и других коммуникативных свойств речи, с целью повлиять на ослабление негативных тенденций в использовании языка.

В свою очередь, транслингвальный аспект связан с диалогом культур и отражением культурной специфики в художественной литературе, фольклоре, публицистике, в которых используются различные культурнообусловленные элементы, реалии определенного языка. Эти единицы связаны с одной культурой и появляются в контексте другой культуры или должны быть в процессе перевода переданы средствами иного языка в пространстве другой культуры.

Значит, именно транслингвальный аспект охватывает сферу переводческой деятельности. Как подчеркивают Л. В. Кушнина и Е. М. Пылаева, важной предпосылкой изучения экологии перевода является рассмотрение языка в качестве экосистемы, так как, ссылаясь на определение Н. В. Ганжерли: „язык можно рассматривать как экосистему, потому что, как и экосистема, состоит из сообщества живых организмов, обитающих в определенной среде и имеющих множественные связи с этой средой, так и язык состоит из подсистем, погруженных в контекст культуры и страны и имеющих сложные взаимоотношения и взаимосвязи между уровнями языка и с другими языками" [цит. по: 3, с. 72].

Действительно, в случае перевода дело имеется с очень сложной сеткой взаимосвязей, касающихся как элементов разных уровней в рамках исходного языка, так и взаимоотношений между языком и культурой оригинала и языком и культурой перевода, а также, следовательно, учитываются (для достижения преднамеренных результатов при восприятии) связи в пространстве перевода.

Экология перевода выделяется некоторыми теоретиками как самостоятельное исследовательское направление. Примерно, Л. В. Кушнина и Е. М. Пылаева ее объектом считают синергетический процесс перевода как экосистему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую.

Предметом исследования является функционирование текстов оригинала и перевода в их природном, культурном и социальном окружении [3, с. 72].

Следует отметить, что из-за своей сложности перевод рассматривается в широко понимаемом контексте, а особое внимание уделяется его культурной обусловленности. Мы хотели бы показать на примерах, каким образом переводчик учитывает многоуровневые языковые и культурные взаимоотношения экосистем оригинала и перевода, принимая отдельные решения относительно передачи. Материалом для исследования послужат значащие имена собственные, почерпнутые из некоторых романов Б. Акунина о приключениях Эраста Фандорина и их соотвествия из переводов избранных частей серии на польский язык.

По определению Н. К. Гарбовского, „значащими" следует считать „такие имена собственные, которым в конкретном тексте автор придает дополнительный смысл на основе внутренней формы слова" [2, с. 470]. Внутренняя форма, понимаемая в русской лингвистической традиции как осознаваемая говорящим на некотором языке мотивированность значения, т.е. образ или идея, положенные в основу номинации и задающие определенный способ построения заключенного в данном слове концепта, играет существенную роль, поскольку помогает вызвать положительное или отрицательное по эмоциональному восприятию ассоциативно-образное представление об объекте номинации. И именно такое же восприятие должен стараться обеспечить переводчик. Как писал В. С. Виноградов «заключенная в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть «проявлена» [1, с. 164].

Прозрачная внутренняя форма часто позволяет обратить внимание читателя на определенную черту персонажа, и в процессе передачи переводчик должен стараться сохранить подобного рода отношения в другой экосистеме. Можно достигнуть цели, переводя основу мотивации, ср.:

„Ангелочек манит тебя, соблазняет: не сомневайся, мол, *Лопух Дуралеич*. Что тут может быть, под этой заманчивой картиночкой, кроме полного для тебя удовольствия?" [П: 60] i

„Aniołek cię wabi, uwodzi: uwierz mi na słowo, *Cymbale Jołopowiczu*. Co może tam być, pod tym kuszącym obrazkiem, oprócz samej przyjemności?" [W: 54].[1]

Как в русском, так и в польском приведенных фрагментах значащий антропоним мотивирован синонимичными презрительными определениями человека, воспринимаемого окружением как глупый, тупой, безрассудный, т.е. *лопух*, *дурак* и *cymbał*, *jołop*. Следует подчеркнуть, что польское соответствие не является единственным возможным, оно − только одно из потенциальных, опирающихся на избранные в данной ситуации два слова из многочисленного синонимического ряда, в чем и проявляется переводческая свобода выбора при передаче креативных языковых элементов.

Не всегда возможен перевод основы мотивации, даже если слово с таким же значением имеется в другом языке. Примером может послужить значащая фамилия *Синичкина*, которая в русском языке вызывает у читателей намеренные автором ассоциации на основании внутренней формы. В польском переводе после использования транскрибированного варианта достижение такого эффекта невозможно,

[1] Приведенный в тексте иллюстративный материал почерпнут из монографии автора настоящей статьи, в которой процесс принятия переводчиком решений в определенной переводческой ситуации рассматривается с учетом точки зрения реципиента, значит, исследования проводятся вокруг соотношений из заглавной триады: контексты − решения − последствия, ср. J. Jóźwiak, *Konteksty − Decyzje − Konsekwencje. Problemy przekładu*, Bydgoszcz 2016.

и переводчик прибегает к семантической экспликации значения, к сноске, учитывая роль внутренней формы передаваемой единицы как основы сравнения:

„Коломбина поневоле улыбнулась смешной фамилии. Александра *Синичкина* − это еще хуже, чем *Мария Миронова*. Немудрено, что девочке захотелось назваться *Офелией*" [Л1: 157] oraz

„Kolombina uśmiechnęła się mimo woli, słysząc owo zabawne nazwisko*. Aleksandra *Siniczkina* to jeszcze gorzej niż *Maria Mironowa*. Nic dziwnego, że dziewczyna postanowiła przybrać imię „*Ofelia*"

*Siniczka (ros.) − sikorka" [K1: 133].

В приведенном фрагменте автор высказывания сравнивает и оценивает упомянутую фамилию с другой значащей, потому что благодаря ассоциациям отсылает читателей к героине *«Капитанской дочки»* А. С. Пушкина. Конечно, в польской аудитории элемент интертекстуального характера, каким является фамилия Миронова, независимо от наличия установленного варианта *Mironowa*, не может встретиться с таким же восприятием. Знания относительно творчества А. С. Пушкина и персонажей его произведений в русскоязычном мире существенно отличаются от знаний представителей польской культуры.

В тексте появляется также прецедентное имя *Офелия*, являющееся художественным псевдонимом Синичкиной, отсылающим читателей к героине трагедии Уильяма Шекспира *«Гамлет»*. По определению Д. Урбанек, это элемент т.н. третьей культуры [5, с. 160], т.е. культуры чужой культурам оригинала и перевода. Надо отметить, что несмотря на это, имя способно вызвать у русскоязычных и польских реципиентов одинаковые ассоциации, поскольку знания относительно упомянутого произведения сравнимы. Ключевым фактором является степень известности имени собственного.

Не всегда значащее имя требует от переводчика особых усилий, даже если внутренняя форма довольно сложна. Бывает, что она тогда объясняется автором в тексте оригинала, как, например, в случае фамилии актрисы − главного женского персонажа романа *«Весь мир театр»*. Имеются в виду соответствия *Элиза Альтаирская-Луантэн* и *Eliza Altairska-Lointaine*, ср.:

„Это имя уже не казалось Эрасту Петровичу чрезмерно претенциозным. Оно ей шло: далекая, как звезда *Аль-Таир*... В самом начале карьеры она ярко сыграла принцессу Грезу в одноименной ростановской пьесе − отсюда «*Луантэн*» (во французском оригинале принцессу Грезу ведь зовут Princesse Lointaine, Далекая Принцесса" [BT: 58–9].

При настолько ярко эксплицированной мотивации в компетенции переводчика остается проверка записи наименования звезды и решение об адаптации первой части фамилии, ср.:

„Erast Pietrowicz już nie uważał, że jej nazwisko jest pretensjonalne. Pasowało do niej: odległa jak gwiazda *Altair*… Na początku swojej kariery wspaniale zagrała księżniczkę w sztuce Rostanda − stąd „*Lointaine*" (we francuskim oryginale księżniczka nazywa się Princesse Lointaine, Daleka Księżniczka[2]) [ST: 53–4].

Возможность расшифровки читателями внутренней формы из-за ее сложности оказалась маловероятной. Объяснение находится в тексте также потому, что повторяющийся мотив отдаленности отражает как восприятие актрисы самим главным героем Эрастом Фандориным, так и отношения между ними в упомянутом романе.

[2] Следует отметить, что опущение информации о заглавии пьесы Эдмона Ростана вполне оправдано, поскольку в польской культуре она известна как *Daleka Księżniczka*.

Особой категорией неофициальных антропонимических наименований являются псевдонимы, один из которых упоминался в приведенном выше фрагменте (Офелия). Способы возникновения / создания псевдонимов и причины их приобретения могут быть различными. Каждое лицо может быть наделено псевдонимом для указания на определенную черту характера, внешнего вида и т.п. или может принять псевдоним по своей воле, например, по идейной причине или по любой личной причине.

Подпольные псевдонимы являются простыми для передачи, если имеют вид стандартных языковых единиц данного языка. Примерно, в романе *«Черный город»* кроме псевдонима неуловимого убийцы (*Дятел* − *Dzięcioł*) окказионально появляются другие конспиративные прозвища, мотивированные названиями птиц, ср.:

„При этом всякой пернатой нечисти в городе было достаточно: армянский бандит *Черный Ястреб*, лезгинский бандит *Белый Сокол*, русский налетчик просто *Сокол*, тюркский головорез *Лешиейэн*, то есть *Стервятник*, а вот про *Дятла* ничего разузнать не удалось, […]" [Ч: 210].

Их перевод сводится к отысканию словарного соответствия, даже в случае, если мотивировка играет существенную роль, потому что ключевой является в таких случаях признак птицы, на который опирается название, а не его внутренняя форма, ср.:

„Jak na złość wszelakiego skrzydlatego diabelstwa było w mieście w bród: ormiański bandyta *Czarny Jastrząb*, lezgiński bandyta *Biały Sokół*, rosyjski rabuś po prostu *Sokół*, turkijski zbój *Leşyiyen*, czyli *Sęp*. Natomiast na temat *Dzięcioła* nie udało się dowiedzieć niczego, […] [CM: 217].

В приведенных фрагментах следует обратить внимание на одну переводческую пару соответствий: тюркский головорез *Лешиейэн* − turkijski zbój *Leşyiyen*, czyli *Sęp*., которая требовала от переводчика особого решения. Переводчица сочла необходимым (как и автор оригинала) подчеркнуть культурную принадлежность персонажа путем записи на турецком языке, однако дополнительно появился перевод значения. Правила записи отличаются друг от друга в русском и польском языках. Оригинальная запись не обеспечивает польскому читателю возможности свободно прочитать название, как в случае использования переводческой транскрипции в русском языке.

Переводчик встречается с разными ситуациями. Иногда внутренняя форма слова может вызывать ложные или неоднозначные ассоциации. Имеется в виду пример из романа *«Статский советник»* − псевдоним лидера революционной террористической «Боевой Группы»: *Грин* − *Grin*. Облик конспиративного прозвища производит впечатление сокращенного варианта фамилии, но как в конце концов оказывается никакого отношения к ней не имеет, хотя было бы это вполне возможным и обоснованным. Кроме того, герой имеет особенность воспринимать людей через ощущение цвета находящейся вокруг их ауры. Поэтому оправданной кажется читателям возникающая ассоциация с зеленым цветом на основании расшифровки клички как записанного в русской транскрипции английского слова *green*. Ощущение цвета более усилено в оригинале в связи с естественным восприятием английско-русской транскрипции. В польском языке в данном случае процесс более сложен, однако не исключается такой же результат после того, как читатели в ходе сюжета осваиваются с транскрибированными вариантами записей. Если даже ассоциация не появляется, имеется текстовая экспликация, которую можно было бы считать элементом посмодернистской языковой игры Акунина, потому что автор намеренно вводит читателей в заблуждение:

„*Грин* знал, что его кличка по-английски значит „зеленый", но свой цвет ощущал иначе" [С: 46] oraz

„*Grin* wiedział, że jego pseudonim po angielsku znaczy „zielony", ale swoją barwę postrzegał inaczej" [R: 44].

До момента прямого объяснения в тексте внутренняя форма псевдонима предоставляет возможность разной интерпретации, а на самом деле мотивация оказывается следующей:

„*Григорий Гринберг* стал *Грином* в двадцать лет, после очередного побега. Прошел полторы тысячи верст, и уже под самым Тобольском угодил в глупую облаву на бродяг. Надо было как-то назваться, вот и назвался. Не в память о прежней фамилии, а *в честь Игнатия Гриневицкого*, цареубийцы" [С: 56].

В польском варианте перевода подлинная основа мотивации остается непрозрачной, все сводится к описанию. Причиной является использование традиционного установленного соответствия исторического персонажа, однако произошло это за счет утраты графической связи с основой мотивации, ср.:

„Po kolejnej ucieczce, mając dwadzieścia lat, *Grigorij Grynberg* stał się *Grinem*. Przeszedł półtora tysiąca wiorst i już pod samym Tobolskiem wpadł podczas banalnej obławy na włóczęgów. Trzeba było się jakoś nazwać i przyszedł mu do głowy właśnie „Grin". Nie dla uczczenia swojego poprzedniego nazwiska, lecz *w hołdzie Ignacemu Hryniewieckiemu*, zabójcy cara" [R: 53].

Как следует из приведенных примеров, передача значащих имен требует от переводчика внимательности, решения разных вопросов. Рассматривая этот процесс в контексте экологии языка, следует отметить, что языковая материя, действительно, ведет себя подобно живому организму, в котором изменение одного элемента, с виду несущественного, влияет на работу более сложных органов и систем. Таким же образом решения переводчика, выбор одного соответствия среди потенциальных, может привести к существенным изменениями в системе смыслов и ассоциаций. Поэтому так важны: индивидуальный подход к отдельным элементам и установка на читателя перевода.

Литература

1. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение. Москва, 2001.
2. *Гарбовский Н. К.* Теория перевода. Москва, 2007.
3. *Кушнина Л. В., Пылаева Е. М.* Экология перевода. Современные тенденции и подходы // Вестник Пермского университета. 2014. Вып. 2 (26). С. 70−77.
4. *Потеряхина И. Н.* К вопросу о современном состоянии эколингвистических исследований. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/f74/uch_2012_iii_00025.pdf. доступ 07.01.2018.
5. *Urbanek D.* Pęknięte lustro. Tendencje w teorii i praktyce przekładu na tle myśli humanistycznej. Warszawa, 2004.

Источники

[П] − *Акунин Б.* Особые поручения. Пиковый валет. Москва, 2009.
[С] − *Акунин Б.* Статский советник. Москва, 2005.
[Л1] − *Акунин Б.* Любовница смерти. Москва, 2009.
[ВТ] − *Акунин Б.* Весь мир театр. Москва, 2011.
[Ч] − *Акунин Б.* Черный город. Москва, 2014.
[W] − *Akunin B.* Walet pikowy, przeł. E. Rojewska-Olejarczuk. Warszawa, 2003;
[R] − *Akunin B.* Radca stanu, przeł. Z. Landowski. Warszawa, 2003.
[K1] − *Akunin B.* Kochanka śmierci, przeł. E. Rojewska-Olejarczuk. Warszawa, 2004.
[ST] − *Akunin B.* Świat jest teatrem, przeł. O. Morańska. Warszawa, 2012.
[CM] − *Akunin B.* Czarne miasto, przeł. A. Okuniewska-Stronka. Warszawa, 2012.

Редакционная коллегия:
проф. д-р Елена Стоянова (отв. ред.), Болгария
доц. д.ф.н. Светлана Алексанова, Россия
проф. д-р Татьяна Чалыкова, Болгария
проф. д-р Валентина Аврамова, Болгария

Технический редактор:
Христина Христова
Дияна Николова

Русистика 2018: материалы международного научного симпозиума „Экология языка и современная коммуникация“ 26–29 апреля 2018 г. (Шумен–СОК Камчия), посвященного 45-летию русистики в Шуменском университете им. епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария). / Отв. ред. Е. Стоянова. Шумен: изд-во „Химера“, 2018 – 446с.

печат: “Химера” ООД - Шумен
Издателство: “Химера” ООД, тел.: 054/ 830 585
e-mail: print@himeraltd.com, www.himraltd.com
Формат 1/9 от 70/100. Обем 49.78 п. к.
Дадена за печат март 2018 г.
Излязла от печат април 2018 г.